

БИБЛИОТЕКА
ОТЦОВ И ОУЧИТЕЛЕЙ
ЦЕРКВИ

СВЯТЫЙ ГРИГОРИЙ
ВЕЛИКИЙ
ДВОСВЯТОС

Творения

БИБЛИОТЕКА
ОТЦОВ И ОУЧИТЕЛЕЙ
ЦЕРКВИ

СВЯТИТЕЛЬ
ГРИГОРИЙ ВЕЛИКИЙ
ДВОЕСЛОВ

*Избранные
творения*

Редакционный совет серии:
священник Андрей Лобашинский
проф. А. И. Сидоров
П. Н. Роговой

Святитель Григорий Двоеслов является одним из ярких представителей западного святоотеческого богословия. Великий подвижник и один из столпов западного монашества, он был одареннейшим писателем: экзегетом, проповедником, глубоким тайнозрителем и моралистом. Творения его, особенно «Собеседования о жизни италийских отцов» и «Пастырское правило», всегда высоко почитались в Православной Церкви. Современному православному читателю предлагаются его «Беседы на Евангелия» в старом переводе архимандрита Климента и «Собеседования», редакцию перевода которых осуществил М. Тимофеев, снабдив их небольшими примечаниями. Оба эти сочинения рельефно запечатлевают сущностные черты мирозерцания святителя, отражая в себе и многие грани всего святоотеческого богословия. Вступительная статья профессора А. И. Сидорова позволяет представить себе эпоху, в которую жил св. Григорий Двоеслов, его личность и многообразное творчество.

Общая редакция
проф. А. И. Сидоров

© Издательство «Паломникъ», 1999

© Вступительная статья, А. И. Сидоров, 1999

© Редакция перевода «Собеседований», М. Тимофеев, 1999

А. И. СИДОРОВ

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ ВЕЛИКОГО (ДВОЕСЛОВА)

I.

Эпоха и жизнь

Время, в которое жил св. Григорий (ок. 540–604 гг.), было одним из самых печальных и скорбных периодов в истории христианского Запада, особенно в истории Италии*. Хотя Юстиниан Великий, вдохновляемый идеей восстановления былого могущества Римской империи, в ряде продолжительных и изнурительных кампаний сумел отвоевать у остготов и вандалов некоторые западные области**, «но несмотря на эти громадные успехи, разница между замыслами Юстиниана и действительными результатами была очень значительна: Западную Римскую империю в ее целом ему возратить не удалось»***. Нашествие новых варваров, лангобардов, в 569 году во многом свели на нет все завоевания Юстиниана в Италии. К этому добавились и многочисленные эпиде-

* См.: *Richards J. Consul of God. The Life and Times of Gregory the Great.* London, 1980, p. 4–24; *Markus R. A. Gregory the Great and His World.* Cambridge, 1997, p. 3–8.

** См.: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи VI–IX вв. М., 1996, с. 268–290.

*** *Васильев А. А.* История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.). СПб., 1998, с. 201.

мии (моровая язва и пр.), постоянно опустошавшие страну, в результате чего численность ее населения резко снизилась, а хозяйственная жизнь была близка к окончательному развалу. Естественно, что все эти бедствия захватили непосредственно и Рим — некогда столицу мира, а в VI веке уже полуопустошенный город, сполна испивший чашу мерзости запустения. Один русский медиевист яркими красками описывает скорбное положение Италии и самого Рима в этот период: «Готские цари, чтобы удержать в повиновении столицу, брали многочисленных заложников; но население, ненавидевшее еретиков-варваров, тянуло к православной Византии, и заложники гибли. Так, один раз были избиты все сенаторы, в другой — готы казнили 300 молодых людей из самых знатных фамилий. Тем не менее, Рим то по охоте, то поневоле предавался византийцам, которые бывали не раз вынуждены возвращать его готам. Начинались новые невероятные репрессалии. Тотила, например, избил значительную часть населения, а остальных жителей вывел из города и разместил по тюрьмам в Кампании, так что в мировой столице 40 дней бродили одни только волки. К бедствиям войны присоединились ужасы голода и чумы, которые тянулись и после падения Остготского королевства. Византийское правительство с презрением относилось к воссоединенной Италии; солдаты хозяйничали в ней, как во вновь покоренной стране; чиновники во время голода искусственно повышали цены на награбленные съестные припасы. Италия переживала неопишуемые страдания, которые в короткое время отняли у нее целую треть населения. Тем не менее, ей предстояли еще новые бедствия: 13 лет спустя после падения Остготского королевства в Италии появились лангобарды.

Это были самые дикие из всех варваров. Одна их наружность внушала ужас. Обритая сзади голова, спереди длинные космы волос, соединяющиеся с бородой и падающие на щеки, окрашенные в зеленый цвет, приводили в трепет запуганное население. Данному виду соответствовали и нравы. Вожди лангобардов были свирепые ариане, а многие из воинов оставались еще язычниками; православное население Италии было одинаково ненавистно и тем и другим. Ариане разграбляли церкви, вырезывали священников и в особенности монахов и загоняли в леса верующих; язычники в одном месте убили 40 крестьян за то, что они отказались вкушать освященного (т. е. идоложертвенного. — А. С.) мяса, в другом зарезали 400 пленных, которые не хотели поклоняться голове жертвенной козы. Христианские поля опустошались без всякой пощады; не успевшие оправиться города подвергались новым и более ужасным опустошениям, и в Италии твердо упрочивается верование, что с концом столетия наступит и кончина мира, потому что все бедствия, которые, по Евангелию, должны предшествовать этому событию, казалось, уже осуществились»*.

Естественно, что такое положение вещей отнюдь не способствовало процветанию культуры и христианского просвещения. И тем не менее, они продолжали существовать, ибо в конце V — начале VI века на Западе еще можно встретить значительное число серьезных богословов, вдумчивых мыслителей и талантливых писателей. К ним, например, принадлежал папа Геласий I, обладающий широкими познаниями в богословии, библейской экзегезе и юриспруденции,

* Корелин М. С. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. Спб., 1901, с. 18–19.

а также блестяще владеющий языком и отличающийся отточенным стилем*. Выдающейся личностью был и Фульгентий Руспийский (462–527), которого архиепископ Филарет называет «последним светозарным отблеском великого светильника, погасшего в следующем веке — церкви Африканской»**. Отпрыск знатного карфагенского рода, получивший прекрасное образование, он отказался от роскошной и комфортной жизни аристократа, принял иноческий постриг и стойко нес иго Христово до самой кончины, претерпев многие скорби и гонения от воинствующих варваров-ариан. В своем мирозерцании Фульгентий следовал преимущественно за блаж. Августином, прославив даже как «сокращенный Августин» («Augustinus abbreviatus»), хотя, развивая взгляды этого отца Церкви, проявлял достаточную самостоятельность, например, в области христологии***. Нельзя не назвать и имени Боэция (480–525), которого еще Лоренцо Валла определил как «последнего римлянина и первого схоластика». Всесторонний эрудит, он проявил себя во многих областях просвещения, создав, среди прочего, и стандартные учебники по математике и музыке для позднейших средневековых школ****. Изысканный диалектик, Боэций и богословие стремился препарировать в жесткой и сухой схеме логических

* См.: Ullman W. *Gelasius I.* (492–496). *Das Papstum an der Wende des Spätantike zum Mittelalter.* Stuttgart, 1981, S. 162–163.

** *Архиепископ Филарет (Гумилевский)*. Историческое учение об отцах Церкви, т. III. М., 1996, с. 106.

*** См.: Diesner H.-J. *Fulgentius von Ruspe als Theologe und Kirchenpolitiker.* Stuttgart, 1966, S. 9–59; Nisters B. *Die Christologie des hl. Fulgentius von Ruspe.* Münster, 1929, S. 18–57.

**** См. общую характеристику Боэция в кн.: Chadwick H. *Boethius. The Consolation of Music, Logic, Theology and Philosophy.* Oxford, 1981, p. XI–XIII.

категорий. Приняв участие в догматических спорах своего времени и написав четыре богословских трактата*, он и догматические проблемы решал как математические задачи, обращая главное внимание на четкую дистинкцию основополагающих понятий («лицо», «субстанция» и пр.) и выяснение их корректных соотношений**. Поэтому пафос этих трактатов состоял «не в доказательстве истин веры, а в поиске понимания. Понимание же может базироваться на логике, которая для «последнего римлянина» есть прежде всего логика Аристотеля»***. Этим принципом и руководствовался Боэций, признавая христианские догматы неким само собою разумеющимся постулатом для рефлексирующей мысли, которая для него была центральной осью всего человеческого бытия. Не случайно, что подобный «логицизм» нашел самый живой отклик на Западе в период становления и расцвета здесь схоластики, воспитанной и взращенной во многом на трудах Боэция****. Близким по духу Боэцию, хотя и

* Всего Боэцию приписывается пять таких трактатов, но длина одного из них подвергается сомнению. См. перевод этих трактатов и анализ их в кн.: *Боэций. «Утешение философией»* и другие трактаты. Под редакцией Г. Г. Майорова. М., 1990, с. 145–189, 374–391.

** См.: *Schurr V. Die Trinitätslehre des Boethius im Lichte der «skythischen Kontroversen»*. Paderborn, 1935, S. 14–104.

*** Уколова В. И. «Последний римлянин» Боэций. М., 1987, с. 81.

**** Ср. характеристику: «Прилежное и ревностное изучение диалектики в христианских школах приводило неоднократно к тому, что диалектику переоценивали, полагая, что с помощью ее одной можно решать глубочайшие вопросы. Даже тайны христианской веры не оставались для нее неприкосновенными. Для выяснения их почти не пользовались Священным Писанием и учением Церкви, а подвергали их диалектической обработке, и добытые таким образом результаты признавали безусловно верными». *Штёкль А. История средневековой философии*. СПб., 1996, с. 105.

сильно отличающимся от него по психологическому типу, являлся Кассиодор (ок. 485–580) — писатель не без таланта, но не мыслитель, а, скорее, просветитель*. Личностью он был удивительной: для него «было в высшей степени свойственно умение ладить с людьми и находить компромиссный выход из любого положения. Он стремился примирить Италию с Византией, историю «непобедимого» Рима с историей варварского народа, ортодоксальных христиан с арианами, языческое знание со Священным Писанием. Этим в значительной степени объясняется не имеющий аналогов факт его почти сорокалетнего пребывания на вершинах власти, в течение которого он оставался необходимым всем остготским королям»**. После падения Остготского королевства Кассиодор в своем поместье «Виварий» создал школу-монастырь, послужившую образцом для многих средневековых монастырей. Здесь, кроме собственно школы, была хорошая библиотека и скрипторий. Обитель Кассиодора стала своего рода «исследовательской общиной», в которой интеллектуальный труд рассматривался в качестве одного из главных послушаний: монахи изучали Священное Писание и толковали его, переписывали книги, переводили греческих авторов (как церковных, так и языческих), постигали различные практические знания, например, в области медицины, математики и пр. Поэтому Кассиодор, по характеристике В. И. Уколовой, представляется как «человек новой формации, он не хранитель, не передатчик достижений древних, не «последний страж

* О нем см.: *Labriolle P., de. Histoire de la litterature latine chrétienne.* Paris, 1924, p. 673–677.

** *Уколова В. И. Античное наследие и культура раннего Средневековья (конец V — середина VII века).* М., 1989, с. 82.

античной культуры», как его иногда называют. Он менее всего страж, он активный деятель, разумный и дальновидный создатель новой культуры, выбравший, как рачительный хозяин, из предшествовавших достижений материал, необходимый для созидания»^{*}.

Однако эта рафинированная «культура книжности», представленная Бозцием и Кассиодором, которая носила на себе еще много родимых пятен утонченного язычества, была маленьким островком среди разбушевавшейся стихии исторических катаклизмов. С ней св. Григорий Великий, если и соприкасался, то чисто внешним образом. Вся жизнь и все мирозерцание его направлялись по руслу совсем иного типа культуры — культуры аскетического подвига, молитвенного труда и тайнозрительного созерцания Бога. Ибо он «принадлежал к числу знаменитейших подвижников-аскетов Запада. Как в тиши монастырского уединения, среди братий, отрекшихся от себя и от мира, отдавших все свои духовные, умственные и нравственные силы на служение Богу, так и в деятельной многосторонней жизни римского первосвященника, неуклонно оставался он верен началам истинно христианского подвижничества, высший образец которого он находил в жизни св. апостола Павла... и в подвигах св. Бенедикта Нурсийского, законоположника иноческой жизни на Западе... Любовь к монастырю, сделавшая его одним из величайших организаторов монашества на Западе, строгое до суровости соблюдение монашеских требований и обетов, в отношениях к себе и другим, несмотря на то, что сам он крайне слаб здоровьем,— восторженно-созерцательная духовная сосредоточенность, постоянное и глубокое

^{*} Там же, с. 115–131.

проникновение умом и сердцем в тайны веры, в тайны высшего духовного ведения: вот отличительные характеристические черты его личности»^{*}.

Сын богатого римлянина, св. Григорий рос в семье, отличающейся глубоким благочестием и искренней религиозной настроенностью; особенно сильное влияние на формирование личности святителя оказала его мать^{**}. Вообще традиции семьи были исконно христианскими: папа Феликс III (483–492) являлся предком св. Григория, папа Агапит (535–536) — один из родственников; три тетки стали инокинями. Родите-

^{*} Пономарев А. Собеседования св. Григория Великого о загробной жизни в их церковном и историко-литературном значении. Опыт исследования памятников христианской агиологии и эсхатологии. Спб., 1886, с. 1.

^{**} «Имя Сильвии (так звали мать Григория) должно стоять в истории рядом с именами Нонны, Анфусы, Моники и других благочестивых жен, в своих детях воспитавших великих служителей Церкви. Нонна своего сына Григория Назианзина от рождения посвятила на служение Богу и своим влиянием сделала его первым поэтом христианской меланхолии и дала ему то созерцательное направление, которое было в нем так плодотворно для веры в век арианских волнений; Анфуса в Иоанне Златоусте воспитала неподражаемого защитника бедных и слабых; Моника старалась укрощать бурные порывы страсти в пылкой душе Августина и своими материнскими заботами о привлечении его в послушание веры и добродетели и о рождении его для вечного спасения полагала начало для позднейшего благоприятного поворота в его жизни. И св. Григорий Двоеслов первее всего, при посредстве горячей материнской любви питал свою душу из родника веры и святости христианской, — и эта любовь дала ему и крепость твердого добродетельного настроения, и мягкость сострадательного чувства, и ту нежную впечатлительность ко всем переменам и внешнему и внутреннему миру, с какою является Григорий на всех поприщах, во всех обстоятельствах своей жизни». — *Певницкий В.* Св. Григорий Двоеслов — его проповеди и гомилитические правила. Киев, 1871, с. 29–30.

ли его, будучи людьми состоятельными и влиятельными, дали сыну вполне приличное классическое образование (в которое, однако, не вошло обучение греческой словесности)*. Его достаточно высоко ценил св. Григорий, ибо впоследствии говорил, что «если мы не знаем мирской науки, то мы не способны проникнуть и в глубину Священного Слова»**. Однако эту мирскую науку он всегда рассматривал как служанку «науки священной». Войдя в пору мужества, св. Григорий, вероятно, стал заметной личностью в Риме, ибо ок. 573 года его назначают на высокую должность префекта города. Свои обязанности он, судя по всему, исполнял добросовестно и хорошо, однако многочисленные административные хлопоты и суета обыденных дел тяготили душу молодого префекта. Сердце св. Григория впервые стала терзать дисгармония между жизнью созерцательной (*vita contemplativa*), к которой он чувствовал внутреннее призвание, и жизнью деятельной (*vita activa*), узы которой накладывали на него жизненные обстоятельства; разлад этот продолжался вплоть до кончины святителя***. Стремясь

* Вообще знание греческого языка на латинском Западе в течение V–VI вв. почти полностью исчезло, даже в самой высшей «церковной элите»; Кассиодор и его кружок эрудитов представляли редчайшее исключение. См.: *Histoire de l'Église depuis les origines jusqu'à nos jours*. Ed. par A. Fliche et V. Martin, t. 4. De la mort de Théodose à l'élection de Grégoire le Grand. Paris, 1937, p. 570–572. Позднее св. Григорий, будучи в Константинополе, приобрел, вероятно, достаточно хорошее знание разговорного греческого языка, хотя писать на нем так и не научился.

** См.: *Richards J.* Op. cit., p. 26–29.

*** Сама дихотомия жизни созерцательной (обычно ассоциирующейся с философией) и жизни деятельной (практической) восходит к глубинной античной традиции. См.: *Markus R. A.* *The End of Ancient Christianity*. Cambridge, 1990, p. 183–197. Впрочем, данная ди-

преодолеть этот разлад, он, после смерти отца, решает посвятить себя целиком Богу и вступает на иноческую стезю (ок. 574–575 гг.). В шести оставшихся ему по наследству сицилийских поместьях св. Григорий учреждает монастыри; еще одну обитель (монастырь св. Андрея) он основывает в своем доме в центре Рима — здесь он сам становится иноком, старательно исполняя все послушания. Наконец, как казалось, он обрел то, к чему так ревностно стремился и что постоянно алкал: покоя и тишины для молитвенных созерцаний.

Однако Промысел Божий по-своему управлял жизнью св. Григория: приблизительно в 578 году он при-

хотомия далеко не всегда принимала форму антитезы. Яркий пример тому Филон Александрийский. Ибо «отдавая всегда предпочтение и ставя выше жизнь созерцательную, Филон в то же время не отвергает и жизни практической. Та и другая жизнь в известном смысле равноценны: сначала нужно упражняться в жизни деятельной и в ней достигнуть совершенства, а потом уже перейти к жизни созерцательной. Поэтому-то Филон отрицательно относится не к жизни практической, как таковой, а лишь к *ненормальностям* ее и тем лицам, которые *безраздельно* отдаются этой жизни, забывая, что она только необходимая ступень к жизни созерцательной. Точно также Филон не отвергает и этой последней; он восстает не против созерцания и уединения, а против тех, кто, поспешно и необдуманно оставляя практическую деятельность, *прямо и без достаточной подготовки* переходит к созерцанию» (Иваницкий В. Ф. Филон Александрийский. Жизнь и обзор литературной деятельности. Киев, 1911, с. 103). Эту идею Филона о должном соотношении жизни «практической» и «теоретической», как необходимых этапов духовного преуспевания (при подчинении первой интересам второй), во многом усвоил Ориген. Во многом к ней был близок и св. Григорий Двоеслов (см. ниже). В позднейшей христианской культуре (начиная со свв. Григория Богослова и Григория Нисского) жизнь созерцательная стала тесно связываться с монашеским житием. См.: *Évagre le Pontique. Traité pratique ou le Moine*, t. I. Ed. par A. Guillaumont et C. Guillaumont // Sources chrétiennes, N 170. Paris, 1971, p. 42–46.

зывается на церковное служение в качестве одного из семи римских диаконов, а затем отправляется (примерно через год) в Константинополь как папский апокрисиарий. В восточную столицу он взял вместе с собой несколько монахов из своего Андреевского монастыря вместе с настоятелем его Максимианом, а поэтому ритм жизни св. Григория здесь мало чем отличался от римского. «В Константинополе, когда официальное положение ставило его в близкие отношения ко двору и избранному обществу, многие заискивали его знакомства; но он отвечал на эти заискивания добродушною осторожностью, сдерживавшею желание завязать с ним непосредственные сношения. В своем доме он любил видеть немногих людей, известных ему со стороны своего благочестивого настроения, между которыми особенно сблизился с ним Леандр, епископ Испалийский, бывший в Константинополе доверенным лицом вестготского короля. Назидательные беседы с благочестивыми людьми о чудесах веры и подвигах добродетели были для него главным развлечением, какого он искал на досуге от забот, возложенных на него званием, и какому предавался с полною, открытою душою»*. В Константинополе св. Григорий завязал дружбу и с пребывающим здесь в ссылке Антиохийским патриархом Анастасием I — довольно видным богословом того времени**. Естественно,

* Певницкий В. Указ. соч., с. 39.

** См.: Weiss G. *Studia Anastasiana* I. Studien zum Leben, zu den Schriften und zur Theologie des Patriarchen Anastasius I. Von Antiochien (559–598). München, 1965, S. 34–41. О значении Анастасия в христологических спорах VI в. см. нашу статью: Сидоров А. И. Проблема «единого действия» у Анастасия I Антиохийского. К вопросу о создании идейных предпосылок монофелитских споров // *Byzantinoslavica*, t. L, fasc.1, 1989, p. 24–32.

что более или менее тесные связи установились у него и с другими влиятельными церковными и государственными лицами Византии, что впоследствии, когда св. Григорий стал папой, сыграло немаловажную роль. В византийской столице св. Григорию пришлось участвовать и в догматическом споре с Константинопольским патриархом Евтихием, касающемся проблемы воскресших тел*. Сам св. Григорий позднее передает суть дискуссии следующим образом: Евтихий считал, что после воскресения наше тело будет неосязаемым, тоньше ветра и воздуха (*corpus nostrum in illa resurrectionis gloria erit impalpabile, uentis aeraque subtilius*). Возражая патриарху, св. Григорий отстаивал осязаемость тела после воскресения, основываясь на том тезисе, что следует различать одну плоть — соответствующую природе (*aliter caro dicitur juxta naturam*) и другую — соответствующую грехопадению или тлению (*aliter juxta culpam, uel corruptionem*): в Царстве Небесном мы обретем первую, обладающую осязаемостью, но не имеющую страстных желаний и нетленную**. Император Тиверий II вмешался в этот спор и стал на сторону св. Григория: сочинение Евтихия, в котором тот излагал свои взгляды, велено было сжечь***. Твердые право-

* Об этом споре см.: *Duval Y.-M. La discussion entre l'apocrisiaire Grégoire et le patriarche Eutychios au sujet de la résurrection de la chaire // Grégoire le Grand. Ed. par J. Fontaine, R. Gillet, S. Pellistrandi. Paris, 1986, p. 129–158.*

** Св. Григорий еще сообщает, что вскоре после дискуссии Евтихий заболел и умер, но перед смертью отрекся от своих ошибочных мнений. См.: *Grégoire le Grand. Moralia sur Job, t. III. Ed. par A. Vocognano // Sources chrétiennes, N 212. Paris, 1974, p. 434–438.*

*** См.: *Кулаковский Ю. История Византии, т. III. СПб., 1996, с. 335.*

славные убеждения св. Григория и его подвижническая жизнь привлекли к нему сердца многих людей в византийской столице; в сановных и аристократических кругах ее он для многих стал духовником, мудро окормляя своих чад*.

Примерно в 585–586 годах св. Григорий отзывается из Константинополя и возвращается в Рим. Он обретает покой в своем монастыре, целиком отдавая себя молитве, созерцанию, чтению и толкованию Священного Писания. Это был один из самых лучших и благодатных периодов в жизни святителя. Впоследствии он с ностальгией вспоминал о нем: «Теперь душа моя скорбит оттого, что неприятности лежащих на мне дел вызывают в ней воспоминания о прежней моей монастырской жизни; о той жизни, когда она умела управляться со всеми случайностями, возвышаться над скоропреходящим, потому что мысль ее была постоянно устремлена к небесному; когда даже и узы плоти не могли служить для нее препятствием вести жизнь созерцательную, ибо самая смерть, которая почти для каждого есть страшилище и ужас, была для нее вожделенна как переход к жизни, как воздаяние за подвиги. А теперь, по долгу пастырского служения, я должен заниматься делами мирскими и, оставив прежнюю прекрасную жизнь, осквернять свою душу тиною земных попечений. Ибо, как скоро, по снисхождению к другим, внимание души начнет рассеиваться по внешним предметам, тогда, несомненно, и самое сильное влечение к предметам духовным будет в ней слабеть. Поэтому я и соображаю, что я приобре-

* В частности, он тесно сблизился с семьей императора Маврикия, став даже крестным отцом его старшего сына. См.: *Markus R. A. Gregory the Great*, p. 11–12.

таю и что потерял. И, соображая свои потери, вижу, что потерял важнее того, что имею»*. Как показали дальнейшие обстоятельства жизни св. Григория, эта ностальгия по тишине монастырской обители была вполне оправдана.

В 590 году умирает от эпидемии папа Пелагий II и св. Григорий, по единодушному избранию народа, занимает осиротевший престол Римского первосвященника. Он пытался сопротивляться такому избранию: хотел тайком уйти из Рима, надеялся, что император Маврикий не утвердит его избрания, но все было напрасно: тяжкое бремя арихпастырского служения легло на его плечи. В одном из своих посланий, датирующемся началом этого служения, св. Григорий писал, что «под видом епископата» его опять возвратили в век сей (*sub colore episcopatus ad saeculum sum reductus*) и погрузили в такие земные заботы, каких не было у него и в мирской жизни, а потому он потерял радость своей «исихии» (*quietis mea gaudia perdididi*) и, будучи внешне возвышен, внутренне пал долу (*intus corruens ascendisse exterius videor*)**. Искренние жалобы и скорбное настроение нового папы, помимо его личного психологического настроения, легко объяснимы и объективными обстоятельствами: на него были возложены не только архипастырские обязанности, но и тяготы светского правителя, которые были почти неподъемными. Ибо в конце VI в. Рим оказался между молотом

* Святого отца нашего Григория Двоеслова, Епископа Римского, Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. М., 1996, с. 8–9. Об этой ностальгии, как характерной черте личности св. Григория, см.: *Batifol P. Saint Grégoire le Grand*. Paris, 1928, p. 55.

** См.: *Grégoire le Grand. Registre des lettres*, t.I*. Ed. par P. Minard // *Sources chrétiennes*, N 370. Paris, 1991, p. 72. То же самое настроение рефреном проходит и в другом послании св. Григория: *Ibid.*, p. 86.

и наковальной в борьбе между ромеями и лангобардами за владычество над Пиренейским полуостровом*. Св. Григорию, чтобы хоть как-то защитить свою паству, пришлось вести тонкую политическую игру и, в обход равеннского экзарха Романа, стараться заключить мир с лангобардами, страшной угрозой нависшими над Римом и опустошавшими всю Италию. Это вызвало неудовольствие императора Маврикия, приславшему папе резкое письмо, на которое тот ответил с достоинством и сдержанностью. В конечном итоге, усилия св. Григория увенчались успехом, и это имело далеко идущие последствия. По словам одного русского историка, «империя была слишком мало внимательна к тому важному явлению, которое происходило теперь в Италии. На основании духовного авторитета и при помощи остатков старой национальности, здесь полагались основания новой общественной власти. Еще никем не признанная, еще сама не довольно сознавая свое новое значение, она уже далеко вокруг себя простирала свое действие. В то время, как экзарх, стесненный обстоятельствами, более и более сокращал свою деятельность в пределах подлежащей ему области, авторитет римского престола распространял свое влияние даже за пределы экзархата. Под этим влиянием разделенная Италия опять начинала находить некоторое единение. Начинали с того, что признавали духовный авторитет Римского престола, оканчивали тем, что не отвергали и некоторого правительственного надзора с его стороны»**.

* См.: *Musset L. Les Invasions. Les vagues germaniques.* Paris, 1965, p. 138–147.

** *Кудрявцев П. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. Обзорение остготто-лангобардского периода итальянской истории.* М., 1850, с. 166.

Однако эта политическая роль, навязанная св. Григорию исторической ситуацией, была лишь одной из многих его обязанностей*. В них входили и управление большим количеством имений (патримоний), принадлежащих Римской церкви: организовав четкую систему этого управления, святитель явил себя блестящим администратором и тщательно следил за тем, чтобы в этой системе отсутствовали нарушения строгой законности. Причем, «в виду богатств, собирающихся в церкви с ее владений и от пожертвований христиан, св. Григорий внушал всем дело благотворения, и разъяснял клиру, что его обязанность — заботиться о вдовах, сиротах и бедных»**. Кроме того, ему приходилось заботиться и о том, чтобы вся Италийская церковь действовала как слаженный и здоровый организм. Попечение о единстве ее (и вообще западной Церкви в целом) также было одной из главных забот св. Григория. В связи с этим, важным вопросом являлся вопрос об исцелении так называемой «аквилейской схизмы», возникшей вследствие осуждения «трех глав» на Пятом Вселенском Соборе: многие западные епископы и клирики (особенно, на севере Италии) не приняли такого решения Собора и прервали общение с папой Вигилием (а потом Пелагием), подписавшимся, хотя и под сильным давлением, под ним***. Тяжкое наследие этой схизмы досталось св. Григорию и, путем многих усилий и мудрой дипломатии, ему удалось почти полностью преодолеть ее. Старый раскол донатистов так-

* Подробно см. предисловие к указанному изданию его писем: *Grégoire le Grand. Registres des lettres*, t. I*, p. 7–23.

** *Певницкий В.* Указ. соч., с. 53–54.

*** См.: *Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви, т. IV. М., 1994, с. 427–431.

же принес ему немало хлопот, и здесь опять папа добился определенного успеха, подчинив своему влиянию (хотя далеко не полностью) и Североафриканскую церковь*. С таким же дипломатическим искусством и богословским тактом, но достаточно решительно, св. Григорий нейтрализовал и первую на Западе иконоборческую попытку, связанную с именем марсельского епископа Серена, который приказал убрать из храмов и уничтожить иконы**. Помимо того, миссионерская деятельность также была постоянно в центре внимания святителя: он приложил немало стараний к обращению в Православие лангобардов; с его именем связана широкая кампания по христианизации англо-саксов (которая как бы наложилась новым слоем на имевшуюся уже в Англии кельтскую церковь)***. Если к этому добавить еще постоянное и неутомимое попечение св. Григория о словесных ов-

* См.: *Предтеченский С.* Развитие влияния папского престола на дела западных Церквей до конца IX в. Казань, 1891, с. 93–99.

** См.: *Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. М., 1996, с. 74–75. Позиция самого св. Григория (иконы заменяют неграмотным книги) вообще была характерна для латинского Запада (позднее ее отразил и папа Адриан), где отсутствовали попытки увязать иконопочитание с догматикой. См.: *Ostrogorsky G.* Rom und Byzanz im Kampfe um die Bilderverehrung // *Seminarium Kondakovianum*, t. VI. Praha, 1933, p. 78–79.

*** См.: *Meyendorff J.* Imperial Unity and Christian Divisions. The Church 450–680 A.D. N.-Y., 1989, p. 314–321. Правда, посланник св. Григория, Августин, повел себя весьма нетактично по отношению к кельтам-христианам, ибо, «распространяя христианство среди язычников-саксов, Августин употреблял все усилия к тому, чтобы побудить бриттов-христиан, первоначальных обитателей Великобритании, оставить свои церковные обычаи, отличные от обычаев Римской церкви, и подчиниться в церковном отношении папе». Жесткая и нетерпимая позиция Августина послужила поводом к раздуванию вражды между саксами и бриттами. См.: *Предтеченский С.* Указ. соч., с. 146–148.

цах, врученных ему Господом, которое сделало его одним из лучших архипастырей среди римских первосвященников*, то можно, хотя бы и с очень приблизительной полнотой, представить обширнейшее поле деятельности, выпавшее на долю святителя.

При всем этом, он не перестал быть монахом, ибо св. Григорий «и на высоком посту правителя Церкви не оставил своих аскетических стремлений. Что возможно было для него из аскетического подвига в его положении, то он старался выполнять со всем усердием: он вел жизнь самую скромную, простую и воздержанную, несмотря на огромные богатства своей кафедры, и гнал из своей близости все светское и всякий вид роскоши. Он не хотел даже, чтобы светские служители были свидетелями его домашней жизни и старался ввести в практику жизни то, чтобы у епископа служителями были только люди духовные, которые бы своим видом уже напоминали ему о его призвании и сходились с ним в своих чувствах. Домашними приближенными людьми у него были благочестивые клирики и диаконы вроде диакона Петра, с которыми он делил часы молитвы и входил в беседы о предметах, занимавших религиозные души»**. Поэтому, как у истиннейшего монаха, одной из определяющих черт его личности было подлинное смирение. Один рассказ блаж. Ионна Мосха весьма показателен в этом плане. Он передает повествование аввы Иоанна Персидского, которое гласит: «Я ходил в Рим на поклонение гробам свв. апостолов Петра и Павла. Од-

* См.: Handbuch der Kirchengeschichte. Hrsg. von K. Baus, H.-G. Beck, E. Ewig, H. J. Vogt. Bd. II, 2. Freiburg-Basel-Wien, 1975, S. 208.

** Певницкий В. Указ. соч., с. 44.

нажды я стоял в городе и увидел, что идет папа Григорий, и что ему придется проходить мимо меня. Я решился поклониться ему. Заметив мое намерение, каждый из свиты, один перед другим, говорил мне: «Авва, не кланяйся!» Но я не понимал, почему это, и считал вовсе неприличным не поклониться папе. Когда папа приблизился ко мне, заметив мое намерение поклониться ему — говорю, как перед Богом, братия! — папа первый бросился предо мною на землю и не прежде встал, как я первый стал на ноги. И облобызав меня с великим смиренномудрием, из своих рук дал мне три номисмы и приказал дать мне кусуллий и все нужное. Я прославил Бога, даровавшего ему такое смирение, милосердие и любовь ко всем^{*}. И когда св. Григорий вступил в спор с Константинопольским патриархом Иоанном Постником по поводу употребления тем титула «вселенский» (патриарх), считая, что архипастырю прилично величаться лишь одним титулом: «раб рабов Божиих» (*servus servorum Dei*), то он высказал глубинную и самую основную интенцию своей личности^{**}. Святитель, действительно, был «рабом рабов Божиих» (выражение, восходящее к блаж. Августи-ну) и таковым он остался в памяти церковного Предания.

^{*} Луг Духовный. Творение блаженного *Иоанна Мосха*. Сергиев Посад, 1915, с. 180–181.

^{**} Впрочем, следует отметить, что св. Григорий не понял того смысла, который на греческом Востоке вкладывался в обозначение «вселенский», ибо этот титул несколько не умалял апостольского и нравственного авторитета Старого Рима. См.: *Meyendorff J.* Op. cit., p. 305. К тому же этот титул Константинопольские патриархи носили уже около столетия. См.: *Ostrogorsky G.* History of the Byzantine State. New Brunswick - New jersey, 1969, p. 83–84.

II.

Св. Григорий Двоеслов

как церковный писатель и богослов

Среди западных христианских писателей «классического периода» святоотеческой письменности (простирающегося примерно до начала VIII в.) св. Григорий, завершающий этот период, был одним из самых плодovitых. Его, конечно, нельзя сравнивать по многогранности и яркости литературного таланта, например, с блаж. Августином, но со св. Амвросием Медиоланским он вполне сравним. Среди творений св. Григория на первое место, по значимости и по хронологии, следует поставить *«Изъяснение Книги Иова»* (или *«Моралии на Иова»*). Это сочинение посвящено уже упоминавшемуся епископу Леандру Севильскому и представляет собой запись бесед, которые вел св. Григорий среди кружка своих друзей, будучи апокрисиарием в Константинополе*. Позднее, уже вернувшись в Рим и став папой, он отредактировал их и выпустил в свет. Сам св. Григорий в предисловии говорит, что братья просили его объяснить глубокие тайны, содержащиеся в «Книге Иова», не только путем аллегорического толкования буквы этой книги (*non solum verba historiae per allegoriam sensus excuterum*), но и нравственный смысл иносказаний ее (*sed allegoriarum sensus sensus protinus in exercitium moralitatis inclinarem*); поэтому он иногда употребляет буквальное толкование, иногда — «анагогическое» (*per contemplationis ascensum*), а порой — «тропологическое» (*per moralitatis instrumentum*). Буквальный

* См. предисловие к изданию: *Grégoire le Grand. Moralia sur Job*, t. I. Ed. par R. Gillet et A. de Gaudemaris // *Sources chrétiennes*, N 32 bis. Paris, 1989, p. 7–19.

смысл признается святителем в качестве своего рода фундамента изъяснения (*primum quidem fundamenta historiae ponianus*); на этом основании, посредством «типологического» (прообразовательного) толкования, возводится «строение ума» как оплот веры (*per significationem typicam in arcem fidei fabricam mentis erigimus*), а затем этот оплот украшается росписями нравственного христианского учения (*quasi superducto aedificium colore vestimus*). Впрочем, св. Григорий отмечает, что буквальное толкование не всегда приложимо к этой ветхозаветной книге, а, кроме того, некоторые ясные места ее и вовсе не требуют объяснения*. В этих методических установках святителя прослеживается, на наш взгляд, одна важная черта его экзегезы: иносказание («аллегория») здесь почти отождествляется с «типологией», а следовательно, разъяснение христологического смысла «Книги Иова» поставляется в качестве наиважнейшей задачи толкователя.

Реализуя эти методические установки, св. Григорий первоначально выстраивает свое сочинение как бы по «трехэтажному замыслу»: каждое место «Книги Иова» изъясняется сначала в буквальном смысле, затем — в аллегорическом (т. е. типологическом) и, наконец, в нравственном (тропологическом) смысле. Но первоначальный план не выдерживается им до конца и затем структура произведения сильно изменяется: буквальный смысл все более отступает на задний и, наконец, почти совсем исчезает, вытесненный смыслом иносказательным (органично перерастающим в смысл «мистический») и нравственным. Существенное изменение изначального замысла со-

* Ibid., p. 118–124.

чинения ясно прослеживается, например, в третьей части его (книги XI–XVI), представляющей как бы особый трактат, посвященный проблеме зла*. В этой части, кстати сказать, уделяется много места рассеиванию того общераспространенного заблуждения и предубеждения, что земное счастье есть знак Божией милости и воздаяние за добродетели, а страдания и скорби — наказание Божие за грехи. Сочетание проблемы зла с эсхатологией придает рассуждениям св. Григория удивительную глубину и ясность перспективы.

В целом же данное сочинение св. Григория, по оценке В. Певницкого, «не представляет точного и строгого толкования книги Писания, основанного на знании и сличении текста (св. Григорий не знал ни еврейского, ни греческого языка). Оно содержит размышления о различных предметах по поводу текста книги, и эти размышления часто мало связаны с текстом, к которому они относятся как толкования. В книгах толкований на Иова весьма много рассеяно полезных замечаний, перебраны, можно сказать, все главные понятия, составляющие нравоучение и вероучение христианское. Но мысль толкователя не возвышается до обозрения целого содержания разъясняемой книги, и не доходит до определения главной мысли, чрез нее проходящей, и общего духа, ею передаваемого. Он с первого же приступа к ней раздробляет ее на отдельные части, толкует порознь отдельные стихи и частные слова, и из каждого положения выводит заключение, которое большею частию стоит только само за себя, и не имеет прямого и непосредственного соотношения с другими, предыдущими и

* См. предисловие: *Grégoire le Grand. Morales sur Job*, t. III, p. 7–32.

последующими заключениями, выводимыми из слов Писания. На длинной нити, тянущейся по тексту книги, трудолюбивый и благочестивый толкователь на низывает много дорогого бисера, и не без причины, конечно, благочестивые представители многих поколений искали себе назидания в творении отца, нами названном. Но к чтению этого творения, заключающего в себе много плодотворных мыслей и замечаний, нужно приступать с целью назидания, а не с целью уразумения разъясняемой книги»*. Несколько корректируя это суждение, хотелось бы сказать, что *назидание* св. Григория, по нашему мнению, много способствует и *уразумению* «Книги Иова», ибо те проблемы и вопросы, которые ставятся в ней (в частности, проблема зла), решаются святителем масштабно, в широкой перспективе христианского видения мира, а потому эта ветхозаветная книга раскрывает в объяснениях св. Григория свой истинный смысл, который часто остается сокрытым в чисто научных комментариях Священного Писания.

То же самое можно сказать и о других экзегетических трудах святителя. Из толкований на Ветхий Завет следует назвать еще «*Проповеди на пророка Иезекииля*»**. Произнесены они были святителем в конце 593 — начале 594 года и записаны «тахиграфами» (стенографистами); спустя восемь лет он обработал их и выпустил в свет***. Всего сохранилось

* Певницкий В. Указ. соч., с. 107.

** Имеется русский перевод их: Беседы на пророка Иезекииля иже во святых отца нашего Григория Двоеслова, в двух книгах, переведенные с латинского языка на русский *архимандритом Климентом*. Казань, 1863.

*** См. предисловие к изданию: *Grégoire le Grand. Homélie sur Ezechiel*, t. I. Ed. par Ch. Morel // Sources chrétiennes, N 327. Paris, 1986, p. 7–29.

22 гомилии на названное ветхозаветное сочинение, распределенные по двум книгам; судя по высказываниям самого автора, он, отвлекаемый бедствиями (нашествием лангобардов), не успел завершить своего толкования, изъяснив только начало и конец «Книги пророка Иезекииля». Книга эта признавалась одной из самых трудных в Ветхом Завете и «по свидетельству блаженного Иеронима, у иудеев до тридцатилетнего возраста никому не позволялось читать начальные и последние главы книги пророка Иезекииля, равно как и книгу Песнь Песней и начало книги Бытия, по причине глубокого смысла, в них заключающегося, требующего для своего уразумения вполне зрелого знания. А св. Григорий Двоеслов эти именно места, преданием иудейским отнесенным к числу самых труднейших во всем Священном Писании, и делает предметом своих общецерковных бесед. Узоры тончайшей символики, отличающие от других книг Писания книгу пророка Иезекииля, послужили для него фоном, на котором он расписывает свои картины: его благочестивое созерцание старалось наполнить понятным содержанием темные символы пророческих видений, и в толковании этих символов встречаются извития мысли, часто затейливые и утонченные»*.

Толкуя данную книгу, св. Григорий во многом опирался на предшествующие церковные изъяснения ее, прежде всего на труды Оригена и блаж. Иеронима**. Именно к Оригену в конечном итоге восходит выч-

* *Певницкий В.* Указ. соч., с. 230–231.

** Причем, блаж. Иероним в данном случае, как и во многих других, находился под сильным влиянием Оригена, заимствуя из его толкований многие существенные моменты. См.: *Origène. Homélie sur Ézéchiél.* Ed. par M. Borret // Sources chrétiennes, N 352. Paris, 1989, p. 20–22.

ление трех смыслов текста Писания, часто встречающееся у св. Григория: буквального («истории»), нравственного и духовного*. Два последних он иногда именует еще «внутренним смыслом» (*interior intellectus*), считая, что проникнуть в него можно, лишь рассмотрев прежде буквальное повествование (*narratio iuxta litteram*; II, 10, 2)**. Стиль толкования св. Григория отчетливо проявляется в изъяснении первой главы «Книги пророка Иезекииля». Например, толкуя образ животных и колес (Иез. 1, 19 и далее) в видении пророка, он говорит, что животные идут (шествуют), когда святые мужи уразумевают из Писания, как следует жить нравственно (*moraliter*); а колеса поднимаются, когда они, по благодати Божией, возвышаются до горнего созерцания. Ибо божественные речения (*diuina eloquia*), т. е. текст Священного Писания, как бы «возвышаются» вместе с духом читающего (*spiritus legentis*): если он взыскует «историческое» и «нравственное», то второе следует за первым; если он ищет прообразовательный смысл (*typicum*) или то, что обретается в созерцании (*contemplatiuum*), естественно обретает и их. Все эти три уровня можно найти часто в одной и той же фразе священного текста (I, 7, 8–10). Дух самого св. Григория устремляется всегда к высшему созерцанию. И, используя обычный святоотеческий метод толкования Ветхого Завета в свете Нового Завета, он приводит при-

* См.: *Lubac H., de. Exégèse médiévale. Les quatre sens de l'Écriture*, t. I. Paris, 1959, p. 187–193.

** Мы опираемся на указанное выше издание; второй том его: *Grégoire le Grand. Homélieles sur Ézéchiél*, t. II. Ed. par Ch. Morel // *Sources chrétiennes*, N 360. Paris, 1990. Римскими буквами обозначаются книги, а арабскими — гомилии и главы. Принимается во внимание и старый русский перевод.

мер чуда в Кане Галилейской, замечая, что Тот, Кто мог претворить воду в вино, способен был, естественно, наполнить вином пустые сосуды. Но Он повелевает налить в сосуды воду, дабы сердца наши наполнились прежде буквой священного текста (*sacrae lectionis historiam*), а потом Он претворяет воду в вино, т. е. «историю» в духовное понимание (*in spiritalem intelligentiam*) посредством таинства иносказания (*per allegoriae mysterium*) — таким образом «колеса» поднимаются от земли (I, 6, 7). Другими словами, духовный смысл Священного Писания постигается, согласно святителю, лишь посредством чуда преображения нашего ума, совершаемого лишь благодатной силой Господа. В подобном же духе выдержаны и остальные толкования св. Григория, который исходит из того глубокого убеждения, что во мраке настоящей жизни Писание есть свет, озаряющий наш путь (I, 7, 17). Иногда рассматриваемое сочинение святителя оценивается довольно строго: «Жесткий и резкий вид толкования Григория зависит от того, что в нем аллегория все, и аллегория самая подробная и кропотливая, доходящая до частных и мелочей, и кроме аллегории в нем нет ничего, на чем бы можно было остановить внимание»*. Однако, не говоря о

* *Певницкий В.* Указ. соч., с. 242. Здесь же приводится сравнение с Оригеном: «При всей силе и смелости аллегоризирующей мысли Оригена, его аллегорическое толкование не имеет того резкого и жесткого вида, какой в толковании Григория поражает читателя, привыкшего к связному генетическому развитию мысли. Это зависит от того, с одной стороны, что Ориген в толковании Писания идет не единственным путем аллегории: рядом с нею стоят у него другие замечания, другие образы изъяснения; с другой стороны, сочная мысль Оригена, игривая, плодovitая и богатая философскими идеями, каждый предмет, подпадающий ее исследованию, окружала влажною атмосферою. Аллегорическое

том, что экзегезу св. Григория вряд ли можно обозначить неадекватным термином «аллегория», его толкования не производят впечатления жесткости и резкости; наоборот, трепетные порывы взыскующей мысли придают этим толкованиям богатое разнообразие оттенков, а сочность и многообразие тайнозрительных созерцаний святителя и читателя заставляют устремлять очи души к горнему миру, наполняя сердце его радостью причастности к высшему Богомыслию.

В новое время, благодаря кропотливой работе исследователей, было открыто и еще одно экзегетическое сочинение св. Григория: «*Толкование на Песнь песней*»*. Дело в том, что данное сочинение святителя в ходе многовековой рукописной традиции смешалось с аналогичным произведением средневекового латинского экзегета Роберта Томбеленского (вторая половина XI в.) и лишь посредством тщательного изучения манускриптов было восстановлено в своем изначальном виде. Судя по всему, св. Григорий, занимавшийся изъяснением «Песни песней» в 594–598 гг., не успел закончить своего комментария, а

толкование его не сухой скелет определений, а текущее волнующееся развитие идей, связанных с коренными началами возвышенной и твердой системы и свидетельствующих о сильном творческом уме христианского философа; в своем течении она пускает из себя множество частных веских представлений и развивается слишком широко и разнообразно». Там же, с. 243–244.

* В первую очередь среди работ исследователей, положивших много труда на восстановление этого произведения св. Григория, можно отметить следующие: *Capelle B.* Les homélies de S. Grégoire sur le Cantique // *Revue Bénédictine*, t. 41, 1929, p. 204–214; *Verbaken P.* La tradition manuscrite du commentaire de saint Grégoire sur le Cantique des cantiques // *Revue Bénédictine*, t. 73, 1963, p. 277–288; *Idem.* Un nouveau manuscrite du commentaire de S. Grégoire sur le Cantique des cantiques // *Revue Bénédictine*, t. 75, 1965, p. 143–145.

поэтому в настоящем своем виде его толкование охватывает только первые восемь стихов указанной ветхозаветной книги*. Как и в «Проповедях на пророка Иезекииля», св. Григорий и в этом своем произведении опирался на предшествующую традицию церковной экзегезы, в частности — на труды Оригена и латинского толкователя начала V в. Апония, изъяснявших «Песнь песней». Именно к этой церковной традиции, зафиксированной первоначально в письменной форме у св. Ипполита Римского и Оригена**, восходит отождествление Невесты в «Песни песней» с Церковью. И св. Григорий также прямо говорит, что «Невеста есть сама совершенная Церковь (*Sponsa enim ipsa perfecta ecclesia est*), а Жених — Господь» (10). Церковь эта, зародившаяся вместе с человечеством, возрастала и готовилась к приходу Жениха, и к ней Он посылал Своих Ангелов, уготовляя Пришествие (т. е. Воплощение) через закон Моисеев и пророков (12). Но не только Церковь в своей совокупности (*generaliter*), но и душа каждого члена ее (*specialiter*), отождествляется св. Григорием с Невестой (12); причем, согласно ему, каждая такая душа чистотой жизни, духовным преуспеянием и возрастанием в ведении должна стяжать это высокое звание Невесты Христовой (40–44). Данная идея, хотя и намечается слегка в Новом Завете (см.: 1 Кор. 6, 15–17; 7, 32–34), но свое полное разви-

* См. подробную вступительную статью к изданию данного сочинения: *Grégoire le Grand. Commentaire sur le Cantique des cantiques*. Ed. par R. Bélanger // *Sources chrétiennes*, N 314. Paris, 1984, p. 15–62. На это издание мы и будем в дальнейшем ссылаться, при цитировании указывая лишь номера глав.

** См.: *Bardy G. La Théologie de l'Église de saint Irénée au concile de Nicée*. Paris, 1947, p. 103–104, 146.

тие получает только у Оригена*. И вообще можно отметить, что в рассматриваемом сочинении св. Григория часто прослеживается прямая зависимость от Оригена, «Толкование на Песнь песней» и «Проповеди на Песнь песней» которого были переведены на латинский язык блаж. Иеронимом и Руфином**.

Что же касается самого стиля толкования, то и в этом произведении он выдержан в обычном духе экзегезы святителя. Священное Писание сравнивается им с «некой горой» (*mons quidam*), с которой нисходит в наши сердца Господь для того, чтобы мы обрели разумение (*ad intellegendum*; 5). А оно необходимо нам, поскольку после изгнания из «рая сладости» в «ссылку здешней жизни» сердце человеческое стало слепым в отношении духовного понимания (*caecum cor ab spiritali intellectu habet*; 1). И вещи духовные человек в нынешнем его состоянии может разуместь лишь посредством телесного и материального, более доступного ему. Поэтому в Священном Писании, как Слове Божиим, следует различать дух и букву: буква облакает дух, как солома зерно (*littera cooperit spiritum, sicut palea tegit frumentum*). Но есть солому свойственно животным, а человек должен вкушать злаки, ибо «буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3, 6). А поэтому мы должны от «внешности» буквы идти к «внутренности» духа; особенно это касается «Песни песней», где под покровом «слов о внешней любви» (*verba exterioris amoris*) скрывается духовный смысл любви божественной: через этот «язык страсти» мы обязаны перейти к добродетели бесстрастия (*per*

* См.: *Crouzel H.* Origen. Edinburgh, 1989, p. 122.

** См.: *Meyvaert P.* A New Edition of Gregory the Great's Commentaries on the Canticle and I Kings // *Journal of Theological Studies*, v. 19, 1968, p. 215–225.

haec verba passionis transire ad virtutem impassibilitatis). Средством, или как бы «механизмом» (machina), для такого перехода и возвышения до духовного смысла является иносказание (4). Таким образом, «Толкование на Песнь песней» св. Григория, в отношении метода и подхода к Священному Писанию, принципиально ничем не отличается от рассмотренных выше его экзегетических произведений; уточняются лишь детали и нюансы данного подхода. Можно еще отметить, что святителю вплоть до самого последнего времени приписывалось также и «Толкование на Первую книгу Царств»: оно даже начало издаваться под его именем*. Однако, совсем недавно ученый, принявший это издание, убедился, что данное сочинение принадлежит не святителю, а, скорее всего, средневековому монаху Петру Кавскому (XII в.)**. И уже под именем этого монаха продолжается издание произведения***.

Что же касается толкований на Новый Завет, то единственным памятником творчества св. Григория в этом отношении являются переиздаваемые ныне «Беседы на Евангелия»****. Написаны они были в са-

* Так вышло два тома: *Grégoire le Grand. Commentaire sur le Première livre des Rois*, t. I. Ed. par A. de Vogüé // Sources chrétiennes, N 351. Paris, 1989; *Grégoire le Grand. Commentaire sur le Première livre des Rois*, t. II. Ed. par Ch. Vuillaume // Sources chrétiennes, N 391. Paris, 1993.

** См.: Vogüé A., de. L'auteur du Commentaire des Rois, attribué a saint Grégoire: un moine de Cava? // *Revue Bénédictine*, t. 106, 1996, p. 319–331.

*** См.: *Grégoire le Grand (Pierre de Cava). Commentaire sur le Première livre des Rois*, t. III. Ed. par A. de Vogüé // Sources chrétiennes, N 432. Paris, 1998.

**** Первое издание этого перевода: Беседы на Евангелия иже во святых отца нашего Григория Двоеслова в двух книгах, переведенные с латинского языка на русский *архимандритом Климен-*

мом начале архипастырской деятельности святителя, а позднее, по его обыкновению, лично отредактированы, о чем он и сообщает в предисловии. Частично они произносились самим св. Григорием, а частично, когда он болел, читались священнослужителями, которым папа поручал это дело. Все они являются литургическими проповедями и произносились во время торжественных богослужений, которые весьма любил св. Григорий, постоянно пекшийся о благочинии церковном. Думается, достаточно привести характеристику этого сочинения, данную В. Певницким: «Мысль, господствующая в ряду представлений, которыми занято сознание св. Григория Двоеслова и которые нашли себе выражение в беседах его на Евангелия,— это мысль о правде Божией, управляющей судьбами человеческих обществ и народов, и о торжественном проявлении ее в великий день Страшного Суда... Бедствия, переживаемые поколением, современным св. Григорию, наполняли скорбью все сердца. По естественной склонности души, оно искало радостей и утешений кругом себя, и не находило,— надеялось, и вместо желанного и ожидаемого блага встречало разочарование,— силилось обезопасить себя и искало покоя, и все усилия его оставались напрасными. Уныние, близкое к отчаянию, овладевало умами, под давлением мысли о ги-

том. Спб., 1860. По поводу одного аспекта этого перевода критические замечания высказал В. Певницкий, который констатировал, что в нем *«очень оригинально переведены заголовки некоторых бесед, указывающие время их произнесения. Перевод Климента показывает, что он не имел понятия о римском церковном календаре, и потому в своем труде допустил грубые ошибки»* (Певницкий В. Указ. соч., с. 142). Но, думается, что эти специфичные ошибки не могут служить препятствием для переиздания перевода.

бели, всему угрожающей. Пастырь-проповедник всею душою сочувствует общему настроению, и пользуется им для целей назидания, давая ему направление, наиболее соответствующее правде христианского закона. Он не сулит в будущем своим слушателям поправления расстроенного общественного и частного быта; он не обнадеживает их земными человеческими расчетами: невозможно поправить того, чему указан последний час и что склонилось уже к могиле. Свою скучающую и унывающую паству тем утешает св. Григорий, что земные радости, к каким напрасно стремятся они,— пустота, ничего не дающая душе, а только уклоняющая их от цели, и заставляющая их забыть об едином на потребу, что будничные житейские заботы, поглощающие их силы,— неблагоприятное бремя, преклоняющее их к земле и ничего не приносящее человеку, кроме омрачения духа и внутреннего истощения. К вечным радостям Небесного Отечества — вот куда усиленно старается направить взоры и ум своих слушателей св. Григорий, вместе с другими несущий на себе бедствия тяжкого времени; этими вечными радостями Небесного Отечества или представлением их думает он умерить чувство боли, так естественное в человеке при земных страданиях». Поэтому через все «Беседы» святителя рефреном проходит мысль, что «мир земной, в котором живем мы, и мир небесный, который обетован нам,— это две вещи совершенно различные между собою, и даже прямо противоположные одна другой. Если мы пристрастимся к одному,— миру земному, и будем служить ему всеми силами,— мы все потеряем, бедными и нагими окажемся тогда, когда откроется вечеря небесная, и на нее будут приглашаться люди, успевшие запасть для нее во время жизни брачною

одеждою. Если будем считать себя странниками на земле, и все мысли сосредоточим на Боге и обещанном Им блаженстве,— мы, пожалуй, лишим себя радостей земных, но зато какое утешение будет на небе плачущим ныне на земле, и как мало тогда будут трогать нас те превратности, от которых люди мира так часто поникают своею головою и впадают в отчаяние, не находя опоры в своем, прикованном к миру, духе! Итак, *отвержение и презрение* мира — вот главное нравственное правило, которое внушает св. Григорий людям, так мало встречавшим утешений и радостей в своей земной жизни». В этом святитель являет себя верным самому сокровенному учению Господа, в Своих «блаженствах» указавшему путь, которым должны следовать истинные ученики Его. Кроме того, яркий и доступный стиль изложения мыслей св. Григория, образность речи и искренность религиозного чувства проповедника сделали его «Беседы» излюбленным чтивом христиан многих поколений.

Экзегетические творения составляют лишь только часть, хотя и самую значительную, литературного наследия св. Григория. Из прочих его произведений можно отметить «*Пастырские наставления*» (или «*Пастырское правило*») — один из лучших трактатов по пастырскому богословию в классический период святоотеческой письменности*. Датируется это произведение 590–591 гг. и отличается строгостью композиции и стиля. Создавая его, св. Григорий опирался, как часто он это делал, на предшествующее видение

* См.: *Певницкий В.* Указ. соч., с. 151, 158–160.

** Мы ориентируемся на издание этого сочинения и обстоятельную вступительную статью к нему: *Grégoire le Grand. Règle pastorale*, t. I. Ed. par B. Judic, F. Rommel, Ch. Morel // *Sources chrétiennes*, N 381. Paris, 1992.

смысла пастырского служения, запечатленное в трудах свв. Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского, блаж. Августина и Кесария Арелатского. Но главный импульс к написанию этого сочинения исходил, конечно, из души самого св. Григория: став архипастырем, он стремился осмыслить цель и назначение своего служения. Основные идеи на сей счет ясно излагаются в самом начале произведения, где святитель говорит, что «никто да не дерзает принимать на себя пастырское служение, не приготовившись тщательно к сему служению, так как «управление душами человеческими есть искусство из искусств» (гл. 1). И как высоко и велико их служение, если принять во внимание, что «душевные болезни сокровеннее и опаснее болезней телесных». Таким образом, приготовляющиеся приступить к священному служению должны тщательно изучить правила духовной науки и внимательно следить за усовершенствием себя в боговедении. Но поелику научения и назидания пастырей, не подтверждаемые жизнью, или даже в противоречии с нею состоящие, не имеют ожидаемого благодетельного воздействия на души пасомых, то посему ищущие священного сана должны ведать, коликот ответственности подлежат пастыри, почерпая свое учение из чистого источника истины, но не сообразуя образ жизни и поведение с высотой проповедуемого учения... Пасомые алчут и жаждут чистого учения, и при всем почтении к сану священнослужителя, когда проповедуемое учение не отображается в их жизни благочестным, достойным их сана поведением, оно теряет нечто в своей силе и действительности»*. Особенно предостерегает святитель

* *Садов А.* Пастырские наставления св. Григория Двоеслова («Regula pastoralis») // Вера и Разум, 1888, № 10, с. 682–683.

пастырей от страшного порока гордыни: священник никогда не должен забывать, что по природе все люди равны (*omnes homines natura aequales genuit*), и радоваться ему следует не потому, что он может руководить другими, но потому, что он может быть полезен и помогать им (*non praeesse se hominibus gaudent, sed prodesse*); отсюда добродетель смирения есть, согласно св. Григорию, *conditio sine qua non* пастырского служения (2, 6; 3, 5). Ибо «хорошо видит и знает себя тот, кто постиг, что он буй и грешник; а тот, кто приписывает себе блеск праведности или мудрости, тот далек от надлежащего познания себя и тем более удаляется от истинного света, чем более о себе мечтает, как и сказано о некоторых в Писании: *лаголющися быти мудри, обьюрودهша* (Рим. 1, 22)»*. А не познавший так сам себя не может руководить и другими. Много и других дум относительно высокого достоинства пастырского служения изложено св. Григорием в этом сочинении. Не случайно оно приобрело широкое распространение не только на латинском Западе, но и на греческом Востоке: по просьбе императора Маврикия произведение было переведено на греческий язык патриархом Антиохийским Анастасием и довольно активно читалось в Византии. В XVII в. Симеон Полоцкий перевел его на славянский язык, благодаря чему оно стало известно и русскому духовенству**.

Но, конечно, наибольшую известность и славу из всех творений св. Григория стяжали *«Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души»* (или *«Диалоги»*) — от этого названия он и получил свое

* Там же, с. 685.

** См.: Певницкий В. Указ. соч., с. 339.

прозвище «Двоеслова»). Они напитывали душу христиан многих поколений и различных стран: в далекой тогда Англии Беда Досточтимый ссылается на «Диалоги» с таким же почтением, как и восточный подвижник блаж. Иоанн Мосх; полностью переведенные на греческий язык в середине VIII века папой Захарием, они быстро стали известны всему православному миру*. Иногда это сочинение характеризуют как «популярную книгу», уподобляя ее творению блаж. Августина «О Граде Божием», «переписанному для простецов»**, однако нельзя не учитывать того факта, что книга сия находила (и находит) доступ не только к сердцам «простецов», но и к сердцам христиан, отличавшихся самым изысканным вкусом. Написанное в 593–594 гг., данное сочинение по своему жанру относится к числу агиологических произведений, весьма распространенных в Средние века. Среди этих произведений «Собеседования» св. Григория занимают одно из самых почетнейших мест: «В них впервые, под пером знаменитейшего отца западной Церкви, разнородные агиологические сказания, всецело занимавшие мысль и чувство набожных людей, передавались в таком простом и увлекательном изложении, освещенном глубокой верою святой души, назидательностью и неподдельным одушевлением истинного подвижничества, что его книга в те века — в века веры и чудес сразу же стала в буквальном

* См.: *Grégoire le Grand. Dialogues*, t. I. Ed. par A. de Vogüé // *Sources chrétiennes*, N 251. Paris, 1978, p. 141–143. Имеется большое количество рукописей славянского перевода «Собеседований»; самый древний из сохранившихся списков относится, вероятно, к XIV в., хотя первые опыты переводов, возможно, были сделаны в Болгарии в X–XI вв. См.: *Пономарев А.* Указ. соч., с. 217–223.

** См.: *Batiffol P.* Op. cit., p. 148–149.

смысле классической, церковной и общенародной)*. Жития первых восточных подвижников (преп. Антония Великого, преп. Илариона Великого и др.) и сказания о них, ставшие сразу известными на Западе, дали мощный толчок становлению латинской агиологии; одним из основателей этой агиологии был Сульпиций Север, который в своих «Диалогах» и «Житии святого Мартина» дал первые прекрасные образцы ее. Во многом этим образцам следовал и св. Григорий, собравший и записавший предания о святых мужах, подвизавшихся в его родной Италии; центральное место среди них он уделит великому западному основоположнику монашества — преп. Венедикту Нурсийскому, которому посвящается целиком вторая книга из четырех.

Естественно, что в своих повествованиях об итальянских подвижниках святитель уделяет много внимания нравственно-аскетическому учению. Так, рассказывая о рабе Божиим Исааке, он замечает, что велико «Домостроительство всемогущего Бога, и большею частию случается так, что тех, которым Бог дарует высшие блага, Он лишает низших, чтобы душа их всегда могла чем-либо смиряться, чтобы, стремясь к полному совершенству и не достигая его, трудясь над тем, чего не прияли, и не приобретая этого своим трудом, они нисколько не гордились тем, что имеют, но да научатся, что они, несильные истребить в себе и малых, ничтожных недостатков, не сами от себя имеют высшие совершенства» (III, 15)**. Элементы тайнозрительного созерцания также органично вплетаются в ткань повествования

* Пономарев А. Указ. соч., с. 142.

** Святаго отца нашего Григория Двоеслова епископа Римского Собеседования, с. 155–156:

«Собеседований». Например, передавая одно видение преп. Венедикта, св. Григорий пишет: «Кто увидит малую часть света Создателя, для него становится мало все сотворенное: потому что самый свет внутреннего видения распространяет кругозор ума и так расширяет в Боге, что ум становится выше мира; душа видящего бывает даже выше самой себя. А когда во свете Божиим бывает восхищена выше себя, в то время сила ее расширяется более всего находящегося внизу ее; и когда восхищенная созерцает все под собою, понимает, как ничтожно все, чего она не могла понять в состоянии уничижения» (II, 35)*. Однако из всех веро- и нравоучительных тем, затронутых в «Диалогах», на первое место следует поставить вопросы эсхатологии — им святитель уделяет всю четвертую книгу своего сочинения. Эти вопросы вообще являются одними из самых центральных в мирозерцании св. Григория, но в «Собеседованиях» они принимают самую зримую и наглядную форму выражения. Чувственно-материальные черты, которыми он изображает явления загробного мира здесь заведомо нарочиты, ибо святитель «вовсе не принимал этих черт исключительно в прямом, буквальном смысле. Относительно их он ясно говорит, что это «только образы вещей (*imagines rerum*)» и что для нашего лишь ограниченного понимания явления загробного мира могут представляться в таком виде, т. е. в виде чувственно-материальных (Диал. IV, 31 и 37). Такое отношение, разумеется, уже и само собою предполагается для такого возвышенного богослова, всюду в букве открываю-

* Святаго отца нашего Григория Двоеслова епископа Римского Собеседования, с. 121.

щего духовный смысл, каким был св. Григорий Великий,— но такое же отношение к его рассказам он внушает и другим. В то же время, не подлежит сомнению, что с полной искренностью верующего чувства и христианской мысли принимал он «чудесное» в сообщаемых им явлениях и видениях. Да иначе и не могло быть: чудеса — вечно принадлежащая христианству сила, постоянное живое свидетельство благодатных даров веры; ими полна жизнь святых и подвижников первых веков христианства, ими окружены гробницы святых и мучеников»*. Эта искренность верующего чувства и сила христианской мысли сделали «Собеседования» одним из самых читаемых во всем христианском мире святоотеческих творений.

Наконец, необходимо констатировать, что и эпистолярное наследие св. Григория чрезвычайно обширно. От него сохранилось более 800 писем, адресованных самым различным лицам: епископам и клирикам, управителям патримоний, монахам и отдельным обителям, мирянам самого разнообразного социального положения. Все эти послания являются не только прекрасными историческими источниками, позволяющими нам понять многие нюансы той эпохи, в которую жил святитель, и судьбы западной Церкви VI в., но и документами, содержащими много важных штрихов, характеризующих его личность и мировоззрение. В своих письмах св. Григорий предстает и как созерцатель, томимый неутолимой любовью к Богу, и как пастырь, ясно осознающий высокую ответственность своего служения, и как экзегет, постоянно размышляющий над Словом

* Пономарев А. Указ. соч., с. 129.

Божиим и видящий в Священном Писании «Послание, адресованное всемогущим Богом Своей твари». Все письма святителя пронизаны истинно христианской любовью и смирением, являющимися как бы неизменной константой его личности*. Кроме того, св. Григорий запечатлел свое имя в памяти церковной и литургическим творчеством, хотя некоторые сочинения этого жанра, приписываемые ему, вызывают сомнения в своей подлинности**.

Таким образом, св. Григорий, как церковный писатель, оставил после себя значительное литературное наследие. Экзегет, проповедник и моралист, он в своих творениях явил то единство «теории» и «практики», которое вообще представляет отличительную особенность лучших произведений святоотеческой письменности. На всех сочинениях великого папы лежит неизгладимая печать его святой личности. Он всюду как бы равен самому себе, со всех страниц чистый ум и сердце его овевают читателей своим благовонием; телесные немощи, удручающие его слабую плоть, о которой он не боится говорить в своих произведениях, лишь подчеркивают удивительную цельность и мощь его духа. Поэтому, если рассматривать творения святителя как своего рода «букву», то необходимо от нее, следуя основной интенции самого св. Григория, восходить постоянно к этому духу, который не мертвит, а животворит.

* См.: *Grégoire le Grand. Registre des lettres*, t. I*, p. 23–50.

** Подробно см.: *Архиепископ Филарет (Гумилевский)*. Указ. соч., т. III, с. 143–147; *Altaner B; Stuiber A. Patrologie. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter*. Freiburg - Basel - Wien, 1978, S. 470.

III.

Главные черты мирозерцания св. Григория

Довольно часто святителя характеризуют в качестве «сугубого моралиста», далекого от «возвышенных спекуляций» прирожденного богослова и догматиста*. Однако, при очень относительной верности таких характеристик, следует учитывать, во-первых, что в христианстве догматика и нравственное учение столь тесно и нераздельно соединены, что отделить

* См., например: «Сила св. Григория Двоеслова в нравственном элементе, и главное направление, по которому вращается мысль его, лежит в области практической нравственной деятельности. Историко-литературные критики, и исполненные уважения к его имени, не называют его великим богословом, но великим моралистом. Когда говорит Григорий о теоретических предметах, слово его является жестко, обще и несколько холодно. И если любит он останавливаться на пути догматических толкований, то там, где догмат прямо и непосредственно соприкасается с нравственно-практическою областью, именно при мысли о деле спасения и искупления человека и праведного мздовоздаяния. Слово Григория тогда раскрывается во всей силе, свободе и энергии, когда касается жизни, нравственной святости, подвигов добродетели, тяжести греха и осуждения за грех. При речи об этих предметах вы видите святого отца как бы у себя дома, и замечаете, что он говорит то, что у него глубоко залегло на сердце и сильно прочувствовано им. Начавши теорией какую-либо беседу, по указанию Писания, святой отец скорее спешит оставить ее, чтобы высказать свои нравственные начала и убеждения, и часто насильно наклоняет к тому разъясняемый им священный текст. Аллегория, к которой постоянно прибегал св. Григорий при разъяснении Св. Писания, казалось, должна была уносить его в сферу возвышенных созерцаний. Но тот таинственный смысл, какой извлекает св. Григорий из Писания посредством аллегории, большею частию нравственного характера, и указывая на него св. Григорий уясняет и обогащает больше христианское нравоучение, чем теоретическую сторону веры и знания». — *Певницкий В.* Указ. соч., с. 108–109.

одно от другого часто представляется просто невозможным, да и ненужным. Во-вторых, если и нельзя усвоить св. Григорию «богословский и метафизический гений», например, блаж. Августина, то, тем не менее, нельзя проходить мимо того факта, что в истории христианской культуры он явил себя выдающимся мыслителем, открывшим новые перспективы во многих областях Богомыслия и, в частности, в области тончайшего богословского анализа духовного опыта*. Не случайно, в отношении полноты и подлинности «богословия христианского опыта» святителя сравнивают с Оригеном и блаж. Августином, считая, что его учение далеко выходит за пределы простого «эмпиризма»**. Как подлинно церковный Любомудр, св. Григорий целиком основывал свое мировоззрение на Священном Писании и Священном Предании, считая, подобно другим отцам Церкви, всякое «новшество» наиболее ярким отличительным признаком ереси***. Именно такой сознательной традиционностью, кстати сказать, объясняется и усвоение святителем формулы *Filioque*, воспринятой им, без всякой рефлексии, от такого уважаемого авторитета, как блаж.-Августин****, который вообще оказал сильное влия-

* См.: *Dagens C.* Saint Grégoire le Grand. Culture et expérience chrétiennes. Paris, 1977, p. 24.

** См.: *Leclercq J.* The Love of Learning and the Desire of God. A Study of Monastic Culture. N.Y., 1982, p. 25.

*** См.: *Pelikan J.* The Christian Tradition. A History of the Development of Doctrine, v. 1. The Emergence of the Catholic Tradition (100–600). Chicago-London, 1971, p. 335–337.

**** См.: *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinische Reich. München, 1959, S. 309. «Филиоквистские» выражения довольно часто встречаются у св. Григория. Например, он говорит, что Господь послал Своим ученикам Святого Духа, Который «исшел» из Него (*qui a se procedit*). В другом месте св. Григорий замечает,

ние на богословские воззрения св. Григория*. В данном случае о св. Григории можно, наверное, сказать то, что в свое время преп. Варсануфий изрек о святых каппадокийских отцах (Григории Богослове и Григории Нисском), то есть что он «не исследовал» воспринятое им от учителей и не удостоверился в истинности этого воспринятого**.

Можно отметить, что и в целом такие сферы христианского вероучения, как триадология и христология, не подвергаются тщательному анализу у св. Григория: он обычно довольствуется здесь унаследованными парадигмами церковного Предания (естественно, преимущественно западного). Для него, например, само собою разумеется, что все «избранные»

что Посредник между Богом и людьми, человек Иисус Христос (*homo Christus Jesus*) всегда имел в Себе Святого Духа, поскольку этот Дух субстанциально исходит из Него (*ex illo isdem Spiritus per substantiam profertur*). См.: Grégoire le Grand. *Morales sur Job*, t. I, p. 210, 392.

* См.: Dudden H. Gregory the Great. His Place in History and in Thought, v. II. London, 1905, p. 293, 468.

** Все рассуждение преп. Варсануфия на этот счет следующее: «Святые, сделавшись учителями, или сами собою, или принуждаемые к тому другими людьми, весьма преуспели, превзошли своих учителей и, получив утверждение свыше, изложили новое учение, но вместе с тем сохранили и то, что приняли от прежних учителей своих, т.е. учение неправое. Преуспев впоследствии и сделавшись учителями духовными, они не помолились Богу, чтобы Он открыл им относительно прежних их учителей: Духом ли Святым внушено было то, что они им преподали, но, почитая их премудрыми и разумными, не исследовали их слов; и таким образом мнения учителей их перемешались с их собственным учением, и святые сии говорили иногда то, чему научились от своих учителей, иногда же то, что здраво постигли собственным умом; впоследствии же и те и другие слова были приписаны им». — Преподобных отцов *Варсануфия Великаго и Иоанна* Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошания учеников. Спб., 1905, с. 387–388.

(electi), как те, которые жили при Ветхом Завете, так и те, которые последовали за ними в Новом Завете, пламенели любовью к Троице. Ибо они не любили бы подлинно Бога, если бы не восприняли благодати Святой Троицы, Которая и есть Бог (*Проп. Иез. II, 4, 4*). Правда, в Ветхом Завете совершенным образом познавали Троицу лишь «духовные отцы», а «великая толпа Синагоги» (*multitudo tamen magna Synagogae*) не могла постигнуть и не стремилась постичь таинство Ее. С посещением же преизобильной благодати Нового Завета «всякий верующий народ» познал, что Бог есть Троица (*Там же, II, 4, 10–11*). В перспективе такого Домостроительства двух Заветов, предполагающей преуспевание в Боговедении от одного Завета к другому, св. Григорий и рассматривает Воплощение Бога Слова: Господь есть «воплощенная Премудрость» (*Sapientia incarnata*) и чистый дар Божий людям*. И, придя к ним, Господь возжелал проповедовать Свою Премудрость посредством плоти (*Sapientia suam per carnem uoluit praedicare*), дабы они, не будучи способными постичь эту Премудрость в Ее Божестве, постигли Ее в Воплощении (*Толк. Песни песней, 13*). Естественно, что для св. Григория Христос есть истинный Бог и истинный Человек: «по естеству Своему Он рожден прежде времен, а в нашем пришел во времени», а поэтому, «пребывая вечным, родился временным» (*Бесед. Еванг. I, 8, 1*); или: «Премудрость Божия явилась в человечество» и стала «Божеством во плоти» (*Там же, II, 24, 6*).

Пришествие Премудрости определилось печальным состоянием человечества после грехопадения, для описания которого св. Григорий не жалеет красок**.

* См.: *Dagens C. Op. cit.*, p. 35.

** См.: *Leclercq J. Op. cit.*, p. 29.

Душа человека, даже если она и способна была воспринимать нечто из божественных вещей, «тяжестью своей смертности возвращенная назад, падает вниз» (*Проп. Иез. II, 1, 17*). Смерть — главный факт человеческого бытия после грехопадения, и св. Григорий постоянно обращает свои взоры к этому грустному факту: «прах ты и в прах возвратишься» (*Быт. 3, 19*); однако, св. Григорий, сочетая это изречение с *Иов. 16, 18* («Земля! Не закрой моей крови, и да не будет места воплю моему»), замечает, что земля не закрыла крови Искупителя, поскольку святая Церковь проповедует таинство Искупления во всех частях мира (*Моралии XIII, 26*). Таким образом, перспектива Искупления коренным образом изменила всю мрачную картину мира. Ведь «до пришествия Христа на землю — и праведные и неправедные, вследствие первородного греха, отходили в ад (*ad inferiori claustra*), и в нем помещались — праведные «в верхних частях ада (*superiora inferi loca — requies patrum*) в упокоении (*in superiori quietatis sinu*)», нечестивые в «нижних» (*inferiora loca*), в муках (*in locis poenalibus*); но когда Господь сошел в ад, разрушил его затворы и освободил «своих», или — «тех, которых по вере и делам признал своими», оставив в аду нечестивых и неверовавших в Него, словом, когда таинством Искупления человек примирился с Богом и для него открылся путь к небу — «все праведные без всякого замедления (*nequaquam moragum spatia*)», по слову Апостола (*2 Кор. 5, 1*), упокоются в небесных чертогах»*. Поэтому «наш Искупитель есть Глава всех нас» (*caput quippe omnium nostrum Redemptor noster est*); и если Соломон говорит: «Мудраго очи его во главе его, а безумный во тме ходит» (*Еккл. 11,*

* Пономарев А. Указ. соч., с. 9–10.

14), то «мы имеем очи свои во главе тогда, когда, молчаливо размышляя (*tacita cogitatione*), взираем на жизнь нашего Испытателя, и когда все наше внимание направлено на подражание Ему; причем мы испытываем страх, как бы око ума, пренебрегши взиранием на пути света, не закрылось, погрузившись во тьму заблуждения» (*Проп. Иез. I, 2, 19*).

Эти «пути света» или «путь к небу», открытый Испытателем человечеству, никогда не исчезает из поля духовного зрения св. Григория. Поэтому все его мирозерцание имеет основным своим средоточием и центральной осью мистическое богословие, хотя святитель никогда не писал специальных трактатов на сей счет*. И если «всякое богословие мистично, поскольку оно являет Божественную тайну, данную Откровением»**, то мировоззрение св. Григория можно, вне всяких сомнений, назвать подлинным богословием в самом высшем смысле этого слова. Наиболее полное свое выражение оно находит в учении о созерцании. Следует отметить, что термин «созерцание» (*contemplatio*) — один из наиболее часто встречающихся терминов в творениях святителя. Так, он говорит, что «в сердцах избранных» пылают Божии заповеди и они охвачены жарким пламенем любви [к Богу]; и если мы прилагаем всякое старание к тому, чтобы уподобиться таким «избранным», то и в наших сердцах этот огонь сожигает все, что в нас есть внешнего, ветхого и «ржавого», принося наш ум как бы в жертву все소жжения при созерцании Бога (*men-*

* См.: *Butler C. Western Mysticism. The Teaching of SS Augustine, Gregory and Bernard on Contemplation and the Contemplative Life. Neglected Chapters in the History of Religion. London, 1927, p. 92.*

** *Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991, с. 8.*

tem nostram uelut holocaustum in Dei contemplatione offerat; *Толк. Песни песней* 5). Посредством «созерцания веры» (per fidei contemplationem) в «тайниках ума» отверзаются «очи нашего рассуждения», благодаря чему мы и можем достигнуть Богомыслия (*Моралии* XVI, 35). Однако, в здешней жизни это Богомыслие достижимо лишь частично. Толкуя Песн. 1, 1 («ласки Твои лучше вина»), св. Григорий предполагает, что вино есть ведение Бога (scientia Dei), которое мы получаем в земной жизни, и, хотя оно — велико (magna), но «ласки» (ubera — «сосцы», «грудь») Жениха несравнимы с ним, потому что тогда (tunc — в будущей жизни) через видение и возвышенность созерцания (per speciem et per sublimitatem contemplationis) будет превзойдено все, что познано нами здесь (*Толк. Песни песней*, 19).

Земная же жизнь наша характеризуется сопряжением, а часто и конфликтом, созерцания и делания. Как уже отмечалось, личный опыт самого св. Григория ясно свидетельствовал об этом. Но болезненно переживая конфликт «теории» и «практики» в своей личной жизни, он, будучи мыслителем, старается определить их должное соотношение. По словам святителя, жизнь деятельная (actiua uita) состоит в том, чтобы дать хлеб алчущему, научить незнающего слову мудрости (uerbo sapientia), исправить заблуждающегося, обратить возгордившегося на путь смирения, позаботиться о болящем и уделить каждому то, в чем он нуждается. А жизнь созерцательная (contemplatiua uita) заключается в том, чтобы всей душой (или умом — tota mente) сохраняя любовь к Богу и к ближнему, упокоиться от внешней деятельности (ab exteriore actione quiescere) и прилепиться единым желанием и любовью к Создателю. При такой жизни душа,

отвергнув все внешние попечения, пылает лишь одним желанием лицезреть Творца; со скорбьюнося тяжесть тленной плоти (*corruptibilis carnis pondus*), она жаждет соединиться с небесными гражданами и радоваться в лицезрении Бога нетленной вечности. Известный евангельский образ Марфы и Марии служит примером двух видов жизни: он недвусмысленно показывает, что вместе с настоящим веком погибнет и жизнь деятельная, тогда как жизнь созерцательная здесь только начинается, чтобы достичь своего совершенства в Небесном Отечестве. Другой образ — Лии и Рахиль; Иаков любит вторую, но сначала получает в жены первую. Это означает, что всякий человек, обращающийся к Господу, желает жизни созерцательной и домогается покоя Вечного Отечества; однако, прежде ему необходимо потрудиться на поприще делания добра «в ночи жизни настоящей», насколько он это может (*in nocte uitae praesentis operetur bona quae potest*), т. е. взять в жены Лию, чтобы потом успокоиться в объятиях Рахили для видения Начала [всяческих] (*ad uidendum principium*). Поэтому «добрый порядок» (*bonus ordo*) бытия человеческого состоит в стремлении от жизни деятельной к жизни созерцательной; но душа обретет великую пользу для себя, если она от созерцания вновь возвратится к деятельной жизни, чтобы сделать ее более совершенной. Жизнь созерцательная предполагает великое напряжение ума (*magna mentis contentio*), когда он устремляется к небесному, преодолевая все, что зримо телесными очами. Иногда он преуспевает в этом и преодолевает сопротивление борющегося с ним «мрака собственной слепоты» (*tenebras suae caecitas*), но иногда ему это не удастся и он, изнемогши в борьбе, падает в эту «слепоту»:

борение Иакова с Ангелом яркий образ такой борьбы. Ведь до тех пор, пока человек живет в смертной плоти, он не в силах достигнуть такого преуспевания в добродетели созерцания, чтобы оком ума зреть сияние неопишуемого Света (*ut in ipso iam incircumscripto luminis radio mentis oculos infigat*), ибо всемогущий Бог не может быть зрим в неприкровенной Славе Своей (*Проп. Иез. II, 2, 8–14*).

Таким образом, созерцание, согласно св. Григорию, хотя и есть высшая цель жизни человека, но в бытии нынешнего века оно, во-первых, теснейшим образом связано с деланием; во-вторых, достижимо лишь отчасти и, в-третьих, немыслимо без борения, которое часто истощает ум человека и возвращает его с высот Боговидения опять в жизнь деятельную,— но возвращает лишь для того, чтобы он, набравшись сил, вновь воспарил к вершинам Богомыслия*. Впрочем, борение человека не ограничивается борьбой с немощью своей души и своего тела, поскольку оно еще есть и духовная брань с лукавыми силами. Ибо «в настоящей жизни мы как бы на пути, которым продолжаем шествие к Отечеству. А злые духи, как бы некоторые разбойники, осаждают путь наш» (*Бесед. Еванг. I, 11, 1*). Но в то же время св. Григорий подчеркивает, ссылаясь на Мф. 8, 31, что «если злой дух не может войти без попущения всемогущего Бога и в свиней, то тем более без попущения не может иметь никакой власти над человеком» (*Собес. III, 21*). И сатана знает, что сам по себе, без такого попущения, он ничего не может сделать (*Моралии II, 16*), ибо Бог дает ему власть над одними искушениями (*alia ad tentandum dat*), но другим не позволяет быть (*Там же II, 19*). Промысли-

* См.: *Butler C. Benedictine Monachism. London, 1919, p. 84.*

тельное значение искушений, согласно св. Григорию, заключается в следующем: тот, кто более стремительно возносится в созерцании (*qui plus in contemplatione rapitur*), подвергается и большему искушению. Душа с помощью сокрушения или созерцания (*compunctione uel contemplatione*) возвышается к Богу, но тяжестью искушения отбрасывается назад к самой себе (*reuebatur ad semetipsam*), чтобы созерцание не надмевало; но такая «реверсия» души в принципе не должна быть необратимой, ибо иначе она впадет в грех. Поэтому, по дивному Домостроительству Божию, между созерцанием и искушением должно существовать определенное равновесие или «середина» (*Проп. Иез. II, 2–3*). Вообще искушения или испытания (*flagella* — «бичи») людей благих идут им на пользу, ибо очищают их от прошлых прегрешений (*Моралии XVI, 52*). А без такого очищения невозможно достичь и созерцания. Оно также недостижимо и без познания самого себя. Эта древняя тема познания самого себя (*γνῶθι σεαυτόν*), идущая из самых глубин античной культуры, разрабатывалась, уже в преображенном виде, многими древнецерковными писателями и до св. Григория*. Святитель, воспринимая их наследие и обогащая его, на сей счет говорит, что ни о чем не должна так печься каждая душа, как о познании самой себя (*omnis anima nihil debet amplius curare, quam ut se ipsam sciat*). А познавший себя осознает, что он сотворен по образу Божию, а потому ни в чем не может уподобляться животным (*Толк. Песни песней, 44*). Естественно, что не только очищение и познание себя являются необходимыми условиями созерцания и Бо-

* См.: *Courcelle P. Connais-toi toi-même*, t. I. De Socrate a saint Bernard. Paris, 1974, p. 204–229.

говедения, но и стяжание различных добродетелей: смирения, чистоты сердечной, любви и пр.

Пройдя все предварительные ступени «лестницы созерцания»* в земной жизни и преодолев все ее скорби и искушения, душа праведного человека достигает «пажитей избранных», которые «суть настоящее зрение Бога, Которого, когда беспрерывно созерцают, тогда ум удовлетворяется бесконечной пищей жизни. На этих пажитях обрадованы довольством вечности те, которые уже освободились от цепей похотливой временности. Там хоры Ангелов, поющих песнь Богу, там общение вышних граждан. Там радостное торжество возвращающихся с печального труда сего странствования» (*Бесед. Еванг. I, 14, 5*). И, «находясь «во Свете Божиим», предстоя лицом к лицу истине и обладая высшим ведением, праведные, по отношению к земле — видят и знают все, что на ней происходит, относительно своей прошлой жизни сохраняют живое воспоминание о борьбе и тягостях, понесенных ими на земле, что, однако, нисколько не умаляет их блаженного состояния, подобно тому как на земле среди полного счастья люди иногда припоминают печальные случаи из своей жизни, нисколько не уменьшая через это своей радости, наконец, в отношении к будущему праведные наслаждаются ожиданием последнего и полного воздаяния в день Суда»**. Участь же грешников, конечно, совершенно противоположна состоянию праведников: для них уготованы различные места ада (в зависимости от тяжести прегреше-

* Об этой «лестнице» (scala), возводящей человека от вещей внешних к его подлинному внутреннему «я», а затем от этого «я» — к Богу, см. вступительную статью к изданию: *Grégoire le Grand. Morales sur Job*, t. I, p. 26.

** Пономарев А. Указ. соч., с. 12.

ний) и их ожидает адский огонь. «Природу адского огня Григорий Великий описывает таким образом: адский огонь создан от начала мира — *ab ipsa mundi origine*,— Божественное правосудие, провидя будущее, создало его; огонь этот вещественный и невестественный: воспламененный Создателем он будет гореть во веки неугасимо,— для него не нужно горючего материала (*nec lignis nititur*),— грешники служат для него пищей, он жжет, но не сжигает, не дает света, хотя пылает пламенем»*. Именно эта грозная участь грешников не должна позволять человеку в здешней жизни «расслабляться», оставив усилия в подвигах добродетелей и созерцания. Можно еще отметить, что позднейшие католические богословы ссылались на св. Григория для доказательства своего учения о чистилище. Особенно это касалось четвертой книги «Диалогов» (IV, 39–40, 55). Однако внимательное чтение данных мест показывает, что никакого учения в строгом смысле слова святитель здесь не развивал. Если он и приводил некоторые сказания о загробной жизни умерших, могущие (с великой натяжкой) трактоваться в пользу указанного учения, то преимущественно «как свидетельство действительности молитв Церкви за усопших»**. В крайнем случае, св. Григорий, подобно блаж. Августину и Кесарию Арелатскому, лишь отражал народное верование, распространенное на латинском Западе в V–VI вв., без всяких притязаний «на возведение его на степень общецерковной догматической веры»***.

* Пономарев А. Указ. соч., с. 55–56.

** Там же, с. 102.

*** Епископ Сильвестр (Малеванский). Опыт православного догматического богословия (с историческим изложением догматов), т. V. Киев, 1897, с. 132.

Таковы, в самых общих чертах, основные богословские интуиции св. Григория. Безусловно, они — только капля в обширнейшем море его многообразных умозрений, благодатных озарений и глубоких прозрений, но и в капле иногда можно постигнуть всю морскую стихию... Личность многогранная и одновременно цельная, святитель оставил неизгладимый след в истории Церкви и христианской культуры. «Его неутомимая, влиятельная и широкая деятельность, простиравшаяся на различные сферы общественной и религиозной жизни, его постоянное духовное напряжение, не ослабляемое его болезненностью, его нежная и сострадательная душа, его усердное занятие Священным Писанием, обильная литературная деятельность и частые беседы с народом, наконец, его глубокая искренняя вера, льющаяся из его души, и сильное стремление к подвижничеству и нравственной святости — все это обратило на него внимание современников и близкого потомства и сделало выразителем дум целого века. Народ смотрел на него как на лучшего из своих представителей, видел в нем живой осуществленный идеал тех стремлений, какими волновалось его сознание и сердце, и почтил его именем *великого*. Этим именем он засвидетельствовал, что в лице св. Григория для него выражено все то, что было лучшего в мыслях и желаниях того времени, и чрез это святой отец делается идеальным носителем всего содержания своей эпохи»*. Но выражая идеальное содержание своей эпохи, святитель в еще большей степени выразил идеальное начало всего святоотеческого Предания и стал носителем самого духа соборности Церкви.

* *Певницкий В.* Указ. соч., с. 123–124.

Тропарь, гл. 4

*Иже от Бога Божественную благодать восприем,
славне Григорие, и того силою укрепляем, евангельски шест-
вовати изволил еси. Отонудуже у Христа возмездие трудов
приял еси всеблаженне: Егоже моли, да спасет души наша.*

БЕСЕДЫ НА ЕВАНГЕЛИЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРИЯ ДВОЕСЛОВА

в двух книгах,

переведенные с латинского языка на русский

Архимандритом Климентом.

КНИГА ПЕРВАЯ

Санкт-Петербург.

типография С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°

1860.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.

В досужное время перевел я сорок бесед на Евангелия, иже во святых Отца нашего, Григория Двоеслова, именуемого в Западной Церкви Великим.

Эти сорок бесед разделены у Святителя на две книги, из коих та и другая содержат в себе по двадцать бесед. Существенное различие между теми и другими беседами состоит в том, что первые двадцать бесед, составляющих первую книгу, были писаны посторонней рукой со слов Святителя и произносимы были не им самим, а лицом, посредствующим между ним и народом, вероятно, нотарием, или писцом, как видно из предисловия его и из начала XXI-й беседы. Но последние двадцать бесед, составляющих вторую книгу, были говорены самим Святителем, как видно из того же начала XXI-й беседы.

Речь Святителя к народу о смертности в переводе присовокуплена к беседам его потому, что она и в подлиннике непосредственно следует за ними.

Все старание употреблено для того, чтобы русским читателям передать в переводе мысли Святителя верно и ясно; но вполне ли я достиг этой цели, предоставляю судить читателям. И всяким благонамеренным и дельным замечанием с благодарностью воспользуюсь при втором издании, если Бог благословит дожить до него.

Архимандрит Климент.

ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО,
ГРИГОРИЯ ДВОЕСЛОВА,
ЕПИСКОПА РИМСКОГО,
СОРОК БЕСЕД НА ЕВАНГЕЛИЯ.
ДВЕ КНИГИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

**СВ. ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРИЯ ДВОЕСЛОВА,
К Секундину, Епископу Тавроменитскому.**

Досточтимейшему и святейшему брату, Епископу Секундину, Григорий, раб рабов Божиих.

Между священнодействий Литургии я изъяснил сорок чтений из Евангелия, из числа тех, которые в известные дни, по обычаю, читаются в нашей Церкви. Изъяснение некоторых из них читаемо было предстоящему народу писцом, а изъяснение других перед народом я говорил сам; и в последнем случае оно записано так, как я говорил. Но некоторые братия, пламенея ревностью к священному слову, передали другим то, что я говорил, прежде, нежели я успел тщательно исправить сказанное так, как предполагал. Этих братьев я называл бы в некотором отношении подобными голодным людям, которые нетерпеливо хотят есть пищу прежде, нежели она вполне сварена будет. Место же Писания: *Иисус возведен бысть духом в пустыню, искушится от диавола* (Мф. IV, 1), хотя прежде я изъяснял с некоторым сомнением, однако же после я

исправил сомнение точным изъяснением. Эти-то самые беседы я позаботился написать в том порядке, в котором они были сказаны, в двух книгах, дабы и первые двадцать, которые написаны со слов моих, и последние, — столько же, которые сказаны самим мной, были разделены на отдельные книги. Касательно того, что иное у меня предложено прежде, тогда как у Евангелиста написано после, а иное предложено после, тогда как у Евангелиста написано прежде, братолюбие твое отнюдь не должно беспокоиться, потому что беседы, как сказаны были мною в разные времена, так в этом порядке и переписаны в книги писавшими с моих слов. Итак, если бы твое братолюбие, всегда внимательное к священным чтениям, нашло вышеозначенное место из Евангелия истолкованным сомнительно, или эти же самые беседы расположенными не так, как я сказал выше, то знай, что это неисправленные беседы, и исправь их по тем, которые я озаботился препроводить к тебе через настоящего посланного, и никак не позволяй им оставаться без исправления. Подлинные же (беседы мои) хранятся в книгохранилище нашей Святой Церкви для того, чтобы те, которые далеко живут от твоего братолюбия, находили их здесь и могли убеждаться в сделанных мною исправлениях.

КНИГА ПЕРВАЯ.

БЕСЕДА I,

произнесенная к народу в храме Св. Ап. Петра во вторую
неделю по Рождестве Христове.

Чтение Св. Евангелия: Лк. XXI, 25-32.

*Во время оно: рече Иисус своим учеником: будут зна-
мения в солнце и луне и звездах: и на земли туга языком
от нечания шума морского и возмущения, издыхающим
человеком от страха и чаяния грядущих на вселенную:
силы бо небесныя подвижутся, и тогда узрят Сына че-
ловеческа, грядуща на облацех с силою и славою мно-
гою. Начиначим же сим бывати, восклонитесь и воз-
двигните главы ваша: зане приближается избавление
ваше. И рече притчу им: видите смоковницу и вся дре-
ва: егда прошибаются уже, видяще сами весте, яко близ
жатва есть. Тако и вы, егда узрите сия бывающа, ве-
дите, яко близ есть Царствие Божие. Аминь глаголю
вам: яко не имать прейти род сей, дондеже вся сия бу-
дут.*

1. Господь и Искупитель наш, возлюбленнейшие
братия, желая найти нас готовыми, предвозвещает те
бедствия, которые должны последовать в отживающем
век свой мире для того, чтобы отвратить нас от любви к нему. Наперед дает знать, какие потрясения должны
предшествовать приближающейся кончине его,
для того, чтобы мы, если не хотим бояться Бога в спо-
койствии, по крайней мере боялись близкого суда Его,
пораженные такими потрясениями. Немного выше,

впереди настоящего чтения Св.Евангелия, которое теперь только слышало ваше братолюбие, Господь говорит: *возстанет язык на язык, и царство на царство. Труси же велицы по местам, и глади* (Лк. XXI. 10). И через несколько посредствующих мыслей присовокупил то, что вы сейчас слышали: *будут знамения в солнце и луне и звездах: и на земли туга языком, от нечаяния, шума морского и возмущения.*

Из всех этих событий одни мы видим уже действительно совершившимися, а других страшимся, как имеющих скоро совершиться. Ибо *возстание язык на язык и тугу* их на земле мы видим в наши времена более, нежели читаем в книгах. Что землетрясение разрушает безчисленные города, об этом, вы знаете, как часто слышим из других частей мира. Моровые язвы терпим непрестанно. Но знамений в солнце, луне и звездах доселе еще ясно не видим; а что и они не далеки, об этом заключаем уже из самых перемен воздушных. Впрочем, прежде нежели Италия предана была языческому мечу на опустошение, мы видели на небе огненные остря, блистающие тою самою кровью рода человеческого, которая после пролита была. Шум же морской и возмущения отнюдь не новость. Но если многие предсказания уже исполнились, то нет сомнения, что исполнятся и те немногие, которые остаются еще не исполнившимися; потому что за несомненность последующих событий ручается исполнение протекших.

2. Это мы, возлюбленнейшие братия, говорим для того, чтобы ваши души пробудить к усиленной осторожности, чтобы вы не предавались беспечности, чтобы не расслабевали от неведения, но чтобы всегда вас и страх тревожил, и заботливость о добре укрепляла, особенно, если вы будете помышлять о том, что за сим говорит Искупитель наш: *издыхающим человеком от*

страха и чаяния грядущих на вселенную: силы бо небесныя подвижутся. Что Господь называет силами небесными, если не Ангелов, Архангелов, Престолы, Господствия, Начала и Власти, которые во время пришествия Праведного Судии видимо явятся очам нашим, чтобы потребовать от нас точного отчета в том, что теперь благоснисходительно попускает нам невидимый Творец. Тут же и присовокупляется: *и тогда узрят Сына человеческого, грядуща на облацех с силою и славою многою.* Яснее сказать можно так: в силе и славе узрят Того, Кого не хотели слушать в унижении, дабы тем сильнее они почувствовали тогда власть Его, чем неохотнее ныне приклоняют выю сердца своего к послушанию Ему.

3. Но это сказано на нечестивых; а за сим тотчас обращается речь к утешению избранных. Ибо тотчас говорится: *начинающим же сим бывать, восклонитесь, и воздвигните главы ваша, зане приближается избавление ваше.* Истина увещевает своих избранных, говоря им, как бы прямо так: когда умножатся бедствия мира, когда, при движении Сил, явится страшный Судия, тогда *воздвигните главы*, т. е. возрадуйтесь, потому что, когда кончится мир, которого вы не любили, тогда близко искупление, которого вы желали. Ибо в Св. Писании глава часто принимается за ум: как глава управляет членами, так ум распоряжает помышлениями. Итак, воздвигнуть главы — значит возвысить умы к радостям Небесного Отечества. Следовательно, те, которые любят Бога, получают повеление радоваться и веселиться о кончине мира, потому что они тотчас обретают Того, Кого любят, когда преходит (уходит) тот, кого они не любили. Невозможно, чтобы верный, желающий видеть Бога, скорбел о потрясениях мира, зная, что при этих потрясениях он

скончается. Но написано: *иже восхождет друг быти миру, враг Божий бывает* (Иак. V. 4). Следовательно, кто не радуется приближению кончины мира, тот обнаруживает, что он друг сего последнего, а через это самое является врагом Божиим. Но прочь эта мысль от умов верующих, прочь от тех, которые по вере знают, что есть иная жизнь, а по делам любят ее. Ибо скорбеть о разрушении мира свойственно тем, которые корни сердца своего всадили в любовь к нему, которые не желают будущей жизни, которые даже не верят бытию ее. Мы же, зная о вечных радостях Отечества Небесного, должны как можно скорее поспешать к ним. Нам должно желать идти быстрее и кратчайшим путем дойти до него. Ибо каким несчастьям не подвергается мир сей? Какая скорбь, какая превратность не теснят нас? — Что такое эта смертная жизнь, если не путь? — И подумайте, братия мои, что значит: уставать от трудностей этого пути, и однако же не хотеть, чтобы он когда-нибудь окончился. Но что мир сей должен быть отвергаем и презираем, это изъясняет Искушитель наш предусмотрительным сравнением, когда присовокупляет: *видите смоковницу и вся древа: егда прошибаются уже, видяще сами весте, яко близ жатва есть. Тако и вы, егда узрите сия бывающа, ведите, яко близ есть Царство Божие*. Очевидно, мысль Его есть следующая: как по плодам дерев познается близость лета, так по разрушению мира познается близость Царствия Божия. Этими словами ясно показывается, что плод мира есть разрушение. Он высится для того, чтобы пасть, произращает для того, чтобы все произрастаемое истребить смертью. Но хорошо сравнивается Царство Божие с летом, потому что при открытии его проходят облака нашей скорби, и дни жизни осияются светом вечного Солнца.

4. Все это утверждается, как несомненная истина, когда присовокупляется еще следующая мысль: *аминь глаголю вам: яко не имать прейти род сей, дондеже вся сия будут. Небо и земля мимо идет, словеса же Мои не имут прейти.* В природе вещей чувственных ничего нет тверже неба и земли, и ничто в природе так быстро не проходит, как слово. Ибо слова, доколе они не произносятся, не суть слова, а когда произнесены, тогда их уже нет; потому что они не иначе могут быть произнесены, как в последовательном порядке одно за другим. Итак, (Спаситель) говорит: *небо и земля мимо идет, словеса же Мои не имут прейти.* Смысл слов Его следующий: все, что у вас твердо, то без изменения не твердо для вечности, а все то, что у Меня кажется проходящим, то решительно твердо и держится без изменения; потому что Мое по видимому проходящее слово выражает мысли, постоянно пребывающие без изменения.

5. Вот, братия мои, мы уже видим то, о чем слышали. Ежедневно мир подвергается новым, более и более умножающимся, бедствиям. Осмотритесь, сколько вас осталось из безчисленного народа; и несмотря на то, бичи еще ежедневно постигают нас, неожиданные случаи теснят, новые и непредвидимые удары поражают. Как в юности тело цветет, грудь крепка и невреждена, шея мускуловата, жилы полны, а в летах старческих стан скривляется, иссохшая шея сгибается, грудь стесняется учащенным дыханием, силы слабеют, и слова говорящего прерываются одышкой, и хотя бы не было утомления, но для чувств большей частью самое здоровье есть уже болезнь — так и мир в первые свои годы, как бы в юности, был могущ, к распространению потомства рода человеческого силен, телесным здоровьем цветущ, обилием во всем тучен, но

ныне он тяготится самою своею старостью и как бы нудится к близкой смерти час от часа умножающимися бедствиями. — Итак, братия мои, не любите того, кого видите не в силах стоять долго. Напечатлейте в душе наставления Апостола, которые он дает нам, говоря: *не любите мир, ни яже в мире. Аще кто любит мир, несть любви Отчи в нём* (1 Ин. 2, 15). — Три дня тому назад, братия, вы узнали, что внезапною бурей многолетние виноградники опустошены, дома разрушены и Церкви до оснований ниспровержены. Сколько людей, здоровых и невредимых, с вечера думали, что они завтра будут делать то и то, а в эту самую ночь скончались нечаянною смертью под развалинами!

6. Но нам, возлюбленнейшие, должно размыслить, что для совершения сего невидимый Судия подвиг дыхание самого тонкого ветра, возбудил бурю из одного облака и — потряс землю, поколебал основания стольких зданий. Что же Сей Судия сотворит, когда Сам лично приидет, и гнев Его возгорится на отмщение грешникам, если и то нестерпимо, когда Он поражает нас самым тонким облаком? Какая плоть устоит перед гневом Его, если Он воздвиг только ветер — и потряс землю, дал только движение воздуху — и ниспроверг столько зданий? — Рассуждая о таком могуществе, Павел говорит: *страшно есть, еже впасти в руце Бога живаго* (Евр. X, 31). Это же самое могущество выражает Псалмопевец, когда говорит: *Бог яве приидет, Бог наш, и не прёмолчит: огонь пред ним возгорится, и окрест Его буря зельна* (Пс. XLIX, 3). Направление этого Страшного Суда сопровождается бурей и огнем, так как буря задушает тех, которых пожигает огонь. Итак, возлюбленнейшие братия, непрестанно имейте перед очами день тот, а что кажется трудным для верования, то облегчается сравнением. Ибо об

этом дне у Пророка сказано: *близ день Господень великий, близ и скор зело, глас дне Господня горек и жесток учинися. Силен день гнева, день той, день скорби и нужды, день безгодия и исчезновения, день тмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и вопля* (Соф. 1, 14-16). Об этом же дне Господь еще говорит через Пророка: *(еще единою) Аз потрясу небом и землею* (Агг. 2, 22). Итак, если Он, как сказали мы прежде, потряс воздух — и земля не устояла, — кто же устоит, когда Он потрясет небо? — Но чем мы назовем те страшилища, которые видим, если не предвестниками грядущего гнева? Поэтому-то и необходимо нам подумать, что нынешние страшилища настолько же различаются от последнего страха, насколько лицо предвозвестника различается от могущества Судии. Итак, возлюбленнейшие братия, с полным вниманием помышляйте о дне том, исправляйте жизнь, переменяйте привычки, искушения ко злу побеждайте противлением, а допущенные грехи очищайте слезами. Ибо тем безопаснее некогда узрите Пришествие вечного Судии, чем большим страхом ныне предварите Его устремление.

БЕСЕДА II,

произнесенная к народу в храме Св. Ап. Петра
в неделю 50-ю.

Чтение Св. Евангелия: Лк. XVIII, 31-44.

Во время оно, поем (Иисус) обанадесяте ученика своя, рече к ним: се, восходим во Иерусалим, и скончѣются вся писанная Пророки о Сыне человечесте. Предадут бо Его языком и поругаются Ему, и укорят Его и оплюют Его, и бивше убьют Его: и в третий день воскреснет. И тиши ничесоже от сих разумеша: и бе глагол сей сокровен от них, и не разумеваху глаголемых. Бысть же егда приближишася во Иерихон, слепец некий сидяше при пути прося. Слышав же народ мимоходящ, вопрошаше, что убо есть се. Поведаша же ему, яко Иисус Назарянин мимоходит. И возопи, глаголя: Иисусе, сыне Давидов, помилуй мя. И предыдущии прещаху ему, да умолчит. Он же паче множае вопияше: Сыне Давидов, помилуй мя. Став же Иисус, повеле привести его к Себе. Приблизшуся же ему к Нему, вопроси его, глаголя: что хочещи, да ти сотворю; он же рече: Господи, да прозрю. Иисус же рече ему: прозри: вера твоя спасе тя. И абие прозре, и в след Его идяше, славя Бога. И вси людие видевше, воздаша хвалу Богу.

1. Искупитель наш, предвидя, что души учеников возмутятся от страданий Его, задолго предсказывает им, как о страдании Своем, так и о славе Воскресения Своего, для того, чтобы они, когда увидят Его по предсказанию умирающим, не сомневались и в том, что Он

воскреснет. Но как ученики, еще плотяные, никак не могли понять слов тайны, то Он приступает к совершению чуда. Перед их глазами слепец получает прозрение для того, чтобы небесные дела утвердили в вере тех, которые не понимали слов небесной тайны. Но чудеса Господа и Спасителя нашего, возлюбленнейшие братия, надобно понимать так, чтобы и в истину событий их веровать, и сверх того разуметь, что они внушают нам нечто особенное своим значением. Ибо дела Его могуществом указывают на одно, а таинственностью говорят о другом. Вот по истории мы не знаем, кто был этот слепец, но знаем, кого он таинственно представляет. Слепец есть род человеческий, который, в лице прародителя, быв изгнан из рая сладости, не имея понятия о ясности света высшего, страдает во тьме своего осуждения; но явлением Исккупителя просвещается до того, что начинает видеть и желать радости внутреннего света, и на пути жизни обращается к доброй деятельности.

2. Замечательно, что слепец, по сказанию, получает прозрение тогда, когда Иисус приближался к Иерихону. Ибо Иерихон означает луну, а луна на священном языке служит образом немощей плоти, потому что, когда она в месячном своем течении убывает, тогда служит образом нашей смерти. Итак, когда Создатель наш приближается к Иерихону, тогда слепец получает прозрение — это значит, что когда Божество приемлет на себя немощь нашей плоти, тогда род человеческий восприимлет потерянный им свет. Ибо поскольку Бог терпит человеческое, постольку человек получает силы к Божественному. Этот слепец, по Писанию, сидел именно при пути и просил милостыню; а сама Истина говорит: *Аз есмь путь* (Ин. XIV, 6). Итак, тот слепец, кто не имеет понятия о ясности све-

та вечного; но если он уже верует в Искупителя, то сидит при пути; если же верует, но не хочет просить о даровании ему света вечного и не молится, то он слепец, хотя и сидящий при пути, но не просящий милостыни. А если кто и уверовал, и познал слепоту души своей, и молится о даровании ему света истины, то он слепец, сидящий при пути и просящий милостыни. Итак, кто сознает мрак слепоты своей, кто имеет понятие о том свете вечности, которого нет у него, тот сердечно вопиет и умиленно взывает: *Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя*. Но послушаем, что следует за воплями слепца. *И предыдущии прещаху ему, да молчит*.

3. Что же значат эти предыдущии грядущему Иисусу, если не шум плотских пожеланий и мятеж пороков, которые, до приближения к нашей душе Иисуса, рассеивают ум наш своими искушениями и на молитве останавливают сердечные вопли? Ибо часто, когда мы после содеянных грехов желаем обратиться ко Господу, когда усиливаемся вымолить у Него прощение в этих самых содеянных нами грехах, тогда приражаются к душе образы содеянных преступлений, притупляют остроту нашего ума, дух приводят в смятение и не дают простора голосу нашей молитвы. Итак, предыдущии прещаху ему, да молчит; потому что, прежде, нежели приблизится Иисус к душе, преступления, содеянные нами, отпечатываясь в нашем воображении своими образами, смущают нас во время самой молитвы.

4. Но послушаем, что сделал, наперекор этому, тот слепец, который желал прозрения. Сказано: *он же паче множае вопиаше, Сыне Давидов, помилуй мя*. Вот более и более вопиет тот, кого толпа заставляет молчать; так, чем более стесняет нас тягостный шум плотских

помыслов, тем пламеннее и настойчивее мы должны быть в молитве. Этот шум препятствует нам вопиять, так как и на молитве большею частью мы страдаем от воображения грехов наших. Но именно, тем громче надобно возвышать голос сердца, чем сильнее встречает он препятствия, доколе он не превысит шума нетерпимых помыслов, и своим напряжением и неотступностью достигнет святого слуха Господня. Что мы теперь говорим, то, думаю, каждый испытал на себе самом; потому что, когда мы душу свою направляем от мира сего к Богу, когда обращаемся к молитве, тогда во время молитвы нашей становится для нас уже неприятно и тягостно то самое, что прежде мы делали с услаждением. Помыслы о грехах отстраняются от очей сердечных силою святого желания; воображение их превозмогается воплями покаяния.

5. Но когда мы в своей молитве делаем сильное напряжение, тогда в уме напечатлеваем образ мимоходящего Иисуса. Поэтому в Евангелии далее сказано: *став же Иисус, повеле привести его к Себе.* — Вот останавливается Тот, Кто прежде проходил мимо; так, когда мы во время молитвы слышим еще шум мечтаний, тогда чувствуем, что Иисус как бы *мимоходит*. Когда же мы в молитве делаем особенное усилие, тогда Иисус останавливается, чтобы восстановить в нас свет; тогда Бог водворяется в сердце, и потерянный свет возвращается к нам.

6. Впрочем, в этом событии Господь внушает нам и еще нечто иное, что с пользою можем мы разуместь о человечестве и Божестве Его. Ибо вопль слепца услышал Иисус мимоходящий, а чудо прозрения совершил, остановившись. Мимоходить свойственно человечеству, а стоять — Божеству. По человечеству, Он родился, возрастал, умер, воскрес, переходил из места в

место. Итак, как в Божестве нет изменяемости, а *мимоходить* значит то же, что и изменяться, — то это *мимохождение* было именно по плоти, а не по Божеству. Но по Божеству Ему свойственно всегда стоять, потому что Он вездесущ, не двигаясь ни вперед, ни назад. Итак, вопиющего слепца слышит Иисус *мимоходящий*, а прозрение дарует *стоящий*; потому что, по человечеству Своему, Он, сочувствуя, сжалился над воплями слепоты нашей; но свет благодати проливает на нас силою Божества Своего.

7. И замечательно, что Он говорит подошедшему слепцу: *что хочешь, да ти сотворю*. Неужели Тот, Кто мог даровать прозрение, не знал, чего хотел слепец? Но Он хочет, чтобы мы просили, хотя Сам наперед знает, чего мы будем просить, и что даровать нам по нашему прошению. Он заповедует нам непрестанно молиться, и несмотря на то, говорит: *весть бо Отец ваш, ихже требуете, прежде прошения вашего* (Мф. VI, 8). Следовательно, за нужное признает, чтобы мы просили Его, для того, чтобы возбудить сердце к молитве. Поэтому и слепец тотчас присовокупил: *Господи, да прозрю*. Вот слепец просит у Господа не злата, но прозрения, потому что он, хотя и может иметь что-либо, но без прозрения — не может видеть того, что имеет. Итак, возлюбленнейшие братия, будем подражать тому, который, как мы слышали, получил исцеление и по телу, и по душе. Будем просить у Господа не ложного богатства, не земных даров, не скоропреходящих почестей, но прозрения; не того прозрения, которое ограничивается местом, которое имеет пределы во времени, которое разнообразится промежутками ночей, которое видит свет наравне с бессловесными животными; но будем просить того света, который можем видеть с одними только Ангелами, кото-

рый не имеет ни начала, ни конца. К этому свету служит путем вера. Поэтому и слепцу, при даровании прозрения справедливо дается тотчас ответ: *прозри, вера твоя спасе тя*. Но на это плотской помысл возражает: каким образом могу я просить духовного света, которого не могу видеть? Откуда могу я получить сведение, что есть такой свет, который не сияет для очей телесных? — Такому помыслу каждый может отвечать кратко, потому что и то самое, что он ощущает, ощущает не телом, а душою. Никто не видит души своей; и однако же никто не сомневается, что он имеет душу, которой не видит. Ибо душа невидимо управляет видимым телом. Если же это невидимое отделяется, то тотчас падает и видимое, которое видимо стояло. Итак, если в сей видимой жизни существо оживляется невидимым, то есть ли место сомнению в бытии жизни невидимой?

8. Но послушаем, что сделано для вопиющего слепца, или что сделал сам он. Сказано далее: *и абие прозре, и во след Его идяше*. Видит и последует тот, кто делает добро, которое понимает. Видит же, но не последует тот, кто, хотя и понимает добро, но нерадит о делании добра. Итак, возлюбленнейшие братия, если мы уже сознаем слепоту нашего странствования, если мы, веруя в таинство нашего Искупителя, сидим уже при пути, если ежедневно молясь просим у нашего Зиждителя света, если, видя разумом этот самый свет, мы после слепоты уже прозрели, то делами последуем за Иисусом, Которого видим умом. Будем внимательно смотреть, куда Он шествует, и в последовании держаться стези Его. Ибо Иисусу последует тот, кто подражает Ему. Посему Он и говорит: *гряди по Мне, и остави мертвых погребсти своя мертвецы* (Мф. VII, 22). Последовать значит подражать. Поэтому Он опять

увещевает, говоря: *еще кто Мне служит, Мне да последствует* (Ин. XII, 26). Итак, размыслим, куда Он шествует, чтобы служить Ему в нашем последовании. Вот Он, Господь и Создатель Ангелов, желая принять естество наше, которое создал, нисходит в утробу Девы. Родиться в сем мире от богатых не благоизволил, а избирает родителей бедных. Поэтому не доставало даже агнца, которого надобно было (по закону) принести в жертву за Него, а приносит Матерь в жертву *два горличища, или два птенца голубина* (Лк. II, 24). Не благоизволил также быть счастливым в этом мире, но переносил безчестия и посмеяния, претерпел оплевывания, биения, заушения, терновый венец и Крест. И так как мы лишились внутренней радости через услаждение вещами телесными, то Он показывает, с какою горечью она должна быть возвращаема. Итак, что должен человек претерпеть за себя, если Бог столько претерпел за людей? — Посему, кто уже верует во Христа, но еще держится корыстолюбия, гордится почестями, воспламеняется ненавистью, оскверняется нечистотою похоти, желает в мире счастья, — тот небрежет о последовании Христу, в Которого верует. Ибо тот, которому Вождь указывает путь скорби, если желает радостей и наслаждения, идет другим путем. Итак, припомним грехи, содеянные нами; размыслим, сколь страшный Судия приидет для наказания за них; настроим сердца к пролитию слез; да огорчается жизнь наша во времени покаянием, дабы не чувствовать вечной горечи в отмщении. Плач ведет нас к вечным радостям, по обетованию Истины, Которая говорит: *блажени плачущи, яко тии утешатся* (Мф. V, 4). А через радости пролегает путь к плачу, по свидетельству Той же самой Истины, Которая говорит: *горе вам, смеющимся ныне: яко возрыдаете и восплачетесь* (Лк. VI, 25).

Итак, если мы желаем радости воздаяния в конце поприща, то на пути должны переносить горечь покаяния. И да будет это так, чтобы не только наша жизнь была благоугодна Богу, но чтобы наше обращение и других воспламеняло к славе Божией. Таким образом и Евангельское сказание заключено: *и вси люди видевше, воздаша хвалу Богови.*

БЕСЕДА III,

произнесенная к народу в храме Святой Филикитаты
в день ее мученичества.*

Чтение Св. Евангелия: Мф. XII, 46-50.

Во время оно, глаголющу Ииусу к народом, се, Мати Его и братия Его стояху вне, ишуще глаголати Ему. Рече же некий Ему: се, Мати Твоя и братия твоя вне стоят, хотяще глаголати Тебе. Он же отвещав рече ко глаголющему Ему: кто есть мати Моя; и кто суть братия Моя; И простер руку на ученики Своя, рече: се, мати Моя и братия Моя. Иже бо аще сотворит волю Отца Моего, Иже есть на небесех, той брат Мой, и сестра, и мати (Ми) есть.

1) Предложенное ныне чтение Св. Евангелия, возлюбленнейшие братия, кратко, но преисполнено великих таин. Ибо Иисус, Создатель и Искупитель наш, показывает вид, будто не знает Матери, и определяет, кто Мать Его, и кто родные, не по плотскому родству, но по единению духа, говоря: *кто есть мати Моя, и кто суть братия Моя; иже бо аще сотворит волю Отца Моего, Иже есть на небесех, той брат Мой, и сестра, и мати (Ми) есть.* Этими словами что другое Он внушает нам, если не то, что Он из язычества собирает многих, последующих велениям Его, и отвергает Иудею, в которой родился по плоти? Поэтому и Ма-

* С подлинника: *в день рождения.* Но в древности так назывался день мученичества, или кончины мученической.

терь Его, как бы непризнаваемая, представляется вне стоящею; так синагога отвергается Учредителем ее за то, что, наблюдая исполнение закона, она потеряла духовное разумение и, ради охранения буквы, остановилась вне.

2) Но что тот, кто творит волю Отца, называется братом и сестрою Господа, это не удивительно, так как тот и другой пол равно призывается к вере. Но чрезвычайно удивительно то, каким образом такой человек называется даже *матерью*? Ибо верных учеников Господь удостоил имени братий, сказав: *идите, возвестите братии Моей* (Мф. XXVIII, 10). Следовательно, приходя к вере, можно быть братом Господним; но спрашивается, каким образом можно быть Его матерью? — Надобно знать, что верующий братом и сестрою Христу делается по вере, а матерью через проповедь. Ибо проповедующий, как бы так сказать, рождает Господа, Которого внедряет в сердца слушающих; матерью же делается и тогда, когда проповедью его порождается в сердце ближнего любовь ко Господу.

3) Подтверждение этой истины представляет нам блаженная Филикитата, мученичество которой мы ныне торжествуем: она по вере была рабой Христовой, а по проповеди соделалась матерью Христовой. Ибо, как читаем в достовернейших жизнеописаниях ее, она так страшилась оставить после себя семерых сынов своих живыми во плоти, как плотские родители обыкновенно боятся, чтобы дети не умерли прежде их. Претерпевая тяжесть гонения, она проповедью укрепила сердца детей в любви к Вышнему Отечеству и духом переродила тех, которых родила плотью, так что проповедью возродила для Бога тех, которых плотью родила для мира. Размыслите, возлюбленнейшие

братия, об этом мужественном сердце в женском теле. Безстрашно предстала она на смерть. Она страшилась только того, чтобы в детях не потерялся свет истины, если они останутся в живых. Как же не назвать эту жену Мученицею? — Это более, нежели Мученица. — Господь, говоря об Иоанне, сказал: *чесо изыдосте* (в пустыню) *видети; Пророка ли; ей, глаголю вам, и лишше Пророка* (Мф. XI, 9), и сам Иоанн на вопрос о себе отвечал: *несмь пророк* * (Ин. 1, 21).

Тот, кто признавал себя более, нежели Пророком, справедливо говорил, что он не Пророк. А большим, нежели Пророк, называется он потому, что назначение Пророка состоит в предсказании будущего, а не в указании настоящего. Иоанн же более, нежели Пророк, потому что указал перстом на Того, о Ком проповедовал. Таким образом, и эту жену я назвал бы не только Мученицею, но и более, нежели Мученицею, потому что она, предпосылая семь залогов в Царство (Небесное), столько же раз умирала прежде своей смерти, первая явилась на мучения, но скончалась восьмою. Мучимая мать безстрашно взидала на смерть детей, утешение надежды препобеждало скорбь естества. Она страшилась за живых, радовалась за умирающих. Не желала ни одного оставить после себя живым для того, чтобы оставшийся не лишен был соучастия с нею (в блаженстве). Итак, никто из вас, возлюбленнейшие братия, не думай, будто сердце ее, при умерщвлении детей, не терзалось естественной жалостью. Ибо она не могла без скорби видеть умирающих детей, чувствуя, что они плоть ее; но она чувствовала внутреннюю силу любви, которая препобеждала скорбь плоти. Так

* И вопрошиша его: что убо; Илия ли еси ты; и глагола: несмь. Пророк ли еси; и отвеща: ни.

и об имевшем пострадать Петре сказано: *егда же состареешися, воздежеши руце твои, и ин тя пояшет и ведет, а може не хоцещи* (Ин. XXI, 18). Ибо Петр мог бы и не страдать за Христа, если бы решительно не хотел, но он силой духа возлюбил мученичество, которого не желал бы по слабости плоти. Трепеща перед казнями плотью, он духом возвышался к славе; и совершилось то, что он и против воли желал Креста мученического. Так и мы, когда желаем выздоровления, тогда принимаем горькие лекарства. Хотя горечь в лекарстве и не нравится, но приятно здоровье, восстанавливаемое этою горечью. Итак, Филикитата любила детей своих по плоти; но по любви к Небесному Отечеству хотела, чтобы прежде нее умерли те, которых она любила. Она сама претерпела раны их и в предшествовании (детей) с этими ранами перешла в Царство (Небесное). Итак, я справедливо наименовал бы эту жену более, нежели Мученицею, потому что она столько раз умерщвляется в детях своих по чувству сердца, вытерпев и сама многообразные мучения, стала выше самой пальмы мученичества. Рассказывают, что у древних был такой обычай: тот, кто делался консулом, получал принадлежащую званию его почесть по порядку времени; но если кто впоследствии снова достиг консульского звания и был консулом не однажды, а два или, быть может, три раза, тот имел преимущество в славе и почестях перед теми, которые были консулами не более одного раза. Так блаженная Филикитата стала выше Мучеников; потому что она, при умерщвлении прежде нее стольких сынов, многократно умирала за Христа, и для любви ее не доставало только ее собственной смерти.

4) Обратим, братие, внимание на эту жену, обратим внимание мы, которые по телу мужи, но что мы

будем значить в сравнении с нею? — Ибо часто мы предполагаем сделать что-нибудь доброе; но если против нас вылетит из уст насмешника одно, хотя бы и самое легкое слово, то мы тотчас оставляем преднамереваемое дело и, пристыженные, отступаем назад. Таким образом, нас большей частью одни слова отклоняют от добрых дел. Но Филикитату даже мучения не могли поколебать в святом ее намерении. Мы падаем от ветра злословия, а она шла к Царству через железо и считала за ничто все препятствия. Мы не хотим раздать бедным, по заповедям Господним, даже излишнего для нас — она пожертвовала Богу не только своей личностью, но и отдала за Него собственную плоть. Мы, когда по воле Божией лишаемся детей, плачем без утешения; она стала бы плакать о них, как о мертвых, тогда, когда бы не успела предрасположить их к смерти. — Итак, когда придет праведный Судия на Страшный Суд, тогда что скажем мы, мужи, видя славу этой жены? Будет ли тогда для мужей оправдание в слабости духа, когда будет им указана эта жена, победившая и мир и свой пол? Возлюбленнейшие братия! Пойдем стропотным* и жестоким путем Искупителя; усилиями (подвижников) он соделался до того ровным, что по нему могут ходить женщины. Презрим все настоящее, ибо ничтожно то, что может пройти. Неуместно любить то, что скоро гибнет. Да не преобладает нами любовь к благам земным; да не напыщает гордость; да не терзает гнев; да не оскверняет роскошь; да не снедает зависть. По любви к нам, возлюбленнейшие братия, умер Искупитель наш; по любви к Нему научимся и мы препобеждать самих себя. Если

* Стропотный — кривой, шероховатый, извилистый. (Прим. ред.)

это мы вполне совершим, то не только предотвратим от себя угрожающие наказания, но и сподобимся славы, вместе с Мучениками. Ибо, хотя ныне нет гонений, однако же и в мире есть место мученичеству, потому что, хотя мы не подклоняем выи плоти под меч, однако же духовным мечом должны посекать в сердце плотские пожелания, при помощи Самого* Спасителя нашего Иисуса Христа, Которому принадлежит всякая слава, честь и поклонение, с Отцом, и Св. Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

* В подлиннике напечатано только до сего слова; а затем приложено только etc., т. е. и прочее — то, чем обыкновенно заканчиваются слова и беседы Св. Отцов, т. е. славословием Св. Троице.

БЕСЕДА IV,

произнесенная к народу в Храме Св. мученика Стефана.
Об Апостолах.

Чтение Св. Евангелия: Мф. X, 5-10.

Во время оно, (посла Иисус обанадесять ученики Своя), заповеда им, глаголя: на путь язык не идите и во град Самарянский не внидите. Идите же паче ко овцам погибшим дому Израилева. Ходяще же проповедуйте, глаголюще, яко приближися Царствие Небесное. Болящия изцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесы изгоняйте: туне приясте, туне дадите. Не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших, ни пиры в путь, ни двою ризу, ни сапог, ни жезла: достоин бо есть делатель мзды своя.*

1) Когда известно всем, возлюбленнейшие братья, что Искупитель наш пришел в мир для искупления всех народов; когда видим, что Он ежедневно призывал самарян к вере, что же это значит, что Он, посылая учеников на проповедь, говорит: *на путь язык не идите и во град Самарянский не внидите. Идите же паче ко овцам погибшим дому Израилева?* — Значит — как заключаем из конца дела, — что Он хотел прежде проповедать одним иудеям, а после всем язычникам, для того чтобы, когда те отвергнут призывание к обращению, святые проповедники по порядку направились к призыванию язычников; и чтобы то, что для иудеев

* Сия обанадесять посла Иисус. . (Прим. ред.)

было исполнением (обетований), для язычников было преизбытком благодати. И тогда были в Иудеи люди, способные к тому, чтобы слышать призывание; и в язычестве были неспособные. Так, в Деяниях Апостольских мы читаем, что вследствие проповеди Петра, сперва уверовало три тысячи евреев, а потом пять тысяч (Деян. II, 41; IV, 4). И когда Апостолы хотели было проповедовать асийским язычникам, тогда это возбранено им Духом (Деян. XVI, 6); и однако же тот же самый Дух, Который прежде возбрал проповедание, после влил оное в сердца асийцев*. Ибо давно уже вся Асия уверовала. Следовательно, что прежде возбранено, то после совершено потому, что прежде в ней не было таких, которые были бы способны ко спасению. — Тогда в ней были такие, которые еще не заслуживали быть восстановленными к жизни, но не заслуживали и подвергнуться строжайшему осуждению за презрение проповеди. Итак, по тонкому и сокровенному суду святая проповедь не допускается до слуха некоторых, потому что сии не заслуживают быть восстановленными благодатью. Посему необходимо, возлюбленнейшая братия, чтобы мы страшились тайных определений на нас Всемогущего Бога во всем, что мы делаем, для того, чтобы тогда, когда душа наша, рассеянная по внешности, не удерживается от своего сластолюбия, внутренний Судия, наперекор ему, страхом побуждал нас к противоположному. Взирая на это правильно, Псалмопевец говорит: *приидите и видите дела Божия, коль страшен в советех паче сынов человеческих* (Пс. XLV, 9; LXV, 5). Ибо он видит, что один по милосердию призывается, а другой по насто-

* Здесь под Асией разумеется не часть света, а одна из древних областей в Малой Азии.

янию правосудия отвергается. И поскольку Господь одним распоряжается милостиво, а другим во гневе, то Он отверг то, чего не мог тронуть. И кого Он предвидел не только неуловимым, но и ожесточившимся в некоторых своих мнениях, того в совете своем предопределил на страшную участь.

2) Но послушаем, что заповедуется посланным проповедникам. *Ходяще же проповедуйте, глаголюще, яко приблизися Царствие Небесное.* Об этом, возлюбленнейшая братия, если бы молчало Евангелие, то вопиял бы мир. Ибо развалины его служат голосами его. Стертый такими потрясениями, он лишился своей славы, как бы указуя нам на самое близкое Царство, следующее за ним. Он горек становится даже для тех, которые любят его. Самые развалины его проповедуют, что его не должно любить. Ибо, если бы потрясенный дом угрожал хозяину падением, то каждый жилец в нем должен был бы бежать (из него); и кто любил его стоящим, тот тем скорее должен выходить из него падающего. Итак, если мир падает, а мы его любим, то хотим быть более задавленными, нежели обитать в нем; потому что мы, которых любовь привязывает к страстям мира, никаким способом (уже) не отделяемся от его развалин. Итак, ныне, когда видим все уже разрушающимся, нам удобно наш дух отделить от любви к нему. Но это было весьма трудно в то время, в которое были посылаемы проповедовать невидимое Царство Небесное, когда все видели, что царства земные цветут и расширяются.

3) Для сего-то и присоединены чудеса святым проповедникам, дабы проявляемая ими сила усиливала веру в слова их, и дабы те, которые проповедовали новое, новое и творили, как в том же самом чтении далее сказано: *болящия изцеляйте, прокаженных очи-*

щайте, мертвые воскрешайте, бесы изгоняйте. При процветании мира, при размножении рода человеческого, при долговременном пребывании плоти в этой жизни, при изобилии богатства вещей, кто поверил бы, когда бы услышал, что есть иная жизнь? Кто предпочел бы невидимое видимому? Но при исцелении болящих, при воскрешении мертвых, при очищении прокаженных, при изгнании бесов из бесноватых, при совершении столь многих видимых чудес, кто не поверил бы тому, что услышал бы о невидимом? — Ибо видимые чудеса для того и сияют, чтобы привлекать к вере сердца зрителей, дабы через то, что вовне дивно совершается, признавалось еще *более* дивным то, что внутри. — Посему ныне, когда численность верующих возросла, в Святой Церкви много людей добродетельных, но они не имеют знамений добродетелей, потому что напрасно является чудо вовне, если нет того, что содевалось бы внутри. Ибо, по слову Учителя языков: *языцы в знамение суть не верующим, но неверным* (1 Кор. XIV, 22). Поэтому этот же самый славный проповедник, среди проповедания, молитвой воскресил перед всеми неверующими Евтиха, который во время сна упал из окна и совсем лишился жизни. (Деян. XX, 9 и след.). Проходя через Мелит и зная, что этот остров наполнен неверующими, он молитвой утешал отца Поплиева, *огнем и водным трудом (одержимого)** (Деян. XXVIII, 8). Но спутника своего в странствовании и помощника в святой проповеди, Тимофея, страждущего слабостию желудка, врачует не словом, но знанием медицины, говоря: *мало вина приеми, стомаха ради твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. V,

* *Бысть же отцу Поплиеву огнем и водным трудом одержиму лежати.*

23). Итак, почему тот, кто одной молитвой врачует больного неверующего, не врачует своего больного спутника той же молитвой? — Именно потому, что тот, который не имел внутренней жизни, должен быть уврачеван внешним чудом, чтобы, через проявления внешнего могущества, внутренняя сила воодушевила его к жизни. А для болящего верного сотрудника, который по внутренней жизни был здоров, не были нужны внешние знамения.

4) Но послушаем, что Искупитель наш присовокупляет к дарованной власти проповедания, к дарованным чудесам могущества. *Туне приясте, туне дадите.* Ибо Он предвидел, что некоторые этот самый дар приятого Духа обратят в торговлю и чудесные знамения унижат до удовлетворения сребролюбия. Так Симон волхв, видя чудеса, совершенные возложением руки, желал получить этот дар Святого Духа за деньги (Деян. XVIII, 18 и след.) именно для того, чтобы еще хуже продавать то, что худо приобрел бы. Посему-то Искупитель наш бичом от вервий изгнал толпы из храма и ниспроверг столы продающих голубей (Ин. II, 15)*. Ибо продавать голубей — значит совершать рукоположение, через которое приемлется Дух Святой, не по заслуге жизни, но за деньги. Но есть некоторые, которые хотя и не берут денег за рукоположение, однако же даруют степени Священства по человекоугодию, и за эту щедрость ищут в награду только похвалы. Эти люди не дают *туне*, что *туне* ими получено, потому что за исполнение святой обязанности желают монеты благорасположенности к ним. Посему Пророк, описывая мужа праведного, говорит, что он *отрясает рuce свои от*

* *И сотворив бич от вервий, вся изгна из церкви.*

всякого дара. (Ис. XXXIII, 15)*. Ибо не говорит: *руце свои отрясает от дара*, но прибавляет: *от всякого*. Поэтому что иной есть дар от послушания, иной — от руки, иной — от языка. Дар от послушания состоит в подчинении, простираемом за пределы долга; дар от руки состоит в деньгах; дар от языка — в похвале. Итак, рукополагающий на степени Священства отрясает руки свои от всякого дара тогда, когда в делах Божественных не только денег не желает, но и благодарности человеческой.

5. Но вы, возлюбленная братия, провождающие светскую жизнь, когда знаете наши обязанности, обратите умственные очи и на свои. Делайте взаимно друг для друга *туне*. Не желайте воздаяния за свою деятельность в этом мире, о котором знаете, что он с такой скоростью приближается уже к кончине. Как желаете вы, дабы другие не видали того, что втайне вы сделали дурного, так остерегайтесь, дабы добрые дела ваши были сокровенны от похвалы человеческой. Не делайте не только зла, но и добра для временного воздаяния.

Желайте, чтобы свидетелем вашей деятельности был Тот Самый, Который будет вашим Судией. Пусть Он ныне видит содеваемое вами добро втайне, чтобы представить оное явным во время Своего воздаяния. Как тело ваше, чтобы оно не ослабевало, вы ежедневно питаете пищей, так добрые дела да будут ежедневной пищей для души вашей. Пищей питается тело, а благочестивой деятельностью насыщается дух. Что вы

* Этот текст приведен здесь по переводу, известному под именем *Вулгаты*. Заменить его текстом Славянского перевода признано невозможным; потому что в последнем нет слова *всякого*, на значении которого Св. Отец основывает силу своего доказательства.

сообщаете телу, имеющему умереть, в том не отказывайте душе, имеющей жить вечно. Ибо когда огонь внезапно обымает жилище, тогда каждый владелец его вскакивает, схватывает, что может, и выбегает, считая прибылью то, если что успеет вынести с собою из огня. Вот пламя бедствий обымает мир, и все, что в нем кажется драгоценным, близкий уже конец опустошает, как огонь. Итак, возлюбленная братия, считайте за величайшую прибыль то, что успеете вынести из него вместе с собой, если убегая его, что-либо унесете, если для вечного воздаяния вы щедростью сохраните то, что могло погибнуть от пребывания на своем месте. Ибо все земное мы теряем хранением, но соблюдаем благотворением. Времена проходят быстро. Итак, поскольку мы великой нечаянностью понуждаемся к видению нашего Судии, то с поспешностью будем готовиться к оному добрыми делами, благодарью Господа нашего * Иисуса Христа, Ему же подобает честь и слава во веки веков. Аминь.

* Примечание то же, какое сделано на окончание третьей беседы.

БЕСЕДА V,

говоренная к народу в храме Св. Апостола Андрея в день
его мученичества.

Чтение Св. Евангелия: Мф. IV, 18-22.

*Во время оно, ходя же (Иисус) при мори Галилей-
стем, виде два брата, Симона глаголемого Петра, и
Андреа брата его, вметающа мрежи в море, беста бо
рыбаря. И глагола има: грядита по Мне, и сотворю вы
ловца человеком. Она же абие оставльша мрежи, по нем
идоста. И прешед оттуду, виде ина два брата, Иакова
Зеведеева, и Иоанна брата его, в корабли с Зеведеом
отцем ею, завязующа мрежи своя, и воззва я. Она же
абие оставльша корабль и отца своего, по Нем идоста.*

1) Возлюбленнойшая братия, вы слышали, что по
единому слову повеления Петр и Андрей последовали
за Искупителем. Но они не видели, чтобы Сей творил
какие-либо чудеса, ничего не слышали от Него о на-
граде вечного воздаяния; и однако же, по единому ве-
лению Господа, забыли о том, чем, казалось, владели.
Почему же мы, сколько ни видим чудес, сколько ни
поражаемся бичами, сколько ни уstraшаемъ жесто-
костями угроз, однако же нерадим о последовании
Призывающему. Тот, Кто призывает нас, сидит уже
на небе; под иго веры Он склонил уже выи* языков;
уже уничтожил славу мира; уже возвещает о прибли-
жающемся дне Страшного Суда Своего страшными

* Выя — шея.

развалинами оно; и однако же гордая душа наша не хочет добровольно желать того, что ежедневно теряет по принуждению. Итак, возлюбленнейшие, что же мы скажем на Суде Его, когда не отвращаемся от любви настоящего века ни заповедями, ни угрозами Его?

2) Но быть может, кто-либо в тайных своих помышлениях скажет: эти — тот и другой — рыбаки, почти ничего не имевшие, что, или сколько оставили, по глаголу Господнему? — Но в этом деле, возлюбленнейшая братия, мы должны ценить более духовное расположение, нежели имение. Тот много оставляет, кто у себя ничего не удерживает; тот много оставил, кто, сколь бы мало ни имел, все бросил. Известное дело, что мы и владеем с любовью к тому, что имеем, и сильно желаем того, чего не имеем. Следовательно, Петр и Андрей много оставили, когда тот и другой оставили самое желание иметь. Тот много оставил, кто с обладаемой вещью отказался даже от желаний. Итак, этими последователями оставлено столько, сколько они могли желать, не последуя. Посему никто, при воззрении на других, оставивших многое, не должен говорить самому себе: «Желаю подражать презрителям мира сего, но не имею, что оставить». Много, братия, вы оставляете, если отказываетесь от земных желаний. Ибо внешнего нашего, сколь бы мало оно ни было, достаточно для Господа; потому что Он взвешивает сердце, а не вещество; не весит, сколько в жертве Его, но с каким расположением она приносится. Ибо, если мы будем весить вещество, то вот святые наши купцы на покинутые сети и лодки купили Вечную Жизнь Ангелов. Подлинно Царство Божие не имеет цены по оценке; но, впрочем, оно ценится во столько, сколько ты имеешь. Ибо для Закхея оно стоило половины имения, потому что другую половину он

удержал для четверичного вознаграждения того, что приобрел несправедливо (Лк. XIX, 8). Для Петра и Андрея оно стоило оставленных сетей и лодки (Мф. IV, 20); для вдовицы стоило двух лепт (Лк. XXI, 2); для другого стоило чаши холодной воды (Мф. X, 42). Итак, Царство Божие, как мы сказали, стоит столько, сколько ты имеешь.

3) Итак, взвесьте, братия, что дешевле в покупке, что дороже во владении. Но может быть, нет и чаши холодной воды, которую можно было бы подать нуждающемуся; и тогда Слово Божие обещает безопасность. Ибо при Рождении Исккупителя явились небесные граждане для того, чтобы пропеть: *слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение* (Лк. II, 14). Ибо перед очами Божиими рука никогда не бывает без дара, если ковчег сердца наполнен добрым расположением. Посему-то Псалмопевец говорит: *на мне, Боже, обеты Тебе, я совершу Тебе славословие** (Пс. LV. 13). Ясно говорит он как бы так: хотя я не имею внешних даров для жертвоприношения, однако же внутри самого себя нахожу то, что возлагаю на жертвенник хвалы Твоя, потому что Ты не питаешься нашим приношением, но лучше благоугождаешься сердечной жертвой. Ибо для Бога нет богаче жертвы, как добрая воля. Добрая же воля состоит в том, чтобы страшиться несчастий другого так же, как и своих; радоваться благополучию ближнего так же, как своему; чужие убытки признавать за свои; на чужие прибыли взирать, как на свои; любить друга не для мира, но для Бога; с любовью терпеть врага; никому не делать того, чего не желаешь терпеть сам; никому не отказывать в том, чего справедливо желаешь

* Во мне, Боже, молитвы, я же воздам хвалы Твоя.

самому себе; помогать ближнему в необходимости, не только по силам, но и желать быть полезным (для него) даже выше сил. Итак, что богаче этого всесожжения, когда душа через приносимое Богу закаляет саму себя на алтаре сердца?

4) Но это жертвоприношение доброй воли никогда вполне не совершается, если совершенно не оставляется пожелание мира сего. Ибо чего мы в нем желаем, в том без сомнения завидуем ближним; потому что кажется, что нам недостает того, чего достигает другой. И поскольку зависть всегда разноречит с доброй волей, то, как только последняя пленит ум, первая тотчас удаляется. Почему святые проповедники для того, чтобы совершенно любить ближних, старались ничего не любить в этом веке, ничего никогда не желать, ничего с пристрастием не иметь. Правильно взирая на них, Исаия говорит: *кии суть, иже яко облацы летят, и яко голуби к окнам своим* (Ис. LV, 8)*. Ибо он видит, что они земное презирают, духом приближаются к небесному, словами дождят, чудесами сияют. И тех, которых святая проповедь и высокая жизнь возвышали выше земных связей, он называет летящими, подобно облакам. Окна же суть наши глаза, потому что через них душа видит то, чего желает отвне. Но голубь есть животное простое и незлобивое. Посему, как голуби на окнах своих, суть те, которые ничего в этом мире сильно не желают, которые на все смотрят просто и не увлекаются желанием хищения относительно к тому, что видят. Напротив же, коршун, а не голубь на окнах своих, есть тот, кто сильно желает похитить то,

* В подлиннике *ad fenestras suas*. Но по славянскому переводу: *со птенцы ко мне*. В настоящем переводе удержаны слова латинского подлинника потому, что на значении их основывается дальнейшее объяснение Св. Отца.

что видит глазами. Итак, возлюбленная братия, поскольку мы празднуем день мученичества блаженного Апостола Андрея, то должны подражать тому, что почитаем. Торжество души да даст обещание нашего неизменного благочестия; будем презирать земное; оставив временное, будем покупать Вечное. Если же мы еще не можем оставить собственного, то, по крайней мере, не будем желать чужого. Если сердце наше не горит еще огнем любви, то да обуздывается в своем домогательстве страхом, дабы, ободренное в шествии к своему совершенству, оно, удерживаясь от желания чужого, со временем достигло до презрения собственного, при помощи Господа нашего Иисуса Христа*, Которому подобает всякая слава, честь и держава, со Отцом и Св. Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

* В подлиннике после слова Христа опять etc, т. е. и прочее, чем обыкновенно заканчиваются Слова и беседы Св. Отец.

БЕСЕДА VI,

говоренная к народу в храме Святых Маркеллина
и Петра в третий воскресный день пришествия
Господня *.

Чтение Св. Евангелия: Мф. XI, 2-10.

Во время оно, Иоанн же слышав во узилици дела Христова, посла два от ученик своих. Рече Ему: Ты ли еси грядый, или иного чаем; и отвещав Иисус рече има: шедше возвестита Иоаннови, яже слышита и видита: слепии прозирают и хромии ходят, прокаженнии очищаются и глушии слышат, мертвии встают и нищии благовествуют. И блажен есть, иже аще не соблазнится о Мне. Тема же исходящема, начат Иисус народом глаголати о Иоанне: чесо изыдосте в пустыню видети? Трость ли ветром колеблему? Но чесо изыдосте видети? Человека ли в мягки ризы облеченна? Се, иже мягкая носящии, в домех царских суть. Но чесо изыдосте видети? Пророка ли? Ей, глаголю вам, и лишше Пророка. Сей бо есть, о Немже есть писано: се, Аз посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, иже уготовит путь Твой пред Тобою.

1) Для нас, возлюбленная братия, потребно исследование, почему Иоанн Пророк, — и более нежели Пророк, который указал на Господа, грядущего ко крещению в Иордане, говоря: *се, Агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин. I, 29, 36), который, рассуждая о

* Т. е. по Рождестве Христове.

своим ничтожеством и о могуществе Божества Его, говорит: *сый от земли от земли есть и от земли глаголет: грядый с небесе, над всеми есть* (Ин. III, 31), — почему, находясь в узилище, посылая учеников, он спрашивает: *Ты ли еси грядый, или иного чаем?* — как будто не знает Того, на Кого указывал, и не ведает, Он ли есть Тот Самый, о Ком проповедью, крещением и указанием свидетельствовал? — Но этот вопрос решается скоро, когда обращается внимание на время и порядок событий. Стоя при водах Иорданских, он утверждал, что (Иисус) есть Искупитель мира, а заключенный в темницу, спрашивает: «Он ли есть грядый?» Не потому, будто сомневается, что Он есть Искупитель мира, но спрашивает для того, чтобы знать, Он ли есть Тот, Который Сам Собою пришел в мир, Сам же Собою низойдет в узилища адовы. Ибо Кого он, предшествуя, возвещал миру, Тому, умирая, предшествовал и во ад. Итак, говорит: *Ты ли еси грядый, или иного чаем?* — Ясно говорит он как бы так: «Так как Ты имел снисхождение родиться для людей, то внуши, сделаешь ли Ты снисхождение и умереть за людей, для того, чтобы я, бывший предтечею рождения Твоего, был также предтечею смерти и во аде возвестил о Тебе грядущем, о пришествии Которого возвестил уже миру». Почему и, прозревая это, Господь, по исчислении чудес Своего могущества, тотчас дает ответ и на вопрос об уничтожении Своей смерти, говоря: *слепии прозирают и хромии ходят, прокажени очищаются и глушии слышат, мертвии встают и нищии благовествуют. И блажен есть, иже аще не соблазнится о Мне.* При виде таких знамений и таких чудес никто не мог соблазняться, но разве удивляться. Но ум неверующих перенес на Него важный соблазн, когда, и после таких чудес, увидел Его умирающим. Поэто-

му и Павел говорит: *Мы же проповедуем Христа распята, иудеем убо соблазн, еллином же безумие* (1 Кор. 1, 23). Ибо для людей казалось безумием, чтобы за людей умер Виновник жизни; и человек принял против Него соблазн оттуда, откуда долженствовал бы заимствовать еще большее побуждение быть должником. Ибо тем с большим благоговением люди должны чтить Бога, чем более унижения Сей принял за людей. Итак, что значат слова: *блажен есть, иже аще не соблазнится о Мне*, если не ясное выражение, указующее на поносную смерть Его и унижение? — Ясно говорит Он как бы так: «Хотя Я творю дивное, однако же не отрекаюсь претерпеть поносное. Поскольку же умирая Я следую за тобою, то людям, которые благоговеют перед знамениями, надобно очень остерегаться того, чтобы не презирать смерти во Мне».

2) Но послушаем, что Он, по отпуске учеников Иоанновых, говорит о том же Иоанне народу. *Чесо изидосте в пустыню видети? Трость ли ветром колеблему?* — Это привнес Он (относительно Иоанна) не положительно, а отрицательно. Ибо трость тотчас, как только подует ветер, преклоняется на другую сторону. Что же обозначается тростью, если не плотская душа? — Таков тот, кто при благоприятных или неприятных обстоятельствах преклоняется на ту или другую сторону. Ибо он, когда из уст человеческих повеет на него ветер благоволения, делается веселым, гордится и весь преклоняется на сторону благоволения. Но если подует ветер неблагорасположения оттуда, откуда дул ветер похвалы, то он тотчас преклоняет его, как бы на противоположную сторону, к силе неистовства. Иоанн же не был тростью, колеблемою ветром, потому что его ни благоволение не делало ласкательным, ни чье-либо отвержение — жестоким.

судите, как преступно для мужчин желать того, что Пастырь Церкви старался запретить даже женщинам.

4) Впрочем, повествование об Иоанне, что он не одевался в мягкие одежды, по знаменованию может быть разумеваемо и иначе. Ибо Иоанн не одевался в мягкие одежды потому, что не имел снисхождения к жизни грешников потачками, но нападал на нее с силою жестокой брани, говоря: *порождения ехиднова, кто сказа вам безсати от грядущаго гнева* (Лк. III, 7). Почему и у Соломона говорится: *слова мудрых якоже остны воловии и якоже гвоздие вонзено* (Еккл. XII, 11). Ибо слова мудрых сравниваются с гвоздями и бичами потому, что они не умеют потакать виновным преступникам, но (умеют) их пронизывать.

5) *Но чесо изыдосте видети? Пророка ли? Ей, глаголю вам, и лишше Пророка.* Ибо служение Пророка состоит в предсказании будущего, но не в указании. Поэтому Иоанн более, нежели Пророк: ибо он перстом указал на Того, о Ком предшествуя проповедовал. Но поскольку сказано, что он не был тростью, колеблемой ветром, не одевался в мягкие одежды, что для него мало имени Пророка, то послушаем, что может быть сказано достойное его. Далее говорится: *се, Аз посылаю Ангела Твоего пред лицем Твоим, иже уготовит путь Твой пред Тобою* (Мал. III, 1). Что по-гречески называется Ангелом, то по-латыни — вестником. Следовательно, справедливо называется Ангелом тот, кто посылается возвещать о верховном Судии, дабы в имени сохранить то достоинство, которое имеет в должности. Хотя имя высоко, но и жизнь не ниже имени.

6) О, если бы, возлюбленнейшая братия, могли мы сказать не в осуждение наше, что носящие на себе имя Священства, называются также Ангелами, по свиде-

тельству Пророка, который говорит: *устне иереовы сохранят разум, и закона възвѣщутъ отъ устъ его: яко Ангелъ Господа Вседержителя есть.* (Мал. II, 7). Но высоты этого имени можете достигнуть и вы, если захотите. Ибо каждый из вас, если, — насколько может, насколько приемлет благодати вышнего вдохновения, — уклоняет ближнего от зла, если возвещает заблуждающему о Вечном Царстве или наказании, подлинно бывает Ангелом, когда произносит слова Святого Благовестия. И никто не говори: «Я не умею увещевать, неспособен к убеждению других». Сделай, сколько можешь, дабы тебе не подвергнуться ответственности в мучениях за то, что ты худо сберег, что получил. Ибо не более, как один талант получил тот, кто решился лучше скрыть его, нежели употребить в оборот. И мы знаем, что в Скинии Божией, по повелению Божию, устроены были не только большие чаши, но и малые стаканы (Исх. XXXVII). Большими же чашами обозначается обширная ученость, а стаканами — малое и тесное знание. Иной, преисполненный изучением истины, удовлетворяет умам слушающих до пресыщения. Следовательно, он действительно предлагает большую чашу через то, что говорит. — Другой не может выразить того, что чувствует; но поскольку и это кое-как проповедует, то подлинно дает вкушение малым стаканом. Итак, вы, поставленные в Скинии Божией, т. е. в Святой Церкви, если мудростью учения не можете предлагать больших чаш, то, сколько по Божественному дарованию можете, предлагайте вашим ближним малые стаканы доброго слова. Насколько думаете уйти вы, настолько же ведите и других с собою; желайте иметь товарищей на пути Божиим. Если кто из вас, братие, идет на рынок или в баню, то приглашает идти с собою того, кого считает досуж-

ным для того. Итак, самая земная деятельность ваша да расположит вас к тому, чтобы вы и тогда, когда идете к Богу, старались идти к Нему не одни. Посему-то и написано: *слышай да глаголет, прииди* (Апок. XXII, 17); для того, чтобы тот, кто уже услышал в сердце голос вышней любви и вовне передавал ближним голос убеждения. И может быть, он не имеет хлеба, чтобы подать милостыню нищему, но то важнее, что может подать ему тот, кто имеет язык. Ибо подкрепить пищей душу, имеющую жить вечно, более значит, нежели насытить земным хлебом чрево имеющего умереть тела. Итак, братие, не удерживайте милостыни слова у ваших ближних. Как себе, так и вам советую только остерегаться праздной речи, уклоняться от бесполезного слова. Насколько можем мы останавливать язык, настолько да не вытекают слова на ветер, потому что Судия говорит: *всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово в день судный* (Мф. XII, 36). Праздное же слово есть то, которое или не имеет пользы прямо́ты, или в достаточной причине своей необходимости. Итак, обращайтесь праздные разговоры к назиданию; размышляйте, как быстро протекают времена сей жизни; внимайте, как придет страшный Судия. Представляйте Его пред очами сердца вашего, Его всаждайте в сердца ваших ближних для того, чтобы вы, — если, насколько достанет сил, постараетесь возвещать о Нем, — могли быть от Него названы с Иоанном Ангелами, что да благословит исполнить Сам Бог, живущий во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VII,

говоренная к народу в церкви Святого Апостола Петра в четвертый воскресный день по Рождестве Христове.

Чтение Св. Евангелия: Ин. 1, 19-28.

Во время оно, послаша жидове от Иерусалима иереев и левитов, да вопросят его (Иоанна), ты кто еси? И исповеда, и не отвержесе: и исповеда, яко несмь аз Христос. И вопросиша его: что убо? Илиа ли еси ты? И глагола: несмь. Пророк ли еси? И отвеща: ни. Реша же ему: кто еси? Да ответ дамы пославшим ны: что гложеши о тебе самом? Рече: аз глас вопиющаго в пустыни, исправите путь Господень, якоже рече Исаиа Пророк. И посланнии беху от фарисей. И вопросиша его и реша ему: что убо крещаеши, аще ты неси Христос, ни Илиа, ни Пророк. Отвеща им Иоанн, глаголя: аз крещая водою: посреде же вас стоит, Егоже вы не весте: Той есть грядый по мне, Иже предо мною бысть, Емуже несмь аз достоин, да отрешу ремень сапогу Его. Сия в Вифаваре быша об он пол Иордана, идеже бе Иоанн крестя.

1) Словами этого чтения, нам, возлюбленнейшая братия, представляется в пример смирение Иоанна, который, имея такую святость, что мог быть признаваем за Христа, решился твердо держаться в самом себе, дабы от мнения человеческого не восхититься выше себя. Ибо он *исповеда и не отвержесе, и исповеда, яко несмь аз Христос*. Поскольку же он сказал: *несмь*; то совершенно отверг, чем не был, но не отверг

того, чем был, дабы, говоря истину, быть членом Того, Коего имени ложно не присвоаял себе. Итак, когда он не желает имени Христа, тогда соделывается членом Христа, потому что, ревнуя о смиренном сознании своей слабости, справедливо заслуживает место на высоте Его. Но когда мы припоминаем мысль Искупителя нашего из другого чтения, тогда из слов этого чтения рождается вопрос, для нас весьма запутанный. Ибо в другом месте Господь на вопрос учеников о пришествии Илии отвечает: *Илия уже прииде; и не познаша его, но сотвориша о нем, елика восхотеша. (И если вы хотите знать, то сам Иоанн есть Илия)* (Мф. XVII, 12). А спрошенный Иоанн говорит: *не-смь (Илия)*. Что же это такое, возлюбленная братия, Пророк Истины отвергает то, что утверждает Истина? — Ибо выражения: *той есть* и *несмь*, весьма различны между собой. Следовательно, каким образом он есть Пророк Истины, когда не согласуется в словах с этой Истиной? — Но если мы тонко разберем саму Истину, то звучащее между собой разноречие перестанет быть противоречащим. Ибо Ангел об Иоанне говорит Захарии: *той предидет пред Ним духом и силою Илииною* (Лк. 1, 17). Следовательно, он (Иоанн) называется грядущим в духе и силе Илии, потому что, как Илия будет предшествовать второму пришествию Господа, так Иоанн предшествовал первому. Как тот будет Предтечею Судии, так сей был Предтечею Искупителя. Итак, Иоанн был в духе и силе Илии, но лично не был Илией. Следовательно, что Господь утверждает о духе, то Иоанн отрицает о лице, потому что этому так и должно было быть, дабы и Господь высказал ученикам мысль об Иоанне духовную, и этим Иоанн отвечал плотскому народу, не о духе, но о плоти. Следовательно, хотя и кажется

противным истине то, что отвечал Иоанн, однако же он не отступил от стези истины.

2) Он, отрицаясь даже от имени Пророка, — именно потому, что не только мог проповедовать об Искупителе, но и указывать (на Него), — далее высказывает, кто он, присовокупляя: *аз глас вопиющего в пустыни*. — Вы знаете, возлюбленная братия, что Единородный Сын называется Словом Отчим, по свидетельству Иоанна, который говорит: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово* (Ин. 1, 1). И из самого вашего говора знаете, что прежде звучит голос, дабы потом могло быть слышимо слово. Итак, Иоанн утверждает, что он есть *глас*, потому что предшествует *Слову*. Предшествуя пришествию Господню, он называется *гласом* потому, что делается слышным от людей посредством своего служения Отчему Слову. Он и в пустыне вопиет, потому что возвещает оставленной и отверженной Иудее утешение Искупителя. А о чем он вопиет, то внушает, присовокупляя: *исправите путь Господень, якоже рече Исаия Пророк* (Ин. 1, 23) *. Путь Господень направляется к сердцу тогда, когда со смирением слушается слово истины. Путь Господень направляется к сердцу тогда, когда жизнь предуготовляется к (соблюдению) заповеди. Посему написано: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к Нему приидема и обитель у него сотворима* (Ин. XIV, 23). Итак, кто гордится умом, кто дышит пламенем любостяжания, кто оскверняется нечистотами роскоши, тот запирает дверь сердца от истины; и дабы не пришел к нему Господь, крепит запоры души застарелостью пороков.

* *Глас вопиющего в пустыни: уготовайте путь Господень, правы сотворите стези Бога нашего* (Ис. XL, 3).

3) Но посланные еще возражают: *что убо крещаеши, аще ты неси Христос, ни Илия, ни Пророк?* — Поскольку об этом спрашивается не по желанию знать истину, но по злостной зависти, то Евангелист молча заметил, когда присовокупил, говоря: *и посланнии беху от фарисей.* Ясно говорит он как бы так: Иоанна спрашивают о действиях его те, которые не умеют желать учиться, но (умеют) только завидовать. Но каждый Святой, когда даже от развращенного ума получает вопрос, не изменяется в соблюдении своей благодати. — Почему и Иоанн на вопрос зависти отвечает назиданием жизни. Ибо тотчас присовокупляет: *аз крещая водою; посреде же вас стоит, Егоже вы не весте.* Иоанн крестит не в духе, но в воде, потому что, не имея власти отпущать грехи, он оmyвает тела крещаемых водою, но не оmyвает духа через отпущение грехов. Итак, для чего крестит тот, кто крещением не отпущает грехов, если не для того, чтобы, сохраняя порядок предшества своего, тот, кто рождением предшествовал Имеющему родиться, и крещением предшествовал Господу, Имеющему крестить; и чтобы тот, кто через проповедь соделался Предтечею Христа, и через Крещение был Его Предтечею подражанием Таинству? — Между тем, он возвещая о Таинстве, утверждает, что Сей (Христос) и посреди людей стоит, и Его не знают; потому что Господь, явившись во плоти, соделался и видимым по плоти, и невидимым по величию. О Нем-то он далее говорит: *Той есть грядый по мне, Иже предо мною бысть.* Ибо так говорится: *предо мною бысть*, что то же — «предо мною поставлен». Итак, грядет после меня потому, что после родился, но *предо мною бысть* потому, что превознесен выше меня. Но об этом говоря немного выше, он открыл и причины Его превознесения, присовокупив: *яко*

первое мне бы. Ясно говорит он как бы так: рожденный после меня превышает меня даже тем, что Его не стесняют времена рождения Его. Ибо Тот, Кто во времени рождается от Матери, без времени рожден от Отца. Предаваясь Ему (Иисусу), он (Иоанн) объявляет, какое долженствует иметь благоговейнейшее смирение перед Ним: *Ему же несмы достоин преклонься разрешити ремень сапог Его* (Мк. 1, 7). У древних был обычай, что если бы кто не захотел иметь женою ту, которая была за него помолвлена, тот обязывался снимать сапог у того, кто по праву близости являлся к ней женихом. Итак, чем явился Христос среди людей, если не женихом Святой Церкви? О чем тот же Иоанн говорит: *имеяй невесту, жених есть* (Ин. III, 29). Но поскольку люди думали, будто Иоанн есть Христос, — что сам Иоанн отвергает, то он справедливо говорит, что он недостоин даже того, чтобы разрешать ремень у сапог Его. Ясно говорит он как бы так: «Я не имею силы обнажать стопы нашего Искупителя, потому что незаслуженно не присвою себе имени жениха». — Впрочем, это может быть разумеваемо и иначе. Ибо кто не знает, что сапоги устроятся из мертвых животных? — Воплотившийся же Господь явился как бы обутой, потому что в Божестве Своем приял мертвенность нашего повреждения. Почему и через Пророка говорит: *на Идумею простру сапог Мой* (Пс. LIX, 10). Ибо под именем Идумеи разумеется язычество, а под именем сапога — принятая смертность. Итак, Господь говорит, что Он на Идумею прострет сапог Свой, потому что, когда Он плотью сделался известным для язычников, тогда Божество пришло к нам, как бы в обуви. Но человеческий глаз не может проникнуть в таинство сего вочеловечения. Ибо никак нельзя постигнуть, каким образом Слово воплощается; каким

образом высший и животворящий Дух одушевляется в утробе Матери; каким образом не имеющий начала и существует, и зачинается. Следовательно, ремень сапог есть завязка таинства. Итак, Иоанн не может разрешить ремень сапог Его, потому что не может сам проникнуть в таинство воплощения Его, хотя и знал о нем по духу пророчества. Итак, что значат слова: *несмь достоин разрешити ремень сапог Его*, если не выражение ясного и смиренного сознания в своем неведении? Ясно говорит он как бы так: «Что дивного в том, если превознесен предо мною Тот, на Которого я хотя и взираю, как на Родившегося после меня, но не постигаю таинства Его рождения». Вот Иоанн, исполненный духа пророчества, славится дивным ведением, и однако же внушает о себе, что он не знает недоведомого.

4) В этом деле нам, возлюбленнейшая братия, надобно взвесить и с полным вниманием размыслить, каким образом святые мужи для охранения в себе добродетели смирения, когда дивно знают что-либо, стараются вызывать к очам ума то, чего не знают, для того, чтобы душа их не гордилась с той стороны, с которой совершенна, помышляя, с другой стороны, о своей слабости. Ибо ведение есть добродетель, а смирение — страж добродетели. Следовательно, уму остается стеснять самого себя во всем, что он знает, для того, чтобы ветер гордости не развеивал того, что собирает добродетель ведения. Когда вы, братие, делаете добро, всегда воззывайте на память злые дела для того, чтобы душа никогда неосторожно не услаждалась добрым делом, осторожно взирая на свою виновность. Взаимно на высших, особенно на тех, которые не имеют общения с вами, взирайте, как на ближних ваших, потому что вы не знаете, что добро скрывается в том

самом, что вы признаете за некое зло в их действиях. Итак, всякий да старается быть великим, но да не ведет некоторым образом, что он действительно таков, для того, чтобы дерзким присвоением себе величия не потерять его. Посему-то через Пророка говорится: *горе, иже мудри в себе самих и пред собою разумни* (Ис. V, 21). Поэтому Павел говорит: *не бывайте мудры о себе* (Рим. XII, 16). Поэтому же говорится против гордящегося Саула: *еда не мал был еси ты пред ним, и не властелина ли ты постави*. Ясно говорится как бы так: «Когда ты признавал самого себя малым, тогда Я тебя перед прочими возвеличил. Но поскольку ты сам себя признаешь великим, то Я считаю тебя малым». Напротив того, Давид, когда, скача перед Ковчегом Завета Господня, с презрением взирал на могущество своего царства, сказал: *буду играти и плясати пред Господем. И открьюся еще такожде и буду непотребен пред очима твоима* (2 Цар. VI; 21, 22)*, ибо кого не надмил бы сокрушение челюстей львиных, растерзание мышц медвежьих, избрание (на Царство) с пренебрежением старших братьев, низложение страшного для всех Голиафа одним камнем, принесение, по предложению Цареву, назначенных числом краеобрезаний истребленных филистимлян, получение Царства по обетованиям, обладание целым израильским народом без всякого впоследствии прекословия? — И однако же во всем этом презирует себя тот, кто признается, что он уничижен пред очами своими. Итак, если святые мужи низко думают о самих себе даже тогда, когда совершают великие подвиги, то что

* В латинском этот текст читается так: *ludam et uilius quam factus sum, et ero humilis in oculis meis*. Т. е. разыграю и соделаюсь еще более низким, нежели насколько соделался, и буду уничижен в очах моих.

скажут в свое извинение те, которые надмеваются без совершения подвига? — Да хотя и были бы какие-либо добрые дела, то они ничтожны, если совершаются без смирения. Ибо дивный подвиг с гордостью не возвышает, а унижает. Потому что кто собирает добродетели без смирения, тот бросает пыль на ветер; и откуда, по видимому, приобретает нечто, оттуда более ослепляется. Итак, братия мои, во всех ваших делах смирение считайте за корень доброго дела. Взирайте не на то, чем вы уже возвысились, но на то, чем вы еще стали ниже, для того, чтобы от смирения вы могли всегда восходить к высшему, имея перед глазами лучших, нежели вы *.

* Эта беседа в подлиннике тем и закончена. Но в сноске замечено, что в других изданиях прибавлено *praestante Domino nostro Jesu Christo*, т. е. при содействии Господа нашего И. Христа; а в одном и еще добавлено: *Cui est honor et gloria in saecula saeculorum. Amen.* Т. е. Которому честь и слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА VIII,

говоренная к народу в храме Пресвятой Девы Марии
в день Рождества Господня.

Чтение Св. Евангелия: Лк. II, 1-14.

Бысть же во дни тыя, изыде повеление от Кесаря Августа написати всю Вселенную. Сие написание первое бысть владащу Сириею Кирию. И идяху вси написатися, кождо во свой град. Взыде же и Иосиф от Галилеи, из града Назарета, во Иудею, во град Давидов, иже нарицается Вифлеем, зане быти ему от дому и отечества Давидова, написатися с Мариєю обрученою ему женою, сущою непраздною. Бысть же, егда быста тамо, исполнишася дние родити Ей. И роди Сына своего Первенца, и повит Его, и положи Его в яслех: зане не бе им места во обители. И пастырие беху в тойже стране, бдяще и стрегуще стражу нощную о стаде своем. И се, Ангел Господень ста в них, и слава Господня осия их: и убояшася страхом велиим. И рече им Ангел: не бойтеся, се бо, благовествую вам радость велию, яже будет всем людем. Яко родися вам днесь Спас, Иже есть Христос Господь, во граде Давидове. И се вам знамение: обрящете Младенца повита, лежаща в яслех. И внезапно бысть со Ангелом множество вой небесных, хвалящих Бога и глаголющих: слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение.

1) Поскольку по щедротам Господним мы сегодня намерены совершить три торжественных Литургий, то не можем долго говорить о Евангельском чтении. Но

самое рождение нашего Искупителя побуждает сказать что-либо, хотя кратко. Что значит, что перед рождением Господа Вселенная подвергается переписи, если не явное указание на то, что явится во плоти Имеющий в вечности переписать Своих избранных? Напротив того, о нечестивых через Пророка говорится: *да потребятся от книги живых, и с Праведными да не напишутся* (Пс. LXVIII, 29). Хорошо и то, что Он рождается в Вифлееме, потому что Вифлеем значит *дом хлеба*. Ибо Сам же Он говорит: *Аз есмь хлеб сшедый с небесе* (Ин. VI, 41). Следовательно, место, в котором Господь рождается, прежде наименовано *домом хлеба* потому, что совершенно было предназначено к явлению на нем во плоти Того, Кто внутренним насыщением восстановит души избранным. Он рождается не в доме родительском, но на пути, для того, чтобы ясно показать, что по принятому на Себя человечеству, Он родился как бы на чужбине. Чужбиной называю я не по владычеству, а по естеству. Ибо о владычестве Его написано: *во своя прииде* (Ин. I, 11). По естеству же Своему Он рожден прежде времен, а в нашем пришел во времени. Итак, Кто, пребывая вечным, явился временным, для Того чуждо то (место), куда Он снизошел. И поскольку через Пророка говорится: *всяка плоть сено* (Ис. XL, 6), то Он, соделавшись человеком, сено наше превратил в пшеницу, говоря о Самом Себе: *аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает* (Ин. XII, 24). Поэтому и Рожденный Он полагается в яслях для того, чтобы пшеницей Своей плоти восстановить силы всех верующих, т. е. святых животных, дабы они не оставались голодными без пищи вечного разума. Но что значит явление Ангела бдящим пастырям и осияние их славою Божиею, если не то, что пастыри, умеющие попечи-

тельно блюсти стада верующих, заслуживают высших видений? И когда сами они благочестиво бдят над стадом, тогда обильно сияет над ними Божественная благодать.

2) Но Ангел возвещает о родшемся Царе, гласу его вторят хоры Ангелов и, сорадуясь, призывают: *слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение*. — Ибо прежде, нежели Искупитель наш родился плотью, мы имели разногласие с Ангелами, от славы и чистоты которых мы далеко отстояли виновностью первородного греха и ежедневными беззакониями. Поскольку за согрешения мы были устранены от Бога, то и Ангелы, граждане Божии, устраненных нас отвергали от своего общения. Но поскольку мы признали Царя своего, то и Ангелы опять признали нас своими согражданами. Ибо, когда Царь неба принял на Себя землю плоти нашей, тогда уже и она Ангельская высота не презирает нашей низости. Ангелы опять восстанавливают мир с нами, не обращая внимания на прежнее разногласие; и тех, которых прежде презирали, как слабых и отверженных, опять уже почитают товарищами. Поэтому-то Лот (Быт. XIX, 1) и Иисус (Навин) (V, 15) почитают Ангелов и не слышат от них запрещения на почтение; но Иоанн в своем Апокалипсисе хотел сделать поклонение Ангелу; однако же этот самый Ангел запретил ему делать недолжное почтение, говоря: *виждь, ни: клевет бо твой есмь и братии твоя* (Апок. XXII, 9). Что же это значит, что до пришествия Искупителя Ангелы приемлют поклонение от людей и молчат, а после избегают поклонения, если не то, что страшатся видеть пред собою поверженным естество наше, которое прежде презирали, после того, как видят оное превознесенным выше себя? — Они как бы не смеют презирать той слабости, которую в Царе

неба чтут выше себя. Не считают недостойным иметь человека товарищем те, которые поклоняются Бого-человеку. Итак, возлюбленная братия, постараемся, дабы не оскверняла нас никакая нечистота, если мы, по вечному предведению, граждане Бога и равны Ангелам Его. Усвоим свое достоинство нравам; да не располагает нас к себе никакая роскошь; да не осуждает нас никакой гнусный помысл; да не грызет душу злоба; да не истребляет ржавчина зависти; да не напыщает гордость; да не терзает честолюбие земными утехами; да не воспламеняет гнев. Ибо люди наименованы богами. — Итак, защищай себя, человек, против пороков честью Бога, потому что ради тебя человеком соделался Бог, Который живет и царствует во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IX,

говоренная к народу в Церкви Св. Сильвестра в день его мученичества.

Чтение Св. Евангелия Мф. XXV, 14-30.

Рече Господь притчу сию: человек некий отходя призва своя рабы и предаде им имение свое. И овому убо даде пять талант, овому же два, овому же един, комуждо противу силы его; и отиде абие. Шед же приемый пять талант, дела в них и сотвори другия пять талант. Такожде и иже два, приобрете и той другая два. Приемый же един, шед вкопа (его) в землю, и скры сребро господина своего. По мнозе же времени прииде господин раб тех и стязася с ними о словеси. И приступль пять талант приемый, принесе другия пять талант, глаголя: господи, пять талант ми еси предал, се, другия пять талант приобретох ими. Рече же ему господь его: добре, рабе благий и верный: о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость господя твоего. Приступль же и иже два таланта приемый, рече: господи, два таланта ми еси предал: се, другая два таланта приобретох има. Рече (же) ему господь его: добре, рабе благий и верный: о мале (ми) был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость господя твоего. Приступль же и приемый един талант, рече: господи, ведях тя, яко жесток еси человек, жнеши идеже не сеял еси, и собираеши идеже не расточил еси; и убоаяся, шед скрых талант твой в земли: (и) се, имаши твое. Отвещав же господь его рече ему: лука-

вый рабе и ленивый, ведел еси, яко жну идеже не сеях, и собираю, идеже не расточих: подобаше убо тебе вдати сребро мое торжником, и пришед аз взял бых свое с лихвою. Возмите убо от него талант и дадите имущему десять талант. Имущему бо везде дано будет и преизбудет; от неимущаго же, и еже мнится имея, взято будет от него. И неключимаго раба вверзите во тму кромешнюю: ту будет плачь и скрежет зубом.

1) Чтение Св. Евангелия увещевает нас, возлюбленнейшая братия, внимательно размыслить, дабы нам, получившим в этом мире нечто более других от Создателя мира, не подвергнуться за то тягчайшему осуждению. Ибо когда умножаются дары, тогда и ответственность за дары также возрастает. Следовательно, тем смиреннее и к услужливости готов должен быть каждый, чем более видит себя обязанным к отдаванию отчета. Вот некоторый человек, отходя, призывает рабов своих и разделяет им таланты для приобретения прибыли. Но после долгого времени возвращается для требования отчета; хорошо поступивших награждает за доставленную прибыль, а ленивого к доброму деланию раба наказует. Итак, кто этот, отходящий человек, если не наш Искупитель, Который в принятой Им плоти отшел на небо? Ибо собственное место плоти есть земля, и она отходит как бы на чужбину, когда Искупителем нашим помещается на небе. Но человек оный, отправляясь в путешествие, передал свои блага рабам своим, потому что (Искупитель) сообщил духовные дары Своим верующим. — И именно: одному дал пять талантов, другому — два, третьему — один. Ибо пять (талантов) суть чувства телесные, именно: зрение, слух, вкус, обоняние и осязание. Следовательно, пятью талантами обозначается

дар пяти чувств, т. е. знание внешнего. А двумя означает разумение и деятельность. Именем же единого таланта означает только разумение. Но получивший пять талантов приобрел другие пять, потому что есть люди, которые хотя и не умеют проникать во внутреннее и таинственное, однако же, по вниманию к Вышнему Отечеству, правильно учат тех, которых могут, о самом внешнем, которое они преемственно знают; и когда они берегут себя от наглости плоти и домогательства земных благ, тогда других увещанием удерживают от того же. И есть люди, которые, имея как бы два таланта, принимают разумение и деятельность; тонко разумеют внутреннее, дивное совершают во внешнем; и когда они и разумением и деятельностью проповедуют другим, тогда двоякую, так сказать, приобретают прибыль от торга. Но хорошо другие пять, или другие два, относятся к усугублению, потому что, когда проповедь простирается на оба пола, тогда принятые таланты как бы усугубляются. — Приемший же один талант, отходя, закапывает (его) в землю и скрывает деньги господина своего. Закрыть талант в землю — значит полученное дарование запутать в земных делах, не желать приобретения духовного, никогда не возвышать сердца от земных помыслов. Ибо есть люди, которые получили дар разумения, однако же мудрствуют одно только плотское. О них-то через Пророка говорится: *мудри суть, еже творити злая, благо же творити не познаша* (Иер. IV, 22). Но господин, давший таланты, возвращается с требованием отчета, потому что Тот, Кто ныне сообщает духовные дарования, на суде в точности испытывает заслуги, обсуживает, что каждый получил, и взвешивает, какую прибыль принес от полученного.

2) Раб, возвративший двойные таланты, одобряется господином и переводится к вечному вознаграждению, когда ему голосом господина говорится: *добре, рабе благий и верный: о мале (ми) был еси верен, над многими ты поставлю: вниди в радость господа твоего*. Ибо все блага настоящей жизни, как бы ни казались многими, малы суть в сравнении с вечным воздаянием. Но верный раб поставляется над многими тогда, когда, победив всю тягость повреждения, прославляется на Престоле Небесном в Вечных Радостях. Совершенно в радость Господа своего входит тогда, когда, принятый в оное Вечное Отечество и причисленный к сонмам Ангелов, внутренне радуется дару так, что внешне отнюдь уже не сокрушается о повреждении.

3) Раб же, который не хотел трудиться над талантом, приступает к господину с извинением, говоря: *господи, ведях тя яко жесток еси человек, жнеши идеже не сеял еси, и собираеши идеже не расточил еси; и убоясь, шед скрых талант твой в земли: (и) се, имаша твое*. — Замечательно, что непотребный раб называет господина жестоким, но, несмотря на то, приговаривается, будто он служит ему с пользою, и говорит, что он убоился употребить талант для приращения, тогда как он должен был бояться только того, дабы не возвратить его господину без приращения. Ибо в Святой Церкви много есть людей, коих этот раб служит образом; они боятся вступить на стези лучшей жизни и однако же не боятся лежать в лености своего тела; и когда признают себя грешниками, тогда страшатся вступить на пути святости, а не боятся оставаться в своих нечистотах. Этих людей хорошо представляет Петр, подверженный еще слабости, когда, увидев чудо (ловли) рыб, сказал: *изыди от мене, яко муж*

грешен есмь, Господи (Лк. V, 8). Да если ты признаешь себя грешником, то тебе не должно отсылать от себя Господа. Но те, которые не хотят вступить на пути лучшего образа жизни и в храм исправления потому, что считают себя слабыми, хотя и сознают себя грешниками, однако же отсылают Господа и убегают Того, Кого должны были святить в себе, и как бы в смятении не имеют разума; умирают, — и страшатся жизни. Потому и этому рабу тотчас дается ответ: *лучавый рабе и ленивый, ведел еси, яко жну идеже не сеях, и собираю идеже не расточих. Подобаше убо тебе вдати сребро мое торжником; и пришед аз взял бых свое с лихвою*. Раб обличается из слов своих, когда господин говорит: *жну идеже не сеях, и собираю идеже не расточих*. Ясно говорит он как бы так: «Если, по твоему мнению, я требую и того, чего не давал, то тем более я требую от тебя то, что я дал для приращения; следовательно, тебе надлежало отдать мои деньги торжникам: и я, придя получил бы как свою собственность с приращением». — Отдать же деньги торжникам — значит сообщить умение проповедания тем, которые могут им заниматься.

4) Но когда вы видите нашу опасность, если мы удерживаем деньги Господни, тогда, возлюбленнейшая братия, тщательно подумайте и о своей, так как от вас требуется с прибылью то, что вы слушаете. Потому что деньги, даже не даваемые, принимаются в прибыли. Ибо когда возвращается то, что получено, прибавляется и то, чего не получено. Итак, представьте, возлюбленнейшая братия, что вы делаете временное употребление из этих полученных денег слова и старайтесь из того, что вы слышите, разумевать и другое, чего не слышите, потому что, выводя одно из другого, вы научитесь от самих себя делать то, чему

вы не были научены из уст проповедника. Но послушаем, какое определение произнесено на *раба ленивого*. *Возмите убо от него талант и дадите имущему десять талант.*

5) Казалось бы, гораздо приличнее взятый от лукавого раба один талант передать тому, кто получил два таланта, нежели тому, кто получил пять. Ибо надобно прибавить тому, кто имел менее, нежели тому, кто имел более. Но, как мы выше сказали, под пятью талантами разумеются именно пять чувств, т. е. знание внешнего, а под двумя выражается разумение и деятельность. Следовательно, получивший два таланта имел более, нежели получивший пять, потому что этот пятью талантами заслужил управления внешним, но не имел еще разумения внутреннего. Следовательно, один талант, который, как мы сказали, означает разумение, должно было дать тому, который хорошо управлял полученным внешним. Это мы ежедневно видим в Святой Церкви, потому что многие, когда хорошо управляют внешним, которое получают, доводятся приумноженной благодатью и до разумения таинственного, так что и внутренним разумением сияют те, которые верно распоряжаются внешним.

6) После того произносится общая мысль, когда говорится: *имущему бо везде дано будет и преизбудет; от неимущаго же, и еже мнится имея, взято будет от него*. Ибо имущему дано будет и преизбудет потому, что кто имеет любовь, тот получает и прочие дарования. Поэтому необходимо, братия мои, чтобы во всем, что вы делаете, бодрствовали на страже любви. Истинная же любовь состоит в том, чтобы друга любить в Боге и врага любить ради Бога. Кто не имеет этой любви, тот теряет всякое благо, которое имеет, лишается полученного им таланта и, по определению Гос-

подню, отсылается во тьму кромешную. Ибо в наказание падает во тьму внешнюю тот, кто по своей виновности добровольно впал во тьму внутреннюю; и там принужден терпеть тьму мщения тот, кто здесь свободно выдержал тьму сластолюбия.

7) Но надобно знать, что ни один ленивец не свободен от этого получения таланта. Ибо нет ни одного, кто поистине мог бы сказать: «Я не получал таланта, следовательно, не за что принуждать меня к поданию отчета». Ибо в талант вменится каждому бедняку и то самое, что он получил хотя бы и в малейшем количестве. — Ибо один получил разумение, — и этим талантом обязуется к служению проповедания. Другой получил земное богатство, — и обязуется к вещественной милостыне таланта. Третий не получил ни разумения внутреннего, ни богатства, однако же изучил искусство, от которого питается, — и ему самое это искусство вменяется в принятие таланта. Четвертый ничего из этого не достиг, однако же, быть может, заслужил место дружества у богатого, и он подлинно получил талант дружества. Следовательно, если он ничего не говорит ему (богатому) за нуждающихся в помощи, то осуждается за скрывание таланта. — Итак, имеющий разумение всемерно должен стараться, чтобы не молчать; имеющий богатство должен бодрствовать, чтобы не облениться в делах милосердия; имеющий искусство, которым содержится, всемерно должен стараться, чтобы употребление и пользу оного разделять с ближним; имеющий место у богатого должен страшиться осуждения за скрывание таланта, если не вступается перед ним за бедных, когда может. Ибо от каждого из нас грядущий Судия потребует столько, сколько дал. Итак, чтобы каждому в пришествие Господне быть безопасным в отчетности своего таланта,

надобно ежедневно со страхом взвешивать то, что он получил. Ибо вот уже близко (то время), когда Отшедший в другую страну возвратится. Поскольку как бы выехал из Своей земли Тот, Кто от сей земли, на которой родился, высоко вознесся, но Он подлинно возвращается с тем, чтобы потребовать отчеты в талантах, потому что, если мы ленимся на добрые дела, Он будет судить за самые дарования, которые сообщил. Итак, размыслим о том, что мы получили, и будем деятельны в раздаче оно́го. Никакая земная забота да не препятствует нам в духовном делании, дабы Господь таланта не прогневался, если сей талант скрывается в земле. Ибо ленивый раб вырывает из земли талант тогда, когда Судия испытует виновность, потому что есть многие, которые отвлекают себя от земных пожеланий или дел, тогда, когда уже, по приговору Судии, влекутся к вечному наказанию. Итак, заранее будем готовы к представлению отчета в нашем таланте для того, чтобы, когда уже Судия грозит ударением в двери, Он оправдал нас за прибыль, которую мы сделали, что да дарует нам Бог, живущий* во веки веков.

Аминь.

* В подлиннике после слова *vivit* (живет) следует — etc., т. е. и прочее. Это прочее, по течению речи, и должно быть то, чем мы дополнили в переводе.

БЕСЕДА X,

говоренная к народу в храме Св. Апостола Петра в день
его мученичества.

Чтение Св. Евангелия: Мф. II, 1-12.

Иисусу же рождшуся в Вифлееме Иудейстем во дни Ирода Царя, се, волсви от восток приидоша во Иерусалим, глаголюще: где есть рождеися Царь Иудейский; видехом бо звезду Его на востоце и приидохом поклонитися Ему. Слышав же Ирод Царь смутися, и весь Иерусалим с ним. И собрав вся Первосвященники и книжники людския, вопрошаше от них: где Христос раждается? Они же рекоша ему: в Вифлееме Иудейстем, тако бо писано есть Пророком: и ты, Вифлееме, земле Иудова, ни чимже мениши еси во владыках иудовых; из тебе бо изыдет вождь, иже упасет люди моя Израиля. Тогда Ирод тай призва волхвы, и испытываше от них время явльшиися звезды. И послав их в Вифлеем, рече: шедше испытайте известно о отрочати; егда же обрящете, возвестите ми, яко да и аз шед поклонюся ему. Они же послушавше царя, идоша. И се, звезда, юже видеша на востоце, идяше пред ними, дондеже пришедши ста верху, идеже бе отроча. Видевше же звезду, возрадовашася радостию великою зело. И пришедше в храмину, видеша Отроча с Мариєю Материю Его, и падше поклонилися Ему: и отверзше сокровища своя, принесоша Ему дары: злато и ливан и смирну. И вестъ приемше во сне не возвратитися ко Ироду, иным путем отидоша во страну свою.

1) В Евангельском чтении вы, возлюбленная братия, слышали, что по рождении Царя Небесного земной царь смутился, именно потому, что земная высота смущается, когда открывается высота небесная. Но нам надобно спросить, что бы это значило, что, по рождении Искупителя, в Иудеи Ангел явился пастырям, а от Востока на поклонение Ему волхвов привел не Ангел, но звезда? — Это именно потому, что иудеям, как имеющим разум, долженствовало проповедовать разумное существо, т. е. Ангел; а язычники, как не имеющие разума, приводятся к познанию Господа не гласом, но знамениями. Поэтому и через Павла говорится: *пророчество не неверным, но верующим, знамения же суть не верующим, но неверным* (1 Кор. XIV, 22)*, следовательно, и тем даны пророчества, как верным, но не верующим, и этим — знамения, как неверующим, но не верным. И замечательно, что Искупителя нашего, когда Он был уже в совершенном возрасте, тем же язычникам проповедают Апостолы, а о малолетнем, и еще по устройству тела человеческого не говорящем, возвещает язычникам звезда, потому что порядок разума требовал именно того, чтобы и проповедники говорящего уже Господа были известны нам также говорящие, а еще не говорящего проповедали немые стихии.

2) Но при всех знамениях, которые явлены были или во время рождения Господа, или Его смерти, надобно нам размыслить, каково было в сердце некоторых иудеев ожесточение, которое не признало Его ни по

* Этот текст в нашем славянском переводе читается так: *языцы в знамение суть не верующим, но неверным, а пророчество не неверным, но верующим*. В переводе удержана мысль Св. Отца потому, что и мысль та же, и связь его речи требует перевода с подлинника, а не простого цитата по славянскому переводу.

дару Пророчества, ни по чудесам. Поскольку все стихии свидетельствовали, что пришел их Виновник. Чтобы нечто сказать о них по употреблению человеческого, то небеса признали Его Богом, потому что тотчас послали звезду. Море признало, потому что под стопами его соделывалось проходимым. Земля признала, потому что во время смерти Его потряслась. Солнце признало, потому что скрыло лучи света своего. Скалы и стены признали, потому что во время смерти Его распались. Ад признал, потому что выпустил содержимых в нем мертвецов. — И несмотря на то доселе еще сердца неверующих иудеев не признают Господом Того, о Ком все безчувственные стихии засвидетельствовали, и будучи тверже скал, не хотят распадаться к покаянию и отказываются исповедовать Того, о Ком, как сказали мы, все стихии (или знамениями, или распададениями) вопияли, что Он Бог. К увеличению своего осуждения, они еще задолго наперед знали, что родится Тот, Которого презирают по рождении. И не только знали они, что родится, но и то, где родится. Ибо, по требованию Ирода, они указывают на место рождения Его (Искупителя), каковое указание подтверждают важностью Писания. И приводят свидетельство, которое показывает, что Вифлеем имеет честь от рождения (в нем) нового Вождя, чтобы самое это их знание и для них служило во свидетельство осуждения, и для нас вспоможением к верованию. Этих (иудеев) хорошо предызобразил Исаак, когда благословлял сына своего Иакова (Быт. XXVII, 28 и след); он, и слепотствуя глазами, и пророчествуя, не видит перед собою сына, для которого видит столь многое в будущем, потому именно, что иудейский народ, полный духа пророчества и слепотствующий, не признал в настоящем Того, о Ком многое предсказал в будущем.

3) Но по дознании о рождении нашего Царя, Ирод обращается к хитрым средствам, дабы не лишиться земного царства. Он требует, чтобы ему возведено было, где находится Отроча, притворяется, будто желает поклониться Ему, для того, чтобы истребить. Но что значит злоба человеческая пред советом Божиим? — Ибо написано: *нестъ премудрости, несть благоразумия, несть совета против Господа* (Притч. XXI, 30)*. Ибо явившаяся звезда волхвов приводит; родшего Царя они находят, дары приносят и во сне получают наставление не возвращаться к Ироду; и таким образом делается то, что Ирод не может найти Иисуса, Которого ищет. — Личностью его (Ирода), кто другой обозначается, если не лицемер, который, притворно ища, никогда не заслуживает того, чтобы найти Господа.

4) Но между тем, надобно знать, что еретики присциллианисты** думают, будто бы каждый человек рождается под определениями звезд, и в подтверждение своего заблуждения приводят то, что явилась новая звезда, когда Господь явился во плоти, и утверждают, будто она была Его судьбою. Но если мы взвесим слова Евангелия, которыми говорится об этой самой звезде: *дондеже пришедши ста верху, идеже бе Отроча*, — то не Отроча к звезде, а звезда к Отрочати притекла; если можно сказать, не звезда была судьбою Отрочати, но явившееся Отроча было судьбою звез-

* В славянском переводе этот текст читается так: *нестъ премудрости, несть мужества, несть совета у нечестиваго*. В настоящем переводе удержан подлинник латинского языка потому, что он уместнее в связи речи Св. Отца.

** Присциллиан — епископ авиланский IV в., обвиненный в ереси, волшебстве и казненный в 385 г. Держался некоторых независимых воззрений на канон Св. Писания. (прим. ред.)

ды. Но сердца верующих должны быть чужды мысли, будто есть какая-то судьба. Ибо жизнью людей управляет единый Создатель, сотворивший ее. Ибо не человек для звезд, а звезды для человека созданы. И если звезда называется судьбою человека, то человеку запрещается исполнение самых его обязанностей. Известно, когда Иаков, выходя из чрева, рукою держался за пяту первого брата (Быт. XXV, 26), то первый решительно не мог выйти иначе, как с началом выхождения и следующего за ним; и несмотря на то, что в одно время, в один и тот же момент мать родила обоих, качество жизни того и другого было неодинаково.

5) Но на это *астрологи* обыкновенно отвечают, что сила созвездия состоит в ударе на пункт. Напротив, мы говорим, что медленность рождения велика. Следовательно, если созвездие в ударе на пункт изменяется, то уже будет необходимо, чтобы они допускали столько судеб, сколько есть членов у рождающихся. — Еще *астрологи* обыкновенно думают, будто кто родится под знаком Водолея, тот получает участь в этой жизни быть рыбаком. Но Гетулия, как известно, рыбаков не имеет. Следовательно, кто может сказать, что никто не рождается под знаком Водолея там, где совершенно нет ни одного рыбака? — Еще утверждают, будто те, которые рождаются под знаком Весов, бывают банкирами; а не знают банкиров провинции многих народов. Следовательно, они по необходимости должны сознаться, что или в них этого знака нет, или он решительно не имеет рокового действия. В земле персов и франков цари происходят по родословной линии; при рождении их кто исчислит, сколько рождается в те же самые моменты часов и времен из рабского состояния? — И однако же сыны царей, рожденные под одной и той же звез-

дой с рабами, возводятся на царство, тогда как рабы, рожденные в одно время с ними, и умирают в рабстве. — Это мы кратко сказали о звезде, дабы не показаться, что мы оставили без внимания неразрешимую глупость *астрологов*.

б) Но волхвы принесли золото, ливан и смирну. Ибо золото приличествовало Царю, а ливан употреблялся при жертвоприношении Богу, смирною же бальзамируются тела умерших. Следовательно, волхвы Того, Кому кланяются, еще проповедуют таинственными дарами: золотом — Царя, ливаном — Бога, смирной — имеющего умереть. Но есть некоторые еретики, которые веруют, что Сей есть Бог, но отнюдь не веруют, чтобы Он повсюду царствовал. Они подлинно приносят Ему ливан, но не хотят еще принести золота. И есть некоторые, которые признают Его Царем, но не признают Богом. Эти именно приносят Ему золото, но не хотят принести ливана. И есть некоторые, которые признают Его и Богом, и Царем, но отвергают принятие Им смертной плоти. Эти именно приносят Ему золото и ливан, но не хотят принести смирны, для принятой Им смертности. Итак, мы принесем родшемуся Господу золото, дабы признать Его повсюду царствующим; принесем ливан, дабы веровать, что явившийся Богом во времени, существовал прежде времен; принесем смирну, так как веруем, что Тот, Кто по Божеству Своему не подвержен страданию, был в нашей плоти смертен. Хотя под золотом, ливаном и смирною может быть разумеваемо и другое. Ибо золотом означает премудрость, по свидетельству Соломона, который говорит: *сокровище возжеленно почитет во устех мудраго* (Притч. XXI, 20). Ливаном же выражается то, что воспламеняет силу молитвы к Богу, по свидетельству Псалмопевца, который говорит: *да исправит-*

ся молитва моя, яко кадило пред тобою (Пс. СХL, 2). Но **смирною** изображается умерщвление нашей плоти, почему Святая Церковь о своих подвижниках, сражающихся за Бога до смерти, говорит: *руце мои искапаша смирну* (Песн. V, 5). Итак, родшемуся Царю мы приносим золото, если при Его воззрении мы блещим ясностью высшей премудрости. Приносим ливан, если на алтаре сердца сожигаем плотские помыслы святыми, молитвенными усилиями, чтобы можно было благоухать приятным для Бога желанием небесного. Приносим смирну, если умерщвляем плотские пороки воздержанием. Ибо смирною, как мы сказали, предотвращается гниение мертвой плоти. А что мертвая плоть гниет, это значит, что сие смертное тело предается влиянию роскоши, так как о некоторых через Пророка говорится: *рабочие скоты сгнили в помете своем* (Иоил. I, 17)*. Поскольку гниение рабочих скотов в их помете значит кончину жизни плотских людей в злобонии роскоши. Следовательно, мы приносим Богу смирну тогда, когда приправой воздержания сберегаем это смертное тело от гниения роскоши.

7) Но великое нечто внушают нам волхвы тем, что они возвращаются в страну свою иным путем. Ибо что они делают по наставлению, тем самым подлинно внушают нам, что мы должны делать. Наша страна есть рай, в который, по познании Иисуса, возвращение тем путем, которым мы идем, нам возбраняется. Ибо мы отошли от страны своей гордостью, неповиновением, пристрастием к видимому, вкушением запрещенной

* В латинском напечатано так: *competraverunt jumenta in stercore suo*. Но в славян. переводе эта мысль передана так: *вскочиша юницы у яслей своих*. В предлагаемом переводе удержана мысль латинского, частью потому, что она уместнее в связи речи, а частью потому, что так выразил ее Св. Отец.

пищи, а для возвращения в нее необходимы: плач, повинование, презрение видимого и обуздание пожелания плоти. Следовательно, мы возвращаемся в страну свою иным путем, потому что, отшедшие от райских радостей через наслаждения, призываемся назад к ним через рыдания. Потому необходимо, возлюбленной братия, чтобы мы, всегда со страхом и всегда с осмотрительностью представляли пред очи сердца, с одной стороны — виновность нашего делания, с другой — определение окончательного решения нашей участи. Размыслим, как придет Праведный Судия, Который грозит судом, но скрывает его, являет ужасы грешникам, и однако же еще удерживается от них, и отлагает скорое пришествие для того, чтобы менее обрести тех, которых надобно будет осудить. Накажем вины слезами и по гласу Псалмопевца, *предварим лице Его во исповедании* (Пс. XCIV, 2). Итак, да не обманывает нас никакая ложь удовольствия, да не сбивает нас с пути никакая суетная радость. Ибо близок Тот Судия, Который сказал: *горе вам смеющимся ныне: яко возрыдаете и восплачете* (Лк. VI, 25). Поэтому и Соломон говорит: *к веселием примешивается печаль: последняя же радости в плач приходят* (Притч. XIV, 13)*. Поэтому и опять говорит: *смеху рекох: погрешение, и веселию: что сие твориши* (зачем напрасно обманываешь) (Еккл. II, 2). И опять говорит: *сердце мудрых в дому плача, а сердце безумных в дому веселия* (Еккл. VII, 5). Итак, устрашимся заповедей Божиих, если мы истинно прославляем торжество Божие. Ибо приятное для Бога жертвоприношение состоит в со-

* В слав. переводе напечатано: *к веселием не примешивается печаль*. Но в латин. отрицания не нет. Мы удержали смысл положительный латин. перевода, имеющего авторитет Св. Отца.

крушении о грехах, по свидетельству Псалмопевца, который говорит: *жертва Богу дух сокрушен* (Пс. L, 19). Прошедшие наши грехи омыты при принятии Крещения, и однако же после Крещения мы много их учинили, но не можем омыться от них опять водою Крещения. Итак, поскольку мы и после Крещения осквернили жизнь, то окрестим совесть слезами, потому что, возвращаясь в страну свою иным путем, мы, которые вышли из нее услажденные благами, должны возвратиться в нее огорченные бедствиями, при содействии Господа нашего*, Иисуса Христа, Которому подобает честь и слава со Отцом и Святым Духом всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

* Дополнение, как и в некоторых предыдущих беседах, сделано в переводе на основании *etc.*, т. е. и прочее, следующее после слов: *Господа нашего*.

БЕСЕДА XI,

говоренная к народу в храме Св. Агнеты в день ее мученичества.

Чтение Св. Евангелия: Мф. XIII, 44-52.

Во время оно, рече Иисус ученикам Своим притчу сию: подобно есть Царствие Небесное сокровищу, сокровенну на селе, еже обрет человек скры; и от радости его идет, и вся, елика имать, продает, и купует село то. Паки подобно Есть Царствие Небесное человеку купцу, ищущу добрых бисерей, иже обрет един многоценен бисер, шед продаде вся, елика имаше, и купи его. Паки подобно есть Царствие Небесное неводу ввержену в море и от всякаго роду собравшу, иже егда исполнися, извлекоша и на край, и седше избраша добрыя в сосуды, а злыя извергоша вон. Тако будет в скончание века: изыдут Ангели, и отлучат злыя от среды праведных, и ввергут их в пещь огненную, ту будет плач и скрежет зубом. Глагола им Иисус: разумеете ли сия вся? Глаголаша Ему: ей Господи. Он же рече им: сего ради всяк книжник, научився Царствию Небесному, подобен есть человеку домовиту, иже износит от сокровища своего новая и ветхая.

1) Небесное Царство, возлюбленнейшая братия, называется подобным земным вещам для того, чтобы дух от известного ему возвышался к неизвестному, поскольку примером видимого он должен возноситься к невидимому, и через то, что изучил опытно, как бы стиснутый, должен разогреваться к тому, чтобы,

через умение любить известное, научиться любить и неизвестное. Ибо вот Небесное Царство сравнивается с сокровищем, скрытым на поле, *еже обрет человек скры, и от радости его идет, и вся, елика имать, продает, и купует село то*. В этом деле замечательно еще то, что найденное сокровище скрывается для сбережения, потому что тот недостаточно хранит ревность небесного желания от злых духов, кто не скрывает оной от похвал человеческих. Ибо в настоящей жизни мы как бы на пути, которым продолжаем шествие к Отечеству. А злые духи, как бы некоторые разбойники, осаждают путь наш. Следовательно, тот желает быть ограбленным, кто публично выносит сокровище на дорогу. Но это я говорю не для того, чтобы ближние не видали наших добрых дел, когда написано: *да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех* (Мф. V, 16), но для того, чтобы мы не желали похвал отвне за то, что мы делаем. Да будет же дело устроено так, чтобы намерение его было тайною для публики, чтобы нам и ближним подавать пример в добром деле, и однако же по намерению, которым желаем благоугодить единому Богу, мы должны желать навсегда содержать его в тайне. Сокровище же есть небесное желание, а поле, на котором скрывается сокровище, есть учение о небесном желании. Это поле действительно, по распродаже всего, приобретает тот, кто, отказывая пожеланиям плоти, все свои земные желания отбрасывает посредством стражи небесного ученья, так что дух ничего уже не одобряет, чем услаждается плоть, ничего не боится, что убивает плотскую жизнь.

2) Опять Небесное Царство называется подобным человеку купцу, ищущему добрые бисеры, но нашедшему один драгоценный, который, по отыскании, по-

купает распродажей всего, потому что, кто вполне познал сладость Небесной Жизни, насколько допускает эту возможность, тот охотно оставляет все, что он любил на земле: в сравнении с нею все дешевет; он оставляет имение, собранное расточает; дух (его) разгорается небесным, ничто из земного ему не нравится, все, что только нравилось по виду земной вещи, кажется безобразным, потому что в уме (его) сияет один блеск драгоценной бисерины. О любви его справедливо через Соломона говорится: *крепка яко смерть любви* (Песн. VIII, 6), — потому именно, что как смерть лишает жизни тело, так любовь к Вечной Жизни убивает любовь к вещам телесным. Ибо кем она вполне возобладает, того соделывает как бы нечувствительным к земным, внешним пожеланиям.

3) Ибо и эта Святая, день мученичества которой мы ныне празднуем, не могла бы в теле умереть за Бога, если бы прежде в уме не была мертва для земных пожеланий. Ибо дух, возвышенный на самый верх добродетели, мучения презрел, награды отверг. Приведенная пред вооруженных царей и наместников, она явилась крепче бьющего, выше судящего. Что на это скажем мы, брадатые и слабые, которых побеждает гнев, напыщает гордость, тревожит честолюбие, оскверняет роскошь, мы, которые видим отроковиц, идущих через железо к Небесному Царствию? — Если мы не можем приобрести Царства Небесного войною гонений, то для нас должно быть постыдно то самое, что мы не хотим даже во время мира повиноваться Богу. Вот Бог никому из нас в настоящее время не говорит: «Умри за Меня». Но: «Только убей в себе непозволенные пожелания». Итак, если мы во время мира не хотим укрощать плотских пожеланий, то когда же мы во время войны предадим бы самую плоть за Господа?

4) Опять Царство Небесное называется подобным неводу, вверженному в море, собирающему всякого рода рыб, извлеченному полным на берег; и добрые рыбы собираются в сосуды, а негодные извергаются вон. Святая Церковь сравнивается с неводом, как потому, что она вверена рыбакам, так и потому, что через нее каждый привлекается к Вечному Царству из волн настоящего века, дабы не погрязнуть ему в бездне вечной смерти. Она собирает всякого рода рыб, потому что призывает к отпущению грехов мудрых и глупых, свободных и рабов, богатых и бедных, сильных и слабых. Поэтому через Псалмопевца говорится Богу: *к Тебе всяка плоть придет* (Пс. LXIV, 3). Этот невод всецело наполняется именно тогда, когда на кончине заключается сумма рода человеческого. Его извлекают и садятся на безопасный берег, потому что как море означает век (настоящий), так берег моря означает кончину века. На этой именно кончине добрые рыбы собираются в сосуды, а негодные выбрасываются вон, потому что и каждый избранный приемлется в Вечные Обитатели, и нечестивые, потеряв свет внутреннего царства, отсылаются во тьму кромешную. Ибо ныне добрых и злых вообще, как бы перемешанных рыб, содержит нас невод веры, но берег откроет, что неводом, т. е. Св. Церковью, было влекомо. И хотя захваченные рыбы переменяться не могут, однако же мы, захваченные злыми, переменяемся в добрых. Итак, будучи уловлены, подумаем о том, чтобы нам на берегу не быть отброшенными. Вот как приятно для вас сегодняшнее торжество, так что не на малое осудил бы себя тот, кому пришлось бы выбыть из этого вашего собрания. Что же будет делать в оный день тот, кто от взора Судии удаляется, от сообщения избранных отвергается, кто от света переходит во

тму, — мучится вечным сожиганием? — Почему и это самое сравнение Господь кратко объясняет, присовокупляя: *такое будет в скончание века: изыдут Ангели, и отлучат злых от среды праведных, и ввергут их в пещь огненную: там будет плач и скрежет зубом.* Этого уже, возлюбленнейшая братия, более надобно страшиться, нежели изъяснять. Ибо ясно высказаны мучения грешников, чтобы никто не прибегал к извинению своего неведения, если бы что темно было сказано о вечном мучении. Поэтому и присовокупляется: *разумеете ли сие вся? Глаголаша Ему: ей, Господи.*

5) И в заключение прибавляется: сего ради всяк книжник научився Царствию Небесному, подобен есть человеку домовиту, иже износит от сокровища своего новая и ветхая. Если мы под тем, что называется новым и ветхим, разумеем тот и другой Завет, то не допускаем, чтобы был научившимся Авраам, который, хотя и знал события Нового и Ветхого Завета, однако же не возвещал (о них) словами. Не можем сравнить с научившимся хозяином и Моисея, который, хотя и учил Ветхому Завету, однако же не произнес изречений Нового. Итак, когда мы отступаем от этого разума, тогда призываемся к другому. Но в этом стоит разума то, что говорит Истина: всяк книжник, научився Царствию Небесному, подобен есть человеку домовиту, потому что говорено было не о тех, которые были, но о тех, которые могли быть в Церкви. Эти люди износят новое и ветхое тогда, когда о вещаниях того и другого Завета говорят словами и делами. — Впрочем, это может быть разумеваемо и иначе. Потому что ветхим для рода человеческого было то, чтобы он нисходил в заклепы адовы, нес вечные наказания за грехи свои. Ему через пришествие Посредника присовокуплено нечто новое, так что если он постарается

жить добродетельно, то может проникнуть в Царство Небесное; и человек, проживший на земле, хотя и умирает от поврежденной жизни, однако же должен быть помещен на небе. Итак, он есть и ветхий для того, чтобы род человеческий погибал в вечном наказании за виновность, и новый, для того, чтобы обратившись жить в Царстве. Это-то в заключение речи Своей Господь присовокупляет, т.е. то, что Он сказал впереди. Ибо прежде Он уподобил Царство (Небесное) найденному сокровищу и доброму бисеру, а после рассказал об адских наказаниях в горении злых, и в заключение присовокупляет: *сего ради всяк книжник, научився Царствию Небесному, подобен есть человеку домовиту, иже износит от сокровища своего новая и ветхая*. Ясно это как бы сказано было так: в Св. Церкви есть научившийся проповедник, тот, который умеет излагать и новое, — радости царства, и ветхое, — говорит о страхе наказания, так что тех, которых не трогают награды, пусть, по крайней мере, устрашают наказания. Пусть каждый слышит о Царстве, которое должно любить, пусть слышит и о наказании, которого должно страшиться, для того, чтобы нечувствительную и слишком привязанную к земле душу потрясал, по крайней мере, страх, если ее не привлекает к Царству любовь. Ибо вот о выражении геенны говорится: *ту будет плач и скрежет зубом*. Но поскольку настоящие радости сопровождаются непрестаемыми скорбями, то, возлюбленнейшая братия, здесь удаляйтесь суетной радости, если там страшитесь плача. Ибо никто не может и здесь радоваться с миром, и там царствовать с Господом. Итак, ограничивайте излишества временной радости, обуздывайте удовольствия плоти. Что душе из настоящего века улыбается, то от рассуждений о вечном огне становится горьким. Что в уме

по-детски веселится, то должно быть умеряемо оценкой юношеского обучения, так, чтобы добровольно убегая временных радостей, без труда получить вам вечные, при содействии Господа нашего Иисуса Христа*, Которому подобает честь и слава, со Отцом и Св. Духом, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

* После слов *Jesu Christi* в подлиннике, как и в некоторых предыдущих беседах, стоит етс., т. е. и прочее, чем должна быть закончена беседа.

БЕСЕДА XII,

говоренная к народу в храме Св. Агнеты
в день страдания ее.

Чтение Св. Евангелия: Мф. XXV, 1-13.

Во время оно, рече Иисус ученикам Своим притчу сию: уподобися Царствие Небесное десяти девам, яже прияха светильники своя и изыдоша в сретение жениху. Пять же бе от них мудры и пять юродивы. Юродивыя же, приехша светильники своя, не взяша с собою елеа; мудрыя же прияха елей в сосудех со светильники своими. Коснящу же жениху, воздремашася вся и спяху. Полунощи же вопль бысть: се, жених грядет, идите в сретение его. Тогда восташа вся девы тыя и украсиша светильники своя. Юродивыя же мудрым реша: дадите нам от елеа вашего, яко светильницы наши угасают. Отвещаша же мудрыя, глаголюще: еда како не достанет нам и вам: идите же паче к продающим и купите себе. Идущим же им купити, прииде жених. И готовыя внидоша с ним на браки, и затворены быша двери. Последи же приидоша и прочия девы, глаголюще: Господи, Господи, отверзи нам. Он же отвещав рече им: аминь глаголю вам, не вем вас. Бдите убо, яко не весте дне ни часа.

1) Часто я вас, возлюбленнейшая братия, увещаваю удаляться от худых дел, избегать беззаконий мира сего, но сегодняшним чтением Св. Евангелия побуждаюсь сказать, чтобы вы с великою осторожностью опасались даже добра, творимого вами, дабы через то

самое, что вами правильно совершается, не желать покровительства или благоволения человеческого, дабы не подкрадывалось желание хвалы, и чтобы открываемое вовне не было лишено награды внутренней. Ибо вот, по слову Испытателя, десять дев, — и все называются девами, и однако же не все впущены в дверь блаженства, потому что некоторые из них, желая отвне славы своему девству, не хотели иметь елея в сосудах своих. Но прежде нам надобно спросить: что значит Царство Небесное, или почему оно сравнивается с десятью девами, которые еще называются девами мудрыми и юродивыми? Ибо, когда о Царстве Небесном известно, что в него не входит ни один из нечестивых, то для чего же оно представляется подобным даже юродивым девам? — Но нам надобно знать, что на священном языке Царством Небесным часто называется Церковь настоящего времени. О чем в другом месте Господь говорит: *послет Сын человеческий Ангелы своя, и соберут от Царствия Его вся соблазны* (Мф. XIII, 41). Ибо в том Царстве блаженства, в котором существует высший мир, не могли быть найдены соблазны, которые должны быть собраны. И поэтому опять говорится: *иже аще разорит едину заповедей сих малых и научит тако человеки, мний наречется в Царствии Небеснем, а иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем* (Мф. V, 19). Поскольку заповедь нарушает и учит тот и тогда, когда кто не исполняет в жизни того, что проповедует словом. Но до Царства Вечного Блаженства не может достигнуть тот, кто не хочет на деле исполнять того, чему учит. Следовательно, каким образом в нем наречется тот, кому никак не дозволяется даже войти в него? — Итак, в этой мысли что называется Царством Небесным, если не настоящая Церковь? — В ней-то учитель,

нарушивший заповедь, называется меньшим, потому что чья жизнь подвергается презрению, того и проповедь остается без внимания. Но на пяти телесных чувствах останавливается каждый, а удвоенное пятиеричное число составляет десять. И поскольку множество верующих собирается из обоего пола, то Св. Церковь и объявляется подобной десяти девам. Поскольку в ней злые перемешаны с добрыми и нечестивые с избранными, то справедливо она представляется подобной девам — мудрым и юродивым. Ибо много есть воздержных, которые берегут себя от пожелания внешнего и увлекаются надеждою ко внутреннему, плоть умерщвляют и полным желанием стремятся к Вышнему Отечеству, желают наград Вечных, не желая за свои подвиги принимать похвал человеческих. Они-то именно полагают славу свою не в устах человеческих, но кроют (ее) внутри совести. И есть много таких, которые тело удручают воздержанием, но домогаются похвал человеческих за самое свое воздержание, учат, с щедростью многое раздают нуждающимся, и действительно суть юродивые девы, потому что желают единого воздаяния похвалы преходящей. Почему и прилично присовокупляется: *Юродивыя же, приемше светильники своя, не взяша с собою елея*. Поскольку именем елея обозначается домогательство славы, а сосуды суть наши сердца, в которых мы носим все, что думаем. Итак, мудрые содержат елей в сосуде, потому что домогательство славы удерживают внутри совести, по свидетельству Павла, который говорит: *похваление бо наше сие есть, свидетельство совести нашея* (2 Кор. 1, 12). Юродивые же девы не берут с собою елея, потому что не имеют славы внутри совести, домогаясь ее от уст ближних. Но замечательно, что все имеют светильники,

но не все имеют елей, потому что и нечестивые, вместе с избранными, часто проявляют дела сами в себе добрые, но с елеем входят к жениху только те, которые за внешние свои дела ищут внутренней славы. Поэтому и через Псалмопевца о Св. Церкви избранных говорится: *вся слава дочери Царевы внутрь* (Пс. XLIV, 14).

2) *Коснящу жениху, воздремашася вся, и спяху*; потому что, когда Судия отлагает пришествие на последний суд, в это время избранные и нечестивые засыпают сном смерти. Ибо спать значит — умереть. Дремать же перед сном значит — небрежь о спасении прежде смерти, потому что через тяжесть болезни переходят ко сну смертному. *Полунощи же вопль бысть, се, жених грядет, исходите в сретение его*.

3) Вопль о пришествии жениха бывает в полунощи, потому что день суда приближается так, что нельзя предвидеть, когда он наступит, почему написано: *день Господень, якоже тать в нощи, тако приидет* (1 Сол. V, 2). Тогда все девы встают, потому что и избранные, и нечестивые пробуждаются от своего сна смертного. Украшают светильники, потому что сами с собою перечисляют дела свои, за которые ожидают получить Вечное Блаженство. Но светильники дев юродивых угасают, потому что их дела, которые совне казались людям славными, в пришествие Судии внутренне меркнут. И от Бога воздаяния не приемлют, потому что от людей получили за них похвалы, которые любили. Но что значит, что тогда они просят елей у мудрых, если не то, что в пришествие Судии, когда найдут себя пустыми внутри, будут требовать свидетельства отвне? И как обманутые в своей надежде, будут говорить ближним: «Поскольку вы видите нас, как бы без делания отвергаемыми, то скажите о наших делах то, что

вы видели». Но мудрые девы отвечают, говоря: *еда како не достанет нам и вам*. Ибо в тот день (что, впрочем, я говорю о некоторых, покоящихся в мире Церкви) едва достанет свидетельства у каждого для самого себя; а тем менее — и для себя, и для ближнего. Потому они тотчас с выговором присовокупляют: *идите паче к продающим и купите себе*. Поскольку продавцы елея суть льстецы. Ибо они, по получении какой-либо милости, суетными своими похвалами поднося блеск славы, как бы елей продают. Об этом подлинно елее говорит Псалмопевец: *елей же грешного да не намастит главы моя* (Пс. CXL, 5). Ибо главная часть наша есть глава. Наименованием же главы называется тот ум, который управляет телом. Следовательно, елей грешного намащает главу тогда, когда похвала льстеца услаждает ум. — *Идущим же им купити, прииде жених*; потому что тогда, когда ищут у ближних свидетельства о своей жизни, приходит Судия, Который есть свидетель не только дел, но и сердец. *И готовая внидоша с Ним на браки, и затворены быша двери*.

4) О, если бы можно было по вкусу от сердца понять, сколько удивления заключает в себе изречение: *прииде Жених! Сколько приятности: и внидоша с Ним на брак! Сколько горести: затворены быша двери!* Ибо приходит Тот, Кто Своим шествием сотрясает стихии, перед взором Которого трепещут небо и земля. Поэтому Он и через Пророка говорит: *еще единою Аз потрясу**, не токмо землю, но и небом** (Агг. II, 7; Евр. XII, 26). На суд Его приводится весь род человечес-

* *Еще единого аз потрясу небом и землею, и морем и сушею.*

** *Егоже глас землю тогда поколеба, ныне же обетова, глаголя: еще единою аз потрясу не токмо землю, но и небом.*

кий; Ему в отмщении злым и в воздаянии добрым служат Ангелы, Архангелы, Престолы, Начала и Господства. Помыслите, возлюбленная братия, какой будет страх перед взором такого Судии в тот день, когда в наказании уже не будет врачества; какое смятение для того, кому, по настоящему требованию его виновности, придется постыдиться в собрании всех Ангелов и человеков; какой ужас видеть прогневаным Того, Кого и спокойного-то не может постигнуть ум человеческий! Правильно взирая на этот день, Пророк говорит: *день гнева день той, день скорби и нужды, день безгодия и исчезновения, день тмы и мрака, день облака и мглы, день трубы и вопля* (Соф. 1, 15). Итак, помыслите, возлюбленная братия, что Пророк видит, как слишком горестен для сердец нечестивых день последнего суда, которого столькими наименованиями изъяснить не в силах. — Какая же тогда будет радость для избранных, которые удостоятся радости видения Того, от Чьего взора сотрясаются все стихии, как они видят и внидут вместе с Ним на браки. Они радуются и о браках Жениха, и однако же сами суть невесты, потому что в оном жилище Вечного Царства Бог сочетается с нашим видением. Это именно видение никогда уже во веки не исторгнется из объятий любви своей. Тогда для плачущих заперта будет та дверь, которая ежедневно отворяется только для кающихся. Ибо и там будет раскаяние, но не будет уже плодотворно, потому что тогда никак не найдет отпущение грехов тот, кто только потерял благоприятное время для отпущения. Поэтому и Павел говорит: *се, ныне время благоприятно, се, ныне день спасения* (II Кор. VI, 2). Поэтому же и Пророк говорит: *взыщите Господа, и внемлите обрести вам Того, призываете: егда же приблизится к вам* (Ис. LV, 6).

5) Почему тех же самых дев юродивых, взывающих ко Господу, Сей не выслушивает, потому что заперта дверь Царства, Тот, Кто мог быть близко, уже не будет близок. Ибо присовокупляется: *последи же приидоша и прочия девы, глаголюще: Господи, Господи, отверзи нам. Он же отвещав рече им: аминь глаголю вам, не вею вас.* Там уже не может заслужить от Бога, чего желает, тот, кто здесь не хотел слушать, что повелевалось, кто пропустил время благоприятного покаяния, и напрасно приходит с молитвами к дверям Царствия. Поэтому-то Господь говорит через Соломона: *понеже звах, и не послушаете, и простирах словеса, и не внимаете, но отмахиваетесь Мои советы и Моим обличением не внимаете: убо и Аз вашей погибели посмеюся, порадоуюся же, егда приидет вам палуба. И егда приидет на вы внезапно мятеж, низвержение подобно бури приидет, или егда приидет вам печаль и градоразорение, или егда найдет на вас пагуба. Будет бо, егда призвете Мя, Аз же не послушаю вас; възвѣщуют Мене зли и не обрящут* (Притч. 1, 24-28). Вот взывают об отвержении дверей, и будучи принуждены скорбью о своем отвержении, умоляют именем Господа, говоря: «Господи, Господи, отверзи нам». Возносят молитвы, но признаются неизвестными, потому что тогда Господь оставляет, как неизвестных, тех, которых только не признает Своими по заслуге жизни.

6) Здесь прилично присовокупляется еще общее увещание ученикам, когда говорится: *бдите убо, яко не веете дне, ни часа.* Поскольку после грехов Бог приемлет покаяние, то, если бы каждый знал о настоящем веке, в которое время он кончится, то он мог бы приспособить одно время к удовольствиям, а другое — к покаянию. Но Тот, Кто обещал прощение в гре-

хах кающемся, не обещал согрешающему завтрашнего дня. Следовательно, мы всегда должны страшиться последнего дня, которого никогда не можем предвидеть. Вот этот самый день, в который говорим, мы приняли за побуждение к обращению и однако же отказываемся оплакивать то зло, которое соделали. Не только не оплакиваем содеянного, но еще умножаем то, что должно быть оплакиваемо. Но если постигнет нас какая-либо болезнь, если признаки болезни возвестят нам о скорой смерти, то мы желаем отсрочки жизни, чтобы оплакать грехи свои, и с особенным усердием молимся об этой отсрочке, но едва только получим ее, как уже признаем за ничто.

7) Я вам, возлюбленная братия, хочу рассказать о таком событии, о котором если ваша любовь хочет слушать со вниманием, то из размышления о нем получит важное назидание. — В провинции Валерии был некоторый знаменитый муж, по имени Хрисаорий, которого на простом языке народ называл Хрисерием; муж очень богатый, но столько преисполненный пороков, сколько был полон богатством; обуявший от гордости, преданный удовольствиям своей плоти, чрезвычайно жадный до приобретения вещей. Но когда Господь определил положить конец таким беззакониям, — как я узнал об этом от родственника его, некоторого набожного мужа, который жив доселе, — он поражен был расслаблением тела. Приближаясь к кончине, он в тот самый час, в который долженствовал выйти из тела, открытыми глазами увидел мерзких и чернейших духов, стоящих перед ним и страшно угрожающих взятием его в заклепы адовы. Он начал трепетать, бледнеть, потеть и страшным криком просить об отсрочке и с чрезвычайными, неисто-

выми воплями, звать по имени сына своего Максима, — которого сам я, бывши уже монахом, видел монахом, — говоря: «Максим, скорее: я тебе не сделал никакого зла, прими меня в веру твою». Испуганный Максим прибежал тотчас, плачущее и трепещущее семейство сошлось. Но они не могли видеть тех самых духов, от нападения которых он страшно мучился, но о присутствии их догадывались по смутению, бледности и трепету того, который был влеком. От страха их безобразного вида он метался на постели туда и сюда, ложился на левый бок, не мог выносить их вида, оборачивался к стене, — там были они. Когда же до чрезвычайности стесненный, он уже отчаялся в возможности послабления себе, начал громко кричать, говоря: «Отсрочки, хотя до утра; отсрочки, хотя до утра». Но когда он это кричал, с этими самыми воплями был исторгнут из жилища своей плоти. О нем известно именно потому, что он это видел не для себя, а для нас, дабы видение его было полезно нам, которых еще ожидает Божественное долготерпение. Ибо какая польза была для него в том, что он перед смертью видел мерзких духов и просил отсрочки, тогда как этой отсрочки не получил? — Итак, мы, возлюбленная братия, должны ныне со вниманием размыслить о том, дабы не губить нам попусту времени и не желать жизни для добродетели тогда, когда уже принуждаемся к выходу из тела. Припомните, что говорит Истина: *молитесь же, да не будет бегство ваше в зиме, ни в субботу* (Мф. XXIV, 20). Потому что заповедью Закона не дозволяется в субботу ходить далеко, а зима сама служит препятствием к путешествию, потому что шаги идущих связывает цепенение от холода. Ясно Он говорит, как бы так: «Смотрите, не тогда

желайте удаляться от грехов ваших, когда уже нельзя ходить». Следовательно, это время, в которое нельзя бежать, должно быть обсуживаемо только тогда, когда можно. На этот час нашего исхода мы должны смотреть всегда, это увещание нашего Искупителя постоянно должно быть пред очами нашими: *бдите убо, яко не весте дне ни часа.*

БЕСЕДА XIII,

говоренная к народу в храме блаженного Феликса
Исповедника в день страдания его.
Чтение Св. Евангелия: Лк. XII, 35-40.

Во время оно, рече Иисус ученикам Своим: да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящи. И вы подобни человеком чающим Господа Своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут Ему. Блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих. Аминь глаголю вам, яко препояшется и посадит их, и минув послужит им. И аще приидет во вторую стражу, и в третью стражу приидет, и обрящет (их) тако, блажени суть раби тии. Се же ведите, яко аще бы ведал господин храмины, в кий час тать приидет, бдел убо бы, и не бы дал подкопати дому своего. И вы убо будите готови: яко, в оньже час не мните, Сын человеческий приидет.

1) Вам, возлюбленнейшая братия, открыто прочитанное чтение Св. Евангелия. Но дабы кому-либо не показалось самое содержание его слишком высоким, для сего мы кратко пересмотрим оное, поскольку истолкование одного для незнающих должно быть ясно так, чтобы не было в тягость для знающих. Что у мужчин похоть заключается в чреслах, а у женщин в пупе, об этом свидетельствует Господь, Который о диаволе говорит блаженному Иову, глаголя: *се бо, крепость его на чреслах, сила же его на пупе чрева* (Иов. XL, 11). Итак, у главного пола под именем чресл разумеется

невоздержное житие, когда Господь говорит: *да будут чресла ваша препоясана*. Ибо мы препоясываем чресла тогда, когда воздержанием обуздываем похоть плоти. Но поскольку не много значит — удаляться от зла, если вместе с тем не будет каждый желать подвигов добрых дел, то тотчас присовокупляется: *и светильники горящие* (в руках ваших). Горящие светильники мы держим в руках тогда, когда добрыми делами являем примеры света ближним нашим. Об этих-то именно делах Господь говорит: *так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. V, 16). Но даны две заповеди, — и чресла препоясывать, и светильники держать для того, чтобы и в теле была чистота целомудрия, и в деятельности был свет истинный. Ибо Искупителю нашему одно без другого никак не может нравиться, если, или тот, кто делает добро, не оставляет еще скверн похоти, или тот, кто славится целомудрием, не упражняется еще в добрых делах. Следовательно, как целомудрие не имеет важного значения без доброй деятельности, так и добрая деятельность ничтожна без целомудрия.

2) Но если и то и другое совершается, остается еще, чтобы каждый такой (человек) стремился надеждой к Вышнему Отечеству и удерживался от пороков не только ради чести мира сего. Хотя бы иногда кто начинал нечто доброе ради чести, однако же в этом намерении не должен оставаться навсегда, не должен домогаться славы настоящего мира посредством добрых дел, но основывать всю надежду на пришествии своего Искупителя. Почему тотчас и присовокупляется: *вы подобни человеком чающим Господа своего, когда возвратится от брака*. Потому что Господь отошел на брак, когда, встав от мертвых, восшел на небо,

новый человек сочетал с Собою вышнее множество Ангелов. Он возвращается тогда, когда является нам на судилище.

3) Но хорошо присовокупляется о рабах ожидающих: *да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут Ему*. Ибо Господь возвращается, когда поспешает на суд, толцет же, когда тяжестью болезни предсказывает уже близкую смерть. Ему тотчас мы отверзаем, если с любовью приемлем Его. Ибо тот не хочет отверзать (дверей) ударяющему в них Судии, кто боится выхода из тела и видеть Того, Кого трепещет как Судии, потому что вспоминает, что презирал Его. Но кто безопасен в своей надежде и деятельности, тот тотчас отверзает (двери) ударяющему в них, потому что радостно выдерживает испытание Судии; и когда узнает время близкой смерти, тогда веселится о славе воздаяния. Почему тотчас же присовокупляется: *блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих*. Бдит тот, кто имеет отверстые очи ума к видению истинного света; бдит тот, кто на деле исполняет, чему верует; бдит тот, кто отгоняет от себя тьму лени и нерадения. Посему-то и Павел говорит: *истрезвитесь праведно и не согрешайте* (1 Кор. XV, 34). Посему и опять говорит: *час уже нам от сна встати* (Рим. XIII, 11).

4) Но послушаем, что пришедший Господь делает для рабов бдящих: *аминь глаголю вам, яко препояшется и посадит их, и минув послужит им*. Препояшется, приготовится к воздаянию, и *посадит их*, т. е. в Вечном Покое для блаженствования. Потому что сидеть значит «покоиться в Царстве». Почему опять Господь говорит: *приидут и возлягут со Авраамом и Исааком и Иаковом* (Мф. VIII, 11). Минующий же Господь служит, потому что удовлетворяет нам осияванием света Своего. Но сказано, что он *минует*, когда от суда воз-

вращается к царствованию. Или подлинно Господь минует нас после суда, потому что от человеческого образа состояния возвышает нас к созерцанию Божества Своего. И прехождение Его означает ведение нас к видению славы Его, когда мы Того, Кого на суде видим в человечестве, увидим после суда и в Божестве. Ибо идя на суд, Он явится всем в виде рабском, т. е. человеческом, как написано: *воззрят Нань, Егоже прободоша* (Зах. XII, 10; Ин. XIX, 37). Но когда нечестивые подвергаются мучению, тогда праведные переводятся в славу света Его, как написано: *да возмется нечестивый, да не видит славы Господни* (Ис. XXVI, 10).

5) Но что, если рабы в первую стражу небрежны? — Ибо первая стража есть хранение первого возраста. Но не надобно отчаиваться и переставать творить добро. Ибо Господь, внушая нам о своем долготерпении, присовокупляет: *и аще приидет во вторую стражу, и в третью стражу приидет, и обрящет (их) тако, блажени суть раби тии*. Ибо первая стража есть время первого возраста, т. е. детство. Вторая — молодость, или юношество, которые, на основании священного изречения, тождественны, как говорит Соломон: *веселися, юноше, во юности твоей* (Еккл. XI, 9). Третья же принимается за старость. Итак, кто не хотел бодрствовать в первую стражу, тот да бодрствует, по крайней мере, во вторую, так, чтобы, кто пренебрег обращением от грехов своих в отрочестве, тот воспрянул на пути жизни, по крайней мере, во время юности. И кто не хотел бодрствовать во вторую стражу, тот да не опускает средств к вознаграждению во время третьей стражи, так, чтобы, кто не становится на пути жизни в молодости, тот опомнился, по крайней мере, в старости. — Взвесьте, возлюбленная братия, что любовь Божия отовсюду заперла наше упорство. Нет

уже ничего, в чем мог бы человек находить извинение. Бог не видит внимания к Себе — и ожидает; видит, что презирают Его, — и приглашает к Себе; приемлет обиду презрения, — и однако же обещает некогда даже награды обращающимся к Нему. — Но никто не должен пренебрегать этим долготерпением Его, потому что на суде Он потребует тем строжайшего правосудия, чем более терпел прежде суда. Поэтому-то Павел говорит: *по жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия* (Рим. II, 5). Поэтому Псалмопевец говорит: *Бог судитель праведен, и крепок, и долготерпелив* (Пс. VII, 12). Ибо, намереваясь сказать *долготерпелив*, он наперед назвал Его *праведным*, для того, чтобы ты знал, что Тот, Кого ты видишь долготерпящим грехи беззаконных, будет некогда судить праведно. Посему через некоторого мудрого говорится: *яко высокий над высоким надзиратель* (Еккл. V, 7). Надзирателем называется потому, что и терпит грехи людей, и мстит за них. Ибо тех, которым долее снисходит в ожидании обращения их, строже наказует, если они не обратятся. Для потрясения же лености нашего духа, через подобие выставляется на вид даже внешний вред, чтобы им возбудить дух на стражу себя самого. Ибо говорится: *се же ведите, яко аще бы ведал господин храмины, в кий час тать приидет, бдел убо бы, и не бы дал подкопати дому своего*. Из этого предварительного подобия выводится еще увещание, когда говорится: *и вы убо будите готовы: яко в оньже час не мните, Сын человеческий приидет*. Ибо, по неведению хозяина, вор подкапывает дом, потому что когда дух засыпает на страже себя самого, тогда непредвидимая смерть, приходя, врывается в жилище нашей плоти и убивает того хозяина,

которого застает спящим, потому что когда дух не предвидит будущего вреда, тогда смерть похищает его, неведущего, к наказанию. Но он воспротивился бы вору, если бы бодрствовал, потому что, опасаясь пришествия Судии, Который сокровенно похищает душу, он встретил бы Его покаянием, дабы не погибнуть в нераскаянности.

6. Последний же час Господь наш благоволил сокрыть от нас для того, чтобы мы всегда могли ожидать его, так что, когда мы не можем предвидеть его, тогда обязываемся неопустительно быть готовыми к нему. — Затем, братия мои, устремите очи ума вашего на условие смертности, приготовляйте самих себя грядущему Судии ежедневным плачем и рыданием. И когда верная смерть угрожает всем, то не думайте о неопределенном провидении о временной жизни. Да не отягчает вас забота о земных вещах. Ибо плоть, какими бы ни украшалась громадами злата и серебра, в какие бы ни одевалась драгоценные одежды, — что другое, как плоть? Итак, не обращайтесь внимания на то, что вы имеете, но на то, что вы есть. Хотите ли слышать, что вы есть? Это показывает Пророк, говоря: *всяка плоть сено* (Ис. XL, 6). Ибо, если народ не сено, то где те, которые вместе с нами за год перед этим праздновали день страдания блаженного Феликса, празднуемый и сегодня нами? — О, сколько и что они думали предусмотрительного о настоящей жизни, но при наступлении часа смерти, вдруг застигнуты в том, чего не хотели предвидеть, и вместе потеряли все временное, за собрание которого, по-видимому, как бы постоянно держались!

Итак, если, отживши свой век, множество рода человеческого через рождение зеленело во плоти, а через смерть посохло в прахе, то оно именно было сено.

Поскольку же часы бегут минутами своими, то, возлюбленная братия, делайте то, чтобы они содержались на мзде доброй деятельности. Слушайте, что говорит Премудрый Соломон: *вся, елика аще обрящет рука твоя сотворити, якоже сила твоя, сотвори: занесть сотворение и помышление и разум, и мудрость во аде, аможет ты идеши тамо* (Еккл. IX, 10). Поскольку же мы и времени грядущей смерти не знаем, и после смерти действовать не можем, то остается нам прежде смерти пользоваться благоприятными временами. Ибо таким образом самая смерть, когда придет, будет побеждена, если прежде пришествия ее, мы всегда будем страшиться ее.

БЕСЕДА XIV,

говоренная к народу в храме Св. Апостола Петра во второй воскресный день после Пасхи.

Чтение Св. Евангелия: Ин. X, 11-16.

Во время оно, рече Иисус фарисеям: Аз есмь Пастырь добрый: Пастырь добрый душу свою полагает за овцы. А наемник, иже несть пастырь, емуже не суть овцы своя, видит волка грядуща и оставляет овцы и бежит, и волк расхитит их и распудит овцы. А наемник бежит, яко наемник есть и не радит о овцах. Аз есмь Пастырь добрый и знаю Моя, и знают Мя Моя. Якоже знает Мя Отец, и Аз знаю Отца; и душу Мою полагаю за овцы. И ины овцы имам, яже не суть от двора сего, и тыя Ми подобает привести: и глас Мой услышат, и будет едино стадо (и) един Пастырь.*

1. Возлюбленнейшая братия, из Евангельского чтения вы слышали назидание вам, слышали и о нашей опасности. Ибо вот Тот, Кто не за случайный подарок, но существенно благ, говорит: *Аз есмь Пастырь добрый*. И относительно образа этой самой доброты, которой мы подражать должны, присовокупляет, говоря: *Пастырь добрый душу свою полагает за овцы*. Он совершил то, к чему увещевал, явил на опыте, что повелел. Добрый Пастырь положил душу свою за овец своих так, чтобы в нашем Таинстве были неистощимы Тело и Кровь Его, и чтобы овцы, которых Он ис-

* Так в латинском подлиннике Бесед Св. Отца.

купил, довольствовались питанием Плоти Его. — Нам указан путь к презрению смерти, по которому мы должны следовать; предложено правило, которого мы должны держаться. Первая наша обязанность состоит в том, чтобы внешние наши блага милосердно тратить на овец Его, а последняя, — если необходимо, — даже умереть за тех же самых овец. Но от первой сей, меньшей обязанности, делается переход к последней, — большей. Но поскольку душа, которой живем, несравненно выше земного существа, которое составляет внешнее наше обладание, то кто не отдаст этого существа своего за овец, когда имеет обязанность положить за них даже душу свою? — И однако же есть некоторые, которые, когда любят более земное существо, нежели овец, тогда по справедливости теряют имя пастыря. О них-то тотчас присовокупляется: *а наемник, иже несть пастырь овцам, ему же не суть овцы своя, видит волка грядуща и оставляет овцы и бежит.*

2. Не пастырем, а наемником называется тот, кто пасет овец Господних не по внутренней любви, но ради временных наград. Ибо наемник тот, кто хотя и занимает место пастыря, но не желает пользы душам, пристращается к земным выгодам, радуется чести предпочтения, питается временными приобретениями, услаждается чрезвычайным себе почтением от людей. Потому что это суть награды наемника, чтобы ему за то самое, что он работает в стаде, здесь найти то, чего он ищет, в Будущей же Жизни быть чуждым наследия стада. Но пастырь ли кто или наемник, этого верно знать нельзя, если нет случая необходимости. Ибо во время спокойствия большею частью стоит на страже стада как истинный пастырь, так и наемник; но волк грядущий открывает, кто с каким расположением стоял на страже стада. Ибо волк грядет на овец, когда

какой-нибудь несправедливый и хищный человек притесняет некоторых верующих и простых людей. Но тот, кто казался пастырем, а не был им, оставляет овец и бежит, потому что, когда боится опасности себе от него, то не решается противостоять несправедливости его. Впрочем, бежит, не изменяя места, но не давая утешения. Бежит, потому что видит несправедливость, — и молчит. Бежит, потому что скрывается под молчанием. Им-то хорошо говорится через пророка: *не вышли насупротив, не противоположили стены за дом Израилев, чтобы стоять на войне в день Господень* (Иез. XIII, 5)*. Потому что выходить насупротив — значит свободным голосом разума идти вопреки каким-либо властям, незаконно действующим. А в день Господень мы становимся на войне за дом Израилев и противопоставляем стену, если, на основании справедливости, защищаем невинных верующих против несправедливости развратных. Поскольку наемник этого не делает, то он и бежит, когда видит волка грядуща.

3. Но есть иной волк, который безпрестанно каждый день терзает не тела, но души, т. е. злой дух, который осаждает дворы верующих, и домогается смертей душевных. Об этом-то волке тотчас присовокупляется: *и волк расхитит их и распудит овцы*. Волк идет, а наемник бежит, потому что злой дух через искушение терзает души верующих, а тот, кто держал место пастыря, не имеет заботы о сбережении. Души гибнут, а он услаждается земными выгодами. Волк расхищает овец, когда одного влечет к похоти, другого поджигает

* В славянском переводе этот текст читается так: *не стаиша на тверди и собраиша стада к дому Израилеву не востаиша глаголюици в день Господень* — Мысль почти та же, но в связи речи у Св. Отца цитат его уместнее.

ет к скупости, третьего возбуждает к гордости, того располагает к гневливости, сего бьет ненавистью, иного низвергает обольщением. Итак, как бы волк распушивает стадо, когда диавол искушениями поражает народ верующих. Но против этого наемник не воспламеняется никакою ревностью, не возбуждается никаким жаром любви, потому что, когда он домогается одних только внешних выгод, тогда небрежно смотрит на внутренний вред стада. Поэтому тотчас и присовокупляется: *а наемник бежит, яко наемник есть и нерадит о овцах*. Ибо одна только и есть причина на то, почему наемник бежит, потому что он наемник. Ясно как бы так было сказано: тот не может стоять в опасности за овец, кто в предводительстве овцами любит не овец, но ищет земной выгоды. Ибо когда он любит честь, когда услаждается временными выгодами, тогда страшится поставить себя против опасности, дабы не потерять того, что любил. Но когда Искупитель наш выставил на вид вины мнимого пастыря, тогда опять показывает образец, с которым мы должны соображаться, говоря: *Аз есмь Пастырь добрый*. И присовокупляет: *и знаю Моя*, т. е. люблю их, *и знают Мя Моя*. Ясно он как бы так говорит: любящие повинуются. Ибо кто не любит истины, тот еще не познал ее.

4. Итак, возлюбленнейшая братия, поскольку вы выслушали о нашей опасности, то взвесьте на словах Господних и свою опасность. Посмотрите, Его ли вы овцы, посмотрите, знаете ли вы Его; посмотрите, знаете ли вы свет истины? — Но знаете ли, говорю я, не верой, а любовью? — Знаете ли, говорю, не по верованию, а по деятельности? Ибо тот же самый Евангелист Иоанн, который говорит об этом, свидетельствует, говоря: *глаголяй, яко познах Его* (И. Христа), *и заповеди Его не соблюдает, ложь есть* (1 Ин. II, 4). По-

чему и в этом самом месте Господь тотчас присовокупляет: *якоже знает Мя Отец, и Аз знаю Отца; и душу Мою полагаю за овцы*. Ясно Он говорит как бы так: что Я знаю Отца, и Отец знает Меня, это состоит в том, что Я душу Мою полагаю за овцы Моя; т. е. той любовью, по которой умираю за овец, Я показываю, сколько люблю Отца. — Но поскольку Он пришел искупить не только иудеев, но и язычников, то присовокупляет: *и ины овцы имам, яже не суть от двора сего, и тыя Ми подобает привести; и глас Мой услышат, и будет едино стадо, (и) един пастырь*. Господь предвидел обращение нас, пришедших из языческого народа, когда говорил, что Он приведет и других овец. Это, братие, вы видите ежедневно совершающимся при обращении язычников, это вы ежедневно видите на опыте. Ибо Он, как бы из двух стад, составляет едино овчье стадо, потому что в Своей вере соединяет иудейский и языческий народ, по свидетельству Павла, который говорит: *Той бо есть мир наш, сотворивый обоя едино* (Еф. II, 14). Ибо, когда Он из того и другого народа избирает простых к Вечной Жизни, тогда приводит овец к овчей собственности.

5. Об этих подлинно овцах Он опять говорит: овцы Моя гласа Моего слушают, и Аз знаю их, и по Мне грядут, и Аз Живот Вечный дам им (Ин. X, 27-28). О них же и несколько выше говорит: Мною аще кто внидет, спасется, и внидет и изыдет, и пажить обрящет (там же, ст. 9). Внидет к вере, а изыдет от веры к видению, от верования к созерцанию; пажить же обрящет в вечном успокоении. Итак, овцы Его обретают пажить, потому что кто последует за Ним простым сердцем, питается пищею вечной свежести. Что же это за пажити оных овец, если не внутренние радости всегда зеленеющего рая? Ибо пажити избранных суть настоя-

щее зрение Бога, Которого, когда непрерывно созерцают, тогда ум удовлетворяется безконечной пищей жизни. На этих пажитях обрадованы довольством вечности те, которые уже освободились от цепей похотливой временности. Там хоры Ангелов, поющих песнь Богу, там общение вышних граждан. Там радостное торжество возвращающихся с печального труда сего странствования. Там провидевшие сонмы Пророков, там предназначенное в судьи число Апостолов; там победоносное воинство безчисленных Мучеников, — тем более там их, радующихся, чем жесточе здесь были мучимы; там постоянство Исповедников, утешенное получением своей награды; там верные мужи, в которых удовольствие века не могло истощить силы их мужества; там святые жены, которые вместе с веком сим победили и пол; там отроки, которые здесь своими нравами превысили свои лета; там старцы, которых здесь хотя лета соделали слабыми, однако же не оставила добродетельная деятельность.

6. Итак, возлюбленная братия, будем искать этих пажитей, на которых можно было бы радоваться вместе с собором таких граждан. К этому да побудит нас самое торжество радующихся. Так, если бы где-нибудь народ праздновал торжество, если бы, по объявлению о торжестве, он стекался на освящение какой-либо Церкви, то мы все вместе поспешили бы там быть, и каждый озаботился бы своим присутствием на оном, почитал бы вредом для себя, если бы не видал торжества общей радости. — Вот на небесах у избранных граждан идет радость, все в своем собрании взаимно приветствуют друг друга, и однако же мы, равнодушные к любви Вечности, не разгораемся никаким желанием, не стремимся быть среди такого торжества, лишаемся радостей, — и рады. Итак, братия,

воспламенением души, да раскалится вера в то, чему мы уверовали, да пламенеют наши желания к Вышнему, — и, таким образом, любить значит — *идти*. Да не отвлекает нас от радости внутреннего торжества никакая неприятность, потому что, если кто желает идти и к предположенному месту, то желания его не изменяет никакая неприятность пути. Да не уклоняет нас с пути никакое ласкательствующее счастье, потому что тот глупый путешественник, который, засматриваясь в пути на приятные луга, забывает идти туда, куда стремился. Итак, полным желанием да стремится душа к Вышнему Отечеству, да не желает в этом мире ничего, о чем известно, что это скоро должно оставить, так, чтобы нам, — если мы истинно овцы Небесного Пастыря, потому что не привязываемся к удовольствию пути, — по прибытии довольствоваться на Вечных Пажитях*, при помощи Господа нашего Иисуса Христа, Который со Отцом и Святым Духом живет и царствует во веки веков. Аминь.

* Это окончание прибавлено из сноски, помещенной после слова *пажитях*, — под чертою внизу, под буквою *i*.

БЕСЕДА XV,

говоренная к народу в храме Святого Апостола Павла в
неделю шестнадцатую.

Чтение Св. Евангелия: Лк. VIII, 5-15.

*Рече Господь притчу сию: изыде сеяй сеяти семене
своего: и егда сеяше, ово паде при пути, и попрано бысть,
и птицы небесныя позобаша е. А другое паде на камени,
и прозяб уше, зане не имеяше влаги. И другое паде по-
среде терния, и возрасте терние и подави е. Другое же
паде на земли блазе и прозяб сотвори плод сторицею.
Сия глаголя, возгласи: имеяй уши слышати, да слышит.
Вопрошаху же Его ученицы Его, глаголюще: что есть
притча сия? Он же рече: вам есть дано ведати тайны
Царствия Божия, прочим же в притчах, да видяще не
видят и слышаще не разумеют. Есть же сия притча:
семя есть Слово Божие. А иже при пути, суть слыша-
щии, потом (же) приходит диавол и вземлет слово от
сердца их, да не веровавшие спасутся. А иже на камени,
иже егда услышат, с радостию приемлют Слово: и сии
корене не имут, иже во время веруют и во время напас-
ти отпадают. А еже в тернии падшее, сии суть слы-
шавшии, и от печали и богатства и сластями житей-
скими ходяще подавляются, и не совершают плода. А иже
на доброй земли, сии суть, иже добрым сердцем и благим
слышавше Слово, держат и плод творят в терпении.*

1. Чтение Св. Евангелия, которое вы, возлюблен-
нейшая братия, теперь только слышали, не имеет на-
добности в объяснении, но (имеет надобность) в уве-

щании. Ибо того чтения, которое изъяснила Сама Истина, человеческая слабость изъяснять не берется. Но в самом этом Господнем объяснении есть, на что вы должны обратить тщательное внимание, потому что, если бы мы говорили вам, что семя есть слово, поле — мир, птицы — демоны, терния — богатство, то могло бы статься, что ваш ум усомнился бы поверить нам. Поэтому-то и благоволил тот же Господь лично изъяснить то, что говорил, дабы вы умели отыскивать значения вещей в тех даже, которых Он не благоволил объяснять лично. Итак, изъясняя то, что сказал иносказательно, он соделал понятным то, что говорил, дабы уверить вас, когда вам наша слабость открыла бы значение слов Его. Ибо кто когда поверил бы мне, если бы я захотел терния объяснять богатством, особенно, когда те укалывают, а эти услаждают? — И однако же (богатства) суть терния, потому что укалываниями своих помыслов мучат дух, а когда доводят до греха, тогда окрововляют, как бы нанесенною раню. Впрочем, в этом месте, по свидетельству другого Евангелиста, Господь называет (терниями) не богатство, а лествь богатства (Мф. XIII, 22)*. Ибо лествь есть то, что не может долго пребывать с нами, лествь есть то, что не наполняет недостатка ума нашего. Но истинное богатство есть то, которое обогащает нас добродетелями. Итак, возлюбленнейшая братия, если вы желаете быть богатыми, то любите истинное богатство. Если вы желаете высочайшей чести, то стремитесь к Царству Небесному. Если любите славу достоинств, то спешите приписываться к оному вышнему Двору Ангелов.

* *А сеянное в тернии, се есть слышай слово, и печаль века сего и лествь богатства подавляет слово, и без плода бывает.*

2. Слова Господни, принимаемые слухом, удерживайте в уме. Ибо Слово Божие есть пища ума. И как бы принятая пища, при изнеможении желудка, выбрасывается вон, когда слышанное слово не удерживается в желудке памяти. Но кто пищи не удерживает, того жизнь действительно в опасности. Итак, страшиться опасности вечной смерти, если вы, хотя и принимаете пищу святого увещания, но не удерживаете в памяти слов жизни, т. е. пищи для оправдания. Вот проходит все, что вы делаете, и вы, хотя и нехотя, ежедневно спешите на последний суд, не останавливаясь ни на одну секунду. Итак, для чего любят то, что оставляют? Для чего презирают то, чем делается приобретение? Припомните, что говорится: *имеяй уши слышати, да слышит*. Ибо все, которые там были, имели уши телесные. Но Тот, Кто при наличии ушей у всех говорит: *имеяй уши слышати, да слышит*, без сомнения требует ушей сердца. Итак, старайтесь, чтобы принятое слово пребывало в ухе сердца. Старайтесь, дабы семя не падало при пути, дабы не приходил злой дух и не уносил слова из памяти. Старайтесь, дабы семя принимала не каменистая земля и не произращала плода доброго дела без укоренившихся корней. Ибо многим нравится то, что они слушают: они предполагают начало доброго дела, но как только начнут подвергаться несчастьям, тотчас оставляют начатое. Итак, каменистая земля не имела влаги, она не довела до плода постоянства того, что произрастила. Ибо многие, когда слушают против скупости, тогда осуждают эту самую скупость, хвалят презрение всех вещей, но как только душа их увидит то, к чему имеет сильное пожелание, тотчас забывает о том, что хвалила. Многие, когда слушают слово против похотливости, не только не желают творить осквернений пло-

ти, но и краснеют за те, которые совершили, но как только является на глаза их вид плоти, тотчас ум увлекается к пожеланию так, как будто бы им доселе еще ничего не было решено против этих самых пожеланий, — и делает такие преступления, о которых помнит, что он решил и сам осудил. Часто также мы сокрушаемся о проступках; и однако же, после сокрушения, возвращаемся к тем же самым проступкам. Так Валаам, возрев на кущи народа Израильского, заплакал, и обещался в смерти быть им подобным, говоря: *да умрет душа моя в душах Праведных, и буди семя мое, якоже семя их* (Чис. XXIII, 10), но как только прошел час сокрушения, тотчас опять решился на нечестие корыстолюбия. Ибо за обещанные дары он дал совет на умерщвление того народа, коего смерти желал самому себе, и забыл о том, о чем плакал, когда не хотел истреблять того, чего сильно желал по сребролюбию.

3. Но надобно заметить, что Господь в Своем изъяснении говорит, что заботы, богатство и сласти житейские заглушают слово. — Заглушают потому, что своими неблагоприятными помыслами захватывают горло ума, и когда не позволяют входить в сердце доброму желанию, тогда как бы убивают вход жизненного дыхания. Надобно заметить еще, что к богатству Он присоединяет два (препятствия), — именно: заботы и сласти житейские, потому что сии действительно и стесняют дух заботливостью, и производят необузданность избытком. Ибо противной вещью делают своих владетелей и несчастными, и поползновенными. Но поскольку удовольствие не может сходиться с несчастием, то в иное время они мучат заботою о хранении себя, а в другое — располагают к сластолюбию изобилием.

4. Но добрая земля возвращает плод *терпением* именно потому, что совершаемые нами добрые дела ничтожны, если мы не равнодушно еще переносим пороки ближних. Ибо чем выше кто взошел на степень совершенства, тем более он находит в мире сем того, что с трудом переносить должно, потому что, когда любовь нашего сердца отрешается от настоящего века, тогда возрастает несчастье со стороны того же самого века. Ибо от этого-то и происходит, что мы видим многих, делающих добро, и однако же тяготящихся под тяжким игом напастей. Ибо, хотя они уже бегают земных пожеланий, однако же биемы бывают жесточайшими ударами. Но, по слову Господню, они приносят плод в терпении, потому что если они смиренно приемлют удары, то после ударов принимаются в небесное успокоение. Так виноград истоптывается ступнями и превращается во вкусное вино. Так олива, выжатая ударами, оставляет свою пену и превращается в жидкость масла. Так через молотьбу на току зерна отделяются от соломы и очищенные поступают в житницу. Итак, кто желает совершенно победить пороки, тот должен стараться со смирением переносить удары своего очищения, чтобы после тем чище предстать пред Судию, чем более ныне огонь бедствия очищает его ржавчину.

5. В той галерее, которой проходят идущие к Церкви блаженного Климента, был некто, по имени Сервул, которого многие из вас вместе со мною знали, бедный вещами, богатый заслугами, продолжительная болезнь которого состояла в расслаблении (Книг. IV, разговор, гл. 14). Ибо он с первого возраста до конца жизни лежал расслабленным. Говорить ли о том, что он стоять не мог? Он никогда не мог даже подняться на постели своей для того, чтобы, по крайней мере,

посидеть, никогда не мог поднести руки своей к устам, не мог поворотиться с одного бока на другой. Для прислуги ему находилась при нем мать с братом, и что только мог он получать от милостыни, то руками их раздавал бедным. Грамоты он вовсе не знал, но купил себе книги Св. Писания, и в больнице, принимая некоторых набожных людей, заставлял их читать непрестанно перед собою. И случилось то, что он, по мере своей, вполне изучил Св. Писание, тогда как совсем, как я сказал, не знал грамоты. В болезни он всегда старался благодарить Бога, возносить песнопения и хвалы Ему в продолжение дней и ночей. Но когда настало время, чтобы такое терпение получило вознаграждение, тогда расслабленные члены оживились. Когда же он познал, что близка уже смерть его, тогда упросил иностранных мужей, принятых в гостинице, встать и вместе с ним петь псалмы в ожидании исхода своего. И когда пел с ними и сам умирающий, тогда он вдруг остановил голоса поющих, со страхом великого вопля говоря: «Молчите! Разве вы не слышите, какие хвалы воспевают на небе?» Когда же он устремил ухо сердца к этим самым хвалам, которые слышал внутренне, тогда эта святая душа отрешилась от тела. Но при исходе ее там разлилось такое благоухание, что все, там бывшие, наполнились неоценимою приятностью так, что по этому явно признали, что хвалы приняли ее на небе. При этом событии был наш монах, который жив доныне, и с великим плачем обыкновенно свидетельствует, что доколе тело его не было предано погребению, дотоле из ноздрей его не переставал исходить запах оногo благоухания. Вот какой кончиной вышел из этой жизни тот, кто равнодушно перенес удары в настоящей жизни! Итак, по глаголу Господню, в терпении произрашает плод добрая зем-

ля, которая, будучи вспахана сохою учения, достигает жатвы воздаяния. Но прошу вас, возлюбленнейшая братия, обратите внимание на то, какое извинение на оном праведном суде будем иметь мы, которые, будучи ленивы на добрые дела, имеем и вещи, и руки, если бедный и безрукий исполнил заповеди Господни! Не против ли нас Господь тогда покажет Апостолов, которые проповедью влекли за собой к Царству толпы верующих? Не против ли нас выставит Мучеников, которые пролитием крови достигли Отечества Небесного? Что мы скажем тогда, когда увидим этого, о котором говорили, Сервула, которому продолжительное расслабление связывало мышцы, и однако же не связало их для доброго делания? Вы, братия, делайте вот что сами с собою: так поощряйте себя к доброму деланию, чтобы, кого только из добрых вы предназначаете себе для подражания, иметь вам возможность тогда быть и соучастниками его.

БЕСЕДА XVI,

говоренная к народу в храме Св. Иоанна, именуемом
Константиниановым, в неделю сорок первую.

Чтение Св. Евангелия: Мф. IV, 1-11.

Во время оно, Иисус возведен бысть духом в пустыню искушиться от диавола. И постився дний четьредесять и ноций четьредесять, последи взалка. И приступль к Нему искушитель рече: аще Сын еси Божий, рцы, да камене сие хлебы будут. Он же отвещава рече: писано есть: не о хлебе едином жив будет человек, но о всяцем глаголе исходящем из уст Божиих. Тогда поят Его диавол во Святый Град, и постави Его на криле Церковнем, и глагола Ему: аще Сын еси Божий, верзися низу; писано бо есть, яко Ангелом Своим заповестъ о Тебе (сохранити Тя), и на руках возмут Тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою. Рече (же) ему Иисус: паки писано есть: не искушиши Господа Бога твоего. Паки поят Его диавол на гору високу зело, и показа Ему вся царствия мира и славу их. И глагола Ему: сия вся Тебе дам, аще пад поклонишися. Тогда глагола ему Иисус: иди за Мною, сатано: писано бо есть: Господу Богу твоему поклонишися и Тому единому послужиши. Тогда остави Его диавол; и се, Ангели приступиша и служаху Ему.

1. Некоторые обыкновенно сомневаются, каким духом Иисус был отведен в пустыню, потому что далее говорится: *тогда поят Его диавол во Святый Град; и еще: поят Его диавол на гору високу зело.* Но истин-

но и без всякого прекословия согласно признано, что Он отведен был в пустыню Духом Святым для того, чтобы собственный Дух Его вывел оттуда, где доселе находил Его злой дух для искушения. Но вот — когда говорится, что Богочеловек или возводится на весьма высокую гору, или поемлется во Святой Град диаволом, тогда ум становится в тупик, уши человеческие страшатся слышать об этом. Впрочем, мы признаем это не невероятным, принимая в соображение и другие события на Нем. Известно, что глава всех нечестивцев есть диавол, а члены этой головы суть все нечестивцы. Не член ли диавола был Пилат? Не члены ли диавола были иудеи, преследовавшие Христа, и воины, распинавшие Христа? Итак, что удивительного в том, если попустил ему возвести Себя на гору Тот, Кто попустил членам его даже распять Себя? Посему не недостойно для нашего Исккупителя то, что Он соизволил быть искушаемым, когда Он пришел для того, чтобы быть умерщвленным. Ибо праведно было, чтобы Он таким образом Своими искушениями препобедил наши искушения, так как Он пришел победить нашу смерть Своей смертью. Но нам надобно знать, что искушение совершается тремя способами: наущением, услаждением и согласиём. И мы, когда подвергаемся искушению, тогда большею частью впадаем в услаждение, или даже в согласие, потому что, распространенные от греховной плоти, мы сами в себе носим причину на то, почему должны выдерживать борьбу. Но Бог, воплотившийся в утробе Девы, пришел в мир без греха, не имел в Самом Себе ничего противоречащего. Поэтому Он мог быть искушаем наущением, но услаждение грехом не убило души Его. И потому все оное диавольское искушение отвне не проникало внутрь.

2. Но если мы обозреваем самый порядок искушения Его, то помыслим, с какою трудностью мы освобождаемся от искушения. Древний враг восстал против первого человека, нашего прародителя, тремя искушениями, потому что искушал его обжорством, суетной славой и любостяжанием. Но искушением победил, потому что подчинил его себе через согласие. Он искушал его обжорством, когда указывал на запрещенную пищу дерева, и убедил к снеди. Искушал и суетной славой, когда говорил: *будете яко бози* (Быт. III, 5). Искушал и успехом в любостяжании, когда говорил: *ведяще доброе и лукавое*. Ибо любостяжание относится не только к деньгам, но и к возвышению. Поэтому справедливо называется любостяжанием чрезмерное домогательство высокости. Если бы хищение не принадлежало к любостяжанию чести, то Павел о Единородном Сыне Божиим никак не сказал бы: *не восхищением непщева быти равен Богу* (Флп. II, 6). Но диавол довел нашего прародителя до гордости тем, что побудил его к любостяжанию высокости.

3. Но какими способами низложил он первого человека, с теми же самыми способами подвернулся он и ко Второму, искушаемому Человеку. Ибо он искушает Его обжорством, когда говорит: *рцы, да камение сие хлебы будут*. Искушает суетною славой, когда говорит: *аще Сын еси Божий, верзися низу*. Искушает любостяжанием высокости, когда показывает Ему все царства мира, говоря: *сия вся Тебе дам, аще пад поклониши мися*. Но от Второго Человека он побеждается теми же способами, которыми славился, как победитель первого человека, для того, чтобы он выходил из наших сердец, будучи пойман при том самом входе в них, которым, впущенный внутрь, содержал нас в плену. Но есть, возлюбленная братия, другое, что мы

должны обсудить в этом искушении Господнем. Поскольку Господь, искушаемый от диавола, отвечает ему заповедями Св. Писания, и Тот, Кто был тем Словом, Которое могло своего искусителя низвергнуть в бездну, не обнаруживает силы Своего могущества, а дает только одно внушение из Св. Писания, то Он представляет нам пример Своего терпения, для того, чтобы мы, когда что-либо терпим от людей нечестивых, возбуждались более к назиданию себя, нежели к отмщению. Взвесьте, каково терпение Божие, и каково нетерпение наше. Мы, когда подвергаемся обидам или какому-либо оскорблению, тогда, подвигнутые неистовством, или сами мстим, сколько можем, или грозим отомстить, если не можем. — Вот Господь перенес оскорбление от диавола и ничем ему не ответил, кроме слов кротости. Он терпит того, кого мог наказать, для того, чтобы тем выше восходила слава Его через то, что Он победил врага Своего не истреблением его, но терпением.

4. Но замечательно присовокупление, что, по отступлении диавола, Ангелы служили Ему. Из этого события что другое открывается, как не двойное естество в Едином Лице? — Потому что Он есть и человек, которого искушает диавол, и Он же есть Бог, Которому служат Ангелы. Итак, познаем в Нем естество наше потому, что если бы диавол не видел в Нем Человека, то не стал бы искушать. Почтим в Нем Божество Его потому, что если бы Он не был над всеми Богом, то Ангелы никак не стали бы служить Ему.

5. Но поскольку чтение прилично настоящим дням, потому что мы слышали о воздержании нашего Испытателя в продолжение сорока дней, — мы, которые начинаем время Четыредесятницы, то нам надобно разрешить вопрос: для чего это самое воздержание

наблюдается в продолжение сорока дней? — Ибо Моисей для того, чтобы получить закон во второй раз, постился сорок дней (Исх. XXXIV, 28). Илия в пустыне постился сорок дней (3 Цар. XIX, 8). Сам Виновник людей, приходя к людям, в продолжение сорока дней решительно не принимал никакой пищи (Мф. IV, 2). Постараемся и мы, в продолжение времени Четырехдесятницы, укротить плоть нашу воздержанием, сколько можем. — Итак, почему в воздержании соблюдается сороковое число, если не потому, что сила Десятословия наполняет четыре книги Св. Евангелия? Ибо десять, помноженное на четыре, дает сорок; потому что мы исполняем заповеди Десятословия тогда, когда совершенно поступаем по четырем книгам Св. Евангелия. Из этого можно разуместь и другое. Ибо мы в этом смертном теле состоим из четырех стихий, а сластолюбием того же тела нарушаем заповеди Господни. А заповеди Господни приняты за Десятословие. — Итак, поскольку мы через пожелания плоти презрели заповеди Десятословия, то справедливость требует, чтобы мы ту же самую плоть умерщвляли сорок раз. — Впрочем, об этом времени Четырехдесятницы можно судить и иначе. Ибо от настоящего дня до радостного Праздника Пасхи проходит шесть недель, которых дни составляют именно число сорок два. Из них, когда вычтем шесть дней воскресных, не подлежащих воздержанию, то остается в воздержании не более, как тридцать шесть дней. Но поскольку год состоит из триста шестидесяти пяти дней, и мы постимся тридцать шесть дней, то мы за год наш выдаем как бы десятину Богу, так что мы прожили для себя самих целый, дарованный нам год, а для Виновника нашего умерщвляем себя воздержанием в продолжение десятой части его. Поэтому, возлюбленнейшая братия, как

в законе повелено было вам приносить Богу десятину (Лев. XXVII, 30 и след.), так постарайтесь принести Ему и десятину дней. Каждый, насколько достанет силы, должен плоть измождать, пожелания ее обуздать, гнусные пожелания умертвить, дабы, по слову Павла, *жертва была живая* * (Рим. XII, 1). Ибо жертва и приносится, и жива бывает тогда, когда человек и от этой жизни не отстаёт, и однако же умерщвляет себя для плотских пожеланий. Радующаяся плоть довела нас до преступления, а оскорбленная пусть ведет к прощению. Ибо виновник нашей смерти преступил заповеди жизни посредством плода с запрещенного дерева. Итак, мы, которые лишились райских радостей за пищу, должны возратить оные посредством возможного воздержания.

6. Но никто не думай, будто можно ему довольствоваться одним только этим воздержанием, когда Господь через Пророка говорит: *не такового бо поста Аз избрах; присовокупляя: раздробляй алчущим хлеб твой и нищия безкровныя введи в дом твой: аще видиши нага, одеи, и от свойственных племени твоего не презри* (Ис. LVIII; 6, 7). Следовательно, Бог одобряет тот пост, который пред очами Его возвышает руки милостыней, который проводится с любовью к ближнему, который устрояется из благочестия. Итак, то, что ты отнимаешь у себя, отдай другому, для того, чтобы оттуда, откуда твоя плоть терпит убыток, получала прибыль плоть бедного ближнего. Поэтому-то Господь через Пророка говорит: *аще поститесь или плачевопльствите, постом ли поститесь Ми? И аще ясте или пиете, не вы ли ясте и пиете* (Зах. VII; 5, 6)? Ибо для себя ест

* Представьте телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богу, словесное служение ваше.

и пиет тот, кто телесные питания, которые суть общие дары Создателя, употребляет без бедных. И для себя постится каждый, если то, что он на время отнимает у себя, не бедным раздает, но сберегает для предложения чреву после поста. Поэтому через Иоила говорится: *освятите пост* (Иоил. I, 14; II, 15). Потому что освятить пост — значит показать воздержание плоти, достойное Бога, с присовокуплением других добрых дел. Да утихнет гнев, да престанут распри! Ибо напрасно измождается тело, если не обуздывается душа от нечистых своих наслаждений, тогда как Господь через Пророка говорит: *во дни пощений ваших обретае-те воли ваша, и вся подручная ваша томите* (Ис. LVIII, 3). Ибо не только тот, кто вытребывает от своего должника данное ему, поступает несправедливо, но надобно, чтобы каждый, кто предается сокрушению в покаянии, воспрещал себе требование даже того, что ему принадлежит по справедливости. Так, так нам, сокрушенным и кающимся, отпускается Богом то, что мы неправедно соделали, если, по любви к Нему, мы прощаем и то, что принадлежит нам по справедливости.

БЕСЕДА XVII,

произнесенная к Епископам на источниках Латеранских.

Чтение Св. Евангелия: Лк. X, 1-9.

Во время оно, яви Господь и инех седьмдесят, и посла их по двама пред лицем Своим во всяк град и место, аможе хотяше Сам ити. Глаголаше же к ним: жатва убо многа, делателей же мало: молитесь убо Господину жатвы, да изведет делатели на жатву Свою. Идите: се Аз посылаю вы яко агнцы посреде волков. Не носите влагалища, ни пиры, ни сапог: и ни когоже на пути целуйте. В оньже аще дом внидете, первее глаголите: мир дому сему. И аще убо будет ту сын мира, почит на нем мир ваш: аще ли же ни, к вам возвратится. В том же дому пребывайте, ядуще и пиюще, яже суть у них: достоин бо есть делатель мзды своя; не преходите из дому в дом. И в оньже аще град входите, и приемлют вы, ядите предлагаемая вам; и изцелите недужныя, иже суть в нем, и глаголите им: приблизися на вы Царствие Божие.

1. Господь и Спаситель наш, возлюбленнейшая братия, иногда увещевает нас словами, а иногда делами. Ибо самые дела Его суть заповеди, потому что, когда Он молча что-либо делает, тогда дает разуметь, что мы должны делать. Ибо вот Он посылает учеников на проповедь по два, потому что две заповеди любви, а именно: любовь к Богу и ближнему; и менее, нежели между двумя, не может быть любви. Ибо ни о ком не говорится, что он имеет любовь к самому себе. Гос-

подь посылает учеников на проповедь по два, поскольку этим Он молча внушает нам, что тот, кто не имеет любви к другому, никак не должен принимать на себя обязанности проповедника.

2. Но хорошо говорится, *что посла их пред лицем Своим во всяк град и место, аможе хотяше Сам ити.* Ибо Господь шествует за своими проповедниками, потому что проповедь предшествует, — и Господь приходит в обитель души нашей тогда, когда предходят Ему слова увещания, и через них приемлется в уме истина. Поэтому-то тем же проповедникам Исаия говорит: *уготовайте путь Господень, правы сотворите стези Бога нашего* (Ис. XL, 3). Поэтому-то и Псалмопевец говорит им: *пutesотворите возшедшему на запады* (Пс. LXVII, 5). На запад же Господь восходит потому, что откуда Он подвергся страданию, оттуда Воскресением проявил большую Свою славу. Восходит именно на запад, потому что Воскресением поправил смерть, которую претерпел. Итак, мы *Возшедшему на запады* пролагаем путь, когда проповедуем вашим душам славу Его, для того, чтобы и Сам, после Шествующий, озарил их присутствием любви Своей.

3. Но послушаем, что Господь говорит посланным проповедникам: *жатва убо многа, делателей же мало: молитесь убо Господину жатвы, да изведет делатели на жатву Свою.* Для многой жатвы мало делателей, потому что без тяжелой скорби говорить не можем, что много есть таких, которые слушали бы о добрых делах, но не достает таких, которые говорили бы о них. Вот мир наполнен священниками, однако же на жатве Божией весьма редко можно найти делателя, потому что мы, хотя принимаем должность священническую, но не выполняем обязанностей этой должности. Но взвесьте, возлюбленнейшая братия, взвесьте, что го-

ворится: *молитесь убо Господину жатвы, да изведет делатели на жатву свою*. Вы за нас молитесь, чтобы мы могли достойно трудиться для вас, дабы язык не уставал от увещания, дабы, после того, как мы заняли место проповедничества, наша молчаливость не осудила нас пред Праведным Судией. Ибо часто язык пропинается от собственного нечестия проповедников, но часто и по виновности предстоящих не предлагаются им слова проповеди. Язык препинается от собственного нечестия проповедников потому, что Псалмопевец говорит: *грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя* (Пс. XLIX, 16)? И наоборот, голос проповедников замолкает от порока предстоящих, как говорит Господь к Иезекиилю: *язык твой привяжу к гортани твоему, и онемееши и не будеши им в мужа обличения, понеже дом разгневаяй есть* (Иез. III, 26). Ясно Он говорит как бы так: «У тебя отнимается слово проповеди потому, что когда народ разгневал Меня своими действиями, тогда он соделался недостойным увещания к истине». Но за чей именно порок отымается у проповедника слово, определить трудно. Но решительно известно, что молчаливость Пастыря вредна, иногда для него самого, а всегда — для предстоящих.

4. Но, о если бы мы тогда исполняли обязанность нашего места в невинности жизни, когда не имеем достаточной силы проповедовать! — Ибо присовокупляется: *се, Аз посылаю вы яко овцы посреде волков*. Но многие, когда принимают права правления, воспаляются к терзанию подчиненных, с ужасом властвуют и вредят тем, которым должныствовали быть полезными. И поскольку они не имеют внутренней любви, то желают казаться господами; совсем забывают о том, что они — отцы; место смирения переменяют на

возвышение владычества, — и если когда по внешности ласковы, то внутренне свирепствуют. О них-то некогда говорит Истина: *приходят к вам в одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы* (Мф. VII, 15). О противном всему этому нам необходимо надобно подумать, потому что мы посылаемся, *яко овцы посреде волков*, для того, чтобы, сохраняя чувство невинности, не подвергаться угрызению злобы. Ибо тот, кто занимает место проповедника, не должен наносить зла, но переносить оное, так чтобы ему самой своей кротостью укрощать гнев людей свирепых и чтобы лечить греховные раны у других, хотя бы сам был и ранен оскорблениями. И если иногда ревность правоты побуждает кого прогневаться на подчиненных, то самый гнев должен иметь основание в любви, а не в жестокости, так, чтобы соблюдать и внешние права вразумления, и внутренне любить отеческой любовью тех, которых, по внешности как бы преследуя, наказывает. Это начальствующий выполняет хорошо тогда, когда пристрастно не умеет любить самого себя, когда не желает ничего мирского, когда отнюдь не преклоняет выи души под тяжести земного наслаждения.

5. Поэтому и присовокупляется: *не носите влагалища, ни пиры, ни сапог: и ни когоже на пути целуйте*. Ибо у проповедника такое должно быть упование на Бога, чтобы он, совсем не занимаясь содержанием в настоящей жизни, знал однако же, что оно у него есть для того, чтобы, занимая ум свой временным, не потерять заботы о Вечном для других. Ему на пути не дозволяется даже приветствовать кого-либо для того, чтобы показать, с какой поспешностью должен быть продолжаем путь проповедничества. Если бы кто захотел разуместь эти слова иносказательно, то во влагалище бывают завязаны деньги, а завязанные деньги

суть сокровенная премудрость. Итак, кто имеет слово премудрости, но небрежет о передаче его ближнему, тот как бы деньги держит в мешке завязанными. Посему-то написано: *премудрость сокровена и сокровище не явлено, кая польза есть во обоих* (Сир. XX, 30)? Но что означается *пирою* (сумою), если не тяжести века? И что в этом месте означается *сапогами*, если не примеры мертвых дел? Итак, кто принимает обязанность проповедования, для того недостойно нести тяжесть обязанностей века сего, дабы, отягчив ею свою выю, не затрудниться в выпрямке ее для небесного проповедания. Он не должен смотреть на примеры дел глупых, дабы не думать, будто дела свои укрепляет мертвыми кожами. Ибо есть многие, которые свое нечестие защищают нечестием других. Поскольку, рассуждают они, то-то другие сделали, то думают, будто и им позволительно делать то же. Эти люди что другое делают, если не стараются укреплять ноги свои кожами мертвых животных? Но всякий, приветствующий на пути, приветствует по случаю пути, а не по усердию к желаемому спасению. Итак, кто проповедует слушающим о спасении не по любви к Небесному Отечеству, а по домогательству наград, тот как бы на пути приветствует, потому что по случаю, а не по усердию, желает спасения слушающим.

6. Далее следует: *в онъже аще дом внидете, первое глаголите: мир дому сему. И аще убо будет ту сын мира, почует на нем мир ваш; аще ли же ни, к вам возвратится*. Мир, преподаваемый устами проповедника, или почует в доме, если в нем будет сын мира, или возвращается к тому же проповеднику, потому что или будет кто-либо предопределен к жизни и последует небесному слову, которое слышит; или, — если никто не захочет слушать, — сам проповедник не останется

без плода, потому что мир к нему возвращается, так как награда от Господа воздается ему за труд делания.

7. Но вот Тот, Кто запретил носить суму и мешок, позволяет содержаться и питаться от той же проповеди. Ибо присовокупляется, *в том же дому пребывайте, ядуще и пьюще, яже суть у них: достоин бо есть делатель мзды своя*. Если мир наш принимается, то достойно, чтобы мы пребывали в том же самом доме, ядуще и пьюще, что есть у них, дабы иметь земное вознаграждение от тех, которым предлагаем награды Небесного Отечества. Поэтому и Павел, взирая на это самое, как на малость, говорит: *аще мы духовная сеяхом вам, велико ли, аще мы ваша телесная пожнем* (1Кор. IX, 11). И замечательно то, что присовокупляется: *достоин бо есть делатель мзды своя*, потому что уже в награду вменяются за делание самые средства содержания, дабы здесь началась та награда за труд проповеди, которая там дополняется видением Истины. В этом деле надобно размыслить о том, что за одно наше дело даются две награды: одна на пути, другая в Отечестве; одна поддерживает нас в труде, другая вознаграждает нас по воскресении. Итак, награда, получаемая нами в настоящее время, должна производить в нас то, чтобы мы усильнее стремились к награде следующей. Итак, каждый древний проповедник должен был не для того проповедовать, чтобы получить награду в этом времени, но для того получать награду, чтобы иметь силу проповедовать. Ибо кто проповедует для того, чтобы здесь получить награду или похвалы, или подарок, тот без сомнения лишает себя Вечной Награды. Но кто желает или тем, что он говорит, нравиться людям, для того, чтобы словами его возбуждалась любовь, не к нему, а к Богу, или полу-

чает земные награды в продолжение проповеди для того, чтобы от недостатка не утомиться в проповеди, тому, без сомнения, ничто не препятствует к получению награды в Отечестве, потому что на пути он взял только издержки.

8. Но что мы (чего, впрочем, без скорби говорить не могу), что мы, Пастыри, делаем, — мы, которые и награду получаем, и однако же отнюдь не делатели? — Потому что в ежегодную награду получаем плоды Св. Церкви, но для Вечной Церкви не трудимся проповеданием. Помыслим, какого осуждения достойно без труда получать здесь награду за труд. Вот мы живем от приношения верующих — но сколько мы трудимся для душ верующих? — Мы принимаем в награду свою то, что верующие принесли для искупления грехов своих, однако же не употребляем, как бы следовало, против тех же самых грехов усилия или молитвы, или проповеди. Едва находим кого-либо, открыто оправдывающим себя. И еще (что важнее), если иногда будет лицо, в мире сем могущественное, то, быть может, заблуждения этого человека превозносятся похвалами для того, чтобы он, если бы стали говорить противное, во гневе не лишил подарка, который давал. Но мы непрестанно должны помнить, что написано о некоторых: *грехи людей Моих снедят* (Ос. IV, 8). Почему же они называются снедающими грехи народа, если не потому, что поблажают грехам нечестивцев, дабы не лишиться временных наград? Но и мы, живущие от приношений верующих, делаемых ими за грехи свои, если едим и молчим, то, без сомнения, снедаем грехи их. Итак, помыслим, какой важности преступление перед Богом снедать цену за грехи и ничего не делать против грехов проповедью! — Послушаем, что говорится голосом блаженного Иова: *еще на мя когда зем-*

ля возстена, аще и бразды ея восплакашася вкупе; аще и силу ея ядох без цены (Иов. XXXI; 38, 39). Ибо земля вопиет против своего владельца тогда, когда Церковь справедливо восстает против своего пастыря. А бразды ее плачут, когда сердца слушающих, удобренные голосом проповеди и силою обличения от предшествующих отцов, видят нечто такое, что заставляет их плакать о жизни пастыря. Добрый владелец этой земли никогда не ест плодов с ней без денег, потому что благоразумный пастырь наперед платит талант слова, дабы не принимать от Церкви награды содержания к обвинению своему. Ибо мы тогда едим плоды от земли своей за цену, когда, принимая церковные пособия, трудимся в проповедании. Ибо мы проповедники будущего Судии. Итак, кто будет возвещать о грядущем Судии, если молчит проповедник?

9. Затем нам надобно подумать о том, чтобы каждый, сколько может, сколько достанет сил, старался возвещать заведываемой им Церкви и страх будущего Судии, и радость Царства. И кто не имеет достаточной силы одним и тем же голосом увещания убедить вместе всех, тот должен поодиночке настраивать каждого, сколько может, назидать частными разговорами, простым увещанием искать плода в сердцах детей своих.

Ибо мы непременно должны думать о том, что говорится Святым Апостолам, а через Апостолов и нам: *вы есте соль земли* (Мф. V, 13). Итак, если мы соль, то должны исправлять души верующих. Итак, вы, пастыри, подумайте, что вы пасете животных Божиих. Об этих-то именно животных говорится Богу через Псалмопевца: *животная Твоя живут на ней* (Пс. LXVII, 11). И часто мы видим, что камень соли кладется скотам одушевленным для того, чтобы они лизали этот камень соли и улучшались. Итак, священник в народе

должен быть подобен этому камню соли между скотами одушевленными. Ибо священнику необходимо надобно стараться о том, что говорить каждому порознь, чем увещевать каждого, приноровительно к его состоянию, для того, чтобы имеющий общение со священником был приправляем вкусом Вечной Жизни, как бы от прикосновения к соли. Ибо мы не соль земли, если не исправляем сердца слушающих. Эту приправу к кушанью доставляет ближнему именно тот, кто не лишает его слова проповеди.

10. Но мы истинно проповедуем другим правду тогда, когда проповеданное доказываем делами, когда мы сами бываем проникнуты Божественною любовью, и ежедневные пятна человеческой жизни, которая без виновности протекать никак не может, омываем слезами. Но мы тогда истинно сокрушаемся о себе, когда тщательно пересматриваем деяния предшествовавших Отцов для того, чтобы от очевидной славы их наша жизнь казалась нам презренной в собственных наших глазах. Тогда истинно сокрушаемся, когда тщательно исследуем заповеди Господни и стараемся сами себя усовершенствовать через то, через что уже усовершеншились, как мы знаем, те, которых мы почитаем. Посему-то написано у Моисея: *сей сотвори умывальницу медяну и стояло ея медяно из зерцал постниц, яже постишася у дверей Скинии свидения* (Исх. XXXVIII)*. Моисей поставляет медную умывальницу, в которой священники должны умываться, и входит во Свята Святых, потому что Закон Божий повелевает нам омываться через сокрушение для того, чтобы наша нечистота была не

* И по греческим числѣ стихам не положено^ж (Библия на церковно-славянском языке). В синодальном переводе из Септуагинты (греческого перевода Библии) — стих 8. (Прим. ред.).

недостойна к проницанию чистоты таин Божиих. Эта умывальница, — хорошо сказано, — сделана из зеркал постниц, которые постоянно находились при дверях Скинии. Потому что зеркала постниц суть Божии заповеди, в которые всегда смотрятся святые души и замечают, нет ли на них каких пятен нечистоты. Порочные помыслы исправляют, и как бы сияющие лица поправляют по отраженному изображению, потому что когда они тщательно вникают в заповеди Господни, тогда без сомнения узнают по ним, как то, что может в них нравиться Небесному Мужу, так и то, что не может нравиться. Они, доколе прибывают в этой жизни, никак не могут входить в Вечную Скинию. Впрочем, постницы пребывают при дверях Скинии, потому что святые души, даже тогда, когда еще тягостятся слабостью плоти, непрестанной любовью наблюдают за вступлением во вход вечный. Итак, Моисей устроил умывальницу для священников из зеркал женщин, потому что Закон Божий предлагает умывальницу сокрушения о пятнах грехов наших, когда дает нам видеть те Небесные Заповеди, которыми святые души благоугодили Верховному Жениху. Если мы прилежно смотрим на них, то замечаем пятна внутреннего нашего образа. А замечая пятна, мы сокрушаемся от скорби покаяния; сокрушаясь же, мы как бы умываемся в умывальнице из зеркал постниц.

11. Но в то время, когда мы сокрушаемся о себе, весьма необходимо иметь попечение и о жизни вверенных нам. Посему горесть сокрушения должна поражать нас так, чтобы не отклоняла, впрочем, от стражи ближних. Ибо что пользы, если мы, любя самих себя, оставим ближних? Или наоборот, что пользы, если мы, любя или ревнуя о ближних, оставим самих себя? — Ибо на украшение Скинии заповедуется пред-

ставлять червленицу, сугубо пряденую (Исх. XXV, 4), для того, чтобы пред очами Божьими наша любовь расцвечивалась любовью к Богу и ближнему. Но кто чисто любит Творца, тот истинно любит себя. Итак, червленица сугубо прядется тогда, когда душа воспламеняется любовью к себе и ближнему по любви к истине.

12. Но, между тем, нам надобно знать, что ревность о правоте против нечестивых дел ближних должна быть употребляема так, чтобы в горячности расправы отнюдь не уничтожалась добродетель кротости. Ибо гнев священника отнюдь не должен быть опрометчив и бурен, но должен быть умирям важностью намерения. Итак, мы должны и терпеть тех, которых исправляем, и исправлять тех, которых терпим для того, чтобы, в случае недостатка одного из этих двух (качеств), действие священника не выразилось или в раздражении, или в потворстве. Ибо поэтому-то, при устройении храма, на основаниях его изображены ваятельным искусством львы и волы, и Херувимы. Потому что Херувим есть полнота ведения. Но что значит, что на основаниях не поставляются ни львы без воллов, ни волы без львов? Ибо основание в храме что другое означает, если не священников в Церкви? Они, когда несут заботу об управлении, тогда, подобно основаниям, как бы держат наложенную на них сверху тяжесть. Итак, на основаниях изображаются Херувимы, потому что требуется, чтобы умы священников были преисполнены ведением. Но через львов изображается ужас свирепства, а через волов — терпение кротости. Итак, на основаниях не изображаются ни львы без воллов, ни волы без львов, потому что в священнической груди всегда должна быть сохраняема добродетель кротости вместе со страхом строгости для того, чтобы и гнев растворяла кротость, и ту же са-

мую кротость, дабы она не доходила до слабости, воспаляла ревность в управлении..

13. Но для чего мы об этом говорим, когда видим, что еще многие отягощаются делами жесточайшими? Ибо вам, Епископам, я говорю со слезами, потому что мы узнали, что некоторые из вас рукополагают за награды, духовную благодать продают и от чужих беззаконий со вредом греха собирают временные выгоды. Почему же не приходит на вашу память то, что глас Господень, заповедуя, говорит: *туне приясте, туне дадите* (Мф. X, 8)? — Почему не представляете пред очи ума вашего, что Искупитель наш, вошед во храм, седалища продающих голубей опрокинул и деньги у меновщиков рассыпал (Ин. II, 15-16) *? Ибо кто ныне в храме Божиим продавцы голубей, если не те, которые в Церкви принимают мзду за рукоположение? — Через это именно рукоположение низводится с небеси Дух Святой. Следовательно, продается голубь, потому что возложение руки, через которое приемлется Дух Святой, продается за деньги. Но Искупитель наш опрокинул седалища продавцов голубиных, потому что опроверг священство таких продавцов. Поэтому-то священные правила осуждают ересь симонийскую ** и повелевают лишать священства тех, которые за даруемые степени священства домогаются платы. — Итак, седалище продавцов голубиных

* *И сотворив бич от вервий, вся изгна из Церкви, овцы и волы; и торжником разсыта пенязи и дски опроверже; и продающим голуби рече: возмите сия отсюду и не творите дому Отца Моего дому купленаго.*

** Симония — по имени Симона Волхва — святотатство духовное, когда одни дают, а другие принимают священные должности не по достоинству, а из корыстных побуждений. Священные каноны строго преследовали симонию: посредников низвергали со

опрокидывается, когда те, которые продают духовную благодать или перед людьми, или перед очами Божиими, лишаются священства. В предстоятелях много есть и других зол, которые только скрываются от глаз человеческих. И большей частью священники выдают себя людям за святых, но не стыдятся оказываться гнусными в своих глазах, перед очами внутреннего Судии. Приидет, подлинно приидет тот день, — не далек он, — в который явится Пастырь Пастырей и выведет наружу дела каждого, и Тот, Кто через предстоятелей наказывает только преступления подчиненных, гневно осудит пороки предстоятелей лично Сам. Почему и вошед во храм, Он лично Сам сделал бич из веревок и, выгоняя из Дома Божия нечестивых торговцев, опрокинул седалища продавцов голубиных (Ин. II, 15-16); потому что, хотя Он преступления подчиненных наказывает через пастырей, но преступления пастырей наказывает лично Сам. Вот этому только люди не могут поверить, потому что оно совершается сокровенно. Подлинно приидет Тот Судия, перед Которым молчанием никто не может утаить себя, Которого запирательством обмануть невозможно.

14. Есть и другое, возлюбленнейшая братия, что в жизни пастырей меня тяжело огорчает, но дабы кому не показалось, быть может, обидным то, что я утверждаю, то я и себя равно обвиняю, хотя, будучи принужден необходимостью варварского времени, очень неохотно пребываю в этом. Ибо мы впали во внешние занятия, и одно приняли из чести, а другое выражаем обязанностью деятельности. Мы оставляем служение проповеди, и к наказанию нашему, как вижу, называемся

степени и должности, а мирян и монахов предавали анафеме.
(Прим. ред.)

Епископами, — мы, которые удерживаем имя чести, а не силу. Ибо те, которые нам вверены, оставляют Бога, а мы молчим. Они валяются в нечестии, а мы не прощаем к ним руки исправления. Ежедневно гибнут от многих беззаконий, а мы небрежно смотрим, как они стремятся в преисподнюю. Но когда мы можем исправить чужую жизнь, если небрежем о своей? Ибо занятые мирскими заботами, мы внутренне делаемся тем нечувствительнее, чем усерднейшими кажемся ко внешнему. Потому что душа от привычки к земной заботе делается нечувствительной к желанию небесного; и когда, по самой своей привычке, она делается твердой от влияния сего века, тогда она не может размягчаться к тому, что относится к любви Божией. Потому Святая Церковь хорошо говорит о слабых своих членах: *положиша мя стража в виноградех, винограда моего не сохраних* (Песн. 1, 5). Ибо виноградные лозы суть наши действия, которые мы совершаем в ежедневном нашем труде. Но будучи поставлены стражами *в виноградех*, мы не сохраняем нашего винограда, потому что, когда мы запутываемся во внешних действиях, тогда небрежем об исполнении нашего долга. Я, возлюбленная братия, думаю, что Бог ни от кого не терпит более, как от священников, когда видит, что те, которых Он поставил для исправления других, подают собой примеры нечестия, когда грешим сами мы, которые имеем обязанность обуздывать грехи. Часто, — что еще важнее, — священники, которые должныствовали бы раздавать свою собственность, похищают даже чужое. Часто они смеются, если видят кого живущим смиренно и воздержно. Итак, рассудите, что должно делаться со стадами, когда пастырями их бывают волки? Ибо принимают стражу над стадом те, которые не страшатся делать засады для стада Господня, от которых стада

Божии должны быть оберегаемы. Мы не желаем никакой пользы для душ, проводим каждый день в своих занятиях, желаем земного, напряженным умом домогаемся славы человеческой. — И поскольку мы, по тому самому, по чему мы превознесены над прочими, имеем большую свободу делать что-либо, то мы служение принятого благословения обращаем в повод к честолюбию, дело Божие оставляем, а занимаемся земными делами; занимаем место святости, а запутываемся в земных делах. Подлинно исполнилось на нас то, что написано: *и будет якоже людие, тако и жрец* (Ос. IV, 9). Ибо священник не различается от народа тогда, когда никакой заслугой не превосходит деятельности своего народа.

15. Призовем на помощь слезы Иеремии; пусть он обсудит смерть нашу и, плача, да говорит: *каким образом потемнело золото, изменился цвет прекрасный; разсыпались камни святилища во главе всех улиц (или площадей)* (Плач. V, 1)*. *Потемнело золото*, потому что жизнь священников, некогда сияющая славою добродетелей, ныне за низкие дела является неодобрительной. *Изменился цвет прекрасный*, потому что расположение к святости через земные и презренные дела дошло до безславия презрения. Но *камни Святилища* хранились внутри и не были взимаемы на грудь Первосвященника иначе, как тогда, когда он, входя во Святая Святых, являлся во Святилище Своего Создателя. Итак, мы, возлюбленнейшая братия, не *камни ли Святилища*, потому что обязаны всегда являться во Святилище Божиим, нам нет никакой необходимости быть видимыми отвне, т. е. быть видимыми во внешних делах? Но эти *камни Святилища разсыпались в*

* По Вульгате.

главе всех улиц (или площадей), потому что те, которые по жизни и молитве должны были бы быть всегда внутри, по нечестивой жизни проводят время на торжищах. Вот уже почти нет ни одного мирского дела, которым не занимались бы священники. Итак, когда поставленные в святое состояние занимаются внешними делами, тогда как бы *камни Святилища* лежат на дворе. Поскольку слово: *улица (или площадь)* с греческого означает широту, то камни Святилища бывают *на улицах (или площадях)* тогда, когда набожные люди идут широкими путями мира. Не только *на улицах (или площадях)*, но и *в главе всех улиц (или площадей)* *разсыпаны*, потому что и совершают дела мира сего по желанию, и однако же домогаются высшей почести по духовному званию. Итак, (камни Святилища) *разсыпались в главе всех улиц (площадей)*, потому что и лежат, не исполняя своей обязанности, и желают быть чтимыми за видимую святость.

16. Вы видите, каким мечом мир посекается, вы видите, от каких ежедневных преследований гибнет народ; за что это, если не преимущественно за нашу греховность? Вот города опустошены, лагеря рассеяны; Церкви и Монастыри разрушены, поля превращены в пустыню. Но виновниками смерти для гибнущего народа мы, которые должны были быть вождями его к жизни. Ибо за нашу греховность повержена толпа народа, потому что, по нашему нерадению, она не обучена была для жизни. Чем же мы назовем души людей, если не пищей Господа, когда они созданы для того, чтобы в теле Его переваривались, т. е. чтобы стремились к приумножению Вечной Церкви? Но приправою для этой пищи должны были быть мы. Ибо, как сказали мы несколько впереди, посланным проповедникам говорится: *вы есте соль земли* (Мф. V, 13). Итак,

если народ есть пища Божия, то приправой для этой пищи должны быть священники. Но поскольку когда мы перестаем употреблять святую проповедь и учение, соль теряет силу, то она не может приправлять пищи Божией, и потому не принимается Виновником то, что по нашей глупости не сберегается. Итак, подумаем о том, кто покался, будучи некогда обращен нашим словом, кто исправился в своем поведении от нашего выговора, кто оставил роскошь по нашему наставлению, кто бросил сребролюбие, кто гордость? Подумаем, какую пользу для Бога сделали мы, которые, по принятии таланта, посланы от Него на делание? Ибо Он говорит: *куплю дейте, дондеже прииду* (Лк. XIX, 13). Вот Он уже грядет; вот Он требует прибыли от нашей купли. Какую прибыль душ мы покажем Ему от своего делания? Сколько пригоршней душ представим пред Лицо Его от сеяния нашего слова?

17. Представим пред взоры наши тот страшный день, в который придет Судия и будет рассчитывать-ся со своими слугами, которым вверил таланты. Вот узрят Его в страшном величии среди сонмов Ангелов и Архангелов. На это величественное испытание будет приведено множество избранных всех, и нечестивых, и каждый объявит, что он сделал. Там явится Петр с обращенной Иудеей, ведомой им за собой. Там Павел, ведущий за собой, так сказать, целый мир. Там Андрей, там Иоанн, Фома, ведущие за собой пред лицо Царя своего; первый — Ахайю, второй — Азию, третий — Индию. Там явятся все овны стада Господня с прибылью душ, которые своими святыми проповедями ведут за собою к Богу преданное им стадо. Итак, когда перед взором Вечного Пастыря явится столько пастырей со стадами своими, тогда что скажем мы — несчастные, которые после служения ни с чем возвра-

щаемся к нашему Господу, которые носили имя пастырей, а не можем указать на овец, которых должны были бы воспитать? — Здесь мы называемся пастырями, а туда не приводим стада.

18. Но неужели, когда мы нерадим, и всемогущий Бог оставляет овец Своих? — Отнюдь нет, ибо Он лично Сам пасет их, как обещался через Пророка (Иез. XXXIV), — и всех, предопределенных к жизни, учит ударами вразумления, духом сокрушения. Хотя и через нас верующие приходят к святому очищению, благословляются нашими молитвами и через возложение наших рук принимают от Бога Святого Духа, однако же сами достигают до Царства Небесного, а мы, по нерадению своему, стремимся вниз. Избранные, очищенные руками священников, входят в Небесное Отечество, а сами священники нечестивой жизнью спешат к адским наказаниям. Итак, чему мы уподобим злых священников, если не воде Крещения, которая, омыв грехи крещенных, посылает их к Царству Небесному, а сама после стекает в нечистые места? Устрашимся этого, братия; да согласуется самое наше служение с нашим деланием! Будем ежедневно помышлять об отпущении грехов наших, дабы не оставалась преданной греху наша жизнь, через которую Всемогущий Бог ежедневно разрешает других от грехов. Будем непрестанно рассуждать, что такое мы, будем обсуживать свою должность, взвешивать тяжесть, которую приняли. Будем ежедневно давать самим себе те отчеты, которые дадим нашему Судии. И о себе мы должны иметь попечение так, чтобы не оставлять попечения и о ближнем, дабы всякий, кто имеет общение с нами, был приправлен солью нашего собеседования. Когда мы видим кого праздным и рассеянным, того должны увещевать, чтобы он постарался обуздать свое нечестие супружест-

вом, да научится тем, что позволено, препобеждать то, чего не дозволяется. Когда мы видим женатого, должны увещевать, чтобы он употреблял мирскую заботу так, чтобы не предпочитал ее любви к Богу, чтобы исполнял волю супруги так, чтобы не допустить неугодного Создателю. Когда видим клирика, должны увещевать его, дабы он жил так, чтобы показывать пример мирянам для того, дабы не страдало от его порока самое мнение о нашей Вере, если в нем справедливо что-либо будет замечено неодобрительного. Когда видим монаха, должны увещевать его, чтобы он всегда имел перед глазами уважение к своему званию: в делах, в разговорах, в помышлении своем, — для того, чтобы он совершенно оставил принадлежащее миру и нравом представлял пред взоры Божии то, что своим званием показывает взорам человеческим. Если кто уже свят, то да увещевается к возрастанию (в святости), а если кто еще нечестив, то да увещевается к исправлению себя так, чтобы имеющий общение со священником отходил от него приправленным солью слова его. Это, братие, вы тщательно обсуживайте сами с собою, это внушайте и ближним вашим; готовьте вы плод для представления всемогущему Богу от того служения, которое вы на себя приняли. Но то, что мы говорим, удобнее получим от вас молитвой, нежели словом.

Помолимся!

Боже, благоволивый наименовать нас пастырями в народе, сотвори, молим Тя, да имеем силу быть в очах Твоих тем, чем мы называемся на языке человеческого, Господом нашим * И. Христом, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков! Аминь.

* Окончание дополнено, как и в предыдущих беседах, на основании известного знака *etc* , т. е. и прочая.

БЕСЕДА XVIII,

говоренная в храме Св. Апостола Петра
в воскресный день.

Чтение Св. Евангелия: Ин. VIII, 45-59.

Во время оное, рече Иисус народу иудейскому и Первосвященникам: кто от вас обличает Мя о гресе; аще ли истину глаголю, почто вы не веруете Мне; иже есть от Бога, глаголов Божиих послушает; сего ради вы не послушаете, яко от Бога несте. Отвеща убо иудее и реша Ему: не добре ли мы глаголем, яко самарянин еси Ты и беса имаши; Отвеща Иисус: Аз беса не имам, но чту Отца Моею, и вы не чтете Мене. Аз же не ищу славы Моея: есть ища и судя. Аминь, аминь глаголю вам: аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать видети во веки. Реша убо Ему жидове: ныне разумехом, яко беса имаши: Авраам умре и Пророцы, и ты глаголеши: аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать вкусити во веки. Еда Ты болий еси отца нашего Авраама, иже умре; и Пророцы умроша: Кого Себе Сам Ты твориши? Отвеща Иисус: аще Аз славлюся Сам, слава Моя ничесоже есть: есть Отец Мой славяй Мя, Егоже вы глаголите, яко Бог наш есть. И не познасте Его, Аз же вем Его; и аще реку, яко не вем Его, буду подобен вам ложь; но вем Его и слово Его соблюдаю. Авраам отец ваш рад бы был, дабы видел день Мой: и виде, и возрадосая. Реша убо иудее к Нему: пятидесят лет не у имаши, и Авраама ли еси видел? Рече (же) им Иисус: аминь, аминь глаголю вам: прежде даже Авраам не бысть, Аз

есмя. Взяша убо камене, да вергут Нань: Иисус же скрыся и изыде из Церкви, прошед посреде их; и мимохождаше тако.

1. Представьте, возлюбленная братия, кротость Божию. Он пришел отпущать грехи, и говорил: *кто от вас обличает мя о гресе?* Не считаем недостойным доказывать из разума, что не грешник Тот, Кто силою Божества мог оправдывать грешников. Но весьма страшно то, что присовокупляется: *уже есть от Бога, глаголов Божиих послушает; сего ради вы не слушаете, яко от Бога несте.* Ибо, если слышит слова Божии тот, кто от Бога, а тот, кто не от Него, и слышать слов Его не может, то да спросит каждый самого себя: принимает ли он слова Божии ухом сердца и понимает ли, откуда он? Истина повелевает желать Небесного Отечества, умерщвлять пожелания плоти, чуждаться славы мира, не желать чужого, щедро раздавать свою собственность. Итак, да размыслит каждый из вас сам с собой, имел ли силу этот глагол Божий в слухе его сердца? И потому признает ли, что он от Бога? Ибо есть некоторые, которые заповедей Божиих не удостоивают слышания даже телесным слухом. И есть некоторые, которые хотя и принимают их телесным слухом, но не имеют никакого сердечного расположения к ним. И есть некоторые, которые охотно принимают слова Божии, но после времени слез возвращаются к нечестию. Подлинно не слышат слов Божиих те, которые презирают их на деле. Итак, возлюбленная братия, представьте жизнь вашу пред очи ума и с высоким размышлением убойтесь того, что слышится из уст Истины: *сего ради вы не слушаете, яко от Бога несте.* Но то, что говорит Истина о нечестивых, нечестивцы обнаруживают сами собою в

делах своих. Ибо затем написано: *отвещаша убо иудее и реша Ему: не добре ли мы глаголем, яко самарянин еси Ты и беса имаши.*

2. Но послушаем, что отвечает Господь на такие поношения. *Аз беса не имам, но чту Отца Моего, и вы не чтете Мене.* Поскольку самарянин значит — сторож, — и верно, тот Сторож, о Котором Псалмопевец говорит: *аще не Господь сохранит град, всеу бде стрегий* (Пс. СХХVI, 1), и Которому через Исаию говорится: *страж, что за эту ночь, страж, что за эту ночь* (Ис. XXI, 11)*, то Господь не благоволил отвечать: «Я не Самарянин», но: *Аз беса не имам.* Поскольку Ему сделано два порицания, то одно Он опроверг, а на другое молча согласился. Ибо он пришел Стражем рода человеческого; и если бы Он сказал, что Он не Самарянин, то отверг бы, что Он Страж. Но Он умолчал о том, на что согласился, и терпеливо опроверг то, что было сказано ложно, говоря: *Аз беса не имам.* Этими словами что другое приводится в замешательство, если не гордость наша? Она, хотя бы легко была затронута, воздает жесточайшими обидами, нежели, какие получила, делает зло, какое может, грозит и тем, которого сделать не может. Вот Господь, принимая обиду, не гневается, не отвечает поносительными словами. Если бы Он захотел отвечать говорящим тем же самым: *вы беса имате,* — то подлинно сказал бы истину потому, что если бы они не были обладаемы бесом, то не могли бы так нечестиво говорить о Боге. Но получив обиду, Истина не хотела говорить даже того, что было истинно для того, чтобы не показаться, будто Он сказал не истину, не вызванный отплатил поношением. Через это что внушается нам,

* По Вульгате.

если не то, чтобы мы в то время, в которое получаем ложные поношения от ближних, молчали даже о действительных пороках их для того, дабы должности справедливого исправления не обратить в оружие мщения? Но поскольку каждый, имеющий ревность Божию, подвергается безчестию от людей нечестивых, то пример терпения показал нам в Себе Самом Господь, Который говорит: *но чту Отца Моего, и вы не чтете Мене*. Но что при этом должно делать нам, еще увещевает нас примером, когда присовокупляет: *Аз же не ищу славы Моея, есть ища и судя*. Мы верно знаем, что Отец весь суд отдал Сыну, и однако же вот Тот же Сын, принимая оскорбления, не ищет славы Своей. Нанесенные оскорбления Он предоставляет суду Отца для того, чтобы подлинно внушить нам, сколько мы должны быть терпеливы, когда не хочет мстить за Себя даже Тот, Кто судит. Но когда развращение нечестивых возрастает, тогда проповедь не только не должна быть прерываема, но еще должна быть усиливаема. К этому увещевает нас примером Своим Господь, Который после того, как назван бесноватым, еще щедрее продолжает благодеяния Своей проповеди, говоря: *аминь, аминь глаголю вам: аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать видети во веки*. Но как для добрых необходимо, чтобы они от поношений делались еще лучшими, так нечестивые от благодеяния делаются всегда худшими. Ибо по выслушании слова, они опять говорят: *ныне разумехом, яко беса имаши*. — Поскольку они привязались к вечной смерти, и этой самой смерти, к которой привязались, не видали, то, имея в виду одну только смерть телесную, слепотствовали при слове истины, говоря: *Авраам умре и Пророцы, и Ты глаголеши: аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать вкусити во веки*. Поэтому они Авраама и

Пророков, как бы из почтения к ним, предпочитают самой Истине. Но нам ясно открывается, что те, которые не знают Бога, ложно чтут и слуг Его.

3. И замечательно, что Господь видит, что они явно противятся Ему; и однако же не перестает проповедовать им повторенным голосом, говоря: *Авраам отец ваш рад бы был, дабы видел день мой: и виде, и возрадовася* (Быт. XVIII, 1 и след). Ибо Авраам видел день Господень тогда, когда в образе Верховной Троицы гостеприимно принял трех Ангелов; по принятии их, он говорил к Троим так как бы к Одному; потому что, хотя в лицах есть число Троичности, однако же в естестве единство Божества, но плотские умы слушающих не возводят глаз выше плоти, когда в Нем рассматривают один только возраст плоти, говоря: *пятидесят лет не у имаша, и Авраама ли еси видел?* Искушитель наш благосклонно отвлекает их от взора на плоть Свою и влечет к созерцанию Божества, говоря: *аминь, аминь глаголю вам: прежде даже Авраам не бысть, Аз есмь*. Ибо *прежде* есть прошедшего времени, *Аз есмь* — настоящего. И поскольку Божество не имеет прошедшего и будущего времени, то Он не говорит: «Я был прежде Авраама», но: *прежде Авраама Аз есмь*. Поэтому и к Моисею говорится: *Аз есмь Сый. И рече: тако речеши сыном Израилевым: Сый посла мя к вам* (Исх. III, 14). Итак, Авраам имел: и *прежде*, и *после*, потому что мог и *наступить*, через присутствие свое, и *отступить* через течение жизни. Но Истина имеет *быть всегда*, потому что для Нее ни начинается что-либо прежним временем, ни кончается последующим. Но умы неверующих, не имея силы выдержать этих слов Вечности, берутся за камни, и Кого не могли понять, Того хотели замечать камнями.

4. Что же сделал Господь против неистовства мечущих камни, открывается через непосредственное призовокупление: *Иисус же скрыся и изыде из Церкви*. Весьма удивительно, возлюбленнойшая братия, почему скрытием Своим Господь отклонил от Себя преследователей Своих, тогда как если бы благоволил проявить могущество Божества Своего, мог бы тайным мановением ума связать во время их вержений камней или подвергнуть наказанию внезапной смерти? Но поскольку Он пришел страдать, то не хотел употреблять права суда. Известно, что Он перед самым временем страдания показал, какое имел могущество, и однако же претерпел то, для чего пришел. Ибо, когда Он гонителям Своим, ищущим Его, сказал: *Аз есмь* (Ин. XVIII, 6), тогда одним этим изречением поразил их гордость и всех поверг на землю. Следовательно, и в этом месте почему Тот, Кто мог избавиться от рук мечущих камни не скрываясь, — почему Он скрывается, если не потому, что Икупитель наш, соделавшись человеком среди людей, одно проповедал нам словом, а другое — примером? Что же говорит Он нам этим примером, если не то, чтобы мы, даже тогда, когда можем противопоставить силе силу, смиренно уклонялись от гнева гордящихся? Поэтому и через Павла говорится: *дадите место гневу* (Рим. XII, 19). Да взвесит человек, с каким смирением он должен убегать от гнева ближнего, когда Бог уклонился от неистовства раздраженных скрытием Себя! Итак, никто да не раздражается против выслушанных поношений, никто да не воздаст поношением за поношение. Ибо, по подражанию Богу, славнее молча избежать обиды, нежели победить ответом.

5. Но против этого гордость в сердце говорит: постыдно молчать по получении обиды. Кто видит, что

ты слышишь поношение и молчишь, тот подумает, будто ты терпишь, но сознаешься в преступлениях. Но от чего рождается этот голос в нашем сердце против терпения, если не от того, что мы во глубине души утвердили эту мысль, и когда ищем славы на земле, не заботимся о благоугождении Тому, Кто призывает нас с неба? Итак, по принятии поношения, обсудим на деле глас Божий: *Аз не ищу славы Моея: есть ища и судя*. Но написанное о Господе *скрыся* может быть разумеваемо и иначе. Ибо Он многое предсказывал иудеям, но они смеялись над словами предсказаний Его. От предсказания они сделались даже худшими, так что дошли до бросания камней. Что же Господь обозначает скрытием Себя, если не то, что самая Истина скрывается от тех, которые не хотят следовать словам ее? Потому что истина удаляется от того ума, в котором не обретает смирения. И как много ныне есть таких, которые осуждают ожесточение иудеев за то, что они не хотели слушать проповеди Господней, и однако же сами таковы для делания, каковы, по их обличению, те были для верования. Они слушают заповеди Господни, признают чудеса, но отказываются оставить свои беззакония. Вот Он зовет, а мы не хотим идти. Он терпит, а мы нерадим о Его терпении. Итак, братие, пока есть время, да оставит каждый свое нечестие; да устрашится терпения Божия, дабы после не подвергнуться неминуемому гневу Того, Кого, ныне Кроткого, он оставляет без внимания.

БЕСЕДА XIX,

говоренная к народу в храме Св. Мученика Лаврентия в
неделю 17-ю*.

Чтение Св. Евангелия: Мф. XX, 1-16.

*Во время оно, рече Иисус учеником Своим притчу
сию: подобно есть Царствие Небесное человеку домо-
виту, иже изыде купно утро няти делатели в вино-
град Свой. И советав с делатели по пенязю на день, по-
сла их в виноград Свой. И изшед в третий час, виде ины
стояща на торжищи праздны. И тем рече: идите и вы
в виноград Мой, и еже будет правда, дам вам. Они же
идоша. Паки же изшед в шестый и девятый час, сотво-
ри такоже. Во единыйже на десять час исшед, обрете
другия стояща праздны, и глагола им: что zde стоите
весь день праздни; глаголаша ему: яко никтоже нас
нят. Глагола им: идите и вы в виноград (Мой), и еже
будет праведно, примете. Вечеру же бывшу, глагола
господин винограда приставнику своему: призови дела-
тели и даждь им мзду, начен от последних до первых.
И пришедше иже во единый на десять час, прияша по
пенязю. Пришедше же первии, мняху, яко вящие при-
имут: и прияша и тии по пенязю. Приемше же ропта-
ху на господина, глаголюще, яко сии последнии един час
сотвориша, и равных нам сотворил их еси, понесшим
тяготу дне и вар. Он же отвещав рече единому их: дру-*

* В подлиннике напечатано: *Dominica Septuagesima*, т. е. в
неделю 70-ю. Но в целом году только 52 недели. Поэтому в
подлиннике, должно быть, опечатка.

же, не обижу тебе: не по пенязю ли совещал еси со мною; возми твое и иди. Хощу же и сему последнему дати, якоже и тебе. Или несть Ми лет сотворити, еже хощу, во своих Ми; аще око твое лукаво есть, яко Аз благ есмь. Тако будут последнии перви, и первии последни: мнози бо суть звані, мало же избранных.

1. Чтение Св. Евангелия для изъяснения своего требует многого разлагольствия, но я хочу, если смогу, говорить кратко для того, чтобы не обременить вас и продолжительной службой, и пространным изъяснением. Царство Небесное называется подобным хозяину, который для возделывания своего виноградника нанимает работников. Кто же справедливее удерживает это подобие с хозяином, если не Создатель наш, Который управляет созданными от Него, и Своими избранными распоряжается в сем мире так, как господин дома подчиненными ему? Он имеет виноградник, т. е. Вселенскую Церковь, которая от праведного Авеля до последнего избранного, имеющего родиться на кончине мира, столько произвела Святых, сколько произрастила как бы виноградных лоз. Итак, этот хозяин для обрабатывания своего виноградника рано поутру, в третий час, в шестой, девятый и одиннадцатый, нанимает работников, потому что от начала мира сего и до кончины его Он не перестает собирать проповедников для научения народа верующих. Ибо утро мира протекло от Адама до Ноя; а час третий — от Ноя до Авраама, шестой — от Авраама до Моисея, девятый — от Моисея до пришествия Господня, одиннадцатый же — от пришествия Господня до кончины мира. В этот час были посланы проповедниками Св. Апостолы, которые, пришедши поздно, получили полную награду. Итак, Господь для научения Своего на-

рода, как бы для обрабатывания Своего виноградника, ни в какое время не переставал посылать работников, потому что сперва через Патриархов, потом через Учителей Закона и Пророков, и, наконец, через Апостолов, когда Он исправлял нравы народа Своего, как бы трудился над обработкою виноградника через работников. Впрочем, в известной мере, или степени, в этом винограднике был работником каждый, кто с правой верой соединял добрые дела. Итак, делателем с утра означает тот древний еврейский народ, который от самого начала мира, стараясь через избранных Своих чтить Бога правою верою, как бы не переставал трудиться над обработкой виноградника. Но в одиннадцатый (час) призываются язычники, которым и говорится: *что где стоите весь день праздны?* Ибо те, которые в продолжение столь долгого времени мира не хотели трудиться для жизни своей, стояли как бы целый день праздны. Но обсудите, братия, что отвечают спрошенные, *глаголаша ему, яко никтоже нас нанял*; потому что к ним не приходил ни один Патриарх, ни один Пророк. И что значит говорить: *никто нас для труда не нанял*, если не то, что *нам никто не проповедовал о путях жизни?* Итак, что скажем в извинение свое мы, не творящие добра, мы, которые почти от чрева матери пришли к вере, которые слушали о словах жизни с самых колыбелей и с телесным млеком принимали от сосцов Св. Церкви питье высшей проповеди?

2. Но мы можем те же самые различия часов применить к каждому человеку по временам возрастов. Потому что утро есть детство нашего разумения. Под третьим же часом можно разуметь отрочество потому, что когда пыл лет возрастает, тогда как бы уже солнце восходит на высоту. Но шестой (час) есть юно-

шество потому, что когда в нем развивается полнота силы, тогда как бы солнце бывает на полудни. Под девятым же (часом) разумеется престарелость, в которую солнце как бы спускается с полуденной высоты, потому что этот возраст теряет уже жар юности. Одиннадцатый час есть тот возраст, который называется старостью, или дряхлостью. Почему греки весьма старых (людей) называют не стариками, а старцами (не ὑερονταῖς но πρεσβυτέρους) дабы внушить, что те более, нежели старики, которых называют глубокими старцами (prociatiores). Итак, поскольку к добродетельной жизни иной приводится с детства, иной — в юности, иной — в мужестве, иной — в престарелости, иной — в глубокой старости, то и называются они делателями в винограднике с различных часов. Посему, возлюбленнейшая братия, обратите внимание на свои нравы и посмотрите, делатели ли вы Божии. Пусть каждый обсудит, что он делает, и подумает, трудится ли он в винограднике Господнем. Ибо кто в этой жизни ищет только своего, тот еще не входит в виноградник Господень. Для Господа трудятся те, которые помышляют не о своей, а о Господней прибыли, которые имеют ревность любви, усердие к благочестию, деятельны в приобретении душ, спешат вести с собою и других к жизни. Ибо кто живет для себя, кто питается удовольствиями своей плоти, тот справедливо обличается в праздности, потому что не приносит плода Божественного делания.

3. Но кто пренебрег жизнью для Бога даже до последнего возраста, тот как бы до одиннадцатого часа простоял праздным. Поэтому справедливо стоящим без дела до одиннадцатого часа говорится: *что здесь стоите весь день праздны?* Ясно говорится как бы так: ежели вы не хотели жить для Бога в юности и муже-

стве, то, по крайней мере, опамятуйтесь в последнем возрасте; и хотя вы уже не способны много трудиться для путей жизни, однако же идите и поздно. Итак, хозяин зовет и таковых; и они большей частью получают воздаяние прежде, потому что переходят от тела к Царству прежде, нежели те, которые оказались призванными с самой юности. Не в одиннадцатый ли час приходит разбойник, который запоздал, хотя не по летам, но по наказанию, который на кресте исповедал Бога и почти с этим гласом исповедания испустил дух жизни? — Хозяин начинает выдачу динария с последнего, потому что к райскому успокоению разбойника привел прежде Петра. Сколько было отцов прежде Закона? Сколько — под Законом? — И однако же те, которые призваны в пришествие Господне, пришли в Царство Небесное без всякого замедления. Итак, те, которые потрудились с одиннадцати (часов), получают тот же самый динарий, которого с полным желанием ожидали трудившиеся с первого (часа); потому что равное воздаяние Вечной Жизни с призванными от начала мира получили те, которые пришли ко Господу на кончине мира. Поэтому те, которые долее трудились, с ропотом говорят: *сии последние един час сотвориша, и равных нам сотворил их еси, понесшим тяготу дне и вар*. Тяжесть дня и зной перенесли те, которые трудились от начала мира; и поскольку им довелось здесь жить долго, то по необходимости надобно было переносить и продолжительнейшие искушения плоти. Ибо для каждого перенесение тяжести дня и зноя означает утомление во время продолжительной жизни от зноя своей плоти.

4. Но можно спросить, каким образом подверглись ропоту те, которые поздно призваны к Царству? Ибо Небесного Царства никто из ропщущих не получает;

и никто не может роптать, кто получает. Но поскольку древние Отцы до пришествия Господня сколь праведно ни жили, не были введены в Царство, доколе не снизошел Тот, Кто отверз для людей обители рая посредством Своей смерти, то самый этот ропот их состоит в том, что они и праведно ради получения Царства отжили, и однако же долго не были допускаемы к получению Царства. Ибо кого, по совершенному правосудию, приняли хотя спокойные места адовы, тому подлинно было свойственно и утрудиться в винограднике, и пороптать. Итак, как бы после ропота получают динарий те, которые, после продолжительного пребывания в аде, перешли к радостям Царства. Мы же, которые пришли в одиннадцатом (часу), после труда не ропщем и получаем динарий, потому что после пришествия Посредника, грядущего в сей мир, вводимся в Царство тотчас, как только выходим из тела, и без замедления получаем то, что древние отцы заслужили получить с великой отсрочкой. Поэтому-то Тот же Хозяин и говорит: *хочу и сему последнему дати, якоже и тебе*. И поскольку самое получение Царства есть выражение благодати воли Его, то Он справедливо присовокупляет: *или несть Ми лет сотворити, еже хочу?* Ибо глуп вопрос человека против благоволения Божия. Поскольку надобно было бы жаловаться не на то, что Он не дает того, чем не должен, но на то, если бы Он не дал того, что должен был дать. *Аще око твое лукаво есть, яко Аз благ есмь*. Но пусть никто не гордится ни делом, ни временем, когда затем Истина взывает этой полной мыслью: *тако будут последнии перви, и первии последни*. Ибо вот мы, хотя уже знаем, что, или сколько, доброго мы сделали, но еще не знаем, с какою тонкостью будет испытывать это верховный Судия. И каждому должно ра-

доваться именно тому, чтобы в Царстве Божием быть даже последним.

5. Но после этого весьма страшно то, что следует: *мнози бо суть звани, мало же избранных*, потому что к вере приходят многие, а до Царства Небесного доводятся немногие. Ибо вот сколь много нас стеклось на сегодняшнее торжество, мы наполняем стены Церкви; и однако же, кто знает, сколь мало таких, которые могли бы причисленными быть к оному стаду избранных Божиих? Ибо вот голос всех вызывает ко Христу, но жизнь всех не вызывает. Многие на словах последуют Богу, а нравами бегут от Него. Посему-то Павел говорит: *Бога исповедают ведут, а дела отмещаются Его* (Тит. I, 16). Потому же и Иаков говорит: *вера без дел мертва есть* (Иак. II, 20, 26). Поэтому же через Псалмопевца Господь говорит: *возвестих и глаголах, умножишася паче числа* (Пс. XXXIX, 6). Ибо, по призыванию Господню, верующие умножаются *паче числа*, потому что иногда к вере приходят и те, которые не принадлежат к числу избранных. Ибо здесь они за исповедание причислены к числу верующих, но там за нечестивую жизнь не заслуживают причисления к части верующих. Эта овчарня Св. Церкви принимает в себя козлиц вместе с агнцами, но, по свидетельству Евангелия, когда приидет Судия, тогда отделит добрых от злых, как пастырь отделяет овец от козлиц (Мф. XXV, 32) *. Ибо те, которые здесь предаются удовольствиям своей плоти, там не могут быть причислены к овчему стаду. Там от участи смиренных Судия отлучает тех, которые здесь бодаются рогами гордости. Те не могут получить Царства Небесного, ко-

* *И соберутся пред ним вси языцы: и разлучит их друга, якоже пастырь разлучает овцы от козлиц.*

торые здесь, поставленные даже в Небесную Веру, полным желанием стремятся к земле.

6. И вы, возлюбленная братия, видите многих таковых внутри Церкви, но не должны ни подражать им, ни презирать их. Ибо сегодня мы видим, что он есть, но не знаем, чем каждый будет завтра. Большею частью, даже тот, кто, по видимому, идет позади нас, деятельностью в добром деле опережает нас; и едва мы завтра догоняем того, которому сегодня, казалось, мы предшествовали. Известно, что когда Стефан умирал за Веру, Савл стерег одежды побивающих его камнями. Следовательно, руками побивающих камнями метал камни сам тот, кто выставлял на позорище всех, опытных в метании камней; и несмотря на то, он трудами в Св. Церкви опередил того самого, которого преследованием соделал Мучеником. Итак, два предмета мы должны тщательно обсуждать. — Поскольку много званых, а мало избранных, то, во-первых, необходимо, чтобы каждый о себе думал не много; потому что, хотя он уже и призван к вере, однако же не знает, будет ли он удостоен Вечного Царства. Во-вторых, необходимо, чтобы каждый не смел отчаиваться в ближнем, которого, быть может, он видит валяющимся в пороках; потому что не знает богатства милосердия Божия.

7. Я вам, братие, рассказываю о событии, которое было недавно, для того, чтобы вы, когда видите решительных грешников, тем более благоговели перед милосердием Всемогущего Бога. — В текущем году в мой монастырь, находящийся подле Церкви Св. Мучеников Иоанна и Павла, приходит некий брат на покаяние; его с любовью приняли, но он еще с большей любовью нес покаяние (Разгов. кн. IV, гл. 38). За ним последовал в монастырь брат его по плоти, но не по

сердцу. Ибо весьма осуждая жизнь покаяния и содержание, он жил в монастыре как гость, и нравами удаляясь монашеской жизни, не мог он оставить монастырской жизни потому, что или не имел, чем заняться, или чем жить. Нечестие его было тягостно для всех, но все благодушно терпели его за любовь к брату его. Ибо он, будучи горд и непостоянен, не знал, будет ли еще какая жизнь после настоящего века, но смеялся над тем, если бы кто захотел ему проповедовать о ней. Итак, он жил в монастыре по обычаю века: ветрен на словах, непостоянен в движениях, надутый умом, щеголь по одежде, рассеянный по деятельности. Но в июле месяце, недавно протекшем, он был поражен болезнью той язвы, о которой вы знаете. Приближаясь к кончине, он начинает чувствовать необходимость умереть. И по предварительном уже омертвлении оконечных частей тела, оставалась жизненная сила в одной только груди и в языке. Братия собрались и охраняли исход его, сколько могли, по милосердию Божию, молитвою. Но он, вдруг видя что, идет дракон, чтобы сожрать его, громким голосом начинает кричать, говоря: «Я отдан на сожрание дракону, который не может сожрать меня по причине вашего здесь присутствия. Что вы для меня останавливаете его? Дайте место, чтобы ему можно было сожрать меня». И когда братия увещевали его ознаменовать себя крестным знамением, тогда он отвечал с силою, с какою мог, говоря: «Хочу перекреститься, но не могу, потому что дракон меня душит. Пена из пасти его застилает лицо мое, мое горло задушается его пастью. Вот мышцы мои им сжимаются, он уже и голову мою схватил в пасть свою». И когда он, бледнея и трепеща, и умирая, это говорил, тогда братия начали еще более усиливать молитвы, и своими молитвами помогать тес-

нимому от дракона. Тогда он, неожиданно освобожденный, начал громким голосом кричать, говоря: «Благодарение Богу, вот он отступил, вот он выходит; от ваших молитв бежит дракон, который схватил меня». Тотчас же он произнес обет служить Богу и быть монахом; однако же с того времени доселе он страждет лихорадками, мучится от болезней. Поскольку он был предан продолжительным и долговременным порокам, то и мучится продолжительным ослаблением, и жестокое сердце выжигает жесточайший огонь очищения. Ибо, по Божественному распоряжению, устроено, чтобы продолжительные пороки выжигала продолжительнейшая болезнь. Кто поверил бы, что он будет когда-либо сохранен для покаяния? Кто в состоянии обсудить такое милосердие Божие? — Вот нечестивый юноша при смерти видит того дракона, которому служил в жизни, видит не для того, чтобы совсем потерять жизнь, но для того, чтобы знать, кому служил, чтобы зная — противиться, противясь — победить его самого; и видит того, у кого прежде, не видя, был во власти, для того, чтобы после не быть уже у него во власти. Итак, какой язык в состоянии высказать непостижимое милосердие Божие? Какой ум не призадумается при таком богатстве любви? Об этом богатстве Божественной любви рассуждал Псалмопевец, когда говорил: *Помощник мой еси, Тебе пою: яко Бог Заступник мой еси, Боже мой, милость моя* (Пс. LVIII, 18). Вот он, обсуживая, в какие затруднения поставлена жизнь человеческая, наименовал Бога помощником; и поскольку он от настоящей напасти принимает нас в вечное успокоение, то называет еще Его *приемлющим к Себе**. Но рассуждая, что Он видит

* По Вульгате: *Заступник мой*=*Susceptor meus*.

наши пороки и терпит, виновности нашей снисходит, и несмотря на то через покаяние сохраняет нас к наградам, он не хотел назвать Бога милостивым, но называл Его самой милостью, говоря: *Боже мой, милость моя*. Итак, вспомним о тех пороках, которые мы учинили, взвесим, с какою благостью Бог терпит нас; размыслим, как непостижима любовь Его, так что Он не только щадит виновность, но и обещает кающимся Царство Небесное; — и от всех помышлений сердца *рцем*, каждый от себя, *рцем вси*: *Бог мой, милость моя*, — Ты, Который живешь и царствуешь, Троичный в Единстве, и Единый в Троичности, в безконечные веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XX,

говоренная к народу в храме Св. Иоанна Крестителя в четвертую субботу перед Рождеством Христовым.

Чтение Св. Евангелия: Лк. III, 1-11.

В пятое же надешате лето владычества Тиверия Кесаря, обладающу Понтийскому Пилату Иудеею, и четвертовластвующу Галилеею Ироду, Филиппу же брату его четвертовластвующу Итуреею и Трахонитскою страною, и Лисанию Авилиниєю четвертовластвующу, при Архиереи Анне и Каиафе, бысть глагол Божий ко Иоанну Захариину сыну в пустыни. И прииде во всю страну Иорданскую, проповедавая Крещение Покаяния во оставление грехов: якоже есть писано в книзе словес Исаии Пророка, глаголюща: глас вопиющаго в пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези Его. Всяка дебрь исполнится, и всяка гора и холм смирится; и будут стропотная в правая, и острии в пути гладки. И узрит всяка плоть спасение Божие. Глаголаше же исходящим народом креститься от него: порождения ехиднова, кто сказа вам бежати от грядущаго гнева? Сотворите убо плоды достойны покаяния: и не начинайте глаголати в себе: отца имама Авраама. Глаголю бо вам, яко может Бог от камня сего воздвигнути чада Аврааму. Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко убо древо не творящее плода добра посекается и во огонь вметається. И вопрошаху Его народи, глаголюще: что убо сотворим? Отвещав же глагола им: имеяй две ризе, да подаст неимущему; и имеяй брашна, такожде да творит.

1. В какое время получил слово проповедания Предтеча нашего Искупителя, это обозначается упоминанием об обладателе Римской Империей и владетелях Иудеей, когда говорится: *в пятое же надешате лето владычества Тиверия Кесаря, обладающу Понтийскому Пилату Иудеею, и четвертовластвующу Галилеею Ироду, Филиппу же брату его, четвертовластвующу Итуреею и Трахонитскою страню, и Лисанию Авилиниею четверовластвующу, при Архиереи Анне и Каиафе, бысть глагол Божий ко Иоанну Захариину сыну в пустыни.* — Поскольку он приходил проповедовать о Том, Кто долженствовал искупить некоторых из иудеев, а многих из язычников, то времена проповеди его означаются: Царем язычников и областеначальниками иудейскими. Но что язычество должно было быть собранным, а Иудея, за виновность в вероломстве, рассеяна, на это указывает самое даже описание земного владычества, потому что пишется, что в Римской Империи был один властитель, а в Иудейском царстве в четырех областях, правителями были многие. Ибо голосом нашего Искупителя говорится: *всяко царство само в себе разделяся запустеет* (Лк. XI, 17). Итак, ясно, что Иудея, подчиненная по разделению стольким областеначальникам, приближалась к кончине царства. Кстати, еще показывается не только то, что при каких областеначальниках это совершилось, но и при каких Первосвященниках. Поскольку Иоанн Креститель проповедовал о Том, Кто вместе есть Царь и Священник, то Евангелист Лука определил время проповеди его Царством и Священством.

2. *И прииде во всю страну Иорданскую, проповедаю Крещение покаяния во оставление грехов.* Всем читающим известно, что Иоанн не только проповедовал Крещение покаяния, но некоторым и сообщал оное,

но несмотря на то, он не мог сообщить своего Крещения во оставление грехов. Ибо оставление грехов даруется нам в одном только Крещении Христовом. Итак, надобно заметить выражение: *проповедуя Крещение во оставление грехов*; потому что он проповедал Крещение во оставление грехов, которого не мог даровать, с тем, чтобы, как он предшествовал проповедью воплощенному Слову Отчему, так своим Крещением, которым грехи не могут быть отпускаемы, предшествовал тому Крещению покаяния, в котором отпускаются грехи, для того, чтобы, как слово его предшествовало явлению Искупителя, так и самое Крещение его, предшествуя, было тенью истины. Далее следует:

3. *Якоже есть писано в книзе словес Исаии Пророка, глаголюща: глас вопиющего в пустыни: уготовайте путь Господень, правы творите стези Его* (Ис. XL, 3). Но тот же Иоанн на вопрос, кто он, отвечает, говоря: *аз глас вопиющего в пустыни* (Ин. 1, 23). Он, как выше сказано, назван от Пророка гласом потому, что предшествовал Слову. А о чем он вопиял, это открывается из последующего: *уготовайте путь Господень: правы творите стези Его*. Всякий проповедник правой Веры и добрых дел что другое приготовляет, если не путь Господу, грядущему к сердцам верующих, чтобы эта сила благодати проникла, чтобы воссиял свет истины, чтобы соделать для Бога стези правые, образуя в душе словом хорошей проповеди чистые помышления? — *Всяка дебрь исполнится, и всяка гора и холм смирится*. Что в этом месте означается именем *дебрей*, если не смиренные? Что — именем *гор*, если не гордые люди? Итак, по пришествии Искупителя, *дебри* наполнились, а *горы* и *холмы* понижены; потому что, по слову Его, *всяк возносяйся смирится, и смиряяйся вознесется* (Лк.

XIV, 11; XVIII, 14). Ибо засыпанная дебрь возвышается, а гора и холм, — скрытые, — умяляются; именно потому, что в Вере Посредника между Богом и людьми, Человека Христа Иисуса, и язычество получило полноту благодати, и Иудея, за ошибку вероломства, потеряла то, чем гордилась. Ибо всякий дол наполнится, потому что сердца смиренных, по слову святого учения, наполняются благодатью добродетелей, как написано: *посылай источники в дебрех* (Пс. CIII, 10). И поэтому опять говорится: *и долиа умножат пшеницу* (Пс. LXIV, 14). Ибо с гор стекает вода, потому что учение Истины совсем оставляет умы гордые. Но источники приподнимаются в долинах, потому что умы смиренных принимают слово проповеди. Мы уже видим, мы смотрим на долины, обилующие пшеницей, потому что пищей истины наполнены уста тех, которые, будучи кроткими и простыми, казались для мира сего презренными.

4. самого даже Иоанна Крестителя за то, что народ видел в нем дивную святость, считали той самой единственно высокой и твердой горой, о которой написано: *и будет в последняя дни явлена гора Господня, уготована над верхи гор* (Мих. IV, 1). Ибо думали, будто он Христос, как говорится у Евангелиста; *чающим же людям, и помышляющим всем в сердцах своих о Иоанне, еда той есть Христос?* И даже спрашивали его, говоря: *ты ли Христос* (Лк. III, 15)? Но если бы тот же Иоанн не был сам пред собою долиною, то не был бы исполнен духа благодати. Чтобы показать то, чем он был, он сказал: *грядет креплий мене вслед мене, Ему же несмы достоин преклонся разрешити ремень сапог Его* (Мк. 1, 7). И опять говорит: *имеяй невесту жених есть: а друг женихов, стоя и послушая его, радостию радуется за глас женихов. Сия убо радость моя испол-*

ния. *Оному подобает расти, мне же малитися* (Ин. III, 29-30). Вот он, когда по дивному совершению добродетелей был таков, что признаваем был за Христа, отвечает, что он не только не Христос, но и объявляет себя недостойным к развязыванию ремня у сапог Его, т. е. к исследыванию таинства воплощения Его. Те, которые думали, будто он Христос, веровали, что Церковь — невеста его. Но он говорит: *имеяй невесту жених есть*. Он как бы так сказал: я не жених, а друг жениха. Утверждал, что он радуется не за свой голос, но за голос жениха, ибо сердечно радовался не потому, что народ со смирением слушал его, говорящего, но потому, что сам внутренне внимал голосу истины, чтобы говорить перед народом. Он говорит, что эта радость исполнилась, потому что кто радуется за свой голос, тот не имеет полной радости. Поэтому он и присовокупляет: *Оному подобает расти, мне же малитися*.

5. В этом деле рождается вопрос: чем возрос Христос? Чем умалился Иоанн, если не тем, что народ, видя воздержание Иоанна, смотря на удаление его от людей, думал, что он Христос; а взирая на Христа, ядущего с мытарями, ходящего среди грешников, верил, что Он не Христос, а Пророк? — Но когда, впоследствии времени, и Христос, признаваемый за Пророка, признан за Христа, и Иоанн, признаваемый за Христа, стал известным, как Пророк, тогда исполнилось то, что предсказал о Христе Предтеча Его: *Оному подобает расти, мне же малитися*. Ибо во мнении народном и Христос возрос, потому что признан тем, чем был; и Иоанн умалился, потому что перестали называть его тем, чем он не был. Итак, и тот же Иоанн устоял в святости потому, что в смирении сердца продолжал ее; и многие пали потому, что стали высоко

думать о самих себе: поэтому справедливо сказано: *всяка дебрь исполнится, и всяка гора и холм смирится*, потому что смиренные принимают благодать, которую отталкивают от себя сердца гордых.

6. Далее следует: *и будут стропотная в правая, и острии в пути гладки*. Кривизны выпрямляются, когда сердца злых, извращенные неправдою, выправляются по мерилу правды (Ис. XL, 4). И неровные пути делаются гладкими, когда неукротимые и раздраженные сердца, под влиянием вышней благодати, делаются тихими и кроткими. Ибо, когда слово истины не принимается раздраженным сердцем, тогда как бы неровность пути замедляет шествие идущего. Но когда раздраженное сердце, через принятую благодать кротости, принимает слово исправления или увещания, тогда проповедник находит путь гладким там, где прежде, по жестокости пути, не имел возможности продолжать, т. е. пролагать шествие проповеди.

7. Затем следует: *и узрит всяка плоть спасение Божие*. Поскольку *всяка плоть* значит то же, что и всякий человек, то *спасения Божия*, т. е. Христа, всякий человек в этой жизни не мог видеть. Итак, куда Пророк в этой мысли устремляет взор пророчества, если не на день последнего суда? Там, при отверстии небес, при служении Ангелов, при соседении Апостолов, явится Христос на Престоле Славы Своея; все равно увидят Его, — и избранные и нечестивые, для того, чтобы и праведные бесконечно возрадовались дару воздаяния, и неправедные навечно застонали в отлучении наказания. Ибо, что эта мысль направлена на то, что узрит Его всякая плоть на последнем суде, справедливо присовокупляется: *глаголаше же исходящим народом креститься от него: порождения ехиднова; кто сказа вам бежати от грядущаго гнева? Ибо гряду-*

щий гнев есть внимание к последнему отмщению, которого тогда не может избежать тот грешник, который ныне не прибегает к слезам покаяния. И замечательно, что злые дети, подражающие действиям злых родителей, называются порождениями ехидниными, потому что они добрым завидуют, и их (добрых) преследуют, некоторым приписывают пороки, изыскивают вред для ближних, так как во всем этом они идут путями плотских предков, как бы ядовитые дети, рожденные от ядовитых родителей.

8. Но поскольку мы уже согрешили, поскольку привычкой мы сроднились со злом, то он должен сказать, что нам надобно делать для того, чтобы иметь возможность убежать от наступающего гнева. Далее следует: *сотворите убо плоды, достойны покаяния*. В этих словах надобно заметить, что друг Жениха увещевает приносить не только *плоды покаяния*, но и *достойны покаяния*. Ибо иное значит — приносить плод покаяния, а иное — плод, достойный покаяния. Ибо для того, чтобы говорить о плодах, достойных покаяния, надобно знать, что тому, кто не делал ничего недозволенного, справедливо дозволяется пользоваться дозволяемым; и он должен творить дела благочестия так, что если не захочет, может не оставлять того, что принадлежит миру. Но если кто впал в преступление блуда, или, быть может, — что еще важнее, — в прелюбодеяние, тот должен настолько отвергаться дозволенного, насколько помнит себя совершившим недозволенного. Ибо не равен должен быть плод доброй деятельности того, кто менее, и того, кто более грешит; или того, кто не впадал ни в какие преступления, и того, кто впал в некоторые, и того, кто впал во многие. Итак, по этому изречению: *сотворите убо плоды, достойны покаяния*, совесть каждого соглашается,

чтобы он тем более приобретал добрых дел через покаяние, чем важнейший нанес себе ущерб через преступление.

9. Но иудеи, гордящиеся благородством происхождения, не хотели признавать себя грешниками потому, что происходили от Авраама. Им-то справедливо говорится: *и не начинайте глаголати в себе: отца имамы Авраама. Глаголю бо вам, яко может Бог от каменя сего воздвигнути чада Аврааму*. Ибо что это были за камни, если не сердца язычников, нечувствительных к познанию Всемогущего Бога, так как и некоторым иудеям говорится: *исторгну каменное сердце от плоти их* (Иез. XI, 19)? И справедливо язычники названы *камнями*, потому что они поклоняются камням. Поэтому написано: *подобни им да будут творящии я, и вси надеющиися на ня* (Пс. СХІІІ, 16). От этих-то именно камней воздвигнуты чада Аврааму, потому что когда жестокие сердца язычников уверовали в семя Авраамово, т. е. во Христа, тогда они соделались чадами того, к Семени которого присоединились. — Поэтому и говорится тем же самым язычникам через верховного Апостола: *аще ли вы Христовы, убо Авраамле семя есте* (Гал. III, 29). Итак, если мы через веру во Христа соделались уже семенем Авраама, то иудеи за вероломство перестали быть чадами Авраама. А что в тот день Страшного Суда добрые родители не могут доставить пользы злым детям, об этом свидетельствует Пророк, говоря: *и аще будут среде ея Ной и Даниил и Иов, живу Аз, глаголет Адонаи Господь: ни сынове, ни дщери их спасутся, но токмо сии едины спасутся* (Иез. XIV, 14. 16). И наоборот, что добрые дети нимало не могут сделать пользы для злых родителей, и что доброта детей послужит к большему обвинению злых родителей, об этом Сама Истина лично говорит

неверующим иудеям: *аще Аз о Веельзевуле изгоню бесы, сынове ваши о ком изгонят; сего ради тии будут вам судии* (Лк. XI, 19).

10. Далее говорится: *уже бо и секира при корени древа лежит: всяко убо древо не творящее плода добра посекается и во огонь вметається*. Древо мира сего есть весь род человеческий. А секира есть наш Искупитель, Который, состоя как бы из рукоятки и железа, терпит по человечеству, а посекает по Божеству. Эта именно секира лежит уже при корени дерева, потому что, хотя она с терпением ожидает, однако же видно, что она будет делать. *Всякое убо древо, не творящее плода добра посекается и во огонь вметається*, потому что каждый нечестивец, который здесь не хочет приносить плода доброй деятельности, скоро находит огонь, приготовленный в геенне. И замечательно, он (Иоанн) говорит, что секира лежит не на ветвях, но при корени. Ибо, когда дети злых (людей) истребляются, тогда что другое (делается), если не ветви бесплодного дерева обсекаются? Но когда целое поколение вместе с родоначальником истребляется, тогда бесплодное дерево подсекается при корени, дабы уже не оставалось, откуда опять могло бы произрасти нечестивое племя. Известно, что этими словами Иоанна Крестителя потрясены были сердца слушателей, когда тотчас присовокупляется: *и вопрошаху его народи, глаголюще: что убо сотворим?* Ибо страхом были поражены те, которые просили совета.

11. Затем следует: *отвещав же глагола им: имеяй две ризе, да подаст неимущему; имеяй брашна, такожде да творит*. Поскольку нижняя одежда для нашего употребления более необходима, нежели верхняя, то для плода, достойного покаяния, требуется, чтобы мы разделяли с ближними не только все внешнее и менее

необходимое, но и самое весьма нужное для нас, т. е. или пищу, которою питаемся по плоти, или нижнюю одежду, которую носим. Поскольку в Законе написано: *возлюбиши ближняго своего, яко сам себе* * (Лев. XIX, 18), то оказывается, что тот не любит ближнего, кто с ним в нужде его не разделяет даже того, что себе необходимо. Итак, заповедь о разделении с ближними двух риз дается потому, что ее нельзя дать от одной, потому что если бы одна была разделена, то никто не был бы одет. Ибо в половинной одежде остаются нагими, — и тот, кто получил, и тот, кто дал. Но между тем надобно знать, какую цену имеют дела милосердия, когда они, паче других, предписываются для плодов, достойных покаяния. Поэтому-то Истина лично говорит: *дадите милостыню; и се, вся чиста вам будут* (Лк. XI, 41). Поэтому опять говорит: *дайте, и дастся вам* (Лк. VI, 38). Поэтому еще написано: *огнь горящ угасит вода, и милостыня очистит грехи* (Сир. III, 30). Поэтому и еще говорится: *затвори милостыню в клетех твоих, и та измет тя от всякаго озлобления* (Сир. XXIX, 15 **). Поэтому добрый отец увещевает невинного сына, говоря: *якоже тебе будет по множеству, твори от них милостыню: аще мало тебе будет, по малому да не убоишися творити милостыню* (Тов. IV, 8).

12. Но чтобы показать, коль великая добродетель в содержании и пропитании бедных, Искупитель наш говорит: *приемляй Пророка во имя Пророчо, мзду Пророчу приимет: и приемляй Праведника во имя Правед-*

* *Возлюбиши искренняго твоего яко сам себе.* (Мф. XXII, 39).

** Этот текст в латинском переводе читается так: *conclude cleemosynam in sinu pauperis, et haec pro te exorabit*; т. е. *Заключи милостыню в пазухе нищего, и она умолит за тебя.*

ничю, мзду Праведничу приимет (Мф. X, 41). В этих словах надобно заметить, что Он не говорит: *мзду за Пророка*, или: *мзду за Праведника*, но *мзду Пророчу*, и — *мзду Праведничу приимет*. Ибо иное значит: *мзду за Пророка*, иное — *мзду Пророчу*, и иное: *мзду за Праведника*, и иное — *мзду Праведничу*. Ибо что значит сказать: *мзду Пророчу приимет*, если не то, что содержащий от своей щедрости Пророка, хотя бы сам не имел пророчества, получит от Всемогущего Бога награды Пророческие? Потому что он, быть может, праведен, и чем беднее в этом мире, тем более имеет дерзновения говорить за правду. Когда он поддерживает того, кто в этом мире имеет что-либо (Божественное), и, быть может, еще не отказывается свободно говорить за правду, тогда он свободу свою делает участницей в правде того, дабы равно получить награды за правду вместе с тем, кому помог содержанием, поскольку ту же самую правду мог бы говорить и сам. Тот исполнен духа Пророчества, но имеет нужду в телесном пропитании. И если тело не поддерживается, то известно, что и самый голос слабеет. Итак, тот, кто дал пропитание Пророку потому, что он Пророк, сообщил ему силы пророчества к проповеданию. Следовательно, он вместе с Пророком получит награду Пророческую за то, чем он, хотя не был исполнен духа Пророчества, однако же выказал перед очами Божиими то, что помог. Поэтому-то о некоторых странствующих братьях говорится Гайю через Иоанна: *о имени бо Его (Христа) изыдоша, ничтоже приемлюще от язык. Мы убо должни есмы приимати таковых, да поспешницы будем истине* (3 Ин. 7, 8). Ибо тот, кто дает временные пособия имеющим духовные дарования, делается сотрудником в самых духовных дарованиях. Потому что когда мало тех, которые получают духов-

ные дарования, и много тех, которые изобилуют временным богатством, тогда богатые участвуют в добродетелях бедных тем, чем доставляют утешение этим святым бедным от богатства своего. Поэтому, когда Господь голосом Исаии обетовал оставленному язычеству, т.е. Св. Церкви, заслуги духовных добродетелей, как пустыне сад, тогда обетовал вместе и вяз, говоря: *положу пустыню во озера вод, и землю непроходимую в источники вод; дам в уединении кедр и терн, мирт и оливковое дерево; положу в пустыни ель, вяз и буквое дерево вместе, дабы видали и знали, и обдумывали и разумели равно* (Ис. XLI; 18, 20)*.

13. Господь положил пустыню в озера вод и непроходимую землю в источники вод, потому что на язычество, которое прежде, по сердечной сухости, не приносило никаких плодов добрых дел, пролил потоки святой проповеди, — и оно, — к которому прежде не было пути проповедникам, по причине жестокости от его сухости, — после произвело ручьи учения. Ему-то (язычеству), по великой обязанности, дается еще обетование: *дам в уединении кедр и терн* (там же ст. 19). Кедр мы справедливо принимаем в обетовании потому, что он имеет свойство запаха и негниения. Но о терне, — когда согрешившему человеку сказано: *терния и волчцы возрастит тебе* (Быт. III; 18), — что удивительного, если Св. Церкви предсказывается, что он за виновность разрастет для согрешающего человека? Но именем кедра означаются те, которые в своей деятельности выражают добродетели и знамения; которые имеют право говорить с Павлом: *Христово бла-*

* Перевод с Вульгаты, которого заменить славянским признаю неудобным потому, что дальнейшие мысли Св. Отца основаны на приведенном им тексте, а к славянскому переводу не вполне применимы.

гоухание есмы Бргови (2 Кор. II, 15). Сердца их утверждены в вечной любви так, что их уже не повредит никакая гнидость земной любви. Но через терн означены те мужи духовного учения, которые, рассуждая о грехах и добродетелях, то угрожая вечными наказаниями, то обещая радости Небесного Царства, уязвляют сердца слушающих; и так прободают сердца болезнью сокрушения, что из очей их текут слезы, как бы некая кровь души. Мирта же имеет силу связующую, так что разъединенные члены опять связывает. Итак, кто означены миртой, если не те, которые умеют сострадать несчастьям ближних и скорбь их умеряют состраданием? Поэтому-то написано: *Благословен Бог, утешаяй нас о всяцей скорби нашей, яко возможи нам утешити сущия во всяцей скорби* (II Кор. I, 4). Доставляя несчастным ближним слово или помощь утешения, они, без сомнения, связывают их с состоянием ровности, дабы от безмерной скорби не впали в отчаяние. — Но кого мы разумеем под оливковым деревом, если не милосердых? — Потому что и по гречески ελεος значит милосердие, и жидкость из оливкового дерева перед очами Всемогущего Бога представляется плодом милосердия. — К этому в обетовании еще присовокупляется: *положу в пустыни ель, вяз и буковое дерево* (Ис. XLI, 19). — Кто означен елью, которая, возрастая, поднимается в воздух на весьма большую высоту, если не те, которые в Святой Церкви, будучи еще в земных телах, созерцают уже небесное? И хотя они, по рождению, вышли из земли, однако же созерцанием парят по небу, выше пределов разума. И что выражено *вязом*, если не умы людей века сего? Занимаясь еще заботами земными, они не приносят никаких плодов духовных добродетелей. Но хотя *вяз* не имеет собственного плода, однако же он

обыкновенно способствует виноградной лозе приносить плод, потому что и люди века сего внутри Св. Церкви, хотя не имеют дарований духовных добродетелей, однако же, поддерживая святых мужей, исполненных дарованиями духовными, своей щедростью, что другое приносят, если не виноградную лозу с виноградными кистями? Но *буковое дерево*, — которое вверх не растет, хотя плода и не имеет, однако же имеет зелень — кого другого означает, если не тех, которые в Св. Церкви не могут еще творить добрых дел, по слабости возраста, однако же, подражая вере верующих родителей, содержат веру непрерываемой зелености. После всего этого, кстати, присовокупляется: *дабы видели и знали, и обдумывали, и разумевали равно*. Ибо *кедр* полагается в Церкви для того, чтобы кто слышит от ближнего запах добродетелей духовных, тот и сам не коснел в любви к Вечной Жизни, но воспламенялся к желанию Благ Небесных. *Терн* полагается для того, чтобы кто был уязвен словом проповеди его, тот и сам из примера его научился уязвлять словом проповеди сердца последующих. *Мирт* полагается для того, чтобы тот, кто в разгаре бедствия получил отраду утешения из уст или от помощи ближнего, и сам научился доставлять отраду своего утешения ближним, огорченным чем бы то ни было. *Оливковое дерево* полагается для того, чтобы тот, кто знает о делах чужого милосердия, научился, каким образом и сам он должен иметь сострадание к нуждающемуся ближнему. *Ель* полагается для того, чтобы тот, кто познал силу созерцания его, и сам возвышался до созерцания Вечных Наград. *Вяз* полагается для того, чтобы тот, кто видел человека, не могущего иметь плода духовных добродетелей, однако же поддерживающего тех, которые полны дарованиями духовными

ми, и сам, по возможности, был полезен для жизни Святых щедростью, и подражанием приносил те грозды Небесных Благ, которых не может приносить рождением. *Буковое дерево* полагается для того, чтобы рассуждающий, что многие, находясь еще в незрелом возрасте, имеют зелень истинной веры, и сам стыдился быть неверующим. Итак, хорошо описанным выше деревьям говорится: *дабы видели и знали, и обдумывали, и разумели*. В этом месте, кстати, еще присовокупляется: *равно*, потому что, когда в Св. Церкви различны нравы людей, различны и степени, тогда необходимо всем вместе учиться, если в ней вместе представляются для подражания духовные люди различного качества, возраста и степени. Но вот мы, желая указать на *вяз*, долго блуждали по многим виноградникам. Итак, возвратимся к тому, для чего мы привели свидетельство Пророка. *Приемляй Пророка во имя Пророчо, мзду Пророчу примет*, потому что *вяз*, хотя не имеет плода, однако же, поддерживая виноградную лозу с плодами, он сам усваивает себе то, что хорошо поддерживает в другом.

14. Но что Иоанн увещевает нас к великим подвигам, говоря: *сотворите убо плоды, достойны покаяния* (Мф. III; 8, Лк. III, 8), и опять: *имеяй две ризе, да подаст неимущему; имеяй брашна, такожде да творит* (Лк. III, 11), это уже ясно можно разуместь из того, что говорит Истина: *от дний же Иоанна Крестителя доселе Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. XI, 12). Эти слова Верховной Премудрости нам должно рассмотреть с особенным тщанием. Ибо надобно спросить: каким образом Царство Небесное может быть взято силою? Потому что кто может делать насилие небу? И еще надобно спросить: если Царство Небесное можно взять насилием, то по-

чему это насилие началось со дней Иоанна Крестителя, а не прежде? Но когда Закон гласит: если кто то или то сделает, смертью да умрет, тогда всем читающим ясно, что этот Закон поразил каждого грешника наказанием по своей строгости и не довел до жизни через Покаяние. Когда же Иоанн Креститель, предшествуя благодати Искупителя, проповедует покаяние для того, чтобы грешник, мертвый по виновности, ожил через обращение, тогда подлинно *от дней Иоанна Крестителя Царство Небесное берется насилием (нудится)*. Что же такое Царство Небесное, если не место Праведных? Ибо одним только Праведным предоставляются награды Небесного Отечества, чтобы смиренные, чистые, кроткие и милосердые достигали Высших Радостей. Когда же кто, или надутый гордостью, или оскверненный плотским беззаконием, или гневливый, или жестокий нечестивец, после виновности обращается к покаянию и получает Жизнь Вечную, тогда грешник становится на место как бы чужое. Итак, *от дней Иоанна Крестителя Царство Небесное берется силою, и сильные достигают онаго* потому, что тот, кто проповедал грешникам покаяние, чему другому научил их, если не насилию брать Царство Небесное?

15. Итак, возлюбленнейшая братия, помыслим о том зле, которое мы сделали и сокрушим самих себя непрестанным плачем. Наследство праведных, которого не удержали за собою жизнью, будем похищать покаянием. Всемогущий Бог желает терпеть от нас такое насилие. Ибо хочет, чтобы Царство Небесное, на которое мы не имеем права по своим заслугам, было восхищаемо нашими слезами. Итак, от верности надежды да не уклоняет нас никакое качество, никакое количество грехов наших. Великое упование на про-

щение представляет нам тот досточтимый разбойник, который досточтим не потому, что разбойник, — ибо разбойник он по жестокости, — а досточтим по исповеданию. Итак, подумайте, подумайте, сколь непостижимо милосердие во Всемогущем Боге. Разбойник оный, кровавыми руками удаленный от тесного пути, вздернут был на виселицу креста; на ней он произнес исповедание, на ней уврачеван, на ней заслужил услышать: *днесь со Мною будеши в раи* (Лк. XXIII, 43). Что же это такое? Кто может достаточно высказать и оценить такую благодать Божию? От самого наказания за преступления она переходит к наградам за добродетель. Но Всемогущий Бог попустил своим избранным пасть в некоторые преступления для того, чтобы показать надежду прощения другим, лежащим в беззаконии, если сии обратятся к Нему всем сердцем, а тем открыть путь к благочестию через слезы покаяния. Итак, будем упражнять самих себя в плаче, будем уничтожать слезами и плодами, достойными покаяния, содеянные нами преступления; да не тратятся времена, дарованные нам для исправления, потому что мы, взирая на многих, уврачеванных уже от своих беззаконий, что другое приобретаем, если не залог Верховного милосердия? — Итак, да будет Господу нашему И. Христу со Отцом и Св. Духом, честь и слава во все веки веков. Аминь.

БЕСЕДЫ НА ЕВАНГЕЛИЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРИЯ ДВОЕСЛОВА

в двух книгах,

переведенные с латинского языка на русский

Архимандритом Климентом.

КНИГА ВТОРАЯ

Санкт-Петербург.

типография С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

*с тем, чтобы по отпечатании предоставлено было в
Цензурный Комитет узаконенное число экземпляров.
С.-Петербург, 14 августа 1859 года.*

Цензор Архимандрит Феодор.

КНИГА ВТОРАЯ.

БЕСЕДА ХХІ,

говоренная к народу в церкви Пресвятой Девы Марии в
день Святой Пасхи.

Чтение Св. Евангелия: Марк. XVI, 1-7.

Во время оно, и минувшей субботе, Мария Магдалина и Мария Иаковля и Саломиа, купиша ароматы, да пришедши помажут Иисуса. И зело заутра во едину от суббот приидоша на гроб, возсиявшу солнцу, и глаголаху к себе: кто отвалит нам камень от дверей гроба; и возревши видеша, яко отвален бе камень: бе бо велий зело. И вшедши во гроб, видеша юношу сидяща в десных, одеяна во одеждоу белу: и ужасошася. Он же глагола им: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина распятаго: воста, несть zde: се, место, идеже положиша Его. Но идите, рцыте учеником Его и Петрови, яко варяет вы в Галилеи: тамо Его видите, якоже рече вам.

1) Я привык беседовать с вами, возлюбленная братия, во многих чтениях через посредника; но поскольку, по расстройству желудка, я сам не могу прочитать вам того, что надиктую, то замечаю, что некоторые из вас неохотно слушают. Поэтому ныне я хочу, против обычая, принудить самого себя, чтобы среди священнодействий Литургии чтение Св. Евангелия объяснять не через посредника, но через личное собеседование. Пусть же принимают так, как мы говорим, потому что голос собеседования более трогает

закосневающие сердца, нежели слово чтения, и как бы некой рукой тщания ударяет, чтобы они пробудились. И хотя я не предвижу, достанет ли у меня сил для этого дела, однако же, в чем отказывает неиспытанность, то дарует любовь. Ибо знаю, кто сказал: *разшири уста твою, и исполню я* (Пс. LXXX, 11). Следовательно, доброе дело у нас должно быть в воле, потому что оно будет совершено при помощи Божией. Дерзновение говорить дает нам даже высочайшее торжество воскресения Господня, потому что весьма неприлично языку плоти молчать о должных похвалах в тот день, в который воскресла плоть его Виновника.

2) Вы, возлюбленная братия, слышали, что св. Жены, последовательницы Господни, пришли на Его гроб с ароматами, и по человеколюбию служат даже мертвому Тому, Кого любили живого. Но это событие указывает на нечто такое, что надобно делать в св. Церкви. Так, необходимо нам слушать о том, что сделано, дабы подумать и о том, что по подражанию им, должно делать и нам. И если мы, веруя в Того, Кто умер, и исполняясь благоуханием добродетелей, с желанием добрых дел ищем Господа, то подлинно приходим на гроб Его с ароматами. Но те жены, пришедшие с ароматами, видят Ангелов; потому что именно те души, которые с благовониями добродетелей идут ко Господу через святые желания, созерцают вышних граждан. Впрочем, надобно заметить, что бы такое значило, что они видят Ангела сидящим на правой стороне. Ибо что означает левая стороной, если не жизнь настоящая, и что — правой, если не жизнь непрестающая? — Поэтому в Песни песней написано: *шуйца Его над главою моею, и десница Его обымет мя* (Песн. II, 6). Итак, поскольку Искупитель наш пере-

шел уже через повреждение настоящей жизни, то справедливо Ангел, пришедший возвестить о непрес-таемой жизни Его, сидел на правой стороне. Он явился одетым в белую одежду, потому что возвестил о радостях нашего торжества. Ибо белая одежда возвещает о блеске нашего торжества. Нашего ли, скажем, или своего? Чтобы сказать истину, скажем: и нашего, и своего. Потому что воскресение нашего Искупителя было и **нашим** торжеством, так как оно возвратило нас к бессмертию, и **Ангельским**, так как оно, воззвав нас к Небесному, дополнило число их (Ангелов). Итак, Ангел явился в белых одеждах в знак своего и нашего торжества потому, что когда мы через воскресение Господне возводимся к Небесным Жилищам, тогда уничтожаются нестроения в Небесном Отечестве.

3) Но послушаем, что говорится пришедшим женам. *Не ужасайтесь*. Ясно он говорит как бы так: «Пусть ужасаются те, которые не любят пришествия высших граждан; пусть ужасаются те, которые, будучи объаты плотскими пожеланиями, отчаиваются в возможности достигнуть сообщества с ними. Но вам бояться нечего, потому что вы видите сограждан своих». Поэтому и Матфей, описывая явление Ангела, говорит: *бе зрак его яко молния, и одеяние его бело яко снег* (Мф. XXVIII, 3). Ибо в молнии выражается ужас, а в снеге — прохлада белизны. Поскольку же Всемогуший Бог и страшен для грешников, и милостив для праведных, то Ангел, свидетель воскресения Его, справедливо является и в молниевидном зраке, и в белом одеянии для того, чтобы самым видом своим и нечестивых устрашить, и благочестивых обрадовать. Поэтому справедливо так же народу, странствовавшему по пустыни, столп огненный предшествовал

в ночи, и столп облачный предшествовал во дни (Исх. XIII, 21, 22). Ибо в огне — страх, а в облаке — тихое видение милосердия; день же есть жизнь праведного, а ночь принимается за жизнь грешника. Поэтому-то и обратившимся грешникам Павел говорит: *бесте бо иногда тма, ныне же свет о Господе* (Еф. V, 8). Итак, столп был показываем днем через облако, а ночью — через огонь потому, что Всемогущий Бог явится и милостивым — к праведным, и страшным — для неправедных. Первых Он, являясь на суд, утешит кротостью любви, а последних устроит определением правосудия.

4. Но послушаем, что еще присовокупляет Ангел, *Иисуса ищите Назарянина*. Иисус на латинском языке значит «спасительный», т. е. Спаситель. Но поскольку в то время многие могли называться Иисусами, — не по существу, а по имени, — то, чтобы сказать ясно, о каком Иисусе он сказал, присовокупляется: *Назарянина*. А затем тотчас присовокупляется и причина: *распятого*. Потом (Ангел) прибавил: *воста, несть zde*. Здесь говорится о присутствии плоти, а отнюдь не о присутствии Божества. *Но идите, рцйте учеником Его и Петрови, яко варяет вы в Галилеи*. Для нас рождается вопрос: почему после общего наименования учеников, Петр называется по имени? — Но если бы Ангел не назвал по имени того, кто отрекся от Учителя, этот не смел бы являться в среду учеников. Итак, он называется по имени для того, чтобы не отчаивался за отречение. В этом деле нам надобно размыслить (Разгов. 50, гл. 55): для чего Всемогущий Бог попустил испугаться вопроса служанки и отречься тому, кого предуставил быть Апостолом всей Церкви. Мы признаем, что это; по распоряжению Верховной Любви, сделано для того, чтобы имеющий быть пастырем

Церкви в своей виновности научился, до какой степени он долженствовал быть милосердным к другим. Итак, (Бог) показал его себе самому, а потом предположил над другими для того, чтобы он по собственной своей слабости знал, как милосердно он должен переносить слабости чужие.

5) Но хорошо говорится о Спасителе нашем: *варяет вы в Галилеи; тамо Его видите, якоже рече вам*. Ибо Галилея значит «сделанное переселение». Потому что Икупитель наш сделал переселение от страдания к воскресению, от смерти к жизни, от казни к славе, от повреждения к невредимости. И после воскресения ученики в первый раз видят Его в Галилеи, потому что мы славу воскресения радостно узрим после того, как только переселимся от пороков на высоту добродетелей. Итак, Он зрим бывает во гробе, а является в переселении потому, что Того, Кто познается в умерщвлении плоти, видят в переселении души. Это, возлюбленнойшая братия, сказали мы об объяснении Евангельского чтения, ради столь великой торжественности дня, но хочется сказать о той же самой торжественности нечто утонченное.

6) Ибо две было жизни, из которых одну мы знали, а другой не знали. Потому что одна смертная, другая — бессмертная; одна (жизнь) повреждения, другая — невредимости; одна — смерти, другая — воскресения. Но приходит Посредник Бога и человек — Человек Христос Иисус, и воспринимает одну, открывает другую. Одну кончил Он смертью, а другую показал воскресением. Итак, если бы он нам, знающим жизнь смертную, обещал воскресение плоти, и однако же видимо не явил его, то кто поверил бы Его обетованиям? — Поэтому Он, соделавшись человеком, явился во плоти, благоволил умереть волей, воскрес

могуществом, и примером показал то, что обещал нам в награду. Но, может быть, кто-либо скажет: по праву воскрес Тот, Кто, будучи Богом, не мог быть удержан смертью. Следовательно, к вразумлению нашего неведения, к подкреплению нашей слабости Он не хотел подать нам пример Своего воскресения. Один Он умер в то время; один Он, впрочем, и воскрес неподражаемо. Поскольку написано: *многа телеса усопших Святых восташа* (Мф. XXVII, 52), то уничтожены все возражения неверия. Ибо никто не говори, будто человек не может для себя надеяться того, что Богочеловек проявил в Своей плоти. Вот мы читаем, что с Богом воскресли люди и не сомневаемся, что они были люди чистые. Итак, если мы члены нашего Исккупителя, то должны ожидать совершения в нас того, что верно совершилось в Главе. Если мы многое отвергаем, то должны для себя, как последних членов, надеяться того, что слышали о высших Его членах.

7) Но вот приходит на память то, что буйные иудеи говорили Распятому Сыну Божию; *аще Царь Израилев есть, да снидет ныне со креста, и веруем в Него* (Мф. XXVII, 42). Если бы Он сошел тогда со Креста, уступая именно буйству, то не проявил бы для нас добродетели терпения. Но Он обождал немного, — перенес безчестия, выдержал насмешки, сохранил терпение, распространил удивление; и Тот, Кто не хотел сойти со Креста, воскрес из гроба. Итак, более значило — воскреснуть из гроба, нежели сойти со Креста. Более значило — поправить смерть воскресением, нежели сохранить жизнь сошествием со Креста. Но когда иудеи не видели Его, сходящим в удовлетворение буйству их со Креста, когда увидели Его умирающим, тогда подумали, будто они победили Его, обрадова-

лись, **будто** они **уничтожили имя Его**. — Но вот имя Его пронеслось по миру от той смерти, которою эта неверующая толпа думала уничтожить Его, и она, радовавшаяся убиению Его, скорбит о Мертвеце, потому что познает, что через казнь Он вошел в славу Свою. Дела Его хорошо предызображает, по сказанию Книги Судей (XVI, 1, 2, 3), Сампсон, который, вступивши в Газу, город Филистимский, тотчас обрадовал филистимлян, узнавших о прибытии его; они вдруг окружили город засадами, приставили стражей и уже радовались, будто они поймали мужественного Сампсона. Но мы знаем, что сделал Сампсон. В полночь он взял городские ворота и отнес их на вершину горы. В этом деле, возлюбленнойшая братия, этот Сампсон Кого предызображает, если не Икупителя нашего? Что значит город Газа, если не преисподняя? На что указывается через филистимлян, если не на вероломство иудеев? — Сии, когда увидели Господа мертвым и тело Его положенным во гроб, приставили туда стражу и радовались, будто они захватили, как бы Сампсона в Газе находящегося, и Того, Кто известен был, как Виновник жизни, задержанного в заклепах адовых. Но Сампсон в полночь не только вышел, но еще и ворота вынес, потому что Икупитель наш, воскреснув перед светом, не только вышел из ада, но и самые врата адовы разрушил. Унес ворота и взошел на вершину горы, потому что воскресением разрушил заклепы адовы, а вознесением проник в Царство Небесное. Итак, возлюбленнойшая братия, всей душой возлюбим ту славу воскресения Его, которая и прежде была показана в знамении, и после явлена в событии, и умрем с любовью к ней. Вот мы в воскресении Виновника нашего узнали служителей Его Ангелов, наших сограждан. Итак, поспешим к оному непрестаемому тор-

жеству этих граждан. С ними соединимся желанием и умом, доколе еще не можем (соединиться) видением. Переселимся от пороков к добродетелям, чтобы удостоиться видения в Галилеи Искупителя нашего. Да поможет нашему желанию Всемогущий Бог, Который за нас предал на смерть Единородного Своего Сына, Господа нашего Иисуса Христа, Который с Ним живет и царствует, — Бог в единстве со Святым Духом, во вся веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXII,

говоренная к народу в Церкви блаженного Иоанна, именуемой Константиновскою, в субботу после Пасхи.

Чтение Св. Евангелия: Ин. XX, 1-9.

Во время оно, во едину же от суббот Мария Магдалина прииде заутра, еще сущей тме, на гроб, и виде камень взят от гроба. Тече убо и прииде к Симону Петру и к другому ученику, егоже любляше Иисус, и глагола има: взяша Господа от гроба, и не вем, где положиша Его. Изыде же Петр и другой ученик и идяста ко гробу. Течаста же оба вкупе: и другой ученик тече скорее Петра и прииде прежде ко гробу. И приник виде ризы лежаща: обаче не вниде. Прииде же Симон Петр вслед его, и вниде во гроб, и виде ризы (едины) лежаща и сударь, иже бе на главе Его, не с ризами лежащ, но особь свит на едином месте. Тогда убо вниде и другой ученик, пришедый прежде ко гробу. и виде и верова. Не убо ведяху Писания, яко подобает Ему из мертвых воскреснути.

1) Расстроенный продолжительным напряжением желудок долго не позволял мне говорить вашей любви об изъяснении Евангельского чтения. Ибо самый голос от напряженного произношения слабеет; и поскольку я не могу быть слышим от многих, то, признаюсь, стыжусь говорить среди многих. Но эту стыдливость я и сам в себе укоряю. Что же? Неужели потому, что не могу быть полезным для многих, я не буду заботиться и о немногих? И если я не могу нести с ними

многих снопов, то неужели должен возвращаться на гумно с пустыми руками? Ибо, хотя я не имею силы нести столько, сколько должен, однако же понесу, по крайней мере, или два (снопа), или один. Ибо самое намерение немощи имеет уверенность в награде своей, потому что верховный наш Судия, хотя в воздаянии обсуживает тяжесть, однако же на весах оценивает и силы.

2) Чтение Св. Евангелия, которое теперь только вы, возлюбленная братия, слышали, весьма ясно по истории, но нам надобно кратко поискать таинств в нем. *Мария Магдалина прииде завтра, еще сущей тме, на гроб.* По истории означается время, а по таинственному смыслу означается мудрость ищущей. Ибо Мария искала во гробе Виновника всяческих, Которого видела мертвым по плоти; и поскольку не обрела Его, то подумала, не украли ли Его? Итак, была еще тьма, когда она пришла на гроб. Она побежала и возвестила ученикам. Но те скорее бежали, которые паче других любили, именно: Петр и Иоанн. *Течаста оба вкупе: и другий ученик тече скорее Петра, и прииде прежде ко гробу,* но не решился войти в него. Но Петр пришел после, и *вниде*. Что, братие, значит это «течение»? Неужели это описание столь глубокомысленного Евангелиста надобно считать не имеющим таинств? Нет. Ибо и Иоанн не сказал бы, что он и пришел прежде, и не вошел, если бы верил, что в самом страхе его не было таинства. Итак, что означается через Иоанна, если не синагога; что через Петра, если не Церковь? Не должно казаться удивительным, что через младшего означается, по сказанию, синагога, а через старшего — Церковь; потому что в отношении к Богопочтению, хотя синагога первее Церкви языков, однако же, по времени, первее множество язычников, не-

жели синагога, по свидетельству Павла, который говорит: *но не прежде духовное, но душевное, потом же духовное* (1 Кор. XV, 46). Итак, через старшего — Петра — означает Церковь язычников, а через младшего — Иоанна — синагога иудейская. Они побежали оба вместе, потому что от времени начала своего даже до падения, равным и общим путем, хотя не с равным и общим смыслом, язычество бежало с синагогой.

3) Синагога пришла прежде ко гробу, но не вошла; потому что, хотя она приняла заповеди закона, выслушала пророчества о воплощении и страдании Господа, однако же не захотела веровать в Умершего. Ибо Иоанн видит лежащие пелены, однако же не входит: именно потому, что синагога, хотя и познала таинства Св. Писания, однако же не согласилась верой войти в веру страданию Господню. И Того, о Ком долго пророчествовала, увидела перед глазами и отвергла; презрела потому, что Он человек, и не хотела веровать, что Он Бог, соделавшийся смертным по плоти. Итак, что же это, если не то, что она скорее прибежала и однако же при гробе стояла праздно́й. *Прииде Симон Петр вслед его, и вниде во гроб;* потому что шедшая вслед за нею Церковь язычников и познала, что Посредник Бога и человеков, Человек Иисус Христос, умер плотью, уверовала в живого Бога. *Виде ризы (едины) лежаща и сударь, иже бе на главе Его, не с ризами лежащ, но особь свит на едином месте.* Что это значит, братие, что плат с главы Господней находится во гробе не вместе с пеленами, если не то, что, по свидетельству Павла (1 Кор. XI, 3), глава Христу Бог, и непостижимые таинства Божества превышают сферу познания нашей слабости, и могущество Его превышает естество твари? И надобно

заметить, что он не только *особь*, но и *свитым* обретается *на едином месте*. Потому, что когда плат свивается, тогда не видно бывает ни начала, ни конца его. Итак, справедливо, плат, бывший на главе, обретен свитым, потому что высота Божества не имеет ни начала, ни конца: ни рождается через начало, ни стесняется пределом.

4) Но хорошо присовокупляется: *на едином месте*; потому что в разделении умов нет Бога. Потому что Бог в единстве, и иметь благодать Его заслуживают те, которые не отделяются друг от друга соблазнами сект. Но поскольку платом обыкновенно отирается пот трудящихся, то именем плата может быть выражен труд Бога, Который, хотя Сам в Себе всегда пребывает покойным и неизменяемым, однако же возвещает, что Он трудится, когда терпит грубые беззакония людей. Почему и через Пророка говорит: *Я утрудился, поддерживая* (Иер. VI, 11)*. Но Бог явился во плоти, утрудился от нашей слабости. Когда неверующие увидели этот труд страдания Его, тогда не захотели чтить Его. Ибо не хотели веровать, что безсмертен по Божеству Тот, Кого видели смертным по плоти. Поэтому и Иеремия говорит: *воздаси им, Господи, воздаяние по делом руку их. Воздаси им заступление, сердца моего труд* (Плач. III; 64, 65). Ибо для того, чтобы острия проповеди не проникли в сердца их, они, отвергнув труд страдания Его, держали тот же самый труд Его вместо щита для того, чтобы не позволять словам Его доходить до них тем, чем видели утрудившегося Его даже до смерти. Что же мы, если не члены нашей Главы, т. е. Бога? Итак, через полотно тела означаются связи трудов, кои ныне

* По Вульгате.

связывают всех избранных, т. е. членов Его. Следовательно, *сударь*, который был на главе Его, обретается отдельно потому, что самое страдание нашего Искупителя далеко было разъединено от нашего страдания; потому что Он невинно претерпел то, что мы терпим по виновности. Он добровольно благоволил подвергнуться той смерти, к которой мы приходим против желания.

5) Далее следует: *тогда убо вниде и другий ученик, пришедый прежде ко гробу*. Вошел последним тот, кто пришел первым. Надобно заметить, братие, что при кончине мира и иудея соберется к вере в Искупителя, по свидетельству Павла, который говорит: *дондеже исполнение языков внидет. И тако, весь Израиль спасется* (Рим. XI, 25, 26). — *И вниде, и верова*. Чему, братие, чему, должно думать, он поверил? Тому ли, что Господь, Которого он искал, воскрес? — Нет; потому что на гробе была еще тьма, и присоединенные слова противоречат этому, когда говорится: *не у бо ведяху Писания, яко подобает Ему из мертвых воскреснути*. Итак, что же он увидел и чему поверил? Он увидел лежащие пелены и поверил тому, что сказала женщина, — будто унесли Господа из гроба. В этом деле надобно обсудить величие Божественного домостроительства, потому что сердца учеников и разгораются до того, чтобы искать, и хладеют до того, чтобы не обрести; так как слабость души, измученная самой своей скорбью, и чище делается для обретения, и тем крепче держит, когда найдет, чем медленнее обретет то, чего искала.

6) Это вкратце, возлюбленнейшая братия, сказали мы о Евангельском чтении; теперь остается сказать что-либо о самом превосходстве толикого торжества. Ибо, как на священном языке, по величию своему,

называются: Святая Святых или Песни Песней, — так это торжество, по справедливости, может быть наименовано Торжеством Торжеств. Потому что из этого торжества показан нам пример воскресения, открыта надежда Небесного Отечества и уже наперед предуготована слава Вышнего Царства. Избранные Им (Воскресшим), которые, хотя и были покойны, однако же содержались в заклепах адовых, ныне переведены к наслаждениям рая. Что сказал Господь прежде страдания, то исполнил в Своем воскресении: *аще Аз вознесен буду от земли*, — сказал Он, — *вся привлеку к Себе* (Ин. XII, 32). Ибо Он всех привлек, потому что никого из избранных Своих не оставил в аде. Все привлек, как избранное. Ибо даже некоторых неверующих, и за свои преступления преданных вечным наказаниям, Господь, воскресая, предуготовил к помилованию; но исхитил из заклепов адовых тех, которых за веру и дела признал Своими. Поэтому Он справедливо говорит через Осию: *Я буду смертью твоею, смерть; Я буду угрызением твоим, аде* (Ос. XIII, 14)*. Ибо то, что мы умерщвляем, претворяем в ничтожество. А из того, что угрызаем, часть отрываем, а часть оставляем. Итак, поскольку Он в избранных Своих решительно убил смерть, то и соделался смертью смерти. Поскольку же из ада часть вывел, а часть оставил, то совсем не убил, но угрыз ад. Поэтому Он говорит: *Я буду твоею смертью, смерть*. Ясно говорит Он, как бы так: «Поскольку в избранных Моих Я тебя решительно истребляю, то буду твоею смертью; *Я буду угрызением твоим, аде*, потому что изведением их Я частию терзаю тебя». Итак, каково то торжество,

* По Вульгате, в которой написано: *ero mors tua, o mors; ero morsus tuas, inferne*.

которое разрушило заклепы адовы и отверзло нам двери Царства Небесного? — Надобно внимательно поискать наименования для него. Потребен особенный проповедник.

7) Послушаем, что он возвестит о ценности оного. Он говорит: *ибо Пасха наша за ны пожрен бысть, Христос* (1 Кор. V, 7). Итак, если Христос — Пасха, то надобно обсудить, что закон говорит о Пасхе, дабы вернее узнать, как эти слова прилагаются ко Христу. Моисей говорит: *приимут от крове и помажут на обою подвою и на прагах в домех, в нихже снут мясца тое. И снут мясца в нощи той печена огнем и опресноки с горьким зелием снут. Не снуте от них сурово, ниже варено в воде, но печеное огнем, главу с ногами и с утробю. Не оставите от него до утрия, огнем сожжете* (Исх. XII, 7 и след.). Здесь еще присовокупляется: *снуде же снуте е: чресла ваша препоясаны; и сапозы ваши на ногах ваших, и жезлы ваши в руках ваших: и снуте е со тцанием* (Там же, ст. 11)*. Все это дает нам великое назидание, если будет прояснено таинственным толкованием. Ибо что за Кровь Агнца, вы уже знаете, не по слуху, но по питию ее. Эта Кровь намазывается на *обоих подвоях*, когда приемлется не только устами телесными, но и устами сердечными. Ибо на той и другой *подвои* Кровь Агнца намазана, когда таинство

* *И пусть возьмут от крови Его и помажут на обоих косяках и на перекладине дверей в домах, где будут есть. Пусть съедят мясо его в сию самую ночь, испеченное на огне; с пресным хлебом и с горькими травами пусть съедят его; не ешьте от него недопеченного или сваренного в воде, но ешьте испеченное на огне, голову с ногами и внутренностями; не оставляйте от него до утра <...>, но оставшиеся <...> сожгите на огне. Ешьте же его так: пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших, и ешьте его с поспешностью /это — Пасха Господня/*

страдания Его устами приемлется для искупления, а напряженным умом — для подражания. Ибо кто принимает Кровь Икупителя Своего так, что еще не хочет подражать страданию Его, тот намазывает только на одной подвой ту кровь, которой должны быть намазаны даже пороги домов. Ибо что мы принимаем в духовном смысле за дома, если не души наши, в которых обитаем мысленно? В этом доме верхний косяк есть самое намерение, которое выше деяний. Итак, кто направляет намерение своего мышления к подражанию Господнему страданию, тот знаменует верхний косяк дома кровью Агнца. Или подлинно наши дома суть самые тела, в которых обитаем, доколе живем. И верхний косяк дома знаменуем кровью Агнца потому, что на челе носим крест страдания Его. О сем Агнце еще присовокупляется: *и снедят мяса в ночи той печена огнем* (Исх. XII, 8). Мы снедаем Агнца в ночи потому, что в таинстве принимаем тело Господне, не видя еще взаимно наших совестей. Впрочем, эти мяса должны быть испечены огнем именно потому, что огонь разрешает мяса, сваренные в воде, а те, которые огонь печет без воды, засушивает (крепит). Итак, мяса нашего Агнца испек огонь, потому что Его самая сила страдания соделала крепчайшим для воскресения и усилила к нетлению. Ибо кто укрепился от смерти, Того *мяса* окрепли именно от огня. Поэтому и через Псалмопевца Он говорит: *изше яко скудель крепость Моя* (Пс. XXI, 16). Ибо что такое скудель (черепица) перед огнем, если не мягкая грязь? От огня она делается твердой. Итак, крепость человечества Его высохла *яко скудель* (черепица), потому что от огня страдания возросла до крепости нетления.

8) Но для истинного торжества души недостаточно одних принятых таинств нашего Икупителя, если к

этому не присовокупляются еще и добрые дела. Ибо что за польза устами принимать Тело и Кровь Его, а развращенными нравами поступать напротив Ему? Поэтому к снедению хорошо еще присовокупляется: *и опресноки с горьким зелием снедят* (Исх. XII, 7). Поэтому что опресноки снедает тот, кто упражняется в добрых делах без тщеславия, кто исполняет заповеди о милосердии без примеси греха, дабы неправо не похищать того, что право раздает. И эту закваску греха примешивали к доброму своему деланию те, которым Господь с упреком говорил голосом Пророка: *внидос-те в Вефиль, и беззаконновасте* (Ос. IV, 4). И несколько после: *и приносите жертву хвалы от заквашенного* (ст. 5)*. Ибо от заквашенного приносит жертву хвалы тот, кто приготовляет жертвоприношение Богу из грабительства. Но полевые латуки весьма горьки. Итак, мяса Агнца должны быть снедаемы с полевыми латуками для того, чтобы мы, принимая Тело Искупителя, огорчались плачем о грехах своих, поскольку самая горечь покаяния должна очищать от желудка души влагу развратной жизни. Где и присовокупляется: *не снесите от них сурово, ниже варено в воде* (Исх. XII, 9). Вот уже самые слова истории отталкивают нас от разумения исторического. Неужели, возлюбленнейшая братия, оный израильский народ, находясь в Египте, привык снедать агнца сурово (сырого) так, чтобы закон ему гласил: *не снесите от них сурово?* — Где еще присовокупляется: *ниже варено в воде*. Но что значит вода, если не знание человеческое, потому что через Соломона говорится под голосом еретиков: *воду татьбы сладкую пийте* (Притч. IX, 17)? Что значат неваренные мяса Агнца, если не безрассудное и без бла-

* По Вульгате.

гоговейного размышления оставленное *Его человечество*? Ибо все, о чем мы тонко размышляем, как бы перевариваем умом. Но мясо Агнца не должно быть едено сырым, ни вареным в воде; потому что Искупителя нашего не должно признавать простым человеком, ни мыслить человеческой мудростью о том, как мог воплотиться Бог. Ибо всякий верующий, будто наш Искупитель есть простой человек, что другое снедает, как не сырые мяса Агнца, коих не хотел сварить размышлением о Божестве Его? А всякий, усиливающийся человеческой мудростью разгадать таинства воплощения Его, желает сварить мяса Агнца в воде, т. е. желает проникнуть в таинство домостроительства Его через подробное познание. Итак, кто желает славить торжество Пасхальной радости, тот не должен Агнца ни варить в воде, ни есть (Его) невареного, так чтобы не желать проникнуть в глубину воплощения Его человеческою мудростию, ни признавать за простого человека; но должен снедать мяса Агнца печеные, дабы ведать, что все устроится могуществом Св. Духа. Об этом еще справедливо говорится далее: *главу с ногами и со утробой* (снесет) (Исх. XII, 9); потому что Искупитель наш есть α (альфа) и ω (омега), именно: Бог предвечный и человек на конце веков. И как уже мы, братия, впереди сказали, что, по свидетельству Павла, научились, *что глава же Христу Бог* (1 Кор. XI, 3); следовательно, «снести главу Агнца» значит веровать в Божество Его. А «снедать ноги Агнца» значит последовать стопам Его человечества любовью и подражанием. Но что значат внутренности, если не сокровенные и таинственные заповеди слов Его? Их мы пожираем тогда, когда с жадностью принимаем слова жизни. Этим словом — *снеть* — что другое выражается, как не крайняя наша леность? — Мы и

сами по себе не вникаем в слова и таинства Его, и когда другие говорят о них, слушаем неохотно. — *Не оставите от Него до утрия* (Исх. XII, 10); потому что много есть изречений Его, которые со тщанием должны быть рассматриваемы, поскольку прежде, нежели настанет день воскресения, все повеления Его должны быть проникнуты разумением и исполнением в эту ночь настоящей жизни. Но поскольку весьма трудно уразуметь всякое священное изречение и постигнуть всякое таинство, то справедливо присовокупляется: *останки же от него до утра, огнем сожжете* (там же). Мы сожигаем останки от Агнца тогда, когда непонимаемое и непостижимое в таинстве воплощения Его смиренно предоставляем власти Св. Духа, дабы кто-либо по гордости не дерзал или презирать, или отвергать то, чего не понимает, но предоставляя это огню, предоставляя Св. Духу.

9) Итак, поскольку мы узнали, как должна быть снedaема Пасха, то теперь узнаем, кем она должна быть снedaема. Далее следует: *Сице же снесите е: чресла ваша препоясана* (Исх. XII, 11). Что разумеется под чреслами, если не услаждение плоти? Поэтому и Псалмопевец требует, говоря: *разжси утробы моя* (Пс. XXV, 2). Ибо, если бы он не знал, что услаждение похоти заключается в чреслах, то не стал бы и просить о сожжении утроб (внутренностей)*.

Итак, поскольку власть дьявола в роде человеческом особенно сильно действовала через похоть, то о нем гласом Господним говорится: *крепость его на чреслах* (его) (Иов. XL, 11). Посему, кто снedaет Пасху, тот

* Здесь Св. Отец основывает свое доказательство на латинском переводе текстов, которые в нем читаются так: чресла ваша препоясана — *renes uestros accingetis*; а *разжси утробы моя* — *ure renes meos*.

должен иметь препоясанные чресла для того, чтобы совершающий торжество воскресения и нетления не подлежал уже никакому повреждению через пороки, укрощал страсти, обуздывал похоть плоти. Ибо тот не познал, что за торжество нетления, кто через невоздержание подлежит еще тлению. Это для некоторых трудно, но тесны врата, ведущие к жизни (Мф. VII, 13). И мы уже имеем много примеров воздержных. Поэтому хорошо и еще присовокупляется: *сапоги ваши на ногах ваших* (Исх. XII, 11). Что суть ноги наши, если не дела? А что сапоги, если не кожи мертвых животных? — Но сапоги защищают ноги. Что же это за мертвые животные, кожами которых защищаются наши ноги, если не древние Отцы, которые прежде нас отошли к Вечному Отечеству? — Когда мы взираем на примеры их, тогда защищаем ноги нашего делания. Следовательно, иметь сапоги на ногах — значит взирать на жизнь умерших и беречь стопы свои от раны греховной. — *И жезлы ваши в руках ваших* (Там же). Что закон обозначает жезлом, если не пастырскую стражу? И замечательно, что прежде нам заповедуется препоясать чресла, а после — держать жезлы, потому что пастырское попечение должны принимать те, которые уже умеют укрощать порывы похоти в теле своем для того чтобы, когда они будут проповедовать трудное другим, сами решительно не подлежали изнеженным пожеланиям. Но хорошо еще присовокупляется: *и снесите е со тщанием* (с поспешностью) (Там же). Заметьте, возлюбленная братия, заметьте слово: *со тщанием* (с поспешностью). С поспешностью познавайте повеления Божии, таинства Искупителя, радости Небесного Отечества, и с поспешностью старайтесь исполнять заповеди жизни. Потому что сегодня мы знаем, что можно делать добро, но

можно ли завтра, не знаем. Итак, с поспешностью съедайте Пасху, т. е. с усилием помогайте торжества в Небесном Отечестве. Никто не должен медлить на пути сей жизни, дабы не потерять места в Отечестве. Никто не вмешивай замедлений в добрые желания, но всякий совершай начатое, дабы исполнить то, что начинается. Если мы не ленивы в любви к Богу, то нам помогает Сам любимый вами Господь наш Иисус Христос, Который живет и царствует со Отцом в единении Св. Духа, Бог через все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIII,

произнесенная к народу в Церкви Св. Апостола Петра на
другой день Пасхи.

Чтение Св. Евангелия: Лк. XXIV, 12-35.

*Во время оно, Петр же востав тече ко гробу и при-
ник виде ризы едины лежащая, и отиде, в себе дивяся
бывшему. И се, два от них беста идущия в тойже день
в весь отстоящу стадий шестьдесят от Иерусалима,
ейже имя Эммаус. И та беседоваста к себе о всех сих
приключшихся. И бысть беседующема има и совопро-
шающемася, и Сам Иисус приближився идяше с нима.
Очи же ею держастеся, да Его не познаета. Рече же к
нима: что суть словеса сия, о нихже стязается к себе
идуца, и еста дряхла; отвещав же един, емуже имя
Клеопа, рече к нему: ты ли един пришелец еси во Иеру-
салим, и не увидел бывших в нем во дни сия; и рече има:
ких; она же реста Ему: яже о Иисусе Назарянине,
Иже бысть муж Пророк, силен делом и словом пред
Богом и всеми людьми: како предаша Его Архиерее и кня-
зи наши на осуждение смерти и распяша Его. Мы же
надеяхомся, яко сей есть хотя избавити Израиля, но и
над всеми сими, третий сей день есть днесь, отнелиже
сия быша. Но и жены некия от нас ужасиша ны, быв-
шия рано у гроба: и не обретиша телесе Его, приидоша
глаголюще, яко и явление Ангел видевиша, иже глаголют
Его жива. И идоша нецыи от нас ко гробу и обретоша
так, якоже и жены реша: Самого же не видеша. И
той рече к нима: о, несмысленная и косная сердцем, еже*

веровати о всех, яже глаголаша Пророцы. Не сия ли подобаше пострадати Христу и внити в славу свою; и начен от Моисея и от всех Пророк, сказаше има от всех Писаний, яже о Нем. И приближишася в весь, в нюже идяста: и Той творяшеся далечайше ити. И нуждаста Его, глаголюще: облязи с нама, яко к вечеру есть, и приклонился есть день. И вниде с нима облеци. И бысть яко возлеже с нима, (и) приим хлеб благослови, и преломив даяше има. Онема же отверзостеся очи, и познаста Его: и Той невидим бысть има. И рекоста к себе: не сердце ли наю горя бе в наю, егда глаголаше нама на пути и егда сказоваше нама Писания; и воставша в той час, возвратистася во Иерусалим и обретоша совокупленных единонадесяте и иже бяху с ними, глаголющих, яко воистинну воста Господь и явился Симону. И та поведаста, яже быша на пути, и яко познася има в преломлении хлеба.

1) Вам, трудящимся в ежедневном праздновании, надобно говорить понемногу: и быть может, это полезнее, потому что часто и пища, которой недостаточно, принимается с большей жадностью. Итак, я решился объяснять смысл Евангельского чтения вообще, а не каждое слово, дабы пространное слово объяснения не могло обременить любви вашей. Вот вы, возлюбленнейшая братия, слышали, что Господь явился двум ученикам на пути, хотя еще не верующим, однако же беседующим о Нем, но не показал им вида, который они узнали бы. Итак, Господь совне, пред очами телесными, сделал то, что происходило у них внутри, пред очами сердечными. Ибо они внутри самих себя и любили, и сомневались, а Господь совне и присущ был им, и не открывал, кто Он. Итак, Он беседующим им о Нем явил Свое присутствие, а от сомневающихся в

Нем сокрыл образ познания Его. Хотя произнес слова, упрекнул в упорстве разума, открыл тайны Св. Писания о Себе Самом; и однако же притворился, будто идет далее, потому что в сердцах их был еще далек от веры. Ибо мы говорим, что притворяться — значит приравнивать одно к другому, почему и приравнителей грязи мы называем горшечниками^{*}. Итак, простая Истина через двойкость ничего не сделала, но явила им себя в теле такой, какой была у них в уме. Но надобно было испытать: если те, которые еще не любили Его как Бога, то, по крайней мере, могли ли они любить Его как путешественника. Но поскольку не могли быть чужды любви те, с которыми шествовала Истина, то они приглашают Его, как Странника, в гостиницу. Но для чего мы говорим «приглашают», когда там написано: *и нуждается Его?* Из этого именно примера выходит заключение, что странники не только должны быть против воли заводимы в гостиницу, но и влекомы туда. Они (путешественники в Эммаус) поставляют трапезу, предлагают пищу, и — Бога, Которого не узнали по изъяснению Св. Писания, узнают в преломлении хлеба.

2) Итак, слушая заповеди Божии, они не просветились, а исполняя их, просветились; потому что написано: *не слышатели бо закона праведни пред Богом, но творцы закона, (сии) бо оправдятся* (Рим. II, 13). Посему, кто хочет разуместь слышанное, тот должен поспешать исполнением на деле того, что уже мог разуместь. Вот Господь не узнан, когда говорит, и сподобил узнать Себя, когда начинал есть. Итак, возлюб-

^{*} На русском языке эта мысль темновата, но на латинском составляет красоту. Там читается так: *fingere namque componere dicimus; unde et compositores luti figulos nocamus.*

леннойшая братия, гостеприимство возлюбите, к делам любви прилежите. Поэтому-то и через Павла говорится: *братолюбие да пребывает (в вас). Страннолюбия не забывают: тем бо не ведяще нецыи странноприяша Ангелы* (Евр. XIII, 1, 2). Поэтому-то Петр говорит: *страннолюбцы друг ко другу без роптаний* (1 Пет. IV, 9). Поэтому-то Сама Истина говорит: *странен бех, и введосте Мене* (Мф. XXV, 35). Вот событие, стоящее внимания и нам от старцев преданное: некоторый хозяин дома со всем своим домом, был очень странноприимен; и поскольку он каждодневно принимал странников к своей трапезе, то в один день приходит странник, и приглашен к трапезе. И когда хозяин дома, по обычному смирению, хотел было влить воду на руки его, обратившись, взял кувшин, вдруг не нашел того, на чьи руки хотел он влить воду. И когда он сам с собою удивлялся этому событию, в ту же ночь Господь в видении сказал ему: «В прочие дни ты принимал Меня в членах Моих, а вчерашний день ты принял Меня лично». Вот Грядущий на суд скажет: *понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. XXV, 40). Вот прежде суда, принимаемый в членах Своих, Он и лично Сам отыскивает Своих приемателей; и несмотря на то, мы ленивы на радушие гостеприимства. Принимайте Христа за трапезы ваши для того, чтобы вам иметь достоинство быть принятыми на Вечные Пирь. Доставляйте только странствующему Христу гостиницу, дабы Он на суде не не знал вас, как странников, но принял в Царство, как Своих, при помощи Его Самого, Который живет и царствует, — Бог во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIV,

говоренная к народу в храме
блаженного Лаврентия-мученика на четвертый день
Праздника Пасхи.

Чтение Св. Евангелия: Ин. XXI, 1-14.

Во время оно, посем явился паки Иисус учеником (своим, встав от мертвых,) на мори Тивериадстем. Явился же сице: бяху вкупе Симон Петр, и Фома нарицаемый близнец, и Нафанаил, иже (бе) от Каны Галилейския, и сына Зеведеова, и ина от ученик Его два. Глагола им Симон Петр: иду рыбы ловити. Глаголаша ему: идем и мы с тобою. Изыдоша (же) и вседоша абие в корабль, и в ту ночь не яша ничесоже. Утру же бывшу, ста Иисус при бреге: не познаша же ученицы, яко Иисус есть. Глагола же им Иисус: дети, еда что снадно имате; отвещаша Ему: ни. Он же рече им: вверзите мрежу о десную страну корабля и обрящете. Ввергоша же и ктому не можасху привлеци ея от множества рыб. Глагола же ученик той, егоже любляше Иисус, Петрови: Господь есть. Симон же Петр слышав, яко Господь есть, епендитом препоясая, бе бо наг, и ввержеся в море. А друзии ученицы кораблем придоша, не беша бо далече от земли, но яко две сте лактей, влекуще мрежу рыб. Егда убо излезоша на землю, видеша огонь лежащ и рыбу на нем лежащу и хлеб. (И) глагола им Иисус: принесите от рыб, яже ясте ныне. Влез (же)*

* Епендит — нижняя или верхняя одежда.

Симон Петр, извлече мрежу на землю, полную великих рыб сто (и) пятьдесят (и) три: и толико сущим, не проторжесея мрежа. Глагола им Иисус: приидите, обедуите. Ни един же смеяше от ученик истязати Его: ты кто еси; ведяще, яко Господь есть. Прииде же Иисус, и прият хлеб и даде им, и рыбу такожде. Се уже третье явися Иисус учеником Своим, встав от мертвых.

1) Чтение Св. Евангелия только что произнесенное в услышание ваше, братья мои, побуждает ум к вопросу, а побуждением своим указывает на силу решения. Ибо можно спросить: почему Петр, бывший до обращения рыбарем, возвращается к рыболовству после обращения; и когда Истина говорит: *никтоже возложь руку свою на рало и зря вспать, управлен есть в Царствии Божии* (Лк. IX, 62), почему он возвратился к тому, что оставил? Но если силу решения вы видите, то скорее, кажется, потому именно, что безгрешное до обращения повторять и после обращения было делом безгрешным. Ибо мы знаем, что Петр был рыбарь, а Матфей — мытарь; и после обращения своего, Петр возвратился к рыболовству, но Матфей не возвращался к должности мытаря (о Покаян. разс. 5, гл. 7); потому что иное значит приобретать содержание через рыболовство, а иное приобретать деньги выгодами мытаря. Ибо есть много занятий, которые или едва могут быть исполняемы без грехов, или решительно не могут. Поэтому к тем, которые запутывают во грехе, по необходимости душа не должна возвращаться после обращения.

2) Еще можно спросить: почему во время ученических трудов на море Господь, по воскресении Своем, стоял на берегу, тогда как Он до воскресения Своего

шествовал к ученикам по волнам моря (Мф. XIV, 25)? — Причина на это будет открыта скоро, если будет обсуждена та самая причина, которая тогда существовала. Ибо что означает море, если не настоящий век, который волнуется движениями причин и волнами житейскими? — Что изображается неподвижностью берега, если не непременяемая вечность покоя? Итак, поскольку ученики еще находились в волнах смертной жизни, то они трудились на море. А поскольку Искупитель наш стал уже выше повреждения плоти, то после воскресения Своего стоял на берегу. Он делами говорил ученикам о самом таинстве воскресения Своего, как бы так говоря: Я уже не являюсь вам на море, потому что не нахожусь вместе с вами в волнах беспорядка. Поэтому в другом месте после воскресения Своего Он говорит тем же ученикам: *сия суть словеса, яже глаголах вам еще сый с вами* (Лк. XXIV, 44). Ибо Он не был с теми, которым телесно являлся в настоящее время, однако же отрицает, что Он с теми, от смертного тела плоти которых имел расстояние безсмертия. Как там, находясь вместе с ними, признается, что Он не с ними, так и здесь показывает положением тела, что Он уже на берегу, а они еще плавают.

3) Но ученикам в ловле попущена великая неудача для того, чтобы при явлении Учителя было чрезвычайное удивление. Он тотчас сказал: *вверзите мрежу о десную страну корабля и обрящете*. Два раза в Св. Евангелии читается, что Господь повелевал закидывать мрежу для рыбной ловли, именно: до страдания и по воскресении. Но прежде нежели Искупитель наш пострадал и воскрес, Он, хотя и повелевает закидывать мрежи для рыбной ловли, но не повелевает, с правой ли стороны, или с левой они должны быть закинуты; но по воскресении являясь ученикам, Он повеле-

вает закинуть мрежу с правой стороны. — На той ловле много поймано, но мрежи проторгались *, а на этой и много поймано, и мрежи остались неповрежденными. Кто же не знает, что правая сторона представляет добрых, а левая — злых? — Итак, та рыбная ловля, на которой не было дано определенного повеления, с которой стороны закинуть мрежу, означает настоящую церковь, которая собирает вместе и добрых и злых, и не разбирает тех, которых привлекает, потому что не знает, кого и выбрать можно. Эта же рыбная ловля, совершившаяся после воскресения Господня, произведена с одной только правой стороны, потому что к видению славы прославления Господа принадлежит одна только Церковь избранных, которая ничего не будет иметь от левого делания. На той рыбной ловле от множества рыб проторгается сеть, потому что ныне к исповеданию Веры, вместе с избранными, вступают и такие нечестивцы, которые даже самую церковь раздирают ересями. Но на этой рыбной ловле захватываются и многие рыбы, и большие, и мрежа не проторгается, потому что Святая Церковь избранных, успокаиваясь в непрестающем мире Виновника Своего, не будет уже терзаема никакими разногласиями.

4) Но по ловле такого множества рыб, *влез Симон Петр, извлече мрежу на землю*. Я уверен, что ваша любовь понимает, что значит, почему Петр извлекает мрежу на землю. Потому что ему вверена Св. Церковь; ему лично говорится: *Симоне Ионин, любиши ли Мя?*— *Паси агнцы Моя* (Ин. XXI, 15, 16) **. Итак, что после

* Проторгнутися — прорваться.

** Здесь не разумеется поручения Ап. Петру какой-либо исключительной власти над Церковью. Ибо пасти Христовых овец поручено не только всем Апостолам, но и всем Пастырям Церкви.

открывается в слове, теперь обозначается на деле. Поскольку Проповедник церкви отделяет нас от волн сего мира, то именно необходимо, чтобы Петр извлек на землю мрежу, наполненную рыбами. Ибо он извлекает рыбы на твердый берег, потому что голосом святой проповеди показывает верующим постоянство Вечного Отечества. Это делал он словами, это делает Посланиями, это соделывает ежедневно знамениями чудес. Сколько раз через него мы обращаемся к любви вечного успокоения; сколько раз мы отделяемся от возмущений земных дел! Это что другое значит, если не то, что мы, как рыбы, захваченные мрежею веры, влечемся на берег? Но когда говорится о мрежи, наполненной великими рыбами, тогда присовокупляется и сколькими, именно: сотнею и пятьдесят тремя. Число не чуждо великого таинства, но напряженное ваше внимание к такому таинству ожидает глубоко-мыслия. Ибо Евангелист не стал бы со тщанием говорить о сумме количества, если бы не думал, что она полна таинственности. Ибо вы знаете, что в Ветхом Завете вся деятельность предписывается через **заповеди десятисловия**, а в Новом — сила для той же самой деятельности сообщается многообразным верующим через **семиобразную благодать Святого Духа**. Пророк, предвозвещаая о Нем, говорит: *Дух премудрости и разума, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия: исполнит Его Дух страха Божия* (Ис. XI, 2). Но благодать для деятельности от этого Духа получает тот, кто верует в Троицу, верует так, что и Отец и Сын и тот же Дух Святой единой силы, единой сущности. Итак, **поскольку семь (даров Св. Духа)**, о которых мы

Рыболовство, при самом призвании Петра, было указано как образ Апостольского уловления людей мрежею Евангелия.

сказали выше, обширно разъяснены через Новый Завет, а **десять заповедей** через Ветхий, то вся наша добродетель и деятельность вполне может быть понята десятью и семью. Итак, помножим десять и семь на три, и выйдет пятьдесят один. Это число не чуждо великой таинственности, потому что в Ветхом Завете мы читаем, что **пятидесятый** год заповедано называть юбилеем* (Лев. XXV, 11), т. е. в который весь народ долженствовал упокоеваться от всякой деятельности. Но истинное успокоение состоит в единстве. Потому что одно не может быть делимо, ибо где есть сечение деления, там нет истинного успокоения. Но помножим пятьдесят и один еще на три, то и выйдет сто пятьдесят три. Таким образом, поскольку вся наша деятельность, выраженная верою в Троицу, стремится к успокоению, то мы помножим десять и семь на три, чтобы прийти к пятидесяти одному. А истинное успокоение наше бывает тогда, когда мы познаем уже самую славу Троицы, Которую исповедуем в единстве Божества. Посему пятьдесят и один помножим еще на три, и получаем **сумму избранных в Вышнем Отечестве**: как бы число **сто пятьдесят и три**. Итак, после воскресения Господа закинутая мрежа достойна была того, чтобы захватить столько рыб, сколько могло бы обозначать избранных граждан Вышнего Отечества.

5) Но между тем и вчерашнее чтение Св. Евангелия, и сегодняшнее располагают нас к тому, чтобы мы тщательно вникли, почему Господь и Искупитель наш по воскресении Своем ел печеную рыбу. Ибо не чуждо та-

* Оставления знамение сие будет вам, лето пятидесятое, лето будет вам: ни сеяти, ниже жати будете, еже само произникнет на ней, и да не объемлещи освященных (Богу) ея (Пятидесятый год да будет у вас юбилей: не сейте и не жните, что само вырастет на земле...).

индивидуальности то, что повторяется на деле. По этому чтению, Он ел хлеб и печеную рыбу, а по тому, которое вчерашний день прочитано (Лк. XXIV, 13 и далее), с печеною рыбою Он ел еще сот меда. Что же, по вере нашей, означает печеная рыба, если не Самого пострадавшего Посредника Бога и человеков? Ибо Он благоволил скрываться в водах рода человеческого, соизволил быть пойманным мрежею нашей смерти и как бы испечен скорбью во время Своего страдания. Но Тот, Кто благоволил быть печеною рыбою в страдании, соделался для нас сотом меда в воскресении. И Тот, Кто в печеной рыбе благоволил изобразить скорбь страдания Своего, в соте меда благоволил выразить то и другое естество Лица Своего. Ибо сот есть мед в воске, а мед в воске означает Божество в человечестве. Это не различествует и от сегодняшнего чтения, ибо Он ест рыбу и хлеб. Тот, Кто по человечеству мог быть испечен, как рыба, по Божеству оживотворяет нас хлебом, говоря: *Аз есмь хлеб* животный, *спешдый с небесе* (Ин. VI, 41). Итак, Он ест печеную рыбу и хлеб для того, чтобы самой Своей пищей показать, что и страдание претерпел Он по нашему человечеству, и об оживлении нашем возымел попечение по Своему Божеству. Если на это мы обратим тщательное внимание, то увидим, что и нам прилично в качестве подражать (Ему). Ибо Искупитель показывает Свое так, что нам, последователям, пролагает путь к подражанию. Вот в пище Своей Господь наш благоволит с печеною рыбою употребить сот именно потому, что Он принимает на Вечное Успокоение в своем теле тех, которые, чувствуя здесь скорби ради Господа, не отвергаются от любви Вечной Сладости. С печеной рыбой употребляется сот потому, что те, которые здесь терпят притеснение за истину, там будут удовлетворены Вечной Сладостью.

6) И еще надобно заметить, что, по сказанию (Евангелия), Господь последнюю трапезу имел с семью учениками, ибо на ней упоминаются бывшими: Петр и Фома, Нафанаил, сыны Зеведеовы и иных из учеников Его два. — Почему же Он последнюю трапезу вкушает с семью учениками, если не потому, что предвозвещает о Вечном Успокоении с Ним только тех, которые полны семиобразной благодатью Святого Духа? — Семью же днями раскрывается все настоящее время, и часто седмеричным числом означает совершенство. Итак, на последней трапезе в присутствии Истины пиршествуют те, которые ныне желанием совершенства становятся выше земного, которых не связывает любовь мира сего, на которых сей хотя и восстает искушениями, однако же не отодвигает назад их начатых желаний. Об этой последней трапезе в другом месте у Иоанна говорится: *блажени звание на вечерю брака Агнца* (Апок. XIX, 9). Ибо повествует, что не на обед, а на вечерю они призваны потому именно, что трапеза в конце дня есть вечеря. Итак, те, которые по окончании времени настоящей жизни приходят к отдохновению Вечного Созерцания, приглашаются не на обед, а на вечерю Агнца. Эта именно вечеря изображается сей последней трапезой, за которой упоминаются присутствующими семь учеников; потому что, как сказали мы, тогда внутреннее отдохновение обновляет тех, которые ныне, будучи полны семиформенной благодатью, дышат любовью Духа. Итак, братие, делайте вы это сами с собою, желайте исполниться присутствием этого Духа. Что за вами может последовать в будущем, заключайте из настоящего. Подумайте, исполнены ли вы этим Духом, познайте, можете ли вы дойти до оной трапезы. Ибо кого ныне не обновляет оный Дух, тот подлинно не будет иметь

оного обновления на Вечной Трапезе. Припомните, что об этом же Духе говорит Павел: *аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Рим. VIII, 9). Этот Дух любви есть как бы некая печать Божественной собственности. Неужели же имеет Дух Христов тот, коего душу ненависть рассеивает, гордость напыщает, гнев доводит до безумия, жадность мучит, роскошь расслабляет? — Размыслите, что есть Дух Христов. Он есть подлинно тот, который заставляет любить друзей и врагов, презирает земное, усиленно стремится к Небесному, смиряет за пороки плоть, обуздывает в пожеланиях сердце. Итак, если вы хотите знать право владычества Божия, то размыслите о Лице Владыки вашего. Ибо вот, что мы сказали, то ясно подтверждает Павел: *аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Рим. VIII, 9). Ясно говорит он как бы так: «Тот, кто ныне не управляется живущим в нем Богом, после не будет иметь участия в радости Божественной славы». Но несмотря на то, что мы слабы для того, что сказано, не достигаем еще полного совершенства, однако положим на пути Божиим ежедневное преуспеяние в святом желании. Это советует нам Истина, Которая через Псалмопевца говорит: *несоделанное мое видесте очи Твои, и в книзе Твоей вси напишутся* (Пс. СXXXVIII, 16). Наше несовершенство не будет для нас решительно вредным, если мы, поставленные на пути Божиим, и назад не будем озираться, и поспешим пройти то, что остается. Ибо Тот, Кто благоснисходительно воспламеняет желания несовершенных, укрепляет их даже до совершенства через Господа нашего Иисуса Христа, Который с Ним живет и царствует в единении Св. Духа — Бог, через все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXV,

говоренная к народу в храме Св. Иоанна, именуемом
Константиновым, в пятый день Праздника Пасхи.
Чтение Св. Евангелия: Ин. XX, 11-18.

Во время оно, Мариа же стояше у гроба вне плачущи: якоже плакашися, приниче во гроб и виде два Ангела в белых (ризах) сидяща, единаго у главы и единаго у ногу, идеже бе лежало тело Иисусово. И глаголаста ей она: жено, что плачешися; глагола има: яко взяша Господа моего, и не вею, где положиши Его. И сия рекши обратися вспять и видя Иисуса стояща, и не ведяше, яко Иисус есть. Глагола ей Иисус: жено, что плачещи; кого ищещи; она же мнящи, яко вертоградарь есть, глагола ему: Господи, аще ты еси взял Его, повеждь ми, где еси положил Его, и аз возму Его. Глагола ей Иисус: Марие. Она (же) обратившися глагола Ему: Раввунни, еже глаголется учителю. Глагола ей Иисус: не прикасайся Мне, не у бо въздох ко Отцу Моему: иди же ко братии Моей и рцы им: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему. Прииде (же) Мариа Магдалина поведаящи учеником, яко виде Господа, и сия рече ей.

1. Мариа Магдалина, которая была в городе грешницею, возлюбя Истину, слезами омыла пятна преступления — и исполняется слово Истины, которым говорится: *отпускаются греси ея мнози, яко возлюби много* (Лк. VII, 47). Ибо та, которая греша оставалась холодною, после — возлюбя сильно, пламенела. Ибо

после того, как пришла на гроб и там не нашла тела Господня, она подумала, что унесли его, и возвестила ученикам. Сии, пришедши, увидели и подумали так же, как сказала эта женщина. И о них тотчас написано: *идоста же паки к себе ученика* (Ин. XX, 10). А потом присовокупляется: *Мария же стояше у гроба вне плачуши* (Ин. XXI, 10). В этом деле надобно оценить, какая сила любви воспламеняла душу этой женщины, которая не отходила от гроба Господня даже тогда, когда ушли ученики. Она отыскивает Того, Кого не нашла, отыскивая плакала и, воспламененная огнем любви своей, горела желанием Того, Кого считала унесенным. Поэтому и случилось, что тогда увидела Его только одна та, которая осталась для отыскания; потому что сила доброго дела состоит именно в постоянстве, и голосом Истины изрекается: *претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. X, 22. XXIV, 13). И заповедью Закона повелевается приносить хвост жертвы (Лев. III, 9)*. Потому что хвост есть конец тела; и тот хорошо приносит жертву, кто жертвоприношение доброго дела доводит до конца надлежащего действия. Поэтому Иосиф между другими братьями описывается имеющим одежду до пят (Быт. XXXVII, 3)**. Потому что одежда до пят есть доброе дело, доведенное до окончания.

2. Но Мария, когда плакала, наклонилась и посмотрела во гроб. Известно, что она уже видела гроб опустевшим, и уже возвестила, что Господь унесен; что же значит, что она опять наклоняется, опять желает видеть? — Но для любящего недостаточно взглянуть однажды, потому что сила любви умножает усилие

* По Вульгате.

** По тому же переводу.

отыскивать. Итак, она искала прежде — и не нашла; продолжила отыскивать — и нашла. И совершилось то, чтобы неудовлетворенные желания возросли, а возросшие получили то, что обрели. Посему-то о Том же Женихе Церковь в Песни Песней говорит: *на ложи моем в нощех исках, Егоже возлюби душа моя, исках Его, и не обретох Его. Встану убо и обыду во граде и на торжищих и на стогнах, и поищу, Егоже возлюби душа моя* (Песн. III; 1, 2). Она усугубляет безуспешное отыскивание, говоря: *исках Его, и не обретох*. Но поскольку обретение не отходит далеко, если не прерывается отыскивание, то присоединяет: *обретоша мя стрегущии, обходяще во граде: видесте ли, Егоже возлюби душа моя; яко мало егда преидох от них, дондеже обретох, Егоже возлюби душа моя* (Песн. III; 3, 4). Ибо мы на ложе ищем Возлюбленного тогда, когда в некотором успокоении настоящей жизни устремляемся желанием к Спасителю нашему. Ищем ночью потому, что хотя в Нем ум бодрствует, однако же глаз имеет темноту. Но кто не находит Возлюбленного своего, тому остается встать и обойти город, т. е. пробежать умом Св. церковь с отыскиванием избранных. Его должно отыскивать по улицам и площадям, т. е. надобно обращать внимание на ходящих и узким, и широким путем, чтобы отыскать следы Его, если только можно найти их; потому что есть некоторые, даже светской жизни, которые имеют нечто такое, чему должно подражать в совершении добродетели. Отыскивая же, мы находим стражей, которые стерегут город, потому что Святые Отцы, которые охраняют состояние Церкви, содействуют нашим добрым желаниям, так как они или словом, или писанием учат нас. Когда мы немного проходим их, тогда находим Того, Кого любим; потому что Искупитель наш, хотя по человечест-

ву был человеком среди людей, однако же по Божеству выше человеков. Итак, когда проходят стражи, тогда обретается Возлюбленный; потому что когда мы усматриваем, что Пророки и Апостолы были ниже Его, тогда рассуждаем, что Тот, Кто по естеству есть Бог, выше людей. Итак, прежде отыскивается Необретаемый, дабы после, Обретенный, тщательнее был удерживаем. Ибо святые желания от отсрочки возрастают. Если же они от отсрочки слабеют, то они не были желаниями. Этой любовью воспламенен тот, кто мог принадлежать к Истине. Поэтому-то и Давид говорит: *возжада душа моя к Богу крепкому живому: когда прииду и явлюся лицу Божию* (Пс. XLI, 3). Поэтому он увещевает нас, говоря: *взыщите лица Его выну* (Пс. CIV, 4). Поэтому Пророк говорит: *от нощи утреннюет дух мой к Тебе, Боже, зане свет повеления Твоя на земли* (Ис. XXVI, 9). Поэтому Церковь опять в Песни песней говорит: *уязвлена аз есмь любовью* (V, 8). Поскольку справедливо, чтобы от видения Врача перешла к спасению та, которая от пламени желания Его носит в груди рану любви: то опять говорит: *душа моя изыде в слово Его* (Там же: V, 6). Ибо душа человека, не ищущего лица Своего Создателя, крайне груба, и потому остается в самой себе холодной. Но если она уже начала гореть желанием последовать Тому, Кого любит, то она бежит, будучи растопляема огнем любви. По желанию она делается жадной: все, что нравилось ей в мире, становится маловажным: ничто ей не нравится, кроме Создателя; и то, что прежде услаждало душу, после делается для нее чрезвычайно тягостным. Ничто не услаждает ее горести, доколе она не узрит Того, Кого желает. Дух скорбит, самый свет отвратителен; и этим-то огнем истребляется в духе ржавчина виновности, и душа растопляется как золо-

то: потому что через употребление она потеряла вид, а через горение прояснела.

3) Итак, она (Мария), которая так любит, опять наклоняется во гроб, который осмотрела; посмотрим, каким плодом сила любви в ней усугубляет старание в отыскивании. Далее следует: *и виде два Ангела в белых (ризах) сидяща, единаго у главы и единаго у ногу, идеже бе лежало тело Иисусово*. Что значит, что на месте тела Господня видны два Ангела, сидящие — один у головы, а другой у ног, если не то (поскольку Ангел на латинском языке называется вестником), что должно было возвестить, по страдании Его, о Том, Кто и Бог прежде веков, и человек на конец веков? Как бы у главы сидит Ангел, когда через Апостола Иоанна возвещается, что *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово* (Ин. I, 1). И как бы у ног сидит Ангел, когда тот же Апостол говорит: *Слово плоть бысть и вселися в ны* (Там же, ст. 14). Еще через двух Ангелов мы можем разуместь два Завета, данные — один прежде, а другой после. Эти Ангелы соединены между собою именно местом тела Господня, потому что тот и другой Завет возвещают с равным смыслом о Воплотившемся, умершем и воскресшем Господе; но первый Завет сидит как бы у главы, а последний Завет — как бы у ног. Почему и два Херувима, прикрывающие очистилице, обращены лицами взаимно друг к другу, с лицами, обращенными на очистилице * (Исх. XXV, 20) **. Херувимом называется полно-

* Очистилице — так называлась крышка Ковчега Завета. В первый осенний месяц первосвященник входил (однажды в год) во святая святых, где стоял Ковчег Завета, с козлею кровью и окроплял ею крышку Ковчега, умоляя Господа, чтобы он благоволил принять эту кровь, как жертву очищения и умилоствления за грехи свои и народа; отчего день этот назывался днем очищения.

** *Да будут херувими распростирающе крила верху, соосеняюще*

та ведения. И что означается двумя Херувимами, если не два Завета? — А что предобразуется через **очисти-
ще**, если не **воплотившийся Господь**? О Нем Иоанн го-
ворит: *Той очищение есть о гресех наших* (1 Ин. II, 2). И
когда Ветхий Завет возвещает, что должно было совер-
шиться то, что Новый Завет проповедует уже совершен-
ным от Господа, тогда как бы тот и другой Херувим
взаимно смотрят друг на друга, обращая лица на очис-
тилище; потому что, видя положенного между ними
Господа, не разногласят в своем воззрении, согласно
возвещая о таинстве Его домостроительства.

4) Ангелы спрашивают Марию, говоря: *жено, что
плачешься; глагола има: яко взяша Господа моего, и не
вем, где положиша Его*. Ибо самые священные разго-
воры, производящие в нас слезы любви, осушают эти
же самые слезы, когда обещают нам видение нашего
Искупителя. Но по Истории надобно заметить, что
женщина не говорит: «Унесли тело Господа моего»,
но: *взяша Господа моего*. Ибо употребление священ-
ного языка таково, что он обозначает иногда часть
вместо целого, а иногда — целое вместо части. Ибо
вместо части обозначает целое, когда написано о сы-
нах Иакова: *всех душ дому Иаковля яже приидоша со
Иаковом во Египет, душ семьдесят пять* (Исх. XLVI,
27). Потому что не без тел пришли души в Египет; но
одной душой обозначается целый человек, потому что
частью выражается целое. И во гробе лежало одно
только тело Господа, а Мария отыскивала не тело
Господа, но украденного Господа, т. е. целым обознача-
ется часть. *И сия рекши обратися вспять и виде
Иисуса стояща, и не ведяше, яко Иисус есть*. Надобно

*крилами своими над очистилищем, и лица их ко друг другу, на
очистилице будут лица Херувимска.*

заметить, что Мария, которая еще сомневалась в воскресении Господа, обратилась назад, чтобы видеть Господа, именно потому, что через то же самое сомнение она как бы спиной стояла к лицу Господа, не веруя, что Он воскрес. Но поскольку она любила и сомневалась, то видела и не узнала; как любовь указывала ей на Него, так сомнение скрывало (Его). Неведение ее еще выражается присовокуплением: *и не ведяше, яко Иисус есть. Глагола ей Иисус: жено, что плачещи: кого ищещи?* Ее спрашивают о скорби для того, чтобы усилить желание; потому что когда она наименовала Того, Кого отыскивала, тогда в любви ее воспламенился сильнейший жар. *Она же мнящи, яко вертоградарь есть, глагола Ему: Господи, аще ты еси взял Его, повеждь ми, где еси положил Его: и аз возму Его.* Может быть, эта женщина, которая почла Иисуса за вертоградаря, ошиблась, не ошибаясь. Не был ли для нее в духовном смысле вертоградарем Тот, Кто в сердце ее насадил зеленеющие семена добродетелей любви к Нему?

5) Но что это значит, что при виде Того, Кого почла она за вертоградаря, она не сказала Ему даже о Том, Кого отыскивала, говоря: *Господи, аще Ты еси взял Его?* Ибо она как бы уже сказала усердием о Том, о Ком плакала, то теперь говорит о Том, Кого не наименовала. Но сила любви обыкновенно производит в душе то, что сия думает, будто всякий знает того, о ком сама она всегда помышляет. Посему-то и эта женщина не называет Того, Кого отыскивает, и однако же говорит: *аще ты еси взял Его*; потому что думает, что другому известен Тот, от желания Которого сама она так постоянно плачет. *Глагола ей Иисус: Марие.* После того, как Он назвал ее общим именем по полу и не был узнан, Он называет ее по имени. Ясно Он как

бы так говорит: «Узнай Того, Кто тебя знает». И совершенному мужу говорится: *Аз познах тя из имени* (Исх. XXXIII, 12)*; потому что человек есть общее наименование всех нас, а Моисей — собственное, которому справедливо говорится, что он познается по имени; и ясно Господь говорит, как бы так: «Я знаю тебя не вообще, как прочих, но частно». Итак, поскольку Мария называется по имени, то взаимно узнает Виновника, и тотчас называет Его — *Раввун*, т. е. *Учителю*: потому что Он был и Тот, Кого искала во вне, и Тот, Кто внутренне научал ее, чтобы она искала. Но Евангелист уже не присовокупляет, что сделала эта женщина; но догадка делается из того, что она услышала. Ей говорится: *не прикасайся Мне, не у бо въздох ко Отцу Моему*. Ибо в этих словах показывается, что Мария хотела коснуться ног Того, Кого узнала. Но Учитель говорит ей: *не прикасайся Мне*. Это не потому, чтобы Господь, после воскресения, отверг прикосновение женщин, когда о двух, пришедших ко гробу Его написано: *оне же приступльши ястеса за нозе Его* (Мф. XXVIII, 9).

6) Но почему она не должна прикасаться, присовокупляется и причина, когда далее говорится: *не у бо въздох ко Отцу Моему*. Ибо Иисус в сердце нашем восходит ко Отцу тогда, когда признается равным Отцу. Ибо кто не верует, что Он равен Отцу, в сердце того Господь еще не восходит к Отцу. Следовательно, истинно касается Иисуса тот, кто верует, что Он советен Отцу. Ибо в сердце Павла Иисус восходит уже ко Отцу, когда тот же Павел говорит: *Иже, во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу* (Фил. II, 6). Поэтому прикоснулся к нашему Искупи-

* По Вульгате.

телю рукой веры Иоанн, который говорит: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу. и Бог бе Слово. Сей бе искони к Богу. Вся Тем быша* (Ин. I, 1, 2). Итак, прикасается к Господу тот, кто верует, что Он, по вечности существа, равен Отцу. Но, может быть, у кого-либо готов тайный вопрос: каким образом Сын может быть равным Отцу? В этом деле, чего естество человеческое не в состоянии понять от удивления, ему остается знать, что для него это достоверно по другому удивлению. Ибо оно имеет, что себе отвечать на это вкратце. Ибо известно, что Он есть Тот, Кто сотворил Матерь, в девственном чреве Которой был творим по человечеству. Итак, что удивительного, если равен Отцу Тот, Кто прежде Матери? И по свидетельству Павла, мы знаем, что Христос есть *Божия сила и Божия премудрость* (1 Кор. I, 24). Следовательно, кто признает Сына меньшим, тот в частности отнимает у Отца, Коего Премудрость признает неравною Ему. Ибо какой могущественный человек равнодушно перенес бы, если бы ему кто сказал: «Хотя ты и велик, но несмотря на то, мудрость твоя менее тебя?» — И Сам Господь говорит: *Аз и Отец едино есма* (Ин. X, 30). И опять говорит: *Отец мой болий Мене есть* (Ин. XIV, 28). Еще написано о Нем, что *Он бе повинуюся има* (Иосифу и Приснодеве Марии) (Лк. II, 51). Итак, что дивного, если Он утверждает, что Он менее Отца на небеси по Своему человечеству, по которому на земле был в повиновений даже у Своих родителей^{*}? По этому человечеству Он ныне говорит Марии: *иди ко братии Моей и рцы им: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему*. Говоря: *Моему и вашему*, почему Он не говорит вообще — *нашему*? Но говоря

^{*} Иосифу, мнимому отцу, и Приснодеве Марии.

раздельно, Он показывает, что одного и того же Отца и Бога Он имеет отлично от нас. *Восхожду ко Отцу Моему*, т. е. по естеству; *и Отцу вашему*, по благодати. *К Богу Моему*, потому что Я снизшел; *к Богу вашему*, потому что вы восходите. Поскольку же и Я человек, то Он Бог для Меня; поскольку вы освобождены от заблуждения, то Он Бог для вас. Итак, для Меня Он есть Отец и Бог отлично, потому что, Кого Он прежде веков родил Богом, Того на конец веков сотворил во Мне человеком. *Прииде же Мариа Магдалина поведаящи учеником, яко виде Господа, и сия рече ей*. Вот виновность рода человеческого прекращается там, откуда произошла. Поскольку в раю жена мужу поднесла смерть (Быт. III, 6, 19), то от гроба жена мужам возвещает жизнь, и о словах Жизнодателя своего рассказывает та, которая рассказывала о словах смертоносного змия. Господь, не словами, но делами, как бы так говорит роду человеческому: «Приимите чашу жизни от той самой руки, которая поднесла вам чашу смерти».

7) Это мы кратко сказали об объяснении Евангельского чтения при содействии Того же Господа, о Котором беседуем; теперь размыслим и о славе воскресения Его, и о внутреннем благочестии. Ибо скоро благоволил Он встать от смерти, дабы душа наша долго не оставалась в смерти неверия. Почему и через Псалмопевца хорошо говорится: *от потока на пути пьет, сего ради вознесет главу* (Пс. СІХ, 7). Потому что в роде человеческом с самого начала мира протекал поток смерти, но от этого потока Господь на пути *пьет*, потому что на переходе вкусил смерть. И, следовательно, вознес главу, потому что воскресением Он возвысил выше Ангелов то, что смертью положил во гроб; и навеки поразил древнего врага оттоле, отколе

временно попустил свирепствовать против Него рукам притеснителей. Это Господь ясно показывает Иову, говоря: *извлечеси ли змия (Левиафана) удицею* (Иов. XL; 20)?

8) Ибо через *змия* (Левиафана), который называется дополнением их (притеснителей), обозначается оный кит — пожиратель рода человеческого. Он, обещав человеку сообщить Божественность, уничтожил бессмертие. Он и вину преступления, которую поднес первому человеку, увеличивает скверным убеждением последующих ему, и собирает для них наказания без престоимости. На удице же пища показывается, а острое скрывается. Поэтому Всемогуший Отец начал дело удицей; потому что послал на смерть Единородного Своего Сына, в Котором и плоть могла бы казаться страдательной, и нестрадательное Божество не могло бы быть видимым. И когда оный змий руками гонителей сожрал в нем пищу плоти, тогда острое Божества насквозь пронзило его самого. Прежде этого он по чудесам признавал Его Богом, но от познания своего впал в сомнение, когда увидел Его страдательным. Итак, как бы удица держалась в пасти поглощающего, когда была открыта в Нем (Спасителе) пища плоти, которую пожиратель желал бы, а Божество Страждущего, которое убило бы, до времени было бы сокрыто. Удицей воплощения Его пойман (змий, или диавол), потому что когда пожелал пищи плоти, тогда пронзен острием Божества. Потому что там было и человечество, которое привлекало бы пожирателя; там было и Божество, которое насквозь пронизывало бы (его); там была открытая слабость, которая приманивала бы (его); там была и сокровенная сила, которая пронзала бы пасть пожирателя. Итак, он пойман удицею, потому что погиб от того,

что сожрал. Он потерял и тех смертных, которых держал по праву, за то, что решился Того бессмертного, над Которым не имел права, умертвить смертью.

9) Посему-то живет и эта самая Мария, о которой мы говорим; потому что за род человеческий подвергся смерти Тот, Кто ничем не был должен смерти. Поэтому-то и мы каждодневно после виновности возвращаемся к жизни, потому что к нашей виновности Создатель снисшел без вины. Вот уже древний враг потерял те добычи, которые нахватал от рода человеческого, потерял победу своего соблазна. Ежедневно грешники возвращаются к жизни, ежедневно вырываются из пасти его рукой Икупителя. Поэтому хорошо еще говорится блаженному Иову гласом Господним: *или вдежеши кольцо в ноздри его* (Иов. XL, 21)? — Где надевается кольцо, там оно, обхватывая, стягивает. Итак, что обозначается кольцом, если не обнимающее нас милосердие Божие? — Оно проходит через челюсти оного Левиафана, когда после содеянных преступлений указывает нам еще врачевство покаяния. Кольцо продевает Господь в челюсть Левиафана, потому что Он неизреченным милосердием могущества своего стоит против злобы древнего врага так, что сей выпускает иногда даже тех, которых уже решительно пленил. И как из пасти его выпадают те, которые, после содеянных преступлений, возвращаются к невинности. Ибо кто, однажды схваченный пастью его, мог вырваться из челюстей его, если бы сии не были продырявлены? Не в пасти ли держал он Петра, когда сей отрекся (Мф. XXVI, 69 и след.)? Не в пасти ли он держал Давида, когда сей погружался в столь великую бездну любоддеяния (II Цар. XII, 4)? Но когда тот и другой возвратились к жизни через покаяние, тогда тот самый Левиафан выпустил их некоторым образом

как бы через дыру челюсти своей. И так, через дыру челюсти его, выхвачены из пасти его те, которые после содеяния такого нечестия обратились к покаянию. Кто же из людей может избежать пасти вышеупомянутого Левиафана так, чтобы не учинить ничего непозволенного? Но отсюда мы познаем, сколько мы одолжены Искупителю рода человеческого, Который не только запретил нам попадаться в пасть Левиафана, но и дозволил еще высвободиться даже из пасти его. Он не отнял у грешника надежды; потому что для открытия пути к выходу продыравил челюсть его (Левиафана), дабы, по крайней мере, после угрызения, бежал тот, кто по неосторожности не хотел предостеречь себя от угрызения. Итак, повсюду встречается нам вышнее врачевание: потому что Он (Искупитель) и заповеди дал человеку, чтобы сей не грешил, и согрешающему дал врачевство, чтобы он не отчаивался. Почему чрезвычайно надобно остерегаться, дабы кто-либо через услаждение грехом не попал в пасть одного Левиафана; и однако же, если бы и попал, не отчаивался, потому что если он искренно оплачет грех, то еще имеет дыру в челюсти его (Левиафана), через которую может высвободиться.

10) Свидетельницей Божественного милосердия служит эта самая Мария, о которой мы говорим, о которой Фарисей, когда хотел было остановить источник благочестия, говорил: *сей аще бы был Пророк, ведел бы, кто и какова жена прикасается Ему: яко грешница есть* (Лк. VII, 39). Но она слезами омыла пятна сердечные и телесные, прикоснулась к стопам Искупителя Своего та, которая оставила свои пути неправые. Она сидела при ногах Иисуса и слушала слово из уст Его. Живому была предана, умершего отыскивала. Она нашла живым Того, Кого отыскивала мертвым. И та-

кое обрела у Него место благодати, что возвестила о Нем даже самим Апостолам, т. е. Проповедникам Его. Итак, братие, что мы должны видеть в этом событии, если не безпримерное милосердие нашего Создателя, Который, для примера покаяния, как в знамение для нас, поставил тех, которых после падения Он расположил жить через покаяние? — Ибо я сужу о Петре, рассуждаю о разбойнике, смотрю на Закхея, взираю на Марию, — и ничего другого в них не вижу, как примеры надежды и покаяния, представленные пред глаза наши. Ибо, если кто-либо пал в вере, тот пусть взирает на Петра, который горько плакал о том, что по страху отрекся (Мф. XXVI, 75)*. Другой в злобе жестокости разгорячился против ближнего своего, — этот пусть взирает на разбойника, который уже в самый момент смерти покаянием пришел к наградам жизни (Лк. XXIII, 43). Третий, по чрезмерной жадности, похитил чужое — пусть он взирает на Закхея, который вчетверо возвратил тому, у кого что-либо отнял (Лк. XIX, 8). Иной, воспламененный огнем похоти, потерял чистоту плоти; пусть он взирает на Марию, которая плотскую любовь попала в себе огнем любви Божественной. Вот Всемогуший Бог повсюду представляет очам нашим тех, которым мы подражать должны, повсюду являет примеры Своего милосердия. Итак, пороки, хотя бы испытанные, уже не должны нравиться. Всемогуший Бог охотно забывает то, что мы были вредны, готов покаяние наше вменить нам в невинность. Оскверненные, после вод спасения, возродимся слезами. Итак, по гласу первоверховного Пастыря, как новорожденные младенцы, возлюбите млеко (1 Пёт. II, 2)*.

* И изшед вон плакася горько.

Возвратитесь, малые дети, на лоно матери вашей, Вечной Премудрости; сосите обильные сосцы Божественного Благодетеля, оплакивайте прошедшее, избегайте угрожающего будущего. Наш Искупитель минутные наши слезы осушит Вечною Радостью; Он живет и царствует с Богом Отцом в единении Духа Святого, Бог через все веки веков. Аминь.

* *Яко новорождени младенцы словесное и нелестное возлюбите.*

БЕСЕДА XXVI,

говоренная к народу в храме блаженного Иоанна,
именуемом Константиновым, в неделю о Фоме.

Чтение Св. Евангелия: Ин. XX, 19-31.

Во время оно, сущу же позде в день той во едину от суббот, и дверем затворенным, идеже бяху ученицы (Его) собрани, страха ради иудейска, прииде Иисус и ста посреде и глагола им: мир вам. И сие рек, показа им руце (и нозе) и ребра Своя. Возрадовашася убо ученицы, видевше Господа. Рече же им Иисус паки: мир вам: якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы. И сие рек, дуну и глагола им: примите Дух Свят. Имже отпустите грехи, отпустятся им: и имже держите, держатся. Фома же, един от обоюнадесяте, глаголемый близнец, не бе (ту) с ними, егда прииде Иисус. Глаголаху же ему друзии ученицы: видехом Господа. Он же рече им: аще не вижду на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего в язвы гвоздинныя, и вложу руку мою в ребра Его, не иму веры. И по днех осмих паки бяху внутрь ученицы Его, и Фома с ними. Прииде Иисус дверем затворенным, и ста посреде (их) и рече: мир вам. Потом глагола Фоме: принеси перст свой семо и виждь руце Мои: и принеси руку твою и вложи в ребра Моя: и не буди неверен, но верен. И отвеща Фома и рече Ему: Господь мой и Бог мой. Глагола ему Иисус: яко видеви Мя, веровал еси: блажени не видевшии и веровавши. Много же и ина знамения сотвори Иисус пред ученики Своими, яже не суть писана в книгах сих. Сия же писана

быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе живот имате во имя Его.

1) Первый вопрос при этом Евангельском чтении в уме есть следующий: каким образом тело Господне по воскресении было телом истинным, когда оно могло входить к ученикам через запертые двери? Но нам надобно знать, что Божественное действие не дивно, если оно бывает понимаемо разумом; и та вера не имеет заслуги, для которой разум человеческий представляет опыт. Но эти самые дела нашего Искупителя, которые сами по себе никак не могут быть поняты, должны быть обсуживаемы по другому действию Его, так, чтобы дивным делам доставляли достоверность дела дивнейшие. Ибо к ученикам через запертые двери вошло то тело Господне, которое на взоры человеческие через рождение свое вышло именно через запертые ложесна* Девы. Итак, что удивительного, если после воскресения вошел через запертые двери Тот, Кто будет жить уже Вечно, когда Он, выходя на смерть, вышел, не отверзши ложесн Девы? — Но поскольку в том теле, которое могло быть видимым, вера видевших сомневалась, то Он (Спаситель) тотчас показал им руки и бок: представил осязаемой ту плоть, которую ввел через запертые двери. — В этом деле Он показал два чуда, и по человеческому разуму, совершенно противоположные одно другому, когда, после воскресения Своего, показал тело Свое и невредимым, и однако же осязаемым. Ибо необходимо, чтобы и повреждаемо было то, что осязаемо, и не может быть осязаемым то, что невредимо. Но дивным и непостижимым образом Искупитель наш,

* Ложесна — матерняя утроба зачинающая и рождающая.

после воскресения, явил тело и невредимым, и осязаемым для того, чтобы, показывая оное невредимым, приглашать к награде, а представляя осязаемым, утверждать в вере. Итак, Он явил Себя и невредимым и осязаемым для того, чтобы показать, что после воскресения тело Его было хотя того же естества, но другой славы.

2) Он (Спаситель) сказал им: *мир вам. Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы*. Т. е. как послал Меня Отец — Бог Бога, — и Я посылаю вас, — Человек человек. Сына послал Отец, Который предопределил воплотиться Ему для искупления рода человеческого. Следовательно, благоволил, чтобы Он шел в мир на страдание; но, несмотря на то, Он любил Сына, послав Его на страдания. И Господь посылает избранных учеников Своих не на радости, как и Сам послан в мир, но на страдания. Итак, поскольку и Сын, любимый Отцом, посылается на страдание, то и учеников, хотя и любит Господь, но несмотря на то, посылает их в мир на страдания. Поэтому говорится: *якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы*. Т. е. «посылая вас на соблазны гонителей, Я люблю вас той любовью, Которой возлюбил Отец Меня, Которому предопределил идти в мир для перенесения страданий». — Впрочем, в выражении «быть посланным» может быть разумеваемо даже Божество по естеству. Ибо говорится, что Сын посылается от Отца точно так же, как и рождается от Отца. Ибо Сын уверяет, что Он посылает даже Духа Святого, Который, будучи равен Отцу и Сыну, однако же не воплощался, говоря: *егда же придет Утешитель, Егоже Аз пошлю вам от Отца* (Ин. XV, 26). Поэтому, если бы выражение «быть посланным» должно было разуметь только так, что Он воплотился, то, без всякого сомне-

ния, никак нельзя было бы сказать, что посылается Дух Святой, Который не воплощался. Но послание Его есть самое *исхождение*, которым Он исходит от Отца. Следовательно, как Дух именуется «посылаемым» потому, что *исходит*, так и Сын прилично именуется «посылаемым» потому, что *рождается*.

3) *И сие рек, дуну и глагола им: примите Дух Свят.* У нас рождается вопрос: что значит, что Господь наш, и находясь на земле, единожды даровал Духа Святого, и единожды, — присутствуя на небе? Ибо дарованный Дух Святой очевидно описывается являющимся не в другом месте, как в Деяниях (II, 1 и след.); если Он теперь не приемлется через дуновение, то и после, снисходя с неба, не является в различных языках. Итак, почему Он прежде даруется ученикам на земле, а после посылается с неба, если не потому, что две заповеди любви, — именно: любовь к Богу, и любовь к ближнему? — На земле даруется Дух для того, чтобы любили ближнего; а с неба ниспосылается Дух для того, чтобы любили Бога. Следовательно, как одна любовь, а две заповеди, так и один Дух, а два дара. Первый от Господа, пребывающего на земле, последний — с неба; потому что в любви к ближнему скрывается учение, как должно достигать любви к Богу. Поэтому тот же Иоанн говорит: *не любяй брата своего, егोजе виде, Бога, Егोजе не виде, како может любить* (1 Ин. IV, 20)? Хотя и прежде тот же Дух присутствовал в сердцах учеников, настраивая их к вере, но, несмотря на то, явным образом дарован не иначе, как после воскресения. Поэтому и написано: *не у бо бе Дух Святый, яко Иисус не у бе прославлен* (Ин. VII, 39). Поэтому и через Моисея говорится: *ссаха мед из камене и елей от тверда камене* (Втор. XXXII, 13). Ибо

по истории ничего такого не читается, если мы проследим и весь ход Ветхого Завета. Народ этот никогда *не сосал* * ни меда из камене, ни елея. Но поскольку, по слову Павла, *камень же бе Христос* (1 Кор. X, 4), то сосали мед из *камене* те, которые видели дела и чудеса того же нашего Испытателя. А елей от твердого камня сосали потому, что заслужили помазание через излияние Св. Духа, после воскресения Его. Итак, не твердый камень сообщал как бы мед, когда еще смертный Господь показывал ученикам сладость чудес Своих. Но твердый камень источил елей, потому что после воскресения Своего (Господь), соделавшись нестрадаемым, сообщил дар святого помазания через дуновение Духа.

4) Об этом елее через Пророка говорится: *согниет иго от лица елея* (Исх. X; 27) **. Потому что мы содержались под игом владычества дьявольского, но помазаны елеем Духа Святого. И поскольку нас помазала благодать свободы, то и согнило то иго владычества дьявольского, по свидетельству Павла, который говорит: *идеже Дух Господень, ту свобода* (2 Кор. III, 17). Но надобно знать, что те, которые прежде имели Духа Святого, для того, чтобы и сами жили невинно, и для других были полезны проповедью, открыто получили Его после воскресения Господня для того, чтобы могли быть полезными не для немногих, а для многих. Поэтому и при этом самом даровании Духа говорится: *имже отпустите грехи, отпустятся им, и имже держите, держатся*. Можно видеть, что эти ученики призваны к таким тягостям смирения, к какой должны быть доведены великой славе.

* Ссати — сосать.

** По Вульгате.

Вот они не только безопасны за самих себя, но и получают власть отпущения чужой виновности, делаются участниками во власти Верховного Судии, чтобы, вместо Бога, вязать грехи некоторым, а некоторым разрешать. Так, так надлежало быть возлюбленным от Бога тем, которые решились на такое смирение для Бога. Вот те, которые боятся праведного Судии — Бога, делаются судьями душ; и осуждают или оправдывают других те, которые боялись сами быть осужденными.

5) Ныне их место в Церкви вполне занимают Епископы. Власть вязать или разрешать получают те, которые получают степень правления. Велика честь, но велика и тяжесть этой чести. Потому что немилосердо, чтобы судьей жизни других был тот, кто не умеет управлять своей жизнью. А часто случается, что место Судии занимает тот, у кого жизнь не согласуется с местом. И часто делается, что он или осуждает не заслуживших осуждения, или разрешает других, будучи сам связан. Часто в разрешении и вязании подчиненных он следует движениям своей воли, а не достаточным причинам, отчего происходит то, что самой этой власти — вязать и решить — лишается тот, кто употребляет ее по своим прихотям, а не сообразуясь с нравами подчиненных. Поэтому справедливо через Пророка говорится: *еже избити души, имже не подобаше умерети, и оживити души, имже не подобаше жити* (Иез. XIII, 19). Потому что тот убивает не долженствующего умереть, кто осуждает праведного. И силится оживить не имеющего жизни тот, кто старается освободить виновного от наказания.

6) Итак, надобно обсуживать вины и тогда употреблять власть вязать и решить. Надобно смотреть,

какая вина предшествовала, или на то, какое после вины последовало покаяние, для того, чтобы мнение Пастыря разрешало тех, которых Всемогущий Бог посещает благодатью сокрушения. Ибо разрешение внешнего судии бывает истинным тогда, когда согласуется с мыслью внутреннего Судии. Это хорошо выражает под образом то воскресение четверодневного мертвеца, которое именно показывает, что умершего прежде Господь вызвал и оживил, говоря: *Лазаре, гряди вон* (Ин. XI, 43); а после уже тот, кто вышел живым, разрешен учениками, как написано: *изыде умерый, обязан руками и ногами укроем; глагола им Иисус: разрешите его и оставите ити* (Ин. XI, 45). Вот ученики живого уже разрешают того, кого Учитель воскресил из мертвых. Ибо если бы ученики разрешили Лазаря мертвого, то открыли бы более зловония, нежели силы. Из этого размышления должно видеть, что мы пастырской властью должны разрешать тех, о которых знаем, что их оживотворяет Виновник наш восставляющею благодатью. Это оживотворение, прежде действия оправдания, познается уже в самом исповедании греха. Почему и этому самому умершему Лазарю отнюдь не говорится: *оживи*, но: *гряди вон*. Потому что всякий грешник, когда скрывает виновность свою внутри совести, тогда скрывается внутрь, кроется в своих потаенных местах. Но мертвый выходит вон, когда грешник добровольно исповедует грехи свои. Итак, Лазарю говорится: *гряди вон*. Ясно как бы так говорилось каждому, умершему во грехе: «Для чего ты скрываешь виновность свою в совести? Выходи уже вон через исповедание ты, который через запирательство скрываешься внутри себя». Итак, *гряди вон*, мертвый, т. е. грешник, исповедуй виновность свою. — Но выходящего вон разрешают ученики, дабы Пастыри

Церкви отклоняли заслуженное наказание от того, кто не устыдился исповедать соделанное им. Это кратко я сказал о порядке разрешения для того, чтобы Пастыри Церкви с великой разборчивостью старались или разрешать, или вязать. Но справедливо ли или несправедливо Пастырь наложит запрещение, несмотря на это мнение Пастыря должно быть страшно для стада, дабы подчиненный, хотя бы, быть может, и несправедливо был связан, не заслуживал по другой вине самого мнения о своей связанности. Итак, Пастырь должен страшиться как разрешать, так и вязать без разбора. А подчиненный Пастырю должен страшиться быть связанным, хотя бы и несправедливо; не должен безрассудно порицать суд своего Пастыря, дабы для него, хотя бы он и несправедливо был связан, в самой гордости безрассудного порицания не было той виновности, которой доселе не было. Но поскольку мы кратко сказали об этом через отступление, то возвратимся к порядку изъяснения.

7) *Фома же, един от обоюнадесяте, глаголемый близнец, не бе (ту) с ними, егда прииде Иисус.* Он один отличился от учеников, по возвращении услышал, что было, и отказался верить слышанному. Господь опять пришел и неверующему ученику, предложил бок для осязания, показал руки и, явив признаки ран Своих, исцелил рану его неверия. Что, возлюбленнейшая братия, в этом вы замечаете? Неужели вы думаете, будто это произошло случайно, что этого избранного ученика тогда не было, а по пришествии он услышал, услышав, усомнился, сомневаясь, осязал, осязав, уверовал? — Нет, это произошло не случайно, но по Божественному распоряжению. Ибо верховное милосердие дивным образом соделало то, чтобы этот сомневающийся ученик, осязая раны плоти в Своем Учителе,

целил в нас раны неверия. Ибо для нас неверие Фомы было более полезно в вере, нежели вера учеников верующих, потому что когда он к вере возвращается через осязание, тогда наш ум, поставленный выше всякого сомнения, укрепляется в вере. Потому что Господь по воскресении Своем попустил ученику усомниться, впрочем, не оставил его в сомнении, так как прежде рождения Своего Он хотел, чтобы Мария имела жениха, который, впрочем, не вступал в супружество с Ней. Ибо ученик, сомневающийся и осязающий, соделался свидетелем истинного воскресения так, как жених Матери был хранителем чистейшего Ее девства.

8) Но он (ученик) осязал и воскликнул: *Господь мой, и Бог мой. Глагола Ему Иисус: яко видево Мя, веровал еси.* Если Апостол Павел говорит: *есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (Евр. XI, 1), то решительно ясно, что **вера есть уверенность в тех вещах, которые не могут быть являемы.** Ибо что является, то не имеет надобности в вере, но (имеет надобность) в познании. Следовательно, когда Фома видел, когда осязал, то почему говорится ему: *яко видево Мя, веровал еси?* — Но он одно увидел, а в другое уверовал. Потому что Божество не может быть видимо смертным человеком. Итак, он видел человека, а исповедал Бога, говоря: *Господь мой и Бог мой.* Итак, через видение уверовал тот, кто, размышляя об истинном человеке, воскликнул, что Он есть Бог, Которого невозможно видеть.

9) Весьма радостно то, что следует далее: *блажени не видевшии и веровавшие.* В этой мысли, в частности, означены именно мы, которые искренно веруем в Того, Кого не видели во плоти. Означены мы, но не иначе, как если мы свою веру сопровождаем делами. Ибо

истинно верует тот, кто на деле выражает то, чему верует. Напротив того, о тех, которые содержат веру только по имени, Павел говорит: *Бога исповедуют ведомети, а дела отмещутся Его* (Тит. I, 16). Поэтому Иаков говорит: *вера без дел мертва есть* (Иак. II, 26). Поэтому к блаженному Иову Господь о древнем враге рода человеческого говорит: *еще будет наводнение, не ощутит: уповает, яко внидет Иордан во уста его* (Иов. XL, 18). Ибо кто означен через наводнение, если не поток рода человеческого? — Потому что род человеческий от начала до конца именно разливается, и как бы море воды из жидкости плоти пробегает до назначенного предела. Что означается через Иордан, если не форма крещенных? — Т. к. в реке Иордане благоволил креститься Сам Виновник нашего искупления, то справедливо именем Иордана выражается множество тех, которые погружаются в таинство Крещения. Следовательно, древний враг поглотил поток рода человеческого, потому что от начала мира до пришествия Христова, исключая едва не многих избранных, привлек род человеческий в утробу своей злобы, о чем справедливо говорится: *еще будет новоднение, не ощутите*; потому что не почитает за важное, если похищает неверующих. Но весьма важно то, что присовокупляется: *уповет, яко внидет Иордан во уста его*, потому что после того, как он похитил всех неверных от начала мира, решил наперед, что он может еще принять верующих. Ибо он устами губельного соблазна ежедневно пожирает тех, в которых нечестивая жизнь не согласуется с исповеданием веры.

10) Итак, возлюбленнойшая братия, этого с полным вниманием страшитесь, об этом основательно с собой размышляйте. Вот мы совершаем Пасхальные торжества, но нам надобно жить так, чтобы заслужить при-

нятия на Вечные Праздники. Все, что временно со сла-
вой совершается на Праздниках, проходит. Старай-
тесь участвующие в этих торжествах о том, дабы не
быть вам отлученными от Вечного Торжества. Что за
польза быть участником в праздниках человеческих,
если случится быть отлученным от Праздников Анг-
ельских? Настоящее торжество есть тень Будуще-
го Торжества. Мы ежегодно совершаем настоя-
щее для того, чтобы сподобиться перейти к тому, ко-
торое не годичное, но непрерываемое. Когда в уста-
новленное время совершается настоящее, тогда возоб-
новляется наше памятование о желаемом будущем.
Итак, учащением радости временной душа возгорает-
ся и воспламеняется к Радостям Вечным, чтобы в Оте-
честве насладиться истинной радостью за то, что
на пути размышляет о тени радости. Итак, братие,
устройте жизнь вашу и нравы. Предусматривайте,
сколь строгим явится на суд Тот, Кто кротким вос-
стал от смерти. Без сомнения, в день страшного испы-
тания Он явится с Ангелами, Архангелами, Престо-
лами, Господствами, Началами и Властями при горе-
нии неба и земли, при содрогании всех стихий от стра-
ха послушания своего. Итак, представляйте пред гла-
за сего, столь страшного, Судью: бойтесь Его гряду-
щего, дабы не со страхом, а с безопасностью видеть
Его, когда приидет. Итак, Он должен быть страшен,
дабы не страшиться. Страх Его должен располагать
нас к доброй деятельности, боязнь Его должна удер-
живать жизнь нашу от нечестия. Поверьте мне, бра-
тие, что тем безопаснее мы будем тогда в Его присутст-
вии, чем более ныне боимся быть обличенными в ви-
новности.

11) Нет сомнения, что если бы кто из вас, имея де-
ло со своим противником, завтра должен был бы за-

щищать оное на моем суде, то, быть может, целую ночь провел бы без сна, основательно и с напряженным умом обдумывая, что ему можно было бы говорить, что отвечать на возражения, чтобы не слишком опасаться найти меня жестоким, чтобы не бояться, что он окажется предо мной виновным. И кто я? Или что я? — Спустя немного времени будущий после человека червь, а после червя — прах. Итак, если с таким опасением боятся суда праха, то надобно подумать, с каким вниманием, с каким страхом должно ожидать суда такого Величия.

12) Но поскольку есть некоторые, кои сомневаются в воскресении тела, и этому (воскресению) мы вернее научим тогда, когда предупредим даже сокровенные вопросы сердец ваших, то нам надобно не многое сказать о самой вере в воскресение. Ибо многие сомневаются в воскресении, — каковыми и мы некогда были, — потому что когда видят, что через гробы плоть превращается в гнилость, а кости — в прах, тогда не надеются, чтобы плоть и кости были восстановлены из праха, и рассуждая сами с собой говорят как бы так: «Когда воспроизводится человек из праха? Когда бывает то, чтобы пепел одушевлялся?» Мы кратко им отвечаем, что для Бога менее важно восстановление того, что было, нежели сотворение того, чего не было. И что удивительного, если из праха воскрешает человека Тот, Кто все вместе сотворил из ничего? — Ибо удивительнее создать небо и землю из ничего, нежели возратить человека из земли. Но обращают внимание на пепел и отчаиваются, чтобы он мог опять соделаться телом, и как бы желают по разуму ограничить силу Божественного действия. Это они говорят в своих помышлениях именно потому, что ежедневные Божественные чудеса от непрерываемости потеряли

для них цену. Ибо вот в одном зерне малейшего семени скрывается вся будущая огромность дерева. Ибо представим пред глаза дивную величину какого-либо дерева; размыслим, откуда оно получило начало, достигнув через возрастание до такой огромности. Без всякого сомнения, мы находим начало его в малейшем семени. Теперь обсудим, где скрывается в этом малом зерне семени прочность дерева, жесткость коры, множество запаха и благовония, обилие плодов, зелень листьев. Ибо осязаемое зерно семени не крепко, откуда же произошла крепость дерева? Оно не жестко, — откуда же явилась жесткость коры? Оно не пахуче, — откуда же пахучесть в плодах? Оно не показывает в себе ничего зеленого, — откуда же вышла зелень листьев? Для обоняния оно ничем не пахнет, — откуда же происходит пахучесть в плодах? — Итак, все вместе скрывается в семени, что, впрочем, не вместе выходит из семени. Потому что из семени производится корень, из корня вырастает куст, от куста произрастает плод, в плоде опять производится семя. Итак, прибавим, что и семя скрывается в семени. После сего, что удивительного, если кости, нервы, плоть и волосы возвратит из праха Тот, Кто в большой громаде дерева ежедневно восстанавливает из малого семени дерево, плоды, листья? Итак, когда ум, сомневающийся в возможности воскресения, требует доказательства, тогда ему взаимно должны быть предлагаемы вопросы о тех вещах, которые и непрестанно бывают, и, однако же, никак не могут быть постигнуты разумом, для того, чтобы он, не имея силы постигнуть через видение вещи того, что видит, веровал, по обетованию Божественного могущества, тому, о чем слышит. Итак, возлюбленнейшая братия, размышляйте сами с собой о тех обетованиях, которые непреложны; а те, которые со вре-

менем проходят, презирайте как бы уже оставленные позади. Поспешайте с полным вниманием к славе того воскресения, которое на Себе показала Истина. Бегайте земных пожеланий, которые отлучают от Создателя, потому что тем выше вы возноситесь к созерцанию Всемогущего Бога, чем исключительнее любите Посредника Бога и человеков. Он живет и царствует со Отцом в единении Святого Духа, Бог через все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVII,

говоренная к народу в церкви Св. Мученика Панкратия в
день страдания его.

Чтение Св. Евангелия: Ин. XV, 12-16.

Во время оно, рече Иисус ученикам Своим: сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже возлюбих вы. Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя. Вы друзи Мои есте, аще творите, елика Аз заповедаю вам. Не ктому вас глаголю рабы, яко раб не вестъ, что творит Господь его: вас же рекох друзи, яко вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам. Не вы Мене избрасте, но Аз избрах вас и положил вас, да вы идете и плод принесете, и плод ваш пребудет, да, егоже аще просите от Отца во имя Мое, даст вам.

1) Если все священные изречения полны заповедей Господних, то что значит, что о любви, как особенной заповеди, Господь говорит: *сия есть заповедь Моя, да любите друг друга*, если не то, что всякая заповедь зависит от одной только любви и все заповеди составляют одну, потому что все заповедываемое основывается на одной только любви? — Ибо, как многие древесные ветви происходят от одного корня, так многие добродетели рождаются от одной любви. И ветвь доброго дела не имеет никакой зелени, если не пребывает на корне любви. Поэтому и много заповедей Господних, и одна; много — по разнообразию дел, одна — по корню любви. А как эта любовь должна быть со-

держима, внушает Сам Тот, Кто во многих мыслях Писания Своего повелевает любить и друзей — как Его, и врагов — ради Его. Ибо истинную любовь имеет тот, кто и друга любит в Боге, и врага любит ради Бога. Ибо есть некоторые, которые любят ближних, но по свойству родства и плоти, которым, впрочем, в этой любви священные изречения не противоречат. Но иное значит, что охотно исполняется по природе, а иное, что одождается повиновению заповедям Господним из любви. Именно те и любят ближнего и, несмотря на то, не достигают высших наград за любовь, потому что любовь свою тратят не по духу, а по плоти. Поэтому, когда Господь сказал: *сия есть заповедь Моя, да любите друг друга*, тогда тотчас присовокупил: *якоже возлюбих вы*. Ясно Он сказал как бы так: «Вы любите для того, для чего Я возлюбил вас».

2) В этом деле, возлюбленнойшая братия, тщательно надобно всматриваться, что древний враг, располагая душу нашу к любви вещей временных, с противоположной стороны возбуждает против нас слабейшего ближнего, который замышляет унести то самое, что мы любим. Не о том старается древний враг, это устрояющий, чтобы уничтожить земное, но о том, чтобы убить любовь в нас. Ибо вдруг мы воспламеняемся ненавистью; и желая быть непобедимыми отвне, внутри страшно мучимся; а защищая малое отвне, мы весьма многое теряем внутри, потому что, любя вещь временную, мы лишаемся истинной любви. Потому что всякий, уничтожающий нашу собственность, есть враг. Но если мы начинаем питать ненависть к врагу, то теряем внутреннее. Итак, когда мы совне терпим что-либо от ближнего, тогда должны бодрствовать против сокровенного хищника внутреннего, который никогда удобнее не побеждается, как тогда, когда мы

любим внешнего похитителя. Потому что одно и главное испытание любви, если мы любим даже того, кто делает противное нам. Поэтому-то Сама Истина и претерпевает крестную казнь и, несмотря на то, выражает любовь к самым Своим преследователям, говоря: *Отче, отпусти им; не ведают бо что творят* (Лк. XXIII, 34). Итак, что удивительного, если ученики в настоящей жизни любят врагов, когда Учитель их любит врагов даже тогда, когда подвергается от них убийству? Верх этой любви Он выражает, присовокупляя: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя*. Господь пришел умереть даже за врагов и, несмотря на то, Он говорил, что положит душу Свою за друзей, чтобы явно показать нам, что когда мы можем по любви сделать пользу врагам, тогда други наши даже те самые, которые преследуют нас.

3) Но вот нас никто не преследует даже до смерти. Следовательно, чем мы можем доказать, что любим врагов? — Но и в мире Святой Церкви должно быть нечто такое, из чего ясно должно быть видно, можем ли мы во время гонения умереть по любви. Иоанн ясно говорит: *иже убо имать богатство мира сего, и видит брата своего требующа, и затворит утробу свою от него, како любы Божия пребывает в нем* (1 Ин. III, 17)? — Поэтому и Иоанн Креститель говорит: *имеяй две ризе, да подаст нищему* (Лк. III, 11). Итак, кто во время спокойствий не дает ради Бога своей ризы, тот во время гонения отдаст ли свою душу? — Следовательно, для того, чтобы сила любви была непобедима в гонении, она должна быть питаема милосердием во время спокойствия, поскольку должна научиться отдавать Всемогущему Богу сперва свою собственность, а после — самого себя.

4) Далее следует: *вы друзи Мои есте*. О, сколь велико милосердие нашего Создателя! — Мы недостойны быть слугами, а называемся друзьями. Сколь велико достоинство людей быть друзьями Божиими! — Но вы слышали о славе достоинства; слушайте же и о трудности подвига. *Аще творите, елика Аз заповедаю вам*. Вы Мои друзья, если исполняете то, что Я заповедаю вам. Ясно Он говорит как бы так: «Если вы радуетесь высшей славе, то подумайте, какими подвигами достигают этой славы». Когда сыны Зеведеевы, при посредстве матери, просили, чтобы одному сидеть по правую сторону Бога, а другому по левую, то известно, что они услышали: *можета ли пити чашу, юже Аз имам пити* (Мф. XX, 22)? — Они просили о месте высоты; Истина посылает их на путь, которым они должны достигать этой высоты. Говорится как бы так: «Для вас уже лестно место высоты, но прежде должен занять вас путь подвига. Величия достигают через чашу. Если душа ваша желает того, что услаждает, то прежде пейте то, что огорчает». Так, так, — через горькую чашу исповедания достигают радости спасения. — *Не ктому вас глаголю рабы, яко раб не вестъ, что творит Господь его: вас же рекох друзи, яко вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам*. Что это все, что Он слышал от Отца Своего, что благоволил сказать рабам Своим, чтобы их соделать друзьями Своими, если не радости внутренней любви, если не те торжества Вышнего Отечества, которые Он ежедневно духовением любви Своей напечатлевает в душах наших? — Ибо, когда мы любим слышанное небесное, тогда уже знаем любимое, потому что самая любовь есть знание. Итак, Он все сказал тем, которые, оставив земные пожелания, пламенели высшею любовью. Но на этих друзей Божиих взирал Пророк, когда го-

ворил: *мне же зело честни быша друзи Твои, Боже* (Пс. СXXXVIII, 17). Ибо друг называется как бы стражем души. Итак, поскольку Псалмопевец прозрел, что избранные Божии, отделившись от любви мира сего, сохраняют в небесных повелениях волю Божию, то удивился, говоря: *мне же зело честни быша друзи Твои, Боже*. Итак, как мы желали бы знать о причинах такой чести, то он тут же присовокупил: *зело утвердишася владычества их*. Вот избранные Божии плоть укрощают, дух укрепляют, над демонами владычествуют, добродетелями блистают, настоящее презирают, о Вечном Отечестве словом и делами проповедуют; даже умирая, любят оное и достигают его через мучения. Их можно убить, но нельзя склонить. Итак, *зело утвердишася владычества их*. В этом самом страдании, в котором они умерли плотью, вы видите, какова была высота их духа. Откуда она, если не оттуда, что *зело утвердишася владычества их*? — Но, быть может, так великих мало? — Он присовокупляет: *изочту их, и паче песка умножатся* (Там же, ст. 18). Обозрите, братие, целый мир: он наполнен Мучениками. Почти нет уже столько нас, которые должны видеть, сколько имеем свидетелей истины. Итак, у Бога сочтены те, которые для нас умножились *паче песка*; потому что мы постигнуть не можем, сколько их.

5) Но тот, кто достиг этого достоинства, чтобы называться другом Божиим, должен взирать на себя, каков он есть, а на дары, которые получает, выше себя. Ничего не должно приписывать своим заслугам, дабы не впасть в враждебничество. Поэтому и присовокупляется: *не вы Мене избрасте, но Аз избрах вас и положих вас, да вы идете и плод принесете*. «Я приставил к благодати, Я насадил, чтобы вы шли добровольно, приносили плод деятельностью. Ибо идите, Я сказал,

добровольно; потому что хотеть что-либо делать, значит, уже идти мыслью». А какой плод должны они принести, присовокупляется: *и плод ваш пребудет*. Все, над чем мы трудимся для настоящего века, едва достаточно до смерти. Ибо привходящая смерть срезает плод труда нашего. Но что делается для Вечной Жизни, то сохраняется и после смерти; и начинает являться тогда, когда начинает скрываться плод плотских трудов. Итак, то воздаяние начинается там, где это кончается. Следовательно, кто уже познал Вечное, в душе того должны терять цену плоды временные. Будем приносить такие плоды, которые *пребывали бы*, будем приносить такие плоды, которые сами получали бы начало от смерти, когда смерть все должна уничтожить. Ибо о том, что от смерти должен начинаться плод Божий, свидетельствует Пророк, который говорит: *егда даст возлюбленным Своим сон. Се достояние Господне* (Пс. СХХVI, 2. 3). Всякий, засыпающий сном смертным, теряет наследство; но когда (Господь) дает избранным своим сон, тогда это есть достояние Господне, потому что избранные Божии, после того как достигнут смерти, найдут наследство.

6) Далее следует: *да егоже аще просите от Отца во имя Мое, даст вам*. Вот Он говорит: *егоже аще просите от Отца во имя Мое, даст вам*. Опять в другом месте через того же Евангелиста говорит: *елика аще (чесо) просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просите ничесоже во имя Мое* (Ин. XVI; 23, 24). Если Отец дает нам все, чего мы просим во имя Сына, то что значит, что Павел прежде просил Господа и не удостоился услышания; но ему сказано: *довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается* (2 Кор. XII, 9) ? — Неужели этот столь славный Проповедник не просил во имя Сына? Почему же он не

получил того, о чем просил? — Каким же образом истинно то, что чего мы будем просить у Отца во имя Сына, то Отец дает нам, если Апостол во имя Сына просил об удалении от него ангела сатаны и однако же не получил того, о чем просил? — Но поскольку имя Сына — *Иисус*, а Иисус называется Спасителем, или даже Спасительным, то во имя Спасителя просит тот, кто просит чего-либо, относящегося к истинному спасению. Но если просят того, что не относится к спасению, то просят Отца не во имя Иисуса. Поэтому и тем же самым Апостолам, доселе еще слабым, Господь говорит: *доселе не просите ниче соже во имя Мое* (Ин. XVI, 24). Ясно как бы сказано было так: «Вы не просили во имя Спасителя, потому что еще не умеете искать Вечного Спасения». Поэтому и Павел не был услышан; ибо если бы он освободился от искушения, то для него это не было бы полезно для спасения (2 Кор. XII, 9).

7) Вот мы, возлюбленная братия, видим, сколько вас собралось на торжество Мученика; вы преклоняете колена, ударяете в грудь, выпускаете вздохи молитвы и исповедания, орошаете лица слезами. Но обсудите, прошу, свои прошения, посмотрите, во имя ли Иисуса вы молитесь, т. е. просите ли радостей Вечной Жизни? Ибо в доме Иисуса вы ищете не Иисуса, если в Храме Вечности неблаговременно молитесь о временном. Вот один на молитве просит жены, другой желает деревни, третий требует одежды, четвертый молится о даровании ему пропитания. И хотя надобно просить Всемогущего Бога и об этих (предметах), если их нет, но мы должны постоянно помнить, что заповедал нам Тот же Искупитель: *ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам* (Мф. VI, 33). Итак, нет греха просить у

Иисуса и этих предметов, если, впрочем, они будут просимы не в излишестве. Но еще, — что важнее, — иной просит смерти врагу, и кого не может преследовать мечом, того преследует молитвой. И хотя тот, кому зложелательствуют, еще жив, однако же тот, кто зложелательствует, становится уже виновным в смерти его. Бог повелевает, чтобы любили врага (Мф. V, 44)*, и, несмотря на то, просят Бога, чтобы Он убил врага. Итак, кто молится таким образом, тот самыми своими молитвами сражается против Создателя. Поэтому и об Иуде говорится: *и молитва его да будет в грех* (Пс. CVIII, 7). Потому что молитва обращается в грех тогда, когда молятся о том, что запрещает Сам Тот, Кому молятся.

8) Поэтому Истина говорит: *егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого* (Мк. XI, 25). Эту добродетель прощения мы покажем яснее, если приведем одно свидетельство из Ветхого Завета. Известно, что когда Иудея своими тяжкими преступлениями оскорбила Правосудие Своего Создателя, тогда Господь, удерживая Пророка Своего от молитвы, говорит: *ты же не молися о людех сих и не проси еже помилованным быти им* (Иер. VII, 16). *Аще станут Моисей и Самуил пред лицем Моим, несть душа Моя к людем сим* (Там же, XV, 1). Что значит, что по пропуске и оставлении стольких Отцов, выставляются в средину только Моисей и Самуил, коих дивная сила получать известна, когда говорится, что даже и они не могут быть посредниками? Господь ясно как бы так говорит: «Не слушаю даже тех, которых молитвы за

* Любите враги ваша, благословите кленущия вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгоняющих вы.

великую заслугу их не презираю». Итак, что значит, что Моисей и Самуил по молитве предпочитают прочим Отцам, если не то, что во всей последовательности Ветхого Завета об этих только двух повествуется, что они молились даже за врагов своих? — Первый подвергается опасности быть побитым от народа камнями (Исх. XVII, 4) и однако же молится за своих побивателей камнями; другой отставляется от начальства, и однако же на просьбу о молитве отвечает, говоря: *да никакоже ми согрешиши Господу, оставити еже молитися о вас ко Господу* (1 Цар. XII, 23). *Аще станут Моисей и Самуил пред лицом Моим, несть душа Моя к людем сим* (Иер. XV, 1). Ясно говорит он как бы так: «Я не выслушиваю молитвы за друзей даже тех, о которых знаю, что они по великой добродетели молились даже за врагов». Следовательно, сила истинной молитвы состоит в высоте любви. И каждый получает правильно просимое тогда, когда на молитве дух его не омрачается ненавистью к врагу. Но большей частью мы препобеждаем борющийся дух, если еще молимся за врагов. Уста изливают молитву за врага, но, о если бы и сердце вмещало любовь! Ибо часто мы и молитву воссылаем за врагов своих, но изливаем ее более по заповеди, нежели по любви. Ибо и о жизни врагов мы молимся, и однако же боимся, как бы нас не услышал (Бог). Но поскольку внутренний Судья судит более расположение, нежели слова, то за врага ничего не требует с того, кто не молится за него по любви.

9) Но вот враг согрешил против нас тяжко: нанес вред, оскорбил помогающих (нам), преследовал любящих. Это следовало бы затаить, если бы не должны были быть отпускаемы грехи против нас. Ибо Ходатай наш по нашему делу составил молитву, и Сам этот

Ходатай есть Судья того же самого дела. А в молитву, которую составил, Он внес условие, говоря: *остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим* (Мф. VI, 12). Итак, поскольку Судьею грядет Тот Самый, Кто был Ходатаем, то Он сам выслушивает молитву, которую составил. Следовательно, или мы, не исполняя, говорим: *остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим*, и говоря это, мы более связываем самих себя; или, быть может, это условие в молитве пропускаем, и Ходатай наш не узнает той молитвы, которую Он составил, и тотчас говорит Сам про Себя: «Я знаю, к чему я увещевал; это не та самая молитва, которую Я составил». Итак, братие, что нам должно делать, если не то, чтобы иметь свойство истинной любви к братьям? Никакой злобы не должно быть в сердце. Да обсуждает Всемогуший Бог любовь нашу к ближнему, чтобы явить к нашим беззакониям Свое милосердие. Вспомните, к чему Он увещевает: *отпущайте, и отпустят вам* (Лк. VI, 37). Вот нам должны, и мы должны. Итак, простим то, чем нам должны, для того, чтобы прощено было то, чем мы должны. Но этому противится разум: он и хочет исполнять слышимое, и однако же препирается.

Мы обстоим раку Мученика, о котором знаем, какою смертью достиг он Царства Небесного. Если мы не полагаем за Христа тела, то, по крайней мере, препобедим душу. Этим жертвоприношением Бог умиляется, одобряет на суде любви Своей победу нашего мира. Ибо Он взирает на бóрение нашего сердца; и Тот, Кто после вознаграждает побеждающих, ныне помогает сражающимся через Господа нашего Иисуса Христа, Сына Своего, Который с Ним живет и царствует, в единении Св. Духа, Бог через все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXVIII,

говоренная к народу в храме Святых Нерей и Ахиллеи в
день страдания их.

Чтение Св. Евангелия: Ин. IV, 46-53.

Во время оно, бе некий Царев муж, егоже сын боляше в Капернауме. Сей слышав, яко Иисус прииде от Иудеи в Галилею, иде к Нему и моляше Его, да снидет и изцелит сына его: имеяше бо умрети. Рече убо Иисус к нему: аще знамений и чудес не видите, не имате веровати. Глагола к Нему Царев муж: Господи, сниди, прежде даже не умрет отроча мое. Глагола ему Иисус: иди, сын твой жив есть. И верова человек словеси, еже рече ему Иисус, и идяше. Абие же входящу ему, (се,) раби его сретоша его и возвестиша (ему), глаголюще, яко сын твой жив есть. Впрошаше убо от них о часе, в который легчае ему бысть, и реша ему, яко вчера в час седмый остави его огонь. Разуме же отец, яко той бе час, в оньже рече ему Иисус, яко сын твой жив есть. И верова сам и весь дом его.

1. Чтение Св. Евангелия, теперь только слышанное вами, братие, не имеет надобности в объяснении. Но дабы не показаться, что мы прослушали его без внимания, скажем нечто из него, более для назидания, нежели для изъяснения. А из изъяснения, мне кажется, надобно нам отыскать причину только на то, почему пришедший с прошением об исцелении сына своего услышал: *аще знамений и чудес не видите, не имате веровати?* — Ибо пришедший с прошением об ис-

целении сына, без сомнения, веровал. Иначе он не стал бы просить Того о спасении, Кого не признавал бы Спасителем. Итак, почему говорится: *аще знамений и чудес не видите, не имате веровати*, тому, кто веровал прежде, нежели увидел знамение? — Но припомните, чего он просил, и верно узнаете, что он сомневался в вере. Ибо он просил, чтобы (Иисус) пришел и исцелил сына его. Следовательно, он просил о телесном присутствии Господа, Который духом повсюду присутствует. Итак, он не веровал в Того, о Ком думал, будто Он может даровать исцеление не иначе, как если будет присутствовать на месте телом. Ибо, если бы он совершенно веровал, то без сомнения знал бы, что нет места, где не было бы Бога. Итак, он большей частью не веровал, потому что не давал славы величию, а (приписывал ее) телесному присутствию. Посему он просил исцеления сыну и, однако же, сомневался в вере, потому что Того, к Кому пришел, признавал и могущим исцелить, и однако же думал, что сын умрет, если Его (Иисуса) не будет на месте. Но Господь, Которого просят прийти, показывает, что Он и там, куда Его просят; и одним повелением восстановил здоровье Тот, Кто все сотворил волей.

2. В этом событии нам должно обратить тщательное внимание на то, что, — как мы знаем из свидетельства другого Евангелиста, — сотник пришел к Господу, говоря: *Господи, отрок мой лежит в дому разслаблен, люте стражда*. Ему Иисус тотчас отвечает: *Аз пришед изцелю его* (Мф. VIII; 6; 7). Что это значит, что царедворец просит прийти к сыну его, и однако же Иисус отказывается идти телесно, а к рабу сотника не приглашается, и однако же обещается прийти телесно? — Сына царедворца не удостоил посещения телесным прибытием, а раба сотникова удостаи-

вает посещения. Что это значит, если не то, что смиряется гордость в нас, которые почитаем в людях не природу, по которой сотворены они по образу Божию, но почести и богатства? — И поскольку мы ценим то, что около них, то подлинно не видим внутреннего, занимаясь тем, что издали видно на телах, и оставляя без внимания то, что они. Но Икупитель наш для того, чтобы показать, что высокое у людей презренно для Святых, и презренное у людей не должно быть презираемо, к сыну царедворца идти не соблагоизволил, а к рабу сотника готов был идти. Следовательно, укорена гордость наша, которая не умеет ценить людей, как людей. Она, как мы сказали, ценит только то, чем бывают обставлены люди, а не смотрит на природу, не признает в людях чести Божией. Вот Сын Божий не хочет идти к сыну царедворца и, однако же, готов идти для исцеления раба. Если бы нас попросил чей-либо раб, чтобы мы пришли к нему, то, без сомнения, наша гордость тотчас стала бы в тайном помышлении отвечать, говоря: не ходи, потому что ты унишишь сам себя, честь твоя подвергнется нареканию, место потеряет цену. Вот с неба пришел Тот, Кто не презирает земного раба посещением; и несмотря на то, мы, происшедшие от земли, презираем смиренных на земле. Но перед Богом что может быть ничтожнее, что презреннее, как соблюдение чести перед людьми, и безстрашие перед очами внутреннего Судьи? — Поэтому и в Св. Евангелии Господь к Фарисеям говорит: *вы есте оправдающе себе пред человеки. Бог же весть сердца ваша: яко, еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом* (Лк. XVI, 15). Заметьте, братие, что говорится. Ибо если то, что высоко у людей, мерзостно перед Богом, то возношение сердца нашего тем ниже перед Богом, чем выше перед людьми, а

смирение сердца нашего тем выше перед Богом, чем ниже перед людьми.

3. Итак, не будем обращать внимания на то, если мы делаем что-либо доброе, да не напыщает нас никакое наше дело, да не возбуждает гордости ни богатство, ни слава. Если мы внутренне гордимся обилием каких-либо благ, то презренны пред Богом. Напротив того, о смиренных Псалмопевец говорит: *храняй младенцы Господь* (Пс. СХIV, 5). Поскольку младенцами он называет смиренных, то после того, как сказал мысль, присоединяет совет: *смирися, и спасе мя* (Там же). Итак, об этом помышляйте, братие, об этом думайте с полным вниманием. Не почитайте в ближних ваших благ мира сего. Ради Бога, чтите в людях, с которыми не имеете общения, то, что они сотворены по образу Божию. Это в отношении к ближним вы соблюдете тогда, когда прежде в сердце не будете надмеваться перед самими собою. Ибо кто еще гордится вещами преходящими, тот не умеет чтить в ближнем пребывающего навсегда. Итак, не оценивайте в самих себе того, что вы имеете, но (цените) то, что вы сами в себе. Вот мир, который любят, преходит. Те Святые, коих раку мы обстоим, презрением ума попрали цветущий мир. Жизнь была долголетняя, здоровье постоянное, плодоносие в виноградниках, спокойствие во время продолжительного мира; и несмотря на то, что мир сам в себе процветал, мир в сердцах их уже засох. Вот мир уже сам в себе засох, а в сердцах наших он цветет еще. Повсюду смерть, повсюду плач, повсюду опустошение; со всех сторон нас поражают, со всех сторон сыплют на нас горести, — и несмотря на то мы, по слепоте ума плотского пожелания, любим самые горечи его, последуем за убегающим, привязываемся к упдающему. И поскольку мы не можем под-

держат падающего, то падаем вместе с тем, за кого во время падения держимся. Некогда мир держал нас при себе услаждением; ныне он наполнен такими бедствиями, что сам уже отсылает нас к Богу. Итак, подумайте, что ничтожно преходящее со временем. Конец временного показывает, как ничтожно то, что могло пройти. Падение вещей показывает, что преходящая вещь и тогда была почти ничто, когда казалась стоящею. Итак, об этом, возлюбленная братия, с особенным вниманием размышляйте; пригвоздите сердце к любви Вечности для того, чтобы, презрев славу земную, перейти вам к славе, о которой знаете по вере, через Господа нашего Иисуса Христа, Который живет и царствует, Бог со Отцом в единении Св. Духа, через все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXIX,

говоренная к народу в храме Св. Апостола Петра на
Вознесение Господне.

Чтение Св.Евангелия: Мк. XVI,14-20.

Во время оно, возлежащим единомунадесяте учеником явися (Иисус), и поноси неверствию их и жестосердию, яко видевшим Его воставша не яша веры. И рече им: шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет: а иже не имет веры, осужден будет. Знамения же веровавшим сия последуют: именем Моим бесы изжденут: языки возглаголют новы: змия возмут: аще и что смертно испиют, не вредит их: на недужныя руки возложат, и здрави будут. Господь же убо, по глаголании (Его) к ним, вознесся на небо и седе о десную Бога. Они же изшедше проповедаша всюду, Господу поспешествующу и слово утверждающе последствующими знаменами. Аминь.

1. Что ученики медленно веровали воскресению Господню, причиной тому были не столько их колеблемость, сколько наша, так сказать, непоколебимость. Ибо самое воскресение, при их сомнении, подтверждено многими доказательствами. Когда мы, читая, узнаем о них, тогда что другое делаем, если не укрепляемся от их сомнения? — Ибо для меня Мария Магдалина, которая скоро уверовала, менее исполнила свой долг, нежели Фома, который долго сомневался, потому что он, сомневаясь, осязал признаки бывших

ран и на нашем сердце очистил рану сомнения. Для внушения же нам истины воскресения Господня нам надобно заметить то, о чем повествует Лука, говоря: *с нимиже и ядый повеле им от Иерусалима не отлучатися* (Деян. 1, 4). И немного ниже: *зрящим им взяты, и облак подъят Его от очию их* (Там же, ст. 9). Замечайте слова, уразумевайте таинства. *С нимиже ядый — взяты*. Поел и вознесся для того именно, чтобы через действие ядения явна была истина плоти. А Марк упоминает, что прежде, нежели Господь возносится на небо, Он укоряет учеников за неверие и жестокосердие. В этом событии на что должно обратить внимание, если не на то, что Господь в это время укорил учеников для того, чтобы, по телесном оставлении их, слова, сказанные при отшествии, оставались в сердце их тверже напечатленными? — Итак, послушаем, что Он говорит этому укоренному их жестокосердию, повелевая: *шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари*.

2. Неужели, братие мои, Св. Евангелие должно быть проповедано как вещам безчувственным, так и бессловесным животным, так как будто об этом говорится ученикам: *проповедите Евангелие всей твари*? — Но именем *всей твари* означает человек. Ибо есть камни, но не живут, не чувствуют. Есть травы и деревья; они хотя и живут, но не чувствуют. Живут, говорю, не душой, но зеленостью; потому что и Павел говорит: *безумне, ты еже сееши, не оживет, аще не умрет* (1 Кор. XV, 36). Следовательно, то живет, что умирает для того, чтобы ожить. Итак, есть камни, но не живут. Есть деревья, которые, хотя и живут, но не чувствуют. Но есть бессловесные животные; они живут, чувствуют, но не мыслят. Но есть и Ангелы, (которые) живут, чувствуют и мыслят. Но от всякого творения

нечто имеет человек. Ибо с камнями он имеет общее бытие, с деревьями — жизнь, с животными — чувствование, с Ангелами — разумение. Итак, если человек имеет нечто общее со всей тварью, то поэтому-то под всею *тварию* и разумеется человек. Следовательно, Евангелие проповедуется *всей твари*, когда проповедуется одному только человеку; потому что принимает учение именно тот, для которого на земле все создано и которого не чуждо все, по некоторому сходству. — Под именем *всей твари* может быть еще обозначена всякая нация язычников. Ибо прежде было сказано: *на путь язык не идите* (Мф. X, 5). А ныне говорится: проповедите Евангелие всей твари, дабы проповедь Апостолов, прежде отвергнутая Иудеей, послужила нам во спасение именно тогда, когда та, по гордости, отвергла ее во свидетельство своего осуждения. Но когда Истина посылает учеников на проповедь, тогда что другое делает она в мире, если не рассеивает зерна семени? И мало *зерен посылает в семя* для того, чтобы получить плоды многих жатв от нашей веры. Ибо во всей Вселенной не было бы столь великой жатвы верующих, если бы от руки Господней не присланы были на разумную землю оные избранные зерна проповедующих. Далее следует:

- 3. *Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет.* Может быть, каждый из вас скажет самому себе: «Я уверовал, следовательно, спасен буду». **Тот говорит истину, кто веру оправдывает делами.** Ибо истинная вера состоит в том, чтобы выражаемому в словах не противоречили нравы. Поэтому-то о некоторых, ложно верующих, Павел говорит: *Бога исповедуют вести, а дела отмещутся Его* (Тит. I, 16). Поэтому Иоанн говорит: *глаголай, яко познах Его* (Бога), *и заповеди Его не соблюдает ложь*

есть (1 Ин. II, 4). Если это так, то мы должны познавать истину веры нашей по суду о жизни нашей. Ибо мы тогда истинно верующие, когда в делах выражаем то, что обещаем на словах. Потому что в день крещения мы обещались отречься от всех дел древнего врага и от всех излишков. Итак, пусть каждый из вас обратит умственный взор на рассмотрение себя; и если он исполняет после Крещения то, что обещал до Крещения, то пусть радуется несомненности в том, что он уже верующий. Но вот кто ниспал до нечестивых дел, до пожелания мирской славы, тот не исполнил обещанного; посмотрим, сумеет ли он, по крайней мере, оплакать то, в чем согрешил. Ибо перед милосердным Судией и тот будет признан не обманщиком, кто возвращается к истине даже после лжи; потому что Всемогущий Бог, принимая добровольное наше покаяние, Сам скрывает на суде Своем то, в чем мы согрешили. — Затем следует:

4. Знамения же веровавшим сия последуют: именем Моим бесы изженут: языки возглаголют новы: змия возмут: аще и что смертно испиют, не вредит их: на недужныя руки возложат, и здрави будут. — Неужели, братие мои, вы не веруете, потому что не творите этих знамений? — Но они были необходимы в начале Церкви. Ибо для того, чтобы Вера возрастала, надобно было воспитывать ее чудесами; потому что и мы, насаждая деревья, дотоле поливаем их водою, доколе уверимся, что они уже укрепились в земле; и если они пустили уже корень, то мы перестаем поливать. Поэтому и Павел говорит: *языцы в знамение суть не верующим, но неверным* (1 Кор. XIV, 22). — Имеем и мы эти знамения и силы, если должны судить о них утонченно. Ибо Св. Церковь ежедневно творит духовно то, что телесно творила тогда через Апостолов. Ибо свя-

щенники ее, по благодати для изгнания духов, возлагая руки на верующих и запрещая злым духам жить в сердцах их, что другое делают, если не изгоняют бесов? А те верующие, которые уже оставляют мирские слова ветхой жизни, а громко говорят о Святых Таинствах, повествуют, сколько могут, о славе и могуществе Своего Создателя, что другое делают, если не говорят новыми языками? — Добрыми своими увещаниями уничтожая злость в сердцах других, они истребляют змиев. А когда, слушая гибельные советы, не увлекаются однако же к нечестивому делу, тогда они, хотя и пьют смертное, но оно не вредит им. Те, которые как только увидят ближних своих ослабевающими в добром деле, всей силой содействуют им и примером своей деятельности подкрепляют жизнь тех, которые в своей деятельности колеблются, — что другое делают, если не возлагают руки на больных, чтобы эти (последние) были здоровы? — Эти именно чудеса тем важнее, чем духовнее, — тем важнее, что ими восстанавливаются не тела, а души. Эти-то знамения, братия мои, творите, если хотите, при помощи Божией. Ибо теми внешними знамениями не может быть поддерживаема жизнь в совершающих оные. Потому что те чудеса телесные показывают иногда святость, но не производят ее; а эти духовные, совершаемые в душе, не обнаруживают добродетели жизни, но производят ее. Те могут иметь и злые (люди), а эти могут совершать только добрые. Поэтому Истина о некоторых говорит: *мнози рекут Мне во он день: Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы мнози сотворихом; и тогда исповем им, яко николиже знах вас. Отидите от Мене, делающие беззаконие* (Мф. VII; 22, 23. Пс. VI, 9). Итак, возлюбленнейшая братия, не лю-

бите знамений, которые могут быть почитаемы общими с нечестивыми; но любите те чудеса любви и благочестия, о которых теперь только мы сказали; они тем безопаснее, чем сокровеннее: и за них у Господа тем большее должно быть воздаяние, чем у людей меньшая слава. Далее следует:

5. *Господь же убо, по глаголании (Его) к ним, вознесся на небо и сяде о десную Бога.* В Ветхом Завете узнали мы, что Илия восхищен был на небо. Но иное небо воздушное, а иное — эфирное. Потому что небо воздушное близко к земле: поэтому мы и птиц называем небесными, потому что видим их летающими по воздуху. Итак, Илия вознесся на небо воздушное так, что внезапно был отведен в некоторую потаенную область Вселенной, в которой жил бы уже в великом спокойствии плоти и духа дотоле, доколе при кончине мира не возвратится назад и не заплатит долг смерти. Ибо он разорвал смерть, но не убежал (от нее). А Искупитель наш, не разорвал, но победил, и Воскресением поправил ее, и славу Воскресения Своего проявил Вознесением. — И надобно заметить, что об Илии повествуется, что он вознесся на колеснице, дабы ясно показать, что чистый человек имел нужду в посторонней помощи. Потому что через Ангелов устроена и показана эта помощь, так как и на воздушное небо не мог сам собой вознестись тот, кого тяготила слабость природы его. Но об Искупителе нашем повествуется, что Он вознесся не на колеснице, не на Ангелах, потому что Своей силой возносился Тот, Кто все сотворил и выше всего. Ибо Он возвращался туда, где был, и возвращался оттуда, где имел временное пребывание, потому что когда Он по человечеству возносился на небо, тогда по Божеству Своему равно содержал и землю, и небо.

6. Но как Иосиф, проданный братьями, преобразовал продажу нашего Исккупителя, так *преложенный* Енох и *взятый* на воздушное небо Илия преобразовали вознесение Господне. Следовательно, Господь имел провозвестников и свидетелей Своего вознесения, — одного прежде Закона, другого под законом, — для того, чтобы прийти Самому, Могущему уже истинно пройти небеса. Поэтому-то и самый порядок в вознесении их, — и того, и другого, — различается некоторыми степенями. Ибо повествуется, что Енох *преложен* (Евр. XI, 5)*, а Илия *взят* (IV Цар. II, 11)**, дабы после прийти Тому, Кто ни *преложен*, ни *взят*, но Своей силой проник бы в эфирное небо. Чтобы даровать нам, верующим в Него, и чистоту плоти, и через то возрастить силу чистоты через *продолжение времен*, Господь показывает это в самом даже вознесении тех, которые преобразовали Вознесение Господне, именно, как слуги, и в Себе Самом, возносящимся на небо. Ибо Енох имел жену и детей, а об Илии повествуется, что он не имел ни жены, ни детей. Итак, обсудите, каким образом постепенно возрастает чистота святости; потому что это ясно открывается и через вознесенных слуг, и лично через возносящегося Господа. Ибо Енох, и рожденный от соития и рождавший через соитие, — *преложен*. Илия, рожденный от соития, но не рождавший через соитие, — *взят*. Но Господь ни рождавший через соитие, ни рожденный от соития, — *вознесся*.

7. Но нам надобно размыслить о том, что значат Марковы слова: *сиде о десную Бога*, а Стефан гово-

* Верую Енох бысть не видети смерти: и не обретаешся, зане преложжи его Бог.

** И бысть внегда взяти Господу Илию в вихре яко на небо.

рит: *вижду небеса отверста и Сына человека о десную стояща Бога* (Деян. VII, 56). Что значит, что, по свидетельству Марка, Он сидит, а Стефан видит Его стоящим? Но вы, братие, знаете что сидеть свойственно Судии, а стоять — сражающемуся или помогающему. Итак, поскольку Искупитель наш вознесся на небо и ныне все судит, а в конце явится Судиею всех, то Марк, по вознесении, описывает Его сидящим, потому что после славы вознесения Его, наконец увидят Его Судиею. А Стефан, поставленный на подвиг сражения, видел стоящим Того, Кого имел Помощником, потому что Сей сражался за него с неба, дабы он на земле победил неверие гонителей.

8. Далее следует: *они же изшедше проповедаша всюду, Господу поспешествующу и слово утверждающе последствующими знаменьями*. На что надобно здесь обратить внимание, что заслуживало бы памятования, если не на то, что за повелением следовало повиновение, а за повиновением (последовали) знамения? Но поскольку мы, при помощи Божией, кратко пробегаем Евангельское чтение изъяснением, то остается сказать нечто о самом величии такого торжества.

9. Но первый вопрос представляется нам следующим: что бы это значило, что при рождении Господа являлись Ангелы, но не говорится, что они являлись в белых одеждах, а при вознесении Господнем повествуется, что посланные Ангелы явились в белых одеждах? Ибо так написано: *зрящим им взятся, и облак подъят Его от очию их. И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, и се, мужа два стаща пред ними во одежди беле* (Деян. I, 9, 10). Но в белых одеждах выражается радость и торжество души. Итак, почему Ангелы при рождении Господа являются не в белых одеждах, а при вознесении Господнем в одеждах белых, если не пото-

му, что великое торжество у Ангелов было тогда, когда Богочеловек проник в небеса? Потому что при рождении Господа Божество казалось уничиженным, а при вознесении Господнем человечество возвышено. Ибо белые одежды более приличествуют возвышению, нежели уничижению. Итак, при вознесении Ангелы должны быть видимы в белых одеждах: потому что Бог, Который в рождестве Своем явился уничиженным, в вознесении Своем явился Человеком превознесенным.

10. Но на этом торжестве нам особенно надобно подумать о том, возлюбленная братия, что сегодня истреблено рукописание нашего осуждения, отменен приговор на наше повреждение. Ибо та природа, которой сказано: *земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. III, 19), сегодня вознеслась на небо. Ибо за это самое возвышение нашей плоти блаженный Иов образно называет Господа птицей. Поскольку он предвидел, что Иудея не уразумеет тайны вознесения Его, то произнес суд о неверии ее, говоря: *стезя, не позна ея птица* (Иов. XXVIII, 7). Ибо правильно Господь наименован птицею, потому что он плотское тело уравновесил с эфиром. Стезю этой птицы не познал тот, кто не уверовал в вознесение Его на небо. Об этом торжестве через Псалмопевца говорится: *взятся величание Твое превыше небес* (Пс. VIII, 2). О нем еще говорится: *взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне* (Пс. XLVI, 6). И еще о нем же сказано: *возшел еси на высоту; пленил еси плен: приял еси даяния в чловецех* (Пс. LXVII, 19). Потому что, восходя на высоту, Он вел с Собой плененную пленницу, ибо наше повреждение Он пленил силой Своей невредимости. А дал дарования людям потому, что, послав свыше Духа, Он даровал иному слово премудрости, другому слово знания, иному благодать добродетелей, иному благо-

дать врачеваний, иному разные языки, иному истолкование языков * (1 Кор. XII, 8-10). Итак, Он дал дарования людям. Об этой славе вознесения Его и Аввакум говорит: *воздвижеся солнце, и луна ста в чине своем* (Авв. III, 11). Кто обозначается именем солнца, если не Господь, и кто — именем луны, если не Церковь? Ибо доколе Господь не вознесся на небеса, Святая Церковь Его, противная миру, отовсюду была объята страхом; а после Вознесения Его, она укрепилась, открыто проповедала то, чему тайно веровала. Итак, *воздвижеся солнце, и луна ста в чине своем*, потому что когда Господь вознесся на небо, тогда Святая Церковь Его возросла *силою проповеди*. Поэтому голосом той же Церкви через Соломона говорится: *се, той идет, скача на горы и прескача на холмы* (Песн. II, 8). Ибо она обсудила высоту столь многих дел и говорит: *се, той идет, скача на горы*. Потому что шествуя к искуплению нашему, Он делал некоторые, так сказать, скачки. Хотите ли, возлюбленная братия, знать о скачках Его? С неба перешел Он в чрево, из чрева перешел в ясли, из яслей перешел на Крест, с Креста перешел во гроб, из гроба возвратился на небо. Вот, явившаяся во плоти Истина для того чтобы расположить нас к последованию за Ней, сделала для нас некоторые скачки; потому что Он скакал, *яко исполни тещи путь* (Пс. XVIII, 6), для того, чтобы мы от сердца говорили Ему: *влеци мя вслед Тебе в воню мира Твоего течем* (Песн. песн. I, 3).

* Овому бо Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о том же Дусе; другому же вера, темже Духом; иному же дарования изцелений, о том же Дусе; другому же действия сил, иному же пророчество, другому же рассуждения Духовом, иному же роди языков, другому же сказания языков.

11. Посему, возлюбленная братия, нам должно сердцем последовать туда, куда, по вере нашей, Он вознесся с телом. Будем убегать земных пожеланий; да ничто уже на земле не улаждает нас, имеющих Отца на небе. И об этом надобно нам особенно подумать, потому что Тот, Кто возносится кротким, возвратится страшным; и что Он заповедал нам с кротостью, в том потребует от нас отчета со строгостью. Итак, никто не должен пренебрегать временами, дарованными для покаяния, никто не должен оставлять без внимания заботы о себе, сколько может, потому что Икупитель наш тем строже придет тогда на суд, чем более имел долготерпения прежде суда. Итак, братие, об этом вы помышляйте сами с собой — это обсуживайте в уме тщательным размышлением. Хотя душа еще волнуется от возмущений вещей, однако вы уже закидывайте якорь надежды вашей в Вечную Жизнь, внимание ума крепко содержите в Истинном Свете. Вот мы слышали, что Господь вознесся на небо. Итак, будем сохранять в мыслях то, чему веруем. И если слабостью тела мы еще удерживаемся здесь, то последуем за Ним, по крайней мере, любовью. Не презирает нашего желания Сам Тот, Кто дал его, — Господь наш Иисус Христос, Который живет и царствует с Богом Отцом, в единении Св. Духа, Бог, через все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXX,

говоренная к народу в храме Св. Апостола Петра в день
Святой Пятидесятницы.

Чтение Св. Евангелия: Ин. XIV, 23-31.

Во время оно, рече Иисус учеником Своим: аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидема и обитель у Него сотворима. Не любяй Мя словес Моих не соблюдает: и слово, ежсе слышасте, несть Мое, но пославшаго Мя Отца. Сия глаголах вам в вас сый. Утешитель же, Дух Святыи, Егоже пошлет Отец во имя Мое, Той вы научит всему и воспомянет вам вся, яже рех вам. Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мир дает, Аз даю вам: да не смущается сердце ваше, ни устрашает. Слышасте, яко Аз рех вам: иду и прииду к вам. Аще бысте любили Мя, возрадовалися бысте (убо), яко рех: иду ко Отцу: яко Отец Мой болий Мене есть. И ныне рех вам, прежде даже не будет, да, егда будет, веру имете. Ктому не много глаголю с вами. Грядет бо сего мира князь и во Мне не имать ничесоже. Но да разумеет мир, яко люблю Отца, и якоже заповеда Мне Отец, тако творю.

1. Слова Евангельского чтения можно, возлюбленнойшая братия, проследить кратко, дабы после можно было долее заняться созерцанием столь великого торжества. Ибо сегодня Дух Святой с внезапным шумом нисшел на Апостолов (Деян. II, 2 и след.) и сердца плотских людей изменил в любовь к Нему, а от совне явившихся огненных языков внутри воспламени-

лись сердца; потому что когда принимают Бога в видении огненном, тогда приятно воспламеняются любовью. Ибо Сам Дух Святой есть любовь, почему и Иоанн говорит: *Бог любви есть* (1 Ин. IV; 8, 16). Итак, кто чистым сердцем стремится к Богу, тот подлинно уже имеет Того, Кого любит. Ибо никто не мог бы любить Бога, если бы не имел Того, Кого любит. Но вот если кого-либо из вас спросят: любит ли он Бога, то он с уверенностью и решительностью ума отвечает: *люблю*. Но вы слышали в самом начале чтения, что говорит Истина: *еще кто любит Мя, слово Мое соблюдет*. Следовательно, доказательство любви состоит в выражении ее на деле. Поэтому тот же Иоанн в послании своем говорит: *еще кто речет, яко люблю Бога; и заповеди Его не соблюдает, ложь есть* (1 Ин. IV, 20. сн. II, 4). Ибо истинно мы любим Бога тогда, когда от своих удовольствий стремимся к исполнению заповедей Его. Ибо кто еще развлекается непозволенными пожеланиями, тот подлинно не любит Бога, потому что противоречит Ему своей волей.

2. *И Отец Мой возлюбит его, и к нему прииде и обитель у него сотворима*. Представьте, возлюбленной братья, какое должно быть торжество — принимать в храме сердца посетившего Бога. Если бы в ваш дом входил какой-либо богатый и сильный друг, то весь дом со всей поспешностью был бы вычищен, дабы не было в нем ничего, что оскорбляло бы взор входящего друга. Итак, пусть выбросит нечистоты недоброго делания тот, кто приготовляет дом души своей для Бога. Но слышите, что говорит Истина: *прииде и обитель у него сотворима*. Ибо в сердца некоторых Он приходит, но обители в них не творит, потому что они, хотя сердечным сокрушением принимают Бога, но во время искушения забывают то самое,

что они сокрушались; и таким образом опять возвращаются к содеянию грехов, как будто бы никогда о них не сокрушались. Итак, кто истинно любит Бога, кто соблюдает заповеди Его, в сердце того и приходит Господь и обитель в нем творит, потому что любовь к Божеству проникает его так, что и во время искушения он не отступает от этой любви. Следовательно, истинно любит тот, ума которого не препождает нечестивая любовь. Ибо каждый тем далее отлучается от Верховной Любви, чем ниже простирается любовь его. Поэтому и еще присовокупляется: *не любяй Мя словес Моих не соблюдает*. Итак, возлюбленнойшая братия, взойдите внутрь самих себя, исследуйте, истинно ли вы любите Бога; впрочем, пусть каждый себе не верит, что будет отвечать ему разум без засвидетельствования дела. Для любви Создателя потребны: язык, разум и жизнь. Любовь к Богу никогда не бывает праздной. Ибо если она есть, то совершает великие дела; а если отказывается от совершения их, то она не любовь.

И слово, еже слышасте, несть Мое, но пославшаго Мя Отца. — Вы, возлюбленнойшая братия, знаете, что Сам Тот, Кто говорит, Единородный Сын, есть Слово Отчее, а потому слово, произносимое Сыном, не Сыновнее, но Отчее, потому что Сам Сын есть Слово Отчее. *Сия глаголах вам в вас сый.* Когда же не было среди них Того, Кто, имея вознестись на небо, дает обетование, говоря: *се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. XXVIII, 20)? — Но Слово воплощенное и пребывает, и отходит; отходит телом, пребывает Божеством. Итак, Он представляется в то время пребывающим среди их потому, что Тот, Кто всегда пребывает невидимой властью, отходил уже от телесного видения.

3. *Утешитель же, Дух Святый, Егоже пошлет Отец во имя Мое, Той вы научит всему, и воспомянет вам вся, яже рех вам.* Многие из вас, братие мои, знают, что греческое слово Параклит (Утешитель) на латинском языке означает Ходатая, или Утешителя. Ходатаем он называется потому, что ходатайствует перед правосудием Отца по делу согрешающих. Будучи единого существа со Отцом и Сыном, Он представляется молящимся за согрешающих, потому что соделывает молящимися тех, которых наполняет. Поэтому и Павел говорит: *Сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголаннми* (Рим. VIII, 26). Но кто просит, тот менее того, Кого просит; каким же образом называется просящим Дух, Который не менее? — Но Сам Дух просит потому, что воспламеняет к прощению тех, которых наполнит. Утешителем же называется Тот же Дух потому, что, приготовляя надежду прощения плачущим о содеянии греха, Он облегчает душу от терзания скорби. О нем правильно дается обетование: *Той вы научит всему.* Потому что если в сердце слушающего нет Того же Духа, то напрасно слово учителя: Итак, никто учащемуся человеку не должен приписывать того, что он понимает из уст учащего, потому что если нет внутри Того, Кто учит, то напрасно совне работает язык учителя. Вот вы все равно слышите один голос говорящего, однако же не все равно понимаете смысл слышанного слова. Итак, если слово неразлично, то почему в сердцах ваших различно разумение слова, если не потому, что слово говорящего увещевает вообще, но есть Наставник внутренний, Который частно учит каждого разумению слова? Об этом помазании Духа опять через Иоанна говорится: *яко то само помазание учит вы о всем* (1 Ин. II, 27). Итак, от слова нет наставления, когда ум не имеет помазания от Духа. Но почему мы гово-

рим это об учении человеческом, когда и Сам Создатель говорит не в научение человека, если этому же самому человеку не говорит Дух через помазание? — Известно, что Каин, прежде нежели совершил на деле братоубийство, слышал: *не согрешил ли еси; умолкни* (Быт. IV, 7). Но поскольку, по действию виновности его, он был увещиваем словом, а не помазанием Духа, то мог слышать слова Божии, но презрел исполнением их. Но нам нужно исследовать, почему о том же Самом Духе говорится: *воспомянет вам вся*, тогда как напоминать обыкновенно есть дело меньшего? — Но поскольку «напоминать» на нашем разговорном языке иногда значит «сообщить», то невидимый Дух называется «напоминающим» не потому, будто Он сообщает нам значение снизу, но тайно. — *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам*. Здесь оставляю, оттуда даю. Прежним оставляю, будущим даю.

4. Вот мы, возлюбленнейшая братия, кратко разъяснили слова святого чтения; теперь перенесем ум в созерцание столь великого торжества. Но поскольку, вместе с чтением Евангельским, вам предложено еще чтение из Деяний Апостольских (Деян. II), то мы из этого — последнего — извлечем нечто в пользу нашего созерцания. Ибо вы слышали, что Дух Святой явился над учениками в огненных языках и научил ведению всех языков. Что именно означается этим чудом, если не то, что Святая Церковь, исполненная тем же Духом, должна будет говорить языками всех народов? Те, которые, вопреки Богу, усиливались построить башню, потеряли общение единого языка (Быт. XI; 7, 8)*, а

* *Прииде, и сошедше смесим тамо язык их, да не услышат кийждо гласа ближняго (своего). И разсея их оттуду Господь по лицу всея земли.*

в этих, которые смиренно боялись Бога, все языки приведены в соединение. Итак, здесь смирение заслужило помощь, а там гордость — смешение.

5. Но нам надобно решить, почему Св. Дух, советный Отцу и Сыну, явился в огне? — Почему в огне и вместе в языках? — Почему Он является иногда в виде голубя, а иногда в огне? — Почему над Единородным Сыном Он явился в виде голубя, а над учениками в огне, так что ни над Сыном не явился в огне, ни над учениками в виде голубя? — Итак, мы возвратимся к решению четырех, предложенных нами, вопросов. Ибо Дух, советный Отцу и Сыну, является в огне потому, что Бог есть безтелесный, неизреченный и невидимый огонь, по свидетельству Павла: *Бог наш огонь поядаяй (есть)* (Евр. XII, 29). Поскольку Бог называется огнем потому, что Им уничтожается ржавчина грехов. Об этом огне Истина говорит: *огня приидох воцреци на землю, и что хошу, аще уже возгореся* (Лк. XII, 49). Ибо землей названы земные сердца, которые, постоянно скопля в себе низшие помыслы, попираются злыми духами. Но Господь посылает на землю огонь, когда дуновением Св. Духа воспламеняет сердца плотских людей. А земля возгорается, когда плотяное сердце, холодное в своих нечестивых наслаждениях, оставляет пожелания настоящего века и воспламеняется любовью к Богу. Итак, Дух прилично явился в огне, потому что Он от всякого сердца, которое исполняет, отгоняет цепенение холода и воспламеняет оное к желанию своей Вечности. А в огненных языках явился Он потому, что этот Дух советен Сыну, а язык имеет особенную близость к слову. Потому что Слово Отчее есть Сын. А поскольку одно существо Духа и Слова, то Сей Дух должен был явиться в языке. Или яснее: поскольку слово произносится языком, то Дух

явился в языках потому, что кто прикасается к Св. Духу, тот исповедует Слово Божие, т. е. Единородного Сына; и не можем отвергать Слова Божия, потому что имеет уже язык Духа Святого. Или еще: в огненных языках Дух явился потому, что Он всех, которых исполняет, соделывает пламенными и говорящими. Огненные языки имеют учителя, потому что, проповедуя, что должно любить Бога, они воспламеняют сердца слушающих. Ибо праздно слово учащего, если оно не может воспламенить любви. Это воспламенение учения приняли из самых уст Истины те, которые говорили: *не сердце ли наю горя бе в наю, егда глаголаше нама на пути и егда сказоваше нама Писания* (Лк. XXIV, 32)? Потому что от слышанного слова воспламеняется дух, холод цепенения удаляется, душа соделывается жадной в горнем желании, чуждом пожеланий земных. Истинная любовь, которая наполнит ее, мучит ее рыданиями; но когда она мучится от такого пламени, тогда питается самыми этими своими мучениями. Ей приятно слышать заповеди небесные; и сколько наставлений получает от заповедей, столько, как бы от факелов, воспламеняется; и та, которая прежде коснела в желаниях, после воспламеняется словами. Поэтому хорошо говорится через Моисея: *одесную Его огненный закон* (Втор. XXXIII, 2)*. Потому что шуйцей называются нечестивые, которые будут поставлены *ошую*, а десницей — избранные Божии. Итак, в деснице Божией огненный закон, потому что избранные никогда не слушают небесных заповедей с холодным сердцем, но всегда воспламеняются огнем внутренней любви к ним. Слово касается слуха, а душа их, гневная на саму себя, горит пламенем внутренней сла-

* По Вульгате.

дости. Но Дух Святой являлся и в виде голубя, и в огне, потому что Он всех, которых исполняет, соделывает и простыми, и огненными, — простыми по чистоте, огненными по ревностному подражанию. Ибо Богу не может быть благоугодна ни простота без ревности, ни ревность без простоты. Поэтому Сама Истина говорит: *будьте убо мудри яко змия, и цели яко голубие* (Мф. X, 16). Здесь надобно заметить, что Господь не хотел дать наставления ученикам Своим, ни от голубя без змия, ни от змия без голубя, дабы и простоту голубя умеряла хитрость змия, и хитрость змия умеряла простота голубя. Поэтому Павел говорит: *не дети бывайте умы* (1 Кор. XIV, 20). Вот мы выслушали о благоразумии змия; теперь выслушаем наставление о простоте голубя: *но злобою младенствуйте* (Там же). Поэтому о блаженном Иове говорится: *бе человек он непорочен* (прост), *праведен* (Иов. I, 1). Но что за праведность без простоты, и что за простота без праведности? — Итак, поскольку оный Дух научает и праведности, и простоте, то и должен был явиться и в огне, и в виде голубя, для того чтобы всякое сердце, которого касается благодать Его, было и спокойно, по свойству кротости, и пламенно, по ревности к правде.

6. Но наконец, надобно спросить: почему Он (Дух Святой) над Самим Искупителем нашим, Посредником Бога и человеков, явился в виде голубя, а над учениками — в огне? Известно, что Единородный Сын Божий есть Судья рода человеческого. Но кто устоял бы перед правосудием Его, если бы Он, прежде нежели собрал нас кротостью, захотел судить грехи наши по ревности к правде? Итак, Он, соделавшись Человеком ради человеков, явил Себя кротким для человеков. Он не хотел поражать грешников, но хотел собрать их. Он прежде хотел исправлять кротостью, что-

бы иметь тех, которых после можно было бы спасти на суде. Поэтому Дух должен был явиться в виде голубя над Тем, Кто пришел не затем, чтобы по ревности уже поразить грехи, но затем, чтобы по кротости еще терпеть их. Напротив, над учениками Дух Святой должен был явиться в огне, чтобы те, которые были простые люди, а потому и грешники, воспламеняли духом других рабов против их самих и сами в себе покаянием очищали те грехи, которые Бог щадил по кротости. Потому что даже те самые, которые были привержены к Небесному Учителю, не могли быть без греха, по свидетельству Иоанна, который говорит: *еще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Ин. I, 8). Итак, Он (Дух Святой) в огне сошел на людей, а в виде голубя явился над Господом, потому что мы, по ревности к правде, тщательно должны замечать и огнем всегдашнего покаяния сожигать те наши грехи, которые Господь снисходительно терпел по кротости. Следовательно, Дух в виде голубя явился над Исккупителем, а в огне над людьми потому, что чем более умерена для нас строгость нашего Судии, тем более наша слабость должна быть воспламеняема против самой себя.

7. Об этом-то Духе написано: *Дух Его украсил небеса* (Иов. XXVI, 13) *. Ибо украшения небес суть добродетели проповедников. Эти именно украшения перечисляет Павел, говоря: *овому Духом дается слово премудрости; иному же слово разума, о том же Дусе; другому же вера, тем же Духом; иному же дарования изцелений, о том же Дусе; другому же действия сил, иному же пророчество, другому же рассуждения Духовом, иному же роди языков. Вся же сия действует*

* По Вульгате.

един и тойжде Дух, разделяя властию, коемуждо якоже хочет (1Кор. XII, 8-11). Итак, сколько благ от проповедующих, столько украшений небес. Поэтому опять написано: *Словом Господним небеса утвердишася* (Пс. XXXII, 6). Ибо Слово Господне есть Сын Отчий. Но чтобы показать действующей в устроении этих самых небес, т. е. Святых Апостолов, всю Святую Троицу, тотчас присовокупляется о Божестве Святого Духа: *и Духом уст Его вся сила их* (Там же). Следовательно, сила небес заимствована от Духа, потому что они (Апостолы) не решились бы идти вопреки властей мира сего, если бы их не подкрепляла сила Духа Святого. Ибо мы знаем, каковы были учителя Св. Церкви до сошествия Св. Духа, и видим, как они соделались сильными после сошествия Его.

8. Этот самый пастырь Церкви, святейшие мощи которого мы обстоим, сколь был слаб и сколь робок до сошествия Духа, пусть скажет об этом спрошенная служительница при вратах. Ибо он, пораженный одним словом женщины, устранившись смерти, отрекся от Жизни (Ин. XVIII, 17)*. И Петр на земле отрекся тогда, когда разбойник исповедал на кресте (Лк. XXIII; 41; 42). Но послушаем, каковым явился после сошествия Духа этот столь робкий муж. Сходится собрание властей и старцев, объявляется Апостолам смерть, чтобы они не говорили об имени Иисуса, — Петр с великим дерзновением отвечает: *повиноватися подобает Богу, нежели человеку* (Деян. V, 29). И еще: *еще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите; не можем бо мы, яже видехом и слышахом, не глаголати* (Деян. IV, 19. 20). *Они же убо*

* Глагола же раба дверница Петрови: еда и ты ученик еси человека сего. Глагола он: несмь.

идяху радуящиеся от лица собора, яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти (Деян. V, 41). Вот в побоях радуется тот Петр, который прежде страшился слов. И тот, кто прежде пугался вопроса служанки, после сошествия Св. Духа, под ударами презирает силы властей. — Приятно возвести взор веры на силу Сего Художника и по разным местам Нового и Ветхого Завета посмотреть на Отцов. Вот я, открыв этот самый взор веры, вижу Давида, Амоса, Даниила, Петра, Павла, Матфея и хочу обсудить, каков Художник этот Дух Святой; но в самом своем обсуживании ослабеваю. Ибо Он наполняет отрока — игрока на гусях, и соделывает его Псалмопевцем (1 Цар. XVI, 18). Исполняет пастуха, собирающего ягодиция, и соделывает его Пророком (Ам. VII, 14). Наполняет целомудренного отрока и соделывает его судьей старцев (Дан. XIII, 4-6 и след.). Наполняет сборщика податей и соделывает его проповедником (Мф. IV, 19). Наполняет гонителя, и соделывает его учителем языков (Деян. IX, 1 и след.). Исполняет сборщика податей и соделывает его Евангелистом (Лк. V, 27-28). О, какой Художник этот Дух! Нет для Него никакого замедления к научению во всем, чего Он захочет. Как только Он прикоснется к уму, тотчас научает, и прикоснуться у Него — значит научить. Ибо Он озарением тотчас измеряет дух человеческий: вдруг заставляет его не быть тем, чем он был, вдруг располагает быть тем, чем он не был.

9. Размыслим о святых наших проповедниках, каковыми их застал нынешний день и каковыми соделал. Они от страха иудеев были собраны в одной комнате, каждый знал только свой природный язык; однако же и на этом самом языке, который знали, не решались открыто говорить о Христе. — Пришел Дух и

научил их ведению различных языков, а в сердце вложил силу дерзновения (Деян. II, 2 и след.). И те, которые прежде боялись даже на своем языке говорить о Христе, начали говорить о Нем на чужом. Ибо воспламененное сердце презрело те мучения телесные, которых страшилось прежде, препобедило силу плотной болезни любовью к Создателю. И те, которые прежде по боязни стояли ниже своих противников, стали выше их дерзновением. Итак, что соделал Тот, Кто возвысил их на степень такой высоты, если не то, что души земных людей соделал небесами? — Подумайте, возлюбленнейшая братия, каково должно быть сегодняшнее торжество о пришествии Святого Духа после воплощения Единородного Сына Божия. Ибо, как то, так и другое, досточтимы. Потому что в этом Бог, пребывая Богом, принял человечество, а в том люди свыше приняли нисшедшего Бога. В этом Бог по естеству соделался человеком; в том люди по усвоению соделались богами. Итак, если мы не хотим до смерти оставаться плотскими, то возлюбим оживляющего Духа.

10. Но поскольку плоть не знает Духа, то, быть может, кто-либо в плотском помышлении скажет самому себе: «Как могу я любить Того, Кого не знаю?» — На это и мы соглашаемся, потому что ум, занятый видимым, не умеет видеть Невидимого. Ибо он ни о чем не мыслит, как только о видимом, и образ его вносит внутрь себя даже тогда, когда не действует, и когда он лежит в образах телесных, тогда не имеет силы воспрянуть к безтелесному. От этого происходит, что он тем хуже не знает Создателя, чем ближе в помышлении своем обносит природу телесную. Но если мы не можем видеть Бога, то имеем то, что должны делать для открытия пути, которым взор нашего позна-

ния должен достигать до Него. Известно, что кого мы не можем видеть лично, того можем видеть в слугах его. Когда мы видим, что они творят чудеса, тогда нам делается известным, что в душах их обитает Бог. Но о вещи безтелесной мы сделаем заключение от вещей телесных. Ибо никто из нас не может ясно видеть восходящего солнца, смотря прямо на круг его, — потому что напряженный взор поражается лучами его, но мы видим горы, освещенные солнцем, и познаем, что солнце уже взошло. Итак, поскольку мы не можем видеть Солнца Правды в Нем Самом, то будем смотреть на горы, освещенные сиянием Его, т. е. на Святых Апостолов, которые сияют добродетелями, блистают чудесами, которых окружает свет рожденного Солнца; поскольку Оно невидимо Само в Себе, то дало вам видеть Себя через них, как бы через освещенные горы. Ибо сила Божества сама в себе есть как бы солнце на небе, а сила Божества в людях — солнце на земле. Итак, на земле мы будем взирать на Солнце правды, Которого не можем видеть на небе, дабы, идя неукоризненной стопой делания через это земное, некогда возвысить взоры к небу для видения оногo. Но неукоризненной стопой путь на земле совершается тогда, когда мы чистым сердцем любим Бога и ближнего. Ибо без Бога истинно не любят ни Бога без ближнего, ни ближнего без Бога. Поэтому, как мы уже сказали в другой беседе (Бесед. XXVI, ч. 3), повествуется, что Тот же Дух двукратно дарован ученикам: прежде от Господа, пребывающего на земле, а после от Господа, присутствующего на небе. Потому что на земле даруется Он для того, чтобы любили ближнего, а с неба для того, чтобы любили Бога. Но почему сперва на земле, а после с неба, если не потому, что дается ученикам разуметь, что, по слову Иоанна, *не любяй бра-*

та своего, егोजе виде, Бога, Егोजе не виде, како может любити (1 Ин. IV 20)? — Итак, братие, будем любить ближнего, будем любить того, кто подле нас, дабы иметь возможность достигнуть любви к Тому, Кто выше нас. Да рассматривает ум в ближнем то, что должен представлять Богу, дабы вполне заслужить радости в Боге вместе с ближним. Тогда мы перейдем к радости вышнего многолюдства, на которую мы ныне получили залог Святого Духа. — Всей любовью устремимся к тому концу, на котором бесконечно будем радоваться. Там святое общество Небесных Граждан; там решительное торжество; там безопасный покой; там истинный мир, который уже не прерывается, а даруется через Господа нашего Иисуса Христа, Который со Отцом живет и царствует, в единении Святого Духа, Бог, через все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXI,

говоренная к народу в храме Св. Мученика Лаврентия в
четвертую субботу месяца сентября.
Чтение Св. Евангелия: Лк. XIII, 6-13.

Во время оно, рече Иисус народам притчу сию: смоковницу имяше некий в винограде своем всаждену: и прииде ища плода на ней, и не обрете. Рече же к винареви: се, третье лето, отнелиже прихожду ища плода на смоковнице сей, и не обретаю: посецы ю (убо), вскую и землю упражняет; он же отвещав рече ему: Господи, остави ю и се лето, дондеже окопаю окрест ея и осыплю гноем. И аще убо сотворит плод; аще ли же ни, во грядущее посечеши ю. Бяше же уча на едином от сонмищ в субботу: и се, жена бе имущи дух недужен лет осмьнадесять, и бе сляка и не могущи восклонитися отнюд. Видев же ю Иисус, пригласи и рече ей: жено, отпущена еси от недуга твоего. И возложи на ню руце: аби простресе и славляше Бога.

1. Господь и Искупитель наш в Евангелии Своем говорит иногда словами, иногда вещами; иногда об одном — словами, а о другом — вещами; а иногда о том же словами, о чем и вещами. Ибо вы, братие, слышали о двух предметах: о бесплодной смоковнице и о скорченной женщине; и той, и другой оказана любовь. Но первое выразил Он в притче, а второе совершил на деле. Но бесплодная смоковница означает то же, что и скорченная женщина; и оставленная на месте смоковница — то же, что и выпрямленная женщина.

Господин виноградника три года приходил к смоковнице и не находил плода, а выпрямленная женщина была скорченной восемнадцать лет. Но числом восемнадцати лет означает то же, что выражается и трехгодичным прихождением господина виноградника к бесплодной смоковнице. Итак, поскольку мы наперед кратко объяснили вообще все, то теперь обсудим в частности каждую мысль по порядку чтения.

2. *Смоковницу имея некий в винограде своем всажену: и прииде ища плода на ней, и не обрете.* Что означает смоковничное дерево, если не природу человеческую? Что образно означает скорченная женщина, если не ту же природу? Эта женщина и насаждена хорошо, как смоковница, и сотворена хорошо, как женщина; но по собственной вине добровольно падшая, она не имеет ни плода дел, ни состояния прямоты. Потому что, по воле падая во грех, так как не хотела принести плода послушания, она лишилась состояния прямоты. Созданная по подобию Божию, она, не устояв в своем достоинстве, презрела и сохранением того, чем была насаждена, или сотворена. Господин виноградника приходит три раза, потому что искал природу рода человеческого прежде Закона, под Законом и под благодатью, ожидая, увещевая и посещая.

3. *Рече же к винареви: се, третье лето, отнелиже прихожду ища плода на смоковнице сей, и не обретаю.* Приходил прежде Закона, потому что через естественный разум давал знать, что каждый, по примеру Его, должен делать в отношении к ближнему. Приходил в Законе, потому что учил заповедями. Приходил после Закона благодатью, потому что ясно показал присутствие любви Своей. Но несмотря на то, Он жалуется, что в три лета не нашел плода, потому что душ некоторых нечестивцев ни вдохновенный естественный закон не

исправляет, ни заповеди не научают, ни чудеса воплощения Его не обращают. Но что выражается через виноградаря, если не порядок предстоятелей? Они, начальствуя в Церкви, именно имеют попечение о винограднике Господнем. Ибо этого виноградника первым виноградарем был Апостол Пётр. За ним следуем мы, недостойные, сколько трудимся для научения вашего в учении, молитве, в обличении.

4. Но с великим уже страхом надобно слушать то, что говорится виноградарю о бесплодном дереве: *посецы ю (убо), вскую и землю упражняет?* Каждый по мере своей, на сколько занимает места в настоящей жизни, если не приносит плода доброго делания, занимает землю, как бесплодное дерево, потому что на том месте, на котором стоит, не дает возможности действовать другим. Но в сем веке всякий сильный, если не имеет плода доброго делания, препятствует и другим (иметь), потому что находящиеся под его властью стесняются примером нечестия его, как бы тенью его развращения. Если наверху стоит бесплодное дерево, то внизу земля лежит бесплодной. Сверху бесплодного дерева отбрасывается густая тень и никак не позволяет солнечным лучам проникать до земли; потому что когда все подчиненные развратного покровителя видят развратные примеры, тогда и сами, оставаясь бесплодными, лишаются света истины. И будучи стеснены тенью, они не принимают теплоты солнечной, потому что остаются холодными к Богу с той стороны, с которой в этом веке худо им покровительствуют. Но с этого всякого развращенного и сильного Бог уже почти не взыскивает. Ибо после того, как он потерялся, надобно только спрашивать, для чего он и других стесняет? — Поэтому господин того же виноградника хорошо говорит: *вскую и землю упражняет?*

Потому что землю занимает тот, кто обременяет чужие души; землю занимает тот, кто занимаемое им место не оправдывает добрыми делами.

5. Но, несмотря на то, наш долг — молиться за таковых. Ибо послушаем, что говорит виноградарь: *господи, остави ю и се лето, дондеже окопаю окрест ея*. Что значит *окопать* смоковницу, если не обличать бесплодные души. Ибо всякое окапывание бывает снизу. И обличение, показывая душу ей самой, именно унижает. Итак, сколько раз мы обличаем кого-либо за грех его, столько раз, по обязанности возделывания, мы как бы окапываем бесплодное дерево. Но послушаем, что говорится после окопания: и *осыплю гноем*. Что значит *гной* (навоз), если не памятование о грехах? Ибо грехи называются пометом плоти. Поэтому и через Пророка говорится: *согнали рабочие скоты в помете своем* (Иоил. 1, 17)*. Потому что согнуть рабочим скотам в помете своем значит — окончить жизнь всем плотским (людям) в удовлетворении похоти. Итак, сколько раз мы обличаем плотскую душу за грехи ее, сколько раз приводим на память ее прежде содеянные пороки, — столько раз мы как бы навозом облагаем бесплодное дерево, дабы она (душа) приводила на память содеянные грехи и как бы от навоза тучнела для благодати сокрушения. Навоз кладется к корню дерева, когда размышление производит в памяти сознание в своем нечестии. И когда душа через раскаяние возбуждается к слезам и преобразуется для благодати доброго делания, когда корень сердца, как бы через прикосновение к нему навоза, обновляется к плодоносию добра, тогда она рыдает о том, что припоминает из содеянного ею, отвращается от самой

* По Вульгате.

себя, какова она была по воспоминанию, принимает решительное намерение вопреки себе и воспламеняет дух к лучшему. Итак, от навоза дерево оживает к плодоприношению, потому что от размышления о грехе душа восстанавливается к добрым делам. — Впрочем, много есть таких, которые слушают обличение, брань и однако же не хотят обратиться к покаянию, и, будучи бесплодными для Бога, в этом веке зеленеют. Но послушаем, что уходчик за смоковницею присовокупляет: *аще убо сотворит плод: аще ли же ни, во грядущее посечеши ю*. Потому что кто здесь не хочет принимать сочности для плодоприношения от брани, тот действительно падает туда, откуда уже не может встать через покаяние, и будет посечен в будущем, хотя здесь без плода кажется стоящим с зеленью.

6. *Бяше же уча на едином от сонмищ в субботу: и се, жена бе имущи дух недужен лет осмьнадесятъ*. Выше мы уже сказали, что это было третье пришествие Господа к бесплодной смоковнице, на что указывает число — восемнадцать лет в скорченной женщине. Ибо человек сотворен в шестой день (Быт. I, 27), и в тот же шестой день закончены все дела Господни. Но число шесть, помноженное на три, дает восемнадцать. Итак, поскольку человек, сотворенный в шестой день, не захотел иметь дел совершенных, но прежде Закона, под Законом и в начале благодати был слаб, то он был восемнадцатилетней скорченной женщиной. *И бе сляка и не могуци восклонитися отнюд*. Всякий грешник, помышляющий о земном, не ищущий небесного, не может смотреть вверх, потому что, предаваясь низшим пожеланиям, он уклоняется от прямого ума своего и всегда видит только то, о чем помышляет. — Возлюбленнойшая братия, обратитесь к сердцам своим, всегда надзирайте, что вы ежечасно содержите в своих

помышлениях. Один помышляет о почестях, другой — о деньгах, третий — о добычах. Все это внизу; и когда ум в этом запутывается, тогда он уклоняется от прямоты своего положения. А поскольку он не приподнимается к осенению небесного, то никак не может смотреть вверх, как скорченная женщина.

7. Далее следует: *видев же ю Иисус, пригласи и рече ей: жено, отпущена еси от недуга твоего. И возложи на ню руце: абие простресе*. Подозвал и выпрямил, потому что просветил и помог. Он призывает, но не выпрямляет, когда мы, хотя и просвещаемся благодатью Его, но не можем получить помощи, по мере заслуг наших. Ибо мы большей частью видим, что надобно делать, но на деле не исполняем того. Усиливаемся — и оказываемся слабыми. Суждение ума видит прямоту, но перед ним изнемогает сила в исполнении, потому, что от наказания греха происходит, что хотя по дару (благодати) может быть видимо добро, но видимое удаляется от него по заслуге. Ибо привычная виновность связывает душу так, что сия отнюдь не может подняться до прямоты. Усиливается — и падает, потому что где добровольно пробыла долго, туда по принуждению падает, хотя бы и не хотела. Об этой нашей скорченности в образе рода человеческого хорошо говорится через Псалмопевца: *пострадах и слякохся до конца* (Пс. XXXVII, 7). Ибо размыслив, что человек создан был для созерцания Вышнего Света, но за грехи изгнанный вон, носит мрак в душе своей, Вышнего не желает, стремится к низшему, небесного отнюдь не хочет, в душе обносит всегда земное, он скорбел о том, что заметил в роде человеческого, и от себя самого воскликнул, говоря: *пострадах и слякохся до конца*. Ибо человек, теряющий созерцание небесного, если бы стал помышлять только о необходимом

для плоти, то пострадал бы и был скорчен, однако же был бы скорчен не *до конца*. Итак, тот, кого от высших помыслов не только необходимость отвлекает, но и самое непозволенное удовольствие удаляет, не только есть скорченный, но скорченный *до конца*. Поэтому другой Пророк о нечистых духах говорит: *уже рекоша души твоей, преклонися, да минем* (Ис. LI, 23). Потому что душа стоит прямо, когда желает высшего, и отнюдь не преклоняется к нижнему. Но злые духи, когда видят ее стоящей в своей прямоте, не могут перейти через нее. Ибо перешествие их значит внушение ей нечистых пожеланий. Поэтому они и говорят: *преклонися, да минем*; потому что если душа сама себя не унижает до низких пожеланий, то их злоба никакой не имеет силы над ней; и они не могут перейти через ту, которой боятся, как холодной к ним от внимания к высшему.

8. Итак, возлюбленнейшая братия, не даем ли мы в себе дорогу злым духам, когда страстно желаем земного, когда прогибаемся к желаниям временного? Поэтому стыдно страстно желать земного и подставлять выи душ переходящим через них врагам. Тот всегда смотрит в землю, кто скорчен; а кто желает самого низкого, тот не помнит, какой ценой искуплен. Поэтому и через Моисея говорится, чтобы горбатый отнюдь не был производим во священника (Лев. XXI, 20). А мы, сколько нас искуплено кровью Христа, соделываемся членами того же верховного Первосвященника. Поэтому нам и говорится через Петра: *вы же род избран, царское священство* (1 Пет. II, 9). Но кто скорчен, тот всегда смотрит вниз. Следовательно, лишается священства, потому что кто привержен к одному только земному, тот сам для себя свидетель, что он не член Верховного Священника. Поэтому опять

запрещается верующему народу есть рыб, которые не имеют перьев (Лев. XI, 10). Потому что рыбы, имеющие чешуйчатые перья, обыкновенно делают скачки и над водою. Итак, что предобразуется крылатыми рыбами, если не избранные души? Подлинно они только переходят в состав Церкви Небесной; только опершись на перышки добродетелей, они умеют делать скачки желанием Небесного, чтобы созерцанием стремиться к Вышнему, хотя и опять возвращаются сами в себя по причине смертного тела. Итак, если мы уже верно знаем блага Небесного Отечества, то нам, возлюбленнойшая братия, не должно нравиться то, что мы скорчены. Воображайте перед взором вашим скорченную женщину и бесплодную смоковницу. Будем вспоминать о содеянных нами грехах, обложим корень сердца навозом, чтобы тогда тучнело плодом воздаяния то, что здесь мерзело нам через покаяние. И если мы не можем исполнить всех добродетелей, то сам Бог радуется нашему плачу. Ибо Ему будем благоугождать самым началом правосудия мы, которые будем сами наказывать несправедное, содеянное нами. В плаче не должно быть замедления, потому что пребывающие радости довольно скоро осушают переходящие слезы через Господа нашего Иисуса Христа, Который живет и царствует со Отцом в единении Св. Духа, Бог, через все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXII,

говоренная к народу в храме Святых Прокесса
и Мартиниана в день преставления их.
Чтение Св. Евангелия: Лк. IX, 23-27.

Во время оно, рече Иисус учеником Своим: аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и последует Ми. Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради, сей спасет ю. Что бо пользы имать человек, приобрет мир весь, себе же погубив или отщетив; иже бо аще постыдится Мене и Моих словес, сего Сын человеческий постыдится, егда придет во славе Своей и Отчей и Святых Ангел. Глаголю же вам воистинну: суть неции от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие.

1. Поскольку Господь и Искупитель наш явился в мир новым человеком, то и миру дал новые заповеди. Ибо ветхой нашей жизни, воспитанной в пороках, противопоставил Свое обновление. Ибо что знал ветхий, плотской человек, если не то, чтобы удерживать свое, похищать чужое, если имел возможность, а если не имел возможности, то желать его? Но Врач Небесный противопоставляет каждому пороку порознь пригодные врачевства. Ибо, как по врачебной науке, горячее врачует холодным, а холодное горячим, так и Господь наш дал заповеди, противоположные грехам, так что невоздержным заповедал воздержание, скупым — щедрость, гневливым — кротость, гордым — смире-

ние. Известно, что Он, давая последующим за Ним новые заповеди, сказал: *всяк от вас, иже не отречется всего своего имени, не может быть Мой ученик* (Лк. XIV, 33). Ясно Он как бы так говорит: «По ветхой жизни вы желали чужого, по усердию нового обращения, вы и свое раздавайте щедро». Но послушаем, что Он говорит в сегодняшнем чтении: *аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе*. Там говорится, чтобы мы отвергались нашей собственности; здесь говорится, чтобы мы отвергались самих себя. И, быть может, не трудно для человека оставить свою собственность, но весьма трудно оставить самого себя. Потому что еще не много значит отказаться от того, что он имеет, но весьма много значит отказаться от того, что он есть.

2. Но Господь нам, приходящим к Нему, заповедует, чтобы мы отреклись от своей собственности; потому что, приходя на сражение Веры, мы вступаем в борьбу с злыми духами. Но злые духи ничего собственного не имеют в этом мире. Следовательно, нагие должны бороться с нагими. Ибо если кто одетый борется с нагим, то скоро повергается на землю, потому что имеет то, за что может быть удержан. Ибо что значит все земное, если не некие одежды тела? Итак, кто идет на сражение против диавола, тот должен скинуть одежды, дабы не поддаться ему. Он ничем не должен владеть в мире сем с пристрастием, никаких наслаждений не должен искать в вещах преходящих, дабы не быть увлеченным к падению тем, чем по желанию прикрывается. Впрочем, недостаточно оставить нашу собственность, если мы не оставляем и самих себя. Что же это мы говорим: оставить и самих себя? Ибо если мы оставим самих себя, то куда пойдем вне себя? Или: кто ходит, если себя оставил? Но иное мы — падшие во грех, а иное — чем мы были сотворены. Ибо вот

тот, кто был гордым, обратившись ко Христу, соделался смиренным, оставил самого себя. Если кто из роскошных переменял жизнь на воздержную, то он отрекся от того, чем был. Если кто-нибудь жадный перестал жадничать, и тот, кто прежде похищал чужое, научился раздавать собственное, то, без сомнения тот и другой оставил самого себя. Хотя по природе он тот же самый, но не тот по злости. Поэтому-то написано: *аможе обратится нечестивый, исчезает* (Притч. XII, 7). Ибо обращенные нечестивцы исчезают не потому, будто уже их не бывает по существу, но именно потому, что их уже нет по виновности в нечестии. Итак, мы тогда оставляем самих себя, тогда отвергаемся самих себя, когда удаляемся того, чем были по ветхости, и стремимся к тому, чем называемся по новости. Размыслим, как отвергался самого себя Павел, который говорил: *живу же не ктому аз* (Гал. II, 20). Ибо исчезал оный жестокий гонитель, и начинал жить благочестивый проповедник. Если бы он оставался тем же самым, то решительно не был бы благочестивым. Но тот, кто говорит, что он уже не живет, пусть скажет, откуда же то, что святые слова оглашают слух учением истины? — Он тотчас присовокупляет: *но живет во мне Христос* (Там же). Ясно он как бы так говорит: «Хотя я сам по себе исчез, потому что не живу по плоти, но не умер по существу, потому что духовно живу во Христе». Итак, пусть вещает Истина, пусть вещает: *иже хочет по Мне ити, да отвержется себе*. Потому что если кто не удаляется от самого себя, то он не приближается к Тому, Кто выше Его; и не может получить того, что по ту сторону от него, если не сумеет убить то, что он есть. Так овощные растения пересаживаются для того, чтобы усовершенствовались, и, как бы так сказать, искореняются

для того, чтобы возрастали. Но семена растений в земной смеси приходят в изнеможение для того, чтобы обильнее расти для возобновления рода своего. Ибо они кажутся потерявшими то, чем были, с той стороны, с которой начинают являться тем, чем не были.

3. Но кто уже отвергся пороков, тому надобно отыскать добродетели, в которых ему следует возрастать. Ибо, когда сказано: *аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе*; тогда тотчас присовокупляется: *и возмет крест свой, и последует Ми*. Ибо крест возлагается двояким образом, когда или тело измождается воздержанием, или душа поражается состраданием к ближнему. Рассмотрим, как тем и другим образом нес крест свой Павел, который говорил: *умерицвяю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключимь буду* (1 Кор. IX, 27). Вот мы выслушали о кресте телесном, состоящем в измождении плоти, теперь послушаем о кресте душевном, состоящем в сострадании к ближнему. Ибо он говорит: *кто изнемогает, и не изнемогаю; кто соблазняется, и аз не разжизаюся* (2Кор. XI, 29). Потому что совершенный проповедник, чтобы показать пример воздержания, носил крест на теле. А поскольку он носил на себе сочувствие чужой слабости, то носил крест в сердце.

4. Но поскольку некоторые пороки близки к самым добродетелям, то нам надобно сказать, какой порок близок к воздержанию плоти и какой — к состраданию душевному. Ибо в соседстве с воздержанием плоти иногда находится суетная слава, потому что когда видят худощавость в теле, бледность в лице, тогда хвалят явную добродетель; и тем скорее она выходит наружу, чем более через показанную бледность является взорам человеческим. И большей частью бывает, что дело, почитаемое совершаемым ради Бога, соверша-

ется для одних только одобрений человеческих. Это хорошо показывает образно тот Симон, который, будучи схвачен на пути (Мф. XXVII, 32) *, несет на раменах Крест Господень. Потому что чужие тяжести носят на раменах, когда что-либо совершается по тщеславию. Итак, кто означается через Симона, если не воздерживающиеся и тщеславящиеся? Они, хотя и измождают плоть воздержанием, но внутри не обретают плода от воздержания. Итак, Симон несет на раменах Крест Господень, потому что грешник, не располагаясь к доброму делу доброй волей, совершает праведное дело без плода. Почему тот же Симон несет крест, но не умирает? Потому что воздерживающиеся и тщеславящиеся, хотя и измождают тело воздержанием, но, по желанию славы, живут для мира. А с душевным состраданием большей частью живет в соседстве ложная любовь, которая иногда доводит оное до снисхождения к порокам, тогда как всякий не должен чувствовать сострадания к преступлению, но ревность. Потому что должно иметь сострадание к человеку и справедливость к порокам, чтобы в одном и том же человеке и любить добро, которым он сотворен и преследовать зло, которое он соделал, дабы, неосторожно прощая вину, нам не показаться, что мы уже не по любви сострадаем, но пали по нерадению.

5. Далее следует: *иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради, сей спасет ю.* Так говорится верующему: *Иже аще хочет душу свою спасти, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради, сей спасет ю.* Как будто бы земледельцу говорится: всякий хлеб ты теряешь, если со-

* Исходяща же обретоша человека Киринейска, именем Симона: и сему задеша понести крест Его.

блюдаешь; а если рассеиваешь, то возобновляешь. Ибо кто не знает, что всякий хлеб, разбрасываемый в семени, от взора теряется, в земле разлагается? Но он согнивает в земле с той стороны, с которой зеленеет в возобновлении. Но поскольку Святая Церковь имеет одно время гонения, а другое — мира, то Искупитель наш в заповедях различает самые времена ее. Ибо во время гонения надобно полагать душу, а во время мира надобно препобеждать те земные пожелания, которые преимущественно могут преобладать. Поэтому и ныне говорится: *что бо пользы имать человек, приобрет мир весь, себе же погубив или отщетив?* Когда нет гонения от врагов, тогда с особенной бдительностью надобно хранить сердце. Ибо во время мира через позволение жить дается возможность и чрезмерно желать чего-нибудь. Это именно чрезмерное желание удобно обуздывается, если тщательно обсуживается самое состояние чрезмерно желающего. Ибо для чего усиливаться в приобретении, когда не может быть постоянным самый тот, кто приобретает? Потому пусть каждый размыслит о своем течении — и он познает, что для него может быть достаточно и того малого, которое имеет. Но, может быть, он боится, чтобы на пути жизни сей не достало издержек. Краткий путь порицает наши продолжительные пожелания: напрасно многое несут, когда близок конец тому, что продолжается. Но большей частью мы и жадность препобеждаем, однако же есть еще препятствие, по которому мы пути правды храним с меньшей стражей совершенства. Ибо часто мы видим все падающим, но, несмотря на то, мы имеем еще в опасении людей препятствие к тому, чтобы иметь силу выразить в слове ту правду, которую храним в уме; и Лицо Божие в защищении правды презираем столько раз, сколько опасаемся лиц человечес-

ких, стоящих против правды. Но и для этой раны при-
совокупляется пригодное врачевство, когда Господь
говорит: *иже бо аще постыдится Мене и Моих словес,
сего Сын человеческий постыдится, егда приидет во
славе Своей и Отчей и Святых Ангел.*

6. Но вот ныне люди сами себе говорят: «Мы уже
не стыдимся Господа и слов Его, потому что откры-
тым голосом исповедуем Его». Я отвечаю им, что в
этом христианском народе есть некоторые, которые
исповедуют Христа потому, что видят всех Христиа-
нами. Ибо если бы имя Христа не было ныне в такой
славе, то Святая Церковь не имела бы стольких испо-
ведников Христовых. Итак, недостаточно голоса ис-
поведания для доказательства веры, которую всеоб-
щее исповедание защищает от стыда. Впрочем, есть
точка опоры, с которой всякий должен спрашивать
себя для того, чтобы истинно доказать, что он в испо-
ведании Христа уже не стыдится имени Его, уже всей
силой души подчинил себе стыд человеческий. Ибо во
время гонения, без сомнения, могли стыдиться верую-
щие, коих обнажали, лишали почестей, бичевали. Но
поскольку во время мира нет этих преследований нас,
то есть нечто, чем мы должны высказать самих себя.
Мы часто боимся презрения от ближних, нам непри-
ятно переносить словесные обиды; если, паче чаяния,
случится ссора с ближним, то мы стыдимся первые
приступить к прекращению ее. Потому что плотское
сердце, желая славы сей жизни, отвергает смирение.
И большей частью тот самый человек, который сер-
дится, желает примириться с враждующим, но стыдит-
ся первым идти на примирение. Размыслим о делах
Истины, чтобы видеть, где лежат дела нашего развра-
щения. Ибо если мы члены верховной Главы, то долж-
ны подражать Тому, с Кем соединены. Ибо что гово-

рит славный проповедник Павел для примера научения нашего? *По Христе убо молим, аки Богу молящу нами, молим по Христе: примиритесь с Богом* (2 Кор. V, 20). Вот мы грехом допустили разногласие между нами и Богом; и, несмотря на то, Бог первый послал к нам Своих Посланников, чтобы мы, согрешившие, по просьбе их шли к примирению с Богом. Итак, пусть будет стыдно гордости человеческой, пусть всякий приводится в смятение, если первый не приступает к примирению с ближним, когда Сам оскорбленный Бог через Своих Посланников умоляет после нашей виновности, чтобы мы примирились с Ним.

7. Далее следует: *глаголю же вам воистинну: суть неции от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие*. Царством Божиим, возлюбленнейшая братия, не всегда на священном языке называется Царство Будущее, но иногда называется и настоящая Церковь. Почему и написано: *послет Сын человеческий Ангелы своя, и соберут от царствия Его вся соблазны* (Мф. XIII, 41). В том царстве, в которое решительно не допускают нечестивых, не будет соблазнов. Из этого именно примера выходит заключение, что в этом месте Царством Божиим называется настоящая Церковь. И поскольку некоторые из учеников в теле будут жить дотолѣ, доколе увидят Церковь Божию устроенной и, наперекор славе мира сего, воздвигнутой, то в утешительном обетовании теперь говорится: *суть неции от zde стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие*. Но когда Господь дал такие заповеди о смерти, то что была за нужда, чтобы за ней вдруг следовало обетование? Если на это мы основательно обратим внимание, то узнаем, с какою экономией любви оно делается. Ибо ученикам, еще неопытным, надобно было дать

какое-либо обетование о настоящей жизни для того, чтобы они могли крепче увериться в будущей. Так израильскому народу, освобожденному из земли Египетской, обещается земля обетованная, и когда он должен был призываем быть к дарам небесным, убеждается земными обетованиями. Для чего это? Для того, чтобы он, получив нечто вблизи, тверже веровал тому, о чем мог слышать издали. Ибо плотской народ, если бы не получал малого, то не стал бы веровать великому. Итак, Всемогуший Бог дарованием земного убеждает к небесному для того, чтобы получающий то, что видит, учился надеяться того, чего не видит; и чтобы тем увереннее был в невидимом, чем более подкрепляют его в известности видимые надежды обетования. Поэтому справедливо и через Псалмопевца говорится: *даде им страны язык, и труды людей наследоваша: яко да сохраняют оправдания Его, и закона Его възыщут* (Пс. CIV, 44-45). Так и в этом месте Истина, говоря с неопытными учениками, обещает им видение Царства Божия на земле для того, чтобы они вернее веровали в оное на небе. Итак, по самому Царству, которое видим возвышенным на земле, мы надеемся Царства, которое веруем получить на небе. Ибо есть некоторые, которые носят на себя имя христиан, но не имеют христианской веры. Они дают цену только видимому, а невидимого не желают, потому что сомневаются в бытии его. Мы, братие мои, стоим при мощах Мучеников. Неужели они предали бы тело свое на смерть, если бы им решительно не было известно, что есть жизнь, ради которой должно умереть? И вот те, которые веровали, прославляются чудесами. Ибо к убитым их телам приходят больные живущие — и исцеляются, приходят клятвопреступники — и мучатся от диавола, приходят бесноватые — и освобождают-

ся. Итак, каким образом они живут там, где живут, если в столь великих чудесах проявляют жизнь здесь, где умерли?

8. Я расскажу вам, братие, о событии, кратком по слову, но немаловажном по достоинству; о нем я узнал из сказания некоторых благочестивых старцев. Во время готфов была некоторая благородная и весьма набожная женщина, которая часто ходила в церковь сих Мучеников. В один день, когда она по обычаю приходила помолиться, при выходе она видит двух монахов, стоящих в страннической одежде; она подумала, что это странники и велела подать им какую-либо милостыню. Но прежде, нежели раздатчик ее приблизился к ним для подания милостыни, они очутились близ нее и сказали: «Теперь ты нас посещаешь, а мы отыщем тебя в день судный и доставим тебе, что можем». Сказав это, они стали невидимы. Устрашенная, она возвратилась на молитву и излила ее в обильнейших слезах. И после этого она соделалась тем усерднее к молитве, чем увереннее была в обетовании. Но если, по слову Павла, *есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (Евр. XI, 1), то мы уже отнюдь не скажем, что вы веруете в Жизнь Будущую; потому что сами те, которые в ней живут, видимо являются взорам человеческим. Ибо что может быть видимо, то приличнее называется знанием, нежели верой. Итак, Господь хотел, чтобы мы Будущую Жизнь более знали, нежели веровали в нее, показывая нам даже видимо тех, которых невидимо принимает к Себе на жительство.

9. Итак, возлюбленная братия, их-то соделайте ходатаями в деле вашего испытания, которое будете иметь перед нелицеприятным Судией; их-то употребите в защитники в день такого страха Его. Извест-

но, что если бы завтрашний день какое-либо ваше дело предполагалось к решению у какого-либо великого Судии, то весь сегодняшний день проведен был бы в размышлении, ваше братство искало бы покровителя, умоляло бы его, чтобы он был для вас защитником перед таким Судией. — Вот грядет Праведный Судия, Иисус; страх обымает от толикого сопутствия Ему Ангелов и Архангелов. На этом пришествии решается наше дело, и однако же мы не отыскиваем покровителей, которые были бы тогда нашими защитниками. У нас есть защитники — Святые Мученики; они желают, чтобы их просили и, так сказать, ищут, чтобы их искали. Поэтому их-то просите быть помощниками в вашей молитве, в них-то приобретайте защитников в вашей виновности, потому что и Сам Тот, Кто судит, дабы не наказывать грешников, желает быть умоляемым. Поэтому-то Он, и так задолго, угрожает гневом, однако же милосердо ожидает. Но Его милосердие должно оживлять нас так, чтобы отнюдь не делать нас небрежными. Наши грехи должны возмущать нас так, чтобы душа не впадала в отчаяние; потому что, хотя мы решаясь на покаяние, боимся, но боясь надеемся, что мы скоро получим Вечное Царство через Того, Кто живет и царствует со Отцом в единении Святого Духа, Бог, через все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIII,

говоренная к народу в храме Св. Климента в 24 день сентября.

Чтение Св. Евангелия: Лк. VII, 36-50.

Во время оно, моляше же (Иисуса) Его некий от фарисей, дабы ял с ним: и вшед в дом фарисеов, возлеже. И се жена во граде, яже бе грешница, и уведевши, яко возлежит во храмине фарисеове, принесши алавастр мира: и ставши при ногу Его созади, плачуущися, начат умывати нозе Его слезами, и власы главы своея отираше, и облобызаше нозе Его, и мазаше миром. Видев же фарисей воззавый Его, рече в себе, глаголя: сей аще бы был Пророк, ведел бы, кто и какова жена прикасается Ему: яко грешница есть. И отвещав Иисус рече к нему: Симоне, имам ти нечто рещи. Он же рече: Учителю, рцы. Иисус же рече: два должника беста заимодавцу некоему: един бе должен пятиюсот динарий, другой же пятидесять. Не имущема же има воздати, обема отда. Который убо ею, рцы, паче возлюбит его; отвещав же Симон рече: мню, яко емуже вящие отда. Он же рече ему: право судил еси. И обращься к жене, Симонови рече: видиши ли сию жену; внидох в дом твой, воды на нозе Мои не дал еси: сия же слезами облия Ми нозе и власы главы своея отре. Лобзания Ми не дал еси: сия же, отнелиже внидох, не преста облобызаючи Ми нозе. Маслом главы Моея не помазал еси: сия же миром помаза Ми нозе. Егоже ради, глаголю ти, отпущаются греси ея мнози, яко возлюби много: а емуже мало оставляется, меньше любит.

1. Размышляя о покаянии Марии, я считаю более приличным плакать, нежели говорить что-либо. Ибо чьею сердца, хотя бы оно было каменное, не размягчат эти слезы сей грешницы до подражания в покаянии? Ибо она обсудила то, что сделала, и не хотела останавливаться на том, что делала. Она вступила в средину гостей, вступила без дозволения, среди пиршества пролила слезы. Научитесь, какою скорбью терзается та, которая плачет и среди пиршества не краснеет. Это, мы думаем, была та самая Мария, которую Лука называет грешницей, Иоанн — Марией, из которой, по свидетельству Марка, изгнано было семь бесов. И что означается через **семь бесов**, если не **все пороки**? Поскольку семью днями ограничивается все время, то справедливо **седмичным числом изображается всеобщность**. Итак, семь бесов имела Мария, которая была наполнена всеми пороками. Но вот она, усмотрев пятна своей гнусности, прибежала к Источнику милосердия умыться, не стыдясь гостей, там же бывших. Поскольку она чрезвычайно стыдилась самой себя внутри, то и не думала, чтобы можно было стыдиться чего-либо отвне. Итак, братие, что мы удивляемся Марии, пришедшей к приемлющему Господу? Говорю: приемлющему, но не влекущему ли? Скажу лучше: влекущему и приемлющему, именно потому, что внутренне привлек ее Тот, Кто отвне принял с кротостью. Но следя за чтением Св. Евангелия, рассмотрим самый порядок, в каком приступила ищущая врачевания.

2. *Принесши алавастр мира: и ставши при ногу Его созади, плачущися, начат умывати нозе Его слезами, и власы главы своея отираше, и облобызаше нозе Его, и мазаше миром.* Известно, братие, что женщина, доселе занятая непозволительными деяниями, употребля-

ла мирю для себя, для пахучести плоти ее. Итак, что гнусно употребляла она для себя, то со славой уже приносила Богу. Очами она желала земного, но уже омочила их слезами, сокрушаясь от раскаяния. Волосы употребляла она для благообразия лица, но теми же самыми волосами она уже отирала слезы. Устами произносила она гордостное, но целуя ноги Господа, она прилепляла их к стопам своего Икупителя. Итак, сколько она имела в себе утех, столько нашла за себя приношений. Число преступлений превратила в число добродетелей так, чтобы в покаянии все служило Богу, что в преступлении презирало Бога.

3. Но несмотря на это, фарисей презирает и укоряет не только пришедшую грешную женщину, но и приемлющего ее Господа, думая сам в себе: *Сей аще бы был Пророк, ведел бы, кто и какова жена прикасается Ему: яко грешница есть.* Вот фарисей, поистине гордый сам в себе и ложно правдивый, укоряет больную за болезнь, Врача — за пособие, будучи сам и болен раной гордости, и не сознавая того. Но Врач находился среди двух больных: но один больной в болезни сохранил здравый смысл, а другой в телесной болезни потерял даже здравый смысл. Потому что та (женщина) плакала о том, что соделала, а фарисей, надутый мнимой праведностью, увеличивал силу своей болезни. Итак, в болезни даже и смысл потерял тот, кто не признавал того, что он болен. Но между тем мы готовы плакать, взирая на некоторых мужей нашего сана, которые, имея обязанность священническую, если что-либо по внешности или просто. быть может, сделают справедливое, тотчас презирают подчиненных и пренебрегают всех грешников, состоящих в народе; не хотят сострадать им, исповедующим свою греховность, и как бы, по обычаю фарисея, презирают при-

косновение жены-грешницы. Подлинно, если бы эта женщина приступила к ногам фарисея, то именно отступила бы от него, пинаемая ногами. Ибо он думал, будто оскверняется чужим грехом. Но поскольку он не имел истинной праведности, то стал больным от чужой раны. Поэтому всегда необходимо нам, смотря на каждого грешника в его несчастии, сожалеть прежде о самих себе, потому что, быть может, или мы пали в подобные (грехи), или можем пасть, если не пали. И хотя суд учительства всегда должен преследовать пороки, однако же тщательно должно различать, что мы должны быть строги к порокам и сострадательны к природе. Ибо, если должен быть отвергаем грешник, то должен быть питаем ближний. Но когда сам он уже сокрушает то, что соделал, то этот ближний наш уже не грешник, потому что, направляя против себя Правосудие Божие, он наказывает в себе и то, что порицается Правосудием Божиим.

4. Но послушаем, какой мыслью побеждается этот гордый и высокомерный (фарисей). Ему предлагается притча о двух должниках, из которых один должен менее, а другой — более; и когда тому и другому должнику прощены долги, то спрашивается, кто из них более будет любить займодавца? — На этот вопрос он тотчас отвечает: *мню, яко емуже вящше отда*. В этом событии надобно заметить то, что фарисей, поражаемый своей же мыслью, похож на сумасшедшего, несущего веревку, которой должен быть связан. Ему перечисляются добрые дела грешницы, перечисляются и недобрые (дела его), ложного праведника, когда говорится: *внидох в дом твой, воды на нозе Мои не дал еси: сия же слезами облия Ми нозе и власы главы своея отре. Лобзания Ми не дал еси: сия же, отнелиже внидох, не преста облобызаючи Ми нозе. Маслом главы*

Моя не помазал еси: сия же миром помаза Ми нозе. А после перечня произносится суд: егоже ради глаголю ти, отпускаются греси ея мнози, яко возлюби много. Что, братия мои, должны мы разуместь под именем любви, если не огонь? И что под виновностью, если не ржавчину? Поэтому-то теперь говорится: *отпускаются греси ея мнози, яко возлюби много.* Ясно как бы так говорится: «Она решительно истребила ржавчину греха, потому что сильно горит огнем любви». Ибо тем более истребляется ржавчина греха, чем сильнее огнем сожигается сердце грешника. Вот та, которая пришла ко Врачу больной, исцелилась, но об исцелении ее болезнуют другие. Ибо возлежавшие с Ним начали говорить про себя: *кто Сей есть, Иже и грехи отпускает?* Но Небесный Врач не презирает и тех больных, о которых предвидит, что от врачевства они делаются худшими. Но ту, которую исцелил Он, ободряет мыслью любви своей, говоря: *вера твоя спасе тя: иди в мире.* Ибо вера спасла ее, потому что она не сомневалась в возможности получить то, чего просила. Но и самую несомненность в надежде она получила от Того, от Кого с надеждой просила спасения. Ей повелевается *идти в мире* для того, чтобы она более уже не совращалась с пути истины на путь соблазна. Поэтому и через Захарию говорится: *направить ноги наша на путь мирен* (Лк. I, 79). Ибо мы направляем ноги наши *на путь мирен* тогда, когда идем тем путем действий, на котором не разногласим с благодатью нашего Виновника.

5. Это мы, возлюбленнейшая братия, рассмотрели по историческому изложению; а теперь, если угодно, обсудим сказанное в таинственном смысле. Ибо кого обозначает **фарисей**, надменный ложной праведностью, если не **иудейский народ**? Кого — **женщина-греш-**

ница, но припадающая к стопам Господа и плачущая, если не обратившееся язычество? — Она, пришед с алавастром, излила миро, стала у ног Господа сзади, облила ноги слезами, отирала волосами, не преставав лобызать эти самые ноги, которые обливала и вытирала. Итак, эта женщина предызобразила нас, когда мы после грехов всем сердцем обращаемся ко Господу, когда подражаем слезам ее покаяния. Ибо что выражается помазанием, если не благоухание доброго расположения? Поэтому и Павел говорит: *Христово благоухание есмы Богови во всяцем месте* (2 Кор. II; 14, 15). Итак, если мы совершаем добрые дела, которыми проливаем на Церковь благоухание доброго расположения, то что изливаем на тело Господне, если не алавастр мира? — Но женщина стояла позади ног Господа. Ибо мы стояли против ног Господа, когда находясь во грехах, шли вопреки путям Его. Но если мы, после грехов, обращаемся к истинному покаянию, то становимся уже позади ног Его, потому что последуем стопам Того, с Кем встречались на противоположном пути. — Женщина оmyвает ноги Его слезами, что действительно делаем и мы, если состраждем каждому из последних членов Господа, если в несчастии сочувствуем Святым Его; если скорбь их считаем своей скорбью? — Женщина отерла волосами те ноги, которые омочила. Потому что волосы составляют излишек на теле. И что имеет излишествующее земное вещество, если не вид волос? Оно, имея излишек против употребления на необходимое, не чувствует даже острижения. Итак, мы волосами отираем ноги Господа тогда, когда Святым Его, коим сочувствуем любовью, уделяем еще из того, что для нас излишне; потому что душа от сострадания болезнует так, что щедрая рука обнаруживает качество ее соболезнования.

Ибо слезами обливает ноги Икупителя, но не отирает их своими волосами тот, кто хотя и сочувствует скорби ближних, однако же ничего не уделяет им от своих избытков. Обливает слезами, а не оттирает тот, кто хотя на словах и выражает сострадание, однако же, не доставляя им того, в чем они имеют недостаток, нимало не уменьшает силы их скорби. Женщина лобызает те ноги, которые оттирает. — Это вполне совершаем и мы, если искренно любим тех, которых поддержим на свой счет, так что для нас не тягостна необходимость ближнего, ни самая бедность его, поддерживаемая нами, для нас не обременительна; и когда рука дает необходимое, тогда сердце услаждается любовью.

6. Впрочем, под именем ног можно разуместь самое таинство воплощения Его (Икупителя), в котором Божество коснулось земли, потому что приняло плоть. *И Слово плоть бысть, и вселися в ны* (Ин. I, 14). Итак, мы лобызаем ноги Икупителя, когда всем сердцем любим таинство воплощения Его. Миром помазуем ноги, когда с верным разумением Св. Писания проповедуем о самой силе вочеловечения Его. — Но это видит фарисей и ненавидит, потому что когда иудейский народ видит, что язычество проповедует о Боге, тогда сдается от своей собственной злости. Но Икупитель наш перечисляет дела той же самой женщины как добрые дела язычества для того, чтобы иудейский народ уразумел, в каком несчастии он закосневает. Ибо фарисей обличается так, чтобы через него, как мы сказали, ясно был виден этот вероломный народ. *Внидох в дом твой, воды на нозе Мои не дал еси: сия же слезами облия Ми нозе.* Так как вода вне нас, а влага слез внутри нас, поэтому именно этот неверующий народ никогда не раздавал ради Господа даже

внешних своих благ, а обратившееся язычество не только расточило ради Его имущество, но и пролило кровь. *Лобзания Ми не дал еси: сия же, отнелиже внидох, не преста облобызаючи Ми нозе.* Потому что лобзание есть выражение любви. И неверный этот народ не дал лобзания Богу, потому что не хотел сердечно любить Того, Кому служил по страху. А призванное язычество не престаёт лобызать стопы своего Икупителя, потому что не престаёт дышать любовью к Нему. Поэтому и голосом невесты о Том же Икупителе ее говорится: *да лобжет мя от лобзаний уст Своих* (Песн. I, 1). Она справедливо желает лобзаний от своего Создателя, готовясь последовать за Ним любовью. *Маслом главы Моея не помазал еси.* Если мы ноги Господа принимаем за таинство воплощения Его, то, согласно с тем, главой Его означает Самое Божество. Почему и через Павла говорится: *глава Христу Бог* (1 Кор. XI, 3). Потому что израильской народ исповедовал, что он верует в Бога, а не в Него, как Человека. Но фарисею говорится: *маслом главы Моея не помазал еси*, потому что израильской народ не хотел проповедовать с достойной похвалой о том самом могуществе Божества Его, в Которое обещался верить. *Сия же миром помаза Ми нозе;* потому что язычество, уверовав в таинство воплощения Его, с величайшей похвалой проповедовало даже об унижении Его. Но Икупитель наш перечисленные добрые дела заключает присовокуплением суда: *егоже ради, глаголю ти, отпущаются греси ея мнози, яко возлюби много.* Ясно говорит Он как бы так: «Хотя бы и весьма жестоко было то, что варится, однако же огня любви достаточно для того, чтобы размягчить даже жесткое».

7. Между тем, можно взглянуть и на оценку столь великой любви. С какой оценкой Истина наблюдает

за делами любви женщины грешной, но кающейся, перечисляя их противнику ее под таким разделением! — Господь возлежал за трапезой фарисея, но умственным пиршеством наслаждался у кающейся женщины. У фарисея Истина была питаема внешним образом; у женщины грешной, впрочем, обратившейся, была питаема внутренним образом. Поэтому и Св. Церковь в Песни Песней, отыскивая Его под видом Пастыря ланей, говорит Ему: *возвести ми, Егоже возлюби душа моя, где пасеши, где почиваеши в полудне* (1, 6)? Потому что пастырем ланей называется Господь, Сын древних отцов по принятой плоти. Но в полудни жар палит сильнее, и пастырь ищет тенистого места, которого жар не проникал бы огнем. Итак, Господь почивает в тех сердцах, которых не палит любовь настоящего века, которых не распаляют пожелания плоти, которые не горят от пожеланий мира сего, будучи пламенеемы от своего сильного желания. Поэтому и Марии говорится: *Дух Святый найдет на тя, и Сила Вышняго осенит тя* (Лк. I, 35). Итак, пастырь для пастбища в полдень отыскивает тенистые места, потому что Господь пасет такие души, которые, будучи умеряемы действиями благодати, не горят от телесных пожеланий. Следовательно, кающаяся женщина внутренним образом более питала Господа, нежели фарисей внешним образом, потому что от жара плотских (людей) Искупитель наш, как бы пастырь, убегал к сердцу ее, которое после огня пороков умеряла тень покаяния.

8. Помыслим, коlikой любви свойственно, не только допустить к Себе грешную женщину, но и предоставить ей ноги для прикосновения. Рассудим о благодати милосердия Божия и обвиним множество нашей виновности. Вот Он видит грешников и поддер-

живает, терпит противящихся и, несмотря на то, ежедневно через Евангелие милостиво призывает, желает чистосердечного нашего исповедания, и все наши беззакония готов простить. Строгость закона растворял Он для нас милосердием Искупителя. Потому что в том написано: если кто сделает то или другое — смертью да умрет. Если кто сделает то или другое, камнями да побиен будет (Исх. XIX, 12; Лев. XX, 1 и далее). Явился во плоти Творец и Искупитель наш и исповеданию грехов не казнью (угрожает), но обещает жизнь; женщину, открывшую свои раны, приемлет и отпускает здоровой. Итак, Он строгость Закона склонил к милосердию; потому что тех, которых тот строго осуждает, Он милосердо освобождает. Поэтому хорошо даже в Законе написано, что *руце же Моисеовы тяжки беша: и взявше камень, подложиша ему, и сядяше на нем. Аарон же и Ор поддержаста руке ему* (Исх. XVII, 12). Потому что Моисей сидел на камени, доколе Закон имел силу в Церкви. Но этот самый Закон имел тяжелые руки, потому что не терпел милосердо всех грешников, а поражал их строгим осуждением. Но Аарон значит *гора крепости*, а Ор — *огонь*. Итак, кого прообразует эта гора крепости, если не Искупителя нашего, о Котором через Пророка говорится: *будет в последние дни явлена гора Господня, и дом Божий на версе гор* (Ис. II, 2)? Или кто предызображается огнем, если не Дух Святой, о Котором Тот же Искупитель говорит: *огня приидох вовреши на землю* (Лк. XII, 49)? Итак, Аарон и Ор поддерживают у Моисея отяжелевшие руки и поддерживанием облегчают отягчение их, потому что Посредник Бога и человеков, приходя с огнем Св. Духа, тяжкие заповеди Закона, неудобоисполнимые по плотскому разумению их, показал нам удобоисполнимыми по духовному их

разумению. Ибо Он как бы облегчил руки у Моисея тем, что тягость заповедей Закона свалил на силу исповедания. Это обетование милосердия Он внушает нам, Своим последователям, когда через Пророка говорит: *не хочу смерти грешника, но еже обратится, и живу быти ему* (Иез. XXXIII, 11). Поэтому опять под видом Иудеи каждой грешной душе говорится: *аще отпустит муж жену свою, и отыдет от него и будет мужу иному, егда возвращающийся возвратится к нему паки; еда непорочна будет и неосквернена жена та; ты же соблудила еси с пастырьми многими, и возвращался еси ко Мне, глаголет Господь* (Иер. III, 1). Вот Он представил пример непотребной женщины. Показал, будто она после непотребства принята быть не может. Но этот же самый представленный пример Он растворяет избытком милосердия, говоря, что блудная женщина отнюдь не может быть принята и, однако же Сам ожидает, чтобы принять блудодействовавшую душу. Обсудите, братья, великость такой любви. Он говорит, что этого быть не может, и вместе показывает, что Он же Сам может это совершить вопреки невозможности. Вот Он призывает даже тех, которых объявляет нечестивыми, желает еще их обнять, хотя и жалуется, что Он оставлен ими. Итак, никто не должен терять времени столь великого милосердия, никто не должен отвергать предлагаемых врачевств Божественной любви. Вот Верховная Благодать опять призывает к себе нас, удалившихся от нее, и возвращающихся нас готова принять на лоно своего милосердия. Итак, каждый должен подумать, какая обязанность возлагается на него, когда Бог ожидает его, дабы пренебрежение не было уже слишком грубым. Итак, кто не хотел пребывать на своем месте, пусть возвратится; кто пренебрег стоянием, пусть встанет, по крайней мере, после

падения. С какой любовью ожидает нас Создатель наш, об этом через Пророка Он говорит: *внимайте и слушайте: не тако ли воззлаголют: несть человек тво-
ряй покаяние о гресе своем, глаголя: что сотворих* (Иер. VIII, 6)? Известно, что мы никогда не должны были мыслить о зле. Но поскольку мы не захотели мыслить правильно, то вот Он поддерживает нас, чтобы мы вновь перемыслили. Взирайте на выражение такой любви, размышляйте об открытом для вас лоне милосердия; тех, которых Он потерял, как зломыслящих, отыскивает, как вновь добромыслящих. Итак, на себя самих, возлюбленнейшая братия, на себя самих обратите взор ума, и кающуюся грешную женщину имейте перед глазами для примера подражания; оплакивайте грехи, которые по вашему воспоминанию содеяны в юности, и которые в юношестве; пятна нравов и дел оmyвайте слезами. Пора уже нам опять возлюбить следы нашего Искупителя, которыми пренебрегали, согрешая. Вот, как мы сказали, лоно верховной любви открыто для принятия нас, и запятнанная в нас жизнь не подвергается презрению. Тем самым, что мы ужасаемся своего нечестия, мы уже соглашаемся на внутреннюю чистоту. Господь возвращающихся нас милостиво приемлет, потому что для Него уже не может быть недостойной та греховная жизнь, которая оmyвается слезами во Христе Иисусе, Господе нашем, Который живет и царствует со Отцом, Бог, в единении со Св. Духом, через все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIV,

говоренная к народу в храме блаженных Иоанна и Павла
в третий воскресный день по Пятидесятнице.

Чтение Св. Евангелия: Лк. XV, 1-10.

Во время оно, бяху приближающиеся к (Иисусу) Нему вси мытари и грешницы послушати Его. И роптаху фарисее и книжницы, глаголюще, яко Сей грешники приемлет и с ними яст. Рече же к ним притчу сию, глаголя: кий человек от вас имый сто овец, и погубль едину от них, не оставит ли девяносто и девяти в пустыни и идет вслед погибшия, дондеже обрящет ю; и обрет возлагает на раме свои радуясь: и пришед в дом, созывает други и соседы, глаголя им: радуйтеся со мною, яко обретох ову мою погубшую. Глаголю вам, яко тако радость будет на небеси о едином грешнице кающемся, нежели о девяносто и девяти праведник, иже не требуют покаяния. Или кая жсена имущи десять драхм, аще погубит драхму едину, не възсигает ли светильника, и пометет храмину и ищет прилежно, дондеже обрящет; и обретши созывает другини и соседы, глаголющи: радуйтеся со мною, яко обретох драхму погубшую. Тако, глаголю вами, радость бывает пред Ангелы Божиими о едином грешнице кающемся.

1. Жаркое время, весьма неблагоприятное для моего тела, долго препятствовало мне говорить об изъяснении Евангелия. Но неужели перестала гореть любовь, потому что безмолвствовал язык? Ибо я говорю о том, что каждый из вас опытно познает на себе са-

мом. Большею частью любовь, препятствуемая некоторыми занятиями, хотя в сердце горит по-прежнему, однако же на деле не выражается, потому что и солнце, закрываемое облаком, хотя и невидимо бывает на земле, однако же пламенеет на небе. Точно так и любовь, хотя внутри и сильно горит, но вовне не обнаруживает своего пламени. Но поскольку ныне возвратилось время для собеседования, то ваше усердие располагает меня к тому, чтобы я тем обильнее говорил, чем усерднее ждут этого ваши души.

2. В чтении Евангелия вы, братия мои, слышали, что грешники и мытари приступили к Искупителю нашему и приняты Им не только для собеседования, но и за общую трапезу. Видя это, фарисеи роптали. Из этого события заключайте, что истинная праведность имеет сострадание, а ложная — пренебрежение, хотя и праведные имеют обычай справедливо пренебрегать грешников. Но иное дело, которое делается по гордости, а иное то, которое совершается по ревности к учению. Ибо эти последние пренебрегают, но не пренебрегающие, отчаиваются, но не отчаивающиеся; преследуют, но любят; потому что, хотя внешним образом, через учение, бранят, однако же внутренне, по любви, сохраняют доброе расположение. Они в душе своей предполагают, что исправляемые ими большей частью лучше тех, которых они судят. Поступая именно таким образом, они и подчиненных сохраняют через учение, и самих себя через смирение. Напротив же, те, которые обыкновенно гордятся ложной праведностью, презирают всех прочих, не делая никакого снисхождения к слабым, и чем решительнее уверены, что они не грешники, тем тягчайшими бывают грешниками. В числе таковых именно были фарисеи, которые, осуждая Господа за то, что

Он принимал грешников, упорно укоряли самый источник милосердия.

3. Но поскольку они были больны так, что и не сознавали своей болезни, потому что не знали, чем они были, то Небесный Врач врачует их привлекательной пищей, предлагая занимательную притчу, и в сердце их указывает на опухоль раны. Ибо говорит: *кий человек от вас имый сто овец и погубль едину от них, не оставит ли девяносто девяти в пустыни, и идет вслед погибшия?* Вот Истина с дивным распоряжением любви предложила подобие, которое человек и в самом себе признавал бы за истину, и которое однако же в частности относилось бы к самому Виновнику людей. Ибо как сотенное число есть совершенное, то Он имел сто овец, когда сотворил Ангелов и человеков. Но одна овца затерялась тогда, когда согрешивший человек оставил пажить жизни. Он же оставил девяносто девять овец в пустыни потому, что оставил чистые сны Ангелов на небе. Но почему небо называется пустыней, если не потому, что пустыней называется место оставленное? Человек же оставил небо тогда, когда согрешил. А в пустыни оставалось девяносто девять овец тогда, когда Господь отыскивал одну на земле, потому что число разумной твари (именно: Ангелов и человеков), которое сотворено было для зрения на Бога, было уменьшено через падение человека, и для восстановления совершенного числа овец на небе, отыскиваем был на земле погибший человек. Что Евангелист в этом месте называет пустыней, то другой (Евангелист) называет горами, дабы показать высоту (Мф. XVIII, 12), именно потому, что не погибшие овцы стояли на высотах. — *И обрет возлагает на раме свои радуясь.* Овцу (Господь) возложил на рамена свои потому, что, приняв человеческое естество, Он

понес на Себе грехи наши. — *И пришед в дом, созывает други и соседы, глаголя им: радуйтесь со Мною, яко обретох овцу Мою погибшую.* По обретении овцы, Он возвращается в дом, потому что Пастырь наш, по восстановлении человека, возвратился в Царство Небесное. Там Он находит друзей и соседей, именно те сонмы Ангелов, которые суть друзья Его, потому что, по своему постоянству, неопустительно исполняют волю Его. Они же и соседи Его, потому что по любви к видению Его имеют непрестаемую к Нему близость. И замечательно, что Он не говорит: *радуйтесь с обретенною овцою*, но *со Мною*, именно потому, что радость Его есть жизнь наша, и когда мы возводимся на небо, тогда составляем торжество для Его радости.

4. *Глаголю вам, яко тако радость будет на небеси о едином грешнике кающемся, нежели о девяностах и девяти праведник, иже не требуют покаяния.* Нам, братья мои, надобно обсудить, почему Господь поведает, что на небе бывает большая радость об обратившихся грешниках, нежели о постоянных праведниках, если не потому, что мы сами видим в ежедневном опыте, что сознающие себя не подверженными никаким тяжким грехам, большею частью, хотя и стоят на пути праведности, не делают ничего недозволительного, однако же не усиленно порываются к Небесному Отечеству, и тем более дозволяют себе пользоваться вещами дозволенными, чем тверже помнят, что они не учинили ничего недозволенного? И потому они большей частью бывают ленивы на совершение особенных добрых дел, потому что, не учинив никаких тяжких преступлений, считают себя очень безопасными. Напротив же, иногда те, которые помнят, что они учинили нечто недозволительное, будучи сосредоточены в самих себе самой своей скорбью о том, воспаменя-

ются любовью к Богу, совершают великие подвиги, желают всего трудного в святой борьбе, оставляют все мирское, бегают от почестей, радуются нанесенным поношениям, горят желанием, порываясь к Небесному Отечеству; и думают, что поскольку они удалились от Бога, то вознаграждают предшествующие убытки последующими прибытками. Итак, на небе более бывает радости об обратившемся грешнике, нежели о стоящем праведнике потому, что и полководец на войне более любит того воина, который, возвратившись из побега, храбро теснит врага, нежели того, который никогда не был в бегах и никогда не совершал ничего доблестного. Так и земледelec более любит ту землю, которая после терний приносит обильные плоды, нежели ту, которая никогда не произращала терний и никогда не доставляла обильной жатвы.

5. Но между тем надобно знать, что есть много праведных, о жизни которых такая бывает радость, что никакое покаяние грешников не может быть поставлено выше ее. Ибо многие и грехов за собой никаких не знают, и однако же столько сокрушаются, как будто бы они были подвержены всем грехам. Они все отвергают, не исключая и позволительного, смиренно подвергаются презрению от мира; не хотят себе дозволить ничего; отрекаются от благ, даже дозволенных; презирают видимое, пламенно желают невидимого; в плаче находят радость, во всем смирятся; и как другие оплакивают грехи, учиненные на деле, так они оплакивают грехи помыслов. Как же назвать тех, которые и смирятся в покаянии о грехе помышления, и всегда остаются праведными на деле, если не праведниками и кающимися? Из этого надобно заключить, какую радость делает для Бога праведник, когда смиренно плачет, если неправедный делает на

небе радость, когда содеянные грехи очищает покаянием!

6. Далее следует: *или кая жена имуци десять драхм, аще погубит драхму едину, не възжигает ли светильника, и пометет храмину и ищет прилежно, дондеже обрящет?* Через эту женщину обозначается Тот же Самый, Кто обозначается и через Пастыря. Ибо Тот же самый Бог есть вместе и Премудрость Божия. И поскольку образ начертывается на драхме, то женщина потеряла драхму, когда человек, созданный по образу Божию, исказил грехом свое подобие с Создателем. Но женщина зажгла светильник, потому что Премудрость Божия явилась в человечество. Потому что светильник есть свет в скудели, а свет в скудели есть Божество во плоти. Об этой именно скудели своей плоти говорит Сама Премудрость: *изше яко скудель крепость моя* (Пс. XXI, 16). Поскольку скудель в огне крепнет, то крепость Ее высохла *яко скудель* потому, что Она скорбью страдания укрепила принятую плоть к славе воскресения. Но с возжженным светильником женщина перетряхивает дом^{*}, потому что как только Божество Его (Спасителя) просияло через тело, тотчас потряслась вся наша совесть. Ибо дом перетряхивается, когда от размышления о своей виновности возмущается человеческая совесть. Это слово — *перетряхивание* — не противоречит тому, которое в других изданиях читается *пометет* именно потому, что нечистая душа не очищается от привычных пороков, если прежде не перетряхивается страхом. Итак, по перетряхнутии *дома обретается* драхма; потому что когда совесть человека возмущается, тогда восстанавливается в человеке подобие с Создателем. *И обретши*

^{*} В подлиннике: *euertit domum*.

созывает другини и соседы, глаголющи: радуйтеся со мною, яко обретох драхму погибшую. Что это за другини и соседки, если не те Власти Небесные, о которых мы сказали выше? Он тем ближе к Верховной Премудрости, чем более приближаются к Ней благодатью непрестаемого видения. Но мы отнюдь не должны оставлять без внимания и того, почему эта женщина, через которую изображается Премудрость Божия, имела, по смыслу притчи, десять драхм, из коих одну потеряла и по тщательном отыскивании ее нашла? — Потому что Господь создал Ангелов и человеков для познания Его; когда Он хотел установить это навечно, тогда, без сомнения, Он сотворил оное по подобию Своему. Но женщина имела десять драхм, потому что девять чинов Ангельских. Но чтобы было полное число избранных, десятым сотворен человек, который даже после преступления не погиб для Создателя своего, потому что Вечная Премудрость, сияющая чудесами из скудельного сосуда, восстановила его плотью.

7. Но мы сказали, что девять чинов Ангельских именно потому, что, по свидетельству Св. Писания, знаем Ангелов, Архангелов, Силы, Власти, Начала, Господства, Престолы, Херувимов и Серафимов. Ибо что есть Ангелы и Архангелы, об этом свидетельствуют почти все страницы Св. Писания. О Херувимах же и Серафимах, как известно, часто говорят книги Пророческие. А имена четырех чинов перечисляет Апостол Павел ефесеянам, говоря: *превыше всякаго Начальства и Власти, и Силы, и Господства* (Еф. I, 21). Он же опять говорит колоссянам: *аще Престоли, аще Господства, аще Начала, аще Власти* (Кол. I, 16). Господства, Начальства и Власти он уже описал, говоря к ефесеянам, но намереваясь говорить о том же колоссянам,

он наперед сказал о Престолах, о которых ничего не говорил ефесеянам. Итак, когда к тем четверем, о которых он сказал ефесеянам, т. е. к Начальствам, Властям, Силам и Господствам, присоединены будут Престолы, то выйдет пять Чинов, поименно упоминаемых. Присовокупив к ним Ангелов и Архангелов, Херувимов и Серафимов, без сомнения, выйдет девять Чинов Ангельских. Поэтому и самому тому Ангелу, который сотворен первым, через Пророка говорится: *ты еси печать уподобления, исполнен премудрости и венец доброты. В сладостирая Божия был еси* (Иез. XXVIII, 12). Здесь надобно заметить, что он создан не по подобию Божию, но называется *отпечатком подобия*, так что, чем тоньше в нем естество, тем вернее на нем отпечатлевается образ Божий. В этом месте тотчас присовокупляется: *всяким камением драгим украсился еси: сардием и топаziem и ясписом, хрисолитом, ониксом и бериллом, сапфиром, карбункулом и смарагдом* (Там же, ст. 13)*. Вот он поименовал девять наименований камней именно потому, что девять Чинов Ангельских. Перед этими именно Чинами был выставлен тот первый Ангел столь украшенным и величественным для того, чтобы он был славнее в сравнении с ними, будучи превознесен перед всеми Чинами Ангелов.

8. Но для чего нам подробный перечень хоров состоявших Ангелов, если мы не скажем утонченно и об их служениях? — Ибо Ангелами на греческом языке называются вестники, а Архангелами — высшие вестники. И надобно знать, что слово *Ангелы* есть наиме-

* В славянском переводе показано более драгоценных камней, и перечень их в другом порядке. Но в подлиннике у Святителя показано только девять, и в означенном порядке. По связи речи признано необходимым удержать в переводе мысль подлинника Святителя.

нование их *должности*, а не *естества*. Ибо хотя эти святые духи Небесного Отечества *всегда суть духи*, но не всегда могут быть называемы Ангелами, потому что они тогда только Ангелы, когда через них что-либо возвещается: поэтому и через Псалмопевца говорится: *творяй Ангелы Своя духи* (Пс. СIII, 4). Ясно он как бы так говорит: «Тот, Кто всегда имеет их духами, делает их, когда благоугодно, Ангелами». Но те, которые возвещают меньшее, называются Ангелами, а возвещающие о важнейшем называются Архангелами. Поэтому-то к Деве Марии посылается не простой Ангел, но *Архангел Гавриил* (Лк. I, 26). Потому что на это высшее служение подобало идти высшему Ангелу, так как он возвещал о том, что выше всего. Поэтому они еще называются и частными именами для обозначения словами того, что они могут совершать на деле. Ибо в оном святом граде, полном совершенного ведения о видении Всемогущего Бога, собственные имена даются не для того, чтобы нельзя было знать их лица без имен; но когда они приходят к нам для какого-либо служения, тогда у нас носят имена по служениям.

9. Ибо Михаил значит: *кто яко Бог*, а Гавриил — *мужество Божие*; Рафаил же — *врачевство Божие*. И когда только проявляется что-либо дивное по могуществу, тогда посылается *Михаил*, дабы из самого события и имени дать разуметь, что никто не может соделать того, что силен совершить Бог. Поэтому-то и оный древний враг, который по гордости пожелал быть подобным Богу, говоря: *на небо взыду, выше звезд небесных поставлю престол мой, сяду на горе висоце, на горах высоких, яже к северу, взойду выше облак, буду подобен Вышнему* (Ис. XIV, 13), когда в конце мира, долженствующий погибнуть на последнем суде будет

лишаем своей силы, сотворит брань с Михаилом Архангелом, как говорит Иоанн: *Михаил и Ангели Его брань сотвориша со змием* (Апок. XII, 7), для того, чтобы тот, кто по гордости превозносился до уподобления — Богу, пред погибелью вразумлен был Михаилом, что никто в гордости не смеет возвышаться до уподобления Богу. К Марии же посылается Гавриил (Лк. I, 26), который называется «мужеством Божиим». Ибо он приходил возвещать о Том, Кто благоволил явиться смиренным для сокрушения медных врат ада. О Нем через Псалмопевца говорится: *возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть Сей Царь славы? /Господь крепок и силен. Господь силен в брани./ И еще: Господь сил, Той есть Царь славы* (Пс. XXIII, 9, 10). Итак, через мужество Божие долженствовал быть возвещенным Тот, Кто, как Господь сил и сильный в брани, приходит на брань против адской силы. А Рафаил значит, как сказали мы, *врачевство Божие* именно потому, что когда он прикоснулся к очам Товии, как бы по обязанности врачевания, тогда прогнал мрак слепоты его. Следовательно, тому, кто посылается для врачевания, прилично называться именно врачевством Божиим. Но поскольку мы прояснили имена Ангелов, то теперь остается кратко объяснить самые названия должностей.

10. Ибо **Силами** называются именно те духи, через которых чаще совершаются знамения и чудеса. **Властями** же называются те, которые преимущественно перед прочими получили в свое распоряжение то, чтобы их власти подчинены были противные власти для обуздания, дабы эти последние не могли искушать сердца людей на столько, на сколько хотят. **Началами** называются те, которые начальствуют даже над добрыми Ангелами, которые, распоряжаясь когда что

надобно делать, начальствуют над другими подчиненными, располагая их исполнять Божественные служения. А **Господствами** называются те, которые высокостью превосходят даже власть Начал. Ибо начальствовать значит быть первым перед другими, а господствовать значит даже обладать всеми подчиненными. Поэтому те Ангельские воинства, которые отличаются дивным могуществом, называются Господствами потому, что им подчинены прочие в повиновение. **Престолами** же наименованы те воинства, перед которыми всегда председательствует Всемогущий Бог для изречения суда. Поскольку же мы на латинском языке престолы называем «седалищами», то Престолами Божиими названы те, которые исполнены такою благодатью Божества, что Господь судит на них и через них изрекает суды Свои. Поэтому и через Псалмопевца говорится: *сел еси на престоле, судяй правду* (Пс. IX, 5). **Херувимом** же называется полнота ведения. И высшие оные воинства названы Херувимами потому, что они столь полны совершеннейшего ведения, сколь ближе созерцают славу Божию, так что, по образу твари, они тем полнее все ведают, чем ближе по заслуге достоинства приближаются к видению Своего Создателя. А **Серафимами** называются те сонмы Святых Духов, которые по исключительной близости пламенеют несравнимой любовью к Своему Создателю. Ибо Серафимами называются пламенеющие, или пылающие. Поскольку они соединены с Богом так, что между ними и Богом нет уже никаких других посредствующих духов, то они тем более пламенеют, чем непосредственнее видят Его. Любовь их есть подлинно пламя, потому что чем яснее они видят славу Божества Его, тем сильнее пламенеют любовью к Нему.

11. Но что за польза для нас обсуживать это об Ангельских духах, если мы не позаботимся еще через приличное размышление приноровить того к нашему усовершенствованию? Поскольку высшее оное гражданство состоит из Ангелов и человеков и, по нашему мнению, в него взойдет столько рода человеческого, сколько там осталось избранных Ангелов, как написано: *постави пределы языков по числу Ангел Божиих* (Втор. XXXII, 8), то должны и мы извлечь нечто из оных разделов высших граждан в пользу нашего обращения и добрыми расположениями воспламенить самих себя к приращению добродетелей. Поскольку же, по нашему мнению, туда взойдет такое множество людей, какое множество осталось Ангелов, то следует, чтобы сами уже люди, возвращающиеся в Небесное Отечество, при возвращении туда, подражали чему-либо, заимствованному из их сонмов. Ибо обращения каждого человека точно соответствуют чинам сонмов и примиряются к их участи подобием обращения. Ибо есть многие, которые получают мало, и однако же об этом самом малом не престают с благоговением возвещать братьям. Следовательно, они стремятся в число *Ангелов*. И есть некоторые, которые, будучи исполнены дара Божественной щедроты, усиливаются и приобретать, и возвещать высшее ведение о небесных тайнах. Итак, куда они примеряются, если не к числу *Архангелов*? И есть другие, которые творят дивные дела и являют поразительные знамения. Следовательно, куда их причислить, если не к состоянию и числу *Вышних Сил*? А есть еще другие, которые изгоняют злых духов из тел бесноватых, и изгоняют их силой молитвы и принятой над ними властью. Следовательно, где они получают награду свою, если не в числе *Властей* небесных? Есть еще другие, которые, по

принятии сил, превышают заслуги даже избранных людей, и, будучи лучшими из добрых, они начальствуют даже над избранными братьями. Следовательно, где их место, если не в числе *Начал*? И опять, есть некоторые, которые над всеми и всеми пожеланиями в самих себе господствуют так, что по всей справедливости между людьми называются богами чистоты, поэтому и к Моисею говорится: *вот Я поставил тебя богом Фараона** (Исх. VII, 1). Следовательно, куда стремятся эти люди, если не в число *Властей*? Есть еще другие, которые, владея с особенной заботливостью над самими собой и с тщательным вниманием рассматривая самих себя, всегда держа в сердце страх Божий, принимают в обязанность добродетели возможность даже других судить праведно. Поскольку их душе подлинно всегда присуще Божественное созерцание, то на них, как на Престоле, Господь судит, испытует дела других, и со Своего седалища дивно всем распоряжается. Следовательно, что же они, если не *Престолы* Своего Создателя? Или: куда они приписываются, если не к числу горних *Престолов*? Поскольку через них управляется Святая Церковь, то большей частью ими судимы бывают даже избранные за некоторые действия своей слабости. И есть некоторые, которые столь полны любовью к Богу и ближнему, что по праву должны именоваться *Херувимами*. Поскольку, как сказали мы, Херувимом называется полнота ведения, а по слову Павла мы знаем, что *исполнение убо закона любви есть* (Рим. XIII, 10), то все те, которые преимущественно перед прочими полны любовью к Богу и ближнему, получили воздаяние за свои заслуги в числе *Херувимов*. И есть еще другие,

* Се, дах тя бога фараону.

которые, будучи воспламенены огнем высшего созерцания, дышат одним желанием Своего Создателя, ничего уже не желают в этом мире, питаются одной любовью Вечности, отвергают все земное, высются мыслью над всем временным, любят и пламенеют, и в самом своем пламени находят успокоение, любя, — пламенеют, говоря, — воспламеняют других, и кого они касаются словом, тех тотчас заставляют пламенеть любовью к Богу. Следовательно, чем же мне назвать, если не *Серафимами*, тех, коих сердце, превращенное в огонь, светит и жжет, потому что они и просвещают умственные очи для горнего, и разжигая слезами, очищают ржавчину грехов? Итак, те, которые воспламенены такой любовью к своему Создателю, где получили воздаяние за свое призвание, если не в числе *Серафимов*?

12. Но когда я это говорю, тогда вы, возлюбленнейшая братия, взойдите внутрь самих себя, пересмотрите ваши сокровенные дела и помышления. Смотрите, есть ли внутри вас что-либо доброе, уже содеянное вами; видите ли, что вы найдете воздаяние за свое звание в числе этих сонмов, о которых мы кратко сказали. Но горе той душе, которая не замечает в себе ни одного из тех добрых дел, которые мы перечислили, и тем большее угрожает ей горе, если она и не понимает своего лишения даров, и не оплакивает его. Итак, кто таков, братия мои, о том сильно должно плакать, потому что он не плачет. Посему помыслим об обязанностях избранных, и той добродетелью, которой можем, воспламенимся к любви столь великого воздаяния. Не сознающий в себе благодати даров пусть плачет. А кто сознает в себе меньшие дары, тот да не завидует другим в больших, потому что и высшие оные чины блаженных духов так созданы, что одни поставлены выше других. Дионисий же Ареопагит, древний

и досточтимый Отец, говорит (О небесн. иерар. 7, 9, 13), что из **низших** сонмов Ангелов видимо или невидимо посылаются во **внешний** мир для **исполнения служения** именно потому, что для человеческих **утешений** **приходят Ангелы и Архангелы**. Ибо высшие оные сонмы никогда не отлучаются от горнего мира, потому что те, которые имеют высшие степени, отнюдь не исправляют обязанностей внешнего служения. Этому, по-видимому, противоречит то, что говорит Исаия: и *послан бысть ко мне един от Серафимов, и в руке своей имяше уголь горящъ, егоже клещами взят от олтаря, и прикоснуса устам моим* (Ис. VI, 6,7). Но в этой мысли Пророка надобно разуместь, что те духи, которые посылаются, получают наименование тех, коих обязанность исполняют. Ибо тот Ангел, который носит уголь от Алтаря для попаления грехов словесных называется Серафимом, потому что значит «пламень». Этот смысл, кажется, подтверждается еще тем, что говорит Даниил: *тысяща тысящ служаху Ему, и тмы тем предстояху Ему* (Дан. VII, 10). Ибо иное значит — *служить*, а иное — *предстоять*; потому что служат Богу те, которые отходят и к нам для возвещения, а предстоят те, которые наслаждаются внутренним созерцанием так, что уже не посылаются для исполнения дел во внешнем мире.

13. Но поскольку мы знаем, что в некоторых местах Писания нечто совершается через Херувимов, а нечто — через Серафимов, то мы не хотим решительно утверждать, сами ли они лично это делают или совершают через подчиненные воинства, которые, как сказано, приходя от высших, принимают и наименования высших, потому что этого мы не можем доказать ясными свидетельствами. Впрочем, мы наверное знаем, что для исполнения служения свыше одни Ан-

гелы посылают других, именно по свидетельству Пророка Захарии, который говорит: *се, Ангел глаголяй во мне стояше, и ин Ангел исхождаше во сретение ему. И рече к нему глаголя: тецы и рцы к юноши оному глаголя: плодовиито населится Иерусалим* (Зах. II. 3. 4.). Ибо если Ангел к Ангелу говорит: *тецы и рцы*, то нет сомнения, что один посылает другого. Но посылаемые ниже тех, которые посылают. Впрочем, известно и то о воинствах посылаемых, что когда они и к нам приходят, и тогда исполняют служение во внешнем мире так, что отнюдь не перестают пребывать в горнем мире через созерцание. Следовательно, они и посылаются, и предостоят, потому что, хотя Ангельский дух описуем, однако же самый верховный Дух, который есть Бог, не описуем. Итак, Ангелы и бывают посланными, и перед лицом Его суть, потому что, куда бы ни были посланы, они внутри Его текут.

14. Надобно еще знать, что большей частью самые чины блаженных духов принимают на себя наименования ближайших чинов. Ибо Престолами, т. е. седалищами Божиими, мы назвали особенный Чин блаженных духов, и, несмотря на то, через Псалмопевца говорится: *седяй на Херувимех явися* (Пс. LXXIX, 2), именно потому, что в самых разделах воинств Херувимы сопредельны Престолам, и Господь представляется сидящим и на Херувимах по уровню их с сопредельным воинством. Так как в этом вышнем гражданстве есть некоторые частности для каждого чина, но есть и общность для всех; и что каждый имеет в себе отчасти, тем в другом чине владеет вполне. Но одним и тем же именем вообще они не называются для того, чтобы тот чин, который принял вполне на свою обязанность какой-либо предмет, назывался именем сего предмета. Ибо Серафима мы назвали пламенем, и од-

нако же все они вместе пламенеют любовью к Создателю. Херувима же мы называли полнотою ведения, однако же кто не знает чего-либо там, где все вместе видят Самого Бога, источника ведения? А Престолами называются те воинства, на которых приседит Создатель, — но кто может быть блаженным, если в душе его не приседит Создатель его? Следовательно, что отчасти имеют все, то дано в частное наименование тем, которые приняли это вполне на свою обязанность. Ибо там, хотя бы одни имели что-либо так, что другим этого уже никак нельзя иметь, так как частным именем называются Господства и Начала; однако же все там есть достояние каждого, потому что духи любовью сообщают то один другому.

15. Но вот мы, углубляясь в тайны небесных граждан, далеко отступили от порядка нашего изъяснения. Итак, вздохнем перед теми, о которых говорили, но возвратимся к себе. Ибо должно помнить, что мы плоть. Между тем замолчим о тайнах неба, но рукой покаяния сотрем пятна нашего праха перед очами Создателя; Вот само Божественное милосердие обещается, говоря: *радость будет на небеси о едином грешнице кающемся*, и однако же через Пророка Господь говорит: *егда реку Праведнику: жизньию жив будеши, сей же уповая на правду свою и сотворит беззаконие, вся правды его не воспомянутся* (Иез. XXXIII, 13). Обсудим, если можем, экономию любви небесной. Стоящим она угрожает наказанием за то, если они упадут; а падшим обещает милосердие для того, чтобы они желали восстать. Тех устрашает, чтобы они не гордились добродетелями; этих успокаивает, дабы они не отчаивались по учинении пороков. Праведен ли ты, бойся гнева, дабы не пасть; грешен ли ты, берись за милосердие, чтобы встать. Но вот мы, уже падшие,

устоять никак не могли, лежим в преступных наших пожеланиях. Но Тот, Кто создал нас *правыми*, ожидает еще и зовет, чтобы мы восстали. Отверзает объятия любви Своей и желает принять нас к Себе через покаяние. Но мы не можем и каяться надлежащим образом, если не узнаем способа этого самого покаяния. Потому что каяться значит: и оплакивать содеянные грехи, и оплакиваемых не творить. Ибо кто оплакивает грехи, продолжая их, тот или притворяется, что он кается, или не имеет верного понятия о покаянии. Ибо что пользы, если бы кто оплакивал грехи роскоши и, между тем, продолжал бы еще быть чрезвычайно любостыжательным? Или что пользы, если бы кто стал оплакивать виновность в гневе и, однако же, был бы снедаем ненавистью? Но главное, о чем мы говорим, состоит в том, чтобы оплакивающий грехи не продолжал оплакиваемых, и скорбящий о пороках страшился впадать в пороки.

16. Ибо с особенным вниманием надобно подумать о том, что тот, кто воспоминает о своих действиях непозволительных, должен воздерживаться от некоторых из них, даже дозволенных, так как через это он обязан удовлетворить своему Создателю, чтобы учинивший запрещенное отказывал самому себе даже в дозволенном, и воспоминающий о великих своих беззакониях укорял самого себя даже за малейшие. Я говорю: *малейшие*, хотя этого не подтверждаю свидетельствами Св. Писания. Закон Ветхого Завета ясно запрещает пожелание чужой жены (Исх. XX, 17), а Царю запрещает давать приказания воинам выше их сил, но не запрещает под угрозой наказания желать воды. — Но все мы знаем, что Давид, пронзенный острием пожелания, и пожелал чужой жены, и взял ее (2 Цар. XI, 4). За преступлением последовали достойные наказа-

ния, а он учиненное им зло исправил слезами покаяния. Когда он долго сидел против клинообразных ополчений врагов, тогда сильно захотелось ему пить воды из рова Вифлеемского (2 Цар. XXIII, 14 и след.). Избранные воины его, пробившись через средину ополчения врагов, невреждено принесли воды, сильно желаемой Царем. Но муж, наученный наказаниями, тотчас укорил самого себя за желание воды, подвергавшее опасности воинов, и возлил ее Господу, как там написано: *возлия ю Господу* (2 Цар. XXIII, 16; 1 Пар. XI, 18). Потому что пролитая вода обращена в жертвоприношение Господу, так как он виновность пожелания заклал покаянием самоукорения. Итак, тот, кто никогда отнюдь не побоялся пожелать чужой жены, после устрасился даже того, что он пожелал воды. Это потому, что он, помня о совершении непозволительного, охладев уже к самому себе, воздерживался от позволительного. Так, так мы каемся, если вполне оплакиваем то, что сделали. Помыслим о вышнем богатстве Создателя нашего. Он видит, что мы согрешили, и терпит.

17. Тот, Кто запретил нам грешить прежде преступления, не перестает ожидать покаяния и после преступления. Вот нас призывает Сам Тот, Кого мы презрели. Мы отвратились от Него, но Он не отвращается. Поэтому хорошо через Исаию говорится: *очи твои узрят Учителя твоего: и ушеса твоя услышат словеса создади тебе увещающего* (Ис. XXX. 20, 21)*. — Человек как бы в лице был увещиваем, когда, сотворенный для праведности, принимал заповеди для праведности. Но когда презрел эти самые заповеди, тогда как

* По Вульгате, в которой сказано: *et erunt oculi tui uidentes proceptorum tuum, et aures tuae audient uocem post tergum monentis.*

бы спиной ума стал к лицу Создателя своего. Но вот Он и позади за нами следует и увещевает, потому что Он, хотя и презрен нами, однако же не престаёт еще призывать нас. Мы как бы спиной стали к лицу Того, Которого слова презираем, заповеди отвергаем, но Он, стоя позади нас, призывает нас отвергшихся, хотя и видит, что Его презирают, однако же через заповеди взывает, через терпение ожидает. Итак, подумайте, возлюбленная братия, если бы при разговоре с кем-либо из вас вдруг раб его возгордился и обратился к лицу его спиной, то неужели презираемый господин его не наказал гордости, не наложил ему ран за строптивное обращение? Но вот мы, согрешая, обратились спиной к лицу нашего Создателя, и, несмотря на то, Он терпит нас. Гордостно отворачившихся Он благоснисходительно зовет назад, и Тот, Кто мог оттолкнуть отвращающихся, дает обещания, чтобы мы возвратились к обязанностям. Такое-то милосердие нашего Создателя смягчает жестокость нашей виновности, и человек, который по содеянию зла мог подвергнуться поражению, должен краснеть, по крайней мере, когда его ожидают.

18. Я, братие, кратко расскажу вам о событии, о котором я узнал от почтенного мужа Максимиана, бывшего тогда настоятелем моего монастыря и пресвитером, а ныне Епископа Сиракузского. Итак, если вы со вниманием послушаете о нем, то думаю, что оно доставит любви вашей немалую пользу. В наши еще времена жил некто Викторин, который назывался и другим именем Эмилиана, по умеренности жизни достаточный человек; но поскольку при богатстве вещей преобладает греховность плоти, то он впал в некоторое преступление, которое долженствовало бы утратить его и подумать о необычности своей смерти.

Проникнутый размышлением о своей виновности, он сам восстал против себя самого, оставил в этом мире все и поступил в монастырь. В этом монастыре он показал такое смирение и такие подвиги покаяния, что все братия, которые там возрастали любовью к Богу, принуждены были презирать свою жизнь, когда видели его покаяние. Ибо он со всем напряжением души старался распять плоть, переломить собственную волю, потаенно молиться, омыwać себя ежедневными слезами, желать себе презрения, страшиться почтения от братии. Итак, он привык предварять ночные бдения братии; и поскольку гора, на, которой стоял монастырь, с одной стороны в потаенной части выдавалась, то он имел обыкновение выходить туда прежде бдений для того, чтобы там свободнее ежедневно изнурять себя плачем покаяния, чем потаеннее было место. Ибо он взирал на строгость грядущего Судии своего и, уже соглашаясь с тем же Судиею, наказывал в слезах виновность своего преступления. Но в одну ночь бодрствующий настоятель монастыря, увидев его тайно выходящего, тихо пошел за ним издали. Когда сей увидел его в горной пещере простершегося на молитву, тогда хотел дожидаться, когда он встанет, чтобы узнать самую даже терпеливость его молитвы, как вдруг пролился с неба свет на того, кто лежал простертым на молитве; и такая ясность распространилась в оном месте, что вся часть той стороны побелела от того же света; увидев это, Авва испугался и убежал. И когда, после продолжительного времени, тот же брат воротился в монастырь, Авва его, чтобы узнать, сознавал ли он над собою пролитие столь великого света, старался вывести от него, говоря: «Где ты, брате, был?» Но он, думая, что может скрыться, отвечал, что он был в монастыре. При отрицании его, Авва вынуж-

ден был сказать, что видел. Но тот, видя, что открыт, открыл и то, что было тайной для Аввы, присовокупляя: «Когда ты видел свет, нисходящий на меня с неба, тогда вместе приходил и глас, глаголющий: *грех твой отпущен*». И хотя Всемогущий Бог мог и молча очистить грех его, однако же, издавая глас, осиявая светом, Он хотел примером Своего милосердия потрясти наши сердца к покаянию. Мы удивляемся, возлюбленнойшая братия, что гонителя Своего, Савла, Господь с неба поверг, с неба говорил ему. Вот и в наши времена грешник и кающийся слышал голос неба. Тому было сказано: *что Мя гониши* (Деян. IX, 4). А этот сподобился услышать: *грех твой отпущен*. Этот кающийся грешник по заслугам гораздо ниже, нежели Павел. Но поскольку в этом событии мы говорим еще о Савле, дышавшем жестокостью убийства, то смело можно сказать, что Савл за гордость слышал голос упрека, а сей за смирение — голос утешения. Сего Божественная любовь восстанавлила потому, что смирение ниспровергало; того Божественная строгость смиряла, потому что гордость возвышала. Итак, братия мои, имейте упование на милосердие Создателя нашего; обдумывайте, что вы делаете, передумывайте, что вы сделали. Взирайте на щедрость Вышней Любви и со слезами идите к милосердому Судии, когда Он еще ожидает. Ибо размышляя, что Он праведен, не оставляйте без внимания грехов ваших; а размышляя, что Он любвеобилен, не отчаивайтесь. Дерзновение к Богу дарует человеку Богочеловек. Для кающихся нас есть великая надежда в том, что нашим Посредником соделался Судия наш, Который живет и царствует со Отцом и Святым Духом, Бог, во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXV,

говоренная к народу в церкви Св. Мученика Мины в
день преставления его.

Чтение Св. Евангелия: Лк. XXI, 9-19.

Рече Господь Своим учеником: егда же услышите брани и нестроения, не убойтесь: подобает бо сим быти прежде, но не у абие кончина. Тогда глаголаше има: возстанет (бо) язык на язык; и царство на царство. Труси же велицы по местом и глади и пагубы будут, страхования же и знамения велия с небесе будут. Прежде же сих всех возложат на вы руки своя и изжденут, предающе на сонмища и темницы, ведомы к царем и владыкам, имене Моего ради. Прилучится же вам во свидетельство. Положите убо на сердцах ваших, не прежде поучатися отвещавати: Аз бо дам вам уста и премудрость, ейже не возмогут противитися или отвещати вси противляющися вам. Предани же будете и родители и братиею и родом и други, и умертвят от вас. И будете ненавидими от всех имене Моего ради. И влас главы вашей не погибнет. В терпении вашем стяжете души ваша.

1. Поскольку мы далеко удалились от города, то дабы не замедлить возвращения в него, необходимо сократить слово для изъяснения Святого Евангелия. Господь, и Искупитель наш предвозвещает бедствия, имеющие предшествовать гибели мира, для того, чтобы тем менее они смущали при наступлении их, чем вернее наперед были известны. Ибо копья менее уби-

вают, когда наперед их видят; и мы равнодушнее принимаем бедствия мира, если против них защищаемся щитом предведения. Ибо вот Он говорит: *егда же услышите брани и нестроения, не убойтесь: подобает бо сим быти прежде, но не у абие кончина*. Надобно обсудить слова Искупителя нашего, через них Он предвещает, что одно мы претерпим внутри, другое совне. Потому что *брани* указывают на врагов, а *нестроения* — на граждан. Итак, чтобы показать внутреннее и внешнее смущение, Он говорит, что одно мы будем терпеть от врагов, а другое от собратий. Но поскольку кончина не тотчас последует за сими предшествующими бедствиями, то Он присовокупляет: *возстанет бо язык на язык, и царство на царство; труси же велицы по местам и глади и пагубы будут, страхования же и знамения велия будут**. Или, как читается в некоторых списках: *страхования же и знамения велия с небесе будут*. Но и после присовокупляется: *и знамения велия будут*. Последнему несчастью будут предшествовать многие несчастья, и предшествующими частыми бедствиями указываются непрестаемые последующие бедствия. И поэтому, после войн и нестроений не тотчас конец; потому что должны предшествовать многие бедствия, для того, чтобы они с силой могли возвестить о безконечном бедствии. Но поскольку сказано о стольких знамениях разрушения, то надобно кратко обсудить каждое из них. Потому что необходимо терпеть их, — одни с неба, другие от земли, третьи от стихии, четвертые от людей. Ибо сказано: *возстанет язык на язык*; — вот бедствия от людей; *труси же велицы по местам*; — вот зрелище гнева свыше; *будут пагубы*, — вот неравенство тел; *будет голод*, —

* По Вульгате.

вот бесплодие земли; *страхования и знамения веля с небесе будут*, — вот неравенство воздуха. Итак, поскольку все это должно будет окончиться, то прежде окончания все приводится в смятение; и мы, нечестовавшие во всем, от всего терпим биение, да исполнится то, что говорится: *поострит же напрасный гнев во оружие, споборет же с ним мир на безумных* (Прем. V, 20). Ибо мы все, что получили на пользу жизни, превращаем в виновность свою; но все, превращенное нами в пищу нечестия, превращается в орудие отмщения. Так, мы спокойствие человеческого мира превратили в суетную беспечность, земное странствование приняли за жилище в отечестве; телесное здоровье превратили в пищу пороков; обилие благ употребили не на необходимость удовлетворения плоти, но на развращение воли; самое благорастворение воздуха мы принудили служить нам в любви к земному наслаждению. Поэтому справедливость требует, чтобы нас било вместе все, что все вместе, по несправедливому принуждению, служило нашим порокам, для того, чтобы мы впоследствии принуждены были чувствовать от мира столько же горестей, сколько прежде имели от него непрерывных радостей. Но надобно заметить, что говорится: *страхования же и знамения веля с небесе будут**. Если зимние непогоды обыкновенно происходят из порядка времен, то почему в этом месте непогоды поставляются в числе знамений кончины мира, если не потому, что Господь предсказывает о таких непогодах, которые отнюдь не будут следовать порядку времен? — Ибо то, что происходит по установлен-

* В латинском переводе этот текст читается так: *terrores de coelo et tempestates*, т. е. ужасы с неба и непогоды. На этом смысле основано дальнейшее объяснение Св. Отца.

ному порядку, не есть знамение; но непогоды причисляются к таким знамениям, которые расстроят самый установленный порядок времен. — Это и мы недавно видели на опыте, потому что видели все летнее время превращенным в зимние дожди.

2. Поскольку же это зависит не от несправедливости Наказывающего, а от виновности наказуемого мира, то дела нечестивых людей выставляются на первый план, когда говорится: *прежде же сих всех возложат на вы руки своя и изжденут, предающе на сонмища и темницы, ведомы к царем и владыкам, имене Моего ради*. Ясно Он говорит, как бы так: «Сперва смущаются сердца человеческие, а потом стихии для того, чтобы при нарушении порядка вещей ясно было видно, за что делается такое возмездие». Ибо хотя кончина мира должна зависеть от самого порядка его, однако же Он, открывая всех расстроивателей его, которые достойно падут под развалинами его, присовокупляет: *ведомы к царем и владыкам имене Моего ради*. *Прилучится же вам во свидетельство*. Кому же именно во свидетельство, если не тем, которые или, преследуя, убивают, или видя (убивающих), не останавливают? Потому что смерть праведных для добрых служит пособием, а для злых свидетельством, для того, чтобы развращенные без извинения погибали по той же причине, по которой избранные заимствуют пример для жизни.

3. Но вы слышите, что от стольких страхований могли смутиться сердца слабых, и поэтому присовокупляется утешение, когда тотчас после этого говорится: *положите убо на сердцах ваших, не прежде поучатися отвещевати*. *Аз бо дам вам уста и премудрость, ейже не возмогут противитися или отвещати вси противляющися вам*. Ясно Он слабым Своим членам го-

ворит как бы так: «Не страшитесь и не бойтесь; вы в сражение вступаете, но ратующий — Я; вы произносите слова, но говорящий — Я». Далее следует: *предани же будете и родители и братиею и родом и други; и умертвят от вас*. Меньшую скорбь причиняют бедствия, наносимые отвне. Но более несносны для нас мучения, претерпеваемые от тех, в добром расположении которых мы были уверены, потому что со вредом телесным нас мучат несчастья потерянной любви. Поэтому-то Господь об Иуде-предателе говорит через Псалмопевца: *аще бы враг поносил ми, претерпел бых убо; и аще бы ненавидай мя на Мя велеречевал, укрыв бых ся от него. Ты же, человеце равнодушне, владыко мой и знаемый мой, иже купно наслаждался еси со мною брашен: в дому Божиим ходихом единомышлением* (Пс. LIV, 13 и след.). И опять: *человек мира моего, на негоже уповах, ядый хлебы моя возвеличи на мя запинание* (Пс. XL, 10). Ясными словами Он говорит о предателе как бы так: «Предательство его тем чувствительнее было для Меня, чем яснее Я сознавал, что переносу его от того, кто по видимому был Моим». Итак, поскольку все избранные суть члены Верховной Главы, то и в страданиях последуют Главе своей, так, что в смерти своей чувствительно признают врагами тех, о жизни которых предубеждены были, и награда за их страдания тем более увеличивается, чем более прибыток подвига их произошел от предательства посторонней любви.

4. Но поскольку скорбно то, что предсказывается о смерти, то непосредственно присовокупляется утешение о радости воскресения, когда говорится: *влас главы вашей не погибнет*. Мы, братие, знаем, что тело от усечения болит, а волос не болит от усечения. Итак, Он Своим Мученикам говорит: *влас главы вашей не*

погибнет, ясно говоря именно так: «Почему вы боитесь, дабы не погибло то, что болит от усечения, когда на вас не может погибнуть даже то, что не болит от усечения?» — Далее следует: *в терпении вашем стяжите души ваша*. Стяжание души полагается в добродетели терпения потому, что терпение есть корень всех добродетелей и страж их. Но терпением мы *стяжеваем* души наши потому, что, научаясь властвовать над самими собою, мы начинаем стяжать то самое, что — мы. Но терпение состоит в том, чтобы несчастья, наносимые отвне, терпеть равнодушно и не иметь никакой досады на того, кто делает нам зло. — Ибо тот, кто переносит обиды от ближнего так, что, скорбя, молчит и отыскивает время достойного возмездия, не имеет терпения, но только показывает вид его. Потому что написано: *любь долготерпит, милосердствует* (1 Кор. XIII, 4). Ибо долготерпеливая любовь состоит в том, чтобы переносить посторонние оскорбления, а милосердствующая — в том, чтобы любить даже тех, от которых терпит. Поэтому-то Истина от Самой Себя говорит: *любите враги ваша, благословите кленущия вы, и молитесь за творящих вам напасть и изгонящих вы* (Мф. V, 44, Лк. VI, 27). Итак, она есть добродетель — *пред людьми*, состоящая в том, чтобы терпеть врагов, — *а пред Богом* — в том, чтобы любить их; потому что Бог приемлет только то жертвоприношение, которое пред очами Его на алтаре добродетели воспламеняет пламя любви.

5. Но надобно знать, что мы большей частью кажемся терпеливыми потому, что не можем воздать злом за зло. Но кто не воздает злом за зло потому только, что не может, тот, без всякого сомнения, не есть человек терпеливый, потому что терпение состоит не в проявлении, а в сердце. Пороком же нетерпеливости

расстраивается самая питательница добродетелей — разумность. Ибо написано: *долготерпелив муж мног в разуме* (Притч. XIV, 29). Следовательно, тем менее является кто-либо разумным, чем менее бывает терпелив. Ибо он не может истинно настоять в научении добру, если в жизни не умеет равнодушно переносить оскорблений со стороны других. А как высока добродетель — терпение, опять показывает Соломон, говоря: *лучше муж долготерпелив, паче крепкаго, удерживаяй же гнев, паче вземлющаго град* (Притч. XVI, 32). Итак, завоевывать города есть меньшая победа, потому что завоевываемое вне нас. А большая состоит в том, что побеждается терпением, потому что дух побеждается сам от себя и подчиняет сам себя самому себе, когда терпение ниспровергает его до унижения терпеливости. Но надобно знать, что большей частью обыкновенно случается с терпящими, что они в то самое время, в которое терпят неприятности или слушают поношения, отнюдь не скорбят и терпят так, что стараются сохранить даже невинность сердца. Но когда после припоминают то самое, что они претерпели, тогда воспаляются огнем сильнейшей скорби, изыскивают средства к отмщению, и в своем переобсуждении самих себя теряют кротость, которую имели в терпении.

6. Ибо хитрый враг воздвигает брань против двух: одну именно тем, что воспаляет первого, чтобы он поносил; а другую тем, чтобы оскорбленный отплачивал за поношения. Но поскольку он остался уже победителем того, кого расположил к произнесению поношений, то сильно сердится на того, кого не мог расположить к отмщению за обиды; поэтому он вооружается всей своей силой против того, кого признает мужественно перенесшим обиды. Поскольку он не

мог растревожить его в самое время нанесения обид, то, отступая от открытого сражения, изыскивает время в сокровенном помышлении обольщения, и тот, кто проиграл явное сражение, тайно замышляет сильные засады. Ибо уже во время покоя он возвращается к духу победителя и напоминает ему или существенный вред, или жестокие обиды; и все, нанесенное ему страшно увеличивая, показывает, что оно было невыносимо, и дух спокойного возмущает таким неистовством, что большей частью муж терпеливый краснеет от того, что он, попавшись в плен, не перенес равнодушно того после победы; жалеет, что он не отплатил за поношения, и желает, при открывшемся случае, отплатить худшим. Итак, кому подобны эти люди, если не тем, которые по храбрости остаются победителями на поле брани, но после от нерадения делаются пленниками в городских казармах? Кому они подобны, если не тем, которых не умерщвляет внезапная важная болезнь, но убивает легкая перемежающаяся лихорадка? Итак, истинное терпение сохраняет тот, кто в свое время переносит и посторонние обиды без скорби, и переобсуживая их, радуется, что претерпел оные, дабы во время спокойствия не погибло благо терпения, хранимое во время смущений.

7. Но поскольку мы, братья мои, сегодня чтим день преставления Мученика, то отнюдь не должны считать себя чуждыми добродетели терпения его. Ибо если мы, при помощи Божией, стараемся сохранять добродетель терпения, то хотя живем и среди мира Церкви, однако же держим пальму мученичества. Потому что два рода мученичества: один в уме, а другой — в уме и вместе в действии. Поэтому мы можем быть мучениками, хотя нас не рассекают мечом гонителей. Ибо умереть от гонителя есть очевидное мученичество, но

переносить поношения, любить ненавидящего есть сокровенное мученичество в уме. А что два рода мученичества, — один сокровенный, а другой очевидный, — об этом свидетельствует Истина, Которая спрашивает сынов Зеведеовых, говоря: *можете ли пити чашу, юже Аз имам пити* (Мф. XX, 22)? Когда они Ему тотчас ответили: *можжева*, тогда Господь отвечает, говоря: *чашу убо мою испиета*. Ибо что мы разуме-ем под чашей, если не скорбь страдания? О ней в другом месте Он говорит: *Отче мой, аще возможно есть, да мимоидет от Мене чаша сия* (Мф. XXVI, 39). И сыны Зеведеовы, т. е. Иаков и Иоанн, не оба подверглись мученичеству, и однако же тот и другой слышал, что испиет чашу. Ибо Иоанн окончил жизнь отнюдь не мученичеством, однако же был мучеником, потому что страдание, которого не принял в теле, сохранил в уме. Следовательно, и мы без железа можем быть Мучениками, если в душе храним истинное терпение. — Не без основания думаю, возлюбленнейшая братия, что один пример терпения послужит к вашему назиданию.

8. В наше время был некто по имени Стефан, настоятель монастыря, стоящего за стеной города Реатини, муж весьма святой, преимущественно отличавшийся добродетелью терпения. Есть еще многие, которые его знали, и которые рассказывают и о жизни его, и о кончине. Язык его был прост, но жизнь ученая. Он по любви к Небесному Отечеству все презирал, избегал всякого обладания в этом мире, уклонялся мирского шума и был занят частыми и продолжительными молитвами. Однако же добродетель терпения возросла в нем столь высоко, что он считал своим другом того, кто что-либо обидное делал ему; за поношения он воздавал благодарностью; если в самом его убожестве

был наносим ему какой-либо вред, он почитал это за величайшую прибыль; всех врагов своих признавал он ни за что другое, как за своих помощников. Когда день смерти понуждал его выйти из тела, тогда собрались многие для того, чтобы отходящей от сего мира столь святой душе представить во внимание и свои души. И когда около одра его стояли все те, которые собрались, тогда одни телесными очами видели входящих Ангелов, но никак не могли проговорить что-либо; другие решительно ничего не видали; но всех присутствовавших объял такой сильнейший страх, что при исходе этой святой души никто не мог там оставаться. А следовательно, и те, которые видели, и те, которые решительно ничего не видали, все вместе таким объяты были страхом и ужасом, что разбежались, и никто не мог присутствовать при смерти его. Итак, помыслите братия, как страшен будет Всемогуший Бог, когда явится праведным Судией, если Он так устрасил присутствующих, когда пришел с благоволением и милостью; или как Он мог бы быть страшен, если бы мог быть видим, если и невидимое явление Его так поразило души присутствующих. Вот, возлюбленнейшая братия, терпение, сохраненное во время церковного мира, на какую высоту воздаяния поставило его! Что внутри даровал ему Создатель его, то и вовне проявил нам с толикою славою в день преставления его. К кому, мы думаем, если не к святым Мученикам причислен тот, о ком известно, что он очевидно принят блаженными духами? Он скончался не от меча, и однако же по исходе получил венец за терпение, которое содержал в уме. Мы ежедневно доказываем истину, высказанную прежде нас, что Святая Церковь, полная цветами избранных, во время мира имеет лилии, а во время брани розы.

9. Но сверх того надобно знать, что добродетель терпения обыкновенно упражняется тремя способами. Ибо мы иное терпим от Бога, иное — от древнего врага, а иное — от ближнего. От ближнего мы терпим преследования, вред и поношения, а от древнего врага — искушения; от Бога же — вразумления. Но во всех этих трех способах ум бдительно должен осматривать сам себя, дабы против обид со стороны ближнего не увлечься желанием воздаяния злом за зло; дабы против вражиих искушений не приклониться к услаждению или к согласию на беззаконие; дабы против вразумления Создателя не пасть в ропот. Ибо враг терпит совершенную победу тогда, когда душа наша и среди искушений не увлекается услаждением и согласием, и среди поношений от ближнего остерегается ненависти, и среди вразумлений Божиих воздерживается от ропота. Исполняя это, мы не должны желать себе воздаяния благами настоящими, ибо за подвиг терпения надобно ожидать благ будущей жизни, так, чтобы награда за наш подвиг началась тогда, когда уже весь подвиг решительно кончится. Поэтому и через Псалмопевца говорится: *не до конца забвен будет нищий, терпение убогих не погибнет до конца* (Пс. IX, 19). Ибо терпение убогих кажется как бы погибшим, когда за него ничем не воздается в этой жизни. Но терпение убогих *не погибнет до конца*, потому что слава за него получается тогда, когда вместе кончается все трудное. Итак, братие, храните терпение в душе и выражайте его на деле, когда требуют обстоятельства. Никакие поносительные слова да не подвигнут никого из вас к ненависти ближнего; никакие убытки в преходящих вещах да не смущают. Ибо если вы постоянно боитесь непрестаемого вреда, то вы не считаете важными никаких убытков в вещах преходящих; если желаете сла-

вы вечного воздаяния, то не жалеете о временной обиде. Итак, терпите врагов ваших, но любите, как братьев, тех, которых вы терпите. За временные обиды ищите вечных наград. Впрочем, никто из вас не должен иметь самонадеянности, будто он может исполнить это своими силами, но усердно молитесь, чтобы это совершил Сам Тот, Кто заповедует, И мы знаем, что Он охотно выслушивает молящихся, когда они молятся о даровании того, что Он заповедует. Когда Он непрестанно побуждается молитвой, тогда сильную дарует помощь в искушении через Господа нашего Иисуса Христа, Который с Ним живет и царствует, Бог, в единении со Святым Духом, во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVI,

говоренная к народу
в Церкви Святых Апостолов Филиппа и Иакова во
вторую неделю после Пятидесятницы.
Чтение Св. Евангелия: Лк. XIV, 16-24.

Во время оно, рече Иисус фарисеям притчу сию: человек некий сотвори вечерю велию и зва многи. И посла раба своего в год вечера реши званым: грядите, яко уже готова суть вся. И начаша вкупе отрицатися вси. Первый рече ему: село купих и имам нужду изыти и видети е: молются, имей мя отречена. И другой рече: супруг волов купих пять и гряду искусити их: молю тя, имей мя отречена. И другой рече: жену поях и сего ради не могу приити. И пришед раб той поведа господину своему сия. Тогда разгневався дому владыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутия и стогны града, и нищыя и бедныя и слепыя и хромыя введи семо. И рече раб: Господи, бысть якоже повелел еси, и еще место есть. И рече господин к рабу: изыди на пути и халуги, и убеди внити, да наполнится дом мой. Глаголю бо вам, яко ни един мужей тех званых вкусит Моея вечери.

1. Возлюбленная братия, между наслаждениями плоти и души различие состоит в том, что телесные наслаждения возбуждают к себе сильное пожелание, когда их нет, а когда их вкусят, тотчас по удовлетворении делаются отвратительными для вкусившего. Напротив же, духовные наслаждения бывают отвратительны, когда их не имеют, а когда имеются, тогда

бывают желательны; и тем более возбуждают жажду в наслаждающемся ими, чем более наслаждают жаждущего. В тех лакомится аппетит, а не нравится опыт, в этих аппетит мал, но опыт весьма лаком. В тех аппетит рождает насыщение, а насыщение — отвращение; а в этих аппетит рождает насыщение, а насыщение — аппетит. Ибо духовные наслаждения умножают в душе желание, когда удовлетворяют ей, потому что чем более чувствуется их вкус, тем более познается то, что жадно должно быть любимо. А потому не вкушенные они не могут быть любимы, потому что вкус неизвестен. Ибо кто может любить то, чего не знает? Поэтому-то Псалмопевец увещевает нас, говоря: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. XXXIII, 9). Ясно он как бы так говорит: «Вы не знаете благодати Его, потому что не вкушаете ее. Но приложите пищу жизни ко вкусу сердца, чтобы могли вы полюбить сладость ее, попробовав». Эти наслаждения потерял человек тогда, когда согрешил в раю (Быт. III, 6); он вышел вне, когда заключил уста от пищи Вечной Сладости. Поэтому и мы, рожденные в несчастье этого странствования, пришли сюда уже с отвращением к ним, и не знаем, чего мы желать должны, и болезнь нашего отвращения тем более увеличивается, чем более душа удаляется от вкушения оной сладости; и тем более не желает уже внутренних наслаждений, чем долее отвыкала от вкушения их. Итак, мы худеем от своего отвращения и утомляемся от продолжительной болезни недаяния. А поскольку мы не хотим вкусить готовой сладости внутри нас, то любим, несчастные, во вне свой голод. Но Верховная Любовь и оставляющих ее нас не оставляет.

2. Ибо Он напоминает нам об оных, презираемых нами, наслаждениях и предлагает их нам; обещанием

потрясает закоснелость и побуждает нас бросить свое отвращение. Ибо говорит: *человек некий сотвори вечерю велию и зва многих*. Кто этот человек, если не Тот, о Ком через Пророка говорится: *и человек есть; и кто познает его* (Иер. XVII, 9)? Он сотворил *вечерю велию*, потому что приготовил нам довольство внутреннего наслаждения. Он звал многих, а приходят немногие, потому что самые даже те, которые по вере преданы Ему, часто противоречат Вечной Его Вечери худой жизнью. За тем следует: *и посла раба Своего в год вечери реши званным: грядите*. Что это за год вечера, если не кончина мира? При этой-то именно кончине мы находимся, как давно уже свидетельствует Павел, говоря: *в научение наше, в нихже концы век достигоша* (1 Кор. X, 11). Итак, если уже настает время вечера, когда нас призывают, то тем менее мы должны отказываться от Вечери Божией, чем ближе видим уже кончину века. Ибо чем яснее мы понимаем, что нет ничего, что осталось бы, тем более должны страшиться, чтобы не погубить настоящего времени благодати. Но это пиршество Божие называется не обедом, а вечерей, потому что после обеда остается вечеря, а после вечера не остается никакого пиршества. А поскольку Вечное Пиршество Божие будет приготовлено для нас по кончине мира, то справедливо было назвать оное не обедом, а вечерей. Но кто означается через этого раба, который посылается хозяином для призвания, если не чин проповедников? К этому именно чину принадлежим и мы, недостойные, хотя мы обременены тяжестью грехов своих, но, несмотря на то, мы рабы в эти дни. И когда я говорю что-либо в назидание ваше, тогда я исполняю дело раба, посланного от Верховного Хозяина. Если я увещаю вас к презрению мира, то я прихожу звать вас на Вечерю Божию. На этом

месте никто не должен презирать меня ради меня. Но если я являюсь отнюдь недостойным для призвания, но, несмотря на то, велики наслаждения, которые я обещаю. Часто, братия мои, обыкновенно случается то, что я говорю, именно, что могущественное лицо имеет презренного раба; и когда через него дает оно какой-либо ответ своим или чужим, тогда не презирают лица говорящего раба, потому что сохраняют в сердце уважение к посылающему господину. Слышащие не мыслят о том, через кого, но что или от кого они слышат. Поэтому, братие, и вы так же поступайте, и если, быть может, нас достойно презираете, то сохраняйте в душе вашей уважение к призывающему Господу. Охотно желайте быть гостями у Верховного Хозяина. Перетрясите сердца ваши и выбросьте из них мертвящее отвращение. Ибо к истреблению вашего отвращения все уже готово. Но если вы еще люди плотские, то, может быть, вы желаете плотских пиршеств. Вот самые плотские пиршества обращены для вас в духовное питание. Ибо для уничтожения в душе вашей отвращения, на Вечери Господней заклан для вас оный Единственный Агнец.

3. Но что делаем мы, которые видим на опыте многих совершающих то же, что присовокупляется: и *начаша вкупе отрицатися вси*. Бог предлагает то, о чем должно было просить Его; без прошения хочет даровать то, чего едва можно было надеяться; и, несмотря на то, презирают Того, Кто щедро дарует; Он возвещает о готовых наслаждениях вечного успокоения, и однако же все вместе отказываются. Представим мысленно меньшее, чтобы иметь возможность достойно судить о большем. Если бы кто-либо из сильных (мира сего) послал пригласить к себе какого-либо бедняка, то что, братие, я спрашиваю; что сделал бы этот

бедняк, если не то, что обрадовался бы этому приглашению, смиренно дал бы обещание, переменял бы одежду и поспешил бы скорее идти, дабы другой не предупредил его прибытием на пир сильного? Итак, богатый человек приглашает, и бедный спешит идти к нему; а мы приглашаемся на пир Бога, — и отказываемся. Но вот я могу думать, что должны отвечать сердца ваши себе самим. Ибо они, быть может, в сокровенных помышлениях говорят сами себе: «Мы не хотим отказываться, потому что радуемся приглашению на этот пир великого возобновления, и идем на него».

4. Говоря это вам, ваши души говорят истину, если они не любят более земное, нежели небесное, если не более занимаются вещами телесными, нежели духовными. А поэтому здесь присовокупляется и самая причина отказывающихся, когда тотчас же говорится: *первый рече ему: село купих и имам нужду изыти, и видети е: молются, имей мя отречена*. Что означается селом, если не земное существо? Итак, вышел для осмотра села тот, кто мыслит только о внешнем по существу. *Другий рече: супруг волов купих пять и гряди искусити их: молю тя, имей мя отречена*. Что мы принимаем за пять пар волов, если не пять чувств телесных? И они верно названы парами, потому что их по два у обоего пола. Они называются телесными чувствами именно потому, что не могут понимать внутреннего, но познают только внешнее, и, оставляя внутреннее, касаются только внешнего; через них верно обозначается любопытство. Это (любопытство), желая разузнать чужую жизнь, никогда не зная своей внутренней, желает мыслить о внешнем. Ибо любопытство есть важный порок; оно внешним образом располагая ум каждого к обследованию жизни ближ-

него всегда от него скрывает его внутреннюю, так что он, зная о других, не знает себя; и чем будет сведущее ум любопытного в заслуге чужой, тем будет менее сведущ в своей. Поэтому-то и о тех же пяти парах волос говорится: *гряди искусити их: молю тя, имей мя отречена*. Ибо самые слова отказывающегося не различаются от значения порока его, когда он говорит *гряди искусити их*, именно потому, что испытание обыкновенно принадлежит любопытству. Но замечательно, что как тот, который отказывается от вечери своего приглашателя по причине покупки села, так и тот, который отказывается надобностью испытания пар волов, присовокупляют слова смирения, говоря: *молю тя, имей мя отречена*. Ибо когда тот и другой говорит *молю тя*, и однако же презирует приглашение, тогда на языке выражается смирение, а на деле гордость. И вот об этом-то пусть размышляет каждый нечестивец, когда слушает и однако же не перестает делать то, что осуждает. Ибо когда мы говорим каждому грешнику: *обратись, последуй Богу, оставь мир*, то куда мы приглашаем его, если не на вечерю Господню? А когда тот отвечает: *молись за меня, потому что я грешен и этого делать не могу*, то что другое он делает, если не просит и отказывается? Ибо говоря: *я грешен*, показывает смирение, а присовокупляя: *не могу обратиться*, обнаруживает гордость. Итак, прося, отказывается тот, кто на словах показывает смирение, а деле выражает гордость.

5. И другой рече: *жену поях и сего ради не могу прийти*. Что означается женой, если не плотское удовольствие? Ибо хотя брак честен и установлен Божественным Провидением для умножения потомства, однако же некоторые домогаются через него не умножения детей, а удовлетворения пожеланиям плоти, а потому де-

лом праведным может быть прилично означаемо дело неправедное. Итак, верховный Домовладыка приглашает вас на вечерю Вечного Пира, но поскольку один предан любостяжанию, другой любопытству, третий услаждению плоти, то именно нечестивые вкупе все отрицаются. Когда одного занимает земное попечение, другому не дает покоя размышление о чужих делах, третий оскверняет душу услаждением плоти, то каждый, имея отвращение, не спешит на пиршества Вечной Жизни.

6. Далее следует: *и пришед раб той поведа господину своему сия. Тогда разгневався дому владыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутия и стогны града, и нищия и бедныя и слепыя и хромыя введи семо.* Вот отказывается идти на вечерю Господню тот, кто более надлежащего прилежит к земной сущности, питает отвращение к приготовленным яствам жизни тот, кто предается потовому труду любопытства, отвергает пиршества духовной вечери тот, кто удовлетворяет плотским пожеланиям. Итак, поскольку гордые отказываются идти, то избираются бедные. Почему так? Потому что, по слову Павла, *немощная мира избра Бог, да посрамит крепкая* (1 Кор. I, 27). Но замечательно, как описываются те, которые призываются и приходят на вечерю: *и нищия и бедныя.* Нищими и бедными называются те, которые по собственному своему суду слабы перед самими собою. Ибо нищие, и как бы сильные, суть те, которые гордятся в самой бедности. Слепые же суть те, которые не имеют света умничания. А хромые те, которые не могут прямо ходить в делании. Но когда означаются пороки нравов в слабости членов, то очевидно, что как те грешники, которые по приглашению не хотели прийти, так грешники и те, которые и приглашаются, и приходят. Но гордые

грешники отвергаются для того, чтобы избраны были грешники смиренные.

7. Итак, Бог избирает тех, которых презирает мир, потому что большей частью самое презрение образумливает человека. Ибо тот, кто оставил отца и блудно прожил часть полученного им имения, после того, как начал голодать, пришед в себя сказал: *колико наемником отца моего избывают хлебы* (Лк. XV, 17)? Ибо он далеко уходил от себя, когда грешил. И если бы не голодал, то не пришел бы в себя, потому что начал помышлять о потере предметов духовных после того, как терпел крайнюю нужду в земных потребностях. Итак, призываются и приходят нищие и бедные, слепые и хромые потому, что они в этом мире безпомощны и презренны, и большею частью тем скорее слышат глас Божий, чем менее имеют в этом мире отрады. Это хорошо изображает тот египтянин, раб амаликитянина (1 Цар. XXX, 11 и след.), который разбойничаящими и бегущими амаликитянами больной брошен на дороге, и умирал от голода и жажды. Однако же Давид нашел его, накормил и напоил; поэтому он, тотчас поправившись, сделался проводником Давида. Открыл пирующих амаликитян и с великой храбростью поразил тех, которые оставили его слабым. Ибо амаликитский народ называется *лижушим*. И что означается народом *лижушим*, если не души людей века сего? Они, обходя все земное, как бы лижут оное, услаждаясь только временным. Ибо как бы лижущий народ приобретает добычу, когда любители земного умножают свои выгоды за счет вреда других. Но отрок-египтянин больной оставлен на дороге, потому что каждый грешник, когда начинает слабеть от состояния мира сего, тотчас подвергается презрению от душ века сего. Но Давид находит его, дает ему пищу и

питие, потому что рукой храброго Господь не презирает брошенного миром, и большею частью тех, которые, не имея силы последовать миру, остаются как бы на дороге, обращает к благодати любви Своей и доставляет нам пищу и питье слова Своего; и избирает как бы в проводники Себе на пути, когда делает их даже проповедниками Своими. Ибо они, приводя Христа к сердцам грешников, приводят как бы Давида ко врагам. Они, как Давид, мечом поражают пирующих амаликитян, потому что силой Господа ниспровергают всех гордых, которые презирали их в мире. Итак, отрок египтянин, оставленный на дороге, истребляет амаликитян; потому что большей частью проповедью препобеждают души людей века сего те самые, которые прежде не имели сил идти в мире сем вместе с людьми века сего.

8. Но послушаем, что говорит раб по приведении на вечерю бедных: *Господи, бысть якоже повелел еси, и еще место есть*. На вечерю Господню много было собрано таковых из Иудеи, но множество уверовавших из народа израильского не наполнило места Вышнего Пиршества. Множество иудеев уже взошло, но в Царстве остается еще место, на которое должно принять известное число язычников. Поэтому-то и говорится тому же рабу: *изыди на пути и халуги, и убеди внити, да наполнится дом мой*. Когда Господь приглашает некоторых на вечерю с улиц и площадей, тогда Он обозначает именно такой народ, который знал исполнение закона в гражданском сожительстве; а когда повелевает созвать к Себе в собеседники с дорог и изгородов, тогда желает собрать именно кочующий народ, то есть языческий, о знаменовании которого через Псалмопевца говорится: *тогда возрадуются вся древа дубравная от лица Господня, яко грядет*. Ибо древами дубравными

названы язычники, потому что они всегда были повивнувшимися в своем неверии и бесплодными. Поэтому те, которые обратились из этой полевой жизни, пришли на вечерю как бы с изгородов.

9. Но надобно заметить, что в этом приглашении не употребляется слова: *пригласи*, но: *убеди внити*. Ибо одни приглашаются — и не хотят прийти, другие приглашаются — и приходят; о третьих решительно нельзя сказать, что их призывают, но понуждают внити. Приглашаются, и не хотят прийти те, которые, хотя получают дар разумения, но делами не соответствуют этому самому разумению; приглашаются, и приходят те, которые принятую благодать разумения выражают в делах, а некоторые приглашаются так, что даже понуждаются. Ибо есть некоторые, которые понимают, что должно делать добрые дела, но делать их не хотят; видят, что должны они делать, но желанием не последуют этому. С этими (людьми), как сказали мы выше, случается то, что их бьет несчастье в плотских пожеланиях их, они стараются приобрести временную славу и не могут; и когда они предполагают плыть по поверхности моря, как бы к величайшим делам мира сего, всегда противными ветрами отбрасываются к берегам их отвержения. И когда они усматривают, что все идет наперекор их желаниям по сопротивлению мира, тогда припоминают, чем они должны быть для своего Создателя, так что со стыдом возвращаются к Нему те, которые, гордясь любовью мира, оставляют Его. Ибо часто некоторые, желая достигнуть временной славы, или чахнут от продолжительной болезни, или падают от нанесения обид, или огорчаются понесением важных убытков, и в скорби мира видят, что они не должны были ничего ожидать от приятности его, и, укоряя самих себя за свои желания, обращают

сердца к Богу. О них-то Господь говорит через Пророка: *се, Аз загражду путь ея тернием и возгражду распутия ея, и стези своя не обрящет: и поженет похотники своя и не постигнет их, и възыщет их и не обрящет; и речет: пойду и возвращуся к мужу моему первому, яко добрее ми бе тогда, нежели ныне* (Ос. II; 6, 7). Для души каждого верующего муж есть Бог, потому что она именно соединена с Ним через веру. Но эта душа, которая соединена была с Богом, идет за своими похотниками, когда ум, уже верующий, подчиняется через действие нечистым духам; домогается мирской славы, питается телесным удовольствием, услаждается изысканными приятностями. Но Всемогущий Бог большей частью милосердо взирает на такую душу и к услаждениям ее примешивает горечи. Поэтому говорит: *се, Аз загражду путь ея тернием. Ибо наши пути заграждаются тернием тогда, когда мы ощущаем болезненные изъязвления в том зле, которого желаем. И возгражду распутия ея, и стези своя не обрящет*. Распутия наши возграждаются тогда, когда нашим желаниям в этом мире противопоставляются сильные препятствия. И мы не обретаем стезей своих, потому что не дозволяют нам получить то, чего с недобрым расположением желаем. *И поженет похотники своя и не постигнет их; и възыщет их и не обрящет*; потому что душа к удовлетворению своих пожеланий не находит тех злых духов, которым предалась в своих пожеланиях. Но он присовокупляет, какая польза происходит от этой спасительной неприятности, говоря далее: *и речет: пойду и возвращуся к мужу моему первому, яко добрее ми бе тогда, нежели ныне*. Итак, она после того, как находит пути свои прегражденными тернием, после того, как не может отыскать своих похотников, возвращается к любви первого

мужа, потому что большей частью после того, как мы не можем получить в этом мире того, чего желаем, после того как изнемогаем от невозможности удовлетворения нашим пожеланиям, мы обращаем ум к Богу, нам начинает нравиться Тот, Кто не нравился; и Тот, Которого заповеди были для нас горьки, вдруг становится сладким в воспоминании; и грешная душа, которая усиливалась быть прелюбодейцей, но явно не могла быть таковой, решается быть верной супругой. Итак, братия мои, что сказать о тех, которые возвращаются к любви, будучи принуждены неудачами мира сего, и исправляются в пожеланиях настоящей жизни, если не то, что они понуждаются внити?

10. Но весьма страшна мысль, непосредственно за тем следующая. С усиленным вниманием выслушайте ее, братие и господа мои: грешники — мои братья; а праведники — господа мои. С усиленным вниманием выслушайте ее, дабы тем менее чувствовать на суде, чем с большим страхом выслушаете ее в проповеди. Ибо говорит: *глаголю бо вам, яко ни един мужей тех званных вкусит Моя вечера*. Вот Он зовет Сам лично, зовет через Ангелов, зовет через Отцов, зовет через Пророков, зовет через Апостолов, зовет через Пастырей, зовет даже через нас, зовет большей частью через чудеса, зовет многократно через вразумления, зовет иногда через счастье мира сего, зовет иногда через несчастья. Никто не должен презирать (зова), дабы, отказываясь, когда зовут, не лишиться возможности войти тогда, когда захочет. Слушайте, что говорит Премудрость через Соломона: *будет бо егда призовете Мя, Аз же не послушаю вас: възышут Мене зли и не обрящут* (Притч. I, 28). Поэтому-то юродивые девы, поздно пришедшие, взывают, говоря: *Господи, Господи, отверзи нам* (Мф. XXV, 11). Но тогда помогаю-

щимся входа говорится: *аминь, глаголю вам, не вем вас* (там же). Что же мы, возлюбленная братия, должны делать, если не оставить все, — отложить мирские заботы и заниматься только желаниями вечными? — Но это дано немногим.

11. Я хочу убеждать вас, чтобы вы оставили все, но наперед не надеюсь успеха. Итак, если вы не можете оставить всего в мире, то обладайте благами мира сего так, чтобы они не удерживали вас в мире, чтобы земная вещь принадлежала вам, но не обладала вами; чтобы то, что вы имеете, было под распоряжением души вашей, дабы ваша душа, побеждаясь любовью к земным вещам, сама не попадала во владение к своим вещам. Итак, пусть будет временная вещь в употреблении, а вечная — в желании, пусть будет временная вещь на пути, а вечная пусть составляет предмет желания по прибытии (в отечество). Надобно смотреть на то, что делается в этом мире, как бы со стороны. А глаза душевные смотрят прямо против нас, когда с полным вниманием рассматривают то, к чему мы подходим. Пороки должны быть истребляемы до основания, должны быть искореняемы не только из деятельности, но даже из помысла сердечного. Для нас не должны служить препятствием к шествию на вечерю Господню ни услаждение плоти, ни суетное любопытство, ни сильное честолюбие, но мы должны, как бы некоторой стороной души, касаться даже того самого, что честно делаем в мире, дабы земные блага, нравящиеся нашему телу, служили ему так, чтобы отнюдь не поставляли препятствия для сердца. Итак, братие, мы не смеем вам сказать, чтобы вы оставили все, но, впрочем, если хотите, вы все оставляете, даже обладая им, если временное употребляете так, что при этом всей мыслью стремитесь к вечному.

12. Поэтому-то Апостол Павел говорит: *время пре-
кращено есть прочее, да имущии жены, якоже неиму-
щии будут; и плачуущися, якоже неплачуущии; и радую-
ущися, якоже не радующеся; и купующии, яко не содер-
жаще; и требующии мира сего, яко не требующе: пре-
ходит бо образ мира сего* (1 Кор. VII, 29-31). Ибо име-
ющий жену, и как бы не имеющий есть тот, кто так
умеет отдавать должное плоти, что через нее не при-
нуждается быть привязанным к миру всей душой. Ко-
гда тот же славный проповедник говорит: *оженивый-
ся печется о мирских, како угодити жене* (Там же, ст.
33); то имеющий жену и как бы не имеющий есть тот,
кто старается угождать супруге так, что вместе с тем
благоугождает и Создателю. И *плачуущий*, но как бы
не плачуущий, есть тот, кто временными убытками по-
ражается так, что всегда утешается Вечными Прибыт-
ками. А *радующийся*, но как бы не *радующийся*, есть
тот, кто делается веселым от временных благ так, что
всегда помнит о непрестаемых мучениях; и в том, что
располагает душу к радости, стесняет ее тяжестью пре-
дусмотрительного страха. *Купующий* же, но как бы не
владеющий, есть тот, кто и земное prepares для
употребления; и однако же осторожным размышлени-
ем предусматривает, что он скоро оставит оное. И
требующий мира, но как бы не *требующий*, есть тот,
кто и необходимое все приобретает для поддержания
своей жизни, и однако же не дозволяет ему преобла-
дать над своей душой, так что внешние предметы ему
служат, но никогда не прерывают внимания души,
стремящейся к горнему. Итак, для тех, которые тако-
вы, все земное существует решительно не для пожела-
ния, но для употребления, потому что они хотя и упот-
ребляют необходимое, однако же ничего не желают
иметь со грехом. За самое даже имение свое они ежед-

невно приобретают награды, и более радуются доброму делу, нежели богатому имению.

13. Но чтобы кому-либо не показалось это трудным, я расскажу вам о событии с лицом, которое было известно многим из вас; об этом именно событии я узнал от достоверных людей за три перед сим года, в городе Центумцелленсе. Ибо в этом городе недавно жил граф Феофан, муж преданный делам милосердия, непрестанно занятый добрыми делами, особенно отличавшийся гостеприимством. Занятый делами по своему званию, он делал земное и временное, но, как ясно видно из кончины его, более по обязанности, нежели по желанию. Ибо когда при наступлении смерти его стояла ужасная непогода, так что не возможно было хоронить его, и когда супруга его с горькими слезами спросила его, говоря: «Что мне делать? Каким образом буду я погребать тебя, когда, я не могу выйти за дверь этого дома от чрезвычайной непогоды?» Тогда он отвечал: «Не плачь, мой друг; потому что тотчас, как я умру, погода сделается хорошей». За словами его последовала смерть, а за смертью — хорошая погода. Его руки и ноги были распухшими от подагры, все были в ранах и источали сукровицу. Но когда тело его по обычаю было открыто для обмывания, тогда руки и ноги его оказались целыми, как будто никогда не имели никаких ран. Итак, его проводили и похоронили, а его супруге показалось, что надобно было переменить на четвертый день мрамор, положенный на могиле его. Когда тот именно мрамор, который был положен над телом его, был снят, тогда от тела покойного произошло такое благоухание, как будто из гниющего тела его в изобилии приготовлены были ароматы для червей. Итак, это я сказал для того, чтобы из ближайшего примера можно было показать, что

некоторые и жизнь ведут светскую, и не имеют светского настроения. Ибо таковых людей связывает с миром необходимость, так что они не могут совсем отрешиться от мира; поэтому они должны содержать мирское так, чтобы уметь не подчиняться ему настроением души. Итак, об этом помышляйте, и когда не можете оставить всего, что принадлежит миру, то благоразумно распоряжайтесь внешним, но внутренне с усердием поспешайте к Вечному. Ничего не должно быть такого, что замедляло бы стремление души вашей, никакое пристрастие к какой бы то ни было вещи не должно вас связывать в этом мире. Если любят хорошее, то душа должна услаждаться лучшими благами, т.е. небесными. Если боятся зла, то для души должны быть представляемы вечные бедствия для того, чтобы она, представляя себя там, и более любила тамошнее, и более страшилась тамошнего, дабы решительно не прилепляться к здешнему. Для таковой деятельности мы имеем Посредника Бога и человеков, Помощником нашим, через Которого скоро получим все, если будем пламенеть истинной любовью к Тому, Кто живет и царствует со Отцом и Святым Духом, Бог, во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVII,

говоренная к народу в храме Святого Мученика

Севастиана в день преставления его.

Чтение Св. Евангелия: Лук. XIV, 26-33.

Во время оно, рече Иисус народом: аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего, и мать, и жену, и чад, и братию, и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик. И иже не носит креста своего, и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик. Кто бо от вас, хотяй столп создати; не прежде ли сед разчтет имение, аще имать, еже есть на совершение; да не, когда положит основание, и не возможет совершити, вси видящи начнут ругатися ему, глаголюще, яко сей человек начат здати и не може совершити. Или кий царь идый ко иному Царю снитися с ним на брань, не сед ли прежде совещавает, аще силен есть срести с десятию тысящ грядущаго со двемадесятма тысящами нань; аще ли же ни, еще далече ему сущу, моление послав молится о смирении. Тако убо всяк от вас, иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик.

1. Если мы, возлюбленнейшая братия, размыслим, что и сколько того, что обещается нам на небе, то для души становится ничтожным то, что есть на земле. Ибо земное существо в сравнении с небесным есть тяжесть, а не пособие. Временная жизнь в сравнении с вечной вернее должна быть наименована смертью, нежели жизнью. Ибо самый ежедневный убыток жизни что

другое значит, как не некоторая продолжительность смерти? Но какой язык может высказать или какой ум понять те несказанные радости Вышнего Отечества, — быть среди сонмов Ангельских, предстоять вместе с блаженнейшими духами слав Создателя, взирать прямо на лицо Бога, видеть свет неописанный, решительно не бояться смерти, пользоваться даром постоянной невредимости? Услышав об этом, душа воспламеняется и желает быть уже там, где надеется безконечно радоваться. Но она не может достигнуть великих наград иначе, как через великие подвиги. Поэтому и Павел, славный проповедник, говорит: *не венчается, еще не законно мучен будет* (2 Тим. II, 5). Итак, величие наград должно улаживать душу, но подвижническая борьба не должна устрашать. Поэтому-то Истина приходящим к ней говорит: *еще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и мать, и жену и чад, и братию и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик.*

2. Но может быть противоречащим то, каким образом заповедуется ненависть к родителям и близким родственникам нам, которым дана заповедь любить даже врагов? И действительно, Истина о жене говорит: *еже убо Бог сочета, человек да не разлучает* (Мф. XIX, 6). И Павел говорит: *мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюбил Церковь* (Еф. V, 25). Вот ученик повелевает любить жену, тогда как Учитель говорит: *кто не возненавидит жену, не может Мой быти ученик.* Неужели одно возвещает Судия, а о другом вещает проповедник? Или мы можем вместе и ненавидеть, и любить? Но если мы вникнем в силу заповеди, то можем делать то и другое через разделение, так что будем любить тех, которые соединены с нами родством по плоти и которые близки к нам, и, ненавидя и бегая,

не будем знать тех, которые враждебны нам на пути Божиим. Ибо как бы через ненависть любят того, кого не слушают мудрствующего по плоти, когда он внушает нам нечестие. Но чтобы показать, что Господь производит эту ненависть к ближним не от нерасположения душевного, а от любви, Он тотчас присовокупил, говоря: *еще же и душу свою*. Итак, нам заповедуется ненависть к ближним и к душе своей. Следовательно, тот, любя, должен ненавидеть ближнего, кто ненавидит его так, как самого себя. Ибо мы ненавидим свою душу тогда, когда не последуем ее пожеланиям, когда препираемся с ее усилием, когда боремся с ее улаждениями. Итак, она как бы через ненависть бывает любима, когда будучи презрена направляется к лучшему. Именно так должны мы выражать свою ненависть к ближним, чтобы и любить в них то, чем они суть, и ненавидеть то, чем они препятствуют нам на пути Божиим.

3. Известно, что когда Павел шел в Иерусалим, тогда Пророк Агав взял его пояс и связал им себе руки и ноги, говоря: *мужа, егоже есть пояс сей, тако свяжут (его) во Иерусалиме* (Деян. XXI, 11). Что же говорил тот, кто совершенно ненавидел душу свою? *Аз бо не точию связан быти (хощу), но и умерети во Иерусалиме готов есмь за имя Господа Иисуса* (Там же ст. 13); *ниже имам душу мою честну себе* (Деян. XX, 24). Вот как (Апостол), любя, ненавидел, и, ненавидя, любил свою душу, которую желал предать смерти за Иисуса, чтобы воскресить ее к жизни от смерти греха. Итак, это понятие о ненависти к себе самим перенесем на ненависть к ближнему. Надобно любить каждого в этом мире, не исключая и врага; но на пути Божиим не надобно любить врага, хотя бы он был и родственник. Ибо кто сильно желает вечного, тот должен быть на

том пути Божиим, на который вступает без отца, без матери, без жены, без детей, без родных, без себя самого, чтобы тем вернее знать Бога, чем менее помнить о ком-либо в деле благоугождения Ему. Ибо много значит, когда плотские страсти рассеивают внимание ума и затемняют его проницательность, но мы не терпим от них вреда, если держим их в стеснительном положении. Итак, надобно любить ближних; любовь должна быть простираема на всех ближних и дальних, однако же ради этой любви не должно уклоняться от любви к Богу.

4. Но мы знаем, что когда возвращался ковчег Господень из земли филистимской в землю израилеву, тогда он был возложен на телегу, а в телегу запряжены были коровы, в первый раз отелившиеся, коих телята заперты были дома. И написано: *и управишася кравы на пути в путь Вефсамский, на пути имже идуху, и труждахуся, и не совращажуся на десно, ниже на шуе* (1 Цар. VI, 12). Итак, кого обозначают коровы, если не верующих в Церкви, которые, исполняя заповеди святого Слова, как бы везут возложенный на них ковчег Господень? О них еще надобно заметить, что те коровы были отелившиеся в первый раз, потому что есть многие, которые внутренне стоя на пути Божиим, вне связываются плотскими заботами; но от прямого пути не уклоняются те, которые в душе несут ковчег Божий. Ибо вот коровы идут в Вефсам. Потому что Вефсам называется домом солнца, а Пророк говорит: *и возсияет вам боящимся имени Моего солнце правды* (Мал. IV, 2). Итак, если мы стремимся к жилищу Вечного Солнца, то это стремление стоит того, чтобы не уклоняться с пути Божия ради страстей телесных. С полным напряжением внимания надобно размышлять о том, что кравы Божии, запряженные в телегу, про-

должают путь и мычат, сильно ревут, и однако же с пути не совращаются. Таковы именно должны быть проповедники Божии и все верные в Святой Церкви, чтобы любовью сочувствовать ближним, и однако же по этому сочувствию не совращаться с пути Божия.

5. Но как должно выражать эту самую ненависть души, Истина объясняет далее, говоря: *уже не носит креста своего и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик*. Потому что крест называется от *крестования**. И мы носим крест Господень двумя способами: или умерщвляя плоть воздержанием, или считая крайность ближнего своей собственной, по сочувствию. Ибо тот, кто выражает скорбь о чуждой крайности, тот носит крест в душе. Но надобно знать, что есть люди, которые употребляют воздержание плоти не ради Бога, а ради тщеславия. И есть много таких, которые выражают сочувствие к ближнему не по духу, а по плоти, для того, чтобы содействовать ему не в добродетели, но как бы в виновности. Итак, эти люди, хотя и кажутся несущими крест, однако же не следуют за Господом. Поэтому та же Самая Истина справедливо говорит: *уже не носит креста своего и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик*. Ибо нести крест и идти вслед за Господом — значит или умерщвлять плоть воздержанием, или проявлять сочувствие к ближнему, по желанию вечной цели. Но кто показывает это ради временной цели, тот хотя и носит крест, но отказывается идти вслед за Господом.

6. Но поскольку даны высокие заповеди, то тотчас присовокупляется сравнение от устрояемой высоты,

* Переводчик дозволил себе это слово для того, чтобы удержать красоту слова в подлиннике, в котором сказано: *Sicut qui per a cruciatu dicitur*.

когда говорится: *кто бо от вас, хотяй столп создати, не прежде ли сед разчетет имение, аще имать, еже есть на совершение, да не, когда положит основание и не воз- может совершити, вси видящии начнут ругатися ему, глаголюще: яко сей человек начат здати и не может совершити*. Мы должны наперед обдумывать все, что делаем. Ибо вот, по слову Истины, тот, кто строит башню, наперед готовит сумму на построение. Итак, если мы желаем построить столп смирения, то должны наперед приготовить себя к неприятностям века сего. Но между земным и небесным строением различие состоит в том, что земное строение устроится собиранием издержек, а небесное строение — раздаянием имущества. Для того мы скопляем деньги, если не имеем их в готовности у себя; а для этого скопляем сумму, когда оставляем и то, что было у нас. Этой суммы не мог иметь тот богач, который, имея много богатства, спросил Учителя, говоря: *Учителю благий, что благо сотворю, да имам Жизнь Вечную* (Мф. XIX, 16)? — Когда он выслушал заповедь об оставлении всего, то отошел со скорбью; и в душе стеснен был оттуда, откуда по внешности был обширен во владении. Поскольку он в этой жизни любил издержки на возвышение, то, стремясь к Вечному Отечеству, не захотел делать издержек для смирения. Но надобно обратить внимание и на то, что говорится: *вси видящии начнут ругатися ему*, потому что, по слову Павла, *позор быхом миру и Ангелом и человеком* (1 Кор. IV, 9). Да и во всем, что мы делаем, должны мы помышлять о сокровенных наших врагах, которые всегда называют за нашими делами, всегда радуются нашей безуспешности. Взирая на них, Пророк говорит: *Боже мой, на Тя уповах, да не постыжуся во век, ниже да посмеются врази мои* (Пс. XXIV, 1). Ибо мы, занятые добрыми

делами, внимательно не остерегаясь злых духов, терпим посмеяния от тех самых, которые располагали нас к злу. Но поскольку сравнение сделано от постройки здания, то теперь присовокупляется подобие от меньшего к большему, чтобы можно было от меньших вещей заключать к большим. Ибо далее следует: *или кий Царь идый ко иному Царю снитися с ним на брань, не сед ли прежде совещавает, аще силен есть срести с десятию тысящ грядущаго со двемадесятма тысящами нань; аще ли же ни, еще далече ему суущу, моление послав, молится о смирении*. Царь против царя, равный против равного, идет на войну, и однако же, если сознается, что он не может противостоять, то отправляет посольство и просит мира. Итак, какими слезами должны испрашивать себе пощады мы, которые на оном страшном испытании явимся на суд с Царем своим, не равные с равным, но которых и состояние, и слабость, и все, от чего зависим, являют низшими?

7. Но быть может, мы виновность в злом делании очистили и все внешнее нечестие устранили от себя; но неужели этого нам достаточно для того, чтобы дать отчет в нашем помышлении? Ибо с двадцатью тысячами называется идущим тот, против которого не достаточен идущий с десятью тысячами. Потому что десять тысяч к двадцати относятся так же, как единица к двум. А мы, если и много успеваем, то едва сохраняем в законном порядке только внешние дела наши. Ибо хотя похоть плоти и умерщвлена уже, но из сердца еще с корнем не вырвана. А тот, Кто грядет на суд, судит вместе, как внешнее, так равно и внутреннее, разбирает дела, равно как и помышления. Итак, грядет с двумя против одного Тот, Кто будет вместе судить за дела и помышления нас, едва приготовленных

одними делами. Итак, братие, что надобно делать нам, если не то, что, видя невозможность устоять с одинаковым войском против Его двойного, послать к Нему, еще далеко находящемуся, посольство и просить о даровании мира? Ибо далеко находящимся называется Тот, Кто еще не является присутствующим на суде. Пошлем к Нему посольство — слезы наши; пошлем дела милосердия; возложим на алтарь Его жертвы умилоствления, сознаемся, что мы не можем на суде состязаться с Ним; помыслим о могуществе Его и будем умолять о даровании нам мира. Вот в чем состоит наше посольство, которое умилоствует грядущего Царя. Подумайте, братие, как благоснисходительно то, что Могущий стеснить нас Своим пришествием медлит этим пришествием. Пошлем к Нему, как сказали мы, посольство со слезами, дарами и священными жертвами. Ибо единожды принесенная ради нашего очищения жертва святого алтаря со слезами и умилением души умоляет за нас, потому что Тот, Кто Сам Собою воскресши от мертвых, уже не умирает, через нее доселе еще страдает за нас в Своем Таинстве. Ибо сколько раз мы приносим Ему жертву страдания его, столько раз возобновляем страдание Его для себя ради очищения нашего.

8. Многим из вас, возлюбленнейшая братия, как я думаю, случилось узнать то, что я хочу рассказать для возобновления в вашей памяти. Незадолго до наших времен сделалось известным событие, что некто, схваченный врагами, отведен был далеко в плен (Кн. IV, разгов. гл. 57); и поскольку он долго содержался в оковах, то жена его, не видя возвращения его из этого плена, почла его убитым. Позаботилась в каждую субботу приносить за него жертвы уже как бы за умершего. С него в плену столько раз спадали оковы, сколь-

ко раз супруга его приносила жертвы о спасении души его. Ибо через долгое время, возвратившись из плена, он с чрезвычайным удивлением рассказывал жене своей, что в известные дни — в каждую субботу — с него спадали оковы. Припоминая именно эти дни и часы, жена его вспомнила, что он тогда был разрешаем от уз, когда она приносила за него жертвы. Итак, возлюбленнейшая братия, из этого со вниманием заключайте, сколько имеет силы принесенная нами жертва к разрешению в нас уз сердечных, если она, принесенная одним, могла разрушать узы телесные на другом.

9. Многие из вас, возлюбленнейшая братия, знали Кассия в городе Нарниенском. У него был обычай ежедневно приносить жертвы Богу, так что не проходило почти ни одного дня, в который он не приносил бы жертвы умилоствления Всемогущему Богу (Кн. IV. Разгов. гл. 56). С его жертвоприношением весьма была согласна и жизнь его. Ибо раздавая на милостыню все, что имел, когда он приходил к жертвоприношению, тогда весь обливаясь слезами с великим сокрушением сердца как бы закалал самого себя. Как о жизни его, так и о кончине я узнал от некоторого уважаемой жизни диакона, который был воспитанником его. Ибо он говорил, что в одну ночь пресвитеру его явился Господь в видении, говоря: «Ступай и скажи епископу, и делай, что ты делаешь, трудись, как ты трудишься, да не престанет нога твоя, да не престанет рука твоя, в день кончины Апостолов ты придешь ко Мне, и Я отдам тебе награду твою». Пресвитер пробудился, но поскольку день кончины Апостолов был очень близок, то он побоялся возвестить епископу о дне столь близкой кончины его. На другую ночь опять явился Господь и сильно упрекал его за непослуша-

ние, и повторил те же самые слова своего повеления. Пресвитер проснулся, и хотел идти, но опять слабость сердца была препятствием к объявлению откровения; и он, наперекор увещанию даже вторичного повеления, не пошел, и не хотел объявлять того, что видел. Но поскольку за великою кротостью презируемой благодати обыкновенно следует больший гнев отмщения, то Господь, явившись в третий раз, к словам присовокупил уже и наказание, и он (пресвитер) так был избит, что раны телесные смягчили в нем ожесточение сердца. Поэтому он, вразумленный наказанием, тотчас побежал к епископу и застал его стоящим, по обычаю, при жертвоприношении на гробе Св. Мученика Ювеналия, попросил секретного места от около стоящих и ринулся к ногам его. И когда епископ едва мог успокоить его, горько плачущего, тогда пожелал знать причину слез. Но он, желая в порядке рассказать о видении, скинув прежде с плеч одежду, открыл язвы телесные, так сказать, свидетелей истины и виновности, показал, с каким вниманием строгости изборождены синевою члены тела его от нанесенных ударов. Епископ, как только это увидел, ужаснулся и голосом великого ужаса спросил, кто решился это ему сделать. Но тот ответил, что это претерпел он за него. Удивление возросло до ужаса, но пресвитер, чтобы не замедлять распросов его, открыл тайну откровения и пересказал ему слышанные им слова Господня повеления, говоря: «Делай, что ты делаешь; трудись, как ты трудишься; да не престанет нога твоя; да не престанет рука твоя; в день кончины Апостолов ты придешь ко Мне, и Я отдам тебе награду твою». Услышав это, епископ ринулся на молитву с великим сокрушением сердца и, пришедши на жертвоприношение в третий час, по величию напряженной молитвы продлил оное до девя-

того часа! И с этого уже дня более и более умножал для себя сокровища благочестия; и он соделался столь же ревностным к делу, сколь известен был по должности, потому что он Того, Кому сам был должником через это обещание, начинал уже иметь должником. Но у него был обычай ежегодно в день кончины Апостолов приходить в Рим, а после этого откровения он уже не захотел по обычаю идти туда. Следовательно, в это самое время он, занятый ожиданием своей смерти, был озабочен; на другой год, на третий, четвертый, пятый и шестой также. Он уже начинал сомневаться в истине откровения, если бы язвы не придавали веры словам. И вот он на седьмой год безбедно пришел на священные бдения ожидаемого дня преставления; но тихая скорбь коснулась его на этих бдениях, и в самый день преставления он отказался совершать торжественную Литургию для ожидающих его детей. Но они, поскольку равным образом подозревали исход его, все вместе пришли к нему, единодушно сокрушаясь о том, что в этот самый день они отнюдь не успокоятся совершением торжественной Литургии, если за них не приступит ко Господу посредником тот же их настоятель. Тогда он, тронутый этим, совершил Литургию в домовой церкви епископской и своей рукой всем преподал тело Господне и мир. Во все продолжение служения Литургии он уходил к постели и там, лежа, когда взирал на священников своих и сослужителей, говоря как бы последнее *прости*, увещевал их к сохранению союза любви и заповедовал, каким согласием они должны были быть соединены между собой. Вдруг, среди самых слов святого увещания, он страшным голосом вскрикнул, говоря: *пора*. И тотчас сам своими руками подал предстоящим полотенце, которым по обычаю покрыв-

ваются лица умирающих. Покрывшись им, он испустил дух, и таким образом эта святая душа, переходя к Вечным Радостям, отрешилась от бренного тела. Кому, возлюбленнейшая братия, кому подражал в смерти своей этот муж, если не Тому, Кого созерцал в жизни своей? Ибо говоря *пора*, он вышел из тела; потому что и Иисус, все совершивши, тогда сказал: *совершишися, и приклонь главу, предаде дух* (Ин. XIX, 30). Итак, что Господь сделал по власти, то слуга по призыванию.

10. Вот какой благодатный мир даровало то посольство к грядущему Царю, которое ежедневно было отправляемо в Литургии с жертвами, милостынями и слезами! Итак, пусть все оставит тот, кто может. А кто не может оставить всего, тот пусть отправляет посольство, когда Царь еще далече, пусть отправляет к Нему дары слез, милостыни и жертвы. Ибо Тот хочет быть умилоостивляем молитвами, Кто ведает, что во гневе Он стерпим быть не может. Это самое замедляет Его пришествие и поддерживает посольство мира. Ибо если бы Он захотел, то уже пришел бы и казнил бы всех своих врагов. Но Он объявляет, сколь страшен приидет, однако же пришествием медлит, потому что не хочет находить тех, которых надобно наказывать. Он возвещает нам о виновности нашего презрения, говоря: *так оубо всяк от вас, иже не отречется всего своего имени, не может быти Мой ученик*; и однако же дает средство к надежде спасения, потому что Тот, Кто не может быть стерпим во гневе, хочет быть умилоостивляем через посольство с прощением мира. Итак, возлюбленнейшая братия, омывайте слезами пятна грехов, вытирайте милостынями, вычищайте святыми жертвами. Не желайте в мыслях владеть тем, чего вы не оставили после употреб-

ления. Имейте крепкую надежду на единого Иску-
пителя, возноситесь умом к Вечному Отечеству. Ибо
если вы в этом мире ничем уже не обладаете с любо-
вью, то и оставьте все во владении. Да дарует нам же-
лаемые радости Сам Тот, Кто принес нам средства
Вечного Мира, Господь наш Иисус Христос, Который
живет и царствует со Отцом в единении Св. Духа, Бог,
через все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXVIII,

говоренная к народу в храме Св. Мученика Климента.

Чтение Св. Евангелия: Мф. XXII, 1-14.

Во время оно, рече Иисус книжникам и фарисеям в притчах, глаголя: уподобися Царствие Небесное человеку Царю, иже сотвори браки сыну своему: И посла рабы своя призвати званья на браки: и не хотяху приити. Паки посла ины рабы, глаголя: рцыте званным: се, обед мой уготовах, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: приидите на браки. Они же небрежше отыдоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя. Прочии же емше рабов его, досадиша им и убиша их. И слышав Царь той разгневался, и послав вой своя, погуби убийцы оны и град их зажже. Тогда глагола рабом своим: брак убо готов есть, званнии же не быша достойни. Идите убо на исходища путей, и елицех аще обрящете, призовите на браки. И изшедше раби они на распутья, собраша всех, елицех обретоша, злых же и добрых: и исполни брак возлежащих. Вшед же Царь видети возлежащих, виде ту человека не оболчена во одеяние брачное: и глагола ему: друже, како вшел еси семо не имый одеяния брачна; он же умолча. Тогда рече Царь слугам: связавше ему руце и нозе, возмите его и вверзите во тму кромешную: ту будет плач и скрежет зубом. Мнози бо суть звани, мало же избранных.

1. Я, возлюбленнейшая братия, хочу по возможности кратко проследить чтение Евангелия, дабы в конце его иметь возможность остановиться на продолжи-

тельнейшем собеседовании. Но наперед надобно спросить, это ли самое чтение у Матфея, которое у Луки описывается под названием вечери (Лк. XIV, 16 и далее)? И действительно, есть нечто такое, что представляется разногласным, потому что здесь говорится об обеде, а там о вечери; здесь выгнан тот, кто пришел на брак не в приличной одежде, там не упоминается ни об одном, которого бы выгнали. Из этого выходит справедливое заключение, что здесь браком обозначается настоящая Церковь, а там — вечерей — вечное и последнее собрание; потому что, как в эту (Церковь) входят некоторые, имеющие выйти из нее, так и там вечерей обозначается вечное и последнее собрание, так что вошедший в то однажды более уже не выйдет из него. Но если бы кто стал настаивать, что это чтение есть одно и то же, то я за лучшее признаю, сохранив веру, уступить разумению другого, нежели спорить, потому что и разумение может быть согласно, потому что Лука умолчал, а Матфей сказал о том выгнанном госте, который пришел на брак не в брачной одежде. А что у Луки называется вечерей, а у Матфея обедом, то и это отнюдь не противоречит нашему разумению, потому что у древних ежедневно обедали в девятом часу, а потому и самый обед называется вечерей.

2. Но я часто, как помню, говорил, что в Святом Евангелии Царством Небесным большей частью называется настоящая Церковь. Потому что собрание Праведных называется Царством Небесным. Ибо через Пророка Господь говорит: *небо престол мой* (Ис. LXVI, 1); и Соломон говорит: *душа праведного есть престол Премудрости* (Прем. VII, 27)*; Павел также

* По Вульгате, в которой сказано: *Anima justi sedes est Sapientiae*. В славянском переводе эта мысль выражена так: *по родом в души преходящи, т. е. премудрость*.

говорит: *Христа, Божию Силу и Божию премудрость* (1 Кор. I, 24). Из этого мы ясно должны заключить, что если Бог — Премудрость, а душа праведного есть престол Премудрости, то когда небо называется престолом Божиим, душа Праведного есть небо. Поэтому через Псалмопевца говорится о святых проповедниках: *небеса поведают славу Божию* (Пс. XVIII, 1). Итак, Царство Небесное есть Церковь Праведных, потому что сердца их, не привязываясь ни к чему земному, через это самое, что они стремятся к горнему, делаются Царством в них Господа, как бы Небесным. Итак, говорится: *уподобися Царство Небесное человеку Царю, иже сотвори браки Сыну своему*.

3. Любовь ваша понимает уже, кто этот Царь, Отец Сына Царева; это Тот, о Ком Псалмопевец говорит: *Боже, суд Твой Цареве даждь, и правду Твою Сыну Цареву* (Пс. LXXI, 1). Он-то *сотвори браки Сыну Своему*. Ибо Бог Отец сотворил брак Сыну Своему, Богу, тогда, когда в девственном чреве совокупил Его с человеческим естеством; когда благоволил, чтобы Бог прежде веков, был человеком на конце веков. Но поскольку это соединение обыкновенно бывает из двух лиц, то от нашего разумения далека должна быть та мысль, будто мы веруем, что Лицо Бога и Человека, Икупителя нашего Иисуса Христа, состоит из двух лиц. Потому что мы, хотя и говорим, что Оно состоит из двух естеств, или в двух естествах, но, как нелепости, должны избегать верования, будто оно сложено из двух лиц. Следовательно, яснее и безопаснее можно сказать, что Отец сотворил брак Сыну Цареву тем, что через таинство воплощения сочетал с Ним Святую Церковь. А чрево Богородицы Девы было чертогом для Жениха сего. Поэтому и Псалмопевец говорит: *в солнце положи селение свое: и Той яко жених исходяй*

от чертога своего (Пс. XVIII; 5, 6). Он, яко Жених, вышел из чертога Своего, когда воплотившийся Бог вышел из нерастленного чрева Девы на сочетание с Ним Святой Церкви. Поэтому Он послал рабов Своих пригласить друзей на этот брак. Он послал раз, послал в другой, потому что проповедниками воплощения Господня сперва послал Пророков, а потом Апостолов. И так Он дважды посылал рабов для приглашения, потому что и через Пророков возвестил о будущем воплощении Единородного, и через Апостолов проповедал о совершившемся. Но поскольку те, которые были приглашены прежде, не хотели прийти на брачный пир, то во втором приглашении говорится: *се, обед Мой уготовах, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова.*

4. Что мы, возлюбленная братия, разумеем под юнцами и упитанными, если не Отцов Нового и Ветхого Завета? Но поскольку я говорю просто, то мне необходимо изъяснить и самые слова Евангельского чтения. Ибо упитанными мы называем откормленное; ибо от слова «питать» мы производим слово «упитанный», или «питательный». А поскольку в законе написано: *возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего* (Мф. V, 43; Лев. XIX, 18), то праведники в то время имели дозволение теснить врагов Божиих и своих всей силой, сколько имеют, и убивать их мечом. Это в Новом Завете, без всякого сомнения, запрещается, когда Истина лично проповедует, говоря: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Мф. V, 44). Итак, кто обозначается юнцами, если не отцы Ветхого Завета? Ибо они, получив дозволение от Закона, воздаянием отмщения поражали врагов своих, подобно юнцам, которые бодали врагов своих рогами телесной силы? Что же изображается через

упитанных, если не отцы Новозаветные, которые, принимая благодать внутреннего утучнения, возвышаясь над земными пожеланиями, возвышаются к горнему на крыльях своего созерцания? Потому что останавливаться мыслью на земле, что значит, как не некоторая сухость души? Но те, которые от разумения небесного питаются уже пищей внутреннего наслаждения через святые стремления к горнему, тучнеют, как бы от обильнейшей пищи. Этим-то туком желал насыщаться Пророк, когда говорил: *яко от тука и масти да исполнится душа моя* (Пс. LXII, 6). Итак, поскольку посланные проповедники воплощения Господня, сперва Пророки, а после Святые Апостолы, подверглись гонению от неверных, приглашенных, но не захотевших прийти, то говорится: *юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова*. Ясно говорится, как бы так: «Взирайте на кончину Отцов предшествующих и помышляйте о средствах к жизни вашей». Но замечательно, что при первом приглашении ничего не говорится о *юнцах* и *упитанных*, а при втором уже упоминаются *юнцы* и *упитанная*; потому что Всемогуший Бог, когда мы не хотим слушать слов Его, присовокупляет примеры для того, чтобы все, кажущееся нам невозможным, было тем удобнее вероятным, чем вернее мы узнали, что оно совершилось уже и над другими.

5. Далее следует: *они же небреглише отыдоша, ов убо на село свое, ов же на купли своя*. Потому что идти на село свое значит неумеренно предаваться труду земному, а идти на купли (на торговлю) значит сильно желать прибылей от действий мира сего. Ибо иной, занятый земным трудом, а другой, преданный делам мира сего, не хотят основательно размыслить о таинстве воплощения Господня и с ним сообразовать жизнь свою, отказываются идти на брак Царев, как бы отхо-

дя на поле или на торжище. Но, — что еще важнее, — некоторые большей частью не только отвергают благодать призывающего, но и преследуют (призывающих). Поэтому-то и присовокупляется: *прочии же емше рабов его, досадиша им и убиша их. И слышав Царь той разгневался, и послав вой своя, погуби убийцы оны и град их зажже*. Он губит убийц, потому что истребляет преследующих. Город их выжигает огнем, потому что не только души, но даже и тела, в которых те обитали, заставляет мучиться в вечном пламени геенны. Но об убийцах говорится, что они погублены посланными войсками, потому что всякий суд над людьми совершается через Ангелов. Ибо что такое строи Ангелов, если не воинства Царя нашего? Поэтому Тот же Царь называется Господом Саваофом. Потому что Саваоф значит «Господь воинств». Итак, для погубления своих врагов Он посылает войско, потому что Господь совершает отмщение именно через Ангелов. Тогда о силе отмщения Его отцы наши только слышали, а мы ныне уже видим. Ибо где те гордые преследователи Мучеников? Где те, которые поднимали выю сердца против Создателя Своего и гордились смертоносной славой мира сего? Вот уже смерть Мучеников прославляется верой живых, а те, которые хвалились своею жестокостью против них, иначе не воспоминаются, как в числе умерших. Итак, мы из событий узнаем то, что слышим в притчах.

6. Итак, Тот, Кто узнает, что Его приглашения презирают, не будет иметь пустыми брачные чертоги Царя, Сына Своего. Он посылает к другим, потому что слово Божие, хотя на иных действует без успеха, однако же некогда найдет, где может успокоиться. Поэтому и присовокупляется: *тогда глагола рабом Своим: брак убо готов есть, званнии же не беша дос-*

тойна. Идите убо на исходища путей, и елицех аще обрящете, призовите на браки. Если мы в Св. Писании принимаем пути за действия, то под исходищами путей разумеем недостатки действий, потому что большей частью приходят к Богу те, которых земные дела не сопровождаются никакими выгодами. Далее следует: и изшедше раби они на распутия, собраша всех, елицех обретоша, злых же и добрых: и исполнися брак возлежащих.

7. Вот уже самым качеством возлежащих ясно показывается, что этим браком Царя означается настоящая Церковь, в которой с добрыми вместе сходятся и злые. Потому что она смешена различием детей, которых всех рождает к вере так, что, по уважительным причинам, не всех доводит до свободы духовной благодати через перемену жизни. Ибо доколе мы живем здесь, дотоле необходимо, чтобы мы продолжали путь настоящего века в смешении. Но рассортировываемся тогда, когда достигаем конца его. Ибо одних добрых нигде нет, кроме неба; и одних злых нигде нет, кроме ада. Но эта жизнь, которая находится между небом и адом, так как стоит на середине, так и граждан вообще принимает от обеих сторон; впрочем, Святая Церковь и ныне принимает их не без разбора, и после различает при исходе. Итак, если есть добрые, то доколе вы пребываете в этой жизни, дотоле равнодушно терпите злых. Ибо кто не терпит злых, тот через нетерпеливость сам о себе свидетельствует, что он не добр. Ибо Авель, которого не занимает злоба Каинова, соглашается умереть. Так во время молотбы на току зерна ложатся под мякину; так цветы растут между терниями, и пахучая роза вырастает с острями, которые укалывают. Потому что первый человек имел двух сынов; но один из них избранный, а другой не-

честивый (Быт. IV). Ной в ковчеге имел при себе трех сынов; но двое из них избранные, а один нечестивый (Там же, VI, 7). Авраам имел двух сынов; но один избранный, а другой нечестивый (Там же XXI, 10 и след.). Исаак имел двух сынов; но один избранный, а другой нечестивый (Там же XXVII, 37). Иаков имел двенадцать сынов; но один из них за невинность продан, а другие по злобе были продавцами брата (Там же XXXVII, 28). Двенадцать Апостолов было избрано; но в число их один допущен был для того, чтобы искушать, а одиннадцать для того, чтобы быть искушаемыми (Ин. VI, 71). Семь диаконов было поставлено Апостолами (Деян. VI, 5); но тогда как шесть пребыли в правой вере, один вышел изобретателем заблуждения (Апок, II, 6). Итак, в этой Церкви ни злые без добрых, ни добрые без злых быть не могут. Поэтому, возлюбленная братия, припоминайте протекшие времена и укрепляйте себя к терпению злых. Ибо, если мы дети избранных, то по необходимости нам остается последовать их примеру. Ибо тот не был добрым, кто отказывался терпеть злых. Поэтому-то блаженный Иов говорит о самом себе: *брат бых сиринам, друг же птичий* (Иов. XXX, 29). Поэтому и через Соломона голосом жениха говорится Святой Церкви: *яко же крин в тернии, тако искренняя моя посреде дочерей* (Песн. II, 2). Поэтому и Господь через Иезекииля говорит: *сыне человекъ, да не убоишися их (неверных), ни ужасайся от лица их: зане разсверепеют и обыдут тя окрест, посреди бо скорпиев ты живеши* (Иезик. II, 6). Поэтому и Петр прославляет жизнь Лота, говоря: *и праведнаго Лота обидима от беззаконных в нечистоте сожития избави: видением бо и слухом праведный, живый в них, день от дне душу праведну беззаконными делы мучаше* (2 Пет. II; 7, 8). Поэтому и Павел и хвалит, и

подкрепляет жизнь учеников, говоря: *посреде рода строптива и развращенна, в нихже являетесь якоже светила в мире, Слово живоотно придерживаще* (Флп. II, 15). Поэтому Иоанн свидетельствует о Пергамской Церкви, говоря: *вем дела твоя, и где живешь, идеже престол сатанин: и держиши имя Мое* (Апок. II, 13). Вот, возлюбленная братия, перечисляя все, мы познаем, что не было доброго, которого не искушало бы нечестие злых. Ибо, скажу так, железо души нашей никак не доводится до остроты лезвия, если это не будет обточено пилою постороннего нечестия.

8. Но то не должно устрашать вас, что в Церкви много злых, а мало добрых; потому что в ковчег на водах потопных, бывшем образе настоящей Церкви, была широта в низших частях и теснота в верхних: последняя вверху по мере оканчивалась одним футом. Это, вероятно, потому, что внизу помещались четвероногие и пресмыкающиеся, а вверху — птицы и люди. Где был он широк, там вмещал зверей; а где узок, там хранил людей, именно потому, что Святая Церковь обширна плотскими, а тесна духовными. Ибо где она терпит зверские нравы людей, там обширнее распространяет место. А где имеет людей, которые подкреплены духовным разумом, там она возводится вверх, но, впрочем, суживается потому, что их мало. Потому что *пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящиим. Что узкая врата, и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его* (Мф. VII, 13, 14). Ковчег вверху делается узким до того даже, что доводится до меры одного фута, потому что в Святой Церкви, чем святее кто, тем менее их. На самом верху она (Церковь) доводится до Того, Кто единственный Человек среди людей, и без сравнения с другим, родился Святым. Он, по слову Пророка, со-

делался *яко птица особящаяся на zde* (Пс. СІ, 8). Итак, злые тем более должны быть терпимы, чем более их по количеству, потому что и на молотильном току не много зерен, которые соблюдаются в житницах, но огромные кучи соломы, которые сожигаются огнем.

9. Но поскольку вы, братия, по милосердию Господню, вошли уже в дом брачный, т. е. в Святую Церковь, то тщательно осматривайте, дабы входящий Царь не нашел чего-либо неприличным в настроении души вашей. Ибо с великим сердечным страхом надобно помышлять о том, что тотчас присовокупляется: *вшед же Царь видети возлежащих, виде ту человека не оболчена во одеяние брачное*. Что, возлюбленнейшая братия, по нашему мнению, выражается через брачную одежду? Ибо если мы назовем брачной одеждой Крещение или веру, то кто вошел на сей брачный пир без Крещения и веры? Ибо он стоит вне (брачного пира) по тому самому, что еще не уверовал. Итак, что мы должны разуместь под брачной одеждой, если не любовь? Ибо входит на брачный пир, но входит без брачной одежды тот, кто, числясь в Святой Церкви, имеет веру, но не имеет любви. Ибо любовь справедливо называется брачной одеждой, потому что ее имел в себе Создатель наш, когда пришел на сочетание Себя браком с Святой Церковью. Потому что одной любовью Бога совершено то, что Его Единородный сочетал с Собою души избранных людей. Поэтому и Иоанн говорит: *так о возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть* (Ин. III, 16). Итак, Кто по любви пришел к людям, Тот эту же самую любовь назначил быть одеждою брачной. Поэтому всякий из вас, находясь в Церкви, уже пришел на брачный пир, но пришел не в брачной одежде, если не сохраняет благодати любви. И подлинно, братие, если бы кто, при-

глашенный на телесный брачный пир, не переменяв одежды, то он самым неприличием своей одежды показал бы, как он сорадуется жениху и невесте, и краснел бы, что он явился среди радующихся и празднующих в презренных одеждах. Мы приходим на брак Божий и не хотим переменить одежду сердца. Сорадуются Ангелы, когда избранные взимаются на небо. Итак, с каким расположением взираем мы на эти духовные празднества, мы, которые не имеем брачной одежды, т. е. любви, которая одна делает нас благодивными?

10. Но надобно знать, что как одежда развешивается на двух деревьях, т. е. верхнем и нижнем, так и любовь заключается в двух заповедях, именно: в любви к Богу и ближнему, потому что написано: *возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем умом твоим, и всею крепостию твоею; и ближняго своего яко сам себе* (Мк. XII, 30, 31; см. Втор. VI, 5). Здесь надобно заметить, что в любви к ближнему полагается мера любви, когда говорится: *возлюбиши ближняго своего, яко сам себе*, а любовь к Богу не стесняется никакой мерой, когда говорится: *возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем умом твоим, и всею крепостию твоею*. Ибо не повелевается, сколько каждый должен любить, но всецело, когда говорится: *всем*; потому что истинно любит Бога тот, кто ничего не оставляет для себя самого. Итак, каждому, старающемуся о приобретении для брака брачной одежды, необходимо исполнять заповеди о любви. Поэтому-то у Пророка Иезекииля преддверие ворот в самый город, устроенный на горе, имеет меру двух локот (Иез. XL, 9), именно потому, что для нас недозволен вход в Небесный Град, если мы не имели любви к Богу и ближ-

нему в этой Церкви, которая называется преддверием потому, что еще вне (града). Поэтому-то заповедует-ся двукратное окрашивание опон, закрывающих Скинию (Исх. XXVI, 1). Эти опоны Скинии, вы, братие, вы, которые верой сокрываете таинства небесные в сердцах своих. Но на опонах Скинии должна быть сугубо алая краска. Потому что алая краска имеет вид огня. А что такое любовь, если не огонь? Но эта любовь сугубо должна быть окрашена, чтобы красилась и любовью к Богу, красилась и любовью к ближнему. Ибо кто любит Бога так, что созерцая Его, не радит о ближнем, тот хотя и окрашен, но не окрашен *сугубо*. И наоборот, кто любит ближнего так, что по любви к нему оставляет созерцание Бога, тот хотя и окрашен, но не окрашен *сугубо*. Итак, чтобы любовь ваша могла быть *сугубо* окрашенным алым цветом, то должна пламенеть и любовью к Богу, и любовью к ближнему, так как она ни по состраданию к ближнему не должна оставлять созерцания Бога, ни по напряженному созерцанию Бога не должна оставлять сострадания к ближнему. Итак, всякий человек, живущий среди человеков, должен стремиться к Тому, Кого желает, так, впрочем, чтобы не оставлять того, с кем бежал вместе; и сему последнему должен доставлять помощь так, чтобы отнюдь не был равнодушен к Тому, к Кому поспешал.

11. Еще надобно знать, что самая любовь к ближнему подразделяется на две заповеди, когда некто мудрый говорит: *еже ненавидиши, да никомуже твориши* (Тов. IV, 15). И лично Истина проповедует, говоря: *вся убо, елика аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им* (Мф. VII. 12). Ибо если мы и то уделяем другим, чего желаем сами получить, и удерживаемся делать другим то, чего себе не желаем, то

соблюдаем ненарушенными права любви. Но никто, любя кого-либо, не должен тотчас думать, будто он имеет любовь, если прежде не испытает самой силы любви своей. Ибо ежели кто кого любит, но любит не ради Бога, тот не имеет любви, но думает, будто он имеет любовь. Но истинная любовь состоит в том, когда и друг бывает любим в Боге, и враг бывает любим ради Бога. Ибо сей последний любит ради Бога тех, которых любит, зная уже, что он любит и тех, которые его не любят. Ибо любовь обыкновенно доказывается только противлением ненависти. Почему и лично Господь говорит: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Лк. VI, 27). Следовательно, истинно любит тот, кто ради Бога любит и того, о ком знает, что сей его не любит. Это важно, это высоко и для многих в исполнении трудно, но это составляет брачную одежду. И кто возлежа на браке не имеет ее, тот при вшествии Царя весьма должен опасаться высылки вон. Ибо вот говорится: *вшед же Царь видети возлежащих, виде ту человека не оболчена во одеяние брачное*. Эти возлежащие на браке Слова, возлюбленнойшая братия, мы, которые имеем уже веру в Церкви, питаемся пищей Св. Писания, радуемся сочетанию Церкви с Богом. Прошу осмотреться, в брачной ли одежде пришли вы на этот брачный пир, с особенным вниманием пересмотрите свои помышления. Осмотрите сердца свои со всех сторон, не имеете ли вы какой-либо ненависти, не завидуете ли чужому счастью, не питаете ли тайной злобы с желанием вредить кому-либо.

12. Вот Царь входит на брачное пиршество и осматривает расположение нашего сердца, и тому, кого находит не одетым любовью, тотчас во гневе говорит: *друзе, како вшел еси семо, не имый одеяния брачна?* Весьма удивительно, возлюбленнойшая братия, что Он

и другом называет его, и отвергает, как бы ясно говоря так: *друзе, и не друзе, друзе по вере, а не друзе по делам. Он же умолча*, потому что, — о чем говорить нельзя без слез, — на оном суде последнего воздаяния не будет никакой причины к извинению, так как тот совне кричит, кто, будучи свидетелем совести, внутренне обвиняет душу. Но между тем надобно знать, что кто имеет эту одежду добродетели, но не в совершенстве, тот не должен отчаиваться в прощении при входе Царя Святого; потому что Сам Он, подавая нам через Псалмопевца надежду, говорит: *несоделанное мое видите очи твои, и в книзе твоей вси напишутся* (Пс. СXXXVIII, 16). Но поскольку мы сказали это немного в утешение падающего и слабого, то теперь обратимся с словом к тому, кто решительно не имеет этой надежды. Далее следует:

13. *Тогда рече Царь слугам: связавше ему руце и нозе, возмите его и вверзите во тьму кромешную: ту будет плач и скрежет зубом.* Тогда решением совести связываются ноги и руки у тех, которые не хотели быть связанными для нечестивых дел исправлением жизни. Или яснее: тогда свяжет наказание тех, которых не вязало уклонение от добрых дел. Ибо ноги тех, которые не хотят посетить больного, и руки, которые ничего не дают от благостыжания нуждающимся, уже связаны волей. Следовательно, те, которые ныне связываются пороком добровольно, тогда против воли связываются наказанием. Но хорошо говорится, что он выбрасывается во тьму внешнюю. Потому что *внутренней* тьмою мы называем слепоту сердца, а *внешней* тьмою — вечную ночь осуждения. Итак, тогда каждый осужденный отсылается не во внутреннюю, а во внешнюю тьму потому, что там против воли отсылается в ночь осуждения тот, кто здесь доброволь-

но пал в слепоту сердца. Где предсказывается плач и скрежет зубов для того, чтобы там скрежетали те зубы, которые здесь услаждались обжорством; чтобы там обливались слезами те глаза, которые здесь вращались от непозволенных пожеланий, так как подвергнутся частному наказанию порознь все члены, которые здесь служили в частности различным порокам.

14. Но по отвержении одного, в котором выражается именно совокупность всех злых, тотчас присовокупляется общая мысль, в которой говорится: *мнози бо суть звани, мало же избранных*. Возлюбленнойшая братия, весьма страшно то, что мы выслушали. Вот все мы, уже призванные, верой пришли на брачный пир Царя Небесного, и веруем и исповедуем таинство воплощения Его, принимаем брашно Слова Божия; но в будущий день суда Царь приидет. Что мы призваны, это мы знаем, но избранные ли мы, этого не знаем. Следовательно, тем необходимее каждому из нас смиряться, чем менее он знает о своем избрании. Ибо некоторые не начинали еще быть добрыми, а некоторые начали добрые дела, но не устояли в них. Иной по видимому всю жизнь провел в нечестии, но под конец жизни через слезы строгого покаяния возвращается от своего *нечестия*, другой по видимому проводит жизнь избранных, и однако же случается, что он под конец жизни склоняется к нечестию заблуждения. Иной хорошо начинает добро, а еще лучше совершает оное; а другой с детства предается худым делам, и в этих самых делах, всегда делаясь хуже и хуже, умирает. Итак, каждому тем более должно бояться за себя, чем менее он знает о том, что остается, потому что, — это часто надобно повторять, и никогда не оставлять в забвении, — *мнози суть звани, мало же избранных*.

15. Но поскольку иногда умы слушающих более обращают внимания на примеры верующих, нежели на слова учащихся, то я хочу вам сказать о ближнем нечто такое, что ваши сердца должны выслушать тем с большим соболезнованием, чем ближе к ним это сказание о ближнем. Ибо мы говорим не о далеких от нас событиях, но воспоминаем о тех, коих свидетели доселе живы и рассказывают, что сами они были участниками в оных.

Отец мой имел трех сестер, которые все три были священными девами: из них одна называлась Фарсиллой, другая — Гордианой, третья — Эмилианой. Все — воспламенные одной ревностью, посвященные в одно и то же время, живя под установленным надзором, они проводжали жизнь общественную в собственном доме (Разгов. кн. IV, гл. 16). И когда они долго были в этом сожительстве, то Фарсилла и Эмилиана начали возрастать в ежедневных приращениях любви к Создателю своему и, будучи единой плоти, переходить духом в вечность. Напротив же того, душа Гордианы начала охлаждаться от жара внутренней любви ежедневными ее утратами, и мало-помалу возвращаться к любви века сего. Часто Фарсилла с великой скорбью говаривала сестре своей Эмилиане: «Вижу, что сестра наша Гордиана не на нашей стороне, ибо я прилежно рассматриваю, что она выбегает со двора и не бережет сердца для того, для чего предположила». Они старались исправить ее кротким ежедневным обличением и от легкомыслия нравственного возратить к важности ее звания. Та среди слов исправления хотя и принимала неожиданно вид важности, однако же, когда проходило время этого исправления, тогда вдруг проходила и притворная важность честности, и она тотчас возвращалась к словам легкомыслия. Она радовалась сообществу мирских девиц и для нее весьма было тя-

гостно то лицо, которое не было предано сему миру. Но в одну ночь тетке моей Фарсилле, которая была почтеннее и очень выше сестер своих силой постоянной молитвы, тщательным измождением плоти, необыкновенным воздержанием и важностью высокой жизни, явился, как она сама рассказывала, прапрадед мой Феликс, настоятель сей Римской Церкви, и указал ей на жилище непрестаемого света, говоря: «Приходи, потому что я принимаю тебя в этом жилище света». В следующую ночь она вдруг впала в лихорадку и через день приблизилась к смерти. А так как на кончину благородных женщин и мужчин сходятся многие, чтобы утешать их родственников, то в самый час ее кончины обступили одр ее многие мужчины и женщины, в числе которых была и мать моя. Когда она вдруг, устремляя взор кверху, увидела грядущего Иисуса, тогда с великой заботливостью начала кричать окружающим: *отойдите, отойдите. Иисус грядет!* И когда она устремила внимание на Того, Кого видела, тогда эта святая душа отрешилась от тела; и вдруг распространилось такое приятное благоухание, что самая даже эта приятность всем засвидетельствовала, что туда пришел Виновник приятности. А когда, по обычаю над умершими, обнажили тело ее для обмывания, то найдены затверделые, как у верблюдов, наросты кожи на локтях и на коленях от продолжительной молитвы; и мертвая плоть засвидетельствовала о том, что всегда совершал живой дух ее. Это было за день до Рождества Господня. По прошествии его, она тотчас явилась сестре своей Эмилиане в сонном видении ночью, говоря: «Я пришла за тем, чтобы, проведши без тебя день Рождества Господня, провести уже с тобою святой день Богоявления». Та, заботясь о спасении сестры своей Гордианы, тотчас от-

вечала ей: «Если я одна приду, то на кого оставлю сестру нашу Гордиану?» Ей, как сама говорила, та со скорбью опять сказала: «Иди ты, ибо Гордиана, сестра наша, перечислена к мирянам». За этим видением тотчас последовала болезнь телесная и, так как было сказано, за день до Богоявления эта скончалась от усиления своей болезни. Гордиана же тотчас, как только осталась одна, предалась своему нечестию, и что доселе скрывала в мысленном пожелании, то после выразила на опыте нечестивого дела. Ибо, забыв страх Господень, забыв стыд и благоговение, забыв о пострижении, она после вышла замуж за откупщика полей своих. Вот, все три вместе прежде пламенели усердием, но не пребыли постоянно в одном и том же подвиге; потому что, по слову Господню, *мнози суть звани, мало же избранных*. Итак, это я рассказал для того чтобы никто, установившись уже в добродетели, не приписывал самому себе сил для добродетели, чтобы никто не надеялся на собственную деятельность, потому что, хотя он сегодня и знает, каков он, но еще не знает, чем он будет завтра. Поэтому никто не должен безопасно радоваться делам своим, когда еще не знает, каков будет конец этой жизни. Но поскольку я рассказал о таком событии, которое устралошило вас Божественным правосудием, то расскажу еще в противоположность и о другом, которое должно успокоить устраленные сердца ваши Божественным милосердием; впрочем, я помню, что уже говорил о нем в другой беседе, но вас тогда не было.

16. За два года в мой монастырь, находящийся подле Церкви святых Мучеников Иоанна и Павла, прибыл в сожительство некоторый брат, который долго по правилам был испытует, и, наконец, принят (Разгов. кн. IV, гл. 58). За ним последовал брат его в мона-

стырь, не по усердию к сожителству, но по плотской любви. Но тот, который пришел для сожителства, весьма нравился братии; напротив же, брат его далеко отстоял от него и по жизни, и по нравам. Впрочем, он жил в монастыре более по необходимости, нежели по воле. И хотя во всех своих поступках был развратный человек, но равнодушно был всеми терпим ради брата своего. Ибо он был легкомыслен на словах, нечестив на деле, щеголь по одежде, необуздан по нраву, но терпеть не мог, если бы кто стал ему говорить о сожителстве святого состояния. Жизнь его была тяжела для всей братии, впрочем, как сказано, его все терпели ради брата его. Он сильно оскорблялся, если бы кто стал говорить ему что-либо об исправлении его нравственности. Добра, не только делать, но и слышать не мог. Он говорил с клятвой, с гневом, с насмешкою, что никогда не приходил в состояние святого сожителства. Но в эту моровую язву, которая недавно истребила большую часть сего града, он, пораженный в подбрюшье, близок был к смерти. И когда он близок был к кончине, собрались братия, чтобы молитвой напутствовать исход его. Уже тело его в оконечностях омертвело, в одной только груди хранился еще жизненный теплотвор. Но все братия начали тем усерднее за него молиться, чем ближе видели его кончину. Вдруг он с возможным усилием начал кричать и прерывать их молитву, говоря: «Отойдите, отойдите; вот я предан на сожрание дракону, который не может сожрать меня в вашем присутствии. Он уже забрал мою голову в пасть свою, дайте место, чтобы меня более не мучил, но покончил бы то, что хочет сделать. Если я отдан ему на сожрание, то почему от вас терплю замедление?» Братия начали говорить ему: «Что ты, брат, говоришь? Ознаменуй себя знамением Свя-

того Креста». На это он, как мог, отвечал, говоря: «Хочу перекреститься, но не могу, потому что меня давит дракон». Услышав это, братия, ринувшись на землю, усиленное начали со слезами молиться об исхищении его. И вот вдруг получивший облегчение больной начал радоваться, как только мог, говоря: «Благодарение Богу; вот дракон, который схватил меня для сожжения, убежал, не мог устоять, выгоняемый вашими молитвами. Вы молитесь только о грехах моих, потому что я готов исправиться и решительно оставить жизнь мира сего». Итак, человек, который, как уже сказано, был мертв по окончечностям тела, возвращенный к жизни, обратился к Богу всем сердцем. Наученный продолжительными и непрерываемыми вразумлениями в том же сожительстве, он на днях скончался от усилившейся телесной болезни. Умирая, он уже не видал дракона, потому что победил его исправлением сердца. Вот, братия мои, Гордиана, о которой сказал я выше, с высоты монашеского звания низринувшись в ад; а этот брат, о котором я рассказал, от самой смерти возвратился к Жизни Вечной. Следовательно, никто не знает, что делается над ним в сокровенных судьбах Божиих, потому *что мнози суть звани, мало же избранных*. Итак, поскольку никому неизвестно о себе, избран ли он, то остается всем трепетать, всем страшиться за свою деятельность, всем уповать на одно только милосердие Божие; никто не должен полагаться на свои силы. Есть подкрепитель упования нашего, именно Тот, Кто благоволил принять на Себя естество наше, Иисус Христос, Который со Отцом живет и царствует, в единении Святого духа, Бог, через все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА XXXIX,

говоренная к народу в Церкви блаженного Иоанна
именуемой Константиновою.

Чтение Св. Евангелия: Лк. XIX, 42-47.

Во время оно, егда приблизися Иисус к Иерусалиму, виде град плакася о нем, глаголя: яко аще бы разумел и ты, в день сей твой, еже к смирению твоему: ныне же скрыся от очию твоею: яко приидут днии на тя, и обложат врази твои острог о тебе, и обыдут тя, и обымут тя отвсяду, и разбьют тя и чада твоя в тебе, и не оставят камень на камени в тебе: понеже не разумел еси времени посещения твоего. И вшед в церковь, начат изгонити продающыя в ней и купующыя, глаголя им: писано есть: дом мой дом молитвы есть: вы же сотвористе его пещеру разбойником. И бе уча по вся дни в Церкви.

1. Краткое чтение Св. Евангелия я хочу проследить возможно кратким словом для того, чтобы дать обширнейшее о нем размышление тем, которые умеют от малого заключать о многом. Что плачущим Господом описывается то разрушение Иерусалима, которое совершено римскими полководцами Титом и Веспасианом — это известно всякому, кто прочел историю разрушения его. Ибо произносится предсказание о римских военачальниках, когда говорится: *яко приидут днии на тя, и обложат врази твои острог о тебе, и обыдут тя, и обымут тя отвсяду. И разбьют тя, и чада твоя в тебе.* Присовокуплением же *и не оставят*

камень на камени в тебе предсказывается даже самое перенесение этого города, потому что ныне, когда он построен на том месте, на котором, за воротами, был распят Господь, прежний оный Иерусалим разрушен, как говорится, до основания. За какое преступление его было наказанием это разрушение, далее присовокупляется: *понеже не разумел еси времени посещения твоего*. Потому что Творец всего благоволил посетить его таинством Своего воплощения, а он не соответствовал Ему страхом и любовью. Поэтому-то через Пророка выставляются даже птицы небесные в свидетели ожесточения сердца человеческого, когда говорится: *Еродиа* (коршун) *на небеси позна время свое, горлица и ластовица селная, врабья сохраниша времена входов своих: люди же Мои сии не познаша судеб Господних* (Иер. VIII, 7). Но прежде надобно спросить, что за мысль в словах: *видев град, плакася о нем, глаголя: яко аще бы разумел, и ты **. Ибо Искупитель наперед оплакал разрушение вероломного города, о котором сей самый город не знал, что оно приближается к нему. Ему плачущим Господом справедливо говорится: *яко аще бы разумел, и ты* (доразумей: *плакал бы*), который теперь веселишься потому только, что не знаешь, что угрожает тебе. Поэтому и присовокупляется: *в день сей твой, еже к миру твоему*. Ибо когда он предавался плотоугодию и не предвидел грядущих бедствий, тогда имел во дни своем то, что могло послужить ему к миру. Но почему он имел бы настоящие блага к миру, открывается из последующего: *ныне же скрыся от*

* Святой Отец, как видно из дальнейшего объяснения его, в этом тексте видит недоговорку, или риторическую фигуру *умолчания*. Поэтому у него после слова “разумел” поставлена запятая, которой в славянском переводе нет.

очию твоею. Ибо если бы от очей сердца его не были сокрыты угрожающие бедствия, то он не стал бы радоваться настоящему счастью. И затем тотчас присокуплено наказание, которое, как я сказал, угрожало со стороны римских военачальников.

2. По описании этого, присокупляется то, что сотворил Господь, потому что *вшед в Церковь, начат изгонити продающыя в ней и купующыя, глаголя им: писано есть: дом мой, дом молитвы есть: вы же сотвористе его пещеру разбойником* (Ис. LVI, 7). Ибо Тот, Кто предсказал о грядущих бедствиях и тотчас вошел в храм, чтобы выгнать из него продающих и покупающих, ясно дал разуметь, что падение народа преимущественно зависело от виновности священников. Потому что, описывая разрушение, но бия во храме продающих и покупающих, Он самым своим действием показал, откуда произрос корень гибели. Так как из свидетельства другого Евангелиста мы знаем, что в храме были продаваемы голуби (Мк. XI, 15). А что разумеется под именем голубей, если не дар Св. Духа? Но Он выгоняет и продающих, и покупающих, потому что осуждает, как тех, которые за деньги сообщают рукоположения, так и тех, которые усиливаются за деньги получить дар Духа. О сем храме тотчас присокупляется: *дом Мой, дом молитвы есть, вы же сотвористе его пещеру разбойником*. Что те (первосвященники) действительно восседали в храме для принятия даров, в этом не было сомнения; потому что они для не дающих изыскивали оскорбления. Следовательно, дом молитвы превращен в пещеру разбойников, потому что они (первосвященники) умели председательствовать в храме для того, чтобы или телесно преследовать тех, которые не давали даров, или духовно убивать дающих. Но поскольку Икупитель наш не

лишал назидания даже недостойных и неблагодарных, то после строгого обличения, явленного через изгнание развращенных, Он тотчас показал дар благодати. Ибо затем следует: *и бе уча по вся дни в Церкви*. Это мы проследили кратким размышлением по истории.

3. Но поскольку мы знаем, что Иерусалим уже разрушен, и разрушением своим послужил к лучшему, потому что, по изгнании из храма разбойников, и самый храм, как известно, уже разрушен, то мы должны навести подобие от внешних вещей на внутренние, и от разрушенных построений стен опасаться развалины нравов. *Видев град, плакася о нем, глаголя: яко аще бы разумел, и ты*. Это сделал Он однажды, когда предсказывал разрушение города. Это Искупитель наш никогда не перестает делать через избранных Своих ежедневно, когда видит некоторых падающими с доброй жизни в дела нечестия. Ибо Он бьет их, но они не понимают, за что их бьют, потому что, по словам Соломона, они суть *веселящиеся о злых и радующиеся о развращении злем* (Притч. II, 14). Если бы они знали об угрожающем им наказании, то с плачущими избранными оплакивали бы самих себя. Но хорошо приновляется к погибающей душе та мысль, которая затем следует: *в день сей твой, еже к миру твоему: ныне же скрыся от очию твоею*. Здесь развратная душа, которая радуется преходящему во времени, имеет день свой. Для нее то, что есть, служит к миру, потому что, услаждаясь вещами временными, надмеваясь почестями, предаваясь плотоугодию, не тревожась никаким страхом будущего наказания, она в день свой имеет мир, который будет иметь важную причину к осуждению в день чужой. Ибо она подвергнется наказанию там, где праведные будут радоваться; и все, что только служит к миру, тогда превратится в горечь брани,

потому что она начнет браниться сама с собою, почему она не предотвратила осуждение, которое терпит, для чего закрыла умственные очи от предусмотрения грядущих зол. Поэтому и говорится ей: *ныне же скрися от очию твоєю*. Ибо развратная душа, преданная настоящим благам, утопающая в земных удовольствиях, скрывает от себя последующие бедствия, потому что та избегает предвидения будущего, которая развлечена настоящей радостью; и когда она предается наслаждениям настоящей жизни, тогда что другое делает, если не с закрытыми глазами идет к огню? Поэтому хорошо написано: *в день благостыни (его) живи в блазе и виждь в день зла* (Еккл. VII, 15). И потому через Павла говорится: *и радующиися, якоже не радующеся* (1 Кор. VII, 30); потому что если и действительно есть радость в настоящем времени, то надобно радоваться так, чтобы никогда не выходило из памяти горе грядущего суда, так как боязливая душа, когда бывает проникнута страхом последнего отмщения, сколько ныне бывает умеренна в настоящей радости, столько и тогда в страхе от грядущего гнева. Поэтому-то написано: *блажен муж, иже боится всех за благоговение: а жестосердый впадает в злая* (Притч. XXVIII, 14). Ибо гнев грядущего суда тем тягостнее будет выносим тогда, чем менее бояться его ныне среди преступлений.

4. Далее следует: *яко приидут дние на тя, и обложат врази твои острог о тебе*. Какие враги для человеческой души опаснее, как злые духи, которые окружают ее при разлучении с телом, тогда как содействуют ей в плотской любви обманчивыми наслаждениями? Они облагают ее окопами, потому что, представив пред глаза ее содеянные ею беззакония, они стесняют ее, влача к сообществу своего осуждения, так что

она, застигнутая уже на самом конце жизни, и сама видит, какими врагами окружена, и однако же не может отыскать выхода из их обложения, потому что уже не может творить добрых дел та, которая презирала их, когда могла творить. Приноровительно к ним может быть разумеваемо и то, что далее следует: *и обыдут тя и обымут тя отвсюду*. Потому что злые духи отвсюду стесняют душу, когда представляют ей на вид беззакония не только совершенные на деле, но и в слове, и даже в помышлении, так что она, развлекавшаяся многим в преступлении, донельзя стесняется всем в воздаянии. Далее следует: *и разбьют тя, и чада твоя в тебе*. Душа разбивается сознанием своей виновности тогда, когда плоть, которую она считала своей жизнью, принуждена бывает возвратиться в персть. Чада ее побиваются тогда, когда непозволительные помыслы, происшедшие от нее, рассыпаются на последнем отмщении жизни, как написано: *в той день погибнут вся помышления его* (Пс. CXLV, 4). Эти же грубые помыслы можно разуместь и под значением камней. Ибо далее следует: *и не оставят камень на камени в тебе*. Ибо развратная душа, присоединяя к преступному помыслу еще преступнейший, что другое делает, если не полагает камень на камень? Но в разрушенном городе не оставляется камень на камне, потому что когда душа приводится к отмщению своему, тогда рассыпается от ней все строение ее помыслов.

5. А за что она это претерпевает, далее присовокупляется: *понеже не разумел еси времени посещения твоего*. Всемогуший Бог обыкновенно посещает развратную душу многими способами. Ибо непрестанно посещает ее заповедью, а иногда даже чудом, чтобы она и слушала истину, которой не знала, и вместе с тем, как гордая и презрительная, и понуждаемая болью

обращалась, и препобеждаемая благодеяниями, стыдилась того зла, которое сделала. Но поскольку она не понимает времени своего посещения, то на конце жизни предается тем врагам, с которыми вступает в сообщество на вечном суде непрестаемого осуждения, как написано: *егда бо грядеши с соперником твоим ко князю, на пути даждь делание (потщися) избыти от него: да не како привлечет тебе к Судии, и Судия ты предаст слуге (истязателю) и слуга всадит тя в темницу* (Лк, XII, 58). Потому что соперник наш на пути есть Слово Божие, противное нашим плотским пожеланиям в настоящей жизни. От этого соперника освобождается тот, кто смиренно подчиняется заповедям его. Иначе соперник передает Судии, а Судия — истязателю; потому что грешник, виновный в презрении Слова Господня, будет задержан на испытании Судии. Судия предает его истязанию, потому что дозволяет злему духу тащить его к отмщению, дабы сей сам выгнал из тела ту понуждаемую душу, которая добровольно согласовалась с ним на преступления. Истязатель отсылает в темницу, потому что (грешник) через злого духа низвергается в преисподнюю, доколе наступит день суда, с которого уже и сам (сей последний) будет вместе мучиться в огнях преисподней.

6. Итак, по разрушении города, которое мы приноновили к погибающей душе, тотчас присовокупляется: *и вшед в Церковь, начат изгонити продающыя с ней и купующыя*. Какое значение имеет храм Божий в городе, такое же имеет значение и жизнь благочестивых среди верующего народа. И часто некоторые принимают вид набожности и, когда получают место на степенях священства, тогда обязанность религии превращают в торговлю земной промышленности. Потому что продавцы в храме суть те, которые сообщают за

цену то, что принадлежит другим по праву. Ибо продавать правосудие значит блюсти его для получения награды. Продавцы же в храме и те, которые, давши покровителям цену, покупают грех, когда не хотят разрешить ближнему того, что должно разрешить, и когда презирают делать дело, к которому обязаны правом. Им хорошо говорится: *дом мой, дом молитвы есть: вы же сотвористе его пещеру разбойником*; потому что когда некоторые развратные люди занимают места священства, тогда они мечами своего нечестия убивают там, где должны были оживлять ближних посредничеством своей молитвы.

7. И храм, и дом Божий есть самая душа и совесть верующих. Если она когда-либо в оскорблении на ближнего произносит развратные помыслы, то в ней, как в пещере, сидят разбойники, и просто нападая, убивают, когда вонзают мечи в тех, которые решительно ничем не оскорбляли их. Ибо душа верующих есть уже не храм молитвы, но пещера разбойников, когда она, оставив невинность и простоту святости, усиливается делать то, от чего может произойти вред для ближних. Но поскольку мы непрестанно настраиваемся против всего этого развратного словами Искупителя нашего через Священное Писание, то даже доселе совершается то, что, по сказанию, тогда было сделано, как говорится: *и бе уча по вся дни в Церкви*. Ибо, когда Он научает души верующих тщательно остерегаться зла, тогда Истина ежедневно учит в Церкви. Но нам надобно знать, что словами Истины мы истинно научаемся тогда, когда со страхом и непрестаемостью взираем на последние наши несчастья, по слову одного мудреца, который говорит: *во всех словесех твоих поминай последняя твоя, и во веки не согрешииши* (Сир. VII, 39). Потому что мы ежедневно долж-

ны помышлять о том, что выслушали из уст Того же нашего Искупителя: *в день сей твой, еже к миру твоему: ныне же скрыся от очию твоею*. Ибо доколе праведный Судия удерживается и не простирает еще руки на поражение, доколе видится некоторая безопасность времени от воздаяния последнего отмщения, дотоле мы должны помышлять о грядущем бедствии, помышляя — скорбеть, скорбя — предотвращать, и непрестанно пересматривать содеянные грехи, пересматривая — плакать, и плача — очищать. Никакая радость о преходящем счастье не должна расслаблять нас, ничто преходящее не должно закрывать глаз ума нашего и не вести нас слепыми к огню. Ибо если основательно будет обдуманно, какой важности этот стыд, то из уст Истины познается, когда нерадивому и будущего не предусматривающему говорится: *в день сей твой, еже к миру твоему: ныне же скрыся от очию твоею*.

8. Ибо надобно основательно размышлять о том, коль страшен будет для нас час смертный, какой ужас души, какое воспоминание всех зол, какое забвение протекшего счастья, какой страх и какое спасение Судии. Следовательно, что из настоящего должно быть для нас усладительно, когда с прохождением всего вместе не может пройти то, что угрожает? Когда и то, что любят, решительно оканчивается и начинается то состояние, в котором болезнь никогда не оканчивается? Тогда злые духи в отходящей душе отыскивают дела ее, тогда они представляют на вид те грехи, к которым расположили ее, дабы свою сообщницу увлечь на мучения. Но для чего мы говорим только о грешной душе, когда они приходят даже к избранным умирающим и в них отыскивают свое, если в чем успели? Среди людей был только Один, Кто прежде стра-

дания Своего безбоязненно говорит: *ктому не много глаголю с вами. Грядет бо сего мира князь и во Мне не имать ничесоже* (Ин. XIV, 30). Поскольку князь мира видел Его смертным человеком, то подумал, что может найти в Нем что-либо свое. Но Тот без всякого греха вышел из растления мира, Кто без греха пришел в мир. Этого о себе против князя мира не осмелился сказать Петр, который удостоился слышать: *еже аще свяжеша на земли, будет связано на небесех; и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех* (Мф. XVI, 19). Этого не смел говорить Павел, который прежде смерти своей был восхищен до таинств третьего неба (2 Кор. XII, 2). Этого не смел сказать о себе даже Иоанн, Который, по особенной любви, возлежал на вечери на персях Своего Искупителя (Ин. XXI, 20). Ибо, когда Пророк говорит: *се бо в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя* (Пс. L, 7), тогда без виновности в мире не мог быть тот, кто пришел в мир с виновностью. Поэтому-то тот же Пророк говорит: *не оправдится пред Тобою всяк живый* (Пс. CXLII, 2). Поэтому и Соломон говорит: *несть человек праведен на земли; иже сотворит благое и не согрешит* (Еккл. VII, 21). — Поэтому и Иоанн говорит: *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас* (1 Ин. 1, 8). Потому и Иаков говорит: *много бо согрешаем вси* (Иак. III, 2). Ибо известно, что как все зачаты от услаждения плоти, то, без всякого сомнения, князь мира сего имел нечто свое: или в их делах, или в словах, или помышлениях. Но он не мог их или после похитить, или прежде держать потому, что их освободил от их долгов Тот, Кто за нас без долга заплатил долг смерти, дабы наши долги врагу нашему не задерживали нас потому, что за нас Посредник Бога и человеков, Человек Христос Иисус, даром отдал ему то,

чем не был должен. Ибо нас освободил от должной смерти душевной Тот, Кто заплатил за нас недолжной смертью телесной. Итак, Он говорит: *грядет бо сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже* (Ин. XIV, 30). Поэтому нам должно заботиться и с обильными ежедневными слезами помышлять о том, сколь свирепый, сколь страшный князь мира сего придет в день кончины нашей, отыскивая в нас дела свои, если он приходил даже к Господу, умирающему плотью, и отыскивал чего-либо в Том, в Ком не мог ничего найти.

9. Итак, что будем говорить, что делать, мы, несчастные, которые впали в безчисленные грехи? Что мы скажем врагу, отыскивающему и много своего в нас находящему, если не то только, что у нас есть известное прибежище и твердая надежда, потому что мы одно совершили вместе с Тем, в Ком князь мира сего и отыскивал чего-либо своего, и не мог найти? Потому что Он только свободен среди умерших (Пс. LXXXVII, 5). И от рабства греховного разрешаемся к истинной свободе потому, что соединяемся с Тем, Кто один свободен. Ибо известно, — и мы не можем отвергать, но искренно признаемся, — что князь мира сего имеет в нас многое; но несмотря на то, он уже не имеет силы похищать нас во время нашей смерти потому, что мы соделались членами Того, в Ком тот ничего не имеет. Но что пользы в том, что мы через веру соединяемся с Тем же нашим Искупителем, если разъединяемся с Ним нравами? Ибо Он Сам говорит: *не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царство Небесное*. Следовательно, с правой верой должны быть соединяемы правые дела. Содеянные нами грехи мы должны омыwać ежедневными слезами, прошлые свои беззакония мы должны вознаграждать добрыми делами, основанными на любви

к Богу и ближнему; братьям не должны отказывать ни в чем добром, что можем даровать им. Ибо мы содействуемся членами нашего Искупителя не иначе, как преданностью Богу и сочувствием ближнему.

10. Но поскольку к любви Бога и ближнего по большей части возбуждают сердца слушающих более примеры, нежели слова, то я хочу любви вашей указать на то, что выдает за чудо, совершившееся в соседственной с Ликаониею земле, тот, кто теперь здесь, сын мой, диакон Епифаний, родом из провинции Исаврии. Ибо он говорит, что в ней был некто монах, весьма строгой жизни, по имени Мартирий, который из своего монастыря шел для посещения в другой монастырь, в котором он был духовником. И так идя, он нашел на пути некоторого прокаженного, которого слоновая болезнь покрывала по членам густыми ранами, желающего воротиться в свое пристанище, но не имеющего сил от усталости. Но он говорил, что имеет пристанище на том самом пути, по которому спешил идти монах Мартирий. Но человек Божий, сжалившись над усталостью этого прокаженного, тотчас сбросил с себя мантию, которою был одет, и разостлал ее, и на нее положил прокаженного, и завернув его со всех сторон своей мантией, поднял на плечи и понес с собой. И когда он уже приближался к воротам монастыря, тогда духовный отец этого самого монастыря начал громко кричать: «Бегите, отворяйте скорее ворота монастырские, потому что идет брат Мартирий, неся Господа». Но тотчас, как только Мартирий пришел ко входу в монастырь, Тот, Кто казался прокаженным, выпрыгивая из мантии его и являясь в том виде, в каком обыкновенно узнается от людей Искупитель рода человеческого, Бог и человек, Христос Иисус, вознесся на небо в виду Мартирия, и возносясь, сказал ему:

«Мартирий, ты не постыдился меня на земле, Я не постыжусь тебя на небе». Лишь только этот святой муж вступил в монастырь, отец монастыря спросил его: «Брат Мартирий, где же тот, кого ты нес?» Сей отвечал ему, говоря: «Если бы я знал, кто это был, то я удержал бы ноги Его». Тогда тот же Мартирий рассказал, что когда он нес его, тогда не чувствовал тяжести его. И не удивительно, потому что, как мог чувствовать тяжесть тот, кто нес *Носящего*? В этом событии надобно нам обратить внимание на то, какую силу имеет братское сострадание и как соединяет нас со Всемогущим Богом искреннее милосердие. Ибо мы приближаемся к Тому, Кто над всеми есть, оттуда, откуда мы через сострадание к ближнему низлагаем себя даже под самих себя. В вещах телесных никто не достигает высоты, если не стремится к ней; но в вещах духовных известно, что чем более мы унижаемся через сострадание, тем вернее поднимаемся на высоту. Но вот Искупителю рода человеческого не достаточно для нашего назидания того, что, по Его же уверению, Он на последнем суде скажет: *понеже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. XXV, 40). Он даже прежде сего суда благоволил на себе показать то, что сказал, чтобы именно показать, что делающий ныне благотворения нуждающимся, в частности иждивает на Того, из любви к Которому сделал бы иждивение. И каждый получает тем большую награду, чем радушнее к тому, кто по видимому более достоин презрения. Ибо что в человеческом теле выше тела Христова, которое превознесено выше Ангелов? И что в человеческом теле отвратительнее тела прокаженного, которое разрывается пухнувшими ранами и наполняется испаряющимся зловонием? — Но вот Он явился в виде прокаженно-

го; и Тот, Кто досточтим паче всего, благоизволил казаться презренным ниже всего. Для чего это, если не для того, чтобы увещать нас, медлительных по чувству, в том, что кто спешит предстать живущему на небесах, тот не должен отказываться от смирения на земле и сострадания даже к отверженным и презираемым братьям? — Я хотел кратко говорить любви вашей, но поскольку не от человека зависит путь его (Иер. X, 23) *, то не могло быть сдержано текущее слово, которым располагает Сам Тот, о Ком мы говорим, Который живет и царствует со Отцом, в единении Св. Духа, Бог, через все веки веков. Аминь.

* *Вем, Господи, яко несть человеку путь его, ниже муж пойдет и исправит шествие свое.*

БЕСЕДА XL,

говоренная к народу в храме Св. Мученика Лаврентия в
3-ю неделю по Пятидесятнице.

Чтение Св. Евангелия: Лк. XVI, 19-31.

Во время оно, рече Иисус учеником Своим: человек же некий бе богат, и облачашеся в порфиру и виссон, веселяся на вся дни светло. Нищ же бе некто, именем Лазарь, иже лежаше пред враты его гноен, и желаше насытитися от крупиц падающих от трапезы богатаго: но и пси приходяще облизаху гной его. Бысть же умрети нищему и несену быти Ангелы на лоно Авраамле: умре же и богатый, и погребоша его. И во аде возвед очи свои, сый в муках, узре Авраама издалежа, и Лазаря на лоне его. И той возглагола, рече: отче Аврааме, помилуй мя, и посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и остудит язык мой: яко стражду во пламени сем. Рече же Авраам: чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём, и Лазарь такожде злая: ныне же zde утешается, ты же страдаеши. И над всеми сими между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящии преити отсюда к вам, не возмогут, ни иже оттуду к нам переходят. Рече же: молю тя убо, отче, да послещи его в дом отца моего: имам бо пять братий: яко да засвидетельствует им, да не и тии приидут на место сие мучения. Глагола ему Авраам: имут Моисеа и Пророки: да послушают их. Он же рече: ни, Отче Аврааме: но аще кто от мертвых идет к ним, покаются. Рече же ему: аще Моисеа и Пророков не по-

слушают, и еще кто от мертвых воскреснет, не имеют веры.

1. В словах Св. Писания, возлюбленнейшая братия, сперва должна быть сохраняема историческая истина, а затем должен быть отыскиваем духовный смысл аллегории. Ибо плод с аллегории приятно срывается тогда, когда прежде она исторически утверждается на корне истины. Но поскольку иногда аллегория утверждает веру, а история — нравственность, то мы, говоря с помощью Божьей верующим, не без основания думаем изменить в слове самый порядок, так как вы, содержащие уже крепкую веру, должны прежде кротко выслушать нечто об аллегории; а что необходимо для вас из исторической нравственности, то в порядке нашего объяснения будет соблюдено к концу, потому что обыкновенно большей частью лучше удерживается в памяти то, что случается слышать после.

2. Итак, мы кратко просмотрим смысл аллегорический, дабы скорее перейти к обширности нравственного. *Человек некий бе богат, и облачаешся в порфиру и виссон, веселяся на вся дни светло.* Кого, возлюбленнейшая братия, кого изображает этот богач, одевавшийся в порфиру и виссон и роскошно пировавший всякий день, если не народ иудейский, который имел внешнее устройство жизни, который совершал празднества принятого им Закона для блеска, а не для пользы. И кого образно выражает нищий Лазарь, покрытый струпьями, если не народ языческий? Сей, обратившись к Богу, не устыдился исповедовать грехи свои, у него была рана на коже. Потому что накожной раной вытягивается вредный сок из внутренности и выходит вон. А что значит исповедание грехов, если не некоторое вскрытие ран? Потому что яд греха, ги-

бельно скрывавшийся в душе, спасительно обнаруживается в исповедании. Ибо накожные раны вытягивают на поверхность влагу гнилости. И исповеданием грехов что другое мы делаем, если не открываем зло, которое таилось в нас? Но Лазарь, покрытый струпиями, желал напиться крошками, падающими со стола богатого, и никто ему не давал, потому что тот гордый народ с презрением отвергал всякого язычника от познания Закона. Он, имея учение Закона не для любви, а для гордости, как бы надмевался полученным богатством. У него слова сваливались с разумения, как бы крошки падали со стола. Но, напротив, раны лежащего бедняка лизали псы. Иногда в Св. Писании под псами обыкновенно понимаются проповедники. Ибо когда собачий язык облизывает рану, тогда врачует ее; потому-то и святые учителя, когда наставляют нас к исповеданию нашего греха, тогда как бы языком облизывают рану душевную; и поскольку они словом исхищают нас из греха, то как бы прикосновением врачуют раны. Поскольку же именем псов означает язык проповедников, то через Псалмопевца говорится Господу: *язык пс твоих от враг от него* (Пс. LXVII, 24). Потому что из неверующих иудеев избраны святые проповедники, которые, выходя на проповедание истины против воров и разбойников, произвели за Господа, так сказать, шумный лай. Напротив того, с неодобрением некоторых говорится: *вси пси немии, не возмогут лаяти* (Ис. LVI, 10). Итак, поскольку святые проповедники осуждают грехи, а исповедание грехов одобряют, говоря: *исповедуйте убо друг другу согрешения и молитесь друг за друга, яко да изцелеете* (Иак. V, 16), то псы облизывают струпы Лазаря. Ибо святые учителя, принимая исповедания язычников, врачуют раны душевные. Почему и Лазарь

хорошо означает получившего помощь, потому что сии вспомоществуют ему в исцелении, врачую язвы его прикосновением языка. Лизанием псов может быть еще означаем широкий язык льстецов. Ибо ласкателям лизать наши раны значит то, что они большею частью, по нечестивому расположению, обыкновенно хвалят в нас даже те самые пороки, которые мы сами в себе не одобряем. Но случилось так, что тот и другой померли. Богатый, одевавшийся в порфиру и виссон, низринут в ад, а Лазарь отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Что значит лоно Авраамово, если не тайное успокоение отцов? О нем Истина говорит: *мнози от восток и запад приидут и возлягут со Авраамом и Исааком и Иаковом во Царствии Небеснем. Сынове же Царствия изгнани будут во тму кромешнюю* (Мф. VIII; 11, 12). Ибо одетый в порфиру и виссон справедливо называется сыном царствия. Он издали возвел очи, чтобы видеть Лазаря, потому что неверные, находясь в нижнем месте своего осуждения, обращают внимание до дня последнего суда на находящихся над ними в покое всех верных, коих радостей после никогда не могут видеть. Но далеко то, что они видят, потому что туда по заслуге не достигают. Но жар преимущественно обнаруживается в языке, когда он говорит: *посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и устудит язык мой, яко стражду во пламени сем* (Лк. XVI, 24). Неверный народ в устах содержал слова того закона, которого не хотел исполнять на деле. Следовательно, преимущественно горячо ему будет там, где он показывает, что знал то, чего не хотел исполнять. Поэтому об ученых и нерадящих через Соломона хорошо говорится: *весь труд человек во уста его, и душа его не исполнится* (Еккл. VI, 7); потому что кто старается только о том, чтобы знать то, о чем дол-

жно говорить, тот пустым умом воздерживается от самого выражения на деле своего знания. (Богач) желает, чтобы к нему прикоснулись концом перста, потому что, преданный вечным мучениям, желает при содействии праведников быть в числе их, хотя бы последним; потому что всю свою радость признал преходящим счастьем. Ему отвечают, что он *восприял благая* в жизни сей, потому что всю свою радость полагал в преходящем счастье. Ибо здесь и праведники могут иметь *благая*, но не принимать их за воздаяние, потому что когда они желают лучших благ, т. е. вечных, тогда на суде их, какие бы ни были блага, перед пламенными святыми желаниями не кажутся благами. Поэтому Пророк Давид, который славился богатством царства и множеством послушных слуг, хотя и это считал необходимыми благами, однако же преимущественно стремился к единственному благу, говоря: *мне же прилеплятися Богови благо есть* (Пс. LXXII, 28). Но между тем надобно заметить, что ему (богачу) говорится: *чадо, помяни*. Ибо вот Авраам называет чадом того, кого, впрочем, не освобождает от мучения, потому что прежде бывшие верные отцы сего неверного народа, видя многих уклонившихся от их веры, не избавляют их от мучений по состраданию, хотя по плоти и признают их чадами. Но будучи в муках, богач говорит, что у него пять братьев, потому что этот гордый иудейский народ, который большей частью уже осужден, знал о своих последователях, оставленных на земле, приверженных к пяти чувствам телесным. Итак, (богач) указывает на братьев, оставленных им, пятиричным числом; потому что, находясь в аде, жалеет, что они не воспрянут к духовному разумению, и просит, чтобы к ним был послан Лазарь. Ему отвечает Авраам, что они имеют Моисея и Пророков. Но

он говорит: *ни, отче Аврааме: но аще кто от мертвых идет к ним, покаются.* Ему Авраам тотчас отвечает: *аще Моисея и Пророков не послушают, и аще кто от мертвых воскреснет; не имут веры.* Известно, что о Моисее говорит Истина: *аще бо бысте веровали Моисею, веровали бысте (убо и) Мне: о Мне бо той писа* (Ин. V, 46). Следовательно, исполняется то, что говорится в ответе Авраама. Ибо Господь воскрес из мертвых, но иудейский народ, поскольку не хотел верить Моисею, не хотел веровать и в Того, Кто воскрес из мертвых. И поскольку он не хотел духовно разуместь слова Моисеевы, то не пришел к Тому, о Ком говорил Моисей.

3. Довольно этого краткого пересмотра для нас, возлюбленнейшая братия, чтобы разуместь тайны аллегории, теперь пусть ум возвратится к обширнейшему усмотрению нравственности в событии: *человек некий бе богат, и облачашеся в порфиру и виссон, веселяся на вся дни светло. Нищ же бе некто, именем Лазарь, иже лежаше пред враты его гноен.* Некоторые думают, будто заповеди Ветхого Завета строже заповедей Нового, но они обманываются именно от неосновательного размышления. Ибо в том наказывается не упорство, а хищение (2 Цар. XII, 6). Там несправедливое присвоение вещи и наказывается возвращением вчетверо более (Мф. XIX, 8). Но здесь этот богач осуждается не за то, что он присвоил себе чужое, но за то, что своего не раздавал. Не говорится, что он притеснил кого-либо силой, но говорится, что он гордился приобретенными благами. Из этого весьма правильно должно заключить, какому наказанию должен подвергнуться тот, кто похищал чужое, если подвергается осуждению в ад тот, кто не раздает собственного. Поэтому никто не должен считать себя безо-

пасным, говоря: «Вот я чужого не похищаю, но пользуюсь имуществом, приобретенным позволительными средствами». Потому что онный богач подвергся наказанию не за то, что присвоил себе чужое, но за то, что злоупотреблял для самого себя приобретенным богатством. И что низринуло его в ад, было то, что он в своем счастье не был осмотрителен, что полученные блага употребил в пользу своего высокомерия, что не знал чувства любви, что не хотел искупать грехов своих ценой своего богатства. И есть некоторые, которые не считают за грех одеваться в одежды тонкие и драгоценные. Но если бы это не было грехом, то Слово Божие отнюдь не стало бы с такой тщательностью выражать, что мучимый в аде богач, одевался виссоном и пурпуром. Потому что никто не желает особенных одежд для чего-либо другого, как только для суетной славы, именно для того, чтобы казаться почтеннее других. Ибо самый опыт свидетельствует, что дорогих одежд желают только для пустой славы, потому что никто не хочет одеваться в дорогие одежды там, где не может быть видим другими. Эту виновность мы можем еще лучше доказать от противного, потому что если бы ношение дешевой одежды не было добродетелью, то Евангелист не стал бы с особенностью говорить об Иоанне: *имяше ризу свою от влас велблуждь* (Мф. III, 4). Но особенно нам должно заметить, какой в устах Истины порядок повествования о гордом богаче и смиренном бедняке. Ибо вот говорится: *человек некий бе богат*; и тотчас присовокупляется: *нищ же бе некто, именем Лазарь*. Известно, что в народе обыкновенно более известны имена богатых, нежели бедных. Что же это такое, что Господь, говоря о бедняке, произносит имя бедняка, а об имени богача не говорит, если не то, что Бог смиренных знает

и одобряет, а гордых не знает? Поэтому-то Он некоторым, гордящимся силой чудес, наконец скажет: *николиже знах вас; отыдите от Мене, делающие беззаконие* (Мф. VII, 23). Напротив, Моисею говорится: *вем ты паче всех* (Исх. XXXIII, 12). Итак, о богаче Он говорит: *человек некий*. Но о бедняке говорит: *нищ, именем Лазарь*. Ясно Он как бы так говорит: «Смиренного нищего Я знаю, а гордого богача не знаю. Того, как знакомого, одобряю, а этого, по суду неодобрения, не знаю».

4. Еще нам нужно подумать и о том, с какой разборчивостью Создатель наш все обсуживает. Ибо одна и та же вещь признается не за одну и ту же. Ибо вот покрытый струпьями нищий Лазарь лежит у ворот богача. Об этом одном обстоятельстве Господь произнес два суда. Ибо богач, быть может, имел бы некое извинение, если бы бедный и покрытый струпьями Лазарь не лежал у ворот его, если бы удален был, если бы его бедность не была перед глазами. Наоборот, если бы богач был далеко от взора покрытого струпьями бедняка, то бедняк терпел бы меньшее искушение в душе. Но когда Он положил бедного и покрытого струпьями у ворот богатого и роскошно пирующего, тогда в одном и том же обстоятельстве, и от видения бедняка увеличил осуждение немилосердного богача, и наоборот, от зренья богача испытал ежедневное терпение бедняка. Ибо какие, вы думаете, перенес искушения бедный и покрытый струпьями в своем помышлении, когда он не имел хлеба и страдал от болезни, но перед собой видел богача, здорового и пресыщающегося, когда он терпел болезнь и холод, а этого видел веселящимся и одевающимся в порфиру и виссон; когда он страдал от ран, а этот вполне наслаждался благами; когда он нуждался, а этот не хотел давать?

Помыслим, братия мои, какой был в сердце шум искушений у бедняка, для которого была достаточным наказанием известная бедность, хотя бы он был и здоров; и наоборот, достаточно было бы и болезни, хотя бы у него было пособие? Но для большего искушения бедняка, его вместе приводили в изнеможение, — и бедность, и болезнь. И сверх того, он видел богача, проходящего с блистательной свитой, а себя всеми оставленным в болезни и бедности. Ибо о том, что никто не приходил к нему для посещения, свидетельствуют псы, которые охотно облизывали гной его. Итак, Всемогущий Бог из одного и того же обстоятельства произнес два суда, попустив бедному Лазарю лежать у ворот богача для того, чтобы и нечестивый богач умножал для себя отмщения суда, и испытанный бедняк возрастал к мздовоздаянию. Первый ежедневно видел второго, к которому не имел сострадания; он видел того, через кого был испытываем. Внизу два сердца, а сверху один Надзиратель, который и этого искушением приготавливал к славе и того терпеливо ожидал к наказанию. Ибо далее следует:

5. Бысть же умрети нищему и несену быти Ангелы на лоно Авраамле: умре же и богатый, и погребоша его. Этот именно богач, находясь уже в своем мучении, ищет покровительства у того, кому в этой жизни не хотел оказывать милости. Ибо вот присовокупляется: *возвед очи свои, сый в муках, узре Авраама издалеча, и Лазаря на лоне его; и той возглаголю рече: отче Аврааме, помилуй мя и посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и остудит язык мой: яко стражду во пламени сем.* О, какая тонкость в судьбах Божиих! О, как точно совершается воздаяние за добрые дела и злые! Выше ясно было сказано, что в этой жизни Лазарь желал крошек, падающих с трапезы богатого, и ни-

кто не давал ему; теперь о наказании богатого говорится, что он желает капли воды в уста свои с конца перста Лазарева. Отсюда, братие, отсюда заключайте, какая точность в правосудии Божиим. Ибо тот богач, который не хотел давать больному бедняку со стола своего даже самой малости; будучи в муках, довожден был до желания самой малости. Ибо капли воды просил тот, кто отказывал в крошках хлеба. Но весьма замечательно, что богач, находясь в муках, желает прохладить язык свой. Ибо Св. Писание обыкновенно иногда одно говорит, а другое дает разуметь из того же самого изречения. Но выше Господь не говорил об этом гордом богаче, чтобы он был болтлив, а только сказал, что он пировал роскошно. Не сказал, что он грешил празднословием, но заметил, что он грешил гордостью и обжорством. Но поскольку на пирах обыкновенно изобилует говорливость, то, о ком говорится, что он здесь роскошно пировал, о том упоминается, что в аде преимущественно горит у него язык. Ибо первой виной для роскошно пирующих служит говорливость, а за говорливостью следует легкомыслие играть. Ибо о том, что за ядением следует игра, свидетельствует Св. Писание, которое говорит: *седоша людие ясти и пити и восташа играти* (Исх. XXXII, 6). Но прежде нежели двинется тело к игре, движется язык к шуткам и праздным словам. Итак, о чем дается знать тем, что богач, находясь в муках, желает прохладить язык свой, если не о том, что кто на пиршествах более грешил говорливостью, у того по правде воздаяния сильнее пламенел язык?

6. Но после того, как у находящегося в пламени богача отнимается надежда за себя, душа его вспоминает о родственниках, которых оставила; потому что иногда душу нечестивых без пользы научает любви

наказание их, так что уже тогда начинают духовно любить своих те, которые здесь, когда любили грехи, не любили даже самих себя. Поэтому теперь присовокупляется: *молю тя убо, отче, да послещи его в дом отца моего: имам бо пять братий: яко да засвидетельствует им, да не и тии приидут на место сие мучения.* В этом обстоятельстве надобно заметить, до какой степени умножаются мучения богача, находящегося в пламени. Ибо в наказании его сохраняется у него и сознание, и память. Потому что он узнает Лазаря, которого презирал, и вспоминает о своих братьях, которых оставил. Поскольку отмщение ему за бедняка было бы не полное, если бы он не узнавал его в воздаянии. И наказание в огне не было бы полным, если бы он не страшился и за родных того же, что сам терпит. Итак, для того, чтобы грешники терпели в аде большее наказание, они и славу тех, которых презирали, видят, и опасаются наказания тем, которых бесполезно любили. Но надобно думать, что прежде воздаяния на последнем суде нечестивые видят некоторых праведников в покое для того, чтобы, видя их в радости, мучились не только от своего наказания, но и от их блаженства. А праведники всегда видят неправедных в мучениях для того, чтобы отселе увеличивалась их радость, потому что они видят то бедствие, которого по милосердию избегли; и тем большую воссылают благодарность своему Искупителю, чем яснее видят в других то, что могли терпеть сами, если бы оставлены были. Впрочем, видимое наказание нечестивых отнюдь не помрачает в душе праведников светлости столь великого блаженства, потому что, где уже не будет сострадания к бедствию, там, без всякого сомнения, оно не будет иметь силы к уменьшению радости блаженствующих. Что же удивительного, если

праведники, смотря на мучения неправедных, умножают тем свои радости, когда и в живописи черный цвет полагается в основание, дабы яснее был видим белый или красный? Ибо, как сказано, радости для добрых тем более увеличиваются, чем яснее они видят своими глазами те несчастья осужденных, которых избегли. И хотя им для полного наслаждения достаточно и своих радостей, однако же они, без сомнения, всегда видят бедствия нечестивых, потому что те, которые видят славу Своего Создателя, не могут не видеть того, что совершается в создании.

7. Но на прошение богача о послании Лазаря Авраам тотчас отвечает: *имут Моисея и Пророки, да послушают их*. Но тот, кто пренебрегал словами Божиими, подумал, что подражатели его не могут слушать этого. Поэтому богач и отвечает: *ни, отче Аврааме: но аще кто от мертвых идет к ним, покаются*. Ему тотчас сообщается истинная мысль: *аще Моисея и Пророков не послушают, и аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры*, именно потому, что пренебрегающие словами Закона, тем труднее будут исполнять заповеди Искупителя, воскресшего из мертвых, чем он выше. Ибо менее трудно поведываемое Законом (Втор. XII), нежели заповедываемое Господом. Ибо тот заповедует давать десятины, а Искупитель наш повелевает все оставлять тем, которые стремятся к совершенству. Тот запрещает плотские грехи, а Искупитель наш осуждает даже помыслы недозволенные (Лк. XIV). Итак, *аще Моисея и Пророков не послушают; и аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры*, потому что могут ли когда-либо исполнять высокие заповеди Спасителя нашего те, которые пренебрегают исполнением менее трудных заповедей Закона? И решительно известно, что всегда отказываются веровать в Того, от испол-

нения заповедей Которого отказываются. Довольно для нас того, что мы сказали, размышляя о событии.

8. Но вы, братие, зная и об успокоении Лазаря, и о мучении богача, осмотрительно ведите дела свои; ищите заступников в своей виновности и избирайте бедных в ходатаи за вас в день судный. Ибо ныне вы имеете многих Лазарей; они лежат у ворот ваших и нуждаются в тех крошках, которые при насыщении вашем падают со стола вашего. Слова священного чтения должны расположить нас к исполнению заповедей любви. Мы ежедневно находим Лазаря, если ищем его; ежедневно видим Лазаря, хотя бы и не искали его. Вот благовременно представляются нам бедные; просят нас те, которые тогда явятся заступниками за нас. Мы, без всякого сомнения, должны просить, однако же нас просят. Смотрите, должны ли мы отказывать в том, чего у нас просят, когда просящие суть наши покровители? Итак, не теряйте времени милосердия, умейте пользоваться средствами, которые у вас под руками. Прежде наказания помышляйте о наказании. Когда вы видите кого-либо в этом мире отверженным, тогда, хотя бы в нем было и действительно что-либо укоризненное, не презирайте его, потому что кого ранит слабость нравов, того, быть может, исцеляет лекарство убожества. Если в некоторых действительно есть что-либо такое, что по справедливости должно быть укорено, то это самое, если хотите, употребите в пользу своей награды так, чтобы из самых пороков их возвышалась для нас ценность любви, поскольку вы дадите равно хлеб и слово: хлеб насыщения с словом исправления; и те, которые просили у вас одной пищи, получают две: и совне будут насыщаемы хлебом, и внутренно — наставлением. Итак, когда бедняк представляется укоризненным, его должно увеще-

вать, а презирать не надобно. Если же он ничего не имеет укоризненного, то его должно особенно почитать, как заступника. Но вот мы видим многих, а кто чего стоит, не знаем. Следовательно, должно почитать всех, и тебе тем необходимее смиряться перед всеми, чем менее знаешь, кто из них Христос.

9. Я, братие, расскажу вам о событии, которое хорошо известно присутствующему здесь брату и сопровестиру моему Специозу. В одно и то же время, в которое поступил я в монастырь, имела пребывание в этом городе, подле Церкви блаженной Приснодевы Марии, некая старица по имени Редемпта, по состоянию монахиня (Кн. IV, разгов: гл. 15). Она была ученицею той Ластовицы, которая, сияя великими добродетелями, носилась по горам Пренестинским, провождая жизнь пустынножизненную. Вместе с ней жили в том же состоянии две ученицы: одна по имени Ромула, а другая, которая доселе жива; последнюю я хотя и знаю в лицо, но по имени не знаю. Итак, они три, живя вместе в одном жилище, проводили жизнь, полную нравственного богатства, но скудную имуществом. Но эта Ромула, о которой я сказал, стояла по своим заслугам в жизни выше своей упомянутой соученицы. Потому что была дивно терпелива, чрезвычайно послушна, молчалива, весьма ревностна к постоянной молитве. Но поскольку большей частью те, которых люди считают уже совершенными, имеют еще нечто несовершенное в очах верховного Мировластителя, так как мы часто неискusstvennye люди, еще не вполне прозрачны за положенную печать, и уже как совершенные хвалим то, что Художник еще пересматривает и очищает, то она слышала похвалы и, несмотря на то, не переставала стремиться к лучшему; эта Ромула, о которой мы сказали, поражена была телесной болезнью, которую

врачи называют греческим словом паралич, и лежа в продолжении многих лет на постели, она лежала почти всеми членами расслабленная, однако же это самое страдание не доводило души ее до нетерпения. Ибо для нее самые лишения членов соделались приращением добродетелей, потому что она тем тщательнее возвышала дух к молитве, чем менее имела силы делать что-либо другое. Итак, в одну ночь она ту самую Редемпту, о которой сказано, воспитывавшую обеих своих учениц вместо дочерей, подозвала, говоря: «Матушка, подойди сюда, матушка, подойди сюда». Та тотчас, с другой своей ученицей, встала, так как, по сказанию обеих и многих других одно и то же событие сделалось известным, и я узнал о нем в то же самое время. И когда они среди ночи стояли около постели лежащей, то вдруг свет с неба наполнил все пространство ее келлии, и засиял блеск столь великой славы, что сердца предстоящих проник неизреченным ужасом, и, как после сами рассказывали, все тело их охолодило, и они оставались в неожиданном исступлении. Ибо начали слышать звуки, как бы какого-либо входящего множества; дверь келлии потряслась, как от напора толпы входящих. И, как они говорили, ощущали множество входящих, но от чрезвычайного страха и света ничего не могли видеть, потому что и страх сжимал глаза их, и самая яркость такого света ослепляла. За этим светом тотчас последовала воня дивного благоухания, так что их душу, уstraшенную явившимся светом, успокоила приятность запаха. Но когда они не могли выносить силы этого света, тогда та же самая Ромула начала ласковым голосом утешать трепещущую Редемпту, свою наставницу, говоря: «Не бойся, мать моя; я еще не умираю». И когда она часто говорила это, тогда мало-помалу явленный свет исче-

зал, но следовавшее за ним благоухание осталось. Итак, прошел второй и третий день, воня распространившегося благоухания оставалась. На четвертую ночь она опять попросила к себе ту же самую свою наставницу. По приближении ее, она попросила напутствия, и получила. Но еще не успела отойти от постели лежащей та же самая Редемпта и другая ее ученица, как вдруг на улице перед ее дверями явилось два хора поющих Ангелов, и, как уверяли сами, они различали полы по голосам; мужчины начинали пение Псалмов, а женщины им вторили. И когда перед дверьми келлии совершалось это небесное погребение, тогда та святая душа разрешилась от тела. Когда она была возносима на небо, тогда чем выше возвышались хоры поющих, тем тише становилось слышимым песнопение, доколе на высоте не окончились и звуки этого песнопения, и приятность благоухания.

10. Итак, доколе она жила в теле, дотоле кто почитал ее? Для всех она казалась недостойной, для всех презренной. Кто удостоивал ее посещения, кто хотел видеть ее? Но жемчужина Божия скрывалась в навозе. Навозом, братие, я называю это самое тление тела, навозом именую отвержение бедности. Итак, жемчужина, лежавшая в навозе, взята и помещена в украшение Царя Небесного; она сияет уже среди вышних граждан, блистает уже в числе неизвестных оных камней вечной Диадимы. О, вы, которые или считаете себя богатыми в этом мире, или действительно такозы, сравните, если можете, ложное свое богатство с истинным богатством Ромулы! Вы на пути сего мира владеете тем, что все оставите, она ничего не искала на пути, и все нашла на конце его. Вы проводите жизнь веселую, а боитесь печальной смерти; а она перенесла печальную жизнь, но достигла радостной смерти. Вы для

времени желаете повиновения людей, а она, презренная людьми, обрела друзей в сонмах Ангелов. Итак, учитесь, братие, презирать все временное, учитесь пренебрегать преходящей почестью и любить Вечную Славу. Почитайте бедняков, которых вы видите, и тех, которых по внешности считаете презренными века сего, признавайте по внутренности друзьями Божиими. Делитесь с ними тем, что имеете, чтобы некогда и они поделились с вами тем, что имеют. Помышляйте о том, что говорится устами Учителя языков: *в нынешнее время ваше избыточество во оных лишение, да и оных избыток будет в ваше лишение, яко да будет равенство* (2 Кор. VIII, 14). Помышляйте о том, что лично говорит Сама Истина: *понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. XXV, 40). Для чего вы ленивы на подавание, когда подаваемое вами лежащему на земле вы даете сидящему на небе? Но об этом Всемогущий Бог, говорящий через меня в услышание ваше, да глаголет лично в сердцах ваших, Который живет и царствует со Отцом, в единении со Св. Духом, Бог, через все веки веков! Аминь.

РЕЧЬ ГРИГОРИЯ ДВОЕСЛОВА К НАРОДУ О СМЕРТНОСТИ.

Тогда как, возлюбленнейшие братия, мы должныствовали страшиться наказаний Божиих грядущих, по крайней мере, надобно утрашиться настоящих и испытанных. Вход к обращению должна открыть нам болезнь, и жестокость нашего сердца должно размягчить уже самое наказание, претерпеваемое нами. Ибо, как по свидетельству Пророка, предсказано: *пройде меч даже до души* (Иер. IV, 10), — так вот и весь народ поражается мечом гнева небесного, и все падают от внезапного поражения. Смерти не предваряет болезнь, но даже замедлению болезни предшествует сама смерть. Каждый пораженный похищается прежде, нежели обращается к слезам покаяния. Итак, подумайте, каковым предстанет пред лицо праведного Судии тот, кому не было времени оплакать то, что соделал. Потому что жители не по частям вырываются, но равно все падают. Дома остаются запустелыми, на похороны детей смотрят родители, а их наследники впереди их идут к гибели. Итак, всякий из нас должен прибегнуть к слезам покаяния, когда имеем время плакать прежде поражения. Вспомним, что мы учинили по заблуждению и что совершили по нечестию, и накажем все это плачем. *Предварим лице Ею во исповедании* и, как увещевает Пророк: *воздвигнем сердца наша с руками к Богу* (Плач. III, 41). Потому что возвышать к Богу сердца с руками — значит усердие нашей мо-

литвы возвышать заслугой доброго делания. Подлинно дает, дает ужасу нашему упование Тот, Кто через Пророка взывает: *не хочу смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего и живу быти ему* (Иез. XXXIII, 11). Впрочем, никто не должен отчаиваться от необычайности своих нечестий. Ибо застарелые грехи ниневитян очищены тридневным покаянием (Ион. III), и покаявшийся разбойник в самом определении его смерти заслужил даже награды жизни (Лк. XXIII). Поэтому изменим сердца и решимся уже получить то, чего желаем. Судия скорее преклоняется к молитве, если молящийся исправляется в своем нечестии. Итак, при висящем мече столь великого гнева мы станем на непрестанные молитвы. Ибо то несчастье, которое обыкновенно бывает людям неприятно, благоугодно на суде Истины; потому что любвеобильный и милосердый Бог хочет, чтобы у Него молитвами вытребовали прощение мы, на которых Он не хочет гневаться столько, сколько мы заслуживаем. Поэтому-то через Псалмопевца и говорит: *призови Мя в день скорби твоя, и изму тя, и прославиши Мя* (Пс. XLIX, 15). Следовательно, Сам о Себе свидетельствует, что Сам желает быть милосердым к призывающим Тот, Кто увещевает к призыванию Себя. Поэтому, возлюбленнейшая братия, завтрашний день, с сокрушенным сердцем и решимостью на исправление, мы идем на самом рассвете с четвертым крестным ходом на семиобразную литию, по означенному ниже разделению, с благоговением и со слезами. Никто из вас не должен выходить на поля для земных дел, никто не должен решаться на исправление какой-либо должности, поскольку, сходясь к Церкви Святой Родительницы Господа, мы, которые все вместе согрешили, все вместе будем оплакивать содеянные нами беззакония,

дабы Праведный Судия, думая о наказании нас за преступления наши, Сам удержался от определения предположенного наказания. Ход клириков начнется от Церкви Св. Иоанна Крестителя; ход мужчин от Церкви Св. Мученика Маркелла; ход монахов — от Церкви Мучеников Иоанна и Павла; ход девиц — от Церкви Св. Мучеников Космы и Дамиана; ход замужних женщин — от Церкви Св. Первомученика Стефана; ход вдовиц — от Церкви Св. Мученика Виталия; ход бедных и младенцев — от Церкви Св. Мученицы Цицилии.

Конец, и Богу слава!

СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ГРИГОРИЯ ДВОЕСЛОВА
ЕПИСКОПА РИМСКОГО

СОБЕСЕДОВАНИЯ

О ЖИЗНИ
ИТАЛИЙСКИХ ОТЦОВ
И О БЕССМЕРТИИ ДУШИ

в четырех книгах

Редакция перевода: Михаил Тимофеев

КНИГА ПЕРВАЯ.

Однажды, слишком отягощенный беспокойством от мирских дел, которые нередко вынуждают нас оставлять собственные наши дела, чего бы никак не должно быть, я удалился в одно уединенное место, отрадное для скорбящей души. Там я удобнее мог разобрать неприятные впечатления, меня тяготившие, и ближе рассмотреть все, что обыкновенно наводило тоску. Когда, таким образом, я провел немало времени в уединении и в раздумиях, пришел ко мне возлюбленный сын мой диакон Петр. С первых цветущих лет юности самая тесная дружба соединяла нас; вместе с ним обыкновенно углублялись мы в Слово Божие. Увидев, что я страдаю от тяжкого сердечного изнеможения, он спросил меня: не случилось ли с тобой что-нибудь новое, что опечалило тебя? Нет, возлюбленный Петр,— отвечал я ему,— скорбь, которую каждый день я терплю, всегда для меня стара, потому что обычна, и всегда нова, потому что возрастает. Ибо ныне душа моя несчастлива от того, что неприятности, обременяющие меня, вызывают в ней воспоминания о прежней моей монастырской жизни¹; о той жизни, когда она умела управляться со всеми случайностями, возвышаться над всем преходящим, потому что мысль ее была постоянно устремлена к небесному; когда даже и узы плоти не могли служить для нее препятствием вести жизнь созерцательную, ибо

самая смерть, которая почти для каждого является наказанием, была для нее вожделенна, как переход к жизни, как воздаяние за подвиги. А теперь, по долгу пастырского служения, я должен заниматься делами мирскими, дабы, оставив прекрасную и безмятежную жизнь, осквернить себя прахом земных попечений². Ибо как скоро, по снисхождению к другим, внимание души начнет рассеиваться по внешним предметам, тогда, несомненно, и самое сильное влечение к предметам духовным будет в ней слабеть. Поэтому я и соображаю, что я приобретаю и что потерял. И, размышляя над своими потерями, вижу, что потерянное важнее того, что имею. И вот я теперь захвачен волнами великого моря, и корабль ума моего потрясается от волнений сильной бури; а когда я припоминаю прежнюю свою жизнь, то, как будто обращая взоры назад, вижу берег и воздыхаю. И что еще тягостнее, так это то, что в тревогах от безмерного волнения я едва уже могу и видеть оставленную мною пристань; ибо с разумом нашим так случается, что сначала, когда разум теряет благо, каким он владел, он еще сохраняет об утрате воспоминание; но потом, с течением времени, забывает и о самом утраченном благе и, таким образом, наконец, не удерживает даже в памяти того, чем прежде владел на самом деле. А потому и происходит то, что я уже сказал: чем более мы плаваем, тем более теряем из виду оставленную нами тихую гавань. Иногда же, к большему еще усилению моей скорби, приходит мне на память жизнь людей, всецело душою оставивших мир. Глядя на величие их жизни, я понимаю, сколь низко сам я нахожусь. Большая часть сих святых мужей благоугодили своему Создателю, проводя жизнь, сокровенную от мира,

и всемогущий Господь, не желая, чтобы обновляющийся дух их ветшал от человеческих дел, удалял от них всякое мирское попечение.

Впрочем, чтобы лучше передать все, о чем мы говорили между собою, я изложу это в виде разговора, по вопросам и ответам, с обозначением наших имен.

Петр. Мало я знаю о деяниях мужей, прославившихся добродетелью жизни в Италии. Поэтому не понимаю, о ком с таким увлечением говоришь ты, сопоставляя свою жизнь с их жизнью. Конечно, я не сомневаюсь, что действительно были в Италии достойные мужи, но их добродетели и чудеса или вовсе мне неизвестны, или, по крайней мере, о них так мало доселе говорили, что это молчание может вызвать сомнение³.

Григорий. Если бы, Петр, я решился передать тебе только те сведения о жизни сих совершенных и славных мужей, которые мог я, ничтожный человек, узнать со слов добрых и верных свидетелей, или сам собою, то думаю, что и времени для подобной беседы не достало бы.

Петр. Умоляю тебя, Расскажи мне о них что-нибудь. И, кажется мне, то не может служить важным препятствием к повествованию, что из воспоминания об их добродетелях должен составиться обширный рассказ. Ибо из этого рассказа станет ясно, каким образом и нам нужно стяжать и сохранять добродетель, и повествование об их чудесах покажет, каким образом приобретенная и сохраненная добродетель обнаруживается. И есть люди, в душах которых можно возжечь пламень любви к отечеству небесному не столько наставлениями, сколько примерами⁴. Ибо внимающий повествованиям о жизни святых отцов получает от сего двоякую пользу: во-

первых, примеры их жизни возбуждают любовь к будущей жизни; во-вторых, если кто дотоле привык видеть в себе какие-нибудь добродетели, то смирится, когда познает, что подвиги святых были выше.

Григорий. Я готов немедленно рассказать тебе все, что узнал об этих мужах, последуя в этом священному и высокому примеру, яснее солнца для меня сияющему, — примеру Марка и Луки, которые написали свои Евангелия не на основании того, что они видели, но что слышали. Впрочем, чтобы будущие читатели моего рассказа не могли усомниться в истине моего повествования, при каждом из описываемых событий я буду указывать источник, из которого заимствовал их. Хочу также я, чтобы знал ты, что при описании некоторых событий я буду удерживать одну мысль источника, а при описании других — и мысль и самые выражения. Ибо, если бы я стал все рассказывать собственными словами тех, которые передавали мне, то в моем слоге, как у писателя, вышла бы неровность от внесения простого, безыскусственного рассказа некоторых лиц. Впрочем, рассказ, который я намерен предложить теперь, заимствован из уст самых достопочтенных старцев.

ГЛАВА 1

О Гонорате, игумене Фундского монастыря

Некто патриций Венанций в Самнийской области имел поместье. У одного поселянина, жившего в этом поместье, был сын, по имени Гонорат⁵. С отроческих лет любовь к воздержанию зажгла в нем любовь и к отечеству небесному. Долго уже он проводил такой

образ жизни, что воздерживался от всякого праздного слова, избегал пустых бесед и много смирял плоть свою воздержанием, когда однажды родители его устроили пиршество для своих соседей. Между прочими яствами для стола было приготовлено и мясо. Но Гонорат, из любви к воздержанию, не хотел даже прикоснуться к этому яству. Родители начали над ним смеяться и говорили ему: «Ешь, неужели ты думаешь, что мы пойдем для тебя ловить рыбу в здешних горах?» В той стороне, действительно, о рыбе знали только по слуху, но никогда не видели. Между тем, пока таким образом смеялись над Гоноратом, вдруг на пиршестве, по разным потребностям, оказался недостаток в воде. Тотчас служитель отправился, по тамошнему обыновению, с деревянным сосудом к источнику за водой, и в то время, как он черпал воду, в сосуд попала рыба. Возвратившись в дом, служитель на виду всех, бывших на пиршестве, вылил воду, в которой была рыба, и такой величины, что ее достаточно было бы в пищу Гонорату на целый день. Все удивились, и родители Гонората должны были оставить свои насмешки. Таким образом, воздержание отрока, дотоле осмеиваемое, сделалось предметом уважения, и рыба, пойманная в горах, избавила от колких насмешек добродетель человека Божия. Как скоро слава о добродетельной жизни Гонората стала возрастать, он был отпущен своим господином на волю, и в местечке, называвшемся Фунды, основал монастырь⁶. Здесь он был руководителем почти двухсот отшельников, здесь жизнь его сделалась для всех образцом самой высокой жизни.

Однажды случилось, что от горы, возвышавшейся над монастырем, оторвалась огромная скала, которая, спускаясь по крутизне горы, грозила конечным

разрушением монастырю и погибелью всей братии. Как скоро увидел это святой муж Гонорат, тотчас, неоднократно призвав имя Спасителя, изобразил своею десницею, по направлению к спускавшейся скале, крестное знамение, и она, уже готовая обрушиться, немедленно остановилась на самом обрыве горы. Так рассказывал мне об этом некто благочестивый Лаврентий. И так как обрыв горы, на котором скала остановилась, был чрезвычайно крут, то и доселе, говорят, если смотреть на гору, кажется, что скала как будто угрожает падением.

Петр. Я думаю, святой отче, что не мог же этот славный человек сделаться руководителем других, если сам прежде от кого-нибудь не принимал наставлений?

Григорий. Я вовсе не слышал, чтобы он был чьим-либо учеником; но надобно знать, что дары Духа Святого иногда и необыкновенным порядком сообщаются людям. По обыкновенному порядку следовало бы так, что тот не может быть начальником, кто не учился повиноваться, и повиновения внушить подчиненным не может тот, кто сам не умеет повиноваться высшим⁷. Но есть люди, которые получают такое внутреннее просвещение от Святого Духа, что хотя они и не пользуются внешним человеческим руководством, но зато постоянно присущ их духу внутренний наставник — Дух Святой. Только люди, нетвердые в добродетели, не должны брать себе за образец этой высшей обыкновенных законов жизни святых мужей, потому что, в противном случае, кто-нибудь легко может возомнить о себе, что и он исполнен Духа Святого, забудет о том, что и он был учеником, и станет наставником в заблуждении. Впрочем, душа, исполненная Духа Святого, имеет в себе

самые очевидные признаки этого преимущества, именно: добродетель, соединенную со смирением, так что если сии качества совершенно сосуществуют в душе, то это и служит очевиднейшим доказательством присутствия в ней Духа Святого. Так, например, мы не видим, чтобы святой Иоанн Креститель имел у себя учителя, даже и Христос — самая Истина, во время видимого пребывания на земле наставлявший апостолов, видимым образом не присоединил Иоанна к лику учеников своих; но кого Он учил внутренним образом, того внешним образом оставлял жить как бы по своей воле. Так и Моисей был руководим в пустыне Ангелом (Исх. 22, 20 и дал.), а не человеком. Но все это для людей, не утвердившихся еще в добродетели, должно быть, как я сказал, предметом не подражания, а почитания.

Петр. Нравится мне все то, что ты сказал. Но прошу, скажи теперь: не оставил ли этот святой отец Гонорат по себе какого-либо последователя из числа своих учеников?

ГЛАВА 2

О Либертине, экономе того же монастыря

Григорий. Во времена царя Тотилы, в том же Фундском монастыре был экономом муж благочестивый, именем Либертин⁸. Он жил и воспитывался под руководством отца Гонората. Много ходило в народе достоверных рассказов о его великих добродетелях, но мне особенно часто и много говорил о нем прежде упомянутый благочестивый Лаврентий, который и теперь еще жив и в то время был очень бли-

зок к отцу Либертину. Постараюсь теперь передать тебе вкратце, что запомнил из этих разговоров.

Однажды благочестивый Либертин, по должности эконома, отправился по нуждам монастырским куда-то в путь, через вышеупомянутую Самнийскую область. В то же время и по той же дороге проходил с войском Дарида один из готских предводителей. Воины его напали на раба Божию, повергли его на землю и завладели его конем. Благодушно перенесши эту потерю, святой отдал грабителям и самый бич, сказав: «Возьмите и это, чтобы было вам чем подгонять моего коня». Сказав это, святой начал молиться. Между тем войско сего предводителя отправилось далее и вскоре достигло реки Вултурны. Чтобы переправиться через нее, всадники начали бить копьями и подгонять своих коней; но как ни били, как ни мучили коней, они упорно оставались на одном месте; казалось, им так же страшно было прикоснуться к воде, как бы броситься с самого крутого утеса. Когда таким образом долго промучив коней, утомились и сами всадники, один из них сказал: «За то мы терпим такое несчастье, что на пути оскорбили человека Божию». Тотчас они возвратились и нашли Либертина на том же месте в молитвенном положении. «Вставай, — сказали они ему, — и возьми своего коня». «Идите с миром, — отвечал святой, — мне не нужен конь». Тогда всадники сами сошли с коней, насильно посадили Либертина на его коня и немедленно отправились назад. По прибытии на место кони их с такою стремительностью переплыли реку, по которой не могли дотоле плыть, что как будто на том месте вовсе не было воды. Таким образом, по устроению Божию, как скоро святому был возвращен конь, кони стали повиноваться и всадникам.

Около того же времени по области Кампанской проходило франкское войско под предводительством Буцеллина⁹. Общий был слух, что монастырь, управляемый Гоноратом, владел большими сокровищами. Свирепые франки, ворвавшись в храм, стали искать там и звать эконома Либертина; а он в это время молился, распростершись на земле. И, чудное дело, сколько ни искали франки Либертина, сколько ни бесились, не могли его увидеть, хотя часто даже ногами своими касались его тела. Таким образом, обманутые своею слепотою, они должны были удалиться из монастыря ни с чем.

В другое время Либертин получил от настоятеля (уже преемника учителя Либертинова Гонората) приказание отправиться по нуждам монастырским в Равенну. По любви к досточтимому Гонорату Либертин имел обыкновение, куда бы ни пришлось ему отправляться, брать с собой его обувь. Когда таким образом он ехал, попалась ему навстречу женщина, несшая на руках своих тело умершего сына. Увидев человека Божия, она, преисполненная любви к мертвому сыну, остановила за узду коня Либертинова и с клятвою сказала святому: «Ты не уйдешь отселе, пока не воскресишь моего сына». Либертин, понимая, сколь необыкновенного чуда от него требуют, ужаснулся, слыша просьбу, соединенную с заклятьем. Он покушался удалить от себя женщину, но, будучи не в силах этого сделать, оставался в нерешительности. Надобно представить себе, какая сильная борьба происходила в это время в его душе. Собственное смирение боролось в нем с состраданием к несчастной матери, страх приступить к совершению необыкновенного чуда со скорбным чувством — отказать осиротевшей женщине в по-

мощи. Наконец, к вящей славе Божией, сострадание препобедило твердую добродетель смирения, твердую по тому самому, что была побеждена состраданием, ибо нельзя назвать твердою ту добродетель, которая остается непреклонною при виде страданий других. Итак, святой сошел со своего коня, преклонил колена и после молитвенного воздеяния рук к небу, вынув обувь святого Гонората, возложил ее на перси умершему отроку. По молитве святого мужа душа возвратилась к умершему; обняв ожившего, он передал его плакавшей матери и продолжал свой путь¹⁰.

Петр. Что же, скажи мне, отче: сила ли добродетелей святого Гонората произвела такое чудо или молитва святого Либертина?

Григорий. Для совершения столь необыкновенного чуда соединились вкупе: вера жены и сила добродетелей обоих святых; и я думаю, что Либертин потому мог совершить сие чудо, что более полагался на силу добродетелей своего наставника, чем на силу своих собственных. Ибо он веровал, что душа того, чья обувь полагалась на перси умершему, услышит его молитву. Подобно тому, как и Елисей не мог одним повержением милоти своего учителя, которую носил с собою, разделить на обе стороны воды Иордана, когда приблизился к этой реке. Но как скоро он произнес: «Где Бог Илиин аффо?» (4 Цар. 2, 14) и поверг милоть Илиину в реку, вода расступилась и открыла ему свободный путь. Видишь ли, возлюбленный Петр, какую силу при совершении чудес имеет смирение? Тогда возмог он обнаружить силу, подобную той, какою обладал наставник, когда призвал его имя, и сделал он то же, что наставник, потому что подражал его смирению.

Петр. Приятно мне слушать тебя! Однако скажи, пожалуйста, не знаешь ли и еще чего-нибудь подобного о сем муже для нашего назидания?

Григорий. Да, знаю, но только для того, кто желает подражать. Ибо я считаю добродетель смирения выше всяких знамений и чудес. Вот что случилось: однажды настоятель, заступивший по смерти Гонората его место в управлении монастырем, до такой степени разгневался на добродетельного Либертина, что готов был ударить его. И как он не мог найти для этого палки, то, схватив подножную скамейку, так сильно избил Либертина, что вся его голова и лицо покрылись опухольями и синими пятнами. Претерпев эти страшные побои, Либертин молча удалился в свою келлию. Вскоре открылась необходимость Либертину отправиться куда-то по нуждам монастыря. Итак, совершив утреннее правило, он идет в келлию настоятеля, чтобы смиренно испросить у него молитв и благословения. Настоятель, зная, с каким уважением и любовью все взирали на Либертина, и думая, что после нанесенной ему несправедливой обиды он хочет удалиться совсем из монастыря, обратился к Либертину с вопросом: «Куда же ты собрался идти?» «Ради не терпящих отлагательства нужд монастырских, отче, — отвечал Либертин, — я еще вчера обещал быть ныне в таком-то месте и хочу теперь отправиться туда». Тогда настоятель, сознавая в глубине души, с одной стороны, как сурово и жестоко он поступил с Либертином, с другой — как обиженный был кроток и смирен, вышел из своей келлии, повергся к стопам Либертина и признался, что он тяжко виновен и грешен, дерзнув нанести жестокое оскорбление столь добродетельному мужу. Либертин, со своей сторо-

ны, также повергся на землю и, припадая к ногам настоятеля, уверял, что причина нанесенного им оскорбления заключалась не в раздражительности настоятеля, а в его, Либертиновой, вине. После этого происшествия настоятель сделался чрезвычайно кротким в обращении, и таким образом смирение ученика вразумило самого учителя. Когда же Либертин отправился за своим делом по нуждам монастырским, многие из знатных и благородных людей, чрезвычайно уважавших его, встретившись, с необыкновенным изумлением и участием начали расспрашивать, что такое случилось с ним, что все лице у него опухло, покрыто синими пятнами? «Вчера поздно вечером,— отвечал Либертин,— я, по грехам моим, преткнулся о скамью и так сильно ушибся». Таким образом этот святой человек в своем ответе и сказал истину, и не разгласил о проступке настоятеля, и избежал греха лжи.

Петр. Мне хотелось бы знать, всечестный отче, неужели столь богобоязненный человек, как Либертин, о чудесах и добродетели которого ты столь много рассказал, не оставил в монастыре последователей своим добродетелям?

ГЛАВА 3

Об иноке — садовнике того же монастыря

Григорий. Феликс, по прозванию Курвус¹¹ (день его памяти по римскому мартирологу 6 ноября), человек тебе известный и еще недавно бывший экономом в том же монастыре, много рассказывал мне достойного удивления о братии своего монастыря. Я не

буду тебе передавать из его рассказов всего, что помню, потому что желаю беседовать с другом. Но вот одно происшествие, слышанное от него, о котором умолчать я считаю даже невозможным.

В том же самом монастыре был один инок, по занятию садовник, человек высокой жизни. В сад к нему привык ходить вор. Перелезая чрез ограду, он тайно уносил овощи. Садовник скоро заметил, что сажал он овощей много, но осталось очень мало, иное было потоптано, другое порвано. Обойдя весь сад, он, наконец, открыл и место, которым обыкновенно вор пробирался в сад. Когда после этого он опять шел чрез сад, то увидел змею и сказал ей повелительно: «Ползи за мной» и, подошедши к месту, которым проходил вор, сказал змее так же повелительно: «Именем Иисуса Христа повелеваю тебе беречь этот проход и не позволять вору проникать в сад». Змея тотчас растянулась поперек дороги, а инок возвратился в свою келлию. В полдень, когда все братия отдыхали, приходит, по своему обыкновению, вор и начинает перелезать чрез ограду; но лишь только он перенес ногу в сад, вдруг видит, что дорогу преградила ему змея. Вор, сильно испугавшись, опрокинулся назад, но нога его увязла в кольях плетня, и в этом положении, с закинутою назад головою, он пробыл до прихода садовника. В урочный час приходит садовник, видит, что вор повис на ограде, и говорит змее: «Благодарю Бога, ты исполнила, что приказано было тебе; теперь удались». Змея скрылась. Тогда садовник, обратившись к вору, сказал: «Что, брат? Бог предал тебя в мои руки. Как ты дерзнул столько раз похищать труды рук иноческих?» После этих слов садовник освободил увязшую ногу вора, спокойно снял его с ограды и сказал: «Иди за

мной». С большим удовольствием наделив вора овощами, которые он обыкновенно крал, садовник довел его до ворот сада и сказал: «Ступай и после этого не воруй, а когда будешь нуждаться, лучше приходи сюда ко мне; я охотно буду тебе давать то, что ты доселе приобретал грехом»¹².

Петр. Теперь я вижу, что напрасно доселе думал, будто в Италии не было отцов, прославившихся чудесами.

ГЛАВА 4

Об Эквиции, настоятеле монастыря в области Валерийской

Григорий. Теперь расскажу тебе, что я слышал от Фортуната, человека достопочтенного, настоятеля монастыря, который называется Бальнеум Цициронис¹³, равно и от других почетных лиц. В провинции Валерийской жил некто Эквиций¹⁴, человек необыкновенно святой жизни. Настоятель Фортунат близко знал его, и вообще для всех духовные подвиги Эквиция были предметом благоговения. Эквиций, благодаря величию своей святости, управлял в той области многими монастырями. В юных летах сильно мучила его тяжкая борьба с вожделениями плоти; но самая тяжесть искушения заставила его быть тем более прилежным к молитве. Таким образом, в непрестанной молитве испрашивая у всемогущего Бога врачевства против искушения, Эквиций как-то ночью увидел, как появившийся Ангел лишает его мужской силы. И открылось в видении том, что всякую страсть он изверг из детородного уда его, а потому с того

времени стал он чужд искушению, словно бы и не было у него этих органов. Утвердившись же с помощью Господа Всемогущего в добродетели, Эквиций, как дотоле управлял только мужскими монастырями, так отселе начал управлять и женскими. Впрочем, он постоянно внушал своим ученикам, чтобы они легкомысленно не увлекались его примером, и, если не надеются на свои силы, не покушались стремиться к приобретению дара, которого не имели.

В то время как в Риме схвачены были волшебники, некто Василий, бывший первым искусником в волшебстве, переоделся в монашеское платье и убежал в Валерийскую область¹⁵. Явившись к достопочтенному епископу Амитернскому Касторию, Василий просил поместить его в монастырь, управляемый Эквицием, представляя, что он может быть полезным монастырю своим врачебным искусством. Епископ тотчас отправился в монастырь вместе с лжемонахом Василием и просил угодника Божия Эквиция принять просителя в число братства. Взглянув на Василия, святой сказал епископу: «Я вижу, отче, что тот, кого ты ко мне привел, не монах, а диавол». «Ты только ищешь предлога не исполнить моей воли», — возразил епископ настоятелю. «Я говорю то, что вижу в нем, — отвечал угодник Божий, — но чтобы ты не думал, будто я уклоняюсь от повиновения, я сделаю по твоей воле». Василий был принят в монастырь. Через несколько дней угодник Божий удалился на довольно продолжительное время из монастыря для назидания словом истины жаждущих духовного утешения. По уходу святого Эквиция случилось, что в женском монастыре¹⁶, который находился также под его попечением, одна монахиня, сохранившая на бренном теле своем следы красоты, заболела и в страшных мучениях с криком

и воплями повторяла: «Я непременно умру, если не придет монах Василий и не возвратит мне здоровье с помощью своего искусства». Но в отсутствие настоятеля никто из иноков не смел и войти в женский монастырь, тем более Василий, недавно поступивший в число братства и никому еще неизвестный по своему поведению. Тотчас распорядились послать к угоднику Божию Эквицию с известием, что такая-то монахиня ужасно страдает в болезни и неотступно требует, чтобы инок Василий посетил ее. Услышав это, святой муж с горькой улыбкой сказал: «Не говорил ли я, что это не монах, а диавол? Ступайте и выгоните его из монастыря. А о рабе Божией, страждущей тяжкою болезнью, не беспокойтесь более; болезнь ее минует, и она не будет требовать к себе Василия». Посланный возвратился и узнал, что действительно больная получила исцеление в то именно время, когда говорил ему об этом угодник Божий Эквиций, находясь вдали от монастыря. Так праведник сотворил чудо, следуя примеру своего Учителя и Господа Иисуса Христа, который, быв позван в дом царедворца для исцеления его сына (Ин. 4, 46), одним словом даровал ему исцеление, так что по возвращении в дом отец узнал, что сын его выздоровел именно в то время, когда он слышал об его исцелении из уст самой Истины. Все иноки, исполняя повеление своего настоятеля, изгнали лжемонаха Василия из своего монастыря. Когда же его изгнали, он сознался, что часто посредством своего волшебного искусства поднимал на воздух келлию святого Эквиция, но никакого вреда не мог ей сделать. Спустя немного времени этот волшебник, по ревности здешнего народа христианского, был сожжен в Риме на костре.

Случилось также, что одна раба Божия из той же женской обители пошла однажды в монастырский сад. Увидев там овощи, она с жадностью начала их есть, забыв предварительно оградить себя крестным знаменiem; вдруг схватил ее диавол и поверг на землю. Когда увидели ее в страшных мучениях, тотчас попросили отца Эквиция, чтобы он поспешил исцелить болящую своей молитвой. Едва только вступил в сад святой Эквиций, диавол, вошедший в инокиню, начал ее устами кричать, как бы прося пощады: «Что я сделал, что я сделал? Я был в овощах, как она пришла и с ними приняла в себя и меня». Но человек Божий с великим гневом повелел ему выйти из инокини и никогда не возвращаться к рабе всемогущего Бога. Диавол тотчас вышел и после не смел даже прикоснуться к ней.

Некий знатный человек по имени Феликс, из Нурсийской области, отец того Кастория, который живет ныне в Риме, узнав, что благочестивый Эквиций не имел еще священного сана, а между тем ходил всюду для ревностного назидания других словом, однажды дружески обратился к нему с вопросом: «Как ты, отче, дерзаешь на проповедь, когда не имеешь ни священного сана, ни от Римского епископа, в ведении которого состоишь, разрешения проповедовать?» Услышав такой вопрос, святой муж следующим образом объяснил свое дерзновение на проповедь: «О чем ты меня сейчас спрашивал, об этом и я размышлял сам с собою. Но однажды предстал мне в видении ночном прекрасный юноша и прикоснулся к моему языку орудием, которое употребляют врачи при кровопускании, сказав при этом: «Вот я полагаю слово мое во уста твои, иди и проповедуй». С того времени не могу молчать о Боге, хотя бы и желал того».

Петр. Мне хотелось бы, отче, узнать о деяниях сего мужа, получившего от Бога, по общему уверению, такие дары благодати.

Григорий. Подвиг¹⁷, возлюбленный Петр, зависит от дара благодати, а не благодать от подвига, иначе и благодать не будет благодатью. Ибо всякому подвигу предшествует дар благодати, хотя после и дары благодати возрастают по той мере, как увеличиваются подвиги. Но если хочешь собрать истинные сведения о жизни этого угодника, обратись к достопочтенному предстоятелю реатинской церкви — Альбину¹⁸, он хорошо знал святого Эквиция, да есть много и других лиц, знавших его. И зачем тебе искать в нем еще большего подвига, когда знаешь, что в этом угоднике непорочная жизнь соединялась с ревностью о проповеди? Таков он был, когда ревновал о приобретении Господу душ, что, управляя несколькими монастырями, он в то же время ходил повсюду — по церквам, городам, деревням, даже по частным домам христиан и в сердцах своих слушателей возжигал любовь к отечеству небесному. Одежда на нем была весьма бедная и вид его был так скромнен, что если бы случилось ему встретиться и поклониться незнакомому человеку, тот не счел бы для себя необходимым ответить на его поклон. В некоторые места он отправлялся обыкновенно на коне, выбирая при этом самого плохого, какого только можно было найти в монастыре, коня, и вместо узды всегда употреблял недоуздок, вместо седла овечью кожу. Куда бы он ни отправлялся, всюду брал он с собой книги Священного Писания, полагая их в кожаные мешочки, висевшие у него с правой и левой стороны, чтобы, отверзая источники слова Божия, орошать пажити духовные. Молва об его пропо-

ведании достигла Рима, и тотчас из клира Римского епископа некоторые льстецы (которые обыкновенно сперва уловляют своим языком, а потом и губят душу слушающего), приступили к своему пастырю с жалобами. «Что это, — говорили они, — за неотесанный человек, который присвоил себе право проповеди и, неученый, похитил, похитил обязанность, принадлежащую нашему апостольскому престолу. Не угодно ли будет тебе послать за ним, привести сюда и внушить ему понятие о порядке церковном?». Обыкновенно бывает, что кто очень ревностен к выполнению своих обязанностей, тот бывает доступнее лести, если не успеет ее отразить в самом начале от дверей своего сердца. Епископ Римский согласился на убеждения своих клириков — привести в Рим святого Эквиция для внушения ему надлежащих понятий о его обязанностях. Впрочем, не желая, чтобы подобное распоряжение сколько-нибудь оскорбило угодника Божия, папа приказал своему послу дефенсору* Юлиану¹⁹ (который впоследствии был епископом сабинской церкви) привести святого Эквиция в Рим с возможными почестями. Побуждаемый настояниями клириков исполнить как можно скорее это приказание, Юлиан поспешно отправился в монастырь святого Эквиция, где нашел некоторых иноков, занимавшихся списыванием книг, и спросил их: “Где

* Должность *дефенсора* (защитника) в римской Церкви состояла преимущественно в попечении о бедных и также об охранении прав Церкви. С разными поручениями они были иногда посылаемы Римским епископом по областям (.

Прим. изд.: В настоящем издании пояснительные сноски издания 1858 г. помечены звездочками и располагаются внизу страницы, современные примечания редактора отмечены арабскими цифрами и отнесены в конец книги.

ваш настоятель (святого Эквиция не было дома)?» «Вот недалеко, на монастырских лугах он косит сено», — отвечали иноки. С Юлианом был прислужник, очень гордый и дерзкий, которого сам он едва мог обуздывать. Юлиан послал его поскорее привести к себе настоятеля. Прислужник отправился, проворно дошел до лугов и, обратившись ко всем косившим сено, грубо спросил: «Где Эквиций?» Ему указали; увидев настоятеля еще издали, прислужник впал в необыкновенный страх; дрожа и трепеща, он едва мог идти. В трепете приблизился он к человеку Божию, повергся пред ним и смиренно обнимая колена его, возвестил о приходе господина своего. После приветствия угодник Божий сказал ему: «Вот, возьми свежего сена и отнеси на корм коням, на которых вы приехали; я же, немного погодя, исполнив свое дело, приду вслед за тобой». Между тем посланник папы, дефенсор Юлиан сильно удивлялся, отчего это слуга его так долго не идет? Как скоро увидев, что он возвращается с лугов со связкою сена за плечами, в сильном гневе начал кричать на него: «Что это значит? Я тебя посылаю привести ко мне настоятеля, а не сено носить». И отвечал прислужник: «Тот, о ком ты просил, сейчас придет». Между тем и человек Божий, одевшись и возложив на свои плечи связку сена, пошел в монастырь. Когда он был еще вдали, слуга указал своему господину, что это тот самый человек, за которым они посланы. Юлиан же, увидев угодника Божия, по его уничиженному виду приготовился и заговорить с ним, т. е. строго и повелительно. Но едва угодник Божий приблизился, как сердцем Юлиана овладела необыкновенная робость, так что он дрожал всем телом и едва был в состоянии передать святому о причине своего приезда. Со

смирением припав к стопам угодника Божия, Юлиан просил его молитв о себе и возвестил, что святейший папа желает его видеть. Святой Эквиций от полноты сердца возблагодарил всемогущего Бога, что чрез верховного иерарха Господь посетил его свыше благодатью. Тотчас приказал он некоторым из братии приготовить коней для пути и настоятельно требовал, чтобы посланник папский готовился немедленно ехать. «Это совершенно невозможно, святой отче, — отвечал Юлиан — Утомившись от продолжительного путешествия, я нынешний день не в состоянии опять ехать». «Жалею об этом, сын мой, — отвечал святой Эквиций. — Если мы ныне не отправимся, то и завтра также». Таким образом, угодник Божий, снисходя усталости посланника, провел следующую ночь в монастыре. На самом рассвете следующего дня к Юлиану прибыл новый папский посол-отрок, от поспешной езды едва не замучивший своего коня. Он привез Юлиану от папы письмо, в котором повелевалось последнему не дерзать беспокоить угодника Божия отправлением из монастыря. Когда Юлиан спросил у гонца, что заставило папу переменить свое распоряжение, то услышал, что в ту самую ночь, как Юлиан отправился в монастырь, было папе некоторое страшное видение с упреком, зачем он осмелился требовать к себе из монастыря угодника Божия. Юлиан тотчас отправился к святому Эквицию и, поручая себя его молитвам, возвестил, что папа повелел не беспокоить его отправлением из монастыря. Услышав это, угодник Божий опечалился и сказал: «Не говорил ли я тебе вчера, что если не отправимся теперь, так и вовсе не отправимся». Потом, желая выразить свою любовь к маленькому (второму) послу папскому, он

повел его в свою келлию и прилично наградил его за труд, хотя гонец отказывался и не хотел брать. Познай же из этого, Петр, как Господь хранит тех, которые уничижают себя в настоящей жизни; как сопричисляются к согражданам отечества небесного те, которые не стыдятся презрения со стороны людей; как, напротив, презренны в очах Божиих надменные искатели суетной славы пред самими собою и пред ближними. Посему-то и глаголет нам сама Истина: *вы есте оправдающе себе пред человеки, Бог же вест сердца ваша: яко еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом* (Лк. 16, 15).

Петр. Для меня очень удивительно, отче, как же могли оклеветать пред папою столь великого человека?

Григорий. Чему дивиться, возлюбленный Петр? Не все ли мы, как люди, подвержены греху? Неужели ты не знаешь, что и Давид, этот муж, исполненный духа пророческого, осудил Ионафанова сына по наветам раба (2 Цар. 8, 16)? Ведь мы веруем, что распоряжение царя Давида, по неведомому суду Божию, было справедливо, но в то же время не знаем, как согласить этот поступок с справедливостью по понятиям человеческим. Что же после этого удивительного, что мы, не будучи пророками, иногда дозволяем языку льстецов вводить нас в грех? Тем более не удивительно, если подвергнется искушению кто-либо из верховных пастырей, на котором лежит так много забот. Внимание, рассеявшееся по многим предметам, тем менее останавливается на чем-нибудь одном; и чем обширнее круг предметов для наших занятий, тем легче ввести в обман ум наш по отношению к какому-либо одному из них²⁰.

Петр. Совершенно справедливо то, что ты говоришь.

Григорий. Не могу также не передать тебе, что я узнал из рассказов некоего достопочтенного мужа Валентина²¹ об этом святом настоятеле. По словам Валентина, тело святого Эквиция было положено в храме блаженного мученика Лаврентия. Случилось однажды, что на гроб этого святого один поселянин поставил сосуд с хлебом, ибо он не позаботился ни узнать, какой великий угодник тут покоится, ни поклониться его гробу. Тогда вдруг поднялся сильный ветер и, между тем как все прочее в храме оставалось неподвижно на своем месте, сосуд, поставленный на гробнице, был сброшен и далеко откинут, так что всем стало очевидно, сколь великого угодника Божия тело покоилось на том месте²².

Еще я тебе скажу нечто, что узнал из беседы с прежде упомянутым почтенным Фортунатом, которого я вполне уважаю как по его возрасту, так и по духовным подвигам и простоте сердца. На Валерийскую провинцию напали лангобарды²³; тогда иноки монастыря святого Эквиция скрылись в упомянутый храм ко гробу угодника. Когда неистовые лангобарды вторглись в храм и повлекли иноков вон, чтобы предать их мучениям и смерти, один из братии с воплем и глубокою скорбью воззвал: «О святой Эквиций! Неужели тебе угодно, чтобы нас так вот волокли? Неужели ты не защитишь нас?» Тотчас после этой молитвы нечистый дух напал на неистовых лангобардов, поверг их на землю и дотоле мучил, пока не сделалось это известно и прочим лангобардам, находившимся вне храма. После сего ни один из них не дерзнул уже так нагло нападать на святое место. Сей же святой муж, защитивший таким образом своих учеников, и после того многим прибегавшим к его гробу оказывал помощь.

ГЛАВА 5

О Констанции, парамонаре церкви св. Стефана*

Теперь расскажу тебе, что узнал из беседы с одним знакомым мне епископом. Он много лет проводил монашескую и притом очень благочестивую жизнь в городе Анконе. Его рассказы подтверждают и другие знакомые люди пожилого возраста, жившие в тех краях.

Близ города Анконы находилась церковь во имя блаженного мученика Стефана²⁴. При ней исправлял должность парамонаря человек достойной уважения жизни, по имени Констанций²⁵. Слух о его святой жизни распространился очень далеко, ибо сей человек, совершенно презрев все земное, всею душою прилепился лишь к небесному. Однажды в этой церкви кончились масла, и у раба Божия Констанция не стало вовсе, чем засветить лампы; но он, не смущаясь, налил в лампы воды и по обычаю положил в середину бумажный фитиль; потом, когда, принеся огня, засветил — вода стала гореть так, как будто в лампадах было налито масло. Подумай же, Петр, какой добродетели был сей муж Констанций, когда в крайности мог изменять свойство стихий.

Петр. Весьма необычайно то, что я слышу. Но мне хотелось бы знать, на какой степени внутреннего смирения стоял этот человек, творящий столь необыкновенные дела вовне?

Григорий. Хорошо, что ты в чудотворениях стараешься дознать душевные свойства человека; ибо

* Должность парамонаря состояла вообще в хранении церковного здания, в наблюдении за порядком, при церковных дверях, за чистотою в храме, и проч.

внешние чудесные действия приводят дух его в сильное искушение. Но каким смирением обладал достопочтенный Констанций, ты тотчас увидишь, как скоро выслушаешь рассказ только об одном из его деяний.

Петр. Да, после повествования о столь великом чуде тебе остается только рассказывать в мое назидание о его душевном смирении.

Григорий. Как скоро молва о святости Констанция далеко распространилась, множество народа из разных областей начало приходить с нетерпеливым желанием видеть святого. Однажды из отдаленной страны пришел посмотреть на него какой-то поселянин. В то время святой муж, стоя на деревянной скамье, поправлял лампы. Ростом святой был очень мал, на вид худ и лицом весьма невзрачен. Между тем пришедший посмотреть на святого расспрашивал всех, где он, и с нетерпением просил указать на него. Знавшие святого исполнили желание поселянина. Но как люди невежественные часто судят о душевных добродетелях по внешнему виду, то и поселянин, видя пред собою этого малорослого и невзрачного человека, не мог поверить, что это тот, кто ему нужен. Поселянину казалось, что слышанное им о святом противоречило тому, что он видел теперь сам. Не может быть, думал он, чтобы человек, по общей молве столь знаменитый, был так ничтожен по внешности. Когда же многие подтвердили ему, что это действительно знаменитый святой, он неуважительно и насмешливо сказал: «Я думал видеть важного человека, а этот и на человека-то не похож». Лишь только услышал эти слова раб Божий Констанций, тотчас оставил лампы, которые оправлял, быстро и с радостным видом подошел к поселянину, заключил

его в свои объятия, с необыкновенной любовью начал его целовать и от полноты сердца благодарил, что поселянин сделал о нем такой отзыв: «Один ты, — говорил святой, — увидел меня таким, каков я есть!»

Из этого можно заключить, как глубоко было смирение святого, когда он оказал так много любви к поселянину, несмотря на невыгодный о себе отзыв. Душевные качества человека всего скорее познаются из того, как он переносит оскорбления от других. Ибо как гордые любят почет от других, так смиренные радуются своему унижению. Они остаются спокойны, когда другие презирают их, ибо видят, что мнение, составленное ими о самих себе, подтверждается и со стороны других.

Петр. Теперь я вижу, что как ни велик был этот святой по своим чудесам, но еще более велик по своему смирению.

ГЛАВА 6

О Марцеллине, епископе Анконском

В том же городе Анконе предстоятелем церкви был Марцеллин, муж достойной жизни²⁶. Тяжкая болезнь в ногах лишила его возможности ходить, так что когда нужно было ему куда-нибудь отправиться, слуги должны были носить его на носилках. Однажды по чьей-то небрежности в Анконе сделался пожар. Как скоро пламя значительно усилилось, все сбежались тушить. Но как ни усердно заливали огонь, пожар распространялся более и более, так что грозил уже истребить весь город. Когда пламень пожара охватил уже ближайшие здания, истребил немалую

часть города и никто не в силах был положить преграды его распространению, в это время вынесли епископа. Тронутый общим бедствием, он приказал своим носильщикам поставить себя на носилках против пламени. Когда это было исполнено и носилки поставлены против того места, где наиболее свирепствовал огонь, пожар, к общему удивлению, перестал распространяться далее и тем самым как бы возвещал всем, что он не может преступить того места, где был епископ. Таким образом, пламень пожара, остановленный на известном месте, потух сам собою и ни одно здание уже более не пострадало от него. Помысли же, Петр, какою святостью обладал этот немощный человек, когда своею молитвою возмог погасить страшный пламень.

Петр. Размышляю — и изумляюсь!

ГЛАВА 7

О Ноннозе, экономе монастыря, что на Сорактовой горе

Григорий. Теперь я расскажу тебе нечто о соседнем с Анконою месте, что я узнал из бесед с лицом, тебе известным, достопочтенным епископом Максимианом, и старцем иноком Лаврионом. Оба они и теперь еще живы. Престарелый Лаврион в монастыре Субпентомском²⁷, что близ города Неписена, был на попечении святейшего мужа Анастасия. Недалеко от Субпентомского монастыря находился другой — на Сорактовой горе; в нем один достопочтенный муж, эконом Нонноз²⁸, славился величием нрава и добродетелями. Эти причины, а равно и близость места

располагали Анастасия часто посещать Нонноза. Начальником монастыря, в котором жил Нонноз, был человек нрава самого крутого. Но Нонноз с удивительным спокойствием всегда переносил его раздражение. Кротостью он превосходил всю братию и часто своим глубоким смирением смягчал гнев настоятеля. Так как монастырь был расположен на самой вершине горы, то братия не могла найти там удобного места, чтобы развести хотя бы небольшой сад. На склоне горы было, впрочем, одно небольшое место, но совсем закрытое выдававшейся из горы огромною скалою. Однажды святому Ноннозу пришло на мысль, что это место могло бы быть употреблено под огород, если бы не мешала скала. Но сообразив, что камень так велик, что и пятьдесят пар волов не могли бы его отодвинуть, что, следовательно, всякая человеческая сила будет ничтожна для этого дела, святой обратился к Божественной помощи и среди ночной тишины погрузился в молитву. Наутро братия, пришедши к тому месту, увидели, что огромный камень далеко отвалился от прежнего места и оставил им обширное пространство для устройства огорода.

В другое время этот достопочтенный муж чистил в притворе храма стеклянные лампы. Одна выпала у него из рук и разбилась вдребезги. Испугавшись гнева настоятельского, Нонноз собрал тотчас все осколки и, положив их пред алтарем, с великим стеснением начал молиться. Как же скоро встал с молитвы, то увидел, что лампада, осколки которой он собирал с таким страхом, цела. Таким образом, совершив эти два чуда, он уподобился двоим святым отцам: по отторжению скалы — святому Григорию, подвигшему своим словом целую гору, а по восста-

новлению лампы — святому Донату, который также восстановил в прежний вид разбитый сосуд²⁹.

Петр. Теперь я вижу, что чудеса, совершавшиеся прежде, повторяются и ныне.

Григорий. Не угодно ли, я тебе расскажу также, что сделал некогда Нонноз, по подражанию пророку Елисею?

Петр. С нетерпением желаю выслушать.

Григорий. Однажды в монастыре оказался недостаток в масле; а между тем, хотя и пришло уже время собирать маслины, на деревьях монастырского сада вовсе не было плодов. Настоятель монастыря распорядился послать братию по окрестным местам помогать в собирании маслин хозяевам, в садах которых были плоды, чтобы на вырученные за труд деньги сколько-нибудь купить для монастыря масла. Но человек Божий Нонноз, с великою, впрочем, кротостью, воспротивился этому, опасаясь, чтобы кто-либо из братии, удалившись из монастыря ради приобретения масла, не потерпел какого-нибудь душевного вреда. И как в монастырском саду на деревьях виднелись кое-где маслины, то святой Нонноз велел их собрать, выжать из них сок и, сколько получится таким образом масла, принести к себе. Приказание было исполнено, и братия принесла рабу Божию выжатое масло в небольшом сосуде. Когда все удалились, святой Нонноз поставил сосуд с маслом пред алтарем и помолился Богу. Потом, когда снова пришли к нему братия, он приказал им из принесенного сосуда разлить понемногу по всем имеющимся в монастыре сосудам так, чтобы в каждом было по несколько капель этого благословенного масла. Несмотря на это, сосуды были почти пусты; тогда святой велел закрыть их, когда же потом на

следующий день открыли, то нашли, что они были полны масла.

Петр. Теперь очевидно, как постоянно исполняются слова самой Истины: *Отец мой доселе делает и Аз делаю* (Ин. 5, 17).

ГЛАВА 8

Об Анастасии, настоятеле монастыря Субпентомского

Григорий. В то же время достопочтенный Анастасий, о котором я упоминал выше (гл. 7-я), был *нотариусом** в римской Церкви, которой, по милости Божией, и я ныне служу. Желая посвятить жизнь свою единому Богу, он оставил свои письменные занятия и местом жительства избрал себе тот самый Субпентомский монастырь, о котором я говорил прежде. Там, как заботливый пастырь, управляя монастырем, он провел много лет в святых подвигах. С вершины горы в том месте выдавалась огромная скала, так что вниз с нее открывалась страшная стремнина. Когда, по воле всемогущего Бога, уже приблизилось время святому Анастасию получить воздаяние за подвиги земной жизни, в одну ночь слышен был из этой высокой скалы голос, сопровождаемый сильным шумом: «Приди, Анастасий!» После сего и другие семь братий были также названы по именам. Потом голос ненадолго затих, но вскоре позвал еще и восьмого брата. Все братство

* Нотариус — в римской Церкви — занимался письменными делами по церковному управлению.

слышало этот голос, и никто не сомневался, что это предвещало близкую кончину тех, к кому голос относился. Действительно, спустя несколько дней скончался сперва достопочтенный Анастасий, потом и другие по порядку, как призывал их голос. Тот брат, имя которого произнес призывающий глас после некоторого молчания, пережил всех других несколькими днями и потом также скончался. Из этого очевидно, что молчание голоса означало несколько дней жизни. Но вот какое чудо случилось при этом: когда святой Анастасий приближался к кончине, пришел к нему один из монастырской братии, которому не хотелось пережить своего настоятеля. Припав к стопам святого, он начал со слезами умолять его: «Заклинаю тебя Богом, к которому ты отходишь, не допусти, чтоб более семи дней оставался я здесь после тебя». И действительно, не прошло и семи дней после смерти Анастасия, как брат этот скончался, хотя голос и не призывал его вместе с другими в ту ночь. Очевидно, что только молитва святого Анастасия могла даровать ему кончину.

Петр. Если, отче, этот брат перешел из сего мира только ради молитв святого Анастасия, хотя и не был призываем к тому голосом, то нельзя ли отсюда заключить, что великие угодники Божии могут иногда по своей молитве получить даже то, что не предопределено Богом?

Григорий. Нет; что Богом не предопределено, того они получить никак не могут; но что получают по своей молитве, то так и предопределено, то есть так и должно совершиться по молитве. Даже само наследование Царствия Небесного так предопределено всемогущим Богом, что избранные получают его за подвиги, смотря по тому, как возмогают они молит-

вою стяжать себе дары, предопределенные им прежде век всемогущим Богом.

Петр. Прошу тебя, отче, изъясни мне вполне: как это молитва может содействовать предопределению?

Григорий. Сказанное мною я могу тебе, Петр, объяснить в немногих словах. Ты, без сомнения, знаешь, что Бог сказал некогда Аврааму: *во Исааце наречется тебе семя* (Быт. 21, 12); и в другом месте: *отца многих языков положих тя* (Быт. 17, 5). Еще дано было ему следующее обещание: *воистину благословя благословлю тя и умножая умножу семя твое яко звезды небесные и яко песок вскрай моря* (Быт. 22, 17). Эти обещания ясно показывают, что всемогущий Бог предопределил распространить семя Авраама чрез Исаака; а между тем вот что читаем в другом месте: *моляшеся же Исаак Господеву о Ревекце жене своей, яко неплоды бяхе, и послуша же его Бог и зачат во утробе Ревекка жена его* (Быт. 25, 21). Если было предопределено, что потомство Авраама распространится чрез Исаака, то почему же жена его была неплодна? Но это-то и показывает, что предопределение совершается молитвою: ибо тот, кому предопределено было распространить семя Авраамово, только по молитве получил детей.

Петр. Слова твои, отче, раскрыли мне тайну, и теперь никакое сомнение меня не смущает.

Григорий. Не угодно ли, я расскажу тебе и о святых отцах, живших в Тусции, чтоб тебе известно было, какие и там были подвижники и как они своим познанием приближались к Богу.

Петр. Усерднейше прошу тебя рассказать об этом.

ГЛАВА 9

О Вонифатии, Ферентинском епископе

В городе Ференте³⁰ был епископом некто Вонифатий, муж добродетельный, украшавший своею жизнью епископскую кафедру. Много рассказывал мне об его чудесах пресвитер Гауденций, который жив еще и теперь. Воспитавшись под руководством Вонифатия, Гауденций тем более мог сообщить о нем истинные сведения, что сам был очевидцем дел его. Церковь ферентинская находилась в то время в крайней бедности (бедность для добрых людей обыкновенно служит охранительницею смирения); все средства для ее поддержания заключались только в одном винограднике. Но однажды выпал столь сильный град, что в целом винограднике только кое-где виднелись ветки винограда. Когда после этого упомянутый почтеннейший муж, епископ Вонифатий, вошел в сад, то воздал всемогущему Господу сердечное благодарение за то, что посетил их скорбью в самой бедности. Когда же приблизилось время созреть винограду на оставшихся ветках, по обычаю епископ повелел приставить к винограднику стража и наказал ему как можно бдительнее стеречь вверенное. Потом он приказал внуку своему, пресвитеру Констанцию, приготовить для вина все употреблявшиеся и прежде для сей цели в епископии сосуды и бочки, засмолив их надлежащим образом. Внук пресвитер, услышав такое распоряжение, чрезвычайно изумился; ему казалось весьма странным, зачем епископ приказал приготовить для вина все сосуды, когда вина почти вовсе не могло быть? Впрочем, он не стал спрашивать о причинах, по которым было дано

такое распоряжение, но, согласно приказанию, исполнил все как следовало. После сего человек Божий Вонифатий отправился в виноградник, собрал оставшиеся ветви винограда, отнес в давяльную и, приказав всем удалиться, сам остался в винограднике с малолетним дитятей, приказал ему сойти в давяльную и истоптать собранные ветки, которых было весьма немного. Как скоро было выжато из этих веток небольшое количество вина, человек Божий собрал оное своими руками в небольшой сосуд и начал разливать с благословением по всем приготовленным сосудам и бочкам, так что в некоторые сосуды едва досталось вина. Когда таким образом во все сосуды налито было по несколько капель вина, епископ повелел пресвитеру тотчас собрать и привести бедных. Как же скоро это было сделано, в давяльне оказалось вина столько, что им наполнены были все сосуды, принесенные бедными. После чего, увидев, что нужды всех были достаточно удовлетворены, святой приказал дитяте оставить давяльную, запер погреб и, укрепив вход в него своею печатью, возвратился в церковь. На третий день он позвал к себе пресвитера Констанция и, совершив молитву, отпер погреб. Оказалось, что все сосуды, в которые было влито им по несколько капель вина, были теперь переполнены им, так что если бы епископ еще несколько помедлил своим приходом, то весь пол погреба был бы залит вином. Тогда он строго заповедал пресвитеру никому не говорить об этом чуде, пока будет жив он, Вонифатий; святой опасался, чтобы мирская слава о содеянном им чуде, которая бы возвысила его пред людьми, не послужила во вред его душе. Так подражал он примеру Учителя, Который, наставляя нас Своим примером на путь смирения, заповедал ученикам

никому не говорить о чудесах Его, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых (Мф. 17, 9).

Петр. Поскольку теперь представился удобный случай, я спрошу тебя, почему Спаситель наш, возвратив зрение двоим слепцам, запретил им поведать об этом кому бы то ни было, а они разгласили о чуде по всей стране (Мф. 9, 27)? Неужели Единородный Сын, совечный Отцу и Святому Духу, хотел того, что не могло исполниться, т. е. чтобы не говорили о чуде, которое никак нельзя было скрыть?

Григорий. Все, что совершал Спаситель наш в этом смертном теле, все для того, чтобы даровать нам пример для подражания, чтобы мы, по мере сил, шествуя по Его стопам, беспреткновенно совершили трудный путь настоящей жизни. Он сотворил чудо и запретил говорить о нем, хотя это было невозможно: этим Он хотел показать, что и избранные Божии, если желают следовать примеру и учению Его, должны, сотворив что-либо великое, в душе своей питать желание, чтобы дело это осталось неизвестным, хотя бы, вопреки сему желанию, дело и обнаружилось для пользы ближних. Ибо как желание, чтобы великие дела оставались неизвестными, есть признак глубокого смирения, так и невозможность сокрыться этим делам приносит великую пользу другим. Посему Господь не того хотел, чтобы исполнилось невозможное, а хотел только в научение наше показать в Своем примере, чего должны желать члены Его тела и что может быть вопреки их желанию.

Петр. Я совершенно доволен, отче, твоим объяснением.

Григорий. Как мы заговорили о епископе Вонифатии, то остается рассказать еще о некоторых его деяниях.

В каком-то году приближался день памяти блаженного мученика Прокула. В то время в Ференте жил некто Фортунат, человек именитый. Он усиленно просил достопочтенного Вонифатия, по совершении торжественного богослужения в честь блаженного мученика, посетить дом его для благословения. Угодник Божий не мог отказаться от того, что предлагаемо было ему сердечным расположением Фортуната. Поэтому, совершив торжественное богослужение, он приходит в дом упомянутого Фортуната ко времени вкушения трапезы. Но прежде чем он совершил обычную предтрапезную молитву, у дверей дома явился какой-то человек с музыкальными инструментами и стал бить в кимвал (так как у некоторых есть обычай вкушать пищу под звуки музыки). С неудовольствием слушая звуки этой музыки, святой сказал: «Ах, умирает, умирает этот несчастный! Я пришел к этой приятной трапезе и еще не успел открыть уст своих к славословию Божию, как он уже начал заниматься своей музыкой». Потом он присовокупил: «Подите и с любовью предложите ему пищу и питье, но знайте, что это мертвец». Действительно, как скоро этому несчастному человеку вынесли из дома хлеб и вино и он пошел назад, вдруг огромный камень упал с крыши дома и поразил его в самое темя. После этого удара он полуживой был поднят с земли и на другой день, по предсказанию человека Божия, совсем простился с жизнью. Посуди же теперь, возлюбленный Петр, какой благоговейный страх должны мы питать к святым людям, в которых видимо обитает Бог! И как скоро возбуждается на что-нибудь гнев во святом человеке, к кому мы должны относить это, как не к Тому, Кто невидимо обитает в душе святого? Посему тем более должны мы опасаться, чтобы не

возбудить гнева в праведнике, чем несомненное то, что в сердце его присно обитает Тот, Который всегда силен воздать нам отмщение, по их желанию.

Случилось также однажды, что упомянутый пресвитер, внук святого Вонифатия — Констанций, продал своего коня за двенадцать ауреусов³¹ и, положив их в свой ковчежец, отправился на какое-то дело. В это самое время приходят в дом епископа нищие и неотступно просят святого Вонифатия подать им что-нибудь в облегчение их бедности. Но как у человека Божия не было ничего для подаяния, то и начал он душевно сокрушаться, что вот уйдут от него бедные без помощи. Вдруг он вспомнил, что внук его пресвитер Констанций продал своего коня и что вырученные деньги лежат у него в ковчежце. Итак, несмотря на то что внука не было дома, святой отыскал ковчежец, отломал для своей святой цели замок, вынул двенадцать златниц и разделил их по своему усмотрению между нищими. После возвращается пресвитер Констанций и видит, что ковчежец его взломан и что нет уже в нем положенных за продажу коня денег. Тогда в сильном гневе он начал громко кричать: «Все здесь живут как следует, мне только одному житья нет». Услышав эти возгласы, приходит епископ, собираются также и все жившие при епископии. Святой стал кротко успокаивать пресвитера, а тот продолжал в раздражении кричать: «Все живут в твоём монастыре спокойно, только мне от тебя житья нет! Отдай мне деньги!» Опечаленный этими оскорбительными возгласами, епископ идет в храм Пресвятыя Богородицы и Приснодевы Марии, облачается в священные одежды и, воздев руки к небу, начинает молить Богоматерь, чтобы она помогла ему укротить безумную раздражительность пресвитера.

Вдруг по окончании молитвы, взглянув на свою одежду, епископ видит, что у него в пазухе двенадцать золотых монет, так ярко сияющих, как будто бы они были сейчас только отчеканены. Немедленно идет он из церкви к гневному пресвитеру, возвращает деньги со словами: «Вот тебе твои деньги; но знай, что за скупость³² не быть тебе здесь епископом по моей смерти!» Из слов святого видно, что пресвитер приготовил эти деньги на случай достижения епископства. Но предсказание человека Божия исполнилось: Констанций кончил жизнь в пресвитерском чине.

В другое время зашли по дороге в монастырь святого Вонифатия два гота и сказывали, что спешат в Равенну³³. Святой сам налил им небольшой сосуд вина, чтоб им было чем подкрепить себя на дороге. Но из этого небольшого сосуда у готов не иссякало вино до самой Равенны. Потом еще несколько дней они пробыли в Равенне, пили вино каждый день, и оно не оскудевало; наконец, по той же дороге возвратились они к святому отцу в Ферент, продолжали пить вино ежедневно, но вино не убывало из сосуда: не то чтобы вино в сосуде, данном им от епископа, прибывало, а только не убывало.

Еще недавно приходил ко мне из тех мест один старец-клирик. Не могу не передать тебе, что он рассказал мне о святом Вонифатии. Однажды святой Вонифатий пошел в монастырский сад и видит, что все растения покрыты червем. Тогда он сказал червю: «Именем Иисуса Христа повелеваю тебе оставить растения и не истреблять овощей!» Червь тотчас же, по слову человека Божия, пропал, так что и следа его не осталось во всем саду. Но эти чудеса, соделанные святым Вонифатием в сане епископа, когда

вместе с благодатью этого сана возрастало в нем пред лицом Всемогущего Бога и нравственное преуспеяние, еще не так удивительны, как те, которые он творил, по словам того же старца-клирика, еще будучи в отроческих летах. В этом возрасте, когда он еще жил со своею матерью, нередко он возвращался домой то без верхней, то даже без нижней одежды. Ибо, посещая разные дома, как скоро он видел какого-нибудь бедняка неприкрытым, снимал свою одежду и отдавал ему, питая упование, что Сам Господь, пред очами Которого он творил добро, воздаст ему. Мать часто его бранила и выговаривала, что за охота была ему отдавать другим одежду, когда сам беден. Но вот однажды она пошла в свою житницу, где хранился хлеб, заготовленный для годового содержания, и видит, что сын ее всю почти пшеницу роздал бедным. Мать пришла в отчаяние, начала терзаться и плакать, что вот пропал годовой их запас. Приходит благочестивый отрок Вонифатий и, как умел, начинает ее утешать. Но так как его утешения нисколько не действовали, то он попросил мать выйти из житницы, в которой так немного осталось у них пшеницы из целого годового запаса. Потом повергается пред Богом с молитвою; и немного спустя приглашает мать снова в житницу. Пшеницы оказалось теперь такое количество, что не было столько и тогда, когда у матери был собран запас на целый год. Мать изумилась, увидев это чудо и познав, как действенна была молитва отрока, сама с того времени заставляла его раздавать хлеб.

Мать обыкновенно держала у себя в доме несколько кур, но с соседнего поля привыкла ходить за ними лисица. Однажды, когда отрок Вонифатий был в загороде, где содержались птицы, лисица, по обык-

новению, пришла и унесла одну из них. Тотчас он отправился в церковь и там, простершись в молитве пред Богом, взывал: «Господи, неужели тебе угодно, чтоб я даже и не вкусил того, что мать приготовляет для меня в пищу? Вот, она откармливает кур, а лисица их пожирает!» Кончив молитву, он вышел из церкви и вдруг видит: лисица воротилась и несет во рту похищенную птицу; выпустив ее, лисица тотчас же сама издохла на месте на глазах Вонифатия.

Петр. Удивительное дело — как Господь исполняет молитвы уповающих на Него даже относительно таких ничтожных предметов.

Григорий. Все это совершается, Петр, по премудрому намерению нашего Создателя — чтобы, получив малое, мы воспитали в себе надежду получить и большее. Невинное и набожное дитя увидело исполнение своего детского желания, и это должно было вразумить его, какое дерзновение оно может иметь пред Богом, испрашивая большего.

Петр. Да, справедливы слова твои, отче.

ГЛАВА 10

О Фортунате, Тудертинском епископе

Григорий. В тех же странах, в городе Тудерте предстоятелем местной церкви был епископом некто Фортунат, человек благочестивой жизни³⁴. Он получил от Бога необыкновенный дар — изгонять нечистых духов, так что иногда целые легионы бесов силою его молитвы должны были оставлять одержимых ими. Также силою крепкой молитвы он отражал полчища демонов и от самого себя. К святому Фортунату

был весьма близок дефенсор нашей церкви Юлиан, который еще недавно умер в этом городе. С его-то слов я и хочу теперь рассказать тебе нечто. Ибо Юлиан, по своей близости к святому Фортунату, был часто очевидцем его дел, и так приятно было слушать нам его назидательные воспоминания о святом, как будто бы мед капал из уст его.

У одной знатной госпожи, недалеко от Тусции, жила невестка, недавно еще вышедшая замуж за ее сына. Однажды свекровь пригласила ее с мужем отправиться вместе на освящение церкви³⁵ во имя святого мученика Севастиана. В ночь пред отправлением на освящение упомянутого храма невестка не могла воздержаться от плотского удовольствия с мужем. Хотя поутру совесть сильно укоряла ее за это удовлетворение вожделениям плоти, но в то же время и стыдно было ей отказаться от данного обещания. Итак, более по ложному стыду пред людьми, чем по богобоязненности, она отправилась со своею свекровью на освящение храма. Когда мощи блаженного мученика Севастиана были внесены в храм, злой дух напал на невестку и в виду всех начал ее мучить. Один из пресвитеров этого храма, видя ее страшные мучения, тотчас вынес из алтаря синдон* и возложил на беснующуюся, но дух нечистый напал тут же и на него. Об этом можно было заключать из того, что пресвитер обнаруживал в припадках признаки неукротимой силы. Некоторые из присутствовавших вынесли женщину из храма в собственный ее дом. Но вечный враг не переставал постоянно повергать ее в страшные мучения. Родственники бесновавшейся, из любви к ней (впрочем, не духовной, а плотской), упо-

* Одна из священных одежд.

требляли все возможные средства, чтобы возвратить ей здоровье, наконец, отдали на руки каким-то знахарям, как будто хотелось им, вылечив с помощью каких-нибудь волшебных снадобий тело больной, погубить окончательно ее душу. Итак, знахари повели ее к реке, погрузили в воду и начались у них продолжительные заговоры для изгнания нечистого духа. Но, по неисповедимой воле всемогущего Бога, как скоро, с помощью волшебного искусства, вышел из нее один демон, на место его вошел целый легион. После этого больная начала так сильно биться и так неистово кричать, как только можно было ожидать от целого легиона демонов. Увидев несчастные плоды своего суеверия, родители больной, посоветовавшись между собою, привели ее к святому епископу Фортунату и поручили его попечениям. Он не отказался принять ее и долгие дни и ночи молился, усугубляя свои молитвы тем с большею ревностью, чем очевиднее было, что он должен изгнать целый легион бесов из одного человека. И действительно, спустя несколько дней Фортунат возвратил ее родителям в таком здравии и спокойствии, как будто бы диавол и не прикасался к ней.

В другой раз угодник Божий также изгнал из человека нечистого духа.

И вот однажды в сумерки, когда в городе все было тихо, изгнанный нечистый дух, приняв на себя образ какого-то странника, начал ходить по улицам города и кричать: «Вот что сделал святой-то епископ Фортунат!.. выгнал из своего дома странника! И теперь вот я ищу по городу ночлега и не могу найти!» Этот голос слышал один отец семейства из своего дома, где он пред камином сидел с женою и малолетним сыном. Расспросив, что сделал епископ, он пригласил

странника к себе в дом и посадил вместе с собою пред камином. Едва только они обменялись между собою несколькими словами, нечистый дух вдруг напал на малолетнего хозяйского сына, поверг его в огонь и там задушил. Несчастный отец тотчас догадался, кого изгнал от себя епископ и кого он принял в свой дом.

Петр. Как же это, отче, исконный человеконенавистник мог сделать убийство в доме того, кто принял его как странника для приюта?

Григорий. Многое, возлюбленный Петр, нам кажется хорошим, хотя и не таково на самом деле, потому что совершается не с доброю душою. Потому и в Евангелии Истина говорит: *еще око твое лукаво будет, то и все тело твое темно будет* (Мф. 6, 23). Если нечисто намерение, предшествующее действию, и само действие будет дурно, хотя бы и казалось хорошим. И я думаю, что этот человек, лишившийся сына за свое гостеприимство, потерпел наказание потому, что предпринял доброе дело не по побуждениям благочестия, а из желания унижить епископа. Ибо последовавшее наказание обнаружило, что в предпринятом этим человеком ранее была его вина. Ибо есть люди, которые стараются делать добро только для того, чтобы унижить значение добрых дел другого: не добро для них приятно делать, а уничтожать другого славою о своих добродетелях. Поэтому я думаю, что человек, оказавший гостеприимство нечистому духу, водился больше гордостью, чем желанием сделать добро; ему хотелось, чтобы все знали, что вот он превзошел епископа добродетелью, что он принял того, кого человек Божий Фортунат изгнал.

Петр. Да, твои слова справедливы. Из последних дела очевидно, что в основании его лежала нечистая мысль.

Григорий. В другой раз еще случилось вот что: человек, потерявший совершенно зрение, обратился с просьбою о помощи к тому же святому и получил ее. Ибо как скоро человек Божий, сотворив молитву, осенил очи крестным знамением, мрак слепоты тотчас исчез и зрение возвратилось.

У одного воина впал в бешенство конь, так что несколько человек едва могли его сдержать, и всякого, кто приближался к этому коню, он жестоко кусал. Наконец, его связали и привели к святому Fortunatu. Едва только святой изобразил над конем крестное знамение, как всякое бешенство пропало и конь сделался послушнее, чем был до припадка. Воин, видя, что конь его чудесною силою так скоро исцелился от бешенства, вздумал подарить его святому. Святой отказался принять дар; но так как воин настоятельно просил не презреть его дара, то святой человек избрал средину между двумя крайностями. Он принял просьбу воина, но, не желая себе награды за сделанное добро, не прежде согласился взять коня, как заплатив за него надлежащую цену. Святому не хотелось отказом оскорбить жертвователя, и вот он, по побуждениям любви, покупает совершенно для себя ненужное.

Не могу не рассказать тебе также, что я слышал об этом святом дней двенадцать тому назад. Пришел ко мне какой-то бедный старец, и так как я особенно люблю разговаривать со старцами, то начал его расспрашивать, откуда он. И узнал, что он из города Тудерта. «Так скажи, не знаешь ли ты епископа Fortunata?» — спросил я. «Знал, и очень хорошо», — отвечал старец. «Скажи же, пожалуйста, — продолжал я, — не знаешь ли каких-нибудь его чудес и опиши мне этого святого мужа». «Это был, — отвечал

старец, — совсем не такой человек, каких мы привыкли всегда видеть. Чего бы он ни просил у всемогущего Бога, прошение его всегда исполнялось. Расскажу тебе только об одном чуде, которое пришло мне теперь на память. Однажды чрез город Тудерт проходили готы, отправлявшиеся в Равенну. Из деревни, находящейся неподалеку от города Тудерта, они похитили двоих мальчиков. Как скоро сказали об этом святому Фортунату, он немедленно позвал к себе готов. Когда же они явились, святой начал кротко с ними беседовать и старался ласкою смягчить их свирепость. Потом обратился к ним со следующим вопросом: «Какой желаете получить выкуп за этих увезенных мальчиков? Я дам вам выкуп, а вы, в знак своего расположения ко мне, возвратите мне детей». На это гот, казавшийся первым между другими, отвечал: «Проси чего-нибудь другого, все готовы для тебя сделать, а этих мальчиков не отдадим ни за какую цену». Святой сказал ему с кроткой угрозой: «Огорчаешь ты меня и не слушаешь отца своего; не причиняй мне скорби, дабы с тобой чего-нибудь не случилось». Но гот, по загрубелости своего сердца, отказал святому и ушел. На другой день пред отправлением в путь тот же гот опять приходит к святому, и святой снова начинает его по-прежнему упрашивать о возвращении малюток. Гот опять отказался удовлетворить его просьбу. «Знай же, что не будет тебе на дороге счастья, когда ты опечалил меня», — сказал святой в неудовольствии. Гот оставил без внимания эти слова и, возвратившись в дом, где останавливался, посадил упомянутых малюток на коня и отправил со своими товарищами, сам же поехал на коне вслед за ними. Когда он ехал мимо церкви блаженного апостола Петра, конь его преткнулся, всад-

ник упал и переломил себе ногу пополам. Его подняли и отвели назад. Тотчас же больной послал воротить детей и отправил с просьбой к достопочтеннейшему мужу Фортунату, говоря при этом так: «Прошу тебя, отче, пришли ко мне диакона своего». Как скоро диакон пришел, больной, отказавшийся прежде возвратить детей, тотчас же передал их посланному, сказав: «Ступай и скажи господину моему епископу: ты не благословил его и вот он пострадал; прими же теперь детей, о которых просил, и помоги ему». Диакон немедленно повел к епископу детей; а блаженный Фортунат дал ему святой воды, сказав при этом: «Пойди как можно скорее и окропи его немощное тело». Диакон снова отправился к больному готу и возлил святую воду на тело его. Удивительное и непостижимое дело! Едва только вода коснулась больного места, болезнь миновалась и кость пришла в прежнее положение, так что гот тотчас же встал с постели и, взобравшись на лошадь, продолжал путешествие, как будто бы он никогда не подвергался никакой болезни. Таким образом, гот, не хотевший послушаться святого и возвратить детей за деньги, наказанием Божиим был вынужден возвратить их без выкупа».

Кроме этого случая старец рассказывал мне и о некоторых других чудесах святого Фортуната. Но как меня в то же время дожидались некоторые, желавшие получить духовное наставление, и было уже очень поздно, то мне и нельзя было долго слушать его рассказов о деяниях Фортуната, хотя я, если можно, всегда готов слушать их с удовольствием.

В другое посещение старец рассказал о святом Фортунате нечто еще более удивительное. «В городе Тудерте, — говорил он, — жил вместе с двумя род-

ными сестрами некто Марцелл, человек хорошей жизни. Он был нездоров и скончался вечером в великий день Пасхальной Субботы. Так как далеко было нести его на кладбище, то он и остался непохороненным в этот день. Но когда пришло время совершить погребение, сестры Марцелла, скорбя об его утрате, прибегли к святому Фортунату и со слезами и воплями начали умолять его. «Знаем, — говорили они, — что ты ведешь жизнь апостольскую, исцеляешь прокаженных, слепым возвращаешь зрение, приди и воскреси нам умершего брата». Святой, как скоро услышал о смерти брата их, сам прослезился и сказал сестрам: «Ступайте и не просите об этом; на все есть воля всемогущего Бога, противиться ей никто не может». Они ушли, но епископ не переставал скорбеть о смерти их брата. На следующий же воскресный день, еще до рассвета, в сопровождении двоих слуг он отправился в дом умершего и, приблизившись к одру, на котором лежало бездушное тело, повергся с молитвою пред Богом; потом, совершив молитву, сел близ умершего и тихо назвал его по имени: «Брат Марцелл...» Как ни тихо были произнесены эти слова, умерший, как бы сквозь легкий сон, услышал их, открыл глаза и, взглянув на епископа, сказал: «Ах, что ты сделал! Что ты сделал!» «Что же я сделал?» — спросил епископ. «Вчера, — отвечал умерший, — приходили за мной двое и, разлучив с телом, отвели в некоторое прекрасное место, а ныне один из них опять пришел и сказал: «Отведите назад его, потому что епископ Фортунат пришел к нему в дом». Сказав это, умерший тотчас встал и долго после того еще жил». Впрочем, не надобно думать, чтобы он потерял блаженство, которое получил было после смерти: ибо, если он еще до своей кончины

благоугодил всемогущему Богу, то, без сомнения, подкрепляемый молитвами святого, еще благочестивее начал жить после смерти».

Но зачем же нам много говорить о богоугодной жизни святого Фортуната, когда доказательства величия его добродетелей мы имеем постоянно пред глазами в его нетленных мощах? Как при жизни он всегда прогонял бесов, исцелял всякого больного, приходившего к нему с верою, так и по смерти то же совершает чрез нетленные свои останки³⁶.

Впрочем, возлюбленный Петр, мне надобно досказать тебе о великих чудесах святых, живших в Валерийской провинции, о чем рассказывал мне вышеупомянутый достопочтенный Фортунат. Он и ныне часто посещает меня и, повествуя о деяниях прошлого, доставляет мне всегда новое удовольствие.

ГЛАВА 11

О Мартирии, иноке Валерийской области

В Валерийской провинции жил некто Мартирий, великий угодник Божий, и вот что он совершил в знамение своей великой святости. Однажды братия, жившие с ним, сажали в печь хлеб и забыли изобразить на нем крестное знамение, как обыкновенно это делалось в той провинции на тесте, которое казалось оттого как бы разделенным на четыре части. Святой был тут же и заметил, что на хлебе не изображено было крестное знамение. Когда хлеб посадили в печь и закрыли углями и пеплом, святой спросил: «Почему же вы не изобразили на тесте крестного знамения?» И тотчас изобразил пальцем крестное знаме-

ние по направлению к тому месту, где был посажен хлеб под углями. От этого хлеб издал такой треск, какой слышится, если лопнет на огне большой глиняный сосуд. Когда вынули из печи готовый хлеб, увидели на нем изображение крестного знамения, произведенное не прикосновением, а верою.

ГЛАВА 12

О Севере, пресвитере из той же области

В той же области есть долина, известная под именем Интероринской, а в просторечии Интерокринской. На ней стояла церковь во имя Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии³⁷, а при церкви священником был некто Север, человек чудной жизни³⁸. Однажды прислали за ним с просьбою посетить как можно скорее один дом, где умирал отец семейства. Умиравший просил священника прийти, чтобы очистить совесть его таинством покаяния, помолиться Богу о его грехах и мирной кончине. Когда пришли посланные, Север был в саду, обчищал деревья, и по просьбе обещал немедленно прийти. Но видя, что немного уже оставалось доделать в саду, он несколько помедлил, чтобы окончить начатое; кончив, отправился к больному. На дороге встретили его прежние послы словами: «Что ты, отец, замедлил? Теперь уже не беспокойся, больной помер». Услышав это, священник сильно испугался и громогласно называл себя убийцею больного. В слезах пришел он к одру умершего, с рыданием повергся пред ним на землю. Когда таким образом он неутешно плакал, бился головой о землю и называл себя виновником его смерти,

вдруг душа возвратилась к умершему. Предстоящие (их было много), увидев это, вскрикнули от удивления и плакали от радости больше, чем прежде от скорби. Воскресшего начали расспрашивать: где он был и как возвратилась к нему душа? «Трое каких-то, — отвечал воскресший, — взяли мою душу из тела и повели ее; из ноздрей и уст их исходил нестерпимый для меня пламень; вели они меня по местам мрачным; но вдруг является навстречу нам прекрасный по виду юноша. Обратившись к ведшим меня, он сказал: «Возвратите его, потому что о нем слезно плачет пресвитер Север, и Господь даровал эту душу его слезам». Север, выслушав это, тотчас встал, преподавал ему таинство покаяния и молился о нем Богу. В продолжение семи дней оживший заглаждал покаянием содеянные грехи, а на восьмой с веселием предал дух свой Богу³⁹. Подумай же, Петр, с какою любовью Господь внял молитве Севера, когда не восхотел оставить его в печали.

Петр. Поистине, это весьма удивительное дело! Я до сих пор ничего подобного не знал. Но вот говорят, что ныне уже нет столь великих святых!

Григорий. Я думаю, Петр, что и ныне есть много таких людей. Из того, что они не совершают таких чудес, еще не следует, что они не таковы же на самом деле. О жизни надобно судить не по внешним знамениям, а по деяниям добродетели. Ибо много есть людей, которые хотя и не творят чудес, но не меньше тех, которые творят.

Петр. Скажи, пожалуйста, чем же мне увериться, что не творящие чудес иногда бывают нисколько не ниже творящих.

Григорий. Например, разве ты не знаешь, что апостолы Петр и Павел оба первоверховные апостолы?

Петр. Знаю и совершенно уверен, что хотя Павел и называл себя *мний* между апостолами, но он более всех потрудился.

Григорий. Припомни же теперь: Петр ходил по водам (Мф. 14, 29), а Павел потерпел на море кораблекрушение (2 Кор. 11, 25); вот по отношению к одной и той же стихии Павел не мог плыть и на корабле, а Петр ходил по морю, как по суху. Теперь не очевидно ли, что хотя в совершении чудес оба они обнаружили неодинаковую силу, но заслуги их пред Богом совершенно равны.

Петр. Объяснения твоего совершенно достаточно. Теперь ясно вижу, что нужно смотреть на жизнь, а не на чудеса. Но как и чудеса служат доказательством святой жизни, то прошу тебя, Расскажи мне еще что-нибудь, напитаю мою алчущую душу добрыми примерами.

Григорий. Во славу Спасителя нашего я тебе расскажу о некоторых чудесах достопочтенного Венедикта. Но теперь у меня нет свободного времени; поговорим об этом в другой раз и сделаем это тем охотнее, если начнем другую книгу.

КНИГА ВТОРАЯ.⁴⁰

Был муж достопочтенной жизни, по имени и благодати Венедикт⁴¹, который от самого отрочества хранил чистоту сердца. Чистотою нравов он возвышался над летами и не подчинял души своей никакой страсти; но будучи еще на сей земле, презрел уже мир с его прелестями, как бесплодный, хотя по обстоятельствам мог бы свободно наслаждаться его благами. Святой Венедикт происходил от благородных родителей из области Нурсии⁴², а в Риме отдан был для обучения свободным наукам⁴³. Но когда он понял, что от наук многие впадают в пороки, тотчас вышел из училища, дабы по изучении наук и самому после не пасть в пропасть. Итак, презревши занятие науками, он оставил дом и родительское наследие, пожелал угождать единому Богу и искал крова святой обители. Впрочем, хотя он не изучил наук, но остался неученым мудрецом. Я не знаю всех обстоятельств его жизни; но то немногое, что буду рассказывать, узнал от четверых учеников его, повествовавших о нем, именно: от Константина, весьма достопочтенного мужа, который преемствовал ему в управлении монастырем; Валентиана, который много лет был настоятелем Латеранского монастыря; Симплиция, третьего после него настоятеля над его общежитием; и от Гонората, который еще и ныне остается настоятелем того монастыря, а прежде был в числе братии⁴⁴.

ГЛАВА 1

О чуде, которое совершил святой Венедикт над разбитым ситом

Когда Венедикт, оставивши уже занятие науками решил удалиться в пустыню, то за ним последовала одна только кормилица, которая очень любила его. Он избрал место для жительства, называемое Эффиде⁴⁵, и многие знаменитые мужи, привлекаемые туда ревностью (о спасении), поселились вместе с ним в церкви блаженного апостола Петра. Однажды упомянутая кормилица его выпросила себе у соседних женщин сито* и как-то неосторожно положила его на стол, отчего оно упало со стола и разбилось на две части. Возвратившаяся домой кормилица, увидев разбитое сито, которое она взяла в целости, начала горько плакать. Венедикт, набожный и благочестивый отрок, увидевши в слезах свою кормилицу, сжался над нею. Он сложил половинки разбитого сита и стал со слезами молиться. По окончании молитвы Венедикт увидел сито в такой целости, что в нем нельзя было заметить никаких следов повреждения; тогда, ласковыми словами утешая свою кормилицу, он возвратил ей в целости сито, которое принял разбитое. Это чудо в том месте всеми было узноано и произвело такое удивление, что жители того места повесили сито при входе в церковь, дабы знали все входящие и выходящие из церкви, какую великую благодать получил монастырский отрок Венедикт. Сито много лет оставалось там перед глазами всех и даже до настоящего нашествия лангобардов висело у цер-

* В подлин. — *capisterium*.

ковных дверей. Но Венедикт, желая лучше переносить зло мира, нежели похвалы, и лучше утомлять себя трудами для Бога, нежели надмеваться от благорасположения других людей, тайно бежал от своей кормилицы и устремился в более уединенное место этой пустыни, называемое Субиако⁴⁶, которое отстоит от Рима почти на сорок миль. В этом месте обилие холодных и прозрачных вод: они сначала собраны в широком озере, из которого потом вытекают рекою. Когда Венедикт бежал, то на пути встретил его один монах по имени Роман, расспросил его, куда стремиться, и, узнавши его желание, не только сохранил его тайну, но и оказал помощь — дал ему монашескую одежду и после доставлял все, что было нужно. А муж Божий, пришедши на это место, заключился в самую тесную пещеру и в продолжение трех лет жил никому неизвестный, кроме монаха Романа. Этот Роман⁴⁷ жил недалеко от пещеры, в монастыре под управлением Адеодата; по благочестивому побуждению Роман тайно от своего настоятеля доставлял в известные дни Венедикту часть хлеба, получаемого им в пищу для себя. Но так как к пещере из монастыря Романова не было прохода, потому что она находилась высоко над скалами, то Роман имел обыкновение привязывать хлеб к длинной верви, протянутой с этой скалы; на верви привязан был еще маленький колокольчик, который звуком своим давал знать человеку Божию, когда Роман приносил ему хлеб. Венедикт по звонку выходил из пещеры и принимал хлеб. Только однажды исконный враг, завидуя любви одного и утешению другого, когда привязан был хлеб к верви, бросил в колокольчик камень и камнем разбил его. Однако ж Роман не переставал служить Венедикту, сколько было можно. Но скоро всемогущий

Бог восхотел и Романа успокоить от трудов и в жизни Венедикта показать пример людям, чтобы светильник горел на свещнице и светил всем находящимся в доме Божиим. Одному, жившему вдали от того места пресвитеру, который приготавливал себе пищу в праздник Пасхи, Бог явился в видении и сказал: «Ты приготавливаешь себе утешение, а раб мой в таком-то месте умирает от голода». Пресвитер тотчас встал и в самое светлое Воскресение Христова с пищею, приготовленную для себя, устремился на то место, перешел горные скалы, высокие холмы, пропасти земные и, наконец, отыскал скрывающегося в пещере человека Божия. По совершении молитвы они сели, благословляя всемогущего Бога, и после сладкой беседы пришедший пресвитер сказал: «Встань, вкусим пищи, потому что сегодня Пасха». Святой муж отвечал ему: «Истинно — Пасха, потому что удостоился видеть тебя». Находясь вдали от людей, Венедикт и не знал, что в этот день праздновали Пасху; но достопочтенный пресвитер опять подтвердил, говоря: «Поистине сегодня день светлого Христова Воскресения; воздерживаться тебе не следует, потому что я за тем и послан, чтобы вместе с тобою вкусить от даров всемогущего Бога». Итак, благословляя Господа, они приняли пищу; а когда насытились беседою и пищею, пресвитер возвратился к своей церкви.

В то же самое время нашли Венедикта, скрывающегося в пещере, пастухи. Сначала, когда увидели его между кустарниками, одетого кожами, сочли за зверя; но когда узнали в нем служителя Божия, переменили свои зверские мысли на сочувствие к нему. Таким образом, имя его сделалось известно всем жившим в соседних местах; с того времени многие

стали посещать его и, доставляя ему телесную пищу, получали из уст его для своих душ хлеб животный.

ГЛАВА 2

О побежденном искушении плоти

Однажды, когда святой Венедикт находился в уединении, приступил к нему искушитель: стала летать пред самым лицом его небольшая черная птица, называемая в народе дроздом, и так близко вертелась пред ним, что можно было достать ее рукою, если бы святой муж захотел поймать ее; но он сотворил крестное знамение, и птица улетела. Когда же улетела эта птица, последовало такое искушение плоти, какого никогда не испытывал святой муж. Вдруг он видит женщину, которую злой дух привел пред очи его ума; при виде ее душа раба Божия воспылала таким огнем, что пламень страсти едва умещался в его груди и, увлекаемый страстью, он почти желал уже оставить пустыню. Но скоро, по благодати Божией, он обратил взор на себя самого и, увидев в себе семя страстей, снял с себя одежду, бросился нагой на сосновые иглы и крапиву, долго лежал в них и, только уже когда изранил все тело, встал. Но чрез раны он залечил в теле чувственные порывы, потому что обессилил сладострастие: произведши таким наказанием воспаление снаружи, он истребил то, что горело внутри, и таким образом победил грех, потому что переменил место пламени. С того времени, как после сам рассказывал ученикам, искушение плоти так было укрощено в нем, что после ничего подобного он в себе не чувствовал. Тогда многие уже

начали оставлять мир и спешили поступить под его руководство. Свободный от искушения к пороку, он по праву сделался учителем других в добродетели. Потому и Моисей предписывает (Чис. 8, 24 и след.), чтобы левиты вступали в служение двадцати пяти лет и выше и только на пятидесятом году делались хранителями священных сосудов.

Петр. Смысл приведенного свидетельства уже делается несколько ясным для меня, но прошу тебя изложить его еще яснее.

Григорий. Известно, Петр, что в юности искушение плоти свирепствует, а с пятидесятого года телесный жар охладевает; сосуды же священные суть умы верных. Посему когда избранные подвержены еще искушениям, необходимо подчинять их другим и заставлять служить, утомлять послушаниями и трудами; когда же в спокойном возрасте ума жар искушения ослабевают, они бывают стражами сосудов — делаются учителями душ.

Петр. Признаюсь, мне нравится твоя речь; но как ты уже объяснил смысл приведенного свидетельства, то прошу тебя продолжать начатый рассказ о жизни праведника.

ГЛАВА 3

О стеклянном сосуде, разрушенном посредством крестного знамения

Григорий. После победы над искушением муж Божий, подобно возделанной земле, когда вырвут из нее сорные травы, стал приносить обильнейшие плоды в жатве добродетелей. Знаменитое имя его стало

славиться по причине необыкновенных монашеских подвигов. Недалеко оттуда был монастырь⁴⁸, настоятель которого скончался; все оставшиеся после него братия пришли к достоуважаемому Венедикту и усердно просили его быть у них настоятелем. Долго не соглашался он, представляя им, что со своими правилами не может угодить нравам всех братий, но, побежденный мольбами, дал согласие. Когда же ввел в этом монастыре строгость правил жизни и никому не позволял уклоняться самовольными действиями с пути монашества ни на правую, ни на левую сторону (что случалось прежде), то безумно ожесточившиеся братия сперва стали укорять друг друга за то, что просили себе такого строгого настоятеля, потому что их свободная жизнь не согласовалась с его святыми правилами. Потом, когда увидели, что он не позволит им вольности, а тяжело было оставить привычки и обветшавший ум занимать новыми предметами, то некоторые из них поспешили сделать покушение на его жизнь, и, посоветовавшись друг с другом, однажды примешали к вину яд. Так тяжела жизнь добродетельных для людей с испорченными нравами! По обычаю монастырскому, они принесли для благословения настоятелю стеклянный сосуд, в котором содержалось это смертоносное питье. Святой Венедикт, простерши руку, сделал над сосудом знамение креста, и сосуд, долго до того времени бывший в употреблении, так распался от этого знамения, как будто бы вместо креста святой муж бросил в него камень. Из того, что сосуд не мог вынести знамения жизни, муж Божий сразу же понял, что сосуд содержал в себе смертоносное питье, немедленно встал и с веселым лицом, со спокойным духом говорил собравшимся братиям: «Да помилует вас, братия, всемогущий Бог;

за что вы хотели сделать со мной это? Что же? Разве не говорил я вам прежде, что мои обычаи не сходны с вашими? Идите и ищите себе настоятеля по своим обычаям; потому что после сего вы не можете иметь меня настоятелем». Затем он возвратился на любимое пустынное место и стал жить один сам с собою в очах всевидящего Бога.

Петр. Не понимаю ясно, что значит: «Стал жить сам с собою».

Григорий. Если бы святой муж захотел долее управлять людьми, единодушно ненавидевшими его и далеко не согласными с его образом жизни, то, может быть, потерял бы бодрость и спокойствие и отвратил бы око свое от света, возвышающего при созерцании своей души; потом, утомляемый каждодневно их неисправимостью, менее заботился бы о себе и себя, вероятно, оставил бы и их не приобрел. Всегда от сильного напряжения мысли мы выходим из себя и, будучи те же самые, не бываем с собою, потому что, не видя себя самих, мы блуждаем мыслями по другим предметам. Мы не говорим, что был с собою тот человек, который ушел в дальнюю страну, расточил свое имение, потом пристал к одному из жителей той страны, пас у него свиней, видел, как они насыщались рожцами, а он истаивал от голода; о нем уже после, когда он стал размышлять о потерянных благих, написано: *в себе пришед рече: колико наемников отца моего избывают хлебы* (Лк. 15, 17). Если б он был с собою, то откуда бы возвратился в себя? Вот в каком смысле я сказал об этом достоуважаемом муже (Венедикте), что он стал жить с собою: находясь постоянно на собственной страже, всегда поставляя себя пред очи Создателя, всегда испытывая себя, он уже не отвращал от себя око своего ума.

Петр. Что же значит написанное об апостоле Петре, когда он был выведен Ангелом из темницы? Он, быв в себе, сказал: *ныне вем воистину, яко посла Бог Ангела Своего, и изъят мя из руки Иродовы и от всего чаяния людей иудейских* (Деян. 12, 11).

Григорий. Двоjakим образом, Петр, мы бываем вне себя: или чрез падение помысла опускаемся ниже себя, или чрез благодать созерцания поднимаемся выше себя. Тот человек, который пас свиней, опустился ниже себя блужданием ума и нечистотою; тот же, кто был изведен Ангелом и восхищен умом, хотя также был вне себя, но выше себя. Оба они возвратились в себя, когда у одного после греховных дел заговорила совесть, а другой с высоты созерцания возвратился в обыкновенное состояние. Итак, достоуважаемый Венедикт стал жить в одиночестве с собою, поколику охранял себя размышлением, но всякий раз, когда любовь к созерцанию поднимала его на высоту, он, без сомнения, был вне себя.

Петр. Это так, но скажи, пожалуйста, разве следовало оставлять братий, которых Венедикт однажды принял под свое руководство?

Григорий. Мне кажется, Петр, что там должно благоразумно сносить соединенные нападения злых, где есть некоторые добрые, которые помогут. А где совершенно нельзя ожидать доброго плода, там иногда бывает излишним старание о злых, особенно если есть в виду обстоятельства, которые помогут принести лучший плод Богу. Итак, о ком бы стал стараться святой муж, когда узнал, что все единодушно преследуют его? И часто так бывает с душами совершенных (чего не следует проходить молчанием), что когда видят, что их труды бесплодны, они переходят на другое место, на котором надеются получить

плоды. Посему и тот именитый муж, который имел *желание разрешиться, и со Христом быти*, которому *еже жити Христос, и еже умерети приобретение* (Флп. 1, 23, 21), который не только сам искал страданий, но и других возбуждал к перенесению их; и он даже, чтобы избежать преследования в Дамаске, воспользовался стеною, вервию и корзиною (Деян. 9) и захотел уйти тайно. Неужели скажем, что апостол Павел боялся смерти, когда он жаждал ее из любви к Иисусу, как сам свидетельствует (2 Кор. 11, 32)? Нет! Но когда он увидел, что в том месте предстоит ему много труда и мало плода, то сохранил себя для труда плодоносного в другом месте. Как сильный ратоборец Божий, он не захотел оставаться в заключении и отправился искать поля сражения. Посему, если ты внимательно слушал, то можешь видеть, что и достоуважаемый Венедикт не столько здесь оставил братьев ненаученными, сколько в других местах воскресил от смерти душевной.

Петр. Справедливо ты говоришь, и приведенное тобою свидетельство ясно подтверждает слова твои, но продолжи по порядку рассказ о жизни великого отца.

Григорий. Между тем как святой муж постоянно возрастал в добродетелях и чудесах в этой пустыне, многие собрались туда на служение всемогущему Богу, так что Венедикт при помощи всемогущего Господа Иисуса Христа построил там двенадцать монастырей⁴⁹, в которых определил настоятелей и поместил по двенадцати монахов, а при себе удержал немногих, которых за лучшее признавал образовывать в своем присутствии. Тогда стали сходиться к нему даже вельможи и благочестивые мужи Рима и отдавать ему своих детей для воспитания в страхе

Божием. Тогда ему поручили своих сыновей, подававших прекрасные на-дежды, Евтихий — Мавра и патриций Тертулл — Плацида, из коих более молодой Мавр сделался помощником своему наставнику, так как отличался доброю нравственностью, а Плацид, будучи еще отроком, предавался подвижническим трудам⁵⁰.

ГЛАВА 4

О монахе с рассеянным умом, возвращенном на путь спасения

В одном из монастырей, построенных Венедиктом около своего по всем направлениям, был некий монах, который не мог стоять на молитве; но как только братия начинали молитвенное упражнение, он выходил вон и с рассеянным умом занимался чем-нибудь земным и пустым. Часто увещевал его настоятель и, не видя успеха, привел, наконец, к человеку Божию, который также сильно укорял его за глупость. Но, возвратившись в монастырь, монах два только дня послушен был увещанию человека Божия, а на третий день опять обратился к прежнему обыкновению, начав блуждать во время молитвы. Когда настоятелем монастыря, назначенного Венедиктом, донесено было об этом рабу Божию, он сказал: «Я приду и сам исправлю его». Венедикт пришел в тот монастырь и в назначенный час, по пропетии псалма, братия предались молитве. Святой человек тотчас увидел, что монаха, который не мог стоять на молитве, какой-то черный мальчик тащил вон за край одежды. Тогда он тайно сказал настоятелю монас-

тыря, по имени Помпеян, и служителю Божию Мавру: «Неужели не видите, кто этого монаха тащит вон?» «Нет», — отвечали они. «Помолимся же, — сказал он, — чтобы и вы видели, за кем следует этот монах». После двухдневной молитвы монах Мавр увидел, а настоятель монастыря Помпеян не мог видеть. В следующий день, по окончании молитвы, человек Божий, выйдя из церкви, нашел того монаха, стоящего вне собрания, и ударил его розгою за слепоту его сердца. С того дня монах никакого искушения со стороны черного мальчика не испытывал, но стоял неподвижно в молитвенном упражнении. Таким образом, древний враг не смел властвовать над его помыслами и как бы сам поражен был розгою.

ГЛАВА 5

О воде, изведенной молитвою Венедикта из скалы на вершине горы

Из монастырей, построенных им в том месте, три находились на горных вершинах, и братии очень трудно было всякий раз сходить на озеро, чтобы почерпнуть себе воды, а особенно страшно и опасно было сходить с нависшей скалы. Поэтому все братия тех трех монастырей, пришедши к рабу Божию Венедикту, говорили: «Нам трудно каждый день сходить на озеро за водою, надобно перенести монастыри с этого места». Он отпустил их с утешением и в ту же ночь с мальчиком, по имени Плацид, о котором я выше упоминал, взошел на вершину горы и долго молился там. По совершении молитвы он означил то место тремя камнями, положенными на нем,

и возвратился в свой монастырь никем не замеченный. Когда же на другой день упомянутые братия снова пришли к нему говорить о воде, он сказал: «Идите и немного продолбите ту скалу, на которой найдете три камня, положенные один на другой; силен всемогущий Бог и из этой вершины горы извести воду, чтобы избавить вас от таких затруднительных путешествий». Они, пришедши на скалу горы, указанную Венедиктом, увидели, что она уже источала воду. Когда выдолбили в ней водоем, то он тотчас наполнился водою, которая вытекала в таком изобилии, что даже и ныне изливается в большом количестве и течет вниз с вершины горы.

ГЛАВА 6

О железе, из глубины водной возвращенном на рукоять

В другое время некоторый гот, нищий духом, пришел на жительство в монастырь и принят был Венедиктом с любовью. Однажды ему велено было дать железное орудие, называемое по сходству с косою косницей, чтобы вырубил волчцы на некотором месте, потому что там предполагалось развести сад. А место, которое должен был очистить гот, находилось на самом берегу озера. Когда гот ударил в один толстый волчец изо всей силы, железо, соскочивши с рукояти, упало в озеро, в котором была такая глубина, что не было никакой надежды достать железо. Итак, потерявши железо, гот с трепетом прибежал к монаху Мавру, рассказал ему о потере и приносил раскаяние в своей вине. Монах Мавр тотчас сказал

о том служителю Божию Венедикту. Муж Господень Венедикт, услышав о сем, отправился на озеро, взял из руки гота рукоять и бросил в озеро. Тут же железо всплыло из глубины и само собою наложилось на рукоять. Он тотчас отдал железное орудие готу, сказав: «Работай и не печалься».

ГЛАВА 7

О Мавре, ученике Венедикта, невредимо ходившем по водам

В один день, когда достоуважаемый Венедикт находился в келлии, вышеупомянутый отрок Плацид пошел почерпнуть воды из озера. Опустивши неосторожно сосуд в воду, он и сам упал вслед за ним. Едва он упал, как вода тотчас унесла его от берега на целый полет стрелы. Муж Божий, находившийся в своей келлии, сейчас узнал об этом, немедленно позвал Мавра и сказал: «Брат Мавр, беги; отрок, ушедший за водою, упал в озеро и волна далеко уже унесла его». Удивительное происшествие и небывалое со времен апостола Петра! Испросив и получив благословение, Мавр по приказанию своего настоятеля тотчас побежал и по воде добежал до самого того места, где был отрок, воображая, что идет по земле, схватил его за волосы и возвратился скорым бегом. Едва коснулся он земли, как пришел в себя, посмотрел назад и понял, что бежал по воде и что прежде не мог и мечтать о таком деле; поэтому пришел в изумление от случившегося. Возвратившись к настоятелю, он рассказал об этом происшествии. Достоуважаемый муж Венедикт стал приписывать случивше-

еся не своим заслугам, но его послушанию; а Мавр, напротив, приписывал его только повелению настоятеля и говорил, что не он виновник того подвига, который сделал без сознания. Во время сего достолюбезного спора, проникнутого взаимным смирением, пришел к примирению их отрок, вынутый из воды. Он сказал: «Когда меня вынимали из воды, я видел над своей головой милоть настоятеля и его самого, вынимающего меня из воды».

Петр. Дивные дела рассказываешь ты, для многих будут они назидательны; что касается до меня, то чем больше слушаю я о чудесах святого мужа, тем больше жажду слышать о них.

ГЛАВА 8

О том, как ворон унес хлеб, испеченный с ядом

Скоро уже места те наполнились людьми, пламенеющими любовью к Господу Богу нашему, Иисусу Христу; многие оставляли мирскую жизнь и преклоняли выи сердца⁵¹ своего под легкое бремя Спасителя. Но так как порочные обыкновенно ненавидят в других благо добродетели, которого сами не желают иметь, то пресвитер соседней церкви, по имени Флоренций, дед нашего иподиакона Флоренция⁵², возбужденный злобою древнего врага, стал подражать занятиям святого мужа, уничижать его поведение и тем удерживать, кого можно, от посещения его. Когда же увидел, что не может воспрепятствовать успехам Венедикта, что слава его монастыря растет и многие сею славою побуждаются переходить в со-

стояние лучшей жизни, то еще более воспламенился ненавистью и сделался злее, потому что желал получить похвалу, какую воздавали поведению святого мужа, но не хотел вести похвальной жизни. Ослепленный тьмою своей ненависти, он дошел до того, что послал рабу всемогущего Бога как бы для благословения хлеб, начиненный ядом. Человек Божий с благодарностью принял его, но яд, скрытый в хлебе, не укрылся от него. В часы обеда имел обыкновение прилетать к нему из соседнего леса ворон и получать из руки его хлеб. Когда ворон, по обыкновению прилетел, человек Божий положил пред ним хлеб, присланный пресвитером, и дал следующее приказание: «Во имя Иисуса Христа Господа нашего возьми этот хлеб и унеси в такое место, где бы никто из людей не мог найти его». Ворон, открывши клюв и распростерши крылья, стал летать над ним из стороны в сторону, каркал и как бы ясно говорил, что и хочет он повиноваться, и не может, однакож, исполнить приказание. Человек Божий еще и еще повелевал ему, говоря: «Возьми, не бойся, возьми и брось там, где бы нельзя было найти его». Помедливши, ворон схватил хлеб, поднял, улетел и бросил по приказанию; спустя три часа возвратился и получил обычную часть хлеба из рук человека Божия. А достоуважаемый отец, видя покушение пресвитера на жизнь его, жалел более его, нежели себя. Но вышепоименованный Флоренций, будучи не в состоянии убить тело учителя, решился погубить души учеников; для сего послал в сад монастыря, в котором находился Венедикт, семь обнаженных девиц, с тем чтобы они, взявшись за руки, играли пред глазами учеников и чрез то воспаменяли мысли их злою похотью. Венедикт видел их из своей келлии и боялся

падения еще молодых учеников своих; но, объясняя все это враждою против себя одного, уступил ненависти, привел в порядок устроенные им монастыри, поставил настоятелей над братьями, а сам с немногими монахами переменил место жительства. И едва человек Божий смиренно уклонился от ненависти пресвитера, всемогущий Бог страшно наказал последнего. Когда пресвитер, стоя в теплице (solarium), узнал, что Венедикт ушел из монастыря, и радовался своему успеху, эта теплица упала (между тем как все здание дома осталось неподвижно) и задавила до смерти врага Венедиктова. Ученик раба Божия по имени Мавр тотчас почел нужным известить об этом достоуважаемого Венедикта, который еще находился от того места только в десяти милях. «Возвратись, — говорил ему ученик, — потому что пресвитер, преследовавший тебя, погиб». Услышав это, человек Божий Венедикт горько заплакал как о том, что враг погиб, так и о том, что ученик радовался смерти врага. Он наложил покаяние на своего ученика за то, что тот так радовался гибели врага.

Петр. Удивительные дела ты рассказываешь. Изведение воды из камня напоминает мне Моисея (Чис. 20); всплывшее из глубины железо — Елисея (4 Цар. 6, 7); шествие по водам — Петра (Мф. 14, 29); послушание ворона — Илию (3 Цар. 17. 6); плач о смерти врага — Давида (2 Цар. 1, 11, 18, 38). Кажется, муж этот исполнен был духом всех праведников.

Григорий. Венедикт имел Духа Божия, который по благодати совершившегося искупления наполняет сердца всех избранных. О нем говорит Иоанн: *бе свет истинный, иже просвещает всякаго человека, грядущаго в мир* (Ин. 1, 9). О нем также написано: *от исполнения его мы вси прияхом* (ст. 16). Святые Божии человеки

могли получать от Бога силы, но не могли передавать их другим. А дал знамения силы верным ученикам Тот, Который обещал предать Самого Себя под знамением Ионы врагам (Мф. 12, 39), когда явил гордым смерть Свою, а смиренным — Свое воскресение, дабы и те видели, что презирали, и сии видели, что с благоговением любили. Посему гордые смотрят только на то, что есть презренного в смерти, а смиренные получили славу власти над смертью.

Петр. Расскажи же теперь, в каких местах жил после сего святой муж и какие чудеса совершал в них.

Григорий. Святой муж, переменяя места, не избегал врагов, потому что и после сего он перенес жестокую борьбу с самим изобретателем зла, открыто восставшим против него. Крепость, называемая Касино⁵³, построена была на высокой горе, и именно на одном просторном изгибе ее; но гора еще возвышалась над ней на три мили, как бы к звездам поднимая вершину свою. На самом верху было древнее святилище, в котором, по обычаю древних язычников, глупый народ поклонялся Аполлону. А около этого святилища демонов росли рощи, в которых еще в то время безумная толпа неверных приносила многочисленные богохульные жертвы. Пришедши туда, святой муж сокрушил идола, ниспроверг жертвенник, выжег рощи и самый храм Аполлона обратил в молитвенный храм⁵⁴ святому Мартину, а на месте жертвенника Аполлонова построил храм святому Иоанну и собирающуюся туда толпу призывал к вере постоянною проповедью⁵⁵. Но древний враг не мог спокойно перенести сего: он не тайно, не во сне, но открыто уже явился пред глазами сего отца и громким голосом оплакивал свою потерю, так что голос его слышали и братья, хотя не видели образа его. Этот

враг, как сказывал ученикам своим достоуважаемый отец, явился телесным очам его страшный и пылающий и бросился на него с разинутою пастью и огненными глазами. Все слышали, что говорил диавол. Прежде всего назвал святого мужа по имени; когда же он не ответил врагу, диавол тотчас стал изрыгать хулы на него. Ибо, крича: «Венедикт, Венедикт» и не слыша от него никакого ответа, тотчас закричал: «Проклятый, а не благословенный⁵⁶, что у тебя со мной общего?» Но теперь уже пора припомнить другие случаи борьбы древнего врага с рабом Божиим, которому он войну объявлял охотно, но неохотно уступал победу.

ГЛАВА 9

О большом камне, поднятом молитвою святого мужа

Однажды братия сего монастыря строили в нем жилища для себя; посредине его лежал камень, который они вздумали поднять для здания. Двое и трое не могли сдвинуть его; присоединились многие другие, но камень был столь неподвижен, как будто держался в земле корнями. Ясно стало, что на нем сидел сам древний враг, которого не могли сдвинуть руки стольких мужей. Встретивши это препятствие, попросили святого мужа прийти и молитвою прогнать врага, чтобы можно было поднять камень. Едва он пришел и, сотворивши молитву, дал благословение, камень поднят был с такою скоростью, как будто вовсе не имел тяжести.

ГЛАВА 10

О мнимом пожаре

Тогда угодно было святому мужу, чтобы на том месте, где лежал камень, копали землю. Братия выкопали довольно глубокую яму и нашли там медного идола. Как только бросили его в пекарню, тотчас показался огонь и в глазах всех монахов будто загорелось все здание. Когда бросились все лить воду и тушить мнимый пожар, на этот шум пришел святой муж. Не видя огня, который представлялся глазам братий, он тотчас стал молиться и повелел братиям, обманутым мнимым огнем, перекрестить свои глаза, чтобы и здание пекарни увидели они невредимым и не видели пламени, которое измыслил древний враг.

ГЛАВА 11

О послушнике, задавленном при падении стены и возвращенном к жизни молитвою святого Венедикта

Еще однажды братия возвышали стены монастыря, на сколько нужно было, а святой муж в то время упражнялся в молитве внутри своей келлии. К нему явился злокозненный древний враг и внушал ему идти к работающим братиям. Человек Божий тотчас объявил об этом братиям чрез вестника, говоря: «Братия, осторожнее работайте, потому что к вам сейчас придет злой дух». Едва посланный успел выговорить это приказание, как злой дух опрокинул ту часть стены, которая воздвигалась, и раздавил ею одного мона-

шеского послушника, сына некоего куриала⁵⁷. Все опечалились и сильно были поражены не падением стены, но смертью брата, и тотчас с горьким плачем поспешили возвестить о случившемся достопочтенному отцу Венедикту. Тогда Венедикт приказал принести к себе разбитого отрока. Его не иначе могли донести, как завернувши в верхнюю одежду, потому что камни падшей стены сокрушили не только его члены, но даже кости. Святой муж тотчас повелел положить его в своей келлии на рогожу, на которой сам обыкновенно молился, выслал братьий вон, запер дверь и стал молиться еще усильнее, чем обыкновенно. Чудное дело! В тот же час он послал послушника, невредимого и здорового по-прежнему, на ту самую работу, т. е. доканчивать вместе с братьями стену. Так посрамлен был древний враг, думавший насмеяться над Венедиктом погублением отрока.

ГЛАВА 12

О монахах, принимавших пищу вне келлий

Между другими дарами Божиими святой муж получил также дух пророчества и стал предсказывать будущее и рассказывать присутствующим о том, что происходило вдали. Между тем в монастыре было правило, чтобы братия, выходящие за каким-нибудь делом, отнюдь не принимали вне келлии ни пищи, ни питья, и это правило строго было соблюдается. Но однажды братия, вышедши из монастыря на послушание, принуждены были слишком замедлить на нем; они узнали, что находятся недалеко от одной благочестивой женщины, вошли в ее жилище и приняли

пищу. Поздно уже возвратившись в монастырь, они просили по обыкновению благословения отца. Он тотчас стал испытывать их, спрашивая: «Где вы ели?» Они отвечали: «Нигде». На это отец сказал им: «Зачем так лжете? Разве вы не входили в жилище такой-то женщины? Разве не принимали такой и такой пищи? Не выпили столько-то чаш?» Когда таким образом достоуважаемый отец рассказал им о гостеприимстве женщины, и о родах пищи, и о числе чаш питья, они сознались во всем, что делали, с трепетом пали к его ногам и исповедали свой грех. Он тотчас простил им вину и сделал наставление, чтобы и в отсутствие его делали то же, что в присутствии, зная, что он всегда находится с ними духом.

ГЛАВА 13

**О брате монаха Валентиниана,
о котором святой муж узнал,
что он вкушал пищу на пути**

Брат того монаха Валентиниана, о котором я ранее упоминал, был человек мирской, но набожный. Он имел обыкновение каждый год ходить из своего места жительства в монастырь Венедикта, чтобы послушать речей раба Божия и увидеться с родным братом своим, и никогда не принимал на пути пищи. Однажды, когда шел он в монастырь, присоединился к нему другой путешественник, который нес с собой пищу для вкушения на пути. В поздний уже час последний сказал: «Давай, брат, вкусим пищи, чтобы не ослабеть нам на пути». Тот отвечал ему: «Нет, брат, не стану, потому что имею обыкновение при-

ходить к достоуважаемому отцу Венедикту, ни разу не вкушая пищи на пути». Получив такой ответ, спутник замолчал на время; но потом, прошедши еще некоторое пространство, опять стал убеждать вкусить пищи. Не хотел согласиться тот, который решил идти всю дорогу в посте; спутник опять замолчал и решил-ся несколько времени продолжать с ним путь в посте. Когда пошли еще далее и длинное путешествие утомило их, нашли на пути луг, источник и все, что могло подкрепить ослабевшее тело. Тогда спутник сказал: «Вот вода, луг, вот приятное место, на котором можем отдохнуть и несколько успокоиться, чтобы быть в состоянии продолжать нам путь». И слова, таким образом, ласкали слух, и место нравилось глазам; брат Валентиниана согласился на третье уже убеждение спутника и вкусил пищу; потом вечером достиг монастыря. Представившись достоуважаемому Венедикту, он просил у него наставления; но святой муж тотчас укорил его за то, что тот сделал на пути, говоря: «Как это, брат, злой враг, беседовавший с тобой чрез твоего спутника, не мог тебя убедить ни в первый, ни во второй, но убедил в третий раз и таким образом победил тебя, как ему хотелось?» Тогда пришелец увидел слабость своей воли и, бросившись к ногам святого, тем более стал оплакивать свою вину и стыдиться ее, что и в отсутствии грешил на глазах Венедикта.

Петр. Я вижу, что в святом муже был дух ведения Елисея (4 Цар. 5, 26), который узнал, что сделал в отсутствие его ученик, так, как если бы сам находился при этом деле.

ГЛАВА 14

О лицемерии царя Тотилы, которое святой обличил

Григорий. Помолчи, Петр, узнаешь еще более. Во времена готов царь их Тотила⁵⁸, услышав, что святой муж имеет в себе дар пророчества, отправился в его монастырь, остановился невдалеке от него и послал сказать, что идет к святому. Святой послал сказать ему, чтобы шел, а сам встал для встречи его. Между тем царь, по недоверчивости, дерзнул следующим образом испытать, действительно ли человек Божий имеет дар пророчества. Одному из своих меченосцев, по имени Ригго, царь отдал свои сандалии, одел его в царские одежды и повелел идти к человеку Божию под видом царя. Трех из своей свиты послал спутниками ему, именно Вульта, Рудерика и Блиндина, чтобы они шли по сторонам Ригго, который пред очами раба Божия должен был представлять царя Тотилу; кроме того, дал ему и других прислужников и меченосцев, чтобы как по этим прислужникам, так и по пурпурным одеждам⁵⁹ он казался настоящим царем. Когда Ригго, украшенный одеждами и сопровождаемый множеством прислужников, вошел в монастырь, святой муж тотчас сел и, дав шествующему подойти на такое расстояние, чтобы тот мог слышать, воскликнул: «Отложи, сын мой, отложи, что несешь: это не твое». Ригго тотчас пал на землю и ужаснулся, что дерзнул обманывать такого человека; и все, пришедшие с ним к человеку Божию, лежали простершись на земле. Вставши же, не дерзнули приблизиться к нему, но возвратились к своему царю и, трепеща от страха, рассказали, как скоро были обличены в обмане.

ГЛАВА 15

О предсказании, изреченном тому же царю Тотиле* и епископу города Канузины

Тогда Тотила сам уже пошел к святому мужу и, издали еще узнавши его сидящего, не смел подойти и повергся на землю. Человек Божий два, три раза говорил ему: «Встань»; но он не смел подняться пред ним с земли. Тогда Венедикт, раб Господа Иисуса Христа, сам подошел к простертому царю, поднял его с земли, укорив его за худые дела, и в немногих словах предсказал всю его будущность: «Много зла делаешь, — говорил ему, — много зла сделал, хотя и раскаешься некогда в нечестии. Правда, ты войдешь в Рим, переплывешь море, девять лет будешь царствовать, но на десятом умрешь». От этих слов царь пришел в сильный страх и, испросивши молитв за себя, ушел, и с этого самого времени был уже менее жесток. Немного спустя он сделал нападение на Рим, потом направился в Сицилию; а на десятом году своего царствования, по воле всемогущего Бога, потерял царство вместе с жизнью⁶¹.

К сему рабу Божию имел также обыкновение ходить предстоятель Канузинской* церкви⁶², которого Венедикт очень любил за его жизнь. В беседе с Венедиктом о нашествии царя Тотилы и разорении Рима предстоятель сказал: «Царь этот так разорит город, что в нем никто не будет уже жить». Святой муж отвечал ему: «Рим не будет истреблен язычниками; но, претерпевши жестокие бури, напасти и землетрясе-

* Канузий, по народному названию Каноза, — город в Апулии в трех милях от Канн. Этот Канузинский епископ называется Сабинским или Савинским в деяниях Плацида.

ния, сам собою увянет». Тайны этого пророчества уже для нас сделались яснее света: мы видим в этом городе разрушенные стены, опрокинутые дома, ниспроверженные церкви⁶³, видим, как чаще и чаще самые старинные здания падают в развалинах. Хотя ученик Венедикта, Гонорат, от которого я слышал об этом, уверяет, что слышал не из уст его самого; впрочем, это свидетельствует, что об этом рассказывали ему братия.

ГЛАВА 16

О клирике, на время исцеленном от демона

В то же время одним клириком аквинской* церкви овладел демон. Достоуважаемый муж Констанций⁶⁴, предстоятель этой церкви, посылал его для исцеления во многие места мучеников**. Но святые мученики Божии не хотели даровать ему исцеления для того, чтобы показать, какова благодать была в Венедикте. Посему клирик приведен был к рабу всемогущего Бога Венедикту, который молитвою к Господу Иисусу Христу тотчас изгнал древнего врага из обладаемого им человека. Исцеленному он дал заповедь, говоря: «Иди и после сего не вкушай мяса и никогда не принимай священного сана, потому что в тот же день, в который безрассудно дерзнешь принять на себя священный сан, снова подпадешь под власть диавола». Клирик вышел здоровым, и так как новое нака-

* Аквинум — город с епископскою кафедрою, почти в пяти милях от Кассино.

** Т. е. на гробницы мучеников или в св. храмы, построенные на местах их мучения.

знание обыкновенно устрашает душу, некоторое время соблюдал завещание мужа Божия. Когда же спустя много лет все старшие его удалились из сего мира, то он рассудил превзойти в священных степенях младших себя, как будто забыл по причине продолжительного времени слова человека Божия, и вступил в священное сословие. Дьявол, прежде оставивший его, тотчас овладел им снова и не переставал мучить до тех пор, пока он не испустил дух.

Петр. Сей святой муж, кажется, проникал в тайны самого Божества, потому что предвидел, что этот клирик предан будет дьяволу, если дерзнет вступить в священное сословие.

Григорий. Как же не знать тайны Божества тому, кто сохранил заповеди Божии, когда написано: *прилепляйся Господеву, един дух есть с Господом* (1 Кор. 6, 17)?

Петр. Если един дух бывает с Господом прилепляющийся к Господу, то почему тот же славный проповедник говорит в другом месте: *кто разуме ум Господень, или кто советник Ему быст?* (Рим. 11, 34.) Несообразным представляется сделаться единым с кем-нибудь и не разуместь его ума.

Григорий. Святые мужи, поскольку едино суть с Богом, не неразумевают ума Господня. Ибо тот же самый апостол говорит: *кто бо весть от человек, яже в человеце, точию дух человека живущий в нем? Такожде и Божия никтоже весть, точию Дух Божий* (1 Кор. 2, 11). И чтобы показать, что он знает Божия, присокупил: *мы же не духа мира сего прияхом, но Духа иже от Бога* (ст. 12). Посему еще говорит: *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его; нам же Бог открыл есть Духом Своим* (1 Кор. 2, 9).

Петр. Итак, если сему апостолу Дух Божий открыл яже суть Божия, то каким образом он выше приведенных мною слов говорит: *о глубина богатства и премудрости и разума Божия! Яко неиспытани судове Его и неисследовани путие Его!* (Рим. 11, 33.) И опять при этих словах рождается у меня новый вопрос. Пророк Давид говорит ко Господу: *устама моима возвестих вся судьбы уст Твоих* (Пс. 118, 13). Если бы менее трудным делом было знать, нежели провозвещать, то почему святой Павел утверждает, *яко неиспытани судове Божии*, а Давид свидетельствует, что он не только все судьбы Божии знал, но и возвестил устами своими?

Григорий. На то и другое я выше уже ответил тебе кратко, сказав, что святые мужи, поскольку едино суть с Господом, не неразумевают ума Господня. Ибо все последующие Господу путем благочестия на этом пути и соединяются с Ним; но как обремененные еще тяжестью плоти, не могут быть постоянно с Богом. Посему, насколько они соединяются с Ним, знают сокровенные суды Божии; а насколько разъединяются, не знают. Так как они не совершенно еще проникают в тайны Его, то свидетельствуют, что *неисследовани судове Его*; поелику же прилепляются к Нему умом и в этом единении чрез священные глаголы Писания или тайные откровения проразумевают, то и познают суды Божии и возвещают. Итак, они не знают судеб, о которых умалчивает Сам Бог, а возвещенные Богом знают. Посему и Давид пророк, когда сказал: *устама моима возвестих вся судьбы*, тотчас присовокупил: *уст Твоих*, — как бы так говорил: те судьбы я возмог узнать и возвещать, о которых познал из уст Твоих. Ибо то, о чем сам не глаголешь, без сомнения, скрываешь от нашего разума. По-

сему и пророк и Апостол согласны в мыслях, и непостижимы суды Божии. Однако ж те, о которых будет изречено устами Его, возвещаются устами человеческими; ибо могут быть познаны людьми судьбы, открытые Богом, а сокровенные не могут.

Петр. Таким образом, в словах моего возражения заключался уже и способ решения его. Но расскажи, пожалуйста, если еще что-нибудь известно о чудесах сего мужа.

ГЛАВА 17

Пророчество о разрушении монастыря, произнесенное самим святым мужем

Один именитый муж, по имени Феопроб, живший под руководством Венедикта, за свою добрую жизнь пользовался у него великою доверенностью. Взошедши однажды в келлию Венедикта, Феопроб нашел его в горьких слезах. Долго стоял он и, видя, что святой муж не перестает проливать слезы, и притом не такие, какие обыкновенно проливал в молитве, но болезненные, спросил, что за причина такого тяжкого плача. Человек Божий немедленно отвечал ему: «Весь этот монастырь, построенный мною, и все приготовленное для братий, по определению всемогущего Бога, будет предано язычникам. Едва я мог умолить, чтобы дарованы были мне души живущих здесь братий». Предсказание это слышал тогда только Феопроб; но мы видим исполнение его, потому что знаем, как монастырь разрушен был лангобардами⁶⁵. В ночное время, когда братия спали, лангобарды вошли в монастырь; расхищая все, они не могли взять

из него ни одного человека: исполнил всемогущий Бог, что обещал верному рабу своему Венедикту, т. е. предал имущество язычникам, а души сохранил. В этом случае со святым Венедиктом, как я вижу, совершилось то же, что с апостолом Павлом (Деян. 27), который во время бури на море получил в свое утешение жизнь всех своих спутников, хотя корабль со всем имуществом претерпел крушение.

ГЛАВА 18

О сокрытом сосуде, о котором святой муж узнал духом

Однажды наш Ексиларат, об обращении которого ты сам знаешь, послан был своим настоятелем принести в монастырь два глиняных, наполненных вином сосуда, которые в народе зовутся флаконами (flascones). Он принес один, а другой скрыл на дороге. Но святой муж, от которого и сделанное в отсутствие его не могло укрыться, принял принесенный сосуд с благодарностью и увещевал уходящего отрока такими словами: «Смотри, сын мой, не пей из того сосуда, который скрыл, но наклони его осторожно и увидишь, что есть в нем». Он вышел от человека Божия в сильном смущении и, желая еще испытать, что слышал, пошел, наклонил сосуд, из которого тотчас выползла змея. Тогда упомянутый отрок Ексиларат, вразумленный тем, что нашел в вине, ужаснулся проступка, который сделал.

ГЛАВА 19

О сокрытии салфеток, узнанном святым Венедиктом

Недалеко от монастыря было село, в котором очень много жителей обращено было от идолослужения к вере в Бога увещанием святого Венедикта. Там же жили некоторые святые жены, и часто раб Божий Венедикт старался посылать туда своих братьев для назидания душ. Однажды послал, по обыкновению; но посланный монах, произнесши наставление, по просьбе монахинь принял от них салфетки и сокрыл их у себя в пазухе. Едва только возвратился он, как раб Божий с сильным огорчением стал укорять его, говоря: «Как вошло нечестие в твое лоно»? Но тот как будто отупел, забыл, что сделал, и не знал, за что укоряли его. Венедикт сказал ему: «Неужели я не присутствовал там, когда ты брал от рабынь Божиих салфетки и положил их себе в пазуху?» Виновный тотчас пал к стопам его, раскаялся в своем грехе и бросил салфетки, которые сокрыл было в пазухе.

ГЛАВА 20

О гордом помышлении монаха, которое узнал святой муж

В один день, когда достоуважаемый отец в вечерний уже час вкушал телесную пищу, пред ним за столом держал светильник его монах, сын одного дефенсора. Когда святой муж ел, а тот стоял пред ним с светильником для услужения, то по наущению духа

злости монах начал молча размышлять и мысленно говорить про себя: «Кто он такой, что я стою пред ним, когда он ест, держу светильник, обслуживаю? Кто я, чтобы служить ему?» Человек Божий, тотчас обратившись к нему, начал сильно укорять его, говоря: «Перекрести свое сердце, брат. Что это ты говоришь? Перекрести свое сердце». И, созвавши тотчас братию, приказал взять из рук его светильник, а самому ему повелел удалиться от служения и сидеть в своей келлии спокойно в тот час. На вопрос братий, что он имел в сердце, он по порядку рассказал, какой дух гордости овладел им и какие слова мысленно про себя говорил он против святого мужа. Тогда ясно для всех стало, что от достоуважаемого Венедикта ничто не могло укрыться и что в его ушах звучали даже слова тайных помышлений.

ГЛАВА 21

**О двух стах мерах муки, найденных
во время голода у келлии святого мужа**

В другое время в той части Кампании свирепствовал голод⁶⁶, и все чувствовали великий недостаток в жизненных припасах. Даже в монастыре Венедикта не было пшеницы: а хлебы все почти были съедены, так что ко времени трапезы не более пяти хлебов могли найти для братии. Когда достоуважаемый отец увидел их печальными, то старался исправить их малодушие кротким обличением и воодушевить их обещанием, говоря: «Что ваш дух смущается о недостатке хлеба? Хотя сегодня мало, зато завтра будете иметь в изобилии». В следующий же

день у дверей келлии его найдено было 200 модиев⁶⁷ муки в мешках; доселе остается неизвестным, чрез каких жертвователей послал их всемогущий Бог. Когда узнали о сем братия, то, принося благодарность Господу, научились не сомневаться о изобилии даже при недостатках.

Петр. Скажи, пожалуйста, всегда ли дух прозрения присутствовал в сем рабе Божиим? Или по временам только ум его исполнялся духом прозорливости?

Григорий. Дух прозрения, Петр, не всегда освещает умы пророков, потому что, как написано о Духе Святом: *идеже хочет, дышет* (Ин. 3, 8), так должно знать, что Он дышит — когда и почему хочет. Так Нафан (2 Цар. 7, 3), вопрошенный царем Давидом, может ли он построить храм, сначала отвечал утвердительно, а потом отрицательно. Так Елисей, когда увидел плачущую женщину и не знал причины плача, сказал отроку, который запрещал ей плакать: *остави ю, яко душа ея, болезненна в ней, и Господь укры от мене, и не возвести мне* (4 Цар. 4, 27). В этом случае всемогущий Бог действует по великому Своему милосердию: иногда даруя духа пророческого, иногда отнимая, Он и возносит чрез это ум пророков на высоту и сохраняет в смирении, чтобы и приемлющие духа видели, чем они делаются от Бога, и не имеющие духа пророческого сознавали, что они такое при одних своих силах.

Петр. Что это так, как ты утверждаешь, совершенно уверен. Но прошу тебя, Расскажи еще, если припомнишь, что-нибудь о достоуважаемом Венедикте.

ГЛАВА 22

Об устройении монастыря Террацинского, как указано было в видении святым Венедиктом

Григорий. В другой раз благочестивый муж просил святого Венедикта послать своих учеников для устройства монастыря в его поместье близ города Террацины⁶⁸. Венедикт согласился на его просьбу, отправил некоторых из братии, поставил над ними настоятеля и распорядился, кто должен быть вторым по нем. Отправляя их, он дал торжественное обещание в таких словах: «Идите; я приду в такой-то день и покажу вам, на каком месте должно построить церковь, на каком трапезу для братии, на каком гостиницу для приема посетителей, и вообще все нужное». Приняли они благословение, отправились на место, стали с нетерпением ожидать назначенного дня и приготовили все, нужное для устройства монастыря. В ночь пред назначенным днем тому рабу Божию, которого он поставил там настоятелем, и его наместнику святой муж явился во сне и с точностью обозначил все места, на которых что должно было построить. Встав ото сна, они рассказали друг другу, что видели. Не совсем, однако ж, поверили сему сновидению и стали ожидать человека Божия, так как он обещал прийти. И когда в назначенный день святой муж не пришел, они со скорбью обратились к нему и сказали: «Ждали, отче, что ты придешь по обещанию и покажешь нам, где что устроить, но ты не пришел». Он отвечал им: «Зачем, братия, зачем вы это говорите? Разве я не приходил, как обещал?» На вопрос их: «Когда приходил?» — он отвечал: «Разве я не явился обоим вам во сне и не указал всех мест?

Идите и, как слышали в видении, устройте все монастырские здания». С большим удивлением они выслушали эти слова, возвратились в упомянутое поместье и все здания монастырские устроили так, как показано было во сне.

Петр. Желал бы я вразуметь, как могло случиться, что святой, будучи вдали, давал спящим приказание, которое они видели во сне и понимали?

Григорий. Зачем ты сомневаешься, Петр, испытывая образ совершения сего дела? Совершенно понятно, что дух имеет более подвижную природу, нежели тело. Мы несомненно знаем, по свидетельству Писания, что пророк, восхищенный из Иудеи (Дан. 14, 33), внезапно поставлен был с пищею в Халдее, которою насытил пророка (Даниила), и потом опять внезапно увидел себя в Иудее. Итак, если Аввакум мог телесно так далеко спутешествовать в одно мгновение и отнести пищу, что удивительного, если Венедикт дошел до того места, куда стремился духом, и душам спящих братьев сказал нужное? Как тот достиг телесно для насыщения тела, так этот духовно для устройства духовной жизни.

Петр. Речь твоя, признаюсь, сняла с меня покров сомнения; но я желал бы знать, каков был этот муж в обыкновенной беседе?

ГЛАВА 23

О монахинях, после их смерти возвращенных в общение с Церковью молитвами Венедикта, при Евхаристии

Григорий. Едва ли, Петр, самая обыкновенная речь его лишена была духовной силы: чье сердце возносилось на высоту, из уст того и слова никогда не выходили напрасно. Если что когда-нибудь он произносил нерешительно, только в виде угрозы, и тогда речь его имела такую силу, как будто он произнес ее решительно, в виде окончательного приговора. Так, например, недалеко от его монастыря две благочестивые жены, происходившие от знатного рода, спасались в собственном доме⁶⁹; для поддержания внешней их жизни оказывал им услуги один благочестивый муж. Но как в некоторых высокость рода иногда производит унижение духа, и они только потому и считают себя великими в этом мире, что помнят свое высшее пред прочими происхождение, так и вышеупомянутые монахини не совершенно еще обуздали язык свой под внешним покровом благочестия, и того благочестивого мужа, который доставлял им средства жизни, часто вызывали на гнев неосторожными речами. Долго он сносил такие речи, но потом пошел к человеку Божию и рассказал, какие обиды на словах терпел от монахинь. Святой муж, услышав о них это, тотчас дал им такую заповедь: «Обуздайте язык ваш; если не исправитесь, отлучу вас от Церкви». Эту мысль об отлучении он, очевидно, произнес, не желая исполнить, но как бы обещая сделать это. Жены же, нисколько не исправивши своего недостатка, чрез несколько дней умерли и погребены

были в церкви. Когда в той церкви совершалось торжество мессы и диакон, по обычаю, возглашал: «Лишенные общения, изыдите», кормилица тех жен, которая имела обыкновение подавать приношение за них Господу, видела, как они вставали из своих гробов и выходили из церкви. Чаще и чаще видя, как, по возглашении диакона, они выходили вон и не могли оставаться в церкви, кормилица вспомнила, что заповедал им, еще живым, человек Божий. Монахини, решила она, лишены общения с Церковью за то, что не исправили своих нравов и языка. Тогда с тяжкою скорбью она рассказала о сем рабу Божию. Святой Венедикт тотчас дал ей просфору из своих рук, сказав: «Иди, принеси за них Господу эту просфору, и они не будут более в отлучении». Когда сделано было за них сие приношение и диакон провозгласил по обыкновению, чтобы отлученные вышли из церкви, уже не видно было, чтобы и монахини выходили из церкви. Из этого ясно видно, что лишенные общения не могли выйти из числа отлученных, пока не удостоились от Господа общения с Церковью чрез раба Божия.

Петр. Весьма удивительно, каким образом уважаемый и святейший муж, живший еще в этой тленной плоти, мог разрешить души, подлежавшие уже иному, невидимому суду.

Григорий. Неужели, Петр, не в этой плоти был слышавший обетование: *еже аще свяжеша на земли, будет связано на небесех; и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех?* (Мф. 16, 19.) Относительно связывания и разрешения преемствуют ему те, которые по вере и нравственности получают священную власть. Но чтобы перстный человек мог совершать такие дела, для этого Творец неба и земли схо-

дил с неба на землю, и чтобы плоть могла судить даже духов, такой благодати удостоил ее Бог, сделавшись ради людей плотью: потому что немощь наша стала выше себя, когда облеклось в нее могущество Божие.

Петр. Истина слов оправдывается силою знамений.

ГЛАВА 24

О монахе отроке, изверженном землею после погребения его

Григорий. Однажды монах отрок, любивший своих родителей более надлежащего, отправился в их дом, но вышел из монастыря без благословения и в тот же день, как только пришел к ним, умер. Он был погребен, но на другой день тело его оказалось извергнутым из земли; поспешили снова предать его погребению, но в следующий день опять, как и прежде, нашли его извергнутым. Тогда немедленно обратились к святому Венедикту и с горькими слезами молили, чтобы он даровал отроку благодать прощения. Святой муж тотчас дал им из своих рук частицу Тела Господня, сказав: «Идите и сие Тело Господне положите на грудь отрока с благоговением и таким образом предайте его погребению». Когда исполнено было повеление, земля удержала погребенное тело и более не извергала. Примечай, Петр, какой благодати удостоен был муж сей самым Господом Иисусом Христом: даже земля извергла тело того, кто не получил прощения от Венедикта.

Петр. Ясно вижу и чрезвычайно изумляюсь.

ГЛАВА 25

О монахе, который, выходя из монастыря, встретил на пути дракона

Григорий. Некоторый монах предался рассеянности ума и не хотел жить в монастыре. Святой муж тщательно вразумлял его и часто увещевал; но он никак не соглашался остаться в числе братства и так докучал неблагоприятными просьбами отпустить его, что в один день достоуважаемый отец, утомленный чрезмерною его докукою, разгневался и повелел ему выйти из монастыря. Едва вышел монах из монастыря, как встретил на пути прямо против себя дракона с отверстою пастью. Когда дракон хотел пожрать его, то он, трепеща от страха, начал кричать громким голосом: «Спешите, помогите, дракон хочет съесть меня». Прибежавшие братия не видели дракона, но трепещущего монаха привели обратно в монастырь. Он тотчас дал обещание никогда не выходить из монастыря и твердо сохранил свое обещание. Таким образом, по молитвам святого мужа он увидел сидящего против него дракона, за которым прежде следовал, не видя его.

ГЛАВА 26

Об отроке, исцеленном от проказы

Не должно, думаю, умолчать и о том, что я слышал от знаменитого мужа Антония, который рассказывал, что у отца его отрок был так поражен слоновьей болезнью, что волосы все вылезли, а кожа взду-

лась и не могла более покрывать накопляющийся гной. Отец послал его к святому Венедикту, и отрок немедленно получил исцеление.

ГЛАВА 27

О золотых монетах, чудесно найденных должником

Не умолчу и о том, что обыкновенно рассказывал ученик Венедикта, по имени Перегрин⁷⁰. Однажды честный человек, страдавший от долгов, придумал для себя одно средство к спасению — идти к святому мужу и рассказать, как тяготили его долги. Пришел он в монастырь, нашел раба всемогущего Бога и объявил, как строго требует с него заимодавец двенадцать золотых монет. Достоуважаемый отец отвечал ему, что не имеет у себя столько золотых, однако утешил бедняка приветливым словом и сказал: «Приди чрез два дня, потому что теперь нечего дать тебе». В эти два дня святой муж, по обыкновению своему, занимался молитвою. Когда на третий день страдавший от долгов возвратился, то около монастырской клетки, наполненной хлебом, тотчас найдены были тринадцать золотых монет. Святой муж велел принести их и отдать угнетенному должнику, сказав, чтобы он двенадцать отдал заимодавцу, а одну употребил на свои расходы.

Но возвратимся к тому, что я узнал от учеников святого Венедикта, поименованных в начале сей книги. Один человек страдал от жестокой ненависти своего врага, простиравшейся даже до того, что последний тайно подмешал ему яду в питье. Хотя яд не мог лишить его жизни, все же изменил цвет кожи, так что

разноцветность, разлившаяся по телу его, похожа была на проказу. Но, приведенный к человеку Божию, он тотчас получил прежнее здоровье: едва Венедикт прикоснулся к нему, как с кожи его исчезла вся разноцветность и она приняла прежний вид.

ГЛАВА 28

О стеклянном сосуде, брошенном на камни и не разбившемся

В то самое время, когда по всей Кампании свирепствовал жестокий голод, святой муж раздавал бедным все из своего монастыря, так что в кладовой не оставалось почти ничего, кроме небольшого количества масла, хранившегося в стеклянном сосуде. Тогда один иподиакон⁷¹, по имени Агапит, приступил с настойчивою просьбою, чтобы дали ему несколько масла. Святой муж, решивший раздать все на земле, чтобы сохранить все на небе, повелел дать просителю то небольшое количество масла, которое оставалось. Монах, надзиравший за кладовой, хотя слышал приказание, но не исполнил его. Когда же спустя немного времени спросили его, исполнил ли он приказание, монах отвечал, что не дал масла, потому что если бы отдал его просителю, ничего бы не осталось для братии. Тогда разгневанный святой Венедикт приказал другим выбросить за окно тот стеклянный сосуд, в котором было немного масла, дабы в монастыре ничего не оставалось по причине непослушания. Так и сделано было. А под этим окном находился большой утес, усеянный горами острых камней. Таким образом, брошенный стеклянный

сосуд упал на камни, но он остался совершенно невредим, как будто его вовсе не бросали, так что и сам он не разбился и масло не пролилось. Святой муж приказал поднять сосуд, и так как он был невредим, отдал просителю. Тогда, собравши братию, обличил пред всеми непослушного монаха в недоверчивости и гордости.

ГЛАВА 29

О пустой бочке, наполненной маслом

Сделавши такое обличение, святой Венедикт со всеми братьями стал молиться. А в том месте, где молился он с братьями, была пустая, закрытая бочка из-под масла. Когда же святой муж продолжал молиться, крышка у бочки начала приподниматься оттого, что в ней оказалось масло и стало внезапно прибывать. Сдвинули и сняли крышку, но прибывающее масло стало литься чрез края бочки и полилось на пол, на котором стояла она. Как только увидел это раб Божий Венедикт, тотчас прекратил молитву, и масло перестало литься на пол. Тогда неверующему и непослушному брату он дал новое увещание, чтобы научился иметь веру и смирение. А брат, спасительно вразумленный, устыдился, потому что достоуважаемый отец чудесами доказывал силу всемогущего Бога, о которой говорил в своих наставлениях. С тех пор уже никто не мог сомневаться в обещаниях того, кто в одну минуту мог доставить вместо стеклянного сосуда, почти пустого, полную бочку масла.

ГЛАВА 30

О монахе, избавленном от демона

В один день, когда святой муж шел во храм блаженного Иоанна, построенный на самой вершине горы, на пути встретился с ним древний враг в образе лошадиного коновала, который нес рог и треножник*. Когда святой муж спросил его: «Куда идешь?» — он отвечал: «Иду к братьям дать им питья». Засим отправился достоуважаемый отец Венедикт на молитву, по окончании которой тотчас возвратился. А злой дух увидел одного старого монаха, черпающего воду, тотчас вошел в него, поверг на землю и стал страшно мучить. Когда святой муж, возвращаясь с молитвы, увидел, как жестоко мучит его злой дух, дал только легкий удар монаху и тотчас изгнал из него злого духа, так что он более не смел возвращаться к монаху.

Петр. Желал бы я знать, всегда ли Венедикт совершал такие чудеса силою молитвы, или иногда одним мановением воли?

Григорий. Те, которые доброю волею прилепляются к Богу, когда требует нужда, могут совершать чудеса тем и другим способом, так что иногда совершают их молитвою, иногда своею властью. Так, святой Иоанн говорит: *елицы прияше его, даде им область чадам Божиим быти* (Ин. 1, 12). Если есть такие, которые имеют власть быть чадами Божиими, то удивительно ли, что такие могут своею властью и чудеса совершать? Что тем и другим способом они совершают чудеса, доказывает пример апостола Петра

* Tripedica: орудие, посредством которого связывают, треножат лошадь.

(Деян. 9, 40), который умершую Тавифу воскресил молитвою, а лжецов Ананию и Сапфиру (Деян. 5, 1–10) предал смерти обличением. Не сказано, что он молился об умерщвлении их, а только обличил сделанный ими проступок. Итак, ясно, что святые иногда совершают чудеса властью, иногда молитвою, как и Петр Ананию и Сапфиру лишил жизни обличением, а Тавифе возвратил ее молитвою. Теперь припоминаю я два чуда, совершенные верным рабом Божиим Венедиктом, из коих одно совершено свыше полученною властью, а другое молитвою.

ГЛАВА 31

О связанном поселянине, который разрешен был одним взглядом святого мужа

Один гот, по имени Цалла, державшийся арианской ереси⁷², во времена царя их Тотилы пылал самою свирепою ненавистью против духовных мужей Православной Церкви, так что кто из клириков или монахов попадал ему на глаза, никогда не уходил живой из его рук. В один день, побуждаемый корыстолюбием и увлекаемый грабительством, гот стал мучить жестокими пытками одного поселянина и подвергал разным истязаниям. Поселянин, побежденный мучениями, сказал, что отдал свое имение рабу Божию Венедикту, для того сказал, чтобы выиграть время для спасения жизни, если мучитель поверит. Тогда Цалла перестал мучить поселянина пытками, но, связавши ему руки крепкими ремнями, погнал впереди своего коня, чтобы поселянин показал, кто этот Венедикт, взявший у него имение. Поселянин при-

вел гота, сам идя впереди со связанными руками, в монастырь святого мужа и нашел Венедикта пред входом в монастырь сидящего и занимающегося чтением. Обратясь к следующему за ним свирепому Цалле, поселянин сказал: «Вот тот Венедикт, о котором я сказал тебе». Цалла в безумии развращенного ума бросил на святого свирепый взгляд, думая тем утешить его, как других, и начал кричать громким голосом: «Встань, встань, отдай вещи этого поселянина, которые ты взял». На голос его святой муж тотчас отвел глаза от чтения и, осматривая его, едва заметил поселянина, который стоял тут связанный; но когда навел очи на его связанные руки, тотчас ремни, связывавшие руки, начали развязываться чудным образом с такою скоростью, что никакая человеческая расторопность не могла развязать их так скоро. Когда же поселянин, прежде связанный, в одно мгновение стал развязанным, Цалла, дрожа от могущества такой власти, пал на землю и, преклоняя свою жестокую выю к стопам святого, предал себя его молитвам. А святой муж, позвавши братию, повелел ввести его внутрь, чтобы принял он благословение*. Когда Цаллу опять привели к нему, он уверещал его оставить такую безумную жестокость. Гот, уходя с сокрушением сердца, ничего более не просил у поселянина, которого святой муж развязал без прикосновения, одним взглядом⁷³. Вот что значит, Петр, сказанное мною, что те, которые с дерзнове-

* Благословение означает, кажется, хлеб, в монастырях обыкновенно пред вкушением его благословляемый настоятелем, или даже хлеб, благословленный во храме. По монастырскому обычаю, святой Венедикт повелел накормить благословленным хлебом Цаллу, несмотря на его жестокость, как обыкновенно угощали других мирных путешественников.

нием служат всемогущему Богу, могут иногда совершать чудеса даже одною своею властью. Ибо кто сидя укротил свирепость страшного гота, а узы ремней, связывавших руки невинного, развязал силою взоров своих, самою скоростью чуда показывает, что имел власть на то, что сделал. Присовокуплю еще, какое великое чудо мог он совершить молитвою.

ГЛАВА 32

О воскрешении мертвого

В один день святой вышел с братьями на полевые работы. В то время некий поселянин, неся на руках тело умершего сына и горько оплакивая свою потерю, пришел к монастырю и отыскивал святого Венедикта. Когда сказали ему, что сей отец находится с братиею в поле, поселянин тотчас бросил у монастырской двери тело умершего сына и в сильной скорби немедленно побежал отыскивать достоуважаемого отца. В то время святой муж уже возвращался с братиею с полевых работ. Едва увидел его осиротелый поселянин, как начал кричать: «Возврати мне сына, возврати моего сына!» Святой муж возразил ему: «Разве я отнял у тебя твоего сына?» Поселянин отвечал ему: «Умер он, иди, воскреси его». Услышав это, раб Божий сильно опечалился и сказал: «Отойдите, братия, отойдите; это дело не наше, но святых апостолов. Зачем хотите возложить на нас бремена, которых мы не можем снести?» Но тот, кого снедала чрезмерная скорбь, настаивал в своей просьбе, клятвенно уверяя, что не отойдет, если Венедикт не воскресит его сына. После того раб Божий спросил: «Где

он?» Поселянин отвечал: «Вот тело его лежит у монастырских ворот». Святой муж подошел к тому месту с братиею, преклонил колена, возлег на тело отрока и, выпрямляясь, простер длани свои к небу с молитвою: «Господи, невзирая на грехи мои, призри на веру сего человека, который просит воскресить его сына, и возврати в это тело душу, которую ты взял из него». Едва он произнес слова молитвы, все тело отрока стало трястись от вхождения в него души, так что глаза всех присутствующих видели, как чудно колебалось оно и трепетало. Затем святой взял отрока за руку и отдал отцу живого и здорового. Ясно, Петр, что он не имел власти совершить это чудо, но молился простертый, чтобы Бог дал ему силу совершить его.

Петр. Ясно вижу, что все справедливо говоришь, потому что слова свои подтверждаешь опытами. Но скажи, пожалуйста, все ли святые мужи могут сделать, что захотят, и все ли получают, чего желают?

ГЛАВА 33

О чуде сестры Венедикта, Схоластики

Григорий. Кто в сей жизни выше Павла, который трикраты молил Господа⁷⁴ *о пакостнике плоти* своей, да отступит от него, и однако ж не мог получить, чего желал? По этому случаю считаю нужным рассказать тебе о достоуважаемом Венедикте, что было нечто такое, чего желал он, но не мог исполнить. Сестра святого, по имени Схоластика⁷⁵, с самого младенчества посвященная всемогущему Богу, имела обыкновение приходить к Венедикту однажды в год. Свя-

той муж выходил к ней навстречу недалеко за ворота монастыря, на усадьбе. В один день она пришла, по обыкновению, и к ней вышел с учениками достоуважаемый ее брат: целый день они провели в хвале Богу и в святых беседах, а когда стала уже наступать ночь, вместе приняли пищу. Они сидели еще за столом и между святыми разговорами время казалось медленнее, как святая женщина, сестра Венедикта, стала спрашивать его: «Пожалуйста, не оставляй меня в эту ночь; проговорим до утра о радостях небесной жизни». Он отвечал ей: «Что ты говоришь, сестра? Я никак не могу оставаться вне монастыря!» А такое было ясное небо, что в воздухе не видно было ни одного облака. Благочестивая жена, услышав отказ брата, положила, сцепив пальцы, руки на стол и склонив на руки голову для молитвы всемогущему Богу. Когда же подняла со стола голову, засверкали молнии, загремели громы и полился в таком обилии дождь, что ни достоуважаемый Венедикт, ни братия, бывшие с ним, не могли двинуть ноги с того места, на котором сидели. Так благочестивая жена, наклонивши голову, пролила потоки слез, которые ясное небо сделали дождливым. И не так, чтобы наводнение последовало хоть немного спустя после молитвы; нет, молитва и наводнение были так одновременны, что когда она поднимала голову со стола, гремел уже гром, и в одно и то же мгновение она и поднимала голову и низводила дождь. Тогда святой муж, видя, что под молниями, громами и проливным дождем нельзя уже возвратиться ему в монастырь, стал со скорбью жаловаться: «Да пощадит тебя всемогущий Бог, сестра; что это ты сделала?» Та отвечала ему: «Вот, я тебя просила, но ты не хотел слушать меня; попросила моего Господа, и Он услышал меня.

Если только можешь, выходи и, отпустивши меня, возвратись в монастырь». Но он не мог выйти из-под кровли и таким образом остался на месте против воли, когда не хотел остаться по доброй воле. Итак, они провели всю ночь в бодрствовании, в святых разговорах о духовной жизни и насыщали друг друга взаимными беседами. Посему-то я и сказал, что было нечто, чего желал он, но не мог получить. Ибо если рассмотрим мысли достоуважаемого мужа, то не останется сомнения, что он желал той же ясности неба, при какой встречал сестру свою; но сделалось вопреки его желанию, душа женщины совершила чудо силою всемогущего Бога. И не удивительно, что в то время более могла совершить женщина, которая давно желала видеть своего брата; потому что, по словам св. Иоанна, *Бог любви есть* (1 Ин. 4, 16); по сему праведному суду, более могла сделать та, которая более имела любви.

Петр. Признаюсь, мне очень нравится то, что ты говоришь.

ГЛАВА 34

**О душе сестры его, которую он увидел,
когда она выходила из тела**

Григорий. Когда на другой день эта достопочтенная женщина пошла обратно в свою келлию, святой муж возвратился в монастырь. И вот через три дня, сидя в монастыре, Венедикт поднял глаза на воздух и увидел, как душа сей самой сестры его, вышедшая из своего тела, возлетала в виде голубицы на небо. Сорадуясь такой ее славе, он воздал благодарение

всемогущему Богу в гимнах и хвалах и возвестил о ее смерти братии⁷⁶. Потом тотчас послал их, чтобы принесли тело ее в монастырь и положили во гроб, который он для себя приготовил. Таким образом, случилось, что и тела тех не были разлучены погребением, у которых умы всегда были соединены в Боге.

ГЛАВА 35

**О всем мире, собранном пред глазами его,
и о душе Германа, епископа города Капуи**

Серванд, диакон и настоятель монастыря, устроенного в области Кампании одним патрицием Либерием⁷⁷, имел обыкновение часто посещать монастырь Венедикта для беседы с ним. И тот муж источал учение небесной благодати, и таким образом они напояли друг друга сладкими беседами о жизни вечной, так что по крайней мере сердцем вкушали приятную пищу небесного отечества, которою еще не могли совершенно наслаждаться. Когда же наступал час покоя, то в верхнюю часть монастырской башни уходил достоуважаемый Венедикт, а в нижних частях ее помещался диакон Серванд; в этом месте с верхних частей в нижние была проходная лестница. А далее пред этой башней было жилище, в котором покоились ученики того и другого. Однажды в то время, как братия еще спали, Венедикт встал на ночную молитву и молился у окна всемогущему Богу; вдруг он увидел в самую глубокую полночь осиявший всю ночную мглу свет, который так блестел, что свет сей, излучавшийся в темноте, был ярче дневного света. Чрезвычайно изумительное событие последовало за

этим освещением: весь мир, как сам он рассказывал после, собран был пред его глазами как бы под один луч солнца. Достоуважаемый отец устремил внимательный взгляд на этот блеск небесного света и увидел душу Германа⁷⁸, епископа Капуи, несомую в огненном шаре Ангелами на небо. Тогда пожелал он иметь для себя свидетеля такого чуда и громким голосом звал диакона Серванда, два-три раза повторяя его имя. Серванд тотчас был пробужден необычным криком сего мужа, взошел наверх, посмотрел и увидел только небольшую часть света. Он изумился чуду, а святой муж по порядку рассказал ему, что происходило, и немедленно послал в монастырь Кассино повеление благочестивому мужу Феопробу, чтобы он в ту же ночь послал в Капую узнать, что делается с епископом Германом, и потом уведомил. Посланный нашел достопочтеннейшего мужа епископа Германа уже умершим и, расспрашивая подробно, узнал, что он умер в ту самую минуту, в которую святой муж видел его восшествие на небо.

Петр. Чудное и весьма поразительное для меня событие. Но слова твои, что пред глазами Венедикта весь мир собран был как бы под одним лучом солнца, для меня непонятны, так как никто никогда не испытал этого; т. е. я не могу понять, каким образом один человек мог видеть весь мир.

Григорий. Запомни, Петр, то, что я говорю: для души, видящей Создателя, мала вся тварь. Посему, кто увидит малую часть света Создателя, для него становится мало все сотворенное, потому что самый свет внутреннего видения распространяет кругозор ума и так расширяет его в Боге, что ум становится выше мира; душа видящего бывает даже выше самой себя. А когда во свете Божиим бывает восхище-

на выше себя, в то время сила ее расширяется более всего, находящегося внизу ее; и когда, восхищенная, созерцает все под собою, понимает, как ничтожно все, чего она не могла понять в состоянии уничижения. Итак, святой муж, который, взирая на огненный шар, видел даже Ангелов, возносящихся на небо, без сомнения, мог видеть это не иначе, как во свете Божиим. Что же удивительного, если видел мир, собранный пред собою, тот, кто находился вне мира, будучи восхищен в умственном свете? А если говорится, что пред его глазами был собран мир, не то значит, что небо и земля были, так сказать, сжаты, а то, что расширенный дух видящего, будучи восхищен в Боге, мог без труда видеть, что ниже Бога. Итак, во свете, сиявшем пред внешними очами, был внутренний свет ума, который, когда восхитил дух видящего к высшим пределам, показал ему, как тесно все находящееся внизу.

Петр. Вижу, что есть польза для меня не понимать того, что ты говоришь: по причине моей непонятливости речь твоя приняла такие обширные размеры. Но так как все это ты сделал совершенно ясным для моего разумения, то прошу тебя возвратиться к порядку повествования.

ГЛАВА 36

**О том, что святой Венедикт написал
правила для монахов**

Григорий. Хотелось бы, Петр, много еще рассказать об этом достоуважаемом отце; но опускаю некоторые его деяния, потому что спешу рассказать о

делах других мужей. Впрочем, не хочу скрыть от тебя того, что святой муж, прославившийся столькими чудесами в мире, сиял также и светом учения. Ибо он написал для монахов правила, отличающиеся определенностью и изяществом речи⁷⁹. Если кто хочет подробнее узнать его обычаи и жизнь, может в этом начертании правил найти все способы его учительства, потому что святой муж никак не мог учить иначе, нежели как сам жил.

ГЛАВА 37

О смерти Венедикта, предсказанной им самим братии

В тот год, в который святой Венедикт должен был умереть, он возвестил о дне кончины своей некоторым ученикам, жившим с ним, и некоторым, находившимся вдали, присутствующим повелевая сохранить слышанное в молчании, а отсутствующим объявляя, какое знамение будет им, когда душа его выйдет из тела. За шесть дней до смерти своей он повелел открыть для себя гробницу. Потом стала мучить его лихорадка и очень быстро его охватил сильный жар. Через несколько дней слабость усилилась; на шестой день он повелел ученикам нести себя в храм, там приготовился к смерти приобщением Тела и Крови Господней и, опираясь слабыми членами своими на руки учеников, встал с воздетыми к небу руками и испустил последний вздох в словах молитвы. В этот самый день двоим из его братии⁸⁰, одному, оставшемуся в монастыре, а другому, находившемуся вдали, было совершенно одинаковое видение. Видели

они, как тянулась дорога, усталая одеждами и освещенная бесчисленным множеством сияющих лампад, по направлению к востоку от монастыря, до самого неба. Муж в светлых одеждах предстал пред каждым из них свыше и спрашивал, чья это дорога, которую они видели. Они отвечали, что не знают. Явившийся муж сказал: «Это путь, по которому восходит на небо возлюбленный Господу Венедикт». Тогда и отсутствовавшие ученики из этого знамения, которое им было предсказано, узнали о смерти святого мужа так же, как присутствовавшие ученики видели ее. Венедикт был погребен во храме блаженного Иоанна Крестителя, который сам он построил на месте разрушенного им жертвенника Аполлона⁸¹. В пещере под озером, в которой он прежде жил, для приходящих и молящихся с верою и доселе совершаются великие чудеса.

ГЛАВА 38

О безумной женщине, исцеленной в его пещере

Так, недавно случилось одно происшествие, о котором я расскажу. Одна женщина лишилась рассудка и, совершенно потерявши смысл, блуждала днем и ночью по горам и холмам, лесам и полям и там же отдыхала, когда требовало утомление. В один день, чрезвычайно много блуждая, зашла она в пещеру блаженного мужа Венедикта и осталась там, ничего не сознавая. Утром она вышла с таким здравым смыслом, как будто никогда и не была одержима безумием; так на всю жизнь свою женщина и осталась в том здоровье, какое получила в пещере.

Петр. Что это значит, что святые мученики, как иногда замечаем мы в их чудесах, оказывают меньшие благодеяния чрез тела свои, нежели чрез вещи, оставшиеся после них, и там совершают большие чудеса, где нет их святых телес.

Григорий. Где святые мученики лежат своими телами, там нет сомнения, что они могут совершать великие чудеса, как и совершают; для приходящих с чистым умом они совершают бесчисленные чудеса. Но поелику слабые умы могут сомневаться, готовы ли мученики выслушивать молящихся там, где не находятся их тела, то необходимо, чтоб они совершали большие чудеса там, где слабый ум может сомневаться в их присутствии. А чей ум утвержден в Боге, те люди тем более заслуживают благодеяний своею верою, чем совершеннее знают, что хотя тут и нет тел мучеников, однако они готовы выслушивать молящихся. Посему и сама Истина, чтобы приумножить веру учеников, сказала: *еще не иду Аз, Утешитель не придет к вам* (Ин. 16, 7). Ибо если известно, что Дух Святой всегда исходит от Отца и почивает в Сыне⁸², почему Сын говорит, что Он отойдет для того, чтобы пришел Дух, Который никогда не отлучался от Сына? Поелику ученики, видящие Господа во плоти, жаждали всегда видеть его телесными очами, то справедливо сказано: *еще не иду Аз, Утешитель не придет*; яснее сказать: «Если не скрою тела, не покажу, какова должна быть любовь к Духу; и если не перестанете видеть Меня телесно, никогда не научитесь любить Меня духовно».

Петр. Я согласен с тем, что ты говоришь.

Григорий. Но перестанем на несколько времени беседовать, чтобы в молчании собрать силы для рассказа о чудесах других мужей.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА 1

О Павлине, епископе Ноланском

Обратив внимание на отцов, ближайших к нам по времени, я как будто совершенно забыл о деяниях других знаменитых святых, как, например, о чуде святого Павлина, епископа Ноланского⁸³, который превзошел многих известных мне святых своими добродетелями и старше их по времени. Посему возвращусь к повествованию о древних святых и, что могу, передам в кратком рассказе. Как деяния мужей добродетельных обыкновенно всего скорее делаются известными для людей, подобных им, так и нашим старцам, которые подражают примерам святых мужей, хорошо известно славное имя благочестивого епископа Ноланского. Удивительные подвиги сего мужа служат им образцом для устроения собственной жизни. Поэтому считаю своим долгом верить им вполне, как если бы рассказанное ими я видел сам.

Во время нашествия свирепых вандалов на Италию, когда Кампания была ими опустошена и многие из жителей этой страны были уведены в Африку⁸⁴, раб Божий Павлин щедрою рукою раздавал бедным и пленным все достояние своей епископии. Однажды, когда уже совершенно ничего не осталось, что бы он мог отдать нуждающимся, приходит к нему какая-то вдова и, рассказав, что зять вандальско-

го царя увел сына ее в плен, умоляет человека Божия дать ей выкуп за сына, чтоб господин, если только согласится принять выкуп, дозволил ее сыну возвратиться домой. Человек Божий, поискав у себя, что бы дать неотступно просящей женщине, ничего, однако, не нашел, кроме самого себя, и сказал просительнице: «Мне нечего тебе дать, но возьми меня самого, скажи, что я — твой собственный раб, и, чтоб возвратили тебе сына, отдай вместо него меня в рабство». Женщина, услышав из уст эти слова епископа, почла скорее за насмешку, чем за выражение сострадания. Но Павлин, как человек, обладавший красноречием, и притом отлично образованный в светских науках, скоро уверил в истине своих слов недоверявшую женщину и убедил ее без всяких сомнений отдать в рабство епископа для выкупа своего сына. Итак, они отправились в Африку. Там вдова, встретив зятя вандальского царя, у которого был в плену ее сын, начала прежде упрашивать его, чтобы возвратил ей сына. Но гордый варвар, надменный своим временным счастьем, не только не хотел исполнить ее просьбы, но даже и выслушать ее. Тогда вдова присовокупила: «Вот я отдам тебе этого человека вместо пленника, только окажи мне милость — возврати мне единственного моего сына». Взглянув на лицо престарелого Павлина, варвар спросил его, знает ли он какое искусство? «Никакого искусства я не знаю, — отвечал муж Божий Павлин, — но хорошо умею возделывать сады». Варвар с удовольствием услышал, что Павлин опытен в возделывании садов, и после этого взял его к себе в число рабов, а вдове-просительнице возвратил сына. Получив сына, женщина отправилась из Африки, а Павлин начал заниматься садом своего гос-

подина. Царский зять часто приходил в сад и, спрашивая своего садовника о разных предметах, нашел в нем человека очень мудрого, так что, находя особенное удовольствие в разговорах с ним, господин нередко для беседы с садовником оставлял своих друзей и близких знакомых. Павлин, обыкновенно, каждый день к столу своего господина доставлял благовонные и свежие растения и, получив для себя дневное пропитание, возвращался к своим занятиям. Так прошло немало времени. Однажды Павлин в искренней беседе сказал своему господину: «Вот скоро, и даже очень скоро, умрет вандальский царь. Тебе заранее надобно подумать, что тогда делать и как нужно распорядиться царством». Так как господин пользовался преимущественно пред всеми вельможами царским расположением, то и не утаил пред царем слышанного, но все, сказанное мудрым садовником, передал царю. Выслушав рассказ, царь сказал своему зятю: «Я желал бы сам видеть человека, о котором ты говоришь». «Он обыкновенно доставляет к моему столу свежую зелень, — отвечал зять царский, временный господин Павлина. — Чтобы тебе видеть его, я прикажу ему доставить зелени к твоему столу». Так и было сделано. Во время царского обеда Павлин принес из своего сада возделанных им свежих овощей. Как только царь увидел Павлина, трепет объял его и, призвав своего зятя, — Павлинова господина, царь открыл ему тайну, которой доселе не обнаруживал. «Правду ты слышал от этого человека, — сказал царь, — потому что нынешнею ночью мне виделось, что для обвинения меня собрались в судилище судьи, между которыми находился и этот человек. По их определению, у меня был отнят бич,

прежде мне врученный. Но расспроси его, кто он такой; я не думаю, чтобы это был какой-либо простой человек, как он представляется по внешнему виду». Царский зять позвал к себе Павлина и тайно начал расспрашивать его, кто он такой. «Я твой раб, которого ты взял вместо сына вдовы», — отвечал человек Божий. Когда же господин начал настоятельно просить, чтобы Павлин сказал ему не то, кто он такой теперь, а кем был на своей родине, и когда эти просьбы и расспросы постоянно повторялись, муж Божий, нудимый страшными заклетами своего господина, не мог скрыть, кто он такой, и сознался, что он епископ. Узнав это, господин страшно испугался и смиренно просил Павлина требовать всего, что может служить для его возвращения на родину с надлежащею честью. «Одно благодеяние только можешь ты оказать мне, — сказал раб Божий Павлин. — Отпусти со мною всех пленных моих сограждан». Тотчас для исполнения желания достопочтенного Павлина по всей Африке были разысканы пленники и отпущены вместе с Павлином на кораблях, тяжело нагруженных хлебом. Спустя несколько дней умер и царь вандальский, и бич, который дан был ему, по распоряжению Божию, для его же гибели и для вразумления верующих, перешел от него к другому. Таким образом, все исполнилось так, как предсказал раб всемогущего Бога Павлин, и он, предавши одного себя в добровольный плен, извел с собою из рабства на свободу многих, подражая Тому, Который восприял на Себя обличие раба, чтобы освободить нас от рабства греху. Последовав стопам Его, Павлин на время сделался добровольно рабом, дабы после со многими получить свободу.

Петр. Услышав от тебя о жизни человека, которому не в силах подражать, я могу только плакать, а не говорить.

Григорий. О смерти Павлина сохранились письменные сведения при его церкви. Когда болезнь сильно овладела им и он был уже при последних минутах, вдруг произошло землетрясение, и ложе, на котором возлежал больной, поколебалось, между тем самый дом оставался непоколебимым. Все присутствовавшие были объаты необыкновенным страхом. Это святая душа Павлина разлучалась с телом. Тогда сильный страх напал на всех очевидцев кончины Павлина.

Но как все, доселе рассказанное тебе мною о Павлине, изображает более внутренние добродетели святых, то теперь, если угодно, перейдем к повествованию о внешних чудесах, многим известных, о которых и я слышал из рассказов людей столь благочестивых, что никак не могу сомневаться в истине их слов.

ГЛАВА 2

О святом папе Иоанне

Во времена владычества готов блаженный Иоанн, первосвященник римской Церкви, отправился однажды к верховному повелителю Юстину⁸⁵. В пределах коринфских первосвященнику оказалось необходимым найти себе для продолжения пути верховного коня. Как скоро услышал об этом один вельможа, тотчас предложил Иоанну коня, столь смиренного, что на нем обыкновенно ездил всегда супруга этого

вельможи, но с условием, чтобы, как скоро первосвященник прибудет в какое-либо место, где будет можно найти другого коня, возвращен был данный конь, как нужный для супруги вельможи. И действительно, когда Иоанн достиг на этом коне до какого-то местечка, для него тотчас нашли другого коня, а первого отослали назад. Жена вышеупомянутого вельможи, по прежнему обыкновению, хотела воссесть на своего коня, но никак не могла этого сделать, потому что конь никак не хотел носить женщину после того, как носил такого первосвященника. Конь страшно ржал, бился и постоянно рвался, как бы ясно выражая, что не хочет носить женщину после первосвященника. Размыслив об этом деле внимательно, вельможа тотчас приказал отвести опять коня к сему достопочтеннейшему мужу и усердно просил Иоанна взять его себе в собственность, на что он приобрел право самою ездою.

Старцы наши рассказывают об Иоанне еще одно чудо. Когда он приближался к константинопольским так называемым Золотым вратам и множество народа встречало его, он, в виду всех, возложением своей руки возвратил зрение одному слепцу и отогнал от очей его мрак.

ГЛАВА 3

О святом папе Агапите

Спустя несколько лет случилось также и блаженному Агапиту, первосвященнику римской Церкви⁸⁶, которой, по воле Божией, служу теперь и я, отправиться по делам готским к императору Юстиниану⁸⁷.

Однажды, когда Агапит уже переправлялся чрез Грецию, принесли к нему для исцеления расслабленного немого, который ни сказать ничего не мог, ни приподняться с земли. Когда родственники со слезами представили первосвященнику больного, человек Божий Агапит спросил их, имеют ли они веру в то, что больной исцелится. Как же скоро они поведали, что твердо веруют в исцеление больного силою Божиею и заступничеством апостола Петра, достопочтенный Агапит тотчас приступил к усердной молитве и совершил Литургию. По окончании Божественной службы, выйдя из алтаря, он взял расслабленного за руку и на глазах всего бывшего тут народа тотчас поднял его с земли и поставил на ноги, а когда вложил в уста больному Тело Господне, тотчас разверзся и немотствовавший язык его. Все видевшие чудо, которое Агапит совершил силою Божиею и заступничеством апостола Петра, изумились, душами их овладел благоговейный страх и уважение; и слезы были выражением их радости.

ГЛАВА 4

О Дации, епископе Медиоланском

В царствование того же императора Даций⁸⁸, епископ Медиоланский, отправился в Константинополь по делам веры и достиг уже Коринфа. Здесь для отдыха он искал обширного дома, в котором могла бы поместиться вся его свита. Долго не могли найти; но Даций издали увидел один дом достаточной, по-видимому, величины и приказал приготовить его для себя и свиты. Но жители города говорили, что

в этом доме нельзя поместиться, потому что в нем уже несколько лет поселился диавол и потому он доселе стоит пустым. «Потому-то мы и должны поселиться в этом доме, — сказал достопочтенный Даций, — что в нем поселился нечистый дух и не дает никому жить там». Он приказал приготовить этот дом для себя и спокойно вошел в него для борьбы с исконным врагом. Таким образом, когда ночью все было тихо и раб Божий покоился, исконный враг начал на разные голоса подражать страшному крику зверей: рычанию львов, блеянию овец, мычанию ослов, шипению змей, визжанию свиней и писку мышей. Пробужденный этими звериными голосами, Даций тотчас встал и в сильном гневе громогласно говорил, обращаясь к исконному врагу: «Поделом случилось с тобою, проклятый, что ты, который говорил: поставлю престол мой к северу и буду подобен Вышнему, теперь за свою гордость уподобился свиньям и мышам, и ты, дерзнувший нечестиво уподобиться Богу, теперь достойно подражаешь зверям». После этих слов нечистый дух как бы усрамился своего ничтожества, потому что, если бы он не усрамился, то не оставил бы совершенно дома, в котором обыкновенно представлял разные страшилища. Таким образом, после того, как в этот дом вошел один истинно верующий муж, нечистый и лживый дух тотчас удалился из него, и с тех пор в доме стали жить христиане. Но следует нам перестать говорить о том, что было ранее, и перейти к тому, что совершается в наши дни.

ГЛАВА 5

О Сабине, епископе Канузийском

Некоторые благочестивые люди, известные по всей Апулийской области, рассказывают о Сабине⁸⁹, епископе Канузийском (что и многим жителям других отдаленных областей сделалось известным), что он от глубокой старости потерял зрение, так что решительно ничего не мог видеть. Царь готский Тотила, услышав, что Сабин имеет дар прорицания, впрочем, нисколько не поверив сему, решился сам убедиться в услышанном. Однажды он проезжал по той области, где Сабин был епископом. Раб Божий Сабин пригласил царя к своему столу. Когда нужно было садиться за стол, царь не хотел возлежать, но сел по правую руку достопочтенного Сабина. Когда Сабину слуга, по обыкновению, стал подносить чашу с вином, царь тихо взял ее сам из рук слуги и вместо него поднес чашу епископу, желая видеть, узнает ли епископ по дару видения, кто ему подносит чашу. «Да здравствует эта рука!» — сказал раб Божий, взяв чашу, но не видя своего слуги. Слова святого и пристыдили царя, потому что служили обличением его неверия, и вместе с тем обрадовали, потому что открыли для него в человеке Божиим то, чего он искал. Жизнь благочестивого Сабина длилась до глубокой старости. Это побудило одного из его архидиаконов, подстрекаемого честолюбивою мыслью о занятии после Сабина епископской кафедры, прекратить жизнь епископа ядом. Подкупив виночерпия, он уговорил его подать епископу вино с подмешанным ядом. Когда настало обеденное время и епископ возлежал за столом, подкупленный юноша

поднес ему приготовленную архиdiaконом с отравою чашу. «Выпей то, что приготовил для меня», — сказал подносявшему благочестивый епископ. Юноша затрепетал; видя, что обличен, он решился лучше выпить яд и умереть, чем подвергнуться наказанию за умышленное человекоубийство. Но как только он поднес чашу к устам, раб Божий удержал его, сказав: «Не пей, дай мне, я выпью; а ты поди и скажи тому, кто дал тебе это: «Яд я выпью, а ты епископом не будешь», — и, сотворив крестное знамение, епископ спокойно выпил чашу. В тот же самый час умер архиdiaкон, находившийся в другом месте, как будто бы яд, принятый устами епископа, перешел в утробу виновного. Но не яд видимый принес архиdiaкону смерть, а яд его собственной злобы поразили его пред лицом Вечного Судии.

Петр. Чудны и весьма изумительны в наше время подобные дела. Но самая жизнь сего святого человека показывает, что, рассмотрев ее, нельзя не удивляться величию его дел.

ГЛАВА 6

О Кассии, епископе Нарнском

Григорий. Не могу умолчать, Петр, и о том, что утверждают несколько человек, пришедших теперь из города Нарнии. Также во время владычества готов преждеупомянутый царь Тотила, находясь в Нарнии, встретился с Кассием, епископом этого города, человеком благочестивой жизни⁹⁰. У Кассия от природы всегда было лицо красное. Но царь Тотила предположил, что эта краснота не природная, а про-

исходит от постоянного пьянства, и презрительно стал обходиться с епископом. Тогда всемогущий Бог, желая показать, какой человек подвергался презрению, попустил следующее. На нарнском поле, в присутствии царя и в виду всего войска, злой дух напал на одного из царских оруженосцев и начал его жестоко мучить. В присутствии же царя привели страждущего к благочестивому Кассию, и раб Божий, сотворив молитву и крестное знамение, изгнал нечистого духа так, что он более уже никогда в него не возвращался. С этого времени царь стал сердечно уважать раба Божия, которого дотоле считал достойным всякого презрения за один только внешний вид. Ибо, как скоро царь увидел в Кассии столь великие добродетели, душа его, доселе гордая и свирепая, смирилась.

ГЛАВА 7

Об Андрее, епископе Фундском

Когда я рассказываю о деяниях великих мужей, всегда приходят мне на память действия Божественного милосердия к Андрею, епископу Фундскому⁹¹. Тем из своих читателей, которые посвящают свое тело воздержанию, я особенно советовал бы не дерзать жить вместе с женским полом, из опасения, чтобы душевное падение не совершилось тем скорее, чем более побуждений к греховному вожделению от близости лиц этого пола. Рассказ мой несомненен потому, что число свидетелей его истинности равняется почти числу жителей того места. Жизнь благочестивого Андрея была исполнена многих подвигов

добродетели; хранение строгого целомудрия было для него предметом священной бдительности. Сделавшись епископом, он не хотел одну инокиню, прежде жившую при нем, лишить своих попечений, но твердо уверенный в своем и ее целомудрии, дозволил жить ей при себе. Этим хотел воспользоваться исконный враг, чтобы открыть в его душу доступ искушению. Воображению епископа он начал постоянно представлять образ этой женщины, так что нечистые помыслы не оставляли его и на ложе. Однажды какой-то иудей, отправлявшийся из Кампании в Рим, проходил чрез Аппию. Достигнув Фундской горы, когда день склонился уже к вечеру, и не видя нигде себе пристанища, он остановился около храма Аполлона, мимо которого шел. Страшась этого богохульного места, он оградил себя крестным знаменiem, хотя совершенно не веровал кресту. В полночь, когда самая ночная тишина наводила страх и он не мог заснуть, вдруг он видит, что в храм пришло множество злых духов, которые в виде свиты следовали за своим начальником. Тот из них, который казался главным, сел среди храма и каждого из сопровождавших его духов начал расспрашивать о его действиях и занятиях, желая знать, сколько каждый из них сделал зла. Каждый спрошенный им дух рассказывал, чем он соблазнял людей добродетельных. Потом выступил вперед тот, который возбуждал плотскую похоть в душе епископа Андрея чрез представление его воображению инокини, жившей при епископии. Старший из злых духов с жадностью слушал этот рассказ и тем более важным считал для себя подобное приобретение, что дух склонял к погибельному падению душу человека святого. Между тем дух признался, что доселе он ничего не мог сделать, кроме

того, что вчера вечером соблазнил епископа со страстной мыслью прикоснуться к инокине. Тогда злой дух, исконный враг человеческого рода, стал льстиво убеждать рассказывавшего, чтобы он довершил начатое, уверяя его, что за погубление такой души он получит пальму первенства пред всеми духами. Бывший тут и не спавший иудей видел это ясно. Но трепет страха и ужаса объял его, когда начальствовавший дух приказал своим подчиненным узнать, кто осмелился ночевать в их храме. Злые духи подошли к иудею и, посмотрев внимательно, увидели, что он огражден крестным знамением, и воскликнули в страхе: «О, это — пустой запечатанный сосуд!» После этих слов все множество злых духов исчезло. Увидев это, иудей тотчас встал и поспешил к епископу. Нашед епископа в церкви, он отвел его в сторону и начал спрашивать, какое особенно искушение мучило его. Епископ стыдился сознаться. Когда же иудей сказал, что епископ мучится нечистою любовью к рабе Божией, а епископ и при этом не сознавался, иудей присовокупил: «Зачем ты не сознаешься в том, о чем я тебя спрашиваю? Не ты ли вчера вечером доведен был до такого искушения, что позволил себе страстное прикосновение к инокине?» Видя себя уличенным этими словами, епископ смиренно сознался во всем, что доселе настойчиво отвергал. Иудей, желая предохранить целомудрие епископа от падения, рассказал ему, как узнал об этом деле и что слышал о епископе в собрании злых духов. Тогда с чувством раскаяния и молитвою повергся епископ на землю и немедленно удалил из своего жилища не только ту рабу Божию, но и всех других женщин, которые находились у него на послушании. Устроив же в храме Аполлона храм святому апостолу Андрею, он совершен-

но освободился и от плотского искушения. Иудея, обличившего и спасшего его своим видением, привлек к вечному спасению, потому что, омыв его в водах крещения и сподобив Святых Таин, он восприимал его в лоно святой Церкви. Таким образом, этот еврей, заботясь о спасении другого, стяжал и себе спасение, и всемогущий Бог привлек к добродетельной жизни одного тем самым, что служило к сохранению добродетели другого.

Петр. Слышанное от тебя возбуждает во мне и страх, и упование.

Григорий. Так, всегда нужно надеяться на Божие к нам милосердие и трепетать за свою слабость. Вот мы слышали, как поколебался райский кедр, но исторгнут не был, чтобы в нас, неутвержденных, возродился и страх за его колебание, и надежда от его твердости.

ГЛАВА 8

О Констанции, епископе Аквинском

В городе Аквине был епископ некто Констанций, человек достойной жизни. Он скончался незадолго до восшествия на кафедру предшественника моего, блаженной памяти папы Иоанна⁹². Многие, имевшие случай хорошо знать Констанция, говорят, что он имел дар пророчества. Между прочим, вот что передают о нем очевидцы, люди набожные и правдивые. В день кончины Констанция, когда около него с глубокою скорбью теснились граждане, как дети, лишаящиеся нежно любимого отца, некоторые из них со слезами спросили его: «Кто нам заменит тебя,

отче?» «После меня, — отвечал в пророческом духе Констанций, — будет у вас епископом погонщик скота, а потом суконщик. О Аквина, ты это испытаешь!» Произнесши эти пророчесственные слова, Констанций скончался. Действительно, по смерти его пастырские заботы о Церкви принял на себя его диакон Андрей⁹³, который некогда был погонщиком коней, а по смерти Андрея епископское достоинство перешло к Иовину, бывшему некогда в том же городе суконщиком. В правление Иовина в Аквине так много погибло жителей от меча варваров и от свирепствовавшей моровой язвы, что по смерти его не было ни одного человека для избрания в епископы и не для кого было избирать. Так исполнилось предречение человека Божия, что по смерти двоих преемников Церковь его останется вовсе без пастыря.

ГЛАВА 9

О Фригдиане, епископе Луккском

Не могу умолчать и том, что два дня назад мне случилось узнать из рассказов достопочтенного Венанция, епископа Лунийского⁹⁴. В Луккской, прилежащей к его области, церкви, рассказывал он, был епископом некто Фригдиан⁹⁵, человек удивительной добродетели. Все жители той страны помнят одно замечательное чудо, им совершенное. Река Авсер, протекающая близ стен города Лукки, часто во время наводнений выходила из своих берегов и, разливаясь по полям, истребляла все насаженное и посаженное. Так случалось нередко. Жители страны терпели большие убытки, и это заставило их стараться

отвести течение реки на другие места. Но как ни долго они трудились, не могли вывести реки из первоначального ее русла. Тогда человек Божий Фригдиан, сделав небольшие грабли, отправился с ними на реку и, после уединенной молитвы, приказал реке следовать за собою, а между тем влачил по тем местам, где ему хотелось, грабли. Вся река, оставив свое русло, потекла вслед за ним так, что место обыкновенного ее течения сделалось совершенно сухим. Образовалось новое русло по тому направлению, которое указывал реке своими граблями человек Божий, и с тех пор река не приносила никакого вреда растениям, которые сеялись и сажались на полях.

ГЛАВА 10

О Сабине, епископе города Пьяченцы

Тот же достопочтенный епископ Венанций рассказал мне и о другом чуде, бывшем в городе Пьяченце*. В действительности этого происшествия уверяет также и Иоанн, нынешний римский префект⁹⁶, человек самый правдивый, который в Пьяченце родился и был воспитан, как это помнит и Венанций. В этом городе, говорят, был епископом некто Сабин⁹⁷, человек удивительной жизни. Однажды диакон возвестил ему, что река По, выйдя из своих берегов, затопила церковные поля со всем посеянным на них для

* В древности этот город назывался Плаценция. В нем находилась одна из старейших христианских общин Миланского округа. Епископы Плаценции участвуют в Соборах XV века; в тамошней церкви находились мощи св. Антония.

жизненного продовольствия. «Поди и скажи этой реке, — отвечал благочестивый Сабин, — епископ повелевает тебе смириться и возвратиться в свое русло». Слова епископа показались диакону странными и смешными. Тогда человек Божий, призвав своего писца, продиктовал ему следующее: «Повеление реке По Сабина, раба Господа Иисуса Христа. Именем Господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе не выходить никогда из своего русла в здешних местах и не опустошать полей церковных». «Написав это, — присовокупил епископ, — ступай и брось в реку». Как скоро писец исполнил распоряжение епископа, речные воды, повинуясь повелению человека Божия, тотчас оставили церковные земли, и река, возвратившись в собственное русло, никогда уже не потопляла тех мест. В этом происшествии, когда силою Иисусовою и неразумная стихия повиновалась повелению святого человека, что иное выражается, как не осуждение упорства непослушных людей?

ГЛАВА 11

О Кербонии, епископе Популонском

В наше время великою святостью жизни прославился благочестивый Кербоний, епископ Популонский⁹⁸. Особенно отличался он любовью к гостеприимству. Однажды он принял к себе странников-воинов и, укрыв их, избавил от опасности лишиться жизни при нашествии свирепых готов. Нечестивый готский царь Тотила, как скоро узнал об этом, в порыве свирепой и неукротимой кровожадности повелел привести епископа в свой воинский стан при

местечке Мерулы⁹⁹, отстоявшем на восемь миль от епископского города, чтобы здесь бросить Кербония на народном зрелище медведям для растерзания. Множество народа стеклось на зрелище, и сам нечестивый царь присутствовал, чтобы насладиться зрелищем смерти епископа. Епископ был выведен на середину, и для растерзания его выпустили самого лютого медведя. Жестокий Тотила с особенным удовольствием смотрел, когда этот медведь свирепо разрывал на части человека. С жадностью и остервенением бросился медведь из своей клетки на епископа, но вдруг, как бы забыв свою лютость, склонил низко голову и, приблизившись к епископу, начал лизать ему ноги, как бы ясно давая знать всякому, что по отношению к сему человеку Божию сердца зверей изменились в сердца человеческие, а сердца людей, наоборот, в звериные. Тогда народ, собравшийся на смертное позорище, громким криком начал выражать свое удивление и благоговение. Сам царь невольно почувствовал благоговение к святому, потому что как прежде он безбожно хотел лишить жизни епископа, так теперь, по распоряжению Божию, научился кротости примером зверя. В настоящее время живы еще некоторые из очевидцев этого происшествия, и они удостоверяют, что сами это видели вместе с прочими.

Епископ Лунийский рассказывал мне еще о чуде, совершенном тем же святым. Во время своего епископства в Популоне Кербоний повелел приготовить себе могилу. Но при опустошительном нашествии лангобардов на Италию Кербоний удалился на остров Эльбу. Там, когда тяжкая болезнь приблизила его к смерти, он приказал своим клирикам и всем окружающим похоронить его в могиле, приготовленной

им еще в Популоне. Епископу возразили: «По той стране всюду рассеялись лангобарды и совершенно завладели ею, как же мы переправим туда твое тело?» «Ничего не бойтесь, — сказал епископ, — без опасений отвезите туда мое тело, но постарайтесь поскорее похоронить меня, и, как только похороните, тотчас же, без всякого замедления, возвратитесь назад». Итак, когда скончался епископ¹⁰⁰, тело его возложили на корабль. Во время плавания собрались тучи и полил самый сильный дождь. И как бы в показание того, сколь великого святого тело находилось на корабле, во все продолжение морского пути от Эльбы до Популоны, на расстоянии двенадцати миль, ни одна дождевая капля не упала на корабль, тогда как он шел под бурю и самым сильным дождем. Таким образом клирики достигли Популоны и предали земле тело своего епископа и, как он повелел, без всякого замедления возвратились на корабль. Едва только вступили они на корабль, как на то место, где был погребен угодник Божий, прибыл свирепый предводитель лангобардов Гримарит. Таким образом, повеление епископа своим клирикам без всякого замедления возвратиться с места погребения показало, что он обладал даром пророчества.

ГЛАВА 12

О Фульгенции, епископе Утрикульском

Чудо, которое рассказал я о разделившемся дожде, совершилось еще при другом благочестивом епископе. Вот что рассказывал мне один престарелый клирик (он и теперь еще жив) о происшествии, ко-

того сам был очевидцем. Свирепый царь Тотила имел сильное неудовольствие на Фульгенция, епископа Утрикульского¹⁰¹. Когда однажды он приближался к этой стране со своими войсками, епископ послал ему со своими клириками дары, чтобы хотя бы подарками укротить его безумную ярость. Но Тотила презрительно отверг дары и, пылая гневом, приказал своим воинам, схватив немилосердно епископа, представить к себе на суд. Свирепые готы, исполнители бесчеловечных повелений своего господина, схватили епископа и, начертав на земле круг, поставили в него Фульгенция и запретили ему малейшее движение с этого места. Когда, таким образом, человек Божий под стражею готов в определенном круге томился от солнечного зноя, вдруг при блеске молнии и ударах грома полил столь сильный дождь, что окружавшая святого стража не могла выносить его. А между тем, при этом необыкновенно сильном дожде ни одна капля не пала в тот круг, в котором стоял человек Божий Фульгенций. Как скоро сказали об этом жестокосердому царю, в гордой душе его пробудилось глубокое уважение к епископу, наказания которому он ранее желал с такою неукротимою яростью. Так всемогущий Бог смиряет гордые плотские умы чудесными явлениями своей силы в кротких рабах Своих! Так истина, действующая в людях смиренных, покоряет себе людей, гордо возносящихся против заповедей ее.

ГЛАВА 13

О Геркулане, епископе Перузийском

Недавно благочестивый епископ Флорид рассказал мне об одном замечательном чуде. В городе Перузии, говорил он, был епископом святейший Геркулан, мой воспитатель¹⁰². Он был возведен в священный сан епископа из монастырских настоятелей. Во времена нечестивого царя Тотилы готское войско осаждало этот город почти семь лет¹⁰³. Многие граждане бежали, не в силах будучи переносить мук голода. В исходе седьмого года готы овладели, наконец, осажденным городом. Тогда начальник осаждавшего войска послал спросить царя Тотилу: «Что мне делать с епископом и народом?» «Из тела епископа, — отвечал Тотила, — вырежь ремень длиною от головы до пят, и потом отсеки ему голову, а жителей всех, которых ты там найдешь, предай мечу». Военный начальник, возведши благочестивого епископа Геркулана на городскую стену, обезглавил его и уже с мертвого повелел снять кожу, чтоб из нее вырезать ремень, и потом выбросил тело его за стену. Тогда некоторые благочестивые и сострадательные люди, положив усеченную главу епископа с телом, предали погребению вместе с трупом одного убиенного отрока, найденного возле стены. Спустя сорок дней после кровопролития царь Тотила объявил, чтобы все жители того города, рассеявшиеся по разным странам, возвращались без всякого опасения. Пользуясь дозволением, граждане, бежавшие из города во время осады, возвратились. Помня, каков был по жизни их епископ, они стали отыскивать место его погребения, чтобы с должною почестью перене-

сти тело его для погребения при церкви святого апостола Петра¹⁰⁴. Когда пришли на могилу и разрыли землю, нашли, что тело отрока, похороненного вместе с епископом, так как уже прошло сорок дней, повредилось от гниения и покрыто было червями, тело же епископа оставалось неповрежденным, как будто бы в этот самый день и было погребено. А что более изумительно: голова епископа так плотно приросла к телу, как будто бы никогда не была усечена; даже никаких следов усечения не было заметно. Когда же оборотили тело, чтобы посмотреть, не осталось ли на другой стороне признаков мучения, нашли тело столь целым и полным, как будто бы меч не прикасался к нему.

Петр. Кто не изумится таким чудесам, совершающимся над мертвыми для вразумления живых?

ГЛАВА 14

О рабе Божиим Исааке

Близ города Сполетто с первых и почти до последних времен владычества готов жил некто Исаак, человек благочестивый¹⁰⁵. Многие знают его, и особенно благочестивая девственница Григория, которая ныне живет в нашем Риме при храме Пресвятой Тринодевы Марии. Еще в молодых летах она скрылась в церковь под защиту Исаака, когда хотели ее выдать замуж. Ей хотелось посвятить себя иноческой жизни, и, при помощи Божией, она достигла желаемого. За то, что она скрылась от жениха земного, она сподобилась иметь Жениха на небе. Многое также узнал я об Исааке из рассказов достопочтенного

отца Елевферия. Он коротко знал Исаака, а благочестие его ручается за верность его рассказа.

Благочестивый Исаак не был родом италианец, но я расскажу о тех его чудесах, которые он совершил, находясь в Италии. Когда в первый раз из пределов Сирии он пришел в Сполетто, то, вошедши в церковь, просил у церковных стражей позволения помолиться, сколько ему будет угодно, и не быть высланным во время священнодействия. Став на молитву, он провел в ней целый день и всю следующую ночь. Второй день и ночь он тоже провел в непрестанной молитве, а, наконец, и третий день. Один из церковных стражей, надмеваемый духом гордости, вместо того, чтобы извлечь из этого для себя пользу, извлек только гибельный вред. Он начал толковать и дерзко разглашать о святом, что это — лицемер и обманщик, которому хочется выказаться пред другими своею трехдневною и трехнощною молитвою; потом бросился на раба Божия и начал его бить, чтобы изгнать его из храма с бесчестием, как лицемера-святошу. Но вдруг напал на стража злой дух, поверг его к ногам угодника Божия и устами его начал кричать: «Исаак изгонит меня». Имя пришельца доселе никому не было известно; злой дух, кричавший, что Исаак может изгнать его, обнаружил имя. Раб Божий тотчас распростерся над телом одержимого бесом, и вошедший было злой дух вышел. Случившееся в церкви тотчас сделалось известным по всему городу. Начали стекаться простые и благородные женщины и мужчины, наперерыв один перед другим старались увести святого в свой дом. Одни предлагали имения, иные — деньги, иные — другие вспоможения, кто что мог, и умоляли святого принять все это на устройство монастырей. Но раб всемогущего Бога,

не приняв ничего из предложенного, удалился из города и, невдалеке найдши уединенное место, построил себе скромное жилище. Многие начали приходить к нему и, его примером возбуждаемые, искать жизни вечной, предавались в послушание и руководство рабу всемогущего Бога. Ученики часто с настойчивостью, хотя и смиренно, просили Исаака принимать в пользу монастыря делаемые приношения, но он, как неусыпный страж нестяжательности, всегда с твердостью отвечал: «Монах, который алчет владений на земле,— не монах». Он с такою же заботливостью старался сохранить свою нестяжательность, с какою скупые богачи обыкновенно берегут свои гибнущие сокровища. Во время пребывания его в этом монастыре слава о даре пророчества и великих его чудесах распространилась даже по отдаленнейшим странам.

Однажды вечером он отдал приказание побросать в монастырский сад железные орудия, которые мы обыкновенно называем заступами. «Бросьте столько заступов в сад и поскорее возвратитесь назад», — сказал он своим ученикам. В ту же ночь, восстав с братиею для обычного славословия Богу, он дал им приказание: «Подите, сварите нашим работникам похлебку, чтобы к раннему утру она была готова». Поутру он приказал нести приготовленную похлебку и, вошедши с братиею в сад, нашел там столько трудившихся работников, сколько приказал оставить заступов. Это были воры. Когда они вошли в сад, их намерение, по действию Божию, изменилось: найд в саду заступы, они взяли их и не переставая работали со времени своего прихода до прихода угодника Божия и возделали все места в саду, оставшиеся еще невозделанными. «Здравствуйте, братия! Вы уже много

потрудились. Пора отдохнуть», — сказал им угодник Божий, вошедши в сад. Потом он предложил им принесенную пищу для укрепления после такого напряженного труда. Когда же они довольно подкрепились, святой сказал им: «Не делайте зла, а когда вам понадобится что-нибудь из сада, приходите к воротам, спокойно просите, и получите с благословением, а от преступного воровства удержитесь». Потом немедленно приказал дать им овощей сколь возможно более. Таким образом, пришедшие в сад с намерением вредить возвратились сами безвредно и причем получили щедрую награду за свой труд.

В другое время пришли к Исааку за милостынею какие-то чужестранцы в разодранных одеждах и рубищах, почти нагие. Когда они стали просить у святого одежды, он молча слушал их. Потом, подозвав к себе одного из учеников, дал ему тайное приказание: «Ступай в этот лес и там в таком-то месте увидишь древесное дупло; принеси сюда одежду, которую найдешь там». Ученик отправился, нашел указанное дерево, взял из него одежду и тайно принес учителю. Угодник Божий, взяв ее, отдал полунагим просителям-чужестранцам, присовокупив: «Вы почти наги, возьмите эту одежду и оденьтесь». Взглянув на одежду, просители тотчас узнали, что это была их одежда, оставленная в лесу, и от стыда сильно смутились. Таким образом, желавшие обманом получить чужую одежду со стыдом получили опять свою же.

В другое время некто, прося молитв святого, послал ему чрез своего раба в дар две полные корзины с пищею. Раб одну корзину утаил и скрыл на дороге, а другую принес к угоднику Божию и изложил пред ним просьбу пославшего его с подарками. Угодник Божий с любовью принял дар и благодарил, но ска-

зал рабу: «Смотри, с осторожностью бери ту корзину, которую ты сокрыл на дороге; в нее вползла змея. Поэтому опасайся, чтобы при неосторожном прикосновении змея не ужалила тебя». Эти слова привели раба в сильное смущение. С одной стороны, он был чрезвычайно рад, что избег смерти, с другой — сильно опечалился. Но он перенес свой стыд как спасительное наказание. Воротившись к корзине, он тихо и осторожно взял ее и нашел в ней, как предсказал угодник Божий, змею. Таким образом, этот святой с добродетелью воздержания, презрения ко всему скоропреходящему, с даром пророчества соединял необыкновенное прилежание к молитве. Одно, по-видимому, было странно. Иногда он делался столь веселым, что, не зная наперед его, никак нельзя было бы поверить, что он обладал великими добродетелями.

Петр. Прошу тебя, скажи, что это значит? По собственному ли произволению он предавался такому веселию, или душа его, обладая великими добродетелями, невольно восторгалась иногда до действительной радости?

Григорий. Велико, Петр, домостроительство всемогущего Бога, и большею частью случается так, что тех, которым Бог дарует высшие блага, он лишает низших, чтобы душа их всегда могла чем-либо смиряться, чтобы, стремясь к полному совершенству и не достигая его, трудясь над тем, чего не прияли, и не приобретая своим трудом, они нисколько не гордились тем, что имеют, но да научатся, что они, несильные истребить в себе и малых, ничтожных недостатков, не сами от себя имеют высшие совершенства. Посему-то Господь, когда ввел народ Свой в землю обетованную, истребив всех сильных и могучих врагов его, сохранял долее филистимлян и хана-

неян, да искусит ими Израиля (Суд. 3, 4), как говорится в Писании. Таким образом, как я сказал, иногда Господь попускает оставаться каким-нибудь малым недостаткам в тех, которым дарует великие совершенства, чтобы они имели с чем бороться, и не возгордились бы после победы над сильными врагами, когда их беспокоят еще враги самые слабые. Так чудно одна и та же душа и крепнет в добродетели, и томится слабостью, дабы, видя, с одной стороны, в себе благоустройство, а с другой — неустройство, и не удовлетворяемая в своем стремлении получить недостающее благо, она в смирении сохраняла то, что имеет. Но удивительно ли это в человеке, когда и часть граждан высшей области пала, а другая осталась твердою, дабы избранные духи ангельские, видя падение своих братьев чрез гордость, тем крепче утвердились смирением. И как в той области потеря принесла пользу потому, что самое расстройство ее послужило к большому утверждению и к вечной непоколебимости ее, так происходит и в каждой душе: незначительный недостаток, как страж смирения, сохраняет ее для высших приобретений.

Петр. Доволен твоим объяснением.

ГЛАВА 15

О рабах Божиих Евтихии и Флоренции

Григорий. Не могу умолчать о том, что узнал из рассказов достопочтенного Санктула, пресвитера той же области¹⁰⁶. В рассказе его ты не усомнишься, потому что знаешь его благочестие и правдивость.

В то же самое время, в пределах Нурсийской провинции, жили два инока: имя первого Евтихий, а вто-

рого — Флоренций¹⁰⁷. Евтихий отличался духовною ревностью и пламенной любовью к добродетели. Посему главною его заботою было сколь возможно большее число людей обратить словом ко Господу. Флоренций вел жизнь простую; главным его занятием была молитва. Случилось, что неподалеку от них в одном монастыре умер настоятель¹⁰⁸. Монастырская братия пожелала на месте его иметь у себя Евтихия. Евтихий принял их просьбу и несколько лет управлял монастырем, руководя душами учеников в подвигах иноческого жития. Но, не желая, чтобы келлия, в которой он прежде жил, оставалась пустою, он дозволил в ней поселиться благочестивому Флоренцию. Обитая в сем уединенном жилище, Флоренций однажды повергся пред всемогущим Богом с молитвою, да будет ему дарована какая-либо помощь для пребывания в этом жилище. По окончании молитвы святой вышел из келлии и видит, что у дверей (ее стоит медведь. Склонив голову к земле и в своих движениях не обнаруживая никаких признаков зверства, медведь тем самым ясно давал знать, что пришел на послушание к человеку Божию, и святой тотчас же познал это. При той же келлии осталось четыре или пять овец, но пасти их было некому. «Ступай, выгони этих овец на пастбище, — сказал святой медведю, — а в шестом часу возвратись с ними опять сюда». Отселе постоянно медведь исполнял должность пастуха, и этот кровожадный зверь пас овец, которых прежде пожирал. Когда человек Божий постился, он повелевал медведю возвращаться с овцами в девятом часу, а в другие дни — в шестом. И медведь всегда повиновался повелению человека Божия: получая приказание являться в девятом часу, не возвращался в шестом, а получив приказание явиться в шестом, не возвращался в

девятом. Так прошло много времени, и слава об том чуде далеко начала распространяться. Но исконный враг тем самым, что служит к преуспеянию добродетельного человека в славе, старается злых людей ввергнуть в погибельную зависть. Четверо из учеников благочестивого Евтихия сильно возненавидели Флоренция за то, что он, живя в уединении, посредством чудес, каких не творит и учитель их Евтихий, стяжал славу, и, тайно сговорившись, убили медведя. Когда после сего медведь не возвратился в определенный час к Флоренцию, святой стал его ждать. Наконец, когда наступил вечер, он сильно обеспокоился, что не возвращается зверь, а на следующий день сам отправился в поле отыскивать медведя и овец, и первого нашел убитым. После тщательных розысков он узнал, кем был убит медведь. Тогда начал святой плакать, скорбя более о злобе братий, нежели об убийстве медведя. Благочестивый Евтихий, призвав Флоренция к себе, старался его утешить. Но человек Божий, сокрушаемый глубокою скорбью, при Евтихии молитвенно произнес следующие слова: «Я уверен, что всемогущий Бог пред очами всех воздаст им должное за их злобу еще в настоящей жизни: они убили медведя, не сделавшего им никакого вреда». За этими словами немедленно последовало и Божественное отмщение. Четверо монахов, убивших медведя, тотчас были поражены слоновой болезнью и умерли от гниения членов. Когда это совершилось, угодник Божий Флоренций сильно испугался: его устрало произнесенное им на братий осуждение. Всю жизнь свою он плакал о том, что Бог услышал его, называл себя жестоким, винил себя в смерти братий.

Я думаю, что всемогущий Бог допустил сему совершиться, дабы показать Флоренцию, человеку в

высшей степени простому, что даже и в сильной скорби не всегда можно далеко простирать свое осуждение на других.

Петр. Неужели так тяжек грех осуждения, когда мы произносим осуждение в порыве гнева?

Григорий. Что ты меня спрашиваешь о тяжести этого греха, когда еще апостол Павел сказал: *клеветницы Царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 10)? Посему размысли, как тяжек грех, когда он отлучает от царства жизни.

Петр. А что, если кто-нибудь не по злобе, а по неводержности языка произнесет слово осуждения на ближнего?

Григорий. Если, Петр, страшный Судия осуждает и за каждое праздное слово, то сколько более за слово вредное? Посему размысли: если и за всякое праздное слово полагается наказание, то сколь большему осуждению подвергнется слово, сказанное по злобе?

Петр. Согласен.

Григорий. Тот же человек Божий совершил еще нечто, о чем нельзя умолчать. Когда великая слава о Флоренции распространилась по отдаленным странам, один диакон издалика предпринял путешествие к святому, чтобы испросить себе у него молитв. Находясь уже невдалеке от келлии святого, диакон увидел, что все окружающее келлию пространство было покрыто бесчисленным множеством змей. В страшном испуге он закричал: «Помолись, раб Божий!» Время тогда было чрезвычайно тихое. Флоренций вышел и, подняв руки и очи к небу, молил Господа, чтобы Он, как Ему благоугодно, уничтожил этих гадов. По молитве святого тотчас ударил гром, и все гады, находившиеся на том месте, были побиты. Увидав их мертвыми, человек Божий воззвал: «Господи!

Ты поразил гадов. Но кто же очистит от них место?» Тотчас по молитве святого прилетело множество птиц, по числу мертвых гадов, и каждая из них, взяв по змее, отнесла их на дальнейшее расстояние, и таким образом совершенно очистили окрестность Флоренциева жилища от гадов.

Петр. Как же добродетелен и как велик должен быть этот святой муж, когда всемогущий Бог так скоро внял его молитве!

Григорий. Пред всемогущим Богом, Единым по естеству чистым существом, великую силу, Петр, имеют чистота и простота сердца человеческого. Уже по тому одному, что рабы его, отрешившись от земных попечений, не знают празднословия и не допускают дому своему рассеяться или оскверниться им, молитвы их преимущественно пред всеми людьми бывают слышимы Творцом, к Которому они бывают близки, уподобляясь Ему в некоторой степени, по мере возможности, самую чистотою и простотою духа. А мы, постоянные участники в человеческих заботах, много говорим праздного, иногда даже чрезвычайно вредного. Посему и слово наше так же далеко от всемогущего Бога, как близко к здешнему миру. Наше постоянное разглагольствование привязывает нас к временному и далеко отводит нас от Бога. И Исаия справедливо осудил в себе это и раскаялся, когда, увидев Господа воинств, воскликнул: *«О, окаянный Аз, яко умилихся, яко человек сый и нечисты устне имый»* (Ис. 6, 5). Потом, присовокупив: *«посреди людей нечистыя устен имущих аз живу»*, он объяснил, почему имел нечистые уста. Он скорбел о нечистоте уст своих, но, сказав, что живет среди народа, имеющего нечистые уста, показал, откуда и он заимствовал свою нечистоту. Ибо трудно, чтобы раз-

глагольствование о мирском не осквернило своим прикосновением нашего ума. Сначала, увлекаемые только слабою привычкою, мы позволяем себе немного поговорить о мирском. Потом уже с некоторым удовольствием поддерживаем эту недостойную нас болтливость, так что, наконец, не можем и отрешиться от того, что прежде позволяли себе по увлечению, как бы из снисхождения. Таким образом, от празднословия мы переходим к словам вредным, от легкого к тягчайшему, и молитва из уст наших тем менее приемлется всемогущим Богом, чем более они оскверняются неразумным пустословием, потому что в Писании сказано: *уклоняй ухо свое не послушати закона, и сам молитву свою омерзил* (Притч. 28, 9). Что же удивительного, если молитвы наши нескоро доходят до Бога, когда мы сами лениво исполняем заповеди Господни, или даже вовсе не исполняем? И что удивительного, что молитва Флоренция скоро была услышана Богом, когда святой сам постоянно внимал заповедям Господним?

Петр. Ничего нельзя возразить против твоих объяснений.

Григорий. Евтихий же, спутник вышеупомянутого Флоренция на стезе Господней, стяжал великую славу своими чудесами по смерти. Сограждане его рассказывают много чудес; но особенно замечательно чудо, которому благоволил всемогущий Господь постоянно совершаться во времена лангобардов чрез одежду святого. Ибо всякий раз, как в той стране наставало бездождие и от сильного зноя земля подвергалась продолжительной засухе, сограждане святого, собравшись вместе, обыкновенно брали его одежду и с молитвами возносили ее пред Богом. И когда они с этою одеждою и с молитвою проходили по

полям, вдруг ниспадал дождь в количестве, совершенно достаточном для напоения земли. Из этого можно заключить, как велики были душевные добродетели и заслуги святого, когда одно изнесение одежды его отвращало гнев Создателя.

ГЛАВА 16

О Мартине, иноке с Марсовой горы

Еще недавно в области Кампанской, на Марсовой горе, проводил уединенную жизнь некто Мартин¹⁰⁹, человек весьма добродетельный. Много лет он пребывал в затворе в самой тесной пещере. Из наших многие его знают, даже были очевидцами его подвигов. Многое о нем узнал и я сам от предшественника моего, блаженной памяти папы Пелагия, и из рассказов других, очень набожных людей. Первым чудом его было то, что едва только он заключился в пещере упомянутой горы, как из того самого камня, который стеснял пещерное углубление, прорвался источник, доставлявший рабу Божию Мартину воды не более и не менее, сколько необходимо было для удовлетворения ежедневных нужд. Это показывает, как печется всемогущий Господь о рабе Своем, для которого, как в древние времена (Чис. 22), источил в пустыне воду из камня. Но исконный враг человеческого рода, позавидовав добродетелям святого, силился своими обычными средствами изгнать святого из пещеры. Для сего, вошед в любимое свое животное, т. е. в змия, он устрашал им святого. Змий вползал в пещеру к одинокому затворнику, и когда святой молился, он распростирался пред ним; когда

святой повергался на землю, змий также лежал возле него. Святой человек, без всякой боязни, подносил к пасти змия руку или ногу и говорил: «Если ты смеешь ужалить меня, то я позволяю». Так постоянно было в продолжение трех дней. Наконец, истинный враг, побежденный твердостью святого, с воем удалился из пещеры: змий по скату горы спустился в пропасть, сожигая на пути исходящим из его пасти пламенем все растения. Так диавол невольно должен был, по устройению Божию, самым пожжением растений по скату горы показать, сколь великой добродетели был человек, победивший его. Подумай же, прошу тебя, как высок был по душе человек Божий, проживший безвредно три дня вместе со змием.

Петр. Слышу и изумляюсь.

Григорий. Этот благочестивый человек в первое время своего затворничества положил не видеть более женского лица, не потому, чтобы он презирал этот пол, но из опасения впасть в искушение от взора на женщину. Одна женщина узнала об этом и с бесстыдством отважилась взойти на гору к самой пещере. Но святой еще издали увидал ее и, по платью узнав, что это женщина, начал молиться и, преклонивши лицо свое к земле, оставался распростертым дотоле, пока бесстыдная женщина, утомившись от ожидания, не удалилась от окна его келлии. Женщина эта в тот же день, как только сошла с горы, умерла, показывая своею смертью, что всемогущий Бог страшно прогневался за оскорбление угодника Его бесстыдною дерзостью.

В другое же время многие приходили к святому по благочестивым обетам. Но так как дорога, ведущая по скату горы к его келлии, была очень узка, то однажды случилось, что малолетний отрок неосторож-

но оступился и упал с горы в прилежавшую к ней глубокую долину. А в том месте гора была так высока, что огромнейшие деревья, росшие в долине, с горы казались как бы небольшими прутьями. Все путешественники ужаснулись и очень старательно начали отыскивать место, куда должен был упасть отрок. Не каждый ли из них думал найти его не иначе, как мертвым? Не всякий ли даже предполагал, что едва ли и тело его в целости достигло земли, потому что оно могло разорваться на части от разбросанных повсюду скал. Но отрока нашли в долине не только живым, а даже и совершенно целым. Тогда все поняли, что он остался невредимым потому, что при его падении Мартин возносил за него молитву.

Над пещерою святого, сверху, выдавалась огромная скала. Она только незначительною своею частью прикреплялась к горе и, выдаваясь над келлию. Мартина, ежедневно грозила своим падением погубить святого. Однажды некто Маскатор, внук именитого Арментария, явившись к пещере со множеством поселян, просил раба Божия выйти из пещеры, чтобы можно было грозившую падением скалу низринуть с горы и чтобы после угодник Божий мог безопасно пребывать в своей пещере. Человек Божий никак на это не соглашался и, дозволив делать Маскатору что угодно, сам заключился в отдаленнейшей части своей пещеры, хотя не было сомнения, что, если бы огромная скала оторвалась, она разрушила бы пещеру и вместе убила бы и Мартина. Когда пришедшая толпа народа начала сдвигать нависшую скалу, стараясь, по возможности, сделать это без опасности для святого, в виду всех случилось удивительное дело. Скала, около которой трудились, уже сдвинутая рабочими, вдруг сама собою отскочила от

горы на такое пространство, что, миновав верх пещеры и не нанеся никакого вреда рабу Божию, упала в отдалении. Всякий, несомненно верующий, что все устроится Божественным Промыслом, поймет, что описанное совершилось содействием Ангелов, по повелению Божию.

Когда Мартин в первый раз поселился на горе, и пещера его не была еще заключена, тогда он одним концом железной цепи связал себе ноги, а другой ее конец укрепил в скале, чтобы ему нельзя было ходить далее того пространства, на которое позволяла длина цепи. Благочестивый Венедикт, о котором я говорил прежде*, услышав об этом, послал сказать Мартину чрез ученика своего: «Если ты раб Божий, то должен связать себя не железными узами, а узами Христовыми». Услышав это, Мартин тотчас разрешил себя от оков, но и на свободе он никогда не простирали ноги своей далее того места, до которого обыкновенно доходил закованный, и без уз ограничивался тем пространством, на котором прежде пребывал в узах. После, когда он заключился в этой пещере, к нему начали приходить ученики, селившиеся отдельно от его пещеры. Ученики для своих потребностей обыкновенно почерпали воду из кладезя. Но вервь, к которой прикреплялся сосуд для черпания воды, часто обрывалась. Поэтому ученики испросили у человека Божия снятую им с себя цепь и, связав ее с вервью, прикрепили к ней сосуд. После этого та же вервь никогда не разрывалась, хотя и была ежедневно опускаема в воду, потому что цепь угодника Божия, привязанная к верви, сообщила последней твердость железа при черпании воды.

* Во второй книге «Собеседований».

Петр. Отрадно слышать об этих чудесах потому, что они удивительны, а еще более потому, что недавни.

ГЛАВА 17

Об иноке с Аргентариевой горы, воскресившем мертвого

Григорий. В наши времена при Вуксентской церкви¹¹⁰ был иподиаконом некто Квадрагезим¹¹¹. В Аврелийской области обыкновенно сам он пас стадо своих овец. Этот чрезвычайно правдивый человек рассказал об одном весьма замечательном случае, произошедшем тайным образом. В то время, когда он, как я сказал, пас своих овец в Аврелийской области, на Аргентариевой горе жил некто, человек благочестивый, инок по виду и жизни. С Аргентариевой горы он имел обыкновение ежегодно приходить в храм святого апостола Петра и пользовался гостеприимством вышеупомянутого иподиакона Квадрагезима, как этот сам рассказывал. Дом Квадрагезима находился недалеко от церкви. Однажды, когда посетитель был у иподиакона, у одной бедной жившей рядом женщины умер муж. По обычаю, она его уже обмыла, одела и покрыла саваном, но, за наступлением вечера, не успела еще похоронить. Всю ночь провела овдовевшая женщина в горьких слезах около тела умершего; в постоянных рыданиях она искала как бы утоления своей печали. Долго длилось это: женщина никак не могла воздержаться от слез.

* Гора в Тусции.

Тронутый ее положением, раб Божий, находившийся в доме Квадрагезима, сказал ему: «Я душевно сострадаю скорби этой женщины. Вставай и пойдем молиться». Итак, они отправились в соседнюю церковь и оба вместе начали молиться. После продолжительной молитвы раб Божий просил иподиакона Квадрагезима сделать отпуст. После отпуста раб Божий собрал у подножия святого престола пыль и вместе с Квадрагезимом отправился к телу умершего. Там инок опять долго пребывал в молитве и уже не просил, как прежде, иподиакона совершать отпуст, но сам благословил и тотчас встал. В правой руке он держал собранную им пыль, а левою стал снимать плат, которым покрыто было лицо умершего. Увидев это, женщина сильно воспротивилась, недоумевая, что он хочет делать. Но инок, сняв плат, долго тер лицо умершего собранною им пылью, после чего душа возвратилась к умершему; он открыл уста и глаза и, встав, сел и, как бы по пробуждении от самого крепкого сна, с удивлением смотрел на то, что делалось вокруг него. Изнуренная слезами женщина, как только увидела это, еще более прежнего начала плакать и рыдать от радости. Раб Божий кротко уговаривал ее перестать и замолчать. «Если кто вас спросит, — присовокупил он, — как это случилось, говорите только: Господь Иисус Христос силою Своею совершил это». Сказав это, он удалился из дома, оставил тотчас и иподиакона Квадрагезима и с того времени более не являлся в тех местах. Ибо, избегая временной славы, он старался, чтобы с людьми, бывшими свидетелями столь великого чуда, никогда более не видеться в сей жизни.

Петр. Не знаю, как думают другие, но я выше всех чудес считаю чудо, когда мертвые возвращаются к

жизни, а их души призываются в тело из таинственного места.

Григорий. Если смотреть на внешнюю сторону чуда, то, без сомнения, так; а если обратить внимание на внутреннюю сторону, то, конечно, чудо обращения грешника словом назидания и утешения будет выше, чем чудо воскрешения умершего по плоти. Ибо в последнем случае воскресает плоть, которая некогда опять умрет, а в первом — душа, предназначенная к вечной жизни. Я предложу тебе два примера; в котором из них, по твоему мнению, выразилось высшее чудо? Лазаря, который, конечно, был из числа верующих, Господь воскресил по плоти (Ин. 11), а Павла — по душе (Деян. 9). О добродетелях Лазаря после его воскресения по плоти умолчано. Но что говорится в Священном Писании о добродетелях Павла, после его душевного воскресения, того не может и объять наше слабое воображение, именно: что от его проповеди самые жестокие души склонялись на путь благочестия; что он желал умереть за братьев, смерти которых прежде радовался (Рим. 9, 3); что, обладая полнотою знания всего Писания, он признавал себя ничего не сведущим, *точно Иисуса Христа, и сего распята* (1 Кор. 2, 2); что за Христа, которого (до обращения) преследовал мечом, он (после обращения) радостно терпел биение палицами (2 Кор. 11, 25); что, как апостол, он высок, но сам себя признавал самым меньшим в числе учеников; что он восхищается к созерцанию таин *третьего небесе* (2 Кор. 12, 2), однако, движимый любовью, обращает умные очи свои к устроению брачных отношений, говоря: *жене муж должную любовь да воздает, такожде и жена мужу* (1 Кор. 7, 3); причастен созерцанию вместе с сонмами Ангелов, и однако не пренебрегает размышлением и рас-

поряжением о делах иноческих; радуется в немощах и благоволит в досаждениях (2 Кор. 12, 10); для него и *еже жити Христос, и еже умерти приобретение* (Флп. 1, 21); живя во плоти, он, однако, весь вне плоти (Гал. 2, 20). Вот как жил тот, кто от жизни чувственной обратился к жизни благочестия! Итак, воскресение мертвого по плоти — чудо меньшее, если только чрез воскрешение плоти не оживает и душа, так, чтобы посредством видимого чуда, человек ожил и внутренно, как бы после обращения.

Петр. Как прежде я считал воскресение мертвого чудом несравненно высшим всех, так теперь убежден, что оно гораздо ниже обращения ко спасению. Но прошу тебя продолжить начатый рассказ, чтобы свободное время не осталось без назидания.

ГЛАВА 18

Об иноке Венедикте

Григорий. Со мною в монастыре жил один брат, весьма начитанный в Священном Писании. Он был старше меня по возрасту и во многом, чего я не знал, вразумлял меня. Из его рассказов узнал я, что в Кампанской области, в сорока милях от Рима, жил некто по имени Венедикт¹¹². Юный возрастом, он был стар по жизни и строго исполнял обеты иноческой жизни. Во времена Тотилы его нашли готы и вздумали сожечь вместе с келлию. Поэтому они разложили огонь. Но огонь попалил все находившееся около келлии, келлия же сгореть не могла. После сего готы еще более рассвирепели и, увидев вблизи разожженную печь, готовившуюся для выпекания хлеба, извлекли инок

из келлии и, бросив в печь, закрыли ее. Но на следующий день инок найден был совершенно невредимым, так что не только тело его не пострадало от огня, но даже и верхняя одежда нисколько не повредилась.

Петр. Это напоминает мне чудо о трех отроках, которые, быв некогда ввержены в огонь, пребыли невредимыми (Дан. 3).

Григорий. Это чудо, мне кажется, совершилось несколько иначе. Тогда три отрока были ввержены в огонь, связанные по рукам и ногам, а на следующий день царь нашел их ходящими в печи в неповрежденной одежде. Отсюда можно заключить, что огонь, в который они были ввергнуты, не коснувшись их одежды, сожег их узы, так что в одно и то же время пламя, служившее праведникам, и удержало свою силу для вспомоществования им, и не имело ее для мучения их.

ГЛАВА 19

О храме священномученика веронского Зенона

Чудо, подобное тому древнему чуду, случилось и в наше время, только над противоположную стихией. Недавно трибун Иоанн¹¹³ рассказал мне об этом чуде. А сам он, как говорит, узнал от комита Пронульфа, который вместе с царем Аутари¹¹⁴ был в том месте, где случилось это удивительное происшествие. Трибун Иоанн рассказал мне именно следующее: «Почти пять лет тому назад в Риме река Тибр вышла из берегов. Вода поднялась так, что стала переливаться через городские стены и потопила огромные пространства. В городе Вероне река Атез также вышла из берегов и разлилась до храма священ-

номученика Зенона¹¹⁵. Несмотря на то, что церковные двери были отворены, вода нисколько не влилась в храм. Прибывая мало-помалу, вода, наконец, поднялась до церковных окон, которые были почти под самой кровлей. Таким образом, вода заградила церковные двери, и жидкая стихия как бы претворилась в вещество твердое, подобно камню. Внутри церкви много было народа, и когда вода со всех сторон окружила храм и сделала выход невозможным, находившиеся в церкви начали страшиться голодной смерти. Подходя к дверям церковным, они черпали для питья воду, которая, как я сказал, поднялась до церковных окон и, однако, отнюдь не вливалась вовнутрь церкви. Ее можно было черпать, как воду; но она не разливалась по храму, как вода. Остановившись при дверях церковных, чтобы свидетельствовать пред всеми праведность мученика, она, как вода, была годна к употреблению, но не потопляла места, как будто не была водою». Посему-то я и сказал, что чудо подобно вышеупомянутому древнему чуду с огнем, который попалил узы трех отроков, оставив неприкосновенными их одежды.

Петр. Весьма чудны повествуемые тобою деяния святых и изумительны для сегодняшней немощи человеческой. Но, слыша от тебя о мужах столь изумительной добродетели, недавно живших в Италии, я желал бы знать: неужели они не подвергались козням исконного врага и как преодолевали их?

Григорий. Без трудной борьбы не дается и победный венец. А почему они и победили, как не потому, что преодолели козни исконного врага? Ибо злой дух постоянно присущ нашей мысли, нашему слову и действию, дабы что-нибудь отыскать в нас такое, с чем мог бы он предстать на испытание вечного Су-

дии, как обвинитель. Хочешь ли знать, как он всегда присущ нам из желания уловить нас?

ГЛАВА 20

О Стефане, пресвитере Валерийской области

Следующее обстоятельство рассказывали мне наши современники. В Валерийской провинции был пресвитер по имени Стефан, человек благочестивой жизни, близкий родственник Вонифатию, нашему диакону и эконому. Однажды Стефан, воротившись из путешествия домой, сказал в рассеянии своему слуге: «Приди, диавол, и разуй меня». После этих слов ремни башмаков его начали развязываться с необыкновенною силою и скоростью. Очевидно, что позванный для снятия обуви диавол повиновался. Пресвитер, увидев это, сильно испугался и громогласно начал восклицать: «Удались, проклятый, удались, не тебе я сказал это, а моему слуге». После этого диавол тотчас отступил, и ремни как были им почти совсем распутаны, так и остались. Отсюда можно понять, что если исконный враг так следит за каждым нашим внешним действием, то как внимательно он устроит бесчисленные козни нашей душе!

Петр. Очень трудно и даже страшно быть всегда бдительным к козням врага и постоянно пребывать как бы на страже.

Григорий. Не будет трудно, если охранение себя мы вверим не самим себе, но высшей благодати, впрочем так, чтобы и сами мы, по возможности, бодрствовали под ее покровом. Когда же станем изгонять исконного врага из своей души, тогда, по Божествен-

ной благодати, большею частью бывает то, что диавол не только становится уже нестрашен, но даже сам страшится благочестиво живущих.

ГЛАВА 21

О девице-инокине, одним своим словом освободившей человека от злого духа

Следующее обстоятельство я узнал из рассказов очевидца, вышеупомянутого мною святейшего старца отца Елевферия. В городе Сполетто одна девица, дочь какого-то благородного вельможи, возымела пламенное желание посвятить себя небесной жизни. Отец старался удержать ее от сего образа жизни, но дочь, вопреки ему, приняла иноческий образ. За это отец исключил ее из полного наследства своему имению и ничего не отказал ей, кроме шестой части какого-то небольшого владения. К этой инокине стали приходить многие другие благородные девицы, увлеченные ее примером: посвящая себя всемогущему Господу, они пребывали в девстве. Однажды вышеупомянутый благочестивый настоятель Елевферий пришел к инокине для собеседования и назидания. В то время как они занимались беседою о слове Божием, вдруг из имения, отказанного инокине отцом, приходит поселянин с подарком. Как только он явился пред собеседующими, злой дух напал на него, поверг его на землю и начал мучить со страшным храпением и блеянием. Тогда инокиня встала и с гневным видом произнесла громогласно к диаволу повеление: «Оставь его, проклятый, оставь его». На это повеление диавол устами одержимого им тотчас отвечал: «А если я

из него выйду, то в кого мне войти?» Случайно неподалеку ходила небольшая свинья. «Изыди из него и войди в ту свинью», — произнесла повелительно инокия. Дьявол тотчас оставил человека, вошел в указанную свинью, убил ее и удалился.

Петр. Мне хотелось бы знать, можно ли было дозволить нечистому духу перейти в свинью?

Григорий. Деяния Истины должны быть правилами для нашей деятельности. Самому Спасителю нашему легион бесов, одержавший человека, сказал: *«Аще изгониши ны, повели нам ити в стадо свиное»* (Мф. 8, 31). Изгнав легион из человека, Спаситель дозволил ему войти в свиней и потопить их в море. Отсюда видно, что если злой дух не может войти без попуска всемогущего Бога и в свиней, то тем более без попуска не может иметь никакой власти над человеком. Итак, мы должны охотно покоряться Тому, Которому невольно повинуются и противники, чтобы нам тем сильнее быть своих врагов, чем ближе будем к Творцу всяческих своим смирением. Но что удивительного, если избранники Божии, еще живя во плоти, могут совершать много чудес, когда большею частью самые кости их мертвые часто живут, проявляясь во многих чудесах.

ГЛАВА 22

**О пресвитере Валерийской области,
остановившем вора при своей могиле**

Следующее обстоятельство случилось в Валерийской области и было мне рассказано блаженной памяти настоятелем Валентином. В той области жил

один почтенный священник, который с клириками своими при постоянном усердии к богослужению и добродетели вел жизнь свято-подвижническую. Когда наступило время воззвания его из сей жизни, он скончался и был погребен при церкви. Неподалеку от этой церкви были овчьи хлевы, и место, где был погребен священник, находилось на пути к этим хлевам. Однажды ночью, когда клир совершал в церкви богослужение, какой-то человек с мыслью обокрасть проник в хлевы, взял барана и поспешно вышел. Когда же он достиг места, где был погребен раб Господень, вдруг остановился и не мог двинуться с места. Он снял с плеч барана и хотел его пустить, но не мог распутать своей руки. В таком положении и остался несчастный вор, связанный со своей добычей. Ему хотелось пустить барана — не мог; хотелось унести барана — не было сил. Так удивительно вор, боявшийся, чтобы не увидали живые, был задержан мертвым и, как бы связанный по рукам и ногам, стоял неподвижно. Поутру, совершив богослужение, клирики вышли из церкви и видят: какой-то человек стоит с бараном в руках. Они недоумевали, взял ли он барана из овчарни или принес. Но виновный тотчас сознался в своем преступлении. Все были изумлены тем, что силою человека Божия вор был удержан вместе со своей добычей. Тотчас приступили к молитве за него и едва могли умолить святого, чтобы пришедший с хищническим намерением мог удалиться, по крайней мере, сам, без добычи. Таким образом, вор, долго находившийся в плену с добычей, вышел на свободу уже без нее.

Петр. Отсюда видно, как любвеобилен к нам всемогущий Бог, совершающий ради нас столь дивные чудеса.

ГЛАВА 23

О настоятеле с Пренестской горы и его пресвитере

Григорий. Близ города Пренесты* возвышается гора, на которой расположен монастырь во имя святого апостола Петра¹¹⁶. В то время как я был в этом монастыре, от иноков, в нем живущих, мне случилось выслушать рассказ о следующем чуде, которого они, по их словам, сами были свидетелями. Настоятель этого монастыря был человек уважаемый по жизни. При нем жил инок, которого он сам руководил в жизни благочестивой. Усмотрев, что инок утвердился в страхе Божием, настоятель приказал посвятить его в сан пресвитера в том же монастыре. После посвящения было иноку откровение, что приближается его кончина. Посему он стал просить у настоятеля позволения приготовить себе могилу. «Я еще прежде тебя умру, — сказал ему настоятель, — впрочем, ступай и по своему желанию приготовь себе могилу». Инок пошел и приготовил. Спустя несколько дней престарелый настоятель, мучимый болезнью и находясь уже при последних минутах жизни, дал бывшему при нем пресвитеру приказание схоронить его в приготовленной им для себя могиле. «Тебе известно, — возразил пресвитер, — что я скоро последую за тобою, а могила двоих вместить не может». «Сделай так, как я тебе говорю, — сказал опять настоятель, — твоя могила вместит нас обоих». Итак, старец скончался и был погребен в могиле, которую приготовил пресвитер для себя. Немедленно после сего начал ослабевать в телесных силах и пресвитер

* Город Пренеста — нынешняя Палестрина.

и, по усилении этой слабости, вскоре скончался. Когда братья принесли тело пресвитера для погребения к могиле, приготовленной им в прежнее время, и раскопали ее, все присутствовавшие увидели, что в ней не было места для погребения пресвитера, ибо прежде погребенное в ней тело монастырского настоятеля занимало все место. Между тем как братья, принесшие тело пресвитера, были в затруднении, как похоронить его в этой могиле, один из них воскликнул: «Отче! Как же ты говорил, что могила вместит вас обоих?» После этого воззвания пред глазами всех тело прежде погребенного настоятеля, лежавшее навзничь, обратилось на бок и дало в могиле простор для погребения тела пресвитера. Таким образом, старец, как предсказал при жизни, что могила вместит их обоих, так и исполнил это по смерти. Это случилось, как я сказал, неподалеку от города Пренесты, в монастыре святого апостола Петра. Но не угодно ли тебе знать, что случилось с церковным стражем в самом городе, где находятся святые мощи апостола Петра?

Петр. Желаю и всеусерднейше прошу тебя рассказать об этом.

ГЛАВА 24

О Феодоре, парамонаре при храме святого апостола Петра в Риме

Григорий. Еще и теперь живы некоторые лица, знавшие Феодора, стража при церкви святого апостола Петра. Им Феодор рассказывал следующее, случившееся с ним весьма замечательное происшествие.

Однажды ночью он встал ранее обыкновенного для очищения светильников, висевших при дверях.

И когда он, по обыкновению, на деревянной лестнице стоял под лампадой и чистил оную, вдруг позади его на полу явился святой апостол Петр в белой одежде и сказал ему: «Друг! Зачем ты так рано встал?» Сказав это, апостол стал невидим. Феодора объял такой страх, что вся крепость телесная оставила его, и несколько дней он не мог встать с постели. Не очевидно ли хотел выразить этим явлением святой апостол, что он всегда присущ лицам, служащим ему, что все, совершаемое ими в честь его, он всегда сам видит и немедленно вознаграждает?

Петр. Мне не столько удивительно то, что явился апостол, сколько то, что видевший его впал в болезнь, хотя и был здоров.

Григорий. Что ты этому удивляешься, Петр? Есть ли в этом что непонятное, когда и пророк Даниил, описав известное великое и страшное видение, приведшее его в трепет, тотчас присовокупил: *Аз же уснох и изнемогах на дни многи...* (Дан. 8, 27). Плоть не может вместить духовного, и посему нередко, когда душа человеческая восхищается вне тела к созерцанию, ее плотский сосуд изнемогает, ибо не может понести этого великого дарования.

Петр. Слова твои разрешили мои недоумения.

ГЛАВА 25

Об Аконции, парамонаре той же церкви святого апостола Петра

Григорий. По рассказам наших старцев, в недавние времена при том же храме был церковным сторожем некто Аконций, человек весьма степенный и

смиранный. Он с такою верою служил всемогущему Богу, что святой апостол Петр видимо показал к нему свое благоволение. При храме была одна отроковица, страдавшая параличом. Она ползала по земле на руках, потому что ноги ее были поражены болезнью. Долго молилась она святому апостолу Петру об исцелении, и вот однажды ночью он предстал ей в видении и сказал: «Иди к парамонарю Аконцию, проси его, и он возвратит тебе здоровье». Уверовав сему видению, но еще не зная, кто такой Аконций, она стала туда и сюда ползать по церкви, чтоб узнать, кто был Аконций. Вдруг тот, кого она искала, сам идет к ней навстречу. «Умоляю тебя, отче, — воззвала больная, — скажи мне, кто здесь страж Аконций?» «Я Аконций», — сказал встретившийся. «Пастырь и отец наш, святой апостол Петр, послал меня к тебе, чтобы ты освободил меня от немощи». «Если он послал тебя, так встань». Сказав это, Аконций взял ее за руку и тотчас поднял на ноги. С этой минуты все жилы и члены в теле отроковицы так укрепились, что не осталось более никаких признаков расслабления.

Но если мы захотим беседовать обо всех чудесах, совершившихся в этом храме, то, без сомнения, должны будем умолчать обо всех других событиях. Поэтому возвратимся к повествованию об отцах, в недавнее время прославившихся в Италии своею жизнью.

ГЛАВА 26

Об отшельнике Мине

Григорий. Недавно в Самнийской области проводил отшельническую жизнь один достопочтенный муж, именем Мина¹¹⁷. Он умер лет десять тому назад; многие из наших знали его. Не стану указывать на одного какого-нибудь повествователя о его деяниях; свидетелей его жизни столько же, сколько людей, знающих Самнийскую область. Все достояние, которым владел Мина, заключалось лишь в нескольких ульях пчел. Однажды какой-то лангобард задумал ограбить его ульи. Мина словесно воспретил ему это, и вдруг злой дух овладел лангобардом и поверг его к стопам Мины. После этого происшествия имя Мины прославилось как между всеми жителями той области, так и между этого варварского народа, и уже никто не дерзал входить иначе в его келлию, как со страхом.

Из соседнего леса часто выходили медведи и пытались доставать из ульев мед, но святой ловил их и бил посохом, с которым обыкновенно ходил. Страшные звери с рычаньем убегали от его побоев: они не так трепетали меча, как страшились его посоха.

Правилом сего святого было: ничего не иметь и ничего не искать в сем мире; во всех, по любви приходивших к нему, возжигать желание жизни вечной, а для тех, о грехопадениях которых он знал, не щадить обличений, но, как требовала его горячая любовь, со всею строгостью поражать их словом. Жители ближних и отдаленных мест установили обыкновение ежедневно по очереди посылать к святому разные приношения для раздачи всем, приходившим к нему. Однажды какой-то богатый человек, по име-

ни Картерий, одержимый нечистою похотью, похитил одну инокиню и сочетался с нею незаконным браком. Узнав об этом, человек Божий, чрез кого мог, посылал Картерию должные обличения. Тот же со страхом сознал свое преступление, но никак не смел явиться к человеку Божию, чтоб не услышать от него тех строгих обличений, какие он делал обыкновенно согрешавшим, а послал ему от себя дары вместе с приношениями других, чтобы святой, по неведению, по крайней мере, принял их. Но когда Мине принесли все эти дары, он сел и молча начал рассматривать каждый из них особо. Отобрав и отложив в сторону все другие приношения, он, по откровению, узнал дары, присланные Картерием, и, отбросив их с презрением, сказал: «Подите и скажите ему: ты похитил дар Божий, а мне посылаешь! Не принимаю я от тебя приношение, потому что ты похитил дар у Бога». Эти слова, показывавшие, какое точное понятие имел человек Божий об отсутствующем, привели всех тут бывших в большой страх.

Петр. Я думаю, что многие из этих святых были бы мучениками, если бы жили во времена гонений.

Григорий. Есть два рода мученичества, Петр: одно — внутреннее, другое — внешнее; и если не будет внешнего гонения, может быть мученичество сокровенное, когда душа сгорает готовностью на мучение. Что мученичество может быть и без видимого страдания, это засвидетельствовал сам Господь в Евангелии, когда сынов Зеведеевых, по немощи ума своего просивших у него высших мест, спросил: *можете ли пить чашу, юже Аз имам пити?* Когда же они ему отвечали: *можева*, Господь сказал обоим: *чашу Мою испиета, а еже сести одесную Мене и ошуюю Мене, несть Мое дати...* (Мф. 20. 22–23). Что разуме-

ет здесь Господь под чашею, как не чашу страданий? Посему, зная подлинно, что Иаков кончил жизнь мученически, а Иоанн скончался, когда не было гонения на Церковь, несомненно заключаем, что есть мученичество и без открытого страдания, так как и об умершем не от гонения сказано было, что он испиет чашу Господню. Но для чего мы исследуем, могли ли быть мучениками во время гонений те упомянутые мною мужи, которые постоянно страдали от козней невидимого врага и в сем мире любили своих врагов, боролись со всякою похотью плоти и тем самым закаляли себя духом в жертву Богу, и соделались мучениками во время мира, когда даже в наши времена люди самые простые и мирские, о небесном прославлении которых нельзя было, по-видимому, и думать, как скоро открывался случай, стяжавали себе венцы мученические?

ГЛАВА 27

О сорока поселянах, умерщвленных лангобардами за отказ вкусить идоложертвенную пищу

Например, назад тому лет пятнадцать, по свидетельству очевидцев, сорок человек поселян, взятые лангобардами в плен, были ими принуждаемы есть идоложертвенное мясо. Когда они сильно воспротивились этому и не хотели прикасаться к скверной пище, пленители лангобарды стали угрожать им смертью, если не будут есть. Но пленники, возлюбив вечную жизнь более, чем настоящую, временную, остались верными, и за свою непоколебимость все были убиты¹¹⁸. Эти люди, предпочтя смерть от

меча страху оскорбить своего Создателя вкушением запрещенного, не были ли действительными мучениками за истину?

ГЛАВА 28

О множестве пленников, побивенных за отказ поклониться козьей голове

В те же времена в плену у лангобардов было еще других человек четыреста. У лангобардов был обычай приносить в жертву дьяволу козью голову; жертвоприношение сопровождалось беганием вокруг и пением непотребных песен. Итак, сами почтивши поклонением козью голову, они принуждали к такому же поклонению и своих пленников. Но большая часть пленников, приобретение чрез смерть бессмертной жизни предпочитая сохранению временной жизни чрез идолопоклонство, отказалась исполнить нечестивое повеление, и своей главы, которую всегда преклоняли пред Творцом, не восхотели преклонять пред тварью. За этот отказ жестоко озлобившиеся враги, пленители, посекали мечом всех пленников, не принимавших участия в их заблуждении¹¹⁹. Итак, если и при случайном гонении восприяли венец мученический даже те, которые, по-видимому, во время мира Церкви шли широким путем мира, то удивительно ли, что при открывшемся гонении могли соделаться мучениками те, которые и во время самого мира Церкви, повсечасно изнуряя себя, шли узкою стезею мученичества? Впрочем, это сказанное мною об избранных мужах не нужно принимать за общее для всех правило: потому что при наступлении явного гонения многие и из тех, ко-

торые казались во время мира Церкви ненадежными, могут вынести мучения, и напротив, казавшиеся во время мира Церкви твердыми в вере иногда колеблются по страху. Но я, несомненно, уверен, что все святые, о которых мною было говорено, могли соделаться мучениками; это видно уже по концу их жизни. Ибо те, о которых известно, что до конца своей жизни пребыли тверды в сокровенной духовной добродетели, не могли пасть и при явном гонении.

Петр. Слова твои справедливы. Но по отношению к нам, недостойным, меня изумляет распределение милосердия Божия, которое до такой степени ограничивает неистовство лангобардов, что нечестивому духовенству их, по-видимому, торжествующему над нами, не попускает преследовать православно-верующих¹²⁰.

ГЛАВА 29

Об арианском ослепшем епископе

Григорий. Часто пытались они, Петр, предпринимать это, но божественные чудеса останавливали их злобу. Расскажу тебе об одном чуде, о котором только три дня назад узнал я сам от Вонифатия, инока из моего монастыря, который года за четыре пред этим был у лангобардов. В город Сполетто прибыл однажды арианский епископ, лангобард, и, не имея храма, в котором бы мог совершать свое богослужение, стал просить у городского епископа церкви для своего еретического служения¹²¹. Когда же епископ решительно отказал в этом, пришелец арианин угрожал на следующий день насильственно занять находившийся не-

подалеку храм святого апостола Павла. Церковный страж, узнав об этом, поспешил в храм, затворил его и запер на замок, а при наступлении вечера погасил все лампы, сам же скрылся во внутренности. На самом рассвете приходит арианский епископ с толпою народа, намереваясь разломать церковные двери. Но вдруг Божественною силою поколебались все двери, замки далеко были отброшены и с сильным шумом все церковные двери и затворы раскрылись; свыше нисшел свет, и все погашенные лампы засветились. Арианский же епископ, пришедший с намерением насильственно завладеть храмом, был поражен слепотою и возвратился в жилище свое при помощи других. Когда об этом узнали находившиеся в той стране лангобарды, никто из них не смел уже никогда входить в православные храмы. Так, когда лампы в храме святого Павла были погашены ради арианского епископа, то в одно и то же время и епископ лишен был света, и свет возвратился в церковь.

ГЛАВА 30

Об арианском храме в Риме, освященном для православных

Но не могу умолчать и о том, какие знамения два года тому назад Божественное милосердие показало в нашем городе в осуждение той же арианской ереси. Из того, что я буду рассказывать, часть известна народу, часть же подтверждается священником и церковными стражами, как очевидцами и свидетелями. В той части Рима, которая называется Субурою, находилась церковь арианская. Так как уже два года

она стояла запертою, то православные вздумали освятить ее для себя внесением туда мощей святого мученика Севастиана и мученицы Агаты¹²². Так и было сделано. В сопровождении многочисленного народа и при пении хвалебных гимнов всемогущему Богу вступили мы в эту церковь. И вот в то время, как в церкви совершалась торжественно Литургия и, по малости места, народ теснился, некоторые из стоявших вне святылища вдруг почувствовали, что у них между ногами бегают туда и сюда свинья. Каждый, кто это чувствовал, сообщал близ себя стоявшим; свинья бежала из церкви; все, между которыми она прошла, были изумлены, потому что хотя могли чувствовать, что она идет, но никто ее не видел. Божественное милосердие для того попустило это, чтобы всем было очевидно, что из того места вышел нечистый обитатель. Совершив Литургию, мы удалились; но в ту же ночь на церковной кровле послышался сильный стук, как будто бы кто бежал по ней туда и сюда. В следующую ночь шум усилился и, наконец, разразился таким треском, как будто бы вся церковь подвиглась со своих оснований; и вдруг все успокоилось опять и более уже ни в чем не проявлялся там мятеж исконного врага. Ибо произведенный им страшный шум показал, что он оставил поневоле место, которым долго владел. Спустя несколько дней, когда воздух был чрезвычайно прозрачен, облако ниспустилось с неба на алтарь той церкви и осенило ее как бы покровом, и весь храм исполнился такого благоухания и страха, что и при открытых вратах никто не дерзал войти в него. Священник и стражи, а также пришедшие к Литургии, видя явление и обоняя чудное благоухание, никак не осмеливались войти в храм. На другой же день лампы, висевшие в том храме незажженными, возжглись ог-

нем, нисшедшим с неба. Также чрез несколько дней, когда страж, по совершении Литургии погасив лампы, вышел из церкви и, спустя немного, возвратился опять, он нашел погашенные лампы горящими. Думая, что это произошло от невнимательности при погашении лампад, страж со всею тщательностью погасил их и так же тщательно запер церковь. Но, возвратившись чрез три часа, опять нашел погашенные им лампы горящими: этот свет ясно показывал, что храм перешел из тьмы в свет.

Петр. Изумительные чудеса, рассказываемые тобою, свидетельствуют, что хотя мы живем и в великих мучениях, но еще не до конца оставлены Создателем нашим.

Григорий. Хотя я имел намерение рассказывать тебе только о событиях италийских, но не угодно ли, в обличение арианской ереси, перенести рассказ в Испанию, а оттуда чрез Африку опять возвратимся в Италию?

Петр. Переноси куда угодно рассказ твой, я с радостью последую тебе и с радостью возвращусь с тобою.

ГЛАВА 31

**О царе Герменгильде, сыне
вестготского царя Леовигильда, убитом
отцом своим за католическую веру**

Григорий. Из рассказов многих испанских пришельцев я узнал, что недавно Герменгильд, сын вестготского царя Леовигильда, был обращен из арианской ереси к католической вере проповедью достопочтен-

нейшего Леандра, испанского епископа, с которым я был некогда в коротких дружественных отношениях¹²³. Отец арианин усиливался возвратить к ереси сына и обещанием наград, и страхом наказания. Но, как сын с твердостью отвечал, что он никогда не оставит однажды познанной им истинной веры, то разгневанный отец лишил его царства и отнял у него все имение. Но когда и это не могло поколебать душевной твердости сына, отец заключил его под крепкую стражу, а на шею и руки его наложил железные узы. Здесь царственный юноша Герменгильд, обремененный оковами, во власянице, размышляя о ничтожности земного царства, всю силу души своей устремлял к Царству Небесному. В излиянии молитв пред всемогущим Богом искал он себе одобрения и тем сильнее презирал славу преходящего мира, чем яснее становилось для него, что и на свободе он ничего не мог бы взять с собою. При наступлении праздника Пасхи нечестивый отец во время безмятежной ночной тишины послал к сыну арианского епископа, чтобы Герменгильд из его рук приобщился нечистому таинству и тем возвратил себе благорасположение отца. Но преданный Богу юноша с укором встретил арианского епископа и, вполне обличив его нечестие, отогнал от себя. Ибо, хотя по внешности он лежал связан, но сам по себе в душе оставался в высшей степени твердым.

Итак, когда возвратился епископ, арианин-отец пришел в ярость и тотчас послал своих телохранителей умертвить на месте заключения непоколебимого исповедника Божия; что и было исполнено. Вошедши в темницу, они тотчас поразили его в голову мечом и таким образом лишили телесной жизни; они умертвили в нем то, что и сам умерщвленный

вполне презирал. Но для обнаружения истинной его славы Господь немало сотворил чудес. Так, среди ночной тишины, при теле сего царя и мученика (воистину царя по тому самому, что мученик) слышалось псалмопение. А некоторые говорят, что ночью же при теле явились зажженные лампы. Посему то справедливо все верующие должны были почитать тело его как тело мученика. Нечестивый же и чадоубийца-отец раскаялся и скорбел о своем поступке; впрочем, он не хотел наследовать спасения. Ибо, хотя он и познал, что вера католическая — истинна, но, страшась своих подданных, не решился принять ее. Когда болезнь приблизила его к смерти, он поручил епископу Леандру, которого дотоле сильно преследовал, сына своего, Рекареда, остававшегося в ереси, и просил его своими внушениями произвести в нем ту же перемену, какую он произвел в его брате. Сделав это завещание, он помер. По смерти его царь Рекаред, подражая не нечестивому отцу, а мученику-брату, обратился сам от злой арианской ереси¹²⁴, и потом, не позволяя никому в своем царстве вступать в воинское звание, кто не страшился, как нечестивый еретик, оставаться врагом царства Божия, весь народ вестготский привел к истинной вере. И неудивительно, что проповедником истинной веры соделался брат мученика, заслуги которого помогли ему обратить столь многих к Церкви всемогущего Бога. В этом событии достойно полного внимания то, что всего этого не было бы, если бы царь Герменгильд не умер за истину, как написано: *аще зерно пшенично, пад на земли, не умрет, то едино пребывает; аще же умрет, мног плод сотворит...* (Ин. 12, 24). В членах, как видим, совершается то же, что и в Главе. Ибо из вестготского народа умер один, чтобы ожи-

ли многие; одно зерно верно пало для возвращения жизни душевной и произрастило великую жатву.

Петр. Чудные дела и изумительные для нашего времени!

ГЛАВА 32

Об африканских епископах, которые свободно говорили, несмотря на то что ариане-вандалы отсекали им языки за кафолическую веру

Григорий. Во времена Юстиниана Августа¹²⁵, когда в Африке свирепствовало сильное гонение на кафолическую веру от вандалов-ариан, некоторые епископы, с непреклонною твердостью защищавшие истину, были приведены в судилище¹²⁶. Не успев преклонить их к перемене веры словами и дарами, царь вандальский вздумал сокрушить их твердость мучениями. Он приказывал им молчать, но они защищали истину и не хотели молчать пред нечестьем, чтоб не показывать своим молчанием согласия. Царь пришел в ярость и приказал вырезать у них языки до самого корня. Но чудное дело! Многие старцы свидетельствуют, что и без языка они стали так же говорить в защиту истины, как говорили прежде с языком.

Петр. Чудное и в высшей степени изумительное дело!

Григорий. О Единородном Сыне Всевышнего Отца, написано: *в начале бе Слово, и Слово бе к Богу и Бог бе Слово...* (Ин. 1, 1); о силе же Его прибавлено: *вся Тем быша...* (Ин. 1, 3). Что же удивительного, Петр, если само Слово, создавшее язык, возглаголало в них без языка?

Петр. Да, твое замечание справедливо.

Григорий. Эти епископы были тогда изгнаны из отечества и удалились в Константинополь. В то время как я был послан к императору по делам церковным, я встретил там одного старца епископа, который свидетельствовал, что сам видел, как уста их говорили без языка. Даже отверзая свои уста, они громогласно говорили: «Смотрите, мы говорим, хотя и не имеем языков!» И, по его словам, желающие видели, что на месте вырезанных до корня языков оставалась как бы глубокая впадина в горле; и, несмотря на то, что уста были пусты, слова образовались вполне. Но как скоро один из них предался роскоши, то лишился чудесного дара¹²⁷. Так праведно судил всемогущий Бог, чтобы человек, вознерадивший о сохранении плотского воздержания, не мог и говорить без языка плотского.

Этих повествований об осуждении арианской ереси достаточно; теперь возвратимся к чудесам, недавно совершившимся в Италии.

ГЛАВА 33

О рабе Божиим Елевферии

Вышеупомянутый мною* Елевферий, настоятель монастыря святого евангелиста Марка, находящегося в окрестностях города Сполетто, долго жил со мною в здешнем моем городском монастыре, но скончался в своем монастыре¹²⁸. Ученики его рассказывают, что он своею молитвою воскресил умершего.

* См. двадцать первую главу.

Он обладал таким смирением и сердечным сокрушением, что, без сомнения, слезы, исходившие из очей столь кроткого и простого человека, имели великую силу пред Богом. Расскажу теперь об одном его чуде, в котором и сам он предо мною простодушно признался. Однажды во время пути, когда по наступлении вечера не было места, куда уклониться, он зашел в женский монастырь. В монастыре был малолетний отрок, который каждую ночь обыкновенно подвергался мучениям злого духа. Инокени приняла раба Божия и просили его взять к себе на ночь этого отрока. Елевферий охотно согласился и дозволил отроку вместе с собою провести эту ночь. Поутру инокени стали заботливо расспрашивать отца, не сделал ли с ним чего-либо ночью отрок, которого они ему дали. С удивлением отвечал он на их вопрос: «Ничего». Тогда они объяснили ему касательно отрока, что злой дух ни в одну ночь не отступал от него, и настойчиво просили его взять отрока с собою в монастырь, потому что они уже не могли смотреть на его мучения. Старец согласился и взял с собою отрока в монастырь. Когда отрок немало времени пробыл в монастыре и исконный враг не дерзал и приступить к нему, старец предался в душе своей необыкновенной радости оттого, что спас отрока. «Вот, братия, — говорил он всей монастырской братии, — там диавол ругался над сестрами, но как скоро отрок пришел к рабам Божиим, диавол уже не смеет к нему подступить». Вдруг после этих слов диавол, пред лицом всей братии, напал на отрока и начал его мучить. Старец возрыдал, увидев это. Долго братия старались утешить его в скорби. Наконец, он сказал им: «Поверьте мне, что ни один из вас не вкусит ныне хлеба, доколе отрок не будет избавлен от демона».

Тогда он вместе со своею братиею погрузился в молитву; молились до тех пор, пока отрок не избавился от мучения. Исцеление последовало столь совершенное, что злой дух более уже никогда не дерзал приступать к отроку.

Петр. Я думаю, что небольшая гордость вкралась в душу старца, и потому всемогущий Бог благоволил соделать участниками чуда и учеников его.

Григорий. Да, один он не мог понести столь важного чуда, но, разделив с братиею, понес. Сам на себе испытал я, какую силу имела молитва этого человека. Однажды, находясь еще в монастыре, я за немог ослаблением жизненных сил и от частых болезненных припадков более и более приближался к смерти. Болезнь эту врачи на греческом языке называют «синкопин»*. Если бы братия постоянно не подкрепляли меня пищею, жизненные силы во мне совершенно истощились бы. Наступал день Пасхи. В Великую Субботу, когда все, даже малолетние дети, постятся, я не мог поститься и от скорби начал слабеть еще более, чем от болезни. Но скорбная душа моя скоро обрела себе утешение. Я решился тайно пригласить раба Божия Елевферия с собою в молитвенницу¹²⁹ и просить его помолиться, чтобы всемогущий Господь даровал мне силы для поста в тот день. Так и сделал. Как только мы вошли в молитвенницу, и я смиренно попросил его, он со слезами начал молиться и после краткой молитвы вышел. Но когда он произнес благословение, чрево мое так укрепилось, что решительно исчезла всякая мысль о пище и о болезни. И удивлялся я, зная, чем я был и чем

* В латинском оригинале «Sincopin». В переводе с лат. — повторяющиеся обмороки.

стал, ибо, когда изнеможение касалось души моей, я ничего не мог припомнить из того, что знал прежде, а когда мысль моя была занята делами монастырскими, болезнь совершенно забывалась. Когда же, как я сказал, вспоминал я о своей болезни, а между тем чувствовал себя крепким, меня удивляло то, что я еще не вкушал. Возвратившись повечеру, я почувствовал в себе столько силы, что, если бы захотел, мог продлить пост свой и на следующий день. Так, хотя я не был свидетелем того, что рассказывали о старце, но на самом себе испытал, что все это истинно.

Петр. Ты сказал, что этот человек обладал глубоким сердечным сокрушением. Мне хотелось бы полнее постигнуть силу слез. Прошу тебя, скажи: сколько видов сердечного сокрушения?

ГЛАВА 34

Сколько видов сердечного сокрушения?

Григорий. Есть несколько видов сердечного сокрушения, когда кающийся оплакивает каждый из своих грехов. Посему и Иеремия говорит от лица кающихся: *исходища водная излиет око мое...* (Плач. 3, 48). Но главным образом есть два рода сердечного сокрушения: во-первых, когда сердце, жаждущее Бога, сокрушается страхом, а во-вторых, когда сокрушается по любви. В первом случае душа горько скорбит, когда, вспоминая о своих грехах, страшится подвергнуться за них вечному мучению. Но когда продолжительная скорбь и беспокойство изгладят этот страх, в душе водворяется некоторое спокойствие от предчувствия избавления, в ней возгорается уже любовь к небес-

ным радостям; и как прежде она плакала по страху мучений, так после еще с большею горестью оплакивает то, что она вне Царствия. Ибо душа созерцает и сонмы Ангелов, и взаимное общение блаженных душ, и величие вечного лицезрения Божия, и еще более рыдает о своем отлучении от вечных благ, чем прежде плакала, когда страшилась вечных мучений. Таким образом, полное сокрушение по страху приводит душу к сокрушению по любви. Прекрасно представлено это в том истинном, священно-историческом рассказе, что *Асхань, дочь Халеева, воззва со осляти. И рече ей Халев: что ти есть? И рече ему: даждь ми благословение, яко в землю полуденную отдал еси мя. Дажь ми Голаф-Маим, и даде ей Халев Голаф-Маим вышний и Голаф нижний...* (Нав. 15, 18–19). Асхань, сидящая на осляти — это образ души с ее неразумными плотскими стремлениями. Та со вздохом просит у отца влажной земли*; так и мы с великим стенанием должны испрашивать у Творца нашего дара слез. Ибо некоторые получили дар свободно защищать истину, охранять угнетаемых, бедным оказывать пособие, быть ревнителями веры, но дара слез еще не имеют. Они владеют землею полуденною и сухою и нуждаются еще в земле влажной. Пусть они ревностно творят добрые дела, их возвеличивающие; нужно, крайне нужно им, по страху ли мучений или по любви к Царству Небесному, оплакать прежде содеянные грехи. Но, как я сказал, есть два рода сокрушения; отец дает им землю влажную, вышнюю и нижнюю. Душа приобретает вышнюю землю, когда желание Царствия Небесного возбуждает в ней скорбные слезы. Душа приобретает землю нижнюю, когда плачет, трепеща мук адских.

* *Голаф-Маим* в подлиннике значит: *источники водные*.

Впрочем, прежде дается нижняя земля, а потом уже верхняя. Но как сокрушение любви по достоинству выше, то необходимо было упомянуть прежде о земле верхней, а потом уже о земле нижней.

Петр. Доволен твоим объяснением. Но после того, как ты сказал, какими совершенствами обладал благочестивый Елевферий, хотелось бы знать, есть ли и ныне в мире сем такие люди.

ГЛАВА 35

Об Аманции, пресвитере Тусцийской области

Григорий. Флорд, епископ Ферентинской церкви, которого святость и правдолюбие известны твоей любви, рассказывал мне, что у него был один пресвитер, именем Аманций¹³⁰, человек, отличавшийся особенною простотою и обладавший, по его словам, таким дарованием, что он, по примеру апостолов, возлагал руку на больных и исцелял их; и, как бы ни сильна была болезнь, она исчезала при его прикосновении. Еще рассказывал он о нем то чудо, что где бы ни нашел он самого лютого змия, одним крестным знамением поражал его, так что силою креста, изображенного человеком Божиим, змий издыхал от разрыва внутренностей. Когда змий хотел от него скрыться в пещере, он осенял пещеру крестным знамением, и змия тотчас вынимали из пещеры мертвым. Я сам старался увидеться с человеком, обладавшим такою силою; и когда привели его ко мне, я пожелал, чтобы он остался на несколько дней при больнице, чтобы скорее можно было узнать, обладал ли он каким даром исцеления. Между прочими

больными там находился умопомешанный, чья болезнь среди медиков по-гречески называется «фринитикум». Однажды ночью в припадке своей болезни он начал громко кричать и своим страшным криком беспокоил всех больных так, что никто из них не мог уже заснуть. Так, к величайшему сожалению, что было худо для одного, то было еще хуже для всех. Но как сперва от достопочтенного епископа Флорида, который тогда также был вместе с вышеупомянутым пресвитером, так потом и от отрока, в ту ночь прислуживавшего больным, я до точности узнал, что достопочтенный пресвитер, встав со своей постели, молча приблизился к ложу умопомешанного и, возложив на него руку, начал молиться. Потом, когда больному стало легче, взял его в верхнее отделение дома, в молитвенницу, где еще усерднее молился за него, и уже здоровым привел его на постель, так что после сего он уже не кричал и не беспокоил никого из больных своими возгласами, и, получив полное сознание, уже не увеличивал болезни других.

По одному этому чуду мы должны считать справедливым все, что говорили о святом Елевфении.

Петр. Много назидательного для жизни видеть столь великих чудотворцев на земле и в своих согражданах созерцать Иерусалим небесный на земле.

ГЛАВА 36

О Максимиане, епископе Сиракузском

Григорий. Полагаю, что не следует умолчать и о том, что всемогущий Бог благоволил совершить некогда над рабом своим Максимианом, ныне еписко-

пом Сиракузским, а прежде настоятелем моего монастыря¹³¹. Когда, по распоряжению моего архипастыря, я находился при константинопольском дворе в должности церковного апокрисиария, там, по своему благорасположению, приходил ко мне почтенный Максимиан с братиею. Когда же он отправился в Рим в мой монастырь, на Адриатическом море застигла его страшная буря и, вместе со всеми спутниками своими, он необыкновенно чудесным и сверхъестественным образом испытал на себе гнев и милость всемогущего Бога. Ибо яростные волны, воздымаемые сильным ветром, угрожали им смертью; кормило корабельное было оторвано, мачта сбита, паруса плавали в воде, и весь корабль, обуреваемый страшными волнами, был поврежден во всех своих частях. Сквозь открывшиеся щели протекала в него морская вода и наполнила корабль до самой верхней палубы так, что не столько был замечен корабль на воде, сколько вода в корабле. Тогда все находившиеся на корабле, страшась уже не близкой, а настоящей и видимой гибели, простились друг с другом, причастились Тела и Крови Икупителя, и каждый молил Бога благоволительно принять души их после того, как тела их были осуждены на столь страшную смерть. Но всемогущий Бог, поразивший их столь великим страхом, чудесно спас их жизнь. В продолжение восьми дней корабль их, до самого верха наполненный водою, продолжал плыть своим путем, а в девятый день пристал к кротонской пристани. Все плывшие с вышеупомянутым достопочтенным Максимианом, сошли с корабля невредимы. Но как скоро после них сошел и сам он, корабль тотчас погрузился на дно той пристани, как будто бы, когда сошли с него, он лишился не тяжести, а легко-

сти. Корабль, когда был наполнен водою и народом, носился и плавал по морю, а как скоро Максимиан с братиею оставили его, он не мог удержать в гавани воды без народа. Этим всемогущий Бог показал, что Он Своею дланью поддерживал этот корабль, когда он был нагружен, а когда люди сошли с него и он остался пустым, то для чего уже было ему оставаться на воде?

ГЛАВА 37

О Санктуле, пресвитере Нурсийской области

Дней сорок назад ты видел у меня прежде упомянутого мною* благочестивого пресвитера Санктула, который обыкновенно каждый год приходил ко мне из Нурсийской провинции. Три дня тому назад приходил ко мне из той же провинции один инок с поразившею меня печальною вестью, что этот муж уже скончался. Хотя без слез я не могу и вспомнить об этом кротком человеке, впрочем, теперь уже без опасений могу рассказать о чудесах его, о которых слышал от соседних ему священников, людей в высшей степени правдолюбивых и чистосердечных. И как между лицами, взаимно расположенными, короткость обращения позволяет более дерзновения, то и я часто побеждал его смирение, так что и сам он рассказывал о некоторых из последних совершенных им чудес. Однажды лангобарды давили тисками маслины, чтобы выжать из них масло. Санктул, обладавший приятною наружностью и таким же характером,

* См. пятнадцатую главу.

с пустым мехом подошел к месту действия и, приветствовав трудившихся лангобардов, с радостным видом предложил им более повелительно, чем как проситель, наполнить маслом его мех. Но язычники, целый день напрасно проработавшие (потому что они при всех усилиях не могли выжать масла из маслин), с досадою выслушали его и начали поносить его оскорбительными словами. Тогда человек Божий с еще более радостным видом отвечал им: «Так молитесь за меня, наполните Санктулу этот мех, и он оставит вас». Между тем лангобарды, не получая из олив масла и слыша от человека Божия настоятельные требования наполнить маслом его мех, пришли в сильное негодование и начали еще более позорными словами поносить его. Человек же Божий, видя, что они никак не могут добыть масла, попросил себе воды, пред глазами всех благословил ее и из своих рук начал лить на тиски. По силе этого благословения из тисков тотчас полилось масло в таком обилии, что лангобарды, доселе долго и напрасно трудившиеся, не только наполнили все свои сосуды, но и мех, принесенный человеком Божиим, и возблагодарили того, который, пришед просить масла, своим благословением дал то, чего просил.

В другое время, когда повсюду свирепствовал сильный голод, лангобарды сожгли церковь святого мученика Лаврентия¹³². Желая восстановить ее, человек Божий пригласил многих мастеров и рабочих. Надобно было неопустительно каждый день вознаграждать их издержки. Но так как стоял сильный голод, то оказался недостаток в хлебе; и рабочие, по скудости пропитания не имея сил для труда, стали настойчиво просить себе хлеба. Человек Божий по наружности старался ободрить их и обещал доста-

вить недостающее, но внутренне тяжко мучился потому, что не мог доставить обещанной пищи. Когда он в беспокойстве ходил туда и сюда, то пришел к печи, в которой соседние женщины накануне пекли хлеб, и, наклонившись, начал осматривать, не оставили ли они хлеба. И вдруг видит хлеб чудной величины и необыкновенной белизны. Он взял его, но не решился отнести рабочим, думая, что если это хлеб чужой, то из желания сделать добро он впадет в грех. Итак, он принес хлеб к соседним женщинам и, показав его всем, спрашивал, не оставила ли которая-нибудь из них этот хлеб в печи? Все женщины, накануне пекущие хлеб, сказали, что это не их хлеб, что они все свои хлебы, до одного, вынули из печи. Тогда раб Божий с радостью поспешил ко множеству рабочих с одним хлебом и, показав его, предложил возблагодарить всемогущего Бога; потом, предложив им найденный хлеб, пригласил тотчас подкрепить свои силы. Когда же они вполне насытились, святой собрал остатки, которых оказалось более, чем был самый хлеб. Эти остатки он принес им для подкрепления на следующий день. Но что оставалось после потребления, всегда превышало предложенные остатки. Таким образом, в продолжение десяти дней все мастера и рабочие ежедневно питались этим одним хлебом и были сыты, и от того, что они ежедневно съедали, назавтра были остатки, как будто бы количество хлеба увеличивалось самым потреблением, и пища умножалась в устах вкушавших.

Петр. Явление чудное и поразительное, напоминающее собою чудо, совершенное Господом.

Григорий. Сам Тот, Кто насытил пятью хлебами пять тысяч человек, Кто из малого семени возвращает бесчисленные плоды для жатвы, Кто изводит са-

мые семена из земли и все вместе творит из ничего, Сам Он напитал здесь чрез раба Своего одним хлебом многих. Но, чтобы для тебя не показались удивительными внешние деяния достопочтенного Санктула, совершенные им силою Божиею, послушай, каков он был сам в себе, по той же силе.

Однажды лангобарды захватили в плен диакона, держали его в узах и, наконец, решились убить. Когда день начал склоняться к вечеру, раб Божий Санктул пришел и начал просить лангобардов об освобождении диакона из оков и даровании ему жизни. Те совершенно отказались исполнить просьбу. Наконец, видя, что они твердо решились умертвить диакона, стал просить, чтобы отдали ему его на сохранение. «Мы отдадим тебе его на сохранение, — отвечали лангобарды, — но под тем непременно условием, что если он убежит, то сам ты должен будешь за него умереть». Человек Божий охотно согласился и взял диакона на свою ответственность. Но в полночь, видя, что все лангобарды погружены в глубокий сон, он разбудил диакона и сказал ему: «Вставай и беги скорее. Да спасет тебя всемогущий Бог!» Но диакон, помня обещание Санктула, возразил ему: «Я не могу бежать, отче, потому что в таком случае ты, без сомнения, погибнешь». Но человек Божий Санктул нудил его к бегству: «Вставай и беги, да избавит тебя всемогущий Бог; а я в Его власти: они сделают со мною то, что Он попустит им». Диакон бежал, а поручитель, будто бы обманутый им, остался один. На следующее утро лангобарды, вверившие Санктулу диакона, приступили к нему с требованием своего пленника. Но благочестивый пресвитер отвечал им, что диакон убежал. «Ты знаешь, что за этим должно последовать?» — спросили лангобарды. «Знаю», — отвечал с твердо-

стью раб Божий. «Ты добрый человек, — сказали ему лангобарды. — Мы не будем доводить тебя до смерти разными мучениями. Выбирай себе какой угодно род смерти!» — «Я во власти Божией, — отвечал человек Божий. — Предайте меня той смерти, какой предать Он попустит вам». Тогда все собравшиеся лангобарды, чтобы скорее и без тяжких мучений прекратить жизнь Санктула, решились обезглавить его. Все находившиеся в том месте лангобарды, узнав об осуждении на смерть Санктула, который за свою святость пользовался у них большим уважением и почетом, собрались, чтобы по своей необыкновенной жестокости насладиться зрелищем его смерти. Когда все в порядке заняли свои места и из числа самых сильных был выбран один, который, несомненно, мог бы одним ударом отсечь голову, человек Божий был выведен на середину. Находясь среди людей вооруженных, святой обратился к своему оружию: он просил, чтобы ему позволено было несколько помолиться, и, получив дозволение, простерся на земле в молитве. Прошло некоторое время, и выбранный палач толкнул его ногою, чтобы вставал, сказав: «Вставай, преклони колена и протяни шею». Раб Божий встал, преклонил колена и обнажил шею; но, взглянув на изъятый против него меч, сказал, говорят, вслух только следующее: «Святой Иоанне! Удержи его». Тогда выбранный палач, державший обнаженный меч, с сильным размахом поднял руку вверх, чтобы поразить, но рука его вдруг выпрямилась, и он никак не мог ее опустить, и, таким образом, рука его с мечом осталась прямо простертою к небу. Тогда все множество лангобардов, собравшихся на смертное зрелище, в изумлении обратилось к человеку Божию с ласками, похвалами и со знаками благоговейного уважения, потому что

все ясно видели, сколь был свят тот, кто остановил на воздухе руку своего палача. Потом святой встал по их просьбе. Но, когда они начали просить святого, чтобы исцелил руку палача, он отказался. «Не буду я за него молиться, — сказал он, — если он не поклянется, что этою рукою не убьет ни одного христианина». Лангобард, продолжавший, так сказать, держать руку простертою против Бога, вынужденный своим печальным положением, должен был поклясться, что никогда не будет убивать христиан. Тогда раб Господень сказал: «Опусти руку». И воин тотчас опустил ее. Потом святой присовокупил: «Вложи меч в ножны». И он тотчас вложил. Все лангобарды, познав в Санктуле столь святого человека, наперерыв друг перед другом начали предлагать ему в дар награбленных ими волов и коней; но человек Божий отказался принять такие подарки и просил у них лучшего вознаграждения. «Если вы расположены подарить мне что-нибудь, то отдайте мне всех своих пленников, чтобы мне было за что молить о вас Бога». Желание его было исполнено: все пленники были с ним отпущены, и, таким образом, по устроению Божия милосердия, один, обрекший себя на смерть за другого, многих освободил от смерти.

Петр. Чудное событие! Хотя и сам я слышал о нем от других, но, признаюсь, всякий раз, когда рассказывают, я слушаю с новым вниманием.

Григорий. Не удивляйся этому чуду Санктула, но размысли, если можешь, чем он, обладавший таким простодушием и стоявший на такой высоте добродетели, был воодушевляем? Где была его мысль, когда он с такою твердостью решился умереть за своего ближнего, для сохранения временной жизни брата презрел свою жизнь и простер выю под меч? Какая

сила любви воодушевляла его сердце, когда он не убоился спасение ближнего искупить своею смертью? Подлинно известно, что достопочтенный Санктул не умел хорошо даже и читать. Не изучал он закона в книге, но, как *исполнение закона есть любви* (Рим. 13, 10), то в любви к Богу и ближнему он исполнил весь закон, и чего, по-видимому, не узнал наукою, то жило и действовало в нем его любовью. И тот, кто, может быть, никогда не читал следующих слов апостола Иоанна о Спасителе нашем: *яко Он по нас душу свою положи, и мы должны есмы по братии души полагати* (1 Ин. 3, 16), тот не словом, но делом показал, что знает эту высокую заповедь апостола. Сравним же, если угодно, его просвещенное неведение с нашим ученым знанием. Где наше знание мертво, там его познание действенно. Мы равнодушно толкуем о добродетели и, находясь среди плодоносных деревьев, только как бы обоняем запах плодов, но не вкушаем их; а он знал, как пользоваться самими плодами добродетелей, хотя и не умел облагодухать их словами.

Петр. Как ты думаешь, почему число добродетельных постоянно умалывается? Почему таких, которые должны были бы жить для назидания многих других, или вовсе нельзя найти, или они все более и более становятся редки?

Григорий. Порочность людей требует, чтобы из среды их были изъяты люди благочестивые, и когда приблизится конец мира, избранные будут восхищены, чтобы не видеть ничего гнусного. Посему и говорит пророк: *праведный погиге и никтоже не приемлет сердцем, и мужие праведнии вземлются и никтоже разумеет...* (Ис. 57, 1). И еще вот что Соломон говорит: *время разметати камене и время собирати камене...* (Еккл. 3, 5). Посему, чем более приближа-

ется конец мира, тем необходимее, чтобы были собраны живые камни для небесного здания, доколе здание нашего Иерусалима не достигнет своей меры. Впрочем, мы веруем, что не все избранные возьмутся от земли, так чтобы в мире оставались одни порочные, потому что грешники никогда бы не обратились к слезному покаянию, если бы не было никаких примеров добродетели, которые бы пленяли их души.

Петр. Итак, напрасно я сетую, что умаляются добродетельные, когда вижу, что и нечестивые погибают во множестве.

ГЛАВА 38

О видении Редемпта, епископа Ферентинского

Григорий. Нисколько не дивись этому, Петр. Любви твоей известен был Редемпт, епископ Ферентинский, человек достопочтенный по жизни, который почти семь лет назад преселился из сего мира¹³³. Так как он был со мною в очень коротких отношениях, когда я еще жил в монастыре, то сам он, по моей просьбе, рассказал мне, что еще во времена предшественника моего, Иоанна младшего*, узнал о кончине мира. Об этом обстоятельстве знают очень многие. Он рассказывал следующее: «Однажды, по обыкновению, он посещал свои приходы и остановился при храме святого мученика Евтихия. Когда начало вечереть, он приказал приготовить себе постель подле могилы мученика и здесь возлег после трудов для

* Имеется в виду папа Иоанн III (560–572 гг.).

успокоения. Но до полуночи он находился ни в сонном, ни в совершенно бодрственном состоянии; утомление клонило его, как и обыкновенно, ко сну, но душа, как бы гнетомая какою тяжестью, бодрствовала. В этом состоянии предстал ему святой мученик Евтихий и сказал: «Редемпт, ты не спишь?» — «Не сплю», — отвечал он. «Приближается конец всякой плоти, — продолжал явившийся, — приближается конец всякой плоти, приближается конец всякой плоти». После сего троекратного восклицания видение мученика, представшее душевным очам Редемпта, исчезло. Раб Божий встал и начал молиться со слезами. Вскоре на небе появились страшные знамения: с севера были видны огненные копья и стрелы. Затем страшный народ лангобардский вышел из своих жилищ и напал на нас; род человеческий, в необыкновенном множестве, как колосья на жатве, живший на земле, побит и истреблен. Города опустошены, крепости разрушены, церкви пожжены, монастыри мужские и женские разорены, селения покинуты народом, поля остались невозделанными, земля превратилась в пустыню, не осталось на ней ни одного жителя, дикие звери стали обитать там, где прежде жило множество народа¹³⁴.

Не знаю, что делается в других частях света; но на сей земле, где мы живем, кончина мира не только близка, но уже и наступила. Посему нам необходимо тем с большею твердостью искать вечного, чем быстрее исчезает у нас временное. Мы должны бы были презирать мир сей, хотя бы он даже ласкал нас или прельщал нас счастьем; но если он поражается таким бичом, подавляется таким бедствием, ежедневно рождает для нас столько скорбей, — этим что иное он проповедует, как не то, чтобы мы его не любили?

Много бы можно и еще рассказать о деяниях избранных мужей, но умалчиваю о сем потому, что спешу перейти к повествованию о другом.

Петр. Так как, по моему замечанию, многие, находящиеся в недрах святой Церкви, сомневаются в жизни загробной, то прошу тебя или из доводов разума, или из примеров, какие могут прийти на память, показать в назидание сомневающимся, что душа не умирает вместе с телом.

Григорий. Дело это очень трудное, особенно для человека занятого и имеющего в виду другой предмет. Но если есть люди, для которых оно может быть полезным, я без всякого колебания собственному желанию предпочитаю пользу ближних и, сколько поможет мне милость Божия, в следующей, четвертой книге покажу, что душа живет и по смерти телесной.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА 1

**Вечному и духовному люди плотские не верят,
потому что не знают по опыту того,
что слышат о духовном**

Григорий. Праотец человеческого рода, за вину свою лишенный райских наслаждений, стал терпеть несчастье слепоты и изгнания, в котором и мы теперь находимся; чрез грех он вышел из себя самого и не может вкушать тех радостей небесного отечества, которыми прежде наслаждался. В раю человек привык слушать слова Самого Бога; по чистоте сердца и высоте созерцания находился в кругу блаженных духов — Ангелов; но после того, как ниспал сюда, лишился умственного света, которым был исполнен. Рожденные от плоти его, во тьме сего изгнания, мы хотя и слышим о небесном отечестве, о гражданах его — Ангелах Божиих, слышим о сожителях Ангелов — душах праведных и совершенных, но как невидимых вещей нельзя знать опытом, то плотские люди сомневаются, есть ли на самом деле то, чего не видят телесными очами. Конечно, этого сомнения не могло быть в прародителе нашем; лишенный райских наслаждений, он сохранил воспоминание о том, что потерял, потому что видел это. Плотские же люди не могут чувствовать и воспоминать о том, о чем слышат; они не знают сего по опыту, как знал прародитель, по крайней мере, как прошедшее. Если бы, на-

пример, беременная женщина была заключена в темницу и родила там сына, который потом воспитался бы в темнице и вырос, мать стала бы рассказывать своему сыну о солнце, луне, о горах и полях, о летающих птицах и бегающих конях; сын, рожденный и воспитанный в темнице, ничего не видевший, кроме темничного мрака, вероятно, не поверил бы тому, что слышал, потому что не знал бы сего на опыте. Так и люди, рожденные во тьме своего изгнания, когда слышат о предметах высших и невидимых, не доверяют, действительно ли они существуют, потому что знают только предметы, преходящие, видимые, между которыми рождены. Вот почему сам Творец видимых и невидимых, Единородный Сын Отца пришел для искупления рода человеческого и послал в наши сердца Святого Духа, дабы, оживотворяемые им, мы верили и тому, чего еще не можем знать опытом. Посему, если мы сколько-нибудь получаем сего Духа, залог нашего наследия (Еф. 1, 14), то уже не сомневаемся в существовании невидимого. А кто не тверд еще в этой уверенности, без сомнения, должен верить словам совершеннейших людей, которые уже по опыту знают о невидимом, чрез Святого Духа, подобно как неразумен был бы тот отрок, который почел бы рассказы матери о свете лживыми на том основании, что сам ничего не видел, кроме темничного мрака.

Петр. Я согласен с тем, что ты говоришь. Но кто не верит невидимому, тот совершенный невер, а кто совершенный невер, тот ищет не веры в то, в чем сомневается, а доказательства.

ГЛАВА 2

О том, что и неверующий имеет веру

Григорий. Смело скажу, что и неверующий имеет веру. Если этого невера я спрошу, кто у него отец, кто мать, он, без сомнения, ответит: «Тот и та». Если я потом буду спрашивать его, знает ли он, когда зачался, видел ли, когда родился, то он сознается, что не знает и не видел; однако ж верит тому, чего не видел, потому что и не сомневаясь указывает, кто его отец и кто мать.

Петр. Признаюсь, доселе я не знал, что и неверующий имеет веру.

Григорий. И неверы имеют веру, но — о, если бы в Бога! Если бы имели сию веру, не были бы неверами. Но то самое осуждает их неверие, то самое призывает их к благодати веры, что они верят относительно своего видимого тела тому, чего не видели, и не верят невидимому, которого и не могут видеть телесными очами.

ГЛАВА 3

О том, что сотворены троякого рода духи жизни

О том, что душа живет по смерти тела, свидетельствует разум, но в соединении с верою. Всемогуший Бог сотворил троякого рода духов жизни: один из них не сопрягается с плотью; другой сопрягается с плотью, но не умирает с нею; третий, наконец, сопрягается с плотью и умирает с нею. Дух, который не сопрягается с плотью, есть дух Ангелов; дух, который

сопрягается с плотью, но не умирает с нею, есть дух человеков; наконец, дух, который сопрягается с плотью и умирает с нею, есть дух скотов и всех животных. Итак, человек поставлен как бы в середине, ниже Ангела и выше скота, имеет нечто общее с высшим и нечто общее с низшим, т. е. бессмертие духа с Ангелом и тленность плоти со скотом, доколе слава воскресения не отнимет тления у самой плоти, когда плоть, сопряженная с духом, во веки сохранится от истления, как и самый дух, сопряженный с плотью, сохраняется в Боге. Посему ту плоть (воскресшую) даже в отверженных не истребят самые мучения; она будет существовать в вечных мучениях, дабы согрешившие духом и плотью бесконечно умирали и духом и плотью, оставаясь всегда живыми (по бытию).

Петр. Уму верующих понятно все, что ты говоришь. Но если ты делаешь такое различие между душами людей и животных, то скажи, пожалуйста, что значат слова Соломона: *Рех аз в сердцах моих о глаголении сынов человеческих, яко рассудит их Бог: и еже показати, яко сии скоти суть. Ибо и тем якоже случай сынов человеческих, и случай скотский, случай един им* (Еккл. 3, 18–19)? Для точнейшего определения мысли своей он прибавляет: *якоже смерть того, тако и смерть сего, и дух един во всех, и что излишне имать человек паче скота* (19)? И потом присоединяет общее объяснение на слова свои: *всяческая суета. Вся идут в едино место: вся быша от персти, и вся в персть возвращаются* (19–20).

ГЛАВА 4

О словах Соломона: случай (конец) сынов человеческих и случай скотский, случай един им

Григорий. Книга Соломона, в которой написаны эти слова, называется Екклесиаст. Екклесиаст, собственно, значит проповедник. В проповеди обыкновенно предлагается мысль, которая останавливает волнение шумной толпы. Слово проповедника приводит к единомыслию многих, которые различно думают. И эта книга потому названа Проповедник, что в ней Соломон как бы себе усваивает мысли волнующейся толпы, дабы, после рассмотрения их, сказать то, на что согласилась бы, вникнувши, и неопытная толпа. Ибо сколько мыслей приводит в движение (проповедник) чрез рассмотрение, столько же различных лиц представляет в своем лице. И истинный проповедник как бы простертою рукою останавливает волнение всех и заставляет их соглашаться на одну мысль, подобно тому как говорит он же в конце этой книги: *конец слова все слушай: Бога бойся, и заповеди Его храни, яко сие всяк человек* (Еккл. 12, 13). Ибо если в речи, помещенной в этой книге, он не представляет в своем лице многих, то для чего призывает всех вместе с собою к выслушанию конца речи? Итак, кто говорит в конце книги: все будем слушать, тот сам свидетельствует, что, представляя в себе многие лица, он как бы не один говорит. Поэтому в сей книге некоторые мысли высказаны только для рассмотрения их, другие удовлетворяют уму; одни принадлежат духу человека, колеблющегося и еще преданного удовольствиям мира сего, другие, согласные с умом, предлагаются для того, чтобы удержать душу от этих

удовольствий. Так, Соломон говорит в сей книге: *Се, видех аз благое, еже есть изрядно, еже ясти и пити, и видети благостыню во всем труде своем* (Еккл. 5, 17); а гораздо ниже прибавляет: *Благо ходити в дом плача, нежели ходити в дом пира* (7, 3). Если хорошо есть и пить, то лучше, по-видимому, ходить в дом пира, нежели в дом плача. Отсюда видно, что первое говорится от лица несовершенных, а последнее прибавляется от разума. Излагая разумные причины, он далее показывает и пользу, какую получает человек в доме плача: *понеже сие конец всякому* человеку, и живой даст благо в сердце его, и живой размыслит, что с ним будет. Опять там написано: *Веселися юноше в юности твоей* (Еккл. 11, 9), и немного спустя прибавлено: *яко юность и безумие (удовольствия) суета* (10). Если он обличает суету, то, к чему прежде, по-видимому, побуждал, то ясно показывает, что первые слова сказаны как бы от лица плотского человека, а последние прибавлены по суду истины. Так, выражая прежде удовольствие плотских людей, преданных заботам, возвещает, что хорошо есть и пить, то же самое потом, по суду разума, отвергает, когда говорит, что лучше идти в дом плача, нежели в дом пира; также и о веселии юноши в юности его предлагает как бы от лица плотских людей, а потом, после объяснения мысли, и юность и веселие называет суетою. Точно так же наш проповедник предлагает мысль от лица несовершенных умом, когда говорит: *якоже случай сынов человеческих, и случай скотский, случай един им: якоже смерть того, тако и смерть сего, и дух един во всех, и что излише имать человек паче скота* (Еккл. 5, 19); ибо, по разуму, он предлагает другую мысль, говоря: *кое изобилие (человеку) мудрому паче безумнаго? понеже нищ позна ходити противу*

живота (Еккл. 6, 8). Итак, он говорит, что излишне иметь человеку паче скота, а потом сам объясняет, что мудрый имеет нечто более не только скота, но и глупого человека, именно то, что он стремится туда, где есть жизнь. Сими словами прежде всего показывает он, что не здесь собственно жизнь человеческая, а в ином месте. Имеет, значит, человек нечто более скота, потому что животные не живут после смерти, а человек тогда и начинает жить, когда со смертью плоти оканчивает сию видимую жизнь. Он же еще ниже говорит: *Вся, елика аще обрящет рука твоя сотворити, якоже сила твоя, сотвори: зане несть сотворение и помышление и разум и мудрость во аде, аможе ты идеши тамо* (Еккл. 9, 10). Каким же образом один конец человека и скота, и одинаково ли назначение того и другого? Как же человек ничего не имеет более скота, когда животные не живут по смерти плоти, а души человеческие, низведенные во ад за злые дела свои по смерти плоти, и в самой смерти не умирают? Такие противоположные мысли показывают, что истинный проповедник говорит одно от лица колеблющихся плотских людей, а другое от лица духовной истины.

Петр. Хорошо, что я спросил о том, чего не знал; теперь с такою точностью удалось мне уразуметь то, чего прежде я не знал. Но прошу тебя, потерпи великодушно, если и я, по примеру нашего Екклесиаста, приму на себя лице несовершенных, чтоб им же принести пользы более, нежели сколько бы я мог принести чрез собственное исследование.

Григорий. Отчего же не терпеть великодушно тебя, снисходящего к немощи ближних, когда апостол Павел говорил: *всем бых вся, да всяко некия спасу* (1 Кор. 9, 22). Но как ты делаешь снисхождение по любви,

то еще более заслуживаешь почтения, потому что подражаешь именитому проповеднику.

ГЛАВА 5

**Существует ли душа, когда ее нельзя видеть
при исходе из тела?**

Петр. Я был при смерти одного брата. Он внезапно, во время разговора, испустил дух, и я вдруг увидел умершим того, которого видел разговаривающим со мной. Но вышла ли душа его, или нет, я не видел; и, кажется, весьма трудно поверить бытию существа, которого никто не может видеть.

Григорий. Что удивительного, Петр, если ты не видел исходящей души, которой не видишь и в то время, когда она находится в теле? Неужели, когда ты разговариваешь со мною, почтешь меня бездушным на том основании, что не можешь видеть во мне души моей? Существо души невидимо, и так же невидимо исходит из тела, как невидимо находится в нем.

ГЛАВА 6

**Как жизнь души, находящейся в теле,
познается из движения членов, так жизнь души
по смерти тела святых познается из чудес**

Петр. Но жизнь души, пребывающей в теле, я могу узнать из самых движений тела, потому что если бы не было в теле души, члены тела не могли бы двигаться; в каких же движениях и в каких действиях я могу ви-

деть жизнь души по смерти тела, чтобы понять, из видимых предметов, бытие того, чего не могу видеть?

Григорий. Скажу хотя не совсем точное подобие: как сила души оживотворяет и движет тело, так сила Божия наполняет все, что сотворила; она иное оживотворяет своим дыханием, в ином содействует жизни, а иному только дает бытие своим присутствием. Поелику же ты не сомневаешься, что есть Бог творящий и правящий, все наполняющий и объемлющий, все превышающий и поддерживающий, неописуемый и невидимый, то не должен также сомневаться и в том, что Он имеет невидимых слуг. А служащим прилично стремиться к уподоблению тому, кому служат, так что нельзя и сомневаться, что невидимому служат невидимые слуги, бытию которых мы веруем. Кто же эти невидимые слуги, как не святые Ангелы и души праведников? И как, видя движение тела, ты от низшего заключаешь о жизни души, пребывающей в теле, так от высшего должен заключать о жизни души, выходящей из тела, потому что может жить невидимо душа, обязанная пребывать в служении невидимому Творцу.

Петр. Все справедливо сказано; но ум отказывается верить тому, чего нельзя видеть телесными очами.

Григорий. Когда Павел говорит: *есть же вера, уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (Евр. 11, 1), то указывает, что должно верить тому, чего нельзя видеть. Чтобы скорее уничтожить твое сомнение, скажу, что ничего видимого нельзя видеть без невидимого. Вот, например, твой телесный глаз видит все телесное, однако ж твой телесный глаз ничего не видел бы телесного, если бы не изощряло его зрения существо бестелесное. Отними ум, которого не вид-

но, и напрасно будешь открывать глаз, который видел. Пусть выйдет душа из тела, телесные глаза твои, без сомнения, закроются. Итак, если они видели сами по себе, то почему ничего не видят по выходе души из тела? Отсюда заключай, что и все видимое можно видеть только посредством невидимого. Представим еще, что строится дом, поднимаются огромные тяжести, большие столпы поддерживаются машинами: кто, спрошу тебя, совершает это дело, видимое ли тело, которое двигает руками сии тяжести, или невидимая душа, оживотворяющая тело? Отними невидимое в теле, и тотчас останутся неподвижными все видимые груды металлов, которые видишь движущимися. Отсюда должно заключить, что и в сем видимом мире ничто не может устроиться без невидимой творящей силы. Ибо как всемогущий Бог Своим дыханием и проникновением оживотворяет и движет невидимые существа, так и невидимые существа проникновением движут и животворят видимые тела.

Петр. Признаюсь, побежденный сими доказательствами, я должен считать за ничто все видимое (без невидимого), хотя прежде выражал сомнение в невидимом, представляя в своем лице неутвержденных (в вере). Итак, согласен на все, что ты говоришь; однако ж, как жизнь души, пребывающей в теле, я узнаю из движения тела, так хочется мне узнать о жизни души по смерти тела из свидетельства каких-нибудь видимых явлений.

Григорий. Если ты имеешь особенную любовь к сему предмету, то нетрудно найти свидетельство. Неужели святые апостолы и мученики Христовы стали бы презирать настоящую жизнь и предавать себя на смерть, если бы не были твердо уверены, что за ней последует жизнь души? Ты же сам говоришь, что

жизнь души, пребывающей в теле, узнаешь из движений тела, и вот те, которые предали себя на смерть и верили жизни души по смерти тела, сияют ежедневными чудесами. К умершим телам их приходят живые больные и получают исцеление; приходят клятвопреступники, и овладевают ими демоны; приходят бесноватые и освобождаются (от демонов); идут прокаженные и очищаются; приносятся мертвые и воскресают. Отсюда заключай, что где-то живут души тех, которых мертвые тела производят здесь такие чудеса. Итак, если жизнь души, пребывающей в теле, ты признаешь из движения членов, то почему не хочешь видеть жизни души по смерти тела в чудесах, совершаемых даже чрез мертвые кости?

Петр. Никакой ум, кажется, не может противостоять сему доказательству; оно видимыми предметами побуждает верить тому, чего не видим.

ГЛАВА 7

Об исходе души

Григорий. Несколько прежде ты сказал, что не видел, как исходила душа из умирающего брата; но причиною сему и было именно то, что ты хотел видеть телесными очами существо невидимое. Многие из тех, которые очищали око ума своего чистою верою и плодоносною молитвою, часто видали души, исходящие из плоти. Считаю нужным рассказать сперва, сколько раз видимы были исходящие души и сколько разных предметов сами они видели, при своем исходе из тела, дабы убедить примерами слабый ум, который не убеждается доказательствами.

Во второй книге сего сочинения я уже рассказал, что достоуважаемый муж Венедикт, по свидетельству верных его учеников, находясь вдали от города Капуи, видел душу Германа, епископа сего города, несомую среди ночи Ангелами на небо в огненном шаре. Смотря на сию восходящую душу, он видел расширенным оком ума весь мир, собранный в его глазах как бы под одним лучом солнца.

ГЛАВА 8

Об исходе души инока Специоза

От тех же самых учеников святого Венедикта я слышал рассказ, что два знаменитых мужа, образованных и в мирских науках, два родных брата, из коих один назывался Специозом, а другой Григорием, поступили под его руководство в святой монашеской жизни. Достоуважаемый отец сей поместил их в монастыре, который построил он около города Террачины. Братья владели в мире большими богатствами, но все раздали бедным для спасения своих душ, а сами остались жить в монастыре. Один из них, именно Специоз, послан был в город Капую по нуждам монастыря. В один день брат его Григорий, сидя с братиею за общею трапезою, восхищенный духом, увидел выходящую из тела душу брата своего Специоза, который так далеко находился от него; тотчас сказал он братии о своем видении, а сам поспешно побежал и нашел своего брата уже погребенным. Смерть его последовала именно в тот час, в который Григорий видел исход души из тела.

ГЛАВА 9

О душе некоего узника

Когда я был еще в монастыре, то один благочестивый и достойнейший веры муж рассказывал, что некоторые путешественники, плывшие на корабле из Сицилии в Рим, находясь в Средиземном море, видели восходящую на небо душу одного раба Божия, заключенного в Самнии в темницу. Сошедши на берег и расспрашивая, как было дело, они узнали, что раб Божий умер именно в тот день, в который видели его восходящим в небесные жилища.

ГЛАВА 10

Об исходе души настоятеля Спеса

Быв еще в монастыре, я слышал от одного почтенного мужа рассказ, который передам теперь. Он говорил, что достоуважаемый отец, по имени Спес, построил монастырь на месте, называемом Кампле¹³⁵, которое от древнего города Нурсии отстоит почти на шесть миль. Всемогущий и милосердный Бог наказанием сохранил его от вечных мук и показал в своем промыслении над ним и строгость и благость; как прежде выражал любовь к нему наказанием, так после показал ее совершенным исцелением. Целые сорок лет Бог держал глаза его в слепоте, не показывая внешнего света. Но в наказаниях Божиих никто не бывает оставлен благодатию. Если бы милосердный отец, полагающий наказание, не оказывал и снисхождения, то самое исправление грехов толь-

ко умножило бы в нас грехи чрез наше нетерпение, и, таким образом, вместо уменьшения вины, на которое можно было надеяться, вина увеличивалась бы. Посему Бог, знающий наши немощи, с ударами своими соединяет попечение, и в самом наказании милосердно справедлив к избранным детям, дабы сделать их такими, которым, по справедливости, следовало бы оказывать милосердие. Так было и здесь: наказывая достопочтенного старца тьмою, Бог никогда не лишал его внутреннего света; во время страданий телесных, по благодати Святого Духа, он чувствовал утешения сердца. Когда же исполнилось сорок лет слепоты, Бог возвратил ему свет и объявил о скорой его смерти; но прежде повелел ему проповедовать слово жизни в построенных вокруг монастырях, дабы, при посещении братии, открыл им свет сердца тот, кому возвращено зрение телесное. Повинуясь этому велению, старец тотчас стал обходить киновии братьев и проповедовать правила жизни, которые сам изучил на деле. В пятнадцатый день, по окончании проповеди, он возвратился в свой монастырь. Находясь среди созванных им братий, причастился Тела и Крови Господней, потом начал с ними таинственное пение псалмов¹³⁶ и во время самого пения братии с молитвою предал дух Богу. Все присутствовавшие братия видели, как вылетела из уст его голубка, которая немедленно сквозь отверстие кровли храма в виду братии полетела на небо. Должно верить, что в образе голубки явилась душа его, и самым этим выходом Бог показал, с какою простотою служил ему отшедший муж.

ГЛАВА 11

Об исходе души Нурсийского пресвитера

Не умолчу еще об одном событии, случившемся в том же городе Нурсии. О нем рассказывал мне достоуважаемый муж, аббат Стефан, который незадолго пред сим временем погребен был в этом городе и которого я сам хорошо знал. Он говорил, что там некий пресвитер¹³⁷ правил вверенною ему церковью с великим страхом Божиим. Со времени получения пресвитерской должности он стал любить жену свою только как сестру, но опасался ее как врага, никогда не позволял близко подходить к себе и ни в каком случае не позволял ей приближаться к себе, решительно прервал супружеские связи с нею. Имеют и такое свойство святые мужи: чтобы навсегда избежать непозволенного, они запрещают себе и многое дозволенное. Так и пресвитер, чтоб не впасть от жены в какой-нибудь грех, отказался принимать от нее даже необходимые услуги. Сей достоуважаемый пресвитер прожил, таким образом, многие годы; на сороковом году своего служения он заболел жестокою лихорадкою и стал близок к смерти. Когда супруга его увидела, что члены его помертвели и он вытянулся, как умерший, приложивши ухо к его ноздрям, старалась узнать, есть ли еще в нем жизненное дыхание. Он почувствовал это и, хотя в нем было самое слабое дыхание, сделал некоторое усилие произнести слово, собрался с духом и сказал громко: «Отойди от меня, женщина, огонек еще жив, убери солому». Когда она отошла, его силы телесные как будто несколько окрепли, и он начал кричать с великою радостью: «Добро пожаловать, господа мои; добро пожаловать, господа мои;

как вы удостоили посетить такого ничтожного раба вашего? Иду, иду, благодарю вас, благодарю». Много раз он повторял слова сии учащенным голосом; окружавшие его ближние спросили, кому он говорил. Умиравший с удивлением ответил им, говоря: «Неужели не видите пришедших сюда святых апостолов? Неужели не замечаете первых апостолов Петра и Павла?» Потом, обратившись к апостолам, опять сказал: «Иду, иду». И с сими словами предал душу Богу. Таким образом, шествию за святыми апостолами засвидетельствовал, что действительно видел их. Часто случается с праведными, что во время своей смерти видят предшествующих им святых, дабы не страшила их мучительная мысль о смерти; чтоб они безболезненно и безбоязненно разрешались от уз своей плоти, в то время представляется пред умственными очами их общество граждан небесных.

ГЛАВА 12

О душе Проба, епископа города Реаты

Не умолчу и о том, что обыкновенно рассказывал раб всемогущего Бога Проб¹³⁸, который теперь в сем городе настоятельствует в монастыре, называемом Рената¹³⁹, о своем дяде Пробе¹⁴⁰, епископе города Реаты. Когда приблизился конец жизни епископа, им овладела тяжкая болезнь. Отец его, по имени Максим, повсюду разослал рабов собирать врачей, в надежде, что они, может быть, излечат его болезнь. Но собранные отовсюду из соседних мест врачи по биению пульса объявили, что скоро настанет его конец. Когда настало время обеда и день стал склоняться к

вечеру, достопочтенный епископ, заботясь более о здоровье окружавших его, нежели о своем, просил их отправиться вместе с отцом его в верхние комнаты епископского дома и после трудов подкрепить себя пищею. Все отправились в верхние комнаты, а с ним остался один только отрок, который, по словам вышеупомянутого Проба, и доселе жив. Находясь при одре больного, он вдруг видит: входят к человеку Божию некие мужи, в белом одеянии, которые светом своих лиц затемняли даже белизну своих одежд. Пораженный страхом от этого блеска, отрок начал кричать громким голосом: «Кто такие?» Епископ Проб, встревоженный сим криком, посмотрел на входящих мужей, узнал их и стал утешать беспокойно кричащего отрока: «Не бойся, сын мой, это пришли ко мне святые Ювеналий и Елевферий — мученики». Отрок же, не перенесши такого небывалого видения, бегом бросился из дверей и рассказал о виденных мужах отцу и врачам. Они тотчас сошли вниз, но больного, которого незадолго оставили, нашли уже умершим; его взяли с собой те, видения которых не мог снести отрок, там бывший.

ГЛАВА 13

О смерти Галлы, служительницы Божией

Считаю нужным рассказать еще событие, о котором я слышал от лиц важных и заслуживающих доверия. Во времена готов знатная отроковица сего города Галла¹⁴¹, дочь консула и патриция Симмаха, в молодости своей выдана была в замужество и потом чрез год овдовела. И удовольствия мира, и богатство, и

молодость призывали ее к вторичному браку, но она пожелала лучше сочетаться духовным союзом с Богом, который начинается слезами, а оканчивается вечными радостями, нежели связать себя узами плотского брака, всегда начинающегося веселием и оканчивающегося слезами. Когда началось у Галлы огненное раздражение в теле, врачи стали уверять ее, что если она не вступит в супружество, то от чрезмерного жара, вопреки самой природе, будет иметь бороду (что после и случилось). Но святая жена не боялась внешнего безобразия, любя всем сердцем Небесного Жениха, который ищет в нас благообразия внутреннего. Поэтому тотчас по кончине своего мужа, снявши мирскую одежду, предала себя на служение всемогущему Богу в монастыре при церкви блаженного апостола Петра и там, украшаясь много лет простотою сердца и молитвою, раздавала щедрою рукою милостыню нищим. Когда же всемогущий Бог определил воздать Галле вечную награду за подвиги, то грудь ее поражена была раком (болезнью). В ночное время у ее постели обыкновенно горели два светильника; потому что подруга света ненавидела не только духовную, но и вещественную тьму. Однажды, утомленная своею болезнью, Галла лежала в постели, и вдруг видит у своего ложа блаженного апостола Петра¹⁴², стоящего между светильниками. Она не устрашилась, напротив, в любви нашла смелость приветствовать его и спросила: «Что, господине мой, отпущены ли мне грехи мои?» Апостол с приветливым лицом кивнул ей наклонною головою и сказал: «Отпущены, иди». Но Галла, более всех любя в монастыре одну монахиню, прибавила: «Молю, чтоб и сестра Венедикта шла со мною». «Нет, — отвечал ей апостол, — такая-то пойдет с тобою; а та, которую ты просишь, последует за тобою в

тридцатый день». После сих слов стоявший около нее и говоривший апостол стал невидим. Галла тотчас позвала настоятельницу монастыря и рассказала ей, что видела и что слышала. В третий день она была погребена с той сестрой, о которой сказал апостол; а та, которую она сама просила, последовала за ними в тридцатый день. Это событие доселе памятно в том монастыре, и молодые монахини монастыря так обстоятельно передают рассказ об этом, слышанный ими от старших, как будто сами в то время присутствовали при столь великом чуде.

ГЛАВА 14

О кончине Сервула, разбитого параличом

Должно заметить еще, что исходящие души избранных часто слышат сладкие небесные песнопения, так что, с упоением слушая их, не чувствуют разлучения души от тела. Еще в беседах на Евангелие¹⁴³, помнится, я рассказывал, что в той галерее, чрез которую проходят идущие в церковь блаженного Климента¹⁴⁴, был некто, по имени Сервул¹⁴⁵, о котором и ты, вероятно, помнишь. Он был беден именем, но богат заслугами и долгое время страдал болезнью. Его можно было узнать по тому, что до конца жизни он лежал разбитый параличом. Мало сказать, что он не мог стоять, он не мог даже привстать на постели или сидеть; не мог подвести к устам свою руку; не мог поворотиться на другой бок. При нем находились для служения мать с братом; милостыню, которую получал он, их же руками раздавал бедным. Никогда не учился он грамоте, но купил себе рукопись Священ-

ного Писания и, принимая в больницу благочестивых людей, постоянно заставлял их читать пред собою. Таким образом, он изучил все Священное Писание, хотя решительно не знал грамоты, как я сказал. Сервул в болезни всегда воспевал Богу благодарственные гимны и песни, днем и ночью. Но когда уже наступило время вознаграждения его за такие страдания, члены тела его ожили. Узнавши о близости своей смерти, Сервул попросил посетителей и живших в больнице встать и пропеть с ним псалмы, в ожидании его кончины. Во время этого предсмертного пения с ними он вдруг с великим криком и ужасом прервал голоса поющих, сказав: «Молчите, неужели не слышите, какие хвалы воспеваются на небе?» В то самое время, когда он устремил слух сердца своего к хвалебным песням, которые слышал он внутри себя, святая душа его разрешилась от тела. При исходе ее вокруг разлилось такое благоухание, что присутствовавшие почувствовали невыразимую сладость и чрез то ясно узнали, что душу Сервула приняли на небе с хвалебными песнями. При этом событии был наш монах, который доселе находится в живых и с великим плачем свидетельствует, что пока тело умершего не предали погребению, благоухание не переставало исходить из ноздрей его.

ГЛАВА 15

О кончине Ромулы, служительницы Божией

В тех же беседах¹⁴⁶, помнится, я рассказывал одно событие, которое засвидетельствовал во время самого рассказа моего сопресвитера мой Специоз, знав-

ший это событие. В то время, когда я вступал в монастырь, некоторая старица, по имени Редемпта, посвященная в монашеский образ в этом городе, жила подле церкви преблагословенной Марии Приснодевы¹⁴⁷. Она была ученицею Герундины, которая, украшаясь многими добродетелями, проводила, говорят, пустынножизнь на горах Пренестинских. У этой Редемпты были две ученицы в монашестве, одна по имени Ромула¹⁴⁸, а другая, которая теперь еще жива, знакома мне в лицо, но неизвестна по имени. Три сии женщины, обитая в одном доме, проводили жизнь, бедную внешними средствами, но богатую добродетелями. Ромула, о которой я сказал, превосходила другую соученицу свою великими заслугами жизни. Она была удивительно терпелива, в высшей степени послушна, молчалива и очень прилежна к молитве. Но весьма часто те, которых люди почитают уже совершенными, в очах небесного Творца имеют еще некоторые несовершенства, подобно тому как часто мы, неопытные люди, рассматриваем еще не совсем обделанные печати и хвалим, как уже оконченные, тогда как художник, хотя и слышит похвалы им, не перестает еще обделывать и усовершенствовать их. Нечто подобное случилось и с Ромулой. Она поражена была телесною болезнью, которую врачи называют параличом. Много лет Ромула лежала в постели, лишенная почти всякого движения членов; но и такие страдания не доводили ее до нетерпения. Напротив, самые болезни тела служили для нее средством к умножению добродетелей; тем прилежнее она молилась, чем менее имела силы делать что-нибудь другое. В одну ночь вдруг она стала звать вышеупомянутую Редемпту, которая обих учениц своих воспитывала вместо дочерей: «Матушка, иди, матушка, иди сюда». Редемпта немедлен-

но встала и пошла с другой соученицей ее, как обе они и многие рассказывали об этом событии; и я в то же время слышал о нем. В самую полночь они находились при постели Ромулы; вдруг снисшедший с небес свет наполнил всю ее келлию и сиял таким блеском, что порашил сердца присутствующих невыразимым страхом; все тело их, как после сами они говорили, оцепенело от ужаса, и они оставались неподвижными. Потом послышался шорох, как бы от какой-нибудь большой толпы людей; дверь келлии стала сотрясаться, будто в нее толкалась толпа входящих; они чувствовали, как говорили, присутствие вошедших; но от необыкновенного страха и света не могли видеть; потому что и страх и самая ясность такого света поражали и закрывали им очи. За сим светом тотчас распространилось необыкновенное благоухание, так что приятность запаха успокоила их души, пораженные сиянием света. Но когда они не могли сносить силы такого света, Ромула начала ласковым голосом утешать находившуюся при ней и дрожащую Редемпту, наставницу ее в добродетелях, говоря: «Не бойся, матушка, я еще не умираю». Много раз повторила она слова сии, и свет, нисшедший с небес, стал мало-помалу исчезать, но запах, явившийся после него, оставался. Так прошел другой и третий дни, а запах, разлившийся в келлии, все еще оставался. В четвертую ночь она снова позвала свою наставницу и, по приходе ее, попросила и приняла Святое Причастие. Ни сама Редемпта, ни другая соученица больной не отходили от постели ее. И вот внезапно на площадке пред дверью ее келлии устроились два хора поющих и, как рассказывали, из звука голосов можно было узнать два различных пола: мужчины пели псалмы, а женщины вторили. Во время небесного отпевания пред

дверьми келлии святая душа Ромулы разрешилась от тела. Когда она возносилась на небо, то чем выше возлетали хоры поющих, тем слабее слышалось псалмопение, доколе не исчезли, наконец, и звуки псалмопения и благоухание.

ГЛАВА 16

О кончине монахини Тарсиллы

Иногда для утешения исходящей души является Сам Виновник и Раздаятель жизни. Здесь я повторю, что рассказывал, помнится, в беседах на Евангелие¹⁴⁹, о Тарсилле, моей тетке. Она между двумя другими сестрами своими отличалась постоянною молитвою, трезвою жизнью, необыкновенным воздержанием и сими добродетелями достигла высокой святости. Ей явился в видении прапрадед мой Феликс¹⁵⁰, предстоятель римской Церкви и, показав ей жилище вечного света, сказал: «Иди, я приму тебя в это жилище света». Тотчас за сим Тарсилла заболела лихорадкой и приблизилась к смерти. И как обыкновенно при кончине знатных жен и мужей сходятся многие для утешения родственников их, так и в час ее смерти многие мужи и жены окружили ее ложе. Вдруг она взглянула вверх, увидела идущего Иисуса и громким голосом стала кричать окружающим ее: «Отойдите, отойдите! Иисус идет». И в то время как устремила она очи свои на явившегося, святая душа ее вышла из тела. Вдруг распространилось такое удивительное благоухание, которое сладостью своей всем доказало, что точно приходил туда Виновник сладости. Когда же тело ее, по обыкновению, разде-

то было для омовения, увидели на локтях и коленях его дикие наросты, подобные наростам у верблюдов, образовавшиеся от продолжительных коленопреклоненных молений, и мертвая плоть засвидетельствовала, что всегда делала душа ее при жизни.

ГЛАВА 17

О кончине отроковицы Музы

Не умолчу и о том, что рассказывал вышеупомянутый раб Божий Проб о сестре своей, по имени Муза, малой отроковице. В одну ночь явилась ей в видении святая Богородица Приснодева Мария и показала равных ей по возрасту отроковиц в белых одеждах. Муза желала присоединиться к ним, но не смела; она услышала вопрос из уст Девы Марии, желает ли быть с ними вместе и проводить жизнь в служении Ей. Отроковица сказала Богоматери: «Желаю», и тотчас получила от Нее заповедь, чтоб отселе не делала ничего детского и легкомысленного, воздерживалась от смеха и игр, зная, что в тридцатый день придет на служение Ей в ряду с теми девицами, которых видела. После сего видения отроковица совершенно изменилась во всем своем поведении, бросила детские шалости и стала вести строгую жизнь. Родители удивились такой перемене и спросили о причине ее. Муза рассказала, что заповедала ей Богоматерь, объявила, в какой день отойдет на служение Ей. После двадцать пятого дня она заболела. В тридцатый день, когда приблизился час ее кончины, Муза увидела идущую к себе Богоматерь с теми отроковицами, которые явились ей в видении. На зов Богоматери она отвечала с

благоговейно потупленными глазами громким голосом: «Иду, Госпожа моя, иду, Госпожа моя». С этими словами она испустила дух и вышла из девственного тела на жительство со святыми девами.

Петр. Как род человеческий предан многим бесчисленным порокам, то небесный Иерусалим, я думаю, большею частью наполнен малыми детьми и младенцами.

ГЛАВА 18

О том, что некоторым детям родители худым воспитанием закрывают вход в Царствие Небесное, и о богохульном отроке

Григорий. Правда, должно верить, что все крещеные младенцы и умирающие в самом младенчестве входят в Царство Небесное, но должно также верить, что не все малые дети, которые могут уже говорить, входят в Царство Небесное. Некоторым детям вход в него заключают родители, когда худо воспитывают их. Один муж, всем известный в нашем городе, за три года пред сим имел сына лет, кажется, пяти, которого, по причине чрезмерной плотской любви, слабо воспитывал. Этот мальчик, как только встречал что-нибудь противное себе, имел обыкновение (тяжело и говорить) хулить величество Божие. За три года пред сим он тяжело заболел и приблизился к смерти. Когда отец держал его на руках, мальчик, затрепетав от ужаса, увидел, как свидетельствовали бывшие при смерти его, идущих к себе злых духов и начал кричать: «Защити, отец, защити, отец». Во время крика он наклонил лицо, чтобы скрыться от них

на груди у отца. Отец спросил его, дрожащего, что он видит, мальчик отвечал: «Черные люди пришли, хотят меня унести». Сказавши это, он тотчас похулил имя величества Божия и испустил дух. Всемогуший Бог, чтобы показать, за какую вину он предан был таким мучителям, допустил умирающего повторить то, в чем не хотел исправлять его отец при жизни, допустил, чтоб долго живший, по долготерпению Божию, богохульником, произнес хулу при смерти, дабы отец его познал вину свою и увидел, что небрежением о душе малого сына он воспитал немало-го грешника для огня геенского. Но оставим эту печальную повесть и станем рассказывать утешительные события, как начали.

ГЛАВА 19

О кончине благочестивого мужа Стефана

Из рассказов вышеупомянутого Проба и других благочестивых мужей узнал я то, что передал слушателям в беседах на Евангелие (Беседа 36), о достопочтенном отце Стефане¹⁵¹. Он был муж, по словам Проба и других свидетелей, ничего не имевший в сем мире, ничего не приобретающий; любил одну бедность ради Бога; в несчастии всегда был терпелив, избегал мирских собраний и жаждал постоянно заниматься молитвою. Из его добродетелей я расскажу об одной такой, по которой можно заключать о многих. Однажды он отвез на гумно сжатый хлеб, который сеял своей рукой; кроме сего хлеба он не имел ничего другого для содержания со своими учениками в продолжение целого года. Один злой человек, возбужденный древ-

ним врагом, подложил огня под хлеб, бывший на гумне, и зажег. Другой, когда увидел случившееся, побежал рассказать рабу Божию. После рассказа он прибавил: «Увы, горе, о. Стефан, что с тобою случилось!» Стефан тотчас со светлым лицом и голосом отвечал: «Горе тому, кто сделал это; а со мной что случилось?» Из этих слов видно, на какой высоте добродетели стоял тот, который с таким спокойным духом терял все, что имел для годового содержания, и более жалел о сделавшем грех, нежели о себе, хотя потерпел от греха его вред; он не ценил того, что потерял вне, но жалел о том, что виновник зла потерял внутри. Когда настал день его смерти, сошлись многие, чтоб поручить свои души молитвам такой святой души, отходящей из сего мира. Собравшиеся окружили его ложе; некоторые из вошедших видели Ангелов, но ничего не могли говорить, другие же совсем ничего не видели; но всех, тут бывших, поразила такой сильный страх, что никто не мог стоять там при исходе сей святой души. И те, которые видели, и те, которые совсем ничего не видели, поражены были одинаковым страхом и разбежались от ужаса, так что ясно можно было понять, какая сила принимала отходящую душу, исхождения которой никто из смертных не мог перенести.

ГЛАВА 20

**О том, что заслуги души иногда яснее открываются
не во время кончины, а по смерти**

Но должно знать, что иногда заслуги души яснее открываются не во время кончины, а по смерти. Так, святые мученики, претерпевшие многие страдания

от неверных, мертвыми костями своими, как выше¹⁵² сказали мы, ежедневно творят знамения и чудеса.

ГЛАВА 21

О двух монахах настоятеля Валентия

Валентий, человек достопочтенный по жизни, который был, как ты знаешь, моим и моего монастыря настоятелем¹⁵³, управлял прежде своим монастырем в провинции Валерии. Свирепые лангобарды тогда¹⁵⁴ пришли в его монастырь и, как он мне сам рассказывал, повесили на сучьях одного дерева двоих его монахов, которые в тот же день и были погребены. По наступлении вечера души повешенных начали петь на том месте ясными и громкими голосами, так что сами убийцы их, когда услышали голоса поющих, чрезвычайно удивились и уstraшились. Эти голоса слышали и все пленные, тут бывшие, и после свидетельствовали о псалмопении убиенных. Всемогуший Бог для того сделал голоса сих душ слышимыми для телесного слуха, чтоб живущие еще в плоти научились, что, если будут служить Богу, и по смерти плоти будут жить истинною жизнью.

ГЛАВА 22

О кончине игумена Сурана

Из рассказов некоторых благочестивых мужей, будучи еще в монастыре, я узнал, что во времена лангобардов, в провинции, называемой Сура, был один

настоятель монастыря, по имени Суран, который пришедшим к нему пленным и бежавшим от грабительства лангобардов раздал все, что было в монастыре. Он отдал им все одежды, свои и братии, монастырские припасы, отдал потом и все, что имел в саду, и таким образом раздал все имущество. Вскоре после того пришли лангобарды, схватили его и стали требовать от него золота. Когда он сказал, что совершенно ничего не имеет, то отведен был ими на соседнюю гору, на которой находился неизмеримой величины лес. Там один бежавший пленник скрывался в дупле дерева; около этого дерева лангобард умертвил мечом вышешпоименованного знаменитого мужа. При падении тела его на землю тотчас затряслись вся гора и лес, как будто дрожавшая земля не могла снести величия его святости.

ГЛАВА 23

О кончине диакона Марсийской церкви

Был также в провинции Марсийской диакон¹⁵⁵ весьма достопочтенной жизни; его схватили лангобарды, из коих один отсек ему голову мечом. Но когда тело его пало на землю, то самым убийцею овладел нечистый дух, поверг его на землю и показал, что убивший друга Божия предан врагу Божию.

Петр. Почему это, скажи, пожалуйста, всемогущий Бог допускает умирать такою смертью людям, великой святости которых сам же не скрывает по смерти их?

ГЛАВА 24

О смерти святого мужа, который был послан в Вефиль

Григорий. Когда написано: *праведник, аще постигнет скончаться, в покое будет* (Прем. 4, 7; Иез. 33 гл.), то какой вред для избранных, которые, без сомнения, стремятся к вечной жизни, если они иногда умирают горькою смертью? Может быть, и у них иногда есть прегрешение, хотя малое, которое должно быть очищено такою смертью. Посему случается, что отверженные получают над праведниками власть, когда они живы, но по смерти их тем более жестоко отмщается на отверженных то, что они с жестокостью воспользовались властью своею. Так, убийца, которому допущено было неистовствовать над вышеупомянутым достопочтенным диаконом, когда он был жив, не был допущен радоваться о его смерти. То же подтверждает и Священное Писание. Муж, посланный в Самарию, оказал неповиновение Богу — ел на пути, за то на сем же самом пути умертвил его лев. Но там же тотчас написано: *осел и лев стояста над телом и не сниде лев телесе человека Божия* (3 Цар. 13, 28). Отсюда видно, что грех неповиновения очищен был самою смертью: тот же самый лев, который решился умертвить его живого, не решился коснуться мертвого. Он имел позволение умертвить, но не получил позволения пожрать труп, потому что тот, который был виновен в жизни, по наказании неповиновения был уже праведен по смерти. Посему и лев, прежде отнявший жизнь у грешника, охранял потом труп праведника.

Петр. Мне нравится, что ты говоришь; но желал бы я знать, могут ли быть принимаемы на небе души праведных прежде воскресения тел?

ГЛАВА 25

Принимаются ли на небе души праведных прежде воскресения тел?

Григорий. Этого не можем утверждать о всех праведниках, не можем и отрицать. Ибо есть души некоторых праведников, которые разделены некими обителями¹⁵⁶ от Царства Небесного. Что другое выражается в этом расстоянии, как не то, что они имели не совсем еще совершенную праведность? Впрочем, яснее света известно, что души совершенных праведников тотчас, как выйдут из оков сей плоти, принимаются в небесные жилища, как и сама Истина своими устами свидетельствует, говоря: *идеже труп, там соберутся и орли* (Лк. 17, 37). Где Сам Спаситель наш находится телом, туда, без сомнения, собираются и души праведников. И Павел желает *разрешиться и со Христом быти* (Флп. 1, 23). Итак, кто не сомневается, что Христос на небе, не будет отрицать и того, что душа Павлова на небе. Он же говорит о разрешении от своего тела и вселении в небесном отечестве: *вемы, яко аще земная наша хранина разорится, создание от Бога имамы, храмину нерукотворену, вечну на небесех* (2 Кор. 5, 1).

Петр. Итак, если души праведников теперь находятся на небе, что же они получают в воздаяние за свою праведность в день Суда?

Григорий. Воздаяние чудным образом возрастет для них в день Суда; теперь они блаженствуют только душами, а после Суда будут блаженствовать и телами, в которых переносили ради Господа болезни и страдания. О сей имеющей возрасти славе их написано: *землю свою вторицею наследят* (Ис. 61, 7). Еще прежде дня воскресения о душах святых написано: *и даны быша коемуждо их ризы белы, и речено бысть им, да почуют еще время мало, дондеже скончаются, и клевети их и братия их* (Апок. 6, 11). Итак, если они теперь получили по ризе, то в день Суда будут иметь по две ризы; потому что теперь наслаждаются только славою душ, а тогда будут наслаждаться славою душ и телес.

Петр. Согласен; теперь желал бы я знать, каким образом умирающие часто многое предсказывают?

ГЛАВА 26

Каким образом умирающие нечто предсказывают?

**О монахах Геронтии и Меллите и
об отроке Арментарии**

Григорий. Иногда самые души по своей тонкости нечто провидят; иногда выходящие из тела души узнают будущее по откровению; иногда же, незадолго перед смертью, свыше вдохновленные усматривают бестелесным оком ума небесные тайны. Что душа, по тонкости своей, узнает иногда будущее, видно из следующего события. Один адвокат, по имени Кумкводеус, умерший в нашем городе два года назад от болезни в боку, незадолго пред смертью позвал раба своего и приказал приготовить ему одежды для выхода. Отрок подумал, что он бредит, и не исполнил

приказания; тогда больной встал, надел на себя одежду и сказал, что пойдет по Аппиевой дороге в церковь блаженного Сикста¹⁵⁷. Спустя немного времени от усилившейся болезни он помер. Положено было похоронить тело его на Пренестинской дороге около церкви блаженного мученика Януария. Но тем, которые несли прах его, путь этот показался длинным; поэтому несшие прах его вдруг порешили идти по Аппиевой дороге и, не зная, что он говорил пред смертью, похоронили его в той самой церкви, о которой он предсказал. Мы знаем, что этот человек занят был мирскими заботами и притом пристрастен до земной корысти; какую же силою он мог предсказывать? Очевидно, сама душа его, по своей тонкости, провидела, что будет с телом.

А как умирающие узнают будущее по откровению, можем заключить из того, что случилось у нас в монастыре. В моем монастыре за десять лет пред сим был один брат, по имени Геронтий. Будучи одержим тяжкою болезнью тела, однажды увидел он в ночном видении беловидных мужей, которые сходили с небес в светлых одеждах в этот самый монастырь. Когда они предстали к постели больного, один из этих мужей сказал: «Мы пришли за тем, чтоб некоторых братьев из монастыря Григорьева взять на службу¹⁵⁸. — И обращаясь к другому, присовокупил: — Запиши Маркелла, Валентиниана, Агнелла». Он перечислил и других, которых я теперь не помню. После сего еще прибавил: «Запиши и этого, который на нас смотрит». Убежденный сим видением, вышеупомянутый брат утром же известил братьев этого монастыря, которые должны были в скором времени умереть; объявил также, что и сам последует за ними. Со следующего дня упомянутые

братия начали умирать, и именно в том порядке, в каком были записаны. Наконец, умер и сам предвидевший смерть сих братьев. Во время сей смертности, которая сильно опустошила этот город три года назад¹⁵⁹, в монастыре города Порты был монах по имени Меллит, постриженный еще в юношеских летах, но обладавший удивительною простотою и смирением; он с наступлением дня своего ангела поражен был той же язвой и приближался к смерти. Епископ сего города Феликс¹⁶⁰, муж достопочтенной жизни, от которого я и слышал об этом, поспешил прийти к больному и стал ободрять утешениями, чтоб он не боялся смерти; стал даже обещать ему от имени милосердия Божия многие годы жизни. Но умирающий отвечал, что течение его окончено; рассказал, как явился ему юноша и принес письмо, со словами: «Распечатай и читай». Открыв письмо, больной нашел, как сам рассказывал, себя и всех, которые в то время крещены были вышеупомянутым епископом в праздник Пасхи, вписанными в нем золотыми буквами. Первое имя, как говорил он, нашел свое, а потом имена всех, в то время крещенных. Из сего письма Меллит уверился, что и он и те скоро прейдут из сей жизни. Так и случилось. Он умер в тот же день, а за ним последовали все, которые были крещены, так что спустя несколько дней ни одного из них не было в живых. Отсюда очевидно, что сказанный раб Божий потому видел имена их написанными золотыми буквами, что эти имена освящены были вечным сиянием.

Как эти могли узнавать будущее по откровению, так иногда исходящие души могут предузнавать небесные тайны даже не во сне, а в бодрственном состоянии. Ты хорошо знаешь Аммония, монаха из мо-

его монастыря. Когда он был еще в мире, сосватал себе родную дочь Валериана, адвоката нашего города; он непрестанно пользовался его услугами: поэтому знал все, что делалось в его доме. Живши уже в монастыре, он рассказывал мне, что во время той смертности, которая сильно опустошила Рим при патриции Нарсе, в доме упомянутого Валериана был отрок Арментарий, с необыкновенной простотою и смирением. Когда дом адвоката поражен был той же язвой, заболел и этот отрок и приблизился к смерти. Он внезапно восхищен был от присутствующих, потом возвратился в себя, позвал своего господина и рассказал: «Я был на небе и узнал, кто умрет из этого дома. Тот, тот и тот умрут, а ты не бойся, не умрешь в это время. А что я правду говорю, что был на небе, можешь узнать из того, что я получил там дар говорить всеми языками. Тебе известно, что я совершенно не знал греческого языка; а теперь поговорю по-гречески, чтобы ты удостоверился в истине того, что я действительно получил дар говорить всеми языками». Тогда господин его стал говорить с ним по-гречески, и он так отвечал на этом языке, что все присутствовавшие дивились. В доме упомянутого Нарсы жил аптекарь болгар¹⁶¹; он тотчас приведен был к больному и стал разговаривать с ним на болгарском языке; и отрок, рожденный и воспитанный в Италии, так отвечал ему на этом варварском языке, как будто сам происходил из того же народа. Все слышавшие удивились, и из опыта двумя языками, которых он, как им известно было, не знал прежде, уверились во всем прочем, чего не могли поверить опытом. Через два дня стали показываться признаки смерти; но на третий день, неизвестно по какому сокроенному суду, он истерзал себе зубами руки и

плечи и потом испустил дух. По смерти его скоро взяты были из сего мира все, о которых он предсказал; но в том доме не умер от той язвы никто, чьего имени не произносил больной.

Петр. Страшно то, что удостоившийся получить такой дар после поражен был такою казнию.

Григорий. Кто знает сокровенные суды Божии? Чего не можем понять в суде Божиим, должны более трепетать, нежели исследовать.

ГЛАВА 27

О смерти правителя Феофана

Если уже начали говорить об исходящих душах, которые многое предузнают, нельзя умолчать и о том, что я узнал от многих свидетелей о Феофане¹⁶², правителе города Центумцеллы*. Он был муж милосердный, усердный к добрым делам и особенно к гостеприимству. Занимаясь делами по управлению страной, Феофан совершал дела земные и временные, но, как открылось при смерти, более по чувству долга, нежели по расчетам временным. С наступлением его кончины в воздухе сделалась величайшая непогода, так что нельзя было бы вынести его тела для погребения. Жена больного с горьким плачем стала жаловаться, говоря: «Что я буду делать? Как я похороню тебя, когда нельзя выйти за двери дома по причине величайшей непогоды». Тогда он отвечал: «Не плачь, жена; как только я умру, в воздухе делается ясно». За сими словами

* Центумцеллы — ныне Чивитавеккья.

тотчас последовала смерть, а за смертью ясная погода. Это чудо сопровождали и другие чудеса. Руки и ноги его, распухшие от подагры, все покрыты были ранами и стали смердеть от истекающей гнойной материи. Но когда тело его раздето было для обыкновенного омовения, руки и ноги его оказались так здоровы, как будто никогда не имели ни одной раны. Потом он отвезен был на кладбище и погребен. Супруге его вздумалось на четвертый день переменить мрамор, положенный на могиле. Когда снят был положенный над его телом мрамор, такое истекло благоухание из могилы, как будто из гниющего тела его вместо червей исходили ароматы. Некоторые нетвердые (в вере), слышавшие мой рассказ об этом событии в беседах¹⁶³, сомневались. Но однажды сидел я в собрании знатных мужей; туда пришли те самые мастера, которые переменили мрамор на его могиле, спросить меня кое о чем по собственному делу. Тогда я спросил их об этом чуде в присутствии клира, знатных мужей и народа. Они засвидетельствовали, что могила чудным образом наполнилась благоуханием; рассказывали и еще нечто о его гробе, еще более чудное, о чем, по моему мнению, долго было бы теперь рассказывать.

Петр. Достаточно уже, кажется, удовлетворена моя пытливость; но еще один вопрос занимает мой ум. Если, как выше сказано было, души святых на небе, то, без сомнения, души нечестивых, — должно верить, — не в ином месте, как в аде¹⁶⁴. А что говорит об этом истина, я не знаю, потому что человеческое суждение не допускает, чтобы души грешников прежде суда были мучимы.

ГЛАВА 28

**Должно верить, что как души совершенных
находятся на небе, так души грешников,
по разлучении с телом, находятся в аду**

Григорий. Если благочестивая беседа вполне убедила тебя, что души святых на небе, то совершенно необходимо верить и тому, что души нечестивых в аду. По суду вечной правды необходимо, чтобы как праведные прославлялись, так грешники мучились. Как блаженство утешает избранных, так, должно верить, отверженные со дня самой смерти своей горят в огне.

Петр. Каким же образом следует верить, что в вещественном огне может содержаться существо бестелесное?

ГЛАВА 29

**Каким образом представить, что бестелесные души
могут содержаться в вещественном огне?**

Григорий. Если невещественный дух живого человека содержится в теле, то почему же по смерти невещественный дух не может быть одержим вещественным огнем?

Петр. В живом существе невещественный дух потому содержится в теле, что оживотворяет тело.

Григорий. Если, Петр, невещественный дух может содержаться в том, что оживотворяет, то почему же для наказания не может содержаться там, где царствует смерть? Мы утверждаем, что дух для того содер-

жится в огне, чтобы мучился, видя и чувствуя огонь. Он страдает от того самого, что видит этот огонь, сожигается чрез то самое, что видит себя сожигаемым. И, таким образом, вещество телесное жжет бестелесное существо, когда из видимого огня извлекается невидимый жар, причиняющий боль, дабы чрез огонь вещественный бестелесный ум мучился невестественным пламенем. Из евангельского сказания мы можем заключать, что душа терпит от огня не только видением, но и ощущением. По слову Истины, умерший богач низвержен был в ад. Что душа богача содержалась в огне, показывают следующие слова его, которыми умолял он Авраама: *посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде, и устудит язык мой, яко стражду во пламени сем* (Лк. 16, 24). Итак, если сама Истина утверждает, что грешный богач осужден был на мучение в огне, то кто из умных людей станет отрицать, что души грешников содержатся в огне?

Петр. Правда, и разумом и свидетельством Истины душа побуждается к вере; но когда приходит в раздумье, опять медлит убеждаться. Ибо каким образом бестелесное существо может быть содержимо и мучимо вещественною силою?

Григорий. Скажи, пожалуйста, телесными или бестелесными ты считаешь отпадших духов, лишенных небесной славы?

Петр. Какой здравомыслящий человек духов назовет телесными?

Григорий. А огонь геенский ты признаешь невестественным или вещественным?

Петр. Не сомневаюсь, что огонь геенский вещественный, и в нем непременно будут мучиться тела.

Григорий. Истинно скажет отверженным в последний день сама Истина: *идите во огонь вечный, угото-*

ванный диаволу и аггелом его (Мф. 25, 41). Итак, если диавол и его ангелы, будучи бестелесными, осуждены на мучения в вещественном огне, что удивительного, если и души, еще прежде соединения с телами, могут чувствовать вещественные мучения?

Петр. Истина очевидна, и ум не должен более сомневаться в этом предмете.

ГЛАВА 30

О смерти царя Теодориха арианнина*

Григорий. Если ты с таким трудом убедился, то надеюсь в вознаграждение за труд умножить твою веру, когда расскажу тебе то, что сам слышал от людей, заслуживающих доверия. Юлиан, второй дефенсор римский Церкви, которой я по воле Божией служу, умерший почти семь лет назад, часто ходил ко мне, когда я был еще в монастыре, и обыкновенно беседовал со мной о предметах душеспасительных. Однажды он рассказал мне следующее: «В правление царя Теодориха отец тестя моего отправлял в Сицилии должность сборщика податей и уже возвращался в Италию. Корабль его пристал к острову, называемому Липарис. Там жил один пустынник, муж, украшенный великими добродетелями. Пока корабельщики приготавливали корабельные снасти, упомянутому отцу моего тестя вздумалось (со своими спутниками) сходить к сему человеку Божию и поручить себя его молитвам. Святой муж

* Теодорих был царем готов, владевшим Италией. В древности известно было место, называемое адом Теодориха.

принял их и между другими разговорами спросил: «Знаете ли, что царь Теодорих помер?»¹⁶⁵. Посетители тотчас отвечали ему: «Нет, мы оставили его живого и ничего такого не слышали о нем доселе». Раб Божий опять сказал им: «Действительно помер: вчерашний день он, раздетый и разутый, со связанными руками отведен был в девятом часу папою Иоанном* и Симмахом патрицием и низвергнут в это соседнее жерло вулкана». Услышав об этом, они с точностью записали день и по возвращении в Италию узнали, что царь Теодорих умер именно в тот день, в который показаны были рабу Божию его смерть и наказание. За то, что папу Иоанна Теодорих замучил в темнице, а патриция Симмаха усекнул мечом, он по правде брошен был в огонь, как показано в видении, теми, которых несправедливо судил в сей жизни.

* Это был Иоанн I, преемник Ормизды в 523 году.

ГЛАВА 31

О смерти Репарата

В то время, когда я только еще начинал жаждать уединенной жизни, один почтенный старец по имени Деусдедит, друг знатым людям нашего города, особенно со мной был связан узами дружбы. Он рассказал мне следующее: во времена готов один знаменитый муж (сенатор), по имени Репарат, приблизился к смерти. Долго лежал он уже безгласный и очоченный, так что, казалось, дыхание жизни совсем оставило его, и тело лежало бездыханным. Многие

пришедшие и его семейство оплакивали его как умершего; вдруг он ожил, и слезы всех плачущих превратились в удивление. Возвратившись к жизни, он сказал: «Скорее пошлите раба к церкви блаженного мученика Лаврентия, которая называется по имени строителя ее Дамасовою¹⁶⁶, чтоб он узнал и уведомил, что делается с пресвитером Тибурцием». Тибурций, говорят, предан был тогда плотским пожеланиям; об его жизни и нравах хорошо помнит и Флоренций, теперешний пресвитер той церкви. Раб отправился, а Репарат, возвратившийся к жизни, рассказал, что узнал о нем там, куда взят был, именно: «Приготовлен был большой костер; пресвитер Тибурций возведен был на него и положен; потом подложили огня и зажгли костер. Приготавлился и другой костер, которого высота простиралась, по-видимому, от земли до неба». Услышавши это, слушатели вскричали: «Для кого?» Но Репарат уже помер тотчас после сих слов; а раб, который был послан к Тибурцию, нашел его уже умершим. Очевидно, Репарат водим был на места мучений, видел их, возвратился к жизни, рассказал и потом умер, не для себя, но для нас, чтобы мы, пока еще находимся в сем мире, отстали от худых дел. Приготовление же костров Репарат видел не потому, чтобы в аду горели дрова, но для удобнейшего рассказа живущим видел в горении грешников то, чем обыкновенно поддерживается у живущих вещественный огонь, дабы они, слыша об известном, научились бояться того, что им еще не известно.

ГЛАВА 32

О смерти куриала*, которого могила была сожжена

Муж достопочтенной жизни Максимиан, епископ Сиракузский, который долго настоятельствовал в Риме над моим монастырем, обыкновенно рассказывал страшное происшествие, случившееся в провинции Валерия. Там один куриал в святейшую Пасхальную Субботу восприял в Таинстве Крещения одну молодую девицу. Возвратившись после поста домой и напившись чрезмерно вина, он упросил эту (восприемную) дочь свою остаться с ним и в ту же ночь (что и сказать непристойно) растлил ее. Встал он утром и нечистый стал собираться в баню, как будто банная вода смывает греховные пятна. Сходил в баню, омылся и со страхом стал размышлять о том, как пойдет он в церковь: не идти в такой день в церковь стыдился людей, а идти боялся суда Божия. Стыд пред людьми победил, и он пошел в церковь; но стоял со страхом и трепетом, ежеминутно ожидая, как овладеет им нечистый дух и станет мучить пред всем народом. Однако ж вопреки сильному опасению с ним не случилось такого несчастья в продолжение Литургии. С радостью вышел он, и на другой день уже беззаботный отправился в церковь; и таким образом во все шесть дней ходил в церковь, веселый и беззаботный, воображая, что Бог или не видел его злодеяния, или по милосердию простил. Но на седьмой день он умер внезапною смертью и предан был погребению. Спустя долгое время в виду всех появился из гроба его пламень и дотоле жёг его кости, пока

* Член римской курии.

не сожгет весь гроб и землю, которая была насыпана над ним. Этим действием всемогущий Бог показал, что терпела втайне душа того человека, тело которого пред глазами человеческими истреблено пламенем. Нам же, слушающим об этом событии, дал страшный урок, что претерпевает за свои грехи живая и чувствующая душа, если таким огнем сожигаются и не чувствующие кости.

Петр. Желал бы я знать, узнают ли добрые добрых в Царстве Небесном и злые злых в аде.

ГЛАВА 33

Узнают ли добрые добрых в Царстве Небесном и злые злых в аду?

Григорий. Яснее света ответ на этот вопрос дан в словах Господних, которые мы уже приводили. Там сказано: *Человек некий бе богат, и облачашеся в порфиру и виссон, веселяся на вся дни светло. Нищ же бе некто, именем Лазарь, иже лежаше пред враты его гноен и желаше насытитися от крупиц падающих от трапезы богатаго: но и пси приходяще облизаху гной его* (Лк. 16, 19–21). Затем прибавлено; *Бысть умрети нищему и несену быти Ангелы на лоно Авраамле: умре же и богатый, и погребоша его. И во аде возвед очи свои, сый в муках, узре Авраама издалежа, и Лазаря на лоне его. И той возглаголю, и рече: отче Аврааме, помилуй мя, и посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде, и устудит язык мой: яко стражду во пламени сем. Рече же Авраам: чадо, помяни, яко восприял еси благая твоя в животе твоём, и Лазарь такожде злая* (22–25). Богач, не имея уже надежды на свое спасение, обраща-

ется к заботливости о спасении своих родственников, говоря: *молю тя, отче, да поспеши в дом отца моего: имам бо пять братий: яко да засвидетельствует им, да не и тии приидут на место сие мучения* (27–28). Этими словами ясно дается знать, что узнают и добрые добрых, и злые злых. Если бы Авраам нисколько не знал Лазаря, никак не мог бы говорить с богачом, вверженным в мучения, о прошедших страданиях его утверждать, что Лазарь восприял злая в животе своем. И если бы злые не узнавали злых, то богач, вверженный в муки, не стал бы упоминать о своих братьях, еще отсутствующих; почему же он не узнал бы их при свидании, если за них, отсутствующих, молит по воспоминанию? Здесь можно видеть и то даже, о чем ты не спрашивал, именно, что и добрые узнают злых, и злые добрых. Богача узнает Авраам, когда говорит ему: восприял еси благая в животе твоём; и избранного Лазаря узнает отверженный богач, когда молит Авраама послать его, называя по имени: *посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде, и устудит язык мой*. От этого узнавания с той и другой стороны возрастает мера воздаяния: и добрые более радуются, когда видят блаженствующими вместе с собою тех, кого любили, и злые, когда с ними мучатся те, кого они любили в сем мире, забывши Бога, страдают не только от своих, но и от их мучителей. Между избранными случается еще нечто более чудное: они узнают не только тех, которых знали в сем мире, но признают, как известных и знаемых, таких добрых, которых никогда не видали. Ибо когда увидят древних отцов в вечном наследии, не будут неизвестны тем, которых всегда знали в делах. Если там в общем свете созерцают Бога, то чего они не могут знать там, где знают Всевидца?

ГЛАВА 34

Об одном благочестивом муже, который при смерти видел пророков

Один из наших, человек весьма достопочтенный, благочестивой жизни, умерший за четыре года пред сим, по свидетельству других благочестивых мужей, бывших при его кончине, в час смерти своей видел пророков Иону, Иезекииля и Даниила и называл их по именам своими господами. Он сказал окружавшим о прибытии пророков, своими смиренными взглядами выразил благоговение к ним и потом отдал дух Богу. Из этого обстоятельства можно ясно понять, какое познание будет в той нетленной жизни, если сей муж, находясь еще в тленной плоти, узнал святых пророков, которых никогда не видел.

ГЛАВА 35

**О том, что даже не известные одна другой души,
но имеющие получить или одинаковое наказание
за грехи, или одинаковые награды за добродетели,
узнают одна другую при смерти; также о кончине
Иоанна и Урса, Евморфия и Стефана**

Весьма часто случается, что исходящая душа узнает даже тех, с которыми за одинаковые грехи или добродетели приговорена будет жить в одном месте. Муж достопочтенной жизни старец Елевферий, о котором я много рассказывал в предыдущей книге (гл. 33), имел в монастыре своем родного брата, по имени Иоанн¹⁶⁷, который, по его словам, за сорок дней

предсказал братьям свою кончину. Ежедневно считал Иоанн уменьшающиеся дни своей жизни и за три дня пред смертью заболел. При наступлении смертного часа он принял таинство Тела и Крови Господних. Потом заставил созванных братий петь псалмы и сам отвечал им антифоном: *отверзите мне врата правды: вшед в ня исповеся Господеви; сия врата Господня: праведнии внидут в ня* (Пс. 117, 19–20). Во время пения окружающих Иоанна братий он внезапно высил голос и вскричал: «Урс, иди». После сих слов он тотчас окончил свою бrenную жизнь. Братия удивились, потому что не знали, к кому вскричал умирающий брат. Смерть его произвела в монастыре великую печаль. На четвертый день братии нужно стало послать за чем-то в монастырь, находившийся вдали от сего монастыря. Посланные туда братия нашли весьма печальными всех монахов того монастыря. На вопрос: «Какая причина столь горькой печали вашей?» монахи отвечали: «Мы оплакиваем потерю монастыря: один брат наш, жизнь которого поддерживала нас в этом монастыре, вот уже четвертый день как перешел из сего мира». Пришедшие братия заботливо спросили, как звали умершего, и им отвечали: «Урс». Подробно расспрашивая о часе его смерти, они узнали, что Урс умер в ту самую минуту, в которую позван был Иоанном, умершим у них. Из этого обстоятельства видно, что заслуги умерших были равны, и тем, которые умерли в одно время, дарована была награда жить в одном месте.

Не умолчу и о том, что случилось мне узнать от некоторых моих соседей, когда я, быв еще мирянином, жил в собственном доме, доставшемся мне в Риме по наследству от отца. Подле меня жила одна вдова, по имени Галла. Она имела юного сына, име-

нем Евморфий; а недалеко от них жил некто Стефан, исправлявший должность оптиона*. Когда наступила смерть Евморфия, он позвал своего раба и дал следующее приказание: «Иди скорее, скажи Стефану оптиону, чтобы немедленно шел, потому что готов уже корабль, на котором нам нужно ехать в Сицилию». Раб подумал, что он бредит, и не хотел исполнить приказание. Тогда Евморфий с сильной угрозой сказал: «Иди и скажи ему, что я говорю; я не в бреду». Раб пошел, но на половине дороги встретился с ним некто и спросил: «Куда идешь?» Раб ответил ему: «Я послан своим господином к Стефану оптиону». Но тот немедленно сказал ему: «Я иду от Стефана; он сейчас при мне помер». Раб возвратился к господину своему Евморфию, но нашел его уже умершим. Таким образом, если раб встретился с вестником на середине пути и возвратился, то из пройденного пространства можно заключить, что умершие были позваны (из сего мира) в одну и ту же минуту.

Петр. Весьма страшен твой рассказ; но скажи, пожалуйста, почему исходящей душе явился корабль или почему умирающий предсказал, что его повезут в Сицилию?

Григорий. Душа не нуждается в вознице; но не удивительно, если человеку, находящемуся еще в теле, является то, что привык он видеть телесными очами, дабы он понял чрез это, каким образом душа может быть препровождаема духовно. Свидетельство умиравшего, что его повезут в Сицилию, может означать то, что на сих островах, преимущественно пред другими местами, из горных жерл извергаемый

* Опционом назывался исправляющий должность военного вождя, за отсутствием его, также помощник сотника.

огонь приготовлен для мучений*. Эти жерла, как рассказывают видевшие их, ежедневно расширяются в своем объеме, так что чем более с приближением конца мира собирается туда грешников, назначенных для мучений в огне, тем шире открываются и самые места мучений. А что избранные, равно и отверженные, заслужившие одинаковыми делами одинаковую судьбу, отводятся в одинаковые места, могут уверить нас слова самой Истины, если бы и не доставало примеров. Христос говорит в Евангелии, имея в виду избранных: *в доме Отца Моего обители многи суть* (Ин. 14, 2). Если бы в вечной жизни воздаяние было всем равное, то скорее была бы одна обитель, а не многие. Итак, существует много обителей, в которых добрые пребывают по степеням. По причине соучастия в заслугах они вместе блаженствуют и все трудившиеся получают хотя по одному динарию (Мф. 10, 9), но различаются блаженствующие многими обителями; одно блаженство, которым они там наслаждаются, но разная мера воздаяния следует за разные дела. Господь, возвещая о дне Суда Своего, говорит: *во время жатвы реку жателем: соберите первее плевелы, и свяжите их в снопы, яко сожеши* (Мф. 13, 30). То есть жатели-ангелы связывают плевелы в снопы для сожжения или равных соединяют с равными в одинаковых мучениях; гордые, например, будут гореть вместе с гордыми, роскошные с роскошными, скупые со скупыми, обманщики с обманщиками.

* Мысль, что в подземном огне назначены места для мучения грешников, была довольно распространена в первые века, особенно на Западе, ее можно встречать и на Востоке. См., например, житие священномученика Патрикия, епископа Прусского, в Четьи-Минеи, 19 мая. Но ни в Св. Писании, ни в учении Церкви эта мысль определенно не выражается.

ми, завистники с завистниками, неверные с неверными. Когда Ангелы виновных в одинаковых преступлениях распределяют в местах наказания и предают одинаковым мучениям, то как бы связывают плевелы в снопы для сожжения.

Петр. Мысль моего вопроса вполне объяснена удовлетворительным ответом. Но скажи, пожалуйста, что значит, что некоторые души как бы по ошибке¹⁶⁸ только изъемяются из тела. Так что снова возвращаются в тела, бывшие бездыханными, и кто из таких (обмиравших) скажет, что слышал о себе, как не сам тот, кого велено было отвести (из сего мира)?

ГЛАВА 36

**О тех душах, которые как бы по-видимому только
изъемяются из тела; об успении и оживлении монаха
Петра, о смерти и воскресении Стефана,
также о видении некоего воина**

Григорий. Это не ошибка, Петр, но предостережение, если понять хорошо. Бог по своей благодати и неизреченному милосердию так устрояет, что некоторые и после действительной смерти внезапно оживают и начинают бояться адских мучений, которые видели, но которым не верили, когда только слышали о них. Один иллирийский монах, живший в этом городе со мной в монастыре, рассказывал мне событие, случившееся с неким монахом Петром, родом из Иберии. Когда иллирийский монах жил в пустыне, к нему присоединился в одном пустынном месте, называемом Евазою, этот Петр и рассказывал о себе следующее: еще до отшествия в пустыню, после силь-

ной телесной болезни, Петр помер; но вскоре жизнь возвратилась в тело. Он рассказывал, что видел адские мучения и бесчисленные места, наполненные пламенем; видел некоторых знатных людей сего мира, вверженных в огонь. Когда его самого вели уже к огню, чтобы бросить в него, то внезапно явился Ангел в блестящей одежде, который запретил ввергать его в огонь. Ангел сказал Петру: «Возвратись и внимательнее подумай, как следует тебе жить после сего». После сих слов члены тела мало-помалу начали отогреваться; он пробудился от сна вечной смерти и рассказал все, что происходило с ним. Вразумленный страшным событием, он предался такому посту и бодрствованию, что если бы язык и не говорил, самая жизнь показывала, что он видел адские мучения и трепетал их. Так, милосердие всемогущего Бога посредством смерти сделало то, что он не умер вечно.

Но как сердце человеческое бывает иногда слишком жестко, то и самое показание мучений бывает не для всех одинаково полезно. Знаменитый муж Стефан, которого ты хорошо знаешь, обыкновенно рассказывал о самом себе, что, оставшись по некоторому делу в Константинополе, он помер от приключившейся телесной болезни. В день смерти не нашли врача и продавца мазей для вскрытия и бальзамирования его тела; посему тело в следующую ночь пролежало непогребенным. Он был приведен во ад и видел там многое, чему не верил, когда слышал. Там Стефан представлен был председателю судье; но судья не принял его и сказал: «Не его велел я привести, а Стефана, занимающегося кованием железа». Он немедленно возвращен был в тело, а Стефан другой, живший подле него, в тот же час помер. Таким обра-

зом, самая смерть Стефана доказала, что слова, которые он слышал, были справедливы.

Ты знаешь, что Стефан этот помер за три года пред сим, во время той язвы, которая произвела в нашем городе страшное опустошение, когда даже в виду телесных очей летали стрелы с неба и грозили поразить всех до одного. Один воин в этом самом городе нашем поражен был той же язвой и помер. Тело его, по исшествии души, лежало бездыханным; но скоро возвратилась душа, и он рассказал, что с ним делалось. Многим тогда известно было, как говорил он, что видел мост, под которым протекала река, черная и туманная, испускающая несносный запах и мглу. Позади же моста был широкий зеленеющий луг, украшенный цветами пахучих трав, на котором виднелись люди, одетые в белые одежды. Такой был приятный запах в этом месте, что самая приятность запаха насыщала живущих и гуляющих там. Были там различные жилища, наполненные светом; там же воздвигался удивительной красоты дом, который, по-видимому, строился из золотых кирпичей; но чей это был дом, он не мог узнать. На берегу упомянутой реки были жилища; в некоторые из них проникал смрад и мрак, исходящие из реки, а в других этого не было. На мосту было такого рода испытание: кто из нечестивых хотел перейти чрез него, тот падал в мрачную и смердящую реку, праведные же, на которых не было вины, свободно и безопасно переходили чрез него к прекрасным местам. Он признался, что видел там и Петра, старейшину церковного чина, который умер четыре года назад; он был повешен вниз головой в страшных этих местах и скован тяжелыми железами. Когда он спросил, за что Петр так мучится, услышал то, что мы, знавшие его

в церковном доме, припоминаем, зная его поступки. Именно сказано было: «За то он так мучится, что когда получал приказание наказать кого-нибудь, то наносил удары не столько из повиновения, сколько по страсти к жестокости». Что действительно так было, всякий знает, кто знал его. Там, рассказывал он, видел еще одного чужестранного пресвитера, который, подошедши к упомянутому мосту, перешел по нему с такою смелостью, с какою искренностью жил здесь. На том же мосту он узнал, как рассказывал, и Стефана, о котором мы выше говорили. Когда Стефан хотел перейти через мост, то нога его поскользнулась и он спустился уже с моста до половины тела, как некоторые страшные люди, высунувшиеся из реки, стали тащить его за ноги вниз, а другие, одетые в белые одежды и благообразные видом мужи — за плечи вверх. Во время самой борьбы, т. е. когда добрые духи влекли его вверх, а злые вниз, сам видевший это возвратился в тело и не знал ничего, что далее происходило со Стефаном. Из этого происшествия со Стефаном можно понять, что в жизни его зло плоти боролось с делами милосердия. Тем, что его за ноги влекли вниз, а за плечи вверх, ясно показано, что он и милосердие любил и не совсем противился порокам плоти, которые влекли его вниз. Но что потом возьмет в нем верх при этом испытании помыслов, не известно ни нам, ни тому, кто видел и снова возвратился к жизни. Видно только, что Стефан и после того, как видел адские места и снова возвратился в тело, как я выше рассказывал, не совсем еще исправил свою жизнь, когда спустя много лет умер для новой борьбы между жизнью и смертью (вечною). Отсюда понятно и то, что показание адских мучений иным доставляет пользу, а другим обраща-

ется во вред: одни, видя зло, опасаются его, а другие тем строже осуждаются, что не хотели избегать виденных и известных уже мучений ада.

Петр. Что значит, скажи, пожалуйста, что в прекрасных местах виден был чей-то дом, строившийся из золотых кирпичей? Смешно мне кажется поверить, что и в той жизни будем иметь нужду в таких металлах.

ГЛАВА 37

**Что значит построение дома в прекрасных местах.
О Деусдедите, дом которого, по видению, строился
только в субботу, и о казни содомлян**

Григорий. Кто так будет понимать, если имеет здравый смысл? Из показанного там ясно дается понять, что делает здесь тот, для кого строится там это жилище. Кто заслужит здесь награду вечного света щедрыми милостынями, без сомнения, из золота построит там себе жилище. Скажу о том, что прежде ускользнуло из памяти: тот воин, который видел постройку, рассказывал, что золотые кирпичи для строения дома несли старцы и юноши, девы и отроки. Отсюда понятно, что те, которым здесь оказана была любовь, там являлись строителями дома (для милосердного).

Здесь подле нас жил благочестивый муж, по имени Деусдедит, который занимался шитьем обуви. О нем другой некто имел такое видение: строился для него дом, но строители дома явились работающими в один только субботний день. После, исследуя подробно жизнь Деусдедита, имевший откровение нашел, что

он имел обычай относить в субботний день в церковь блаженного Петра и раздавал нищим то, что из выработанного в прочие дни оставалось от пищи и одежды. Отсюда можно понять, что не напрасно дом его казался строящимся только в субботу.

Петр. Относительно сего предмета я достаточно вразумлен; но скажи, пожалуйста, почему смрадная мгла проникала в некоторые жилища, а некоторых не могла коснуться; также что за мост, что за река, которые умиравший видел?

Григорий. Из образных явлений мы можем, Петр, догадываться о заслугах лиц. Он видел праведных переходящими в прекрасные места через мост потому, что *узкая врата и тесный путь вводяй в живот* (Мф. 7, 14). Внизу видел протекающую реку с дурным запахом потому, что ежедневно из сего мира стекает в преисподнюю нечистота плотских пороков. Смрадная мгла проникла в некоторые жилища, а до некоторых не могла коснуться: это значит, что много есть людей, которые совершают весьма многие добрые дела, однако ж прикасаются еще и к плотским порокам услаждением воображения. И весьма справедливо проникает смрадная мгла в жилища тех, которых услаждает здесь запах плоти. Почему и блаженный Иов, смотря на услаждение плотью под образом запаха, сказал о роскошном и сладострастном человеке следующие слова: *сладость его червь* (Иов. 24, 20)*. Которые же совершенно сохраняют свое сердце от всякого услаждения плотью, в жилища тех, без сомнения, не проникает смрадный запах. Должно также заметить, что видел он смрадную мглу для вразумления, как плотские наслаждения помрачают ум преданно-

* С евр. подлинника.

го им человека до такой степени, что он не видит сияния истинного света, но чем ниже его наслаждения, тем большим мраком покрываются для него высшие предметы.

Петр. Можно ли доказать из свидетельства Священного Писания, что грехи плотских людей наказываются смрадным запахом?

Григорий. Можно. Из свидетельства книги Бытия знаем, что *Господь одожди на Содом и Гоморр жупел и огонь* (19, 24), чтобы жителей сих городов и огонь палил и серный запах мучил. Они горели преступною любовью к тленной плоти, посему и погибли от пламени и смрада, дабы познали в своей казни, что преданы вечной смерти за услаждение зловонием своих страстей.

Петр. Признаюсь, что теперь не имею ничего возразить против того, в чем доселе сомневался.

ГЛАВА 38

О душах, которые, находясь еще в теле, видят часть будущих наказаний; об отроке Феодоре; о смерти Хрисаория и одного иконийского монаха

Григорий. Должно знать и то, что иногда души, находясь еще в телах, видят часть наказаний, назначенных для душ. Это бывает с некоторыми из них иногда для собственного их назидания, иногда для назидания слышащих. В мой монастырь поступил, вслед за братом своим, более по необходимости, нежели по воле, один весьма беспокойный отрок, по имени Феодор, о котором, помнится, я рассказывал народу в беседах¹⁶⁹. Ему тяжело было, если кто гово-

рил что-нибудь о его спасении, потому что он не только не мог делать доброго, но и слышать о нем. Феодор клятвою, гневом и насмешками свидетельствовал, что никогда не желал вести святой монашеской жизни. Во время язвы, которая истребила значительную часть народонаселения сего города, он заболел и приблизился к смерти. При последнем уже издыхании Феодора сошлись братия сопровождать молитвою исход его. Тело стало уже холодеть в оконечностях и в одной только груди сохранялась еще жизненная теплота. Братия тем ревностнее начали молиться, чем яснее видели близкий конец его. Вдруг он закричал к предстоящим братиям громким голо-сом, прервав молитву: «Отойдите, отойдите; я отдан на съедение дракону, но он не может пожрать меня по причине вашего присутствия. Голову мою он про-глотил уже; дайте ему место, чтобы не мучил меня более, но сделал со мной, что хочет. Если я отдан ему для пожрания, то зачем из-за вас терплю замед-ление?» Тогда братия стали говорить ему: «Что это ты говоришь, брат? Положи на себя знамение свя-того креста». С великим криком отвечал он: «Хочу перекреститься, но чешуя дракона препятствует мне». Услышав об этом, братия простерлись на землю со слезами и стали еще усерднее молиться об его избав-лении. Вдруг больному сделалось получше, и он вос-кликнул громким голосом: «Благодарение Богу! Дра-кон, намеревавшийся пожрать меня, бежал; отгоня-емый вашими молитвами, он не мог стоять здесь. Молитесь только за мои грехи, потому что я готов раскаяться и совсем оставить мирскую жизнь». Та-ким образом, человек, конечности которого, как ска-зано было, стали уже холодеть, сохраненный для жизни, всем сердцем обратился к Богу; после того,

покаявшись, он долго подвизался с сокрушением сердца, и тогда только душа его разрешилась от тела.

Напротив, Хрисаорий¹⁷⁰, как рассказывал о нем Проб, о котором я уже выше упоминал (гл. 12), был человек в этом мире весьма богатый¹⁷¹, но столько же обладавший пороками, сколько имуществом, надменный и гордый, преданный пожеланиям своей плоти, корыстолюбивый и жадный к приобретению богатства. Но Господь определил положить конец таким порокам его и поразил его телесной болезнью. Хрисаорий приблизился к смерти и пред тем самым временем, как душе выйти из тела, открытыми глазами увидел черных и страшных духов, которые стояли перед ним и готовы были схватить душу его и отнести в адскую темницу. Он затрепетал, побледнел, громко стал просить отсрочки и страшным и смущенным голосом звал сына своего Максима, которого я, будучи уже в монашестве, видел монахом: «Максим, беги, я тебе никогда не делал ничего худого, поддержи меня своею верою». Встревоженный Максим тотчас прибежал; собралось и все семейство с плачем и трепетом. Злых духов, от которых он так сильно страдал, домашние не могли видеть, но узнали о присутствии их по признаниям больного, бледности и трепету. Со страха от их черных лиц Хрисаорий обращался на постели туда и сюда; лежал на левом боку и не мог удалить их от взора; поворачивался к стене, и там они были. Стесненный ими до чрезвычайности, он отчаялся уже в своем освобождении от них и стал громким голосом кричать: «Отсрочку хоть до утра! Хоть до утра!» Но во время самого этого крика душа была взята из тела. Из этого очевидно, что ему было такое видение не для него, а для нас, чтобы видение его принесло пользу нам, которых ожидает долготерпение Бо-

жие. Ибо какую пользу принесло ему то, что он видел перед смертью мрачных духов и просил отсрочки, когда не получил отсрочки, которой просил?

Есть у нас еще Афанасий, пресвитер Исаврийский, который рассказывает о страшном событии, случившемся в то время, когда он был еще в Иконии. Есть там монастырь, говорит он, называемый монастырем Галатов, в котором один монах пользовался большим почетом у других. По наружности он был доброго поведения и казался благоустроенным во всех своих действиях; но на самом деле жил совсем не так, как казалось. Это показал конец его жизни. Пред братиею он явился постящимся, но имел обыкновение есть тайно; братия вовсе не знала за ним такого порока. От приключившейся болезни тела он приблизился к смерти. При самом конце своей жизни он позвал к себе всех братий, живших в монастыре. Братия надеялись услышать что-нибудь великое и утешительное от такого, по их мнению, великого умирающего мужа. Но в смущении и трепете он должен был сознаться, какому врагу предан при смерти. Умирающий говорил: «Когда вы думали, что я пощусь вместе с вами, я тайно ел, и вот теперь предан дракону для пожрания, который хвостом своим опутал мои колена и ноги, а голову свою всунул в мой рот и высасывает из меня душу». С этими словами он умер; дракон, которого он видел, не ждал, пока он освободится от него покаянием. Очевидно, он имел видение только для пользы слушателей; он не избежал врага, которому так явно был предан.

Петр. Желал бы я знать, должно ли верить в то, что есть очистительный огонь по смерти?

ГЛАВА 39

Есть ли очистительный огонь по смерти?

Григорий. Господь говорит в Евангелии: *ходите, дондеже свет имате* (Ин. 12, 35). И чрез пророка говорит: *во время приятно послушах тебе и в день спасения помогох ти* (Ис. 49, 8). Апостол Павел, объясняя сии слова, говорит: *се, ныне время благоприятно, се ныне день спасения* (2 Кор. 6, 2). И Соломон говорит: *вся, елика аще обрящет рука твоя сотворити, якоже сила твоя, сотвори; зане несть сотворение и помышление и разум и мудрость во аде, аможе ты идеши тамо* (Еккл. 9, 10). Давид также говорит: *яко в век милость Его* (Пс. 117). Из этих свидетельств видно, что каковым к^{то} здесь умирает, таковым и на Суде является. Должно, однако ж, верить, что существует очистительный огонь до времени Суда для некоторых легких прегрешений, потому что Истина говорит, что если кто изречет хулу на Святого Духа, *не отпустится тому ни в сей век, ни в будущий* (Мф. 12, 31). Эти слова дают понять, что некоторые вины могут быть прощены в сем веке, а некоторые в будущем, ибо если не все отрицается, то по умозаключению следует, что нечто утверждается. Однако ж, как я выше сказал, должно разуметь это о малых и незначительных грехах, каковы, например, непрестанное празднословие, неумеренный смех, излишнее попечение о домашних, которое бывает невинно у знающих, как избегать вины в этом случае; также грех неведения о мало-

* Учение об очистительном огне в будущей жизни до времени общего Суда и конечного воздаяния принадлежит западной Церкви, а восточную не допускается.

важных предметах, что все увеличивает виновность по смерти, если не было очищено еще в сей жизни. Апостол Павел, говоря, что Христос есть основание, присовокупляет: *Аще ли кто назидает на основании сем, злато, сребро, камене честное, дрова, сено, тростие: и коегождо дело, яковожде есть, огонь искусит. И егоже аще дело пребудет, еже назда, мзду приимет: а егоже дело сгорит, отщепится: сам же спасется, такожде якоже огнем* (1 Кор. 3, 12–15). Хотя эти слова можно понимать об огне мучений, употребляемом для нас еще в сей жизни, однако ж если кто будет понимать их и о будущем очистительном огне, должен только непременно иметь в виду то, что чрез огонь может спастись не тот, кто назидает на сем основании железо, медь или свинец, т. е. грехи важные, тягчайшие и потому неразрешимые в той жизни, но кто назидает дрова, сено, тростие, т. е. грехи маловажные и легчайшие, которые удобно может истребить огонь. Должно заметить притом, что не получит там очищения и от малых грехов тот, кто не заслужил его добрыми делами еще в сей жизни¹⁷².

ГЛАВА 40

О душе диакона Пасхазия

Когда я был еще юношею и в мирской одежде, то слышал рассказ от старших и знающих людей, что Пасхазий, диакон нашего апостольского седалища, от которого есть у нас книги о Святом Духе, исполненные света и истины, был человек удивительной святости, преданный делам милосердия, питатель нищих до пренебрежения к себе самому. Пасхазий

в том споре, который вели с горячею ревностью верующие относительно Симмаха* и Лаврентия, избравшихся на первосвятительский престол, держал сторону последнего. Победенный единодушным сопротивлением других, он, однако ж, до конца жизни остался при своем мнении, любил и предпочитал Лаврентия, которого суд епископов не удостоил предстоятельства над Церковью. Так он и умер во время управления апостольским престолом первосвятителя Симмаха. Когда несли тело Пасхазия для погребения, то один беснующийся прикоснулся к покрову, положенному на гроб, и тотчас получил исцеление. Спустя много времени Герману, епископу Капуи, о котором я выше упоминал (кн. 2, гл. 35 и кн. 4, гл. 7), врачи присоветовали для излечения болезни мыться в ангулянских купальнях. Вошедши в купальни, он увидел упомянутого диакона Пасхазия, который стоял тут и прислуживал. Герман чрезвычайно изумился его присутствию и спросил, что тут делает такой муж. Пасхазий отвечал ему: «Не за другую какую вину я поставлен в этом месте наказания, а только за то, что держал сторону Лаврентия против Симмаха. Но прошу тебя, помолись за меня Господу; а что принята будет молитва твоя, узнаешь, когда, пришедши сюда снова, не найдешь меня здесь». Святой муж Герман с сокрушением сердца молился о нем, и спустя несколько дней, пришедши снова в купальни, уже не нашел в них диакона Пасхазия. Он мог очиститься по смерти от греха своего, потому что

* Симмах избран на папский престол в 498 году; многие держали сторону архидиакона Лаврентия, в том числе и Пасхазий. Об этом споре подробно рассказывается в летописи Барония под указанным годом.

погрешил не по злобе, а по заблуждению. Должно, однако ж, верить, что своим милосердием к бедным Пасхазий заслужил возможность получить прощение тогда, когда уже ничего не мог делать.

Петр. Почему это, скажи, пожалуйста, в последнее время открывается столь многое о душах, что прежде не было известно, так что с этими откровениями и указаниями, по-видимому, открывается перед нами будущий мир?

ГЛАВА 41

Почему в последнее время открывается столь многое о душах, что прежде не было известно?

Григорий. Это правда. Чем более настоящий век приближается к концу, тем ближе становится будущий век и открывается в более ясных знамениях. Если в настоящем веке мы не видим взаимных помышлений друг друга, а в будущем станем смотреть в сердца друг другу, то чем назвать настоящий век, как не ночью, и будущий, как не днем? Но как с окончанием ночи и наступлением дня, пред восходом солнца тьма некоторым образом смешана со светом, доколе остатки предшествующей ночи не будут совершенно поглощены светом следующего за ней дня, так и в то время, когда запад сего мира смешается с востоком будущего, самые остатки тьмы сего мира исчезнут от соединения со светом мира духовного. Посему хотя многое познаем мы из принадлежащего к тому миру, однако не совсем ясно постигаем, потому что видим то как бы в некотором рассвете пред восходом солнца.

Петр. Мне нравится, что говоришь ты. Но относительно Пасхазия, такого святого мужа, невольно возникает вопрос: каким образом отведен был по смерти на место наказания такой муж, покров которого, положенный на одре, имел силу отогнать злого духа от бесноватого?

Григорий. В этом деле можно познать, как много-различно домостроительство всемогущего Бога. Своим судом Он определил, чтобы Пасхазий, такой святой муж, потерпел несколько времени наказание за то, в чем погрешил, и в то же время чрез свое тело по смерти творил чудеса пред глазами людей, которые знали благочестивые дела, совершаемые им до смерти, дабы и те, которые видели его добрые дела, поняли достоинство его милосердия, и он сам не остался без наказания за вину, которую не считал виною и потому не омыл слезами.

Петр. Взвешиваю слова твои и побуждаюсь твоим доводом страшиться не только тех грехов, которые знаю, но и тех, которых не понимаю. Но скажи, пожалуйста, так как несколько выше была речь о местах адских мучений, где мы должны полагать ад, на этой земле или под землей?

ГЛАВА 42

Где должно полагать ад?

Григорий. Не дерзаю неосмотрительно сказать об этом предмете ничего определенного. Некоторые полагали ад на какой-нибудь части земли, а другие думают, что он находится под землей. Однако ж должно заметить, что если мы потому называем ад пре-

исподнею, что он находится внизу, то ад по отношению к земле будет то же, что земля по отношению к небу. Поэтому, может быть, и псалмопевец говорит: *избавил еси душу мою от ада преисподнейшаго* (Пс. 85, 13), чтобы показать, что земля есть как бы верхний ад, а под землей находится ад преисподнейший. С этим мнением согласны и слова Иоанна, когда он говорит, что видел книгу, запечатанную семью печатями, и никто не нашелся достойным ни на небе, ни на земле, ни под землею раскрыть книгу и сломить ее печати; *и аз плакахся горько*, прибавляет он (Апок. 5, 4). Впрочем, далее он говорит, что книгу раскрыл Лев от колена Иудова. Что разумеется под этой книгой, как не Священное Писание? Ее раскрыл один наш Икупитель, Который воплощением, смертью, Воскресением и Вознесением открыл все тайны, заключенные в Священном Писании. И никто на небе не мог открыть книгу, т. е. ни Ангелы, никто на земле, т. е. люди, живущие еще в теле, никто под землей, т. е. ни души, вышедшие из тела, — никто кроме Господа не мог открыть нам таин Священного Писания. Когда же говорится, что никто под землей не нашелся достойным раскрыть книгу, то я не нахожу ничего противного слову Божию полагать ад под землей.

Петр. Скажи, пожалуйста, один ли геенский огонь, или сколько различных грехов, столько и различных огней приготовлено?

ГЛАВА 43

Один геенский огонь или несколько различных?

Григорий. Хотя один геенский огонь, но не всех грешников будет жечь одинаковым образом. Каждый по степени вины терпит там наказание. Как в здешнем мире многие живут под одним солнцем и, однако, не одинаково чувствуют теплоту солнца, один более согревается, а другой менее,— так и там в одном огне не для всех одинаковая степень мучения. Что здесь производит различие грехов; хотя огонь один для всех грешников, но не одинаково будет жечь каждого из них.

Петр. Скажи еще, неужели вечно будут гореть те, которые однажды будут ввержены туда?

ГЛАВА 44

**Всегда ли будут гореть грешники,
вверженные в геенну огненную?**

Григорий. Очевидно и несомненно истинно то, что как не будет конца блаженству добрых, так не будет конца и мучению злых. Ибо сама Истина говорит: *идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный* (Мф. 25, 46); и если справедливо то, что Бог обещает, то, без сомнения, не будет ложно то, чем угрожает.

Петр. А что, если кто скажет: «Бог только для того угрожает грешникам вечным мучением, чтобы удерживать их от совершения грехов»?

Григорий. Если ложно то, чем Бог угрожал для удержания грешников от беззаконий, ложно также и то,

что Он обещал для возбуждения к праведности. Но кто кроме безумного осмелится сказать это? И если Он угрожает тем, чего не исполнит, то прежде нежели захотим признать Его милосердным, должны будем назвать Его (что страшно и сказать) лживым.

Петр. Желал бы я знать, как согласить с правосудием то, что за вину, имевшую конец, будут терпеть бесконечное наказание.

Григорий. Справедливо было бы недоумение, если бы раздраженный Судия рассматривал не сердца людей, а одни дела. Нечестивые потому имели конец грехов, что имели конец жизни. Они желали бы, если бы могли, жить без конца, чтобы иметь возможность грешить без конца. Те, которые никогда не перестают грешить во время своей жизни, показывают, что они желают всегда жить во грехе.

Следовательно, великая справедливость со стороны Судии, что вечно будут наказываемы те, которые в сей жизни никогда не хотели отстать от греха.

Петр. Но ни одного верного раба правдивый господин не судит с излишнею строгостью; и лукавого раба повелевает бить только для того, чтобы исправить его пороки: ему наносятся удары в надежде исправления. Если же нечестивые, преданные геенскому огню, не достигнут исправления, то какой целью будут вечно гореть?

Григорий. Всемогущий Бог, как милосердный, управляет добрыми людьми без жестокости; но как правосудный, не перестанет вечно наказывать нечестивых. Впрочем, нечестивые люди, определенные на вечные мучения, хотя наказываются за свое нечестие, будут гореть и с другою некоторою целью. Все праведники увидят и блаженство в Боге, которое получают, и мучения грешников, которых избежа-

ли. И чем яснее увидят они вечное наказание за грехи, которые победили при помощи Божией, тем более будут сознавать себя вечными должниками Божественной благодати.

Петр. Как же мы будем считать святыми людей, которые не будут молиться за врагов своих, видя их в огне, когда сказано: *молитесь за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44)?

Григорий. За врагов своих молятся в то время, когда могут обратить их сердца к плодотворному покаянию и спасти сим обращением. Ибо о чем другом должно молиться за врагов своих, как не о том, по завещанию апостола, *егда даст им Бог покаяние в разум истины: и возникнут от диавольския сети, живи уловлены от него, в свою его волю* (2 Тим. 2, 25–26)? Как же тогда молиться за грешников, когда они уже никоим образом не будут в состоянии переменить свое нечестие на дела правды? Значит, причина, почему тогда не будут молиться за людей, осужденных на вечный огонь, та же, какая и теперь причина того, что не молятся за диавола и ангелов его, присужденных к вечному наказанию. Какая и ныне причина того, что святые люди не молятся за умерших людей неверных и нечестивых, как не та, что узнали о них, как об осужденных на вечное наказание, и потому не хотят приносить тщетную молитву пред лицом праведного Судии? Если же ныне живущие праведники не сострадают умершим и осужденным нечестивцам, когда сами сознают нечто достойное осуждения в своей плоти, тем строже будут смотреть на мучения нечестивых тогда, когда, свободные от всякой тленной страсти, еще тверже и полнее усвоят себе святость. Судное решение, принадлежащее правосуднейшему Судии, так согласно с их духом, что ре-

шительно не позволяет им ни в чем различествовать от определений Его вечной правды.

Петр. Ничего не нахожу сказать против ясного довода. Но теперь следующий вопрос занимает мой ум: «Каким образом душа называется бессмертною, когда известно, что она осуждается на смерть в вечном огне?»

ГЛАВА 45

Каким образом душа называется бессмертною, когда известно, что она осуждается на смерть?

Григорий. Как два смысла имеет слово «жизнь», так два же смысла имеет и слово «смерть». Иное дело, когда мы живем в Боге, и иное дело, когда мы живем просто как сотворенные или рожденные на свет; т. е. иное дело жить блаженно, иное существовать, иметь бытие. Поэтому душа может быть названа смертною и бессмертною. Смертна душа, когда теряет блаженную жизнь; бессмертна, потому что никогда не перестает иметь бытие, не может потерять жизни, свойственной ее природе, и если притом не будет осуждена на вечную смерть. Подверженная осуждению, она теряет блаженную жизнь, но не лишается бытия. Отсюда следует, что она претерпевает смерть без смерти, лишение без лишения, конец без конца, дабы и смерть ее была бессмертна, и лишение неоскудевающее, и конец бесконечный.

Петр. Кто при смерти не устрашится столь неизъяснимого суда, каковы бы ни были дела его, когда, хотя и знает, что делает, но не знает, как подробно будут разбираемы его дела?

ГЛАВА 46

Об одном святом муже, который трепетал при смерти

Григорий. Действительно так, Петр, как ты утверждаешь. Но самый этот страх уже очищает исходящие души праведников, как доказывает рассказ об одном святом муже, часто слышанный тобою, вместе со мной. Он сильно трепетал при смерти, но после смерти явился ученикам в белой одежде и тем показал, как светло принят был там.

ГЛАВА 47

О том, что некоторые откровения укрепляют против страха смерти; также о монахах Антонии, Меруле и Иоанне

Иногда всемогущий Бог предварительно укрепляет трепетные умы некоторыми откровениями, чтобы не страшились смерти. Со мной жил в монастыре один брат, по имени Антоний, который многими ежедневными слезами выражал жажду к радостям небесного отечества. Когда он с особенным старанием и с великою жаждою изучал Священное Писание, то искал в нем не предметов для познаний, но слез для сердечного сокрушения, дабы возбужденный ими ум распалялся и, оставляя земное, летел созерцанием в страну небесного отечества. Ему сказано было в ночном видении: «Будь готов и отправляйся в путь по повелению Господню». Когда же он сказал, что не имеет нужного для путешествия, тотчас получил

ответ: «Если дело идет о грехах твоих, то они отпущены». Однако ж он находился еще в великом страхе после первого извещения о смерти; а на другую ночь получил новое откровение в тех же словах. Спустя пять дней он заболел и умер среди всех братьев, молящихся и плачущих.

Был и другой брат в том же монастыре, по имени Мерул; он постоянно плакал и молился; псалмопение почти никогда не переставало исходить из уст его, исключая разве время принятия пищи и сна. Ему было такое ночное видение: спускался с неба на его голову венок из белых цветов. Вскоре после сего он заболел и умер с ясным и спокойным духом. Спустя четырнадцать лет, когда нынешний настоятель монастыря Петр захотел сделать себе могилу подле его гроба, то, по словам его, из могилы Мерула истекло такое благоухание, как будто там собраны были благоухания всех цветов. Отсюда ясно стало, что истинно было ночное видение его.

В этом же монастыре был некто другой, по имени Иоанн, юноша с большими природными дарованиями, который превосходил свои лета рассудительностью, смирением, приятным обхождением и подвижничеством. Когда он сделался болен и близок был к смерти, в ночном видении явился ему некоторый старец, ударил его лозой и сказал: «Вставай, ты не умрешь от этой болезни; но будь готов, потому что недолго будешь трудиться здесь». После сего он тотчас выздоровел, хотя врачи отчаялись уже в его жизни. Он рассказал свое видение и еще два года предавался не по летам своим, как я сказал, служению Богу. За три года пред сим умер один брат и погребен был нами на кладбище монастыря. Когда мы вышли с кладбища, Иоанн, как после сам рассказывал, бледный и

дрожащий, остался там после нашего ухода и позван был из могилы умершим братом. Этот голос послужил для него известием о близкой кончине. Спустя десять дней он разрешился от уз плоти, изнуренный болезнью.

Петр. Желал бы я знать, должно ли наблюдать за тем, что представляется в ночных видениях?

ГЛАВА 48

Должно ли наблюдать за сновидениями и скольких родов бывают сны?

Григорий. Должно знать, Петр, что от шести причин входят в душу образы сновидений. Иногда сны рождаются от полноты желудка, иногда от пустоты его, иногда от наваждения (дьявольского), иногда от размышления и наваждения вместе, иногда от откровения, иногда от размышления и откровения вместе. Сновидения двух первых родов мы знаем по опыту; а примеры сновидений остальных четырех родов находим в книгах Священного Писания. Если бы не случались часто сновидения от наваждения тайного врага, то премудрый муж никогда бы не указал на это словами: *многих прельстиша соня, и отпадоша надеющиеся на ня* (Сир. 34, 7). *Также не вражьте, не гадайте по снам* (Лев. 19, 26)*. Этими словами ясно показывается, что должно отвращаться сновидений, которые соединяются с гаданиями. Опять, если бы сны не происходили иногда от размышления и на-

* В соответствии с переводом Вульгаты блаж. Иеронима Стридонского.

важдения, то не сказал бы премудрый муж: *приходит соние во множестве попечения* (Еккл. 5, 2). Если бы сны не рождались иногда от тайных откровений, то Иосиф не видел бы во сне своего превознесения пред братьями (Быт. 37); и Ангел не внушил бы во сне обручнику Марии бежать во Египет, взявши младенца (Мф. 2). Опять, если бы иногда не происходили сны от размышления и откровения вместе, то пророк Даниил, рассуждая о сновидении Навуходоносора, не полагал бы основания ему в размышлении: *Помышления твоя на ложи твоим въздоиши, чесому подобает быти по сих: и открываяй тайны яви тебе, имже подобает быти* (Дан. 2, 29), и несколько ниже: *ты, царю, видел еси: и се тело едино, велие тело оно, и обличие его высоко, стоящее пред лицом твоим* (2, 31), и проч. Итак, когда Даниил с благоговением рассматривает сон и значение его и объясняет, из какого размышления произошел он, то ясно показывает, что сновидения весьма часто бывают от размышления и откровения вместе. Но если сны отличаются такою разнородностью, то, очевидно, тем менее должно верить им, чем труднее понять, из какого источника они происходят. Впрочем, святые мужи в наваждениях и откровениях некоторым внутренним чувством различают самый голос и образ видений, так что узнают, что воспринимают от доброго духа и что претерпевают от наваждения диавольского. Если ум не будет осторожен в отношении к снам, то чрез духа оболстителя впадет во многие мечтания: он имеет обыкновение предсказывать много истинного, чтобы после опутать душу какой-нибудь ложью.

ГЛАВА 49

Об одном муже, которому во сне была обещана продолжительная жизнь, но в скором времени прервана смертью

Это недавно случилось, как известно, с одним из наших граждан, который слишком доверял снам. Ему во сне обещана была продолжительная жизнь. Когда же он собрал много богатства для проведения продолжительной жизни, так внезапно помер, что оставил все имение нетронутым, а сам не понес с собой никакого доброго дела.

ГЛАВА 50

Полезно ли для душ, если тела умерших будут погребены в церкви?

Петр. Помню, кто он был; но рассмотрим, что начали. Приносит ли какую-нибудь пользу душам, если тела умерших будут погребены в церкви?

Григорий. Тем из умерших полезно, когда погребают их в церкви, которые не отягощены важными грехами, потому что родственники их каждодневно собираются в эти священные места и, взирая на гробницы их, вспоминают о них и проливают молитвы за них ко Господу. Напротив, если полагаются в церквях тела таких людей, которые отягощены важными грехами, то не только не получают они отпущения грехов, но навлекают на себя еще большее осуждение. Чтобы яснее показать это, мы кратко расскажем происшествие, случившееся в наши дни.

ГЛАВА 51

**Об одной монахине, погребенной в церкви
святого Лаврентия, половина тела которой
явилась в видении сожженной**

Муж достопочтенной жизни Феликс, епископ Портуенский, рожденный и воспитанный в Сабинской области, рассказывал об одной монахине, жившей в том месте, которая хотя предавалась воздержанию плоти, но не воздерживала язык от дерзости и пустословия. Она померла и погребена была в церкви. В ту же ночь сторож той церкви видел в откровении, как она, приведенная к святому алтарю, рассечена была на две части, из коих одна часть сожжена была огнем, а другая осталась в целости. Вставши утром, он рассказал об этом братьям и захотел показать место, на котором она была сожжена огнем. На мраморе пред алтарем так отпечаталось горение пламени, как будто эта женщина была сожжена там вещественным огнем. Таким видением ясно дается понять, что священные места не помогают избежать суда после смерти тем, которым грехи не будут отпущены.

ГЛАВА 52

О погребении патриция Валериана

Мы знаем, каким достоинством и правдивостью отличается именитый муж Иоанн, наместник префектов в Риме. Он рассказывал мне о патриции Валериане, умершем в городе Бриксе. Епископ этого горо-

да, приняв плату, отвел в церкви место для погребения его тела. Валериан до самой смерти своей вел рассеянную и непостоянную жизнь и не заботился об очищении своих пороков. В самую ночь погребения его блаженный мученик Фавстин, в церкви которого было погребено его тело, явился церковному сторожу и сказал: «Иди и скажи епископу, чтобы он выбросил смрадное тело, которое здесь положил; если же не сделает этого, сам умрет в тридцатый день». Сторож побоялся сказать епископу об этом видении, даже и после вторичного напоминания. В тридцатый же день епископ, совершенно здоровый и невредимый, легши вечером в постель, поражен был внезапною смертью.

ГЛАВА 53

О теле Валентина, вынесенном из церкви после погребения

Жив еще и теперь достоуважаемый брат Венанций, епископ Лунийский, и именитый Лаберий, муж благосклоннейший и достойнейший доверия. Они рассказывают об известном им событии, случившемся в Генуе, при котором, по их свидетельству, были их слуги. Там, говорят они, умер Валентин, дефенсор церкви Медиоланской, человек весьма легкомысленный и подверженный всем слабостям. Тело его погребено было в церкви блаженного мученика Сира¹⁷³. В полночь послышались в этой церкви голоса, как будто кого насильно гнали из нее или тащили вон. Сторожа церковные сбежались на эти голоса и увидели двух страшных духов, которые связали путами ноги этого

Валентина и тащили его вон; он громко кричал и рвался. Устрашенные сторожа возвратились на свои места. Открывши утром гроб, в котором положен был Валентин, они не нашли его тела; стали искать около церкви, куда бы оно было брошено, и, наконец, нашли в другом гробе, со связанными еще ногами, как духи тащили его из церкви. Из этого события пойми, Петр, что если обремененные тяжкими грехами заставляют похоронить себя в священном месте, то будут судимы еще за свою дерзость; священные места их не очищают, а безрассудная гордость подвергает еще большему осуждению.

ГЛАВА 54

О теле красильщика, погребенном в церкви и после не найденном

Многие из красильщиков, живущих здесь, свидетельствуют, что случилось в этом городе. Один лучший мастер по их ремеслу умер и погребен был своей женой в церкви блаженного мученика Януария, подле ворот святого Лаврентия. В следующую ночь церковный сторож услышал, как из его гроба начал кричать дух его: «Горю, горю». Долго он слушал этот крик и потом известил о нем жену умершего. Жена красильщика, желая узнать, в каком состоянии находилось тело, о котором душа его так вопияла, послала людей того же ремесла, чтоб они ближе посмотрели. Они открыли гроб и вовсе не нашли тела умершего, как будто его и не полагали в этом гробе, хотя одежды оказались нетронутыми и доселе еще хранятся в этой церкви во свидетельство такого собы-

тия. Отсюда можно понять, какому осуждению подверглась душа его, если и тело выброшено из церкви. Итак, какую пользу приносят недостойно погребенным священные места, если тела их по Божественной воле извергаются из этих священных мест?

ГЛАВА 55

**Что может принести пользу душам умерших?
О пресвитере Центумцелленском
и о душе монаха Иуста**

Петр. Итак, что же может принести пользу душам умерших?

Григорий. Если грехи не очень важны и могут быть отпущены после смерти, то много помогает душам и после смерти священное приношение спасительной жертвы, так что иногда сами души умерших спрашивают ее. Вышеупомянутый епископ Феликс слышал рассказ от одного пресвитера достопочтенной жизни, который назад тому два года был еще жив, жил в округе города Центумцеллы и был настоятелем церкви блаженного Иоанна, построенной на месте, называемом Тавриания. Этот пресвитер по требованию телесной болезни имел обыкновение купаться в том месте, где теплые воды производят особенно сильное испарение. Вошедши однажды туда, он нашел некоторого неизвестного мужа, готового к услугам. Незнакомец снял обувь с ног его, принял одежды, по выходе из купальни предложил полотенце, и все услуги оказывал с великою предупредительностью. Так как часто бывало это, то пресвитер, однажды собираясь идти в купальни, стал рассуждать с

собой: «Я не должен остаться неблагодарным тому человеку, который обыкновенно с таким усердием прислуживает мне при омовении; необходимо отнести ему что-нибудь в подарок». Потом взял с собой две просфоры и понес. Как только пришел он на место, тотчас нашел того человека и, по обыкновению, во всем воспользовался его услугами. Итак, он вымылся и, когда уже одетый хотел выйти, взял принесенные с собой просфоры и предложил вместо благословения услуживавшему ему человеку, прося, чтоб он благосклонно принял подносимый ему дар любви. Незнакомец жалобно и со слезами ответил пресвитеру: «Для чего даешь их мне, отче? Это святой хлеб; я не могу вкушать его. Ты видишь пред собой бывшего некогда владельца этого места; но за грехи мои я осужден на служение здесь после смерти. Если же хочешь наградить меня, принеси этот хлеб за грехи мои в жертву всемогущему Богу. И когда придешь сюда мыться и не найдешь меня, знай, что молитва твоя услышана Богом». С этими словами он исчез, и казавшийся человеком, сделавшись невидимым, дал знать, что он дух. Пресвитер же целую неделю молился за него со слезами, ежедневно приносил спасительную жертву и, возвратившись после того в купальни, уже не нашел его. Отсюда видно, сколь полезно душам приношение бескровной жертвы, когда сами духи умерших просят ее от живущих и указывают признаки, свидетельствующие о разрешении чрез нее от грехов.

Нельзя, думаю, умолчать и о том, что случилось, помнится, за три года пред сим в моем монастыре. Один монах, по имени Иуст, хорошо знал врачебную науку; он обыкновенно услуживал мне, когда я жил в монастыре, и внимательно лечил меня в непрестан-

ных моих болезнях. Когда же сам он впал в болезнь и приблизился к смерти, то ему прислуживал в болезни родной брат, по имени Копиоз, который теперь добывает себе содержание врачебной же наукой. Когда упомянутый Иуст почувствовал, что близок уже к смерти, то сказал брату своему Копиозу, что имеет три скрытых золотых монеты. Это не могло укрыться от братии. Тщательно разыскивая и внимательно пересматривая все его лекарства, они нашли три золотые монеты, скрытые в лекарстве. Когда меня известили о таком грехе брата, жившего вместе с нами, я не мог равнодушно перенести сего, потому что в нашем монастыре было всегдашним правилом, чтобы все братия жили общиною, чтобы, в частности, никому из них не позволялось иметь ничего собственного. Сильно огорченный, я стал размышлять, что сделать, молиться ли за очищение греха брата, или показать живущим братиям пример строгости. Я позвал к себе Прециоза, наместника монастыря, и сказал: «Иди и не вели никому из братий подходить к умирающему, чтобы ни из чьих уст не получил он слова утешения; когда же, чувствуя близость смерти, станет звать братий, пусть скажет ему родной его брат, что все братия презрели его за золотые монеты, которые он сокрыл, чтобы по крайней мере во время смерти сокрушение о преступлении проникло в его душу и очистило ее от греха, им сделанного. А когда умрет, тело его не погребайте вместе с телами братий, но выкопайте в какой-нибудь навозной куче яму, бросьте в нее тело его и там положите на него три золотые монеты, им оставленные, восклицая в один голос: *Сребро твое с тобою да будет в погибель* (Деян. 8, 20); и потом закопайте его». Этими распоряжениями я желал принести двоякую пользу — и уми-

рающему, и живущим братьям, чтоб и его горечь смерти сделала свободным от вины, и братьям такой приговор над корыстолюбием воспрепятствовал впасть в подобный грех. Так и случилось. Когда этот монах приблизился к смерти и тоскливо звал братий, чтобы поручить себя их молитвам, а никто из братий не хотел подойти и говорить с ним, тогда родной брат его объяснил, за что он всеми был оставлен. Он тотчас сильно вздохнул о грехе своем и в этом состоянии сокрушения помер. Потом погребен был, как я приказал. Все братия, уstraшенные таким приговором над ним, стали каждый выносить наружу самые ничтожные и дешевые вещи, которые им обыкновенно всегда позволялось иметь, и страшились оставить у себя что-нибудь такое, за что бы могли быть осуждены. Когда же прошло по смерти его тридцать дней, душа моя стала сокрушаться об умершем брате, с сильною скорбью размышлять о наказании его и изыскивать средство избавить его от мучений. Тогда я опять позвал к себе того же Прециоза, наместника нашего монастыря, и с печалью сказал: «Давно уже умерший брат наш страдает в огне; мы должны оказать ему любовь и постараться, сколько можем, избавить его от мучений. Иди и с нынешнего же дня тридцать дней сряду совершай за него жертвоприношение, не опуская ни одного дня, в который бы не была принесена за его освобождение спасительная жертва». Он тотчас пошел и стал исполнять приказание. В заботах о других делах мы и не считали проходящих дней; вдруг в одну ночь умерший брат явился в сновидении родному брату Копиозу. Увидев его, Копиоз спросил: «Что, брат, в каком ты находишься состоянии?» Умерший отвечал ему: «Доселе мне было худо, но теперь уже хорошо, потому что сего дня я

приобщился». Копиоз пошел и немедленно рассказал об этом братьям в монастыре. Братия тщательно считали дни, и оказался тот самый день, в который совершенно было тридцатое жертвоприношение за умершего. И Копиоз не знал, что делалось ради спасения умершего брата, и братия не знали, какое видение было Копиозу; в одно и то же время он узнает, что делали братия, а они узнают, что видел Копиоз; из такого согласия видения и жертвоприношения ясно видно, что умерший брат избавлен был от мучений посредством спасительной жертвы¹⁷⁴.

Петр. Удивительные и весьма утешительные рассказы я выслушиваю.

ГЛАВА 56

О жизни и смерти Кассия, епископа Нарнского

Григорий. Чтобы не пришли у нас в забвение слова умерших, их подтверждают дела живых. Епископ Нарнский Кассий, муж достопочтенной жизни, имел обыкновение ежедневно совершать жертвоприношение Богу и проливал слезы во время самого священнодействия Евхаристии. Чрез видение одного своего пресвитера он получил следующую заповедь: «Делай, что делаешь; совершай, что совершаешь; да не престанет нога твоя, да не престанет рука твоя; в праздник апостолов ты придешь ко мне, и воздам тебе твою награду». Спустя семь лет он помер в самый праздник святых апостолов, когда совершил Божественную литургию и приобщился Святых Таин.

ГЛАВА 57

О некотором муже, взятом в плен врагами, оковы которого спадали в час жертвоприношения за него; и о кормщике Вараке, спасшемся от кораблекрушения посредством спасительной жертвы

Мы слышали еще, как некто взят был в плен неприятелями и заключен в оковы. Жена его в известные дни имела обыкновение делать жертвоприношение за него. Спустя много времени он возвратился к супруге и рассказал, что в некоторые дни спадали с него оковы; она узнала, что это было именно в те дни, в которые она делала жертвоприношение за него¹⁷⁵. Это подтверждается и другим событием, случившимся за семь лет пред сим. Верные и благочестивые мужи рассказывали мне и теперь свидетельствуют, что когда Агафон, епископ Панормский, отправился в Рим по приказанию блаженной памяти предшественника моего, то перенес жестокую бурю, так что отчаивался спастись от такого движения волн. Кормщик его, по имени Варака, который ныне отправляет должность клирика в той же церкви, позади корабля управлял лодкой. Веревка порвалась, и он вдруг исчез в волнах вместе с лодкой, которой правил. А корабль, на котором находился епископ, после многих опасностей прибит был волнами к острову Устика. Когда же на третий день епископ в одной стороне моря увидел появившегося в лодке кормщика, который оторван был от его корабля, то в сильной скорби почел его умершим и сделал то, что может принести пользу умершему, — повелел совершить за спасение души его приношение спасительной жертвы всемогущему Богу. По совершении жертвоприношения корабль был приго-

товлен и поплыл в Италию. Приплывши в римский порт, епископ нашел там кормщика, которого считал погибшим. От неожиданной радости он пришел в восторг и стал расспрашивать кормщика, каким образом он мог жить на море столько дней и при такой опасности. Кормщик рассказал, сколько плавал он в бурных волнах на лодке, которою правил, как плавал в ней, когда она была наполнена водой, и как сидел на нижней части лодки, когда она перевертывалась. Потом по порядку рассказал, как спасло его Божественное Провидение, когда он, проведши таким образом несколько дней и ночей сряду, совершенно уже истощился в своих силах от голода и труда. И доныне еще рассказывает он следующее: «В борьбе с волнами я ослабел; вдруг голова моя до того отяжелела, что не чувствовала, бодрствовал я или спал; и вот когда я находился среди моря, явился некто и подал мне хлеб для утоления голода. Как только я съел его, вновь получил силы. Недалеко позади плыл корабль, который спас меня от опасной бури и привез на берег». Услышав это, епископ спросил о дне и нашел, что спасение случилось именно в тот день, в который пресвитер острова Хостика приносил за него бескровную жертву всемогущему Богу.

Петр. То, что ты рассказываешь, я слышал и сам, когда был в Сицилии.

Григорий. Я верю, что так явно делается с живыми и не знающими для того, чтобы показать всем делающим приношение бескровной жертвы и не знающим ее силы, какую она может доставлять пользу в разрешении от грехов и умершим, если только грехи не будут неразрешимыми. Но должно знать, что святая жертва приносит пользу только тем умершим, которые в здешней жизни заслужили, чтобы по смерти

помогали им добрые дела, совершаемые за них здесь другими.

ГЛАВА 58

О силе и тайне спасительной жертвы

Между тем всегда должно так размышлять, что безопаснее делать добро самому еще при жизни, нежели надеяться делать его чрез других по смерти. Блаженнее отойти из сего мира свободным, нежели искать свободы, когда свяжут. Посему чем яснее видим истощение настоящего века, тем более должны презирать его всею душою, делать ежедневное жертвоприношение слез Богу, приносить каждый день жертву Тела и Крови Христовых. Ибо одна эта жертва спасает душу от вечной гибели; она таинственно возобновляет для нас смерть Единородного, Который, *возстав от мертвых, ктому уже не умирает, и смерть Им ктому не обладает* (Рим. 6, 9), однако ж, будучи бессмертным и нетленным в Самом Себе, снова закалается для нас в таинстве святой Евхаристии. Ибо в нем принимается Тело Его, разделяется Плоть Его во спасение народа, Кровь Его истекает уже не на руки неверных, но в уста верующих. Размыслив же, каково должно быть таинство, которое всегда напоминает нам страдание Единородного Сына за наше спасение, кто из нас, верующих, может иметь сомнение в том, что в самый час жертвоприношения по гласу священника отверзаются небеса, лики Ангелов присутствуют при этом таинстве Иисуса Христа, высшее соединяется с низшим, земное с небесным, и из соединения видимого и невидимого происходит единое целое?

ГЛАВА 59

О сокрушении сердца во время Священного Таинства и о бодрствовании ума после причастия

Но необходимо, когда мы совершаем Таинство, приносить самих себя в жертву Богу с сокрушением сердца; совершая Таинство страстей Господних, мы должны подражать тому, что совершаем. Тогда только Таинство будет истинною жертвою Богу за нас, когда сами себя сделаем жертвою. Но должно стараться и после молитвы хранить, сколько можем по милости Бога, свою душу в Его силе и крепости, чтоб и после легкомыслие не разрушило силы, чтобы не подкралось к сердцу тщетное самообольщение и чтобы душа не потеряла пользы приобщения чрез небрежное легкомыслие. Так, Анна удостоилась получить просимое потому, что после плача сохраняла одинаковую крепость душевную. О ней написано: *и лице ея не испаде ктому* (1 Цар. 1, 18). Посему Бог на забыл, чего она просила, и не лишил ее дара, которого желала.

ГЛАВА 60

О прощении грехов другим, чтоб и наши были прощены нам

Должно также знать, что тот только справедливо просит отпущения грехов, кто сам прежде отпускает грехи, сделанные против него. Ибо, по слову Истины, не принимается дар, если предварительно не изгоняется из души вражда: *Аще убо принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянешь, яко брат твой имать не-*

что на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой (Мф. 5, 23–24). Отсюда можно понять, что если за дар отпускается вина, то как тяжек грех вражды, за которую не принимается и самый дар. Итак, мы должны обращаться духом к ближнему, как бы далеко он ни находился от нас и что бы ни имел на нас, покориться ему душою, умиловить смирением и благосклонностью, чтоб и Создатель наш, принимающий за вину дар, простил нам грехи, видя такое благоизволение нашего сердца (Мф. 18, 27). Мы научены словами Истины, свидетельствующей, что раб, который должен был десять тысяч талантов, когда принес раскаяние, получил от Господа прощение всего долга; но за то, что не простил долга сорабу своему, который был должен ему сто динариев, велено было взять с него и тот долг, который был отпущен ему. Из этих слов ясно видно, что если мы не прощаем от всего сердца грехов, сделанных против нас, то с нас опять будут требовать то, что к великой радости нашей было отпущено нам за раскаяние. Итак, пока еще позволяет время, пока Судия терпит и Испытующий наши сердца ожидает от нас обращения, смягчим слезами жесткое сердце и будем питать благосклонную любовь к ближним. И с уверенностью скажу, что мы не нуждались бы в спасительной жертве по смерти, если бы еще до смерти делали себя жертвою Богу.

Примечания

¹ Св. Григорий вспоминает о своей жизни в монастыре св. Андрея Первозванного, который он основал в своем доме в Риме; впоследствии там была построена церковь св. Григория Великого. Несмотря на то, что он был основателем этого монастыря, св. Григорий вступил в братство в качестве простого монаха. Именно в это время он заслужил всеобщую любовь своей благотворительностью и миссионерской ревностью; кроме того, в этот период он усиленно занимался богословием, о чем он с удовольствием вспоминал позднее (ер. I. 5).

² В 590 г. в Риме случилась эпидемия чумы, и одной из первых ее жертв стал папа Пелагий II. Св. Григорий, которого население Рима прочило на пост епископа, не хотел занимать эту должность, чувствуя свою неподготовленность и осознавая собственную греховность — святой считал их сильным препятствием, которое мешало ему «невозбранно стоять посредником перед Богом за грехи народа».

³ За время написания «Диалогов» в Италии действительно не было собраний житий местных святых. Там, как и во всей бывшей Римской империи, пользовались большой известностью агиографические произведения Евсевия Кесарийского, Сульпиция Севера, повествовавшие о жизни восточных мучеников и святых. Лишь во второй половине VI века в Европе стали возникать и оформляться серьезные местные агиографические традиции, выразившиеся, в частности, в произведениях Григория Турского «Жития отцов», «Житие св. Мартина Турского» и т. п.

⁴ То же самое св. Григорий говорит в своих «Гомилиях на Евангелия» (II. 38. 15; 39. 10).

⁵ Умер в начале VI века; Ж. Мабийон относит его смерть к 522 г.

⁶ Место это находится в Кампании. Однако основание монастыря традиция приписывает св. Магну; Гонорату принадлежит заслуга реформирования монастыря в конце V века.

⁷ Об этом же св. Григорий писал раньше, в «Пастырском правиле»: «Ибо никогда не научится смирению на высоте почестей тот, кто и в низком состоянии не переставал гордиться» (1. 9) и т. д.

⁸ Либертин, ученик Гонората, стал экономом (препозитом) монастыря тогда, когда в Кампанию и Самнию вторглись войска Тотилы, т. е. около 542 года. Шла византийско-остготская война, и остготское войско шло на Неаполь, который и захватило весной 543 года.

⁹ Эти события относятся уже к 533 году. В это время франкское войско во главе с Буцеллином вторглось в Кампанию, Луканию и Абрицию. Чудо, о котором рассказывается здесь, произошло в 554 году.

¹⁰ Св. безоговорочно верил в чудодейственную силу священных останков и предметов, связанных с жизнью святых. Именно поэтому он неоднократно, свыше десяти раз, посылал в качестве благословения (*pro benedictione*) кусочки цепи св. ап. Петра, которые обладали способностью излечивать от болезней (ер. I, 25, 29, 30) и должны были оградить их обладателей от невзгод и опасностей (ер. VI. 6, XI. 43 и т. д.).

¹¹ *Curvus* — кривой, согбенный (*лат.*).

¹² Чудеса подобного же рода встречаются в литературе и ранее, см., например, чудо св. Спиридона, еп. Тримифунтского, где место похитителя овощей занимают похитители овец, которые, с Божией помощью, сделались недвижимыми и утром были пойманы (Сократ. Церк. ист. I. 12).

¹³ Этот монастырь был расположен около Тускуланума, напротив нынешнего аббатства Сан-Доменико.

¹⁴ Св. Эквиций (480/490 — ок. 571 гг.). Провинция Валерия с востока граничила с Самнией, с запада — с Римской областью; главные города Тибур, Реате, Фуркона.

¹⁵ Этот случай можно отнести, скорее всего, к 504 году, поскольку известно, что именно в это время епископом Аматерно был Касторий.

¹⁶ В латинской литературе VI века нет еще выражения «женский монастырь», но «монастырь дев» или «собрание дев» (*congregatio virginum*). Эти выражения использует и св. Григорий Великий.

¹⁷ В латинском оригинале здесь стоит слово «opus» — деяние, дело, поступок. Однако, исходя из контекста, мы сочли возможным оставить старый вариант перевода.

¹⁸ Точных дат жизни этого епископа установить невозможно. Итальянские историки Ф. Угелли и Дж. Капеллетти относят его деятельность на посту епископа к 50-м годам VI века.

¹⁹ Даты жизни Юлиана также точно не определены — его деятельность на этом посту приходится, вероятно, на вторую четверть VI века.

²⁰ В «Пастырском правиле» св. Григорий говорит о том, что епископу не подобает заниматься всеми делами, касающимися жизни и быта христиан. Он должен разумно сочетать заботу о внешнем и внутреннем, поручая дела меньшей важности своим подчиненным, дабы «око, которое должно управлять стопами, не омрачалось прахом земным» (II. 7).

²¹ Валентин был первым настоятелем монастыря в провинции Валерия.

²² Как уже отмечалось, св. Григорий очень уважительно относился к мощам святых — в своем письме (IV. 30).

²³ Лангобарды — германское племя, вторгшееся в 568 году в Северную Италию. В Валерии они появились в 571 году.

²⁴ Церковь св. Стефана в Анконе была одной из древнейших в Италии; о ней упоминает блаж. Августин в своих «Проповедях».

²⁵ Об этом человеке нет никаких дополнительных сведений в других источниках; даты его жизни установить невозможно.

²⁶ Пребывание Марцеллина на посту епископа относится к середине VI века.

²⁷ Это упоминание о Субпентомском монастыре — первое в источниках. О епископе Анастасии св. Григорий упоминает в своих письмах (ер. III, 50). Возможно, что монастырь был основан св. Венедиктом в 520 году.

²⁸ Нонноз жил, вероятно, в первой половине VI века.

²⁹ В первом случае речь идет о чуде, совершенном Григорием Чудотворцем; см.: Григорий Нисский «О жизни св. Григория Чудотворца». Во втором — о Донате, уроженце Никомидии, бежавшем во время гонений Диоклетиана в начале IV века в Ареццо и ставшем местным епископом около середины этого столетия. По-

гиб 7 августа 362 года. Чудо Доната произошло точно таким же образом, но только с чашей для причастия.

³⁰ Имеется в виду город в Этрурии.

³¹ Ауреус (в старом русском переводе «златица») — римская золотая монета, золотой динарий, равный ста сестерциям.

³² Скупость и страсть к материальному, деньгам вообще не подобает христианину, а особенно церковнослужителю. Об этом св. Григорий много писал и в «Пастырском правиле» (I. 6 ; III. 13). По его глубочайшему убеждению, пастырь вообще не может быть одержим «никаким недугом» (там же, 1. 9).

³³ По мнению крупнейшего итальянского церковного историка XVI века Ч. Баронио, это чудо произошло в 537 году. По данным других источников, подобное утверждение может быть верным, поскольку в этом же году св. Вонифатий скончался.

³⁴ Древние мартирологи ничего не говорят об этом человеке, за исключением мартиролога Усуарда. Фортунат был епископом Тудерта в 541–542 годах.

³⁵ Помимо традиционного слова «ecclesia» для обозначения храма, св. Григорий часто использует (в том числе и в переписке) термин «oratorium», что в точном переводе означает «молитвенный дом, молельня».

³⁶ Здесь св. Григорий пользуется не словом «reliquiae», которое переводится как «останки, мощи», а «ossa» — «кости».

³⁷ Существование этой церкви не прослеживается ни по каким источникам, кроме «Диалогов».

³⁸ Скорее всего, речь идет о пресвитере Севере из Валерии.

³⁹ Здесь впервые намечаются основы эсхатологического учения, разрабатываемого в IV книге «Диалогов» — странствование и возвращение души, искупительная роль молитв оставшихся на земле (последний тезис учения на Западе до VI века подробно рассматривался блаж. Августином в его трактате «О заботе о мертвых») и т.д.

⁴⁰ В латинском оригинале эта книга, единственная из четырех, имеет подзаголовок — «О жизни и чудесах достопочтенного Венедикта, основателя и настоятеля монастыря, называемого Арцис, в провинции Кампания». Эта книга — практически единственный и самый важный источник для изучения жизни св. Венедикта Нурсийского, основателя регулярного монашества.

ва в Западной Европе, чей устав впоследствии был положен в основу организации почти всех монашеских орденов Европы. К сожалению, именно о жизни Венедикта реальных фактов в ней почти не содержится; основное внимание св. Григорий уделяет чудесам, явленным этим святым, что обусловлено дидактической задачей всей книги «Диалогов».

⁴¹ Св. Венедикт Нурсийский (480–547 гг.). Его имя в переводе с латинского означает «благословенный». Переводчик XIX века дал его имя согласно культурной традиции, сформировавшейся еще в средневековой Руси. Дело в том, что на Руси «Диалоги» стали известны в греческом переводе, а в греческом языке буква «в» может читаться двояко, как «б» и «в». Мы сочли возможным оставить старый вариант перевода, хотя, конечно же, во всей современной литературе на русском языке его имя пишется так же, как и в оригинале.

⁴² Нурсия — район в Умбрии.

⁴³ В цикл так называемых «свободных искусств» входили семь дисциплин, делившихся на два цикла — тривиум (грамматика, риторика, диалектика), т. е. начальный курс, и квадравиум (арифметика, геометрия, музыка, астрономия), бывший как бы высшим уровнем знания.

⁴⁴ Константин был аббатом монастыря Монте-Кассино с 547 по 560 гг. Симплиций — прославился приверженностью к строгому соблюдению венедиктинского устава; день памяти 22 октября. Валентин (Валентиниан) — первый аббат Латеранского монастыря, основанного, по преданию, в 520 г. самим св. Венедиктом. Гонорат (умер в 598 г.) был назначен св. Венедиктом руководить монастырем в Субиако.

⁴⁵ Эффиде — местность в трех километрах от Субиако.

⁴⁶ Субиако (Субьяко) — местность, известная большим количеством источников с хорошей питьевой водой. Еще во времена св. Григория она по акведукам доставлялась в Рим.

⁴⁷ Роман умер в 546 г.; монастырь, в котором он жил, находился возле г. Талео.

⁴⁸ Этот монастырь был расположен недалеко от Субиако, в местечке Vicum Varronis (Виковаро).

⁴⁹ Это были следующие монастыри: свв. Козьмы и Дамиана, св. Михаила, св. Климента, св. Марии Порциункольской,

св. Иеронима, св. Иоанна Крестителя, св. Андрея «Вечной жизни», св. Викторина, св. Багия, св. Доната, св. Марии Магдалины. По предположению итальянского историка К. Мирцио, свою деятельность по основанию монастырей св. Венедикт закончил в 506 г.

⁵⁰ Согласно традиции, Мавр был основателем монастыря Гланфея (Сен-Мавр-сюр-Лувр) во Франции; скончался в 584 г. В XVII столетии монахи конгрегации св. Мавра сделали очень много для исследования истории монашества на Западе, изучали наследие св. отцов и издавали многочисленные труды по истории Церкви. Они приняли самое активное участие в подготовке и издании полного собрания сочинений св. Григория Двоеслова на рубеже XVII–XVIII вв. Св. Плацид основал монастырь в Мессене (Сицилия). Мавр и Плацид стали учениками св. Венедикта в 522 (523?) г.

⁵¹ Так в латинском оригинале — *cervicem cordis*.

⁵² Одно время, в 90-е годы VI века, занимал пост епископа Неаполитанского.

⁵³ В этом месте поселения существовали очень давно — сначала там жили племена вольсков, самниев, затем с 313 года до Р. Х. там находилась римская колония. Народная традиция утверждает, что христианская община появилась на этом месте благодаря апостолу Петру. Св. Венедикт пришел сюда в 529 г.; на это же время приходится, по сведениям одного из позднейших аббатов, Петра Диакона, факт основания монастыря. Землю для постройки обители выделил римский патриций Тертулл, подаривший ее святому.

⁵⁴ Так переведено латинское «*oratorium*», молельня.

⁵⁵ До нападения орд под руководством Гейзериха (453 г.) и Ричимера (472 г.) в этом месте находился достаточно известный храм Аполлона, а также небольшое святилище Венеры.

⁵⁶ Намек на имя святого — «благословенный» (в русском переводе).

⁵⁷ Куриал — одно из сословий римского города эпохи Поздней империи. Они составляли городской совет, ведали городским управлением. Хотя должность куриала была почетной, но отправление им своих обязанностей, как правило, было весьма обременительным для его личного бюджета, поскольку многое куриал должен был оплачивать из своего кармана, безвозмездно. В связи с этим очень скоро должность эта стала очень тягостной, и люди

пытались спастись от этой почетной, но разорительной обязанности бегством в другие города и деревни.

⁵⁸ Тотила — король остготов в 541–552 гг. Его соратники, упоминаемые выше, действительные исторические лица, помогавшие ему в военных экспедициях 40-х гг. VI века.

⁵⁹ Пурпурный цвет в одежде уже в Римской империи был знаком императорской власти. Эта традиция сохранилась не только в Византии, в одежде басилевсов, но и была воспринята германскими правителями, желавшими таким образом подчеркнуть возвышенный характер своей власти и преемственность по отношению к Древнему Риму.

⁶⁰ Вероятно, Тотила посетил монастырь в 542 г., когда он шел через Кампанию к Неаполю.

⁶¹ Тотила умер в 552 г.; он погиб в битве с византийским полководцем Нарсесом. Рим и Сицилию он завоевывал в 549–550 гг.

⁶² Тогдашним главой этой церкви был Сабин.

⁶³ Пророчества Сабина относят к разным годам — 542, 543, 546. Об упадке Рима см. также и у св. Григория «Гомилии на Иезек.» II, 6, 22.

⁶⁴ Констанций, по предложению У. Морикка, занимал пост епископа в 60-х — начале 70-х гг. VI века (до 573 г.).

⁶⁵ Свое пророчество св. Венедикт произнес в 541 г. Монастырь был разрушен лангобардами примерно в 584 г., его монахи бежали в Рим. Восстанавливаться же он начал лишь около 720 г. Позднее, в 884 г., он вновь пострадал от набега сарацинов.

⁶⁶ Речь идет о голоде, свирепствовавшем по всей Италии в 537–538 гг.

⁶⁷ Модий — мера сыпучих тел, 1 модий = 16 секстариям = 8,754 л.

⁶⁸ Это, скорее всего, монастырь св. Стефана «На горах».

⁶⁹ В Италии изначально, с IV века, существовала практика ведения монашеской жизни в пределах или недалеко — в полутора-двух километрах — от города, когда отшельничеству предавались группы родственников или знакомых. Подобная близость мест уединения отчасти объяснялась плотной заселенностью и освоенностью итальянских земель, где почти не было таких недоступных мест, как, например, пустыня Синайского полуострова и

т. п. Поэтому, как правило, сравнительно недалеко от монастыря всегда был какой-то населенный пункт.

⁷⁰ Его имя можно перевести как «странник, чужеземец, несведущий».

⁷¹ «Subdiaconus» — лат.

⁷² Арианство — еретическое течение в христианстве, осужденное на I и II Вселенских Соборах 325 и 381 гг. Основатель — Александрийский пресвитер Арий, который, в частности, утверждал, что поскольку Сын сотворен Отцом, то Он как существо тварное не может быть единосущен Отцу, но подобосущен Ему. Внутри арианства существовало несколько течений; впоследствии оно дало начало и македонианству. Арианство не ушло окончательно с исторической сцены в IV веке, в измененном виде оно периодически встречается на протяжении всего средневековья, достигая особой остроты во время тринитарных споров в Польше в XVI веке. Практически у всех германских народов, создававших в Западной Европе свои государства, арианство до известного времени было государственным вероисповеданием, за исключением королевства франков.

⁷³ Это чудо относится также ко времени вторжения Тотилы в Кампанию, т. е. к 542 г.

⁷⁴ 2 Кор. 12, 8.

⁷⁵ Ее имя можно перевести как «ученая».

⁷⁶ Согласно преданию, Схоластика умерла 10 февраля 543 г.

⁷⁷ Речь идет о монастыре св. Себастьяна у Алатри; о нем св. Григорий упоминает и в своих письмах (IX. 162, 164).

⁷⁸ Герман занимал епископский пост с 529 по 541 г.

⁷⁹ Устав (или Правила) св. Венедикта был написан им в Субиако.

Он состоит из пролога и 73 глав. В уставе подробно изложены обязанности всех живущих в монастыре, морально-религиозные основы монашеского общежития, обязательные для каждого вступающего в братство, расписание служб, занятия монахов и т. д. При составлении устава св. Венедикт использовал традиции как восточного, так и западного монашества. В конце прошлого века Правила св. Венедикта были переведены и на русский язык, см.: Древние иноческие уставы. М., 1995 (перевод.). Подробный исторический анализ Правил св. Венедикта

дается в книге Л. П. Карсавина «Монашество в средние века» (М., 1992. С. 56–66).

⁸⁰ Эти двое были: Мавр во Франции и Гонорат в Субиако.

⁸¹ Св. Венедикт скончался 21 марта 547 г. (по другой традиции, чуть более месяца спустя после смерти своей сестры, в 543 г.).

⁸² В латинском оригинале эта фраза выглядит так: «Cum enim constet quia Paraclitus spiritus ex Patre semper procebat at Filio, cur se Filius recessurum dicit...» и т. д. На первый взгляд, ее можно перевести так: «Когда же известно, что Дух Святой всегда исходит от Отца и Сына...» и т. д., то есть таким образом причислить св. Григория к сторонникам теории Filioque, исхождения Св. Духа «и от Сына». Однако здесь следует учесть, что сама эта теория получила законченное оформление на Западе лишь в Каролингскую эпоху, т. е. в конце VIII — IX века, и что особенно показательно — в 1439 г. на Флорентийском Соборе представители католической Церкви, обсуждая с представителями Православной Церкви вопрос об исхождении Св. Духа и от Сына, приводили в качестве аргумента высказывания Григория Двоеслова, которого они обильно цитировали в ходе дискуссии о чистилище. Однако сама фраза даже с грамматической точки зрения не подлежит однозначному переводу в духе «Filioque», особенно если учитывать смысл ее окончания и последующего текста.

⁸³ Павлин, еп. Ноланский (Аквилейский, Меровий Понтий), родился ок. 353 г. в Бурдигале (Бордо), умер 22 июня 431 г., латинский христианский поэт и писатель. Происходил из римской сенатской аристократии; христианство принял после значительного опыта работы на государственных должностях (подобно Амвросию Медиоланскому). С 393 г. стал вести аскетическую жизнь, чуть позже основал монастырь в Ноле (Кампания), где с 409 г. был епископом. Оставил многочисленные письма и стихотворения.

⁸⁴ Судя по всему, св. Григорий ошибается в хронологии событий, поскольку государство вандалов в Северной Африке образовалось после смерти Павлина Ноланского, в 435 г. Вандальским королем, о котором рассказывает папа, мог быть (если пытаться придерживаться реальной исторической канвы) только Гундерлих, правивший в 406–428 гг. Кроме того, в этом рассказе отразились, вероятно, воспоминания о взятии вандальскими войсками Рима в

мае-июне 455 г., когда вандалы увезли с собою вдову императора Валентиниана III Евдоксию и его дочерей Евдокию и Галлу Платидию, а также тысячи римских ремесленников.

⁸⁵ Иоанн I, еп. Римский в 523–526 гг. После вступления на папский престол под давлением остготского царя Теодориха отправился в Константинополь, чтобы склонить императора Юстина к большей терпимости по отношению к арианами. Это было первое в истории путешествие епископа Рима в Константинополь. Миссия окончилась неудачей. Византийский император Юстин I (518–527 гг.), дядя будущего императора Юстиниана.

⁸⁶ Агапит (Агапий), еп. Римский в 535–536 гг., сын священника Иордана. Происходил из рода Анициев, как папа Феликс III и сам Григорий I.

⁸⁷ В 536 г. остготский царь Теодорих послал Агапия в Константинополь с поручением склонить императора Юстиниана прекратить войну против готов в Италии. Усилия Агапия ничем не завершились, и сам он умер 21 апреля 536 г. в Константинополе.

Юстиниан I, император Византии в 527–565 гг., племянник Юстина I.

⁸⁸ Даций занимал пост Миланского епископа, вероятно, с 536 по 552 г. Указанное путешествие в Константинополь было предпринято в 544–545 гг. Скончался в начале 552 г.

⁸⁹ В Канузии было два епископа с таким именем. Здесь имеется в виду второй — в 535 г. он участвовал в переговорах между папой Агапием и Юстинианом. Принимал участие в Константинопольском Соборе 536 г. Умер, скорее всего, в 566 г. Описываемое чудо У. Морикка относит к периоду после 543 г.

⁹⁰ Это событие произошло в 544–546 гг.; Кассий стал епископом Нарнии в 536 г., скончался в 558 г. (датировка сделана на основании надписей на его гробнице).

⁹¹ Скорее всего, Андрей стал епископом Фунды в 502 г. и оставался на этом посту до 529 г.

⁹² Констанций закончил свою деятельность в качестве епископа Аквины не позднее 573 г., поскольку папа Иоанн III, последний из трех пап с таким именем, живших в VI веке и предшествовавших св. Григорию, занимал свой пост с 561 по 573 г. Начало же епископата Констанция относят обычно к 525 г.

⁹³ Итальянский историк Дж. Каппеллетти считает, что Андрей был епископом Аквины с 566 по 577 г., а Иовин занимал этот пост в середине 80-х годов этого же столетия. По мнению П. Дюшена, епископат Иовина приходится на 570–590 гг.

⁹⁴ Венанций вступил на пост епископа Луны после Теренция в 594 г.

⁹⁵ Об этой личности ничего не известно. Согласно легендарной традиции, этот святой появился в Италии из Ирландии; существуют даже формальные даты его епископата — 560–588 гг.

⁹⁶ В письмах самого Григория (еп. VII. 34 и IX. 116, 117) упоминается префект Рима Иоанн. Возможно, речь идет именно об этом человеке.

⁹⁷ Сабин был вторым епископом Плаценции после Виктора.

⁹⁸ Кербоний, уроженец Африки, бежал с родины из-за преследований вандалов. Первое чудо, о котором рассказывает Григорий, произошло в 546–547 гг. во время осады Рима.

⁹⁹ В этом месте Тотила разбил свою ставку при осаде Рима. Ныне оно называется Кампо ди Мерула. В VII веке там была построена церковь, посвященная св. Петру.

¹⁰⁰ Кербоний скончался ок. 574 г.

¹⁰¹ Утрикула, городок в Умбрии на границе с сабинами. Епископ Фульгенций занимал свой пост уже после смерти Тотилы. Точная дата его кончины неизвестна; возможно, она приходится на период с 595 по 601 г.

¹⁰² Среди исследователей нет единого мнения о личности Геркулана. Более древние мартирологи относят день его памяти на 7 ноября, более поздние — на 1 марта. Однако, как бы то ни было, событие это произошло не позднее 348–349 гг.

¹⁰³ Григорий ошибается: войско Тотилы не осаждало этот город столь длительный срок. Готские войска подступали к нему троекратно в период с 545 по 549 г., но вряд ли каждый раз осада длилась более года.

¹⁰⁴ Это был кафедральный собор св. Петра на горе Капрарио.

¹⁰⁵ Этот рассказ полностью легендарен.

¹⁰⁶ О Санктуле см. гл. 37.

¹⁰⁷ Евтихий, вероятно, был аббатом монастыря, основанного Спесом в шести милях от Нурсии примерно в 527 г. Флоренций после смерти Евтихия отъединился от монахов и жил так до самой

смерти, наступившей около середины VI века. В Фолиньо их память отмечается 27 июня, в Нурсии обычай другой: память Флоренция приходится на 27 июня, а память Евтихия на 23 мая.

¹⁰⁸ Это был один из старейших и уважаемых монастырей в долине Касторийской. Он был основан Спасом ок. 500 г.

¹⁰⁹ Совсем неясно, о каком Мартине идет речь: об аббате Вертавенском, жившем примерно в конце 20-х годов VI века, или о Мартине Санктонском, жившем при папе Пелагии II, т. е. между 579 и 590 гг. Исходя из последующего текста, можно предположить, что о втором.

¹¹⁰ Правильнее — Вольсентинской (или Баксентийской).

¹¹¹ Его имя можно перевести как «сороковой».

¹¹² Чудо произошло в 542 г. во время вторжения Тотилы в Самний и Кампанию.

¹¹³ О трибуне Иоанне Григорий говорит в ер. IX. 112, 174, однако точно не известно, одно и то же ли это лицо.

¹¹⁴ Аутари (Автарих, Автарит), король лангобардов в 582–591 гг. Завершил завоевание Италии, одержал победы в войнах с франками и византийцами. Умер от отравления.

¹¹⁵ Св. Зенон был епископом Вероны в 362–380 гг. В этой церкви погребено его тело.

¹¹⁶ В этом монастыре св. Петра находился и одноименный храм, один из старейших во всей Италии.

¹¹⁷ Мина (Мена) скончался, судя по дальнейшим указаниям, в 584 г. Чудо, описываемое Григорием, случилось, вероятно, в 571–574 гг.

¹¹⁸ Память их по Римскому мартирологу 4 марта.

¹¹⁹ Память их по Римскому мартирологу 2 марта.

¹²⁰ В латинском оригинале — «*hortodoxorum fidem*».

¹²¹ Это событие может быть отнесено ко времени с 571 по 579 г.

¹²² Церковь св. Агаты в Субурре (или св. Агаты Готской) была сооружена во второй половине V века готами-арианами и находилась в их распоряжении примерно до 552 г. Впоследствии она была закрыта и освящена ортодоксальной Церковью с участием самого Григория в 592 г. (о чем он пишет в письме IV. 19).

¹²³ Леандр, еп. Севильский (ум. 599 г.), близкий друг св. Григория, предшественник выдающегося церковного деятеля и ученого западноевропейского Средневековья Исидора Севильско-

го. Именно Леандру св. Григорий посвятил свои «Морали». Леандр был братом Феодосии, матери Герменгильда и Рекареда.

Леовигильд, король вестготов в 568–586 гг. Вел войны за объединение страны, подавлял сепаратистские выступления магнатов. Что же касается его сына Герменгильда, правителя Бетики, который действительно принял христианство, то св. Григорий умалчивает о том, что он шесть лет, с 579 по 585 г., вел гражданскую войну против отца. Герменгильда поддержали византийцы и свевы, жившие на северо-западе Пиренейского полуострова. Интересно, что западная Церковь не оказала ему поддержки, хотя он и выступал против арианского государства. Сам Леовигильд не отличался жестокостью по отношению к христианскому духовенству.

¹²⁴ Рекаред, король вестготов в 586–601 гг. Перешел в католичество в 589 г., о чем Григорий с радостью вспоминает в своих письмах (I. 41; IX. 228, 229).

¹²⁵ Григорий ошибается: описываемые события происходили уже после правления византийского императора Юстиниана (527–565 гг.). Гонения на православных обострились при вандальском короле Гунерихе, правившем с 25. 1. 447 по 23. 12. 484 г.; к этому времени и относится этот рассказ.

¹²⁶ Возможно, что здесь в иносказательной форме отразились факты насильственного изгнания православного духовенства в 482–483 гг. и деяния Собора 484 г. в Карфагене, на котором от православных потребовали перейти в арианство, что было предписано сделать особым эдиктом Гунериха до 1 июля того года.

¹²⁷ Об этом чуде было известно и до св. Григория. В своей книге «Войны с вандалами», написанной в начале 40-х гг. VI века, известный византийский историк Прокопий Кесарийский пишет, что он тоже видел этих людей в Константинополе; правда, в отличие от Григория, он указывает, что дара говорить без языка лишились двое, вступившие в сношения с блудницами (Войны с вандалами, I. 8. 4).

¹²⁸ Елевферий скончался в 585 г. Упомянутый монастырь св. Марка был одним из старейших в Италии, его основал ок. 535 г. сам Елевферий.

¹²⁹ В латинском оригинале — «in oratorium».

¹³⁰ Память его 26 сентября.

¹³¹ До того как стать епископом Сиракузским, Максимиан был аббатом монастыря св. Андрея «на склоне Скауры», а также сопровождал св. Григория в Константинополь. В 591 г. был викарием св. Григория в Сицилии (ер. II. 8).

¹³² Взятие Нурсии и сожжение церкви св. Лаврентия произошло между 571 и 574 гг.

¹³³ Скончался Редемпт в 586–587 гг. Видение ему было, соответственно, между 560 и 578 г., т. е. между началом понтификата Ионна III и вторжении лангобардов в Италию.

¹³⁴ Ср. фрагмент послания папы Григория к императору Маврикию от июня 595 г.: «Почти все в землях европейских передано праву варваров, города разрушаются, крепости уничтожаются, провинции лишаются населения; на земле не осталось земледельцев, повсюду властвуют, свирепствуя и убивая верных, почитатели идолов...» (ер. V. 37).

¹³⁵ Этот монастырь был основан ок. 500 г. Известен также под именем аббатства св. Евтихия.

¹³⁶ В латинском оригинале — «misticos psalmorum cantus».

¹³⁷ Этого пресвитера звали Урсин.

¹³⁸ Племянник епископа Реатинского; перед тем как стать настоятелем монастыря, вел жизнь отшельника.

¹³⁹ Один из старейших монастырей в Италии. Впоследствии был занят греческими монахами, в конце X века был возвращен латинянам.

¹⁴⁰ Проб (Пробиан, Пробин) занимал пост епископа незадолго до понтификата св. Григория. Его предшественником был Урс, преемником Альбин, современник с. Григория, о котором он упоминает в ер. I. 4.

¹⁴¹ В древних мартирологах не упоминается. Галла была дочерью Квинта Аврелия Меммия Симмаха, казненного вместе с Бозцием в 525 г. по приказу Теодориха. Скончался ок. 542–547 гг. Вероятно, ей в 520–523 гг. написал письмо «О вдовьем служении» Фульгенций, еп. Руспианский (ум. 533 г.).

¹⁴² Это не был монастырь бенедиктинского устава, поскольку Галла ушла в монашество в 523–524 гг. Скорее всего, это был монастырь св. Стефана, который еще в IX веке отождествлялся с именем патриции Галлы.

¹⁴³ Гом. на Еванг. I. 15, 5.

¹⁴⁴ Об этой церкви упоминает в IV в. блаж. Иероним. Св. Григорий произносил в ней некоторые из своих проповедей.

¹⁴⁵ Гом. на Еванг. II. 38, 15. Память 2 мая.

¹⁴⁶ Гом. на Еванг. II. 40, 11.

¹⁴⁷ Эта церковь была освящена в 432 г. при Сиксте III.

¹⁴⁸ Память 23 июля. См. о ней также Гом. на Еванг. II. 40, 11.

¹⁴⁹ Гом. на Еванг. II. 38, 15.

¹⁵⁰ По мнению биографа св. Григория Двоеслова Иоанна Дикона (IX в.), это был папа Феликс IV (526–530 гг.); существует и другое мнение, что это был Феликс III (483–492 гг.), день памяти которого 25 февраля. Проблема состоит, в частности, в том, что в латинском оригинале стоит «*atavus meus*», что можно перевести и как «предок».

¹⁵¹ Стефан был аббатом монастыря около Реаты; о нем, в частности, говорит Григорий в Гом. на Еванг. II. 35, 7. Память 13 февраля.

¹⁵² В главе 6.

¹⁵³ Речь идет о монастыре св. Андрея на склоне Скауры, основанном св. Григорием в собственном доме в 574/575 гг.

¹⁵⁴ Это событие могло произойти в 574–578 гг.

¹⁵⁵ Его имя было, вероятно, Юст; память 14 марта.

¹⁵⁶ В латинском оригинале — «*quibusdan mansionibus differentur*».

¹⁵⁷ Первое упоминание об этой церкви встречается в 499 г.

¹⁵⁸ В латинском оригинале — «*in militiam*». Возможно, это выражение св. Григорий позаимствовал из устава св. Венедикта Нурсийского.

¹⁵⁹ В 590 г.

¹⁶⁰ Первым епископом этого города был св. Ипполит. Епископ Порты с двумя пресвитерами присутствовал на Соборе в Арелате в 314 г. Упомянутый Феликс участвовал в соборах 595 и 601 г. в Риме.

¹⁶¹ В различных рукописях данного текста этот термин обозначается как «*vulgar, bulgar, bulgarus*».

¹⁶² Память 2 июля.

¹⁶³ Гом. на Еванг. II. 36, 13.

¹⁶⁴ Для обозначения ада св. Григорий чаще всего использует термин «*infernus*» в противоположность раю (*superna*).

¹⁶⁵ Теодорих умер 30 августа 526 г.

¹⁶⁶ Дамасий соорудил три церкви — «у театра», «в катакомбах» и «на Ардеантинской дороге». В данном случае имеется в виду первая церковь.

¹⁶⁷ Иоанн был монахом монастыря св. Марии в Сполетто.

¹⁶⁸ В латинском оригинале — «*регегготем*».

¹⁶⁹ Гом. на Еванг. I. 19, 7 и II. 38, 16.

¹⁷⁰ О Хрисаории см. Гом. на Еванг. I. 12, 7.

¹⁷¹ Ср. Гом. на Еванг. I. 12, 7.

¹⁷² Говоря о том, какие металлы символизируют тяжкие грехи, Григорий во второй раз использует уже образы не из I Кор., а из Иез. 24. 12.

¹⁷³ Это был первый кафедральный собор в Генуе.

¹⁷⁴ См. об этом также: Иоанн Мосх. Луг духовный, гл. 192.

¹⁷⁵ Ср. Гом. на Еванг. II. 57, 8.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. И. Сидоров

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ СЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ ВЕЛИКОГО (ДВОЕСЛОВА)	I

БЕСЕДЫ НА ЕВАНГЕЛИЯ ИЖЕ ВО СЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРИЯ ДВОЕСЛОВА

Предисловие Святого Отца нашего Григория Двоеслова	7

КНИГА ПЕРВАЯ

Беседа I, произнесенная к народу в храме Святого Апостола Петра во вторую неделю по Рождестве Христове	9
Беседа II, произнесенная к народу в храме Святого Апостола Петра в неделю 50-ю	16
Беседа III, произнесенная к народу в храме Святой Филикитаты в день ее мученичества	24
Беседа IV, произнесенная к народу в храме Святого мученика Стефана. Об Апостолах	30
Беседа V, говоренная к народу в храме Святого Апостола Андрея в день его мученичества	37
Беседа VI, говоренная к народу в храме Сярых Маркеллина и Петра в третий воскресный день по Рождестве Христове	42

Беседа VII, говоренная к народу в церкви Святого Апостола Петра в четвертый воскресный день по Рождестве Христове	49
Беседа VIII, говоренная в храме Пресвятой Девы Марии в день Рождества Христова	57
Беседа IX, говоренная к народу в церкви Святого Сильвестра в день его мученичества	61
Беседа X, говоренная к народу в храме Святого Апостола Петра в день его мученичества	69
Беседа XI, говоренная к народу в храме Святой Агнеты в день ее мученичества	78
Беседа XII, говоренная к народу в храме Святой Агнеты в день страдания ее	85
Беседа XIII, говоренная к народу в храме Блаженного Феликса Исповедника в день страдания его	95
Беседа XIV, говоренная к народу в храме Святого Апостола Петра во второй воскресный день после Пасхи	102
Беседа XV, говоренная к народу в храме Святого Апостола Павла в неделю шестнадцатую	109
Беседа XVI, говоренная к народу в храме Святого Иоанна, именуемом Константиниановым, в неделю сорок первую	116
Беседа XVII, произнесенная к Епископам на источниках Латеранских	123
Беседа XVIII, говоренная в храме Святого Апостола Петра в воскресный день	142
Беседа XIX, говоренная к народу в храме Святого Мученика Лаврентия в неделю 17-ю	149
Беседа XX, говоренная к народу в храме Святого Иоанна Крестителя в четвертую субботу перед Рождеством Христовым	160

КНИГА ВТОРАЯ

Беседа XXI, говоренная к народу в церкви Пресвятой Девы Марии в день Святой Пасхи	181
Беседа XXII, говоренная к народу в церкви Блаженного Иоанна, именуемой Константиновскою, в субботу после Пасхи	189
Беседа XXIII, произнесенная к народу в церкви Святого Апостола Петра на другой день Пасхи	202
Беседа XXIV, говоренная к народу в храме Блаженного Лаврентия-мученика на четвертый день Праздника Пасхи	206
Беседа XXV, говоренная к народу в храме Святого Иоанна, именуемом Константиновым, в пятый день Праздника Пасхи	215
Беседа XXVI, говоренная к народу в храме Блаженного Иоанна, именуемом Константиновым, в неделю о Фоме	230
Беседа XXVII, говоренная к народу в церкви Святого Мученика Панкратия в день страдания его	244
Беседа XXVIII, говоренная к народу в храме Святых Нерее и Ахиллеи в день страдания их	254
Беседа XXIX, говоренная к народу в храме Святого Апостола Петра на Вознесение Господне	259
Беседа XXX, говоренная к народу в храме Святого Апостола Петра в день Святой Пятидесятницы	270
Беседа XXXI, говоренная к народу в храме Святого Мученика Лаврентия в четвертую субботу месяца сентября	284
Беседа XXXII, говоренная к народу в храме Святых Прокусы и Мартиниана в день преставления их	292
Беседа XXXIII, говоренная к народу в храме Святого Климента в 24-й день сентября	303

Беседа XXXIV, говоренная к народу в храме Блаженных Иоанна и Павла в третий воскресный день по Пятидесятнице	315
Беседа XXXV, говоренная к народу в церкви Святого Мученика Мины в день преставления его	337
Беседа XXXVI, говоренная к народу в церкви Святых Апостолов Филиппа и Иакова во вторую неделю после Пятидесятницы	349
Беседа XXXVII, говоренная к народу в храме Святого Мученика Севастиана в день преставления его	365
Беседа XXXVIII, говоренная к народу в храме Святого Мученика Климента	378
Беседа XXXIX, говоренная к народу в церкви Блаженного Иоанна, именуемой Константиновою	398
Беседа XL, говоренная к народу в храме Святого Мученика Лаврентия в третью неделю по Пятидесятнице	412
Речь Григория Двоеслова к народу о смертности	429

**СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО
ГРИГОРИЯ ДВОЕСЛОВА, ЕПИСКОПА РИМСКОГО
СОБЕСЕДОВАНИЯ О ЖИЗНИ ИТАЛИЙСКИХ ОТЦОВ
И О БЕССМЕРТИИ ДУШИ**

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1	О Гонорате, игумене Фундисского монастыря	440
Глава 2	О Либертине, экономе того же монастыря	443
Глава 3	Об иноке — садовнике того же монастыря	448
Глава 4	Об Эквиции, настоятеле монастыря в области Валерийской	450
Глава 5	О Констанции, парамонаре церкви св. Стефана	460
Глава 6	О Марцеллине, епископе Анконском	462
Глава 7	О Ноннозе, экономе монастыря, что на Сорактовой горе	463
Глава 8	Об Анастасии, настоятеле монастыря Субпентомского	466
Глава 9	О Вонифатии, Ферентинском епископе	469
Глава 10	О Фортунате, Тудертинском епископе	476
Глава 11	О Мартирии, иноке Валерийской области	484
Глава 12	О Севере, пресвитере из той же области	485

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1	О чуде, которое совершил святой Венедикт над разбитым ситом	489
Глава 2	О побежденном искушении плоти	492
Глава 3	О стеклянном сосуде, разрушенном посредством крестного знамения	493
Глава 4	О монахе с рассеянным умом, возвращенном на путь спасения	498
Глава 5	О воде, изведенной молитвою Венедикта из скалы на вершине горы	499
Глава 6	О железе, из глубины водной возвращенном на рукоять	500
Глава 7	О Мавре, ученике Венедикта, невредимо ходившем по водам	501

Глава 8	О том, как ворон унес хлеб, испеченный с ядом	502
Глава 9	О большом камне, поднятом молитвою святого мужа	506
Глава 10	О мнимом пожаре	507
Глава 11	О послушнике, задавленном при падении стены и возвращенном к жизни молитвою святого Венедикта	507
Глава 12	О монахах, принимавших пищу вне келлий	508
Глава 13	О брате монаха Валентиниана, о котором святой муж узнал, что он вкушал пищу на пути	509
Глава 14	О лицемерии царя Тотилы, которое святой обличил ..	511
Глава 15	О предсказании, изреченном тому же царю Тотиле и епископу города Канузины	512
Глава 16	О клирике, на время исцеленном от демона	513
Глава 17	Пророчество о разрушении монастыря, произнесенное самим святым мужем	516
Глава 18	О сокрытом сосуде, о котором святой муж узнал духом	517
Глава 19	О сокрытии салфеток, узанном святым Венедиктом	518
Глава 20	О гордом помышлении монаха, которое узнал святой муж	518
Глава 21	О двух стах мерах муки, найденных во время голода у келлии святого мужа	519
Глава 22	Об устройении монастыря Тетрацинского, как указано было в видении святым Венедиктом ...	521
Глава 23	О монахинях, после их смерти возвращенных в общение с Церковью молитвами Венедикта, при Евхаристии	523
Глава 24	О монахе отроке, изверженном землею после погребения его	525
Глава 25	О монахе, который, выходя из монастыря, встретил на пути дракона	526
Глава 26	Об отроке, исцеленном от проказы	526
Глава 27	О золотых монетах, чудесно найденных должником .	527
Глава 28	О стеклянном сосуде, брошенном на камни и не разбившемся	528
Глава 29	О пустой бочке, наполненной маслом	529

Глава 30 О монахе, избавленном от демона	530
Глава 31 О связанном поселянине, который разрешен был одним взглядом святого мужа	531
Глава 32 О воскрешении мертвого	533
Глава 33 О чуде сестры Венедикта, Схоластики	534
Глава 34 О душе сестры его, которую он увидел, когда она выходила из тела	536
Глава 35 О всем мире, собранном пред глазами его, и о душе Германа, епископа города Капуи	537
Глава 36 О том, что святой Венедикт написал правила для монахов	539
Глава 37 О смерти Венедикта, предсказанной им самим братии	540
Глава 38 О безумной женщине, исцеленной в его пещере	541

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1 О Павлине, епископе Ноланском	543
Глава 2 О святом папе Иоанне	547
Глава 3 О святом папе Агапите	548
Глава 4 О Дации, епископе Медиоланском	549
Глава 5 О Сабине, епископе Канузийском	551
Глава 6 О Кассии, епископе Нарнском	552
Глава 7 Об Андрее, епископе Фундском	553
Глава 8 О Констанции, епископе Аквинском	556
Глава 9 О Фригдиане, епископе Луккском	557
Глава 10 О Сабине, епископе города Пьяченцы	558
Глава 11 О Кербонии, епископе Популонском	559
Глава 12 О Фульгенции, епископе Утрикульском	561
Глава 13 О Геркулане, епископе Перузийском	563
Глава 14 О рабе Божиим Исааке	564
Глава 15 О рабах Божиих Евтихии и Флоренции	569
Глава 16 О Мартине, иноке с Марсовой горы	575
Глава 17 Об иноке с Аргентариевой горы, воскресившем мертвого	579
Глава 18 Об иноке Венедикте	582
Глава 19 О храме священномученика веронского Зенона	583

Глава 20 О Стефане, пресвитере Валерийской области	585
Глава 21 О девице-инокине, одним своим словом освободившей человека от злого духа	586
Глава 22 О пресвитере Валерийской области, остановившем вора при своей могиле	587
Глава 23 О настоятеле с Пренестской горы и его пресвитере	589
Глава 24 О Феодоре, парамонаре при храме святого апостола Петра в Риме	590
Глава 25 Об Аконции, парамонаре той же церкви святого апостола Петра	591
Глава 26 Об отшельнике Мине	593
Глава 27 О сорока поселянах, умерщвленных лангобардами за отказ вкусить идоложертвенную пищу	595
Глава 28 О множестве пленников, побитых за отказ поклониться козьей голове	596
Глава 29 Об арианском ослепшем епископе	597
Глава 30 Об арианском храме в Риме, освященном для православных	598
Глава 31 О царе Герменгильде, сыне вестготского царя Леовигильда, убитом отцом своим за католическую веру	600
Глава 32 Об африканских епископах, которые свободно говорили, несмотря на то что ариане-вандалы отсекли им языки за католическую веру	603
Глава 33 О рабе Божиим Елевфении	604
Глава 34 Сколько видов сердечного сокрушения?	607
Глава 35 Об Аманции, пресвитере Тусцийской области	609
Глава 36 О Максимиане, епископе Сиракузском	610
Глава 37 О Санктуле, пресвитере Нурсийской области	612
Глава 38 О видении Редемпта, епископа Ферентинского	619

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1 Вечному и духовному люди плотские не верят, потому что не знают по опыту того, что слышат о духовном	622
Глава 2 О том, что и неверующий имеет веру	624
Глава 3 О том, что сотворены троякого рода духи жизни	624

Глава 4	О словах Соломона: случай (конец) сынов человеческих и случай скотский, случай един им ..	626
Глава 5	Существует ли душа, когда ее нельзя видеть при исходе из тела?	629
Глава 6	Как жизнь души, находящейся в теле, познается из движения членов, так жизнь души по смерти тела святых познается из чудес	629
Глава 7	Об исходе души	632
Глава 8	Об исходе души инока Специоза	633
Глава 9	О душе некоего узника	634
Глава 10	Об исходе души настоятеля Спеса	634
Глава 11	Об исходе души Нурсийского пресвитера	636
Глава 12	О душе Проба, епископа города Реаты	637
Глава 13	О смерти Галлы, служительницы Божией	638
Глава 14	О кончине Сервула, разбитого параличом	640
Глава 15	О кончине Ромулы, служительницы Божией	641
Глава 16	О кончине монахини Тарсиллы	644
Глава 17	О кончине отроковицы Музы	645
Глава 18	О том, что некоторым детям родители худым воспитанием закрывают вход в царствие небесное, и о богохульном отроке	646
Глава 19	О кончине благочестивого мужа Стефана	647
Глава 20	О том, что заслуги души иногда яснее открываются не во время кончины, а по смерти	648
Глава 21	О двух монахах настоятеля Валентия	649
Глава 22	О кончине игумена Сурана	649
Глава 23	О кончине диакона Марсийской церкви	650
Глава 24	О смерти святого мужа, который был послан в Вефиль	651
Глава 25	Принимаются ли на небе души праведных прежде воскресения тел?	652
Глава 26	Каким образом умирающие нечто предсказывают? О монахах Геронтии и Меллите и об отроке Арментарии	653
Глава 27	О смерти правителя Феофана	657
Глава 28	Должно верить, что как души совершенных находятся на небе, так души грешников, по разлучении с телом, находятся в аду	659

Глава 29 Каким образом представить, что бестелесные души могут содержаться в вещественном огне?	659
Глава 30 О смерти царя Теодориха арианнина	661
Глава 31 О смерти Репарата	662
Глава 32 О смерти куриала, которого могила была сожжена ..	664
Глава 33 Узнают ли добрые добрых в Царстве Небесном и злые злых в аду?	665
Глава 34 Об одном благочестивом муже, который при смерти видел пророков	667
Глава 35 О том, что даже не известные одна другой души, но имеющие получить или одинаковое наказание за грехи, или одинаковые награды за добродетели, узнают одна другую при смерти; также о кончине Иоанна и Урса, Евморфия и Стефана	667
Глава 36 О тех душах, которые как бы по-видимому только изъемяются из тела; об успении и оживлении монаха Петра, о смерти и воскресении Стефана, также о видении некоего воина	671
Глава 37 Что значит построение дома в прекрасных местах. О Деуседите, дом которого, по видению, строился только в субботу, и о казни содомлян	675
Глава 38 О душах, которые, находясь еще в теле, видят часть будущих наказаний; об отроке Феодоре; о смерти Хрисаория и одного иконийского монаха	677
Глава 39 Есть ли очистительный огонь по смерти?	681
Глава 40 О душе диакона Пасхазия	682
Глава 41 Почему в последнее время открывается столь многое о душах, что прежде не было известно?	684
Глава 42 Где должно полагать ад?	685
Глава 43 Один геенский огонь или несколько различных?	687
Глава 44 Всегда ли будут гореть грешники, вверженные в геенну огненную?	687
Глава 45 Каким образом душа называется бессмертною, когда известно, что она осуждается на смерть?	690
Глава 46 Об одном святом муже, который трепетал при смерти	691
Глава 47 О том, что некоторые откровения укрепляют против страха смерти; также о монахах Антонии, Меруле и Иоанне	691

Глава 48	Должно ли наблюдать за сновидениями и скольких родов бывают сны?	693
Глава 49	Об одном муже, которому во сне была обещана продолжительная жизнь, но в скором времени прервана смертью	695
Глава 50	Полезно ли для душ, если тела умерших будут погребены в церкви?	695
Глава 51	Об одной монахине, погребенной в церкви святого Лаврентия, половина тела которой явилась в видении сожженной	696
Глава 52	О погребении патриция Валериана	696
Глава 53	О теле Валентина, вынесенном из церкви после погребения	697
Глава 54	О теле красильщика, погребенном в церкви и после не найденном	698
Глава 55	Что может принести пользу душам умерших? О пресвитере Центумцелленском и о душе монаха Иуста	699
Глава 56	О жизни и смерти Кассия, епископа Нарнского	703
Глава 57	О некотором муже, взятом в плен врагами, оковы которого спадали в час жертвоприношения за него; и о кормщике Вараке, спасшемся от кораблекрушения посредством спасительной жертвы	704
Глава 58	О силе и тайне спасительной жертвы	706
Глава 59	О сокрушении сердца во время Священного Таинства и о бодрствовании ума после причастия	707
Глава 60	О прощении грехов другим, чтоб и наши были прощены нам	707
Примечания		709

ЛР № 064733 от 27.08.96
Издательство «Православный паломник»
103030, Москва, Сущевская, 21

Формат 60 × 90¹/₁₆. Печать офсетная. Объем 49 п. л.
Зак. № 4524. Тираж 4000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16